СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫ

СОСТАВИТЕЛИ
ДЖОРДЖ МАРТИН
ГАРДНЕР ДОЗУА

БРЕНДОН САНДЕРСОН
ДЖО АБЕРКРОМБИ
ДИАНА ГЭБЛДОН
ЛОРЕНС БЛОК

ДЖОРДЖ МАРТИН
ДЖИМ БАТЧЕР
РОБИН ХОББ
ЛЕВ ГРОССМАН

И ДРУГИЕ

СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫ

СОСТАВИТЕЛИ
ДЖОРДЖ МАРТИН
ГАРДНЕР ДОЗУА

ДЖОРДЖ МАРТИН
ДЖИМ БАТЧЕР
РОБИН ХОББ
ЛЕВ ГРОССМАН
БРЕНДОН САНДЕРСОН
ДЖО АБЕРКРОМБИ
ДИАНА ГЭБЛДОН
ЛОРЕНС БЛОК
И ДРУГИЕ

DANGEROUS WOMEN

EDITED BY
GEORGE R.R. MARTIN
AND
GARDNER DOZOIS

СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫ

СОСТАВИТЕЛИ
ДЖОРДЖ МАРТИН
ГАРДНЕР ДОЗУА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
С50

Серия «Мастера фэнтези»

DANGEROUS WOMEN

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *А. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

С50 **Смертельно** опасны : [сборник : пер. с англ.] / сост. Джордж Р. Р. Мартин, Гарднер Дозуа. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 768 с. — (Мастера фэнтези).

ISBN 978-5-17-086715-8

Решительные, когда того требуют обстоятельства.
Мстительные, когда месть — единственное утешение.
Бескомпромиссные, когда малейшая уступка означает потерю лица.
Отважные, когда бездействие равносильно смерти.
21 история о женщинах в исключительных обстоятельствах.
21 страшная, загадочная, захватывающая фантазия от признанных мастеров.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© George R.R. Martin and Gardner Dozois, 2013
© Перевод, примечания. А. Курышева, 2015
© Перевод, примечания. Н. Виленская, 2015
© Перевод, примечания. В. Вершовский, 2015
© Перевод, примечания. В. Гольдич, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-086715-8

Посвящается Джо Плэйфорд

Джордж Р.Р. Мартин

ГАРДНЕР ДОЗУА

ВВЕДЕНИЕ

За все время существования жанровой литературы в ней так и не сформировалось единого мнения о том, насколько все-таки опасны женщины.

В реальном мире, конечно же, на этот вопрос уже давно есть ответ. Пусть амазонок на самом деле не существовало (и даже если бы существовали, они почти наверняка не стали бы отрезать правую грудь, чтобы удобнее было стрелять из лука), но легенды о них вдохновлены рассказами о свирепых скифских воительницах, которые уж точно очень даже существовали на самом деле. На аренах Древнего Рима бились насмерть друг с другом — а иногда и с мужчинами — женщины-гладиаторы. Женщины были и среди пиратов (например, Энн Бонни и Мэри Рид), и даже среди самураев. В годы Второй мировой войны советские женщины доблестно сражались в войсках на линии фронта; в Израиле женщины сражаются и сегодня. В американской армии до 2013 года они формально занимали лишь нестроевые должности, но многие отважные женщины все равно пожертвовали жизнями в Ираке и Афганистане — ведь пулям и минам все равно, боец вы или нет. Женщины, которые служили пилотами в США во время Второй мировой, также выполняли «небоевые» задания (хотя многие из них все же погибли при исполнении), а вот советские женщины поднимались в небо в качестве летчиков-истребителей, причем иногда становились асами. На счету одной из советских летчиц времен Второй мировой войны — более пятидесяти уничтоженных вражеских машин. Королева Боуддика из племени иценов возглавила одно

© Gardner Dozois, 2013; © пер. А.Курышевой, 2015.

из самых страшных антиримских восстаний и едва не выгнала захватчиков с британской земли, а юная французская крестьянка сумела вдохновить войска и обрушить их на врага столь успешно, что навсегда осталась в истории под именем Жанны д'Арк.

Обращаясь к темной стороне, можно вспомнить разбойниц Мэри Фрит, леди Кэтрин Феррерс и Перл Харт (которая последней в истории ограбила дилижанс), овеянных мрачной славой отравительниц вроде Агриппины и Екатерины Медичи, а также современных преступниц, таких как Мамаша Баркер и Бонни Паркер, и даже серийных убийц — например, Эйлин Уорнос. Говорят, что Елизавета Батори купалась в крови девственниц, и хотя это утверждение не доказано, но нет никаких сомнений в том, что на протяжении своей жизни она пытала и убила десятки, а возможно, и сотни детей. Королева Англии Мария I сожгла на костре сотни протестантов; позже королева Елизавета в отместку казнила множество католиков. Безумная королева Ранавалуна предавала людей смерти в таких количествах, что за время своего царствования уничтожила треть населения Мадагаскара. Она казнила людей даже за то, что они ей снились.

Но вот массовая литература в том, что касается опасности женщин, всегда кишела противоречиями. В научной фантастике 1930-х, 1940-х и 1950-х годов женщины, — если они вообще упоминались, — чаще всего выступали лишь в роли прекрасной дочери ученого, которая порой вскрикивала во время батальных сцен, но в остальном не делала почти ничего — только с обожанием висла на руке героя после сражения. Легионы девиц беспомощно падали в обморок, а храбрый герой с волевым подбородком вызволял их из лап всех подряд, от драконов до пучеглазых пришельцев, которые вечно тащили их в свое логово (по надуманным соображениям гастрономического или романтического толка) на обложках научно-фантастического чтива. Безнадежно сопротивляющихся женщин привязывали к железнодорожным путям, и им не оставалось ничего иного, кроме как протестующе попискивать и надеяться, что Хороший Парень явится вовремя и успеет их спасти.

В то же самое время женщины-воительницы Эдгара Райса Берроуза, такие как Дея Торис и Тувия, Дева Марса, ничуть не хуже умели орудовать клинком и были не менее опасны

в схватке, чем Джон Картер и другие их соратники-мужчины; авантюристка Джирел из Джойри, принадлежащая перу К. Л. Мур, сеяла хаос на страницах журнала «Уирд тэйлз» (прокладывая путь более поздним головорезам вроде Аликс, героини Джоанны Расс); Джеймс Шмиц отправлял агентов Веги вроде Бабушки Ванаттелл и бесстрашных подростков Телзи Эмбердон и Триггер Арджи бороться с жестокими злодеями и чудовищами космоса, а опасные женщины Роберта Хайнлайна командовали космическими кораблями и побеждали врагов в рукопашном бою. Хитрая, таинственная Ирэн Адлер Артура Конан Дойла стала одной из тех немногих, кому удалось обвести вокруг пальца Шерлока Холмса, и, вероятно, послужила одним из прообразов множества сложных, опасных, соблазнительных и коварных «роковых женщин», которые сначала фигурировали в работах Дэшила Хэммета и Джеймса Кейна, потом — в десятках фильмов в жанре нуар, да и по сей день появляются в кино и на телевидении. Позже телевизионные героини, такие как Баффи, истребительница вампиров, и Зена, королева воинов, закрепили за женщинами репутацию грозной смертоносной силы, способной сразиться с полчищами жутких мистических чудовищ, и вдохновили целый поджанр паранормального романа, который иногда неофициально называют жанром «крутой героини».

По примеру сборника «Воины», «Смертельно опасны» задумывались как межжанровая антология, в которой можно было бы найти рассказы самых разных направлений, поэтому мы обратились с просьбой разработать эту тему к авторам обоих полов, пишущим в самых разных жанрах, среди которых — научная фантастика, фэнтези, детектив, ужасы, исторический и паранормальный романы. На наш зов откликнулись одни из лучших мастеров слова (от восходящих звезд до признанных гигантов в своей области), такие как Диана Гэблдон, Джим Батчер, Шэрон Кей Пенман, Джо Аберкромби, Кэрри Вон, Джо Лансдэйл, Лоренс Блок, Сесилия Холланд, Брэндон Сандерсон, Шерилинн Кеньон, С. М. Стирлинг, Нэнси Кресс и Джордж Р. Р. Мартин.

Здесь вы не найдете несчастных жертв, которые стоят в сторонке, поскуливая от ужаса, пока герой сражается с чудовищем или скрещивает шпаги со злодеем, и если вам вздумается привязать этих женщин к рельсам, вы встретите бешеное сопро-

тивление. Вместо этого вас ожидают воительницы с мечами в руках, бесстрашные летчицы и инопланетянки всех сортов, смертельно опасные серийные убийцы, могучие супергероини, хитрые соблазнительницы, волшебницы, непутевые дрянные девчонки, разбойницы и мятежницы, женщины постапокалиптического будущего, которые готовы бороться за выживание любыми средствами, частные детективы, безжалостные судьи, надменные властительные королевы, из ревности и амбиций отправляющие на страшную погибель тысячи людей, отважные укротительницы драконов и многие другие.

Приятного прочтения!

ДЖО АБЕРКРОМБИ

Эта стремительно развертывающаяся, динамичная история повествует о том, что иногда погоня может оказаться для преследователей не менее опасной, чем для беглеца — особенно если жертве больше некуда бежать...

Джо Аберкромби, один из самых быстро набирающих популярность авторов сегодняшнего фэнтези, любим читателями и критиками за свой четкий, жесткий, прямолинейный подход к жанру. Пожалуй, лучше всего публике известна его трилогия «Первый закон», дебютный роман которой, «Кровь и железо», был опубликован в 2006 году; в последующие годы к нему присоединились «Прежде чем их повесят» и «Последний довод королей». Кроме того, его перу принадлежат романы «Лучше подавать холодным» и «Герои». Самая новая книга автора носит название «Красная страна». В дополнение к литературной карьере Аберкромби занимается монтажом видео на независимой основе. Он живет и работает в Лондоне.

ТА ЕЩЕ СОРВИГОЛОВА

Шай ударила коня пятками; передние ноги у того подогнулись, и не успела она понять, что происходит, как, увы, распрощалась с седлом.

Те несколько мгновений, что девушка болталась в воздухе, дали ей возможность прикинуть шансы. На первый взгляд — ничего хорошего, да и стремительное приближение земли не оставило времени на более подробную оценку. Шай изо всех сил постаралась смягчить ущерб от удара — как и всякий раз, когда на нее сваливалась очередная неудача, — но земля не дала ей толком сгруппироваться, хорошенько потрепала и безвольной куклой швырнула на островок иссушенного солнцем кустарника.

Пыль осела.

© Joe Abercrombie, 2013; © пер., примеч. А. Курышевой, 2015.

Она помедлила секунду, чтобы протолкнуть в легкие хоть немного воздуха. Потом еще одну потратила на стон, ожидая, пока мир перестанет вертеться. Третью — на то, чтобы опасливо пошевелить рукой и ногой, готовясь к тошнотворной вспышке боли, которая покажет, что что-то сломано и ее жалкому подобию жизни вот-вот настанет конец. Она бы даже обрадовалась, — значит, можно просто растянуться на земле и больше никуда не бежать. Но боли не было. Ну, по крайней мере, если не считать всего того, что уже и так болело. Похоже, жалкой тени, какую представляла собой ее жизнь, еще не пришла пора раствориться в сумерках.

Исцарапанная, ободранная и покрытая пылью Шай кое-как поднялась, выплевывая песок. За прошедшие месяцы она наглоталась его вдоволь, но ее не оставляло мрачное предчувствие, что этот раз — не последний. Конь лежал в нескольких шагах от нее: покрытый пеной бок вздымался, передние ноги почернели от крови. Стрела Нири вошла ему в плечо — не настолько глубоко, чтобы убить или мгновенно затормозить, но так, что от интенсивного движения кровь лилась ручьем. А при том, как бешено они скакали, стрела убила коня так же верно, как копье в сердце.

Было время, когда Шай привязывалась к лошадям. Время, когда — пусть с людьми она, пожалуй, обходилась резко и чаще всего была права — на животных у нее хватало неизвестно откуда бравшейся нежности. Но то время давно прошло. Теперь внутри Шай едва ли осталось что-то нежное — хоть в теле, хоть в душе. Так что ее брошенный скакун изошел кровавой пеной в одиночестве, не дождавшись утешающей ласки, а она припустила к городу, по первости слегка пошатываясь, но довольно шустро приходя в себя. Уж что-что, а бегать она натренировалась порядочно.

Хотя называть это городом — пожалуй, преувеличение. Шесть зданий, да и то для двух или трех из них слово «здание» было бы щедрым комплиментом. Лачуги из грубых досок, будто нарочно сколоченные без единого прямого угла, выжженные солнцем, облупившиеся от дождя, исхлестанные пыльным ветром, ютились вокруг немощеной площади и полуразвалившегося колодца.

Самое большое строение походило на таверну, бордель или факторию — или, скорее, на все это сразу. Над входом еще держалась кое-как покосившаяся табличка, но ветер стер слова,

оставив на доске лишь несколько светлых полос. Теперь она гласила: «Ничто, нигде». Шай взбежала на крыльцо, перепрыгивая через ступени, выдавливая босыми ногами стоны из старых досок. В голове кипели мысли, как все разыграть, когда она окажется внутри: сколько отмерить правды, какой приправить ложью, чтобы состряпать историю поубедительней?

За мной гонятся! На пороге сделать судорожный вдох и постараться изобразить крайнее отчаяние — что ж, для этого сейчас, да и вообще в последние двенадцать месяцев даже играть особенно не придется.

Трое каких-то подонков! Потом — если, конечно, никто не узнает ее по портретам с надписью «Разыскивается!»: *Они пытались меня ограбить!* Это факт. Нет нужды уточнять, что деньги она сама украла из нового банка в Хоммено при помощи как раз этих троих почтенных джентльменов — и еще одного, но его с тех пор уже успели поймать и повесить.

Они убили моего брата! Совсем обезумели от крови! Ее брат преспокойно сидел дома, в чем она ему очень завидовала, а если ее преследователи и обезумели от чего-то, то верней всего от дешевого пойла, как обычно, но эту фразу она произнесет с тоненькой дрожью в голосе. При надобности Шай могла выдать те еще трели — в свое время она отточила их так, что заслушаешься. Ей представилось, как все в таверне вскакивают на ноги, спеша помочь даме, оказавшейся в беде. *Они подстрелили моего коня!* Приходилось признать: невелик шанс, что в дубленых шкурах, способных выжить в этой глуши, всколыхнутся рыцарские чувства, но все же вдруг судьба хоть разок сдаст ей выигрышные карты?

В жизни и не такое случается.

Она ввалилась в таверну, уже раскрывая рот, чтобы начать плести басню, и застыла на месте.

Внутри было пусто.

Там не просто не было людей, там не было ничего — и уж точно никаких выигрышных карт. В главном зале ни намека на мебель. По левую руку — узкая лестница и балкон вдоль стены, а наверху — зияющие дверные проемы. Светлые блики там, где восходящее солнце заглядывало в бессчетные щели меж растрескавшихся досок. Разве только ящерица шмыгнула в тень — уж теней-то тут имелось предостаточно. Изобильный урожай пыли серел на каждой поверхности, заполнил каждый

угол. Пару секунд Шай просто стояла на месте, хлопая глазами, а потом бросилась обратно наружу, вдоль по шаткому крыльцу и к следующему зданию. Стоило ей толкнуть дверь, как та грохнулась с проржавевших петель.

Тут не оказалось даже крыши. Даже пола. Только стропила под беспечным розовеющим небом да голые балки над пятачком голой земли, столь же пустынной, как земля снаружи, раскинувшаяся на многие мили во все стороны.

Когда Шай вышла обратно на улицу, с ее глаз уже спала пелена надежды. Теперь она наконец заметила то, что ускользнуло от ее взгляда прежде. В окнах не было ни стекол, ни даже вощеной бумаги. Над разваливающимся колодцем не висела веревка. Нигде никаких животных — само собой, кроме ее мертвого коня, но тот служил лишь исключением, подтверждающим правило.

Это был иссохший труп давно мертвого города.

Шай стояла посреди этой забытой Богом дыры, застыв на носках босых ног, будто немедля хотела рвануть куда-то, вот только не знала куда. Она обнимала себя одной рукой, а пальцы другой бесцельно дергались и трепетали; кусала губу и судорожно втягивала воздух через крошечный зазор между передними зубами.

Даже по стандартам последних месяцев дела складывались паршиво. Но если она за это время хоть чему-то и научилась, так это тому, что любая ситуация может стать еще паршивее. Оглянувшись туда, откуда только что прискакала, Шай увидела на горизонте клубы пыли. В воздухе над седой землей дрожали три серых облачка.

— Вот черт, — прошептала она и еще сильнее прикусила губу. Достала из-за пояса ножик и вытерла короткое лезвие о грязную рубаху, как будто с чистым ножом у нее появилось бы больше шансов. Шай не раз говорили, что у нее богатое воображение, но даже ей было трудно представить оружие более жалкое. Она бы рассмеялась, если бы к горлу не подступали слезы. Если задуматься, в последние несколько месяцев ей что-то уж слишком часто хотелось плакать.

Как же так получилось?

Подобный вопрос скорее услышишь от сопливой девчонки, брошенной хахалем, а не от преступницы, за поимку которой дают четыре тысячи, и все же она не уставала его себе задавать. Да уж, та еще бандитка-сорвиголова! Впрочем, рисковать голо-

вой и в самом деле приходилось уже не раз, но вот с остальным по-прежнему возникали трудности. Печальная истина заключалась в том, что она отлично знала, как так получилось — точь-в-точь как всегда. Беды валились одна за другой так стремительно, что оставалось только метаться туда-сюда, колотясь башкой, будто мотылек о стекло фонаря. За первым вопросом, как обычно, тут же последовал второй.

И что, черт дери, теперь делать?

Шай втянула живот — хотя там уже и втягивать-то было нечего — и дернула мешок за шнурки. Монеты внутри зазвенели тем особым звоном, какой умеют издавать одни только деньги. Там лежало около двух тысяч марок серебром. Можно было бы подумать, что в банке удастся добыть гораздо больше — вкладчикам-то банкиры втирали, что у них на руках всегда есть как минимум пятьдесят тысяч — но, оказывается, банкирам доверять можно не больше, чем грабителям.

Сунув руку внутрь, она вытащила горсть монет и швырнула на землю, оставив серебро блестеть в пыли. Это решение, как и большинство ее решений в последнее время, едва ли имело причину. Быть может, она подумала, что ее жизнь стоит куда дороже двух тысяч, — пусть никто больше так и не считал. Быть может, надеялась, что они заберут серебро и оставят ее в покое, хотя что она будет делать одна в проклятом городе-трупе — без коня, без еды, без оружия, — этот момент Шай еще не обмозговала. Плана у нее в голове определенно не было — уж по крайней мере такого, чтобы выдержал хоть какую-то критику. Ей никогда особо не удавалось продумывать все наперед.

Она сыпала серебро так, будто сеяла семена на материной ферме, от которой ее отделяли многие мили, годы и с десяток жестоких смертей. Кто бы подумал, что она будет скучать по нищенской хижине, сараю-развалюхе и заборам, вечно требовавшим починки? По упрямой корове, от которой не допроситься молока, по упрямому колодцу, в котором не наскрести воды, и по упрямой земле, где буйно растут одни лишь сорняки. По упрямой младшей сестре и по брату тоже. Даже по громадному, туповатому Лэмбу* с его шрамами. Шай все бы отда-

* *Lamb* — ягненок (*англ.*). В переносном значении — простак, мягкий, слабохарактерный человек.

ла сейчас, лишь бы снова услышать, как мать костерит ее своим визгливым голосом. В носу защипало, и она громко шмыгнула, а потом вытерла зачесавшиеся от слез глаза истрепанным рукавом. Некогда рыдать о минувшем. В приближающихся пыльных облаках уже можно было различить три темные точки всадников. Шай отшвырнула пустой мешок, кинулась обратно в таверну и...

— Ай! — Она разодрала босую ступню о торчащую шляпку гвоздя и за порог перевалилась, хромая. Жизнь — та еще паскуда, если вы не знали. Даже когда над головой у вас нависли серьезные беды, мелкие неприятности не упустят шанса тяпнуть за палец. Как же она жалела, что не успела прихватить свои сапоги! Просто чтоб сохранить хоть крупицу достоинства. Но чего не было, того не было — в частности, сапог и достоинства; и хоть сотню раз пожелай, но пустые желания правдой не станут — как занудно бубнил Лэмб всякий раз, когда она честила его, мать и свой горький жребий и клялась, что наутро же ноги ее не будет под их крышей.

Вспоминая себя прежнюю, она пожалела, что нельзя как следует врезать той Шай по морде. Впрочем, можно будет попробовать, когда выберется из этой передряги.

Вот только сначала надо разобраться с остальными желающими.

Шай поднялась по лестнице, прихрамывая совсем слегка, но чертыхаясь от всего сердца, и только наверху заметила, что на каждой второй ступеньке остались кровавые отпечатки. Вид блестящей дорожки следов, ведущих прямо к ее ноге, совсем было подкосил ее, но вдруг сквозь пелену паники проступило что-то вроде идеи.

Она пробежала по балкону, не забывая плотно прижимать окровавленную ступню к доскам, и свернула в самую дальнюю пустую комнату. Потом подняла ногу, крепко зажав рану, чтобы остановить кровь, допрыгала обратно до первого дверного проема от лестницы и притаилась в тени.

Жалкие потуги, нечего сказать. Такие же жалкие, как ее босые ноги, крохотный ножик, добыча в две тысячи марок и заветная мечта живой добраться до дома — той самой убогой дыры, из которой она когда-то столь же страстно мечтала выбраться. Едва ли даже такие придурки, как ее преследователи, попадутся на этот трюк. Но что еще она могла сделать?

Когда ставить почти нечего, приходится выбирать рисковые комбинации.

Компанию ей составляло лишь ее собственное дыхание, эхом отдающееся в пустоте, — тяжелые выдохи и рваные вдохи, от которых глотке было почти больно. Так дышат те, кто напуган едва не до усрачки и совершенно не знает, что делать дальше. Она просто не представляла, как ей выкарабкаться. Если все же удастся вернуться на ферму, она каждое утро будет вскакивать с постели и плясать от счастья, на каждый нагоняй матери станет отвечать поцелуем, никогда больше не наорет на сестру и даже Лэмба не будет высмеивать за его трусость. Обещая себе все это, Шай тайком жалела, что она, увы, не из тех, кто держит свои обещания.

Снаружи послышался топот копыт. Она подползла к окну, из которого было видно половину дороги, и посмотрела вниз так осторожно, будто заглядывала в ведро, полное скорпионов.

Вот и они.

На Нири было все то же грязное старое одеяло, перетянутое веревкой на поясе. Сальные волосы торчали во все стороны. В одной руке он держал поводья, а в другой — лук, из которого подстрелил ее коня. Лезвие тяжелого топора у него на ремне было так же тщательно вычищено, как все остальное в его отвратительной внешности было запущено. Додд, низко надвинув на глаза потрепанную шляпу, робко сутулился в седле, как всегда рядом с братом — будто щенок в ожидании трепки. Шай хоть сейчас была бы не прочь отвесить трусливому дураку оплеуху. Для начала. Третьим был сам Джег — сидел осанисто, будто лорд какой, в неизменном красном плаще, длинные замызганные полы которого стекали по крупу мощного жеребца. Он оглядывал здания с голодной ухмылкой; высокая шляпа у него на голове, которая, как он считал, придавала ему шику, слегка покосилась, словно труба погорелого дома.

Додд указал на монеты, которые валялись на земле вокруг колодца, перемигиваясь в солнечных лучах.

— Деньги бросила.

— Похоже на то, — сказал Джег. Голос его звучал так же жестко, как голос его брата — мягко.

Она смотрела, как они спешиваются и привязывают лошадей. Ни одного торопливого движения. Будто только что вернулись с приятной прогулки верхом и теперь готовились прове-

сти уютный вечерок в почтенной компании. Спешить им было некуда. Они знали, что она тут, что никуда не денется и что помощи ей ждать не приходится — и она тоже это знала.

— Ублюдки, — прошептала Шай, проклиная тот день, когда связалась с ними. Но, в конце концов, с кем-то же надо было связаться? А выбирать можно только из того, что попадается на пути.

Джег потянулся, раскатисто втянул носом воздух и неспешно сплюнул, а потом вытащил из ножен клинок. Это была изогнутая сабля с хитровыделанной медной рукоятью. Саблей своей он жутко гордился и всем рассказывал, что выиграл ее в поединке с офицером Союза, но Шай знала, что он украл ее, как и почти все остальное его снаряжение. О, как она насмехалась над ним из-за этой дурацкой сабли! Но сейчас была бы не прочь поменяться — сомкнуть ладонь на эфесе клинка, а Джегу оставить собственный карманный нож.

— Дымок! — проорал он, и Шай поморщилась. Она понятия не имела, кто выдумал ей эту кличку. Какой-то зубоскал вывел ее на объявлениях о розыске, и все, как идиоты, подхватили. Может, потому что у нее была привычка исчезать, словно дым. Ну, или потому что она провоняла этим запахом и вечно вставала людям поперек горла, а еще ее то и дело куда-то заносило ветром.

— Выходи, Дымок! — Оклик Джега эхом отскочил от фасадов мертвых зданий, и Шай съежилась, отступив чуть дальше в темноту. — Выходи, и мы обойдемся с тобой поласковей, когда найдем!

Надежда, что они просто заберут деньги и отчалят, вылетела в трубу. Им хотелось еще и получить за нее награду. Она прижала язык к щели между зубами и беззвучно прошептала: «Мрази». Бывают такие парни — чем больше им даешь, тем больше они начинают требовать.

— Придется ее ловить, — услышала она в тишине голос Нири.

— Ага.

— Я предупреждал, что придется.

— Смотри только штаны не обмочи от радости, что вышло по-твоему.

— Говорил же, что придется.

— Так кончай талдычить и приступай к делу.

— Эй, а ведь денежки-то тут, — вкрадчиво заметил Додд, — можем просто прибрать их да свалить, и вовсе нет нужды...

— Неужто мы с тобой вправду между одних и тех же ног на свет вылезли? — осклабился Джег, глядя на брата. — В жизни не видел большего тупицы.

— Тупица, — поддакнул Нири.

— Думаешь, я так просто брошу четыре тысячи марок, чтоб их вороны склевали? Ты подбери тут все, Додд, а мы накинем узду на нашу кобылку.

— Где она, как по-твоему? — спросил Нири.

— Мне казалось, ты у нас великий следопыт...

— Ну да, в пустыне, но мы-то не в пустыне.

Джег, вскинув бровь, оглядел заброшенные хижины.

— Хочешь сказать, тут у нас мегаполис, что ли?

Мгновение они молча смотрели друг на друга. Пыль у них под ногами взвилась вихрем и снова осела.

— Она где-то тут, — сказал Нири.

— Да ну? Какая удача, что со мной самый зоркий, как он сам считает, парень к западу от гор, а то ведь я бы не заметил, что ее дохлая лошадь валяется в десяти долбаных шагах отсюда. Да, она где-то тут.

— Где, как думаешь? — спросил Нири.

— А где бы ты сам засел?

Нири оглядел здания; когда взгляд его прищуренных глаз скользнул по таверне, Шай дернулась в сторону от окна.

— Вон в том, наверное, ну да я — не она.

— Конечно, не она, раздери тебя на части. Знаешь, как я вас отличаю? У тебя сиськи больше, а мозги — меньше. Будь ты ею, мне бы и искать ее ни хрена не пришлось, согласен?

Снова молчание — и порыв пыльного ветра.

— Наверное, — сказал Нири.

Джег снял шляпу, почесал ногтями потные волосы, а потом криво нахлобучил ее обратно.

— Ты посмотри там, а я проверю соседний. Но сучку не убивать, усек? А то получим только половину награды.

Шай отступила подальше в тень, чувствуя, как спину под рубашкой щекочут капельки пота. И надо же было попасться в этой ничтожной дыре! Да еще этим никчемным отбросам. Да еще босиком. Она этого не заслужила. Ей всего лишь хотелось, чтобы о ней заговорили. Чтобы память о ней не стерлась в ту же

секунду, как она сдохнет. Теперь-то она видела, как тонка грань между скукой и откровенным перебором впечатлений. Но, как чаще всего и случалось, прозрение дохромало до нее, опоздав на добрый год.

Услышав скрип досок под ногами Нири — или, может быть, одно только звяканье его огромного топора, — Шай втянула воздух сквозь щель между зубами. Ее всю трясло. Вдруг навалилась такая слабость, что она едва удержала нож, — о том, чтобы им замахнуться, можно было и не мечтать. Может, пришло время сдаться? Выбросить нож за порог и сказать: «Я выхожу! Я не буду драться! Вы победили!» Улыбнуться, кивнуть, поблагодарить их за предательство и за любезность, когда они запинают ее до полусмерти или отстегают кнутом, или переломают ей ноги — или еще какое развлечение придумают перед тем, как оттащить на виселицу.

Казней она насмотрелась довольно, и зрелище ей никогда не нравилось. Стоять в кандалах, слушая, как зачитывают твое имя и преступление, и надеяться на какую-нибудь нежданную отсрочку, которой не будет, пока на горле у тебя затягивают петлю. Молить о пощаде или изрыгать проклятия, хотя ни то ни другое ни вот на столечко ничего не изменит. Дрыгать ногами в воздухе, высунув язык, пока не нагадишь себе в штаны на потеху точно таким же подонкам, как ты. Ей представилось, как Джег и Нири будут стоять в первом ряду ухмыляющейся толпы и глядеть, как она танцует воровской танец, болтаясь в петле. И нацепят-то, пожалуй, какие-нибудь еще более смехотворные шмотки, купленные в счет награды за ее голову.

— В задницу вас, — беззвучно выдохнула она в темноту и оскалила зубы, услышав, как Нири шагнул на нижнюю ступеньку.

Она всегда была до чертиков своевольной. Еще когда пешком под стол ходила, — если кто-то говорил ей, что все должно быть вот так и так, она сразу же принималась думать, как все переиначить. Мать называла это ослиным упрямством и винила во всем кровь духов. *Это твоя проклятая кровь*, — как будто Шай была на четверть дикарем по собственной воле, а не оттого, что ее матери вздумалось покувыркаться с бродячим духом-полукровкой, который — что совсем неудивительно — оказался никудышным пропойцей.

Шай решила драться. Она, само собой, проиграет, но не сдастся без боя. Заставит ублюдков убить ее и этим хотя бы отберет у них половину награды. Трудно ожидать, чтобы от таких мыслей рука стала верней, и все же они помогли ей. Ножик еще дрожал, но теперь от того, как крепко она стискивала рукоятку.

Для человека, провозгласившего себя великим следопытом, Нири довольно паршиво умел тихо подкрадываться. Она слышала, как шумно он сопит, остановившись на верхней ступеньке — так близко, что можно было бы коснуться, если бы их не разделяла тоненькая дощатая стена.

Под его весом застонала половица, и все тело Шай напряглось, каждый волосок вздыбился. Вот она увидела его — но он не бежал на нее с топором в кулаке и жаждой убийства в глазах, а крался по балкону вдоль цепочки кровавых следов, вскинув лук и метя совсем не туда, куда следовало бы.

Шай твердо верила: когда жизнь дарит тебе подарок, надо хватать его обеими руками, а не размышлять о том, в каких рассыпаться благодарностях. Она бросилась на Нири сзади, оскалив зубы. Из горла вырвалось низкое рычание. Он резко повернул голову, сверкнув белками глаз, и следом повернулся лук. Наконечник стрелы блеснул, отыскав где-то в этой заброшенной дыре солнечный луч.

Она низко пригнулась и схватила его за ноги, с силой ударившись плечом ему в бедро, отчего Нири закряхтел, сцепила руки и плотно обхватила его под задницу. В нос хлынула вонь — от него несло лошадьми и кислым потом. Он отпустил тетиву, но Шай уже распрямлялась; с рыком, с воплем она резко дернулась вверх и, хоть Нири и был верзилой, перекинула его прямехонько через перила так же ловко, как кидала мешки с зерном на ферме у матери.

На секунду он завис в воздухе, широко раскрыв рот и глаза от изумления, а потом с хриплым возгласом рухнул вниз и проломил доски пола.

Шай поморгала, едва решаясь поверить. Голова горела, и она коснулась кожи пальцем, наполовину ожидая, что стрела торчит прямо у нее из мозгов, но повернулась и увидела, что та вонзилась в стену позади. Такой исход ее устроил гораздо больше. И все же по макушке текла кровь, склеивая волосы и щекоча лоб. Должно быть, об лук поцарапалась. Достать бы этот лук, и у нее появился бы шанс. Она сделала шаг к лестнице и оста-

новилась как вкопанная: в дверях стоял Джег. На фоне залитой солнцем улицы его длинная изогнутая сабля казалась черной.

— Дымок! — проревел он, и она зайцем метнулась вдоль по балкону по цепочке собственных кровавых следов, ведущих в никуда. Тяжелые сапоги Джега затопотали к лестнице. Шай на полном ходу ударилась в последнюю дверь плечом и вырвалась на свет, на новый балкон с задней стороны здания. Забралась босой ногой на низкие перила — стоять и думать некогда, куда проще послушаться голоса своевольной крови и надеяться, что как-нибудь пронесет, — и прыгнула. Бросилась на хлипкий балкон здания напротив, через переулок, дрыгая руками и ногами с таким неистовством, словно эти припадочные судороги помогли бы ей улететь дальше.

Руки поймали перила, ребра врезались в доски; Шай соскользнула ниже, кряхтя, ища, за что уцепиться, отчаянно попыталась подтянуться и втащить себя наверх, почувствовала, как что-то шатается...

И вся побитая временем деревянная конструкция с мучительным скрипом истерзанного дерева оторвалась от стены.

Полет снова подарил ей несколько мгновений на то, чтобы обдумать свое положение. Снова на первый взгляд — ничего хорошего. Она едва успела вскрикнуть, как земля — старый враг, от которого не скрыться, — настигла ее, смяла левую ногу, швырнула кувырком, напоследок грохнула по ребрам и выбила воздух из легких.

Шай откашлялась, потом застонала, а потом сплюнула еще песка. То, что она угадала утром, предсказав, что не в последний раз его глотает, не сильно подняло ей настроение. На балконе, с которого она спрыгнула, стоял Джег. Он сдвинул шляпу на затылок, хмыкнул и снова скрылся в доме.

В руке у нее остался зажат кусок перил, прогнивший насквозь. Прямо как ее надежды. Она отшвырнула его и перевернулась, снова ожидая волны боли, которая возвестит, что ей крышка. Но боли не было. Конечности работали. Она пошевелила ступнями и решила, что может встать, но потом подумала, что торопиться не надо. Была вероятность, что встать ей придется в последний раз.

Она выбралась из кучи сломанных досок у стены, и ее тень упала на дверной проем. Услышав внутри здания тяжелые шаги Джега, Шай застонала от боли и принялась отползать, работая

задницей и локтями и подволакивая ногу. Крохотный ножик она упрятала за запястье, а другой ладонью загребла уличную пыль.

— Куда это ты собралась? — Джег поднырнул под низкую притолоку и вышел в переулок. И так здоровенный детина, сейчас он казался просто великаном. Джег был бы на полголовы выше, даже если бы Шай стояла, и, пожалуй, почти в два раза тяжелее, даже будь она сыта. Он небрежно опустил тяжелую саблю и двинулся к ней вальяжной походкой, выпятив нижнюю губу языком и смакуя момент триумфа.

— Ловко с Нири управилась, а? — Джег слегка подтолкнул шляпу вверх, так что стала видна линия загара на лбу. — Ты сильнее, чем кажешься. Ну да парень — такой дурак, что и без твоей помощи свалился бы. Со мной эти шутки не пройдут.

Не факт, но об этом пусть ему расскажет ее ножик. Даже крошечное лезвие может оказаться дьявольски красноречивым, если ткнуть им куда надо. Она еще раз отпрянула, поднимая пыль, сделала вид, что хочет встать, но только попыталась перенести вес на левую ногу, как тут же со стоном осела обратно. Чтобы изображать израненную, особое актерское мастерство ей сейчас не требовалось. Шай чувствовала, как кровь катится по волосам и щекочет лоб. Джег вышел из тени, и низкое солнце ударило ему в лицо, заставив прищуриться. Точно как она хотела.

— До сих пор помню тот день, когда первый раз тебя увидал, — продолжал он трепаться, наслаждаясь звуком собственного голоса. — Додд прибегает весь очумевший от радости и говорит, что видел Дымок, ту самую, чья мордашка висит на каждой стене близ Ростода, за которую дают четыре тысячи марок. А какие истории про тебя ходят! — Он присвистнул, и она снова отпрянула, причем постаралась поджать левую ногу под себя, убедившись, что та не подведет в нужный момент. — Уж с таким трепетом о тебе болтают, будто ты демон с парой мечей в каждой руке. Представь мое р а з о ч а р о в а н и е, когда я увидел перед собой долбаную пигалицу с дыркой в зубах, испуганную девчонку, от которой за милю несет ссаньем. — Как будто сам Джег летним лугом благоухал! Он сделал еще один шаг вперед и протянул к ней лапищу. — Так, не царапайся, ты дороже стоишь живая. Не хочется...

Левой рукой она швырнула в него горсть пыли, а правой изо всех сил оттолкнулась от земли и вскочила на ноги. Джег попы-

тался увернуться и зарычал, когда песок ударил в лицо. Наугад махнул саблей, но она бросилась на него, пригнувшись, и лезвие просвистело у нее над головой, взлохматив волосы. Силой замаха Джега развернуло, она поймала его за взметнувшуюся полу плаща и вонзила ножик в руку с саблей, у самого плеча.

Он сдавленно закряхтел, а Шай вытащила ножик и пырнула снова, распоров лезвием рукав и плоть внутри него и едва не скользнув по собственной ноге. Она уже заносила нож в третий раз, но тут его кулак с хрустом обрушился на ее челюсть. Она отшатнулась, неловко перебирая босыми ногами в пыли. Вцепилась в угол здания и зависла так на пару секунд, чтобы вытряхнуть туман из черепа. В паре шагов от нее, капая слюной с оскаленных зубов, Джег пытался переложить саблю из безвольно повисшей правой руки в левую, но никак не мог выпутать пальцы из причудливого медного эфеса с плетеным узором.

Когда события разворачивались быстро, на Шай находил стих просто действовать, не думая ни о милосердии, ни о последствиях, да и вообще ни о чем. Сколько всего с ней приключалось, и именно эта привычка не раз спасала ей жизнь. Собственно, она же и втянула ее в это дерьмо. Впрочем, стоит слегка попривыкнуть, и поймешь, что любой дар — палка о двух концах. Проклятием Шай было то, что, натворив дел, она начинала думать с л и ш к о м много, но это уже другая история. Стоило Джегу перехватить саблю, и ей настал бы конец, вот и вся недолга, так что пришлось броситься на него снова, не дожидаясь, пока улица перестанет вращаться перед глазами. Он попытался высвободить руку, но ей удалось вцепиться в нее свободной ладонью. Шай прижалась к нему, держась за плащ, и принялась бешено тыкать его лезвием — в живот, в ребра, опять в ребра. Она рычала, а он кряхтел с каждым ударом ножа, который едва не выскальзывал из ее ноющих пальцев.

Джег схватил ее за рубашку, наполовину оторвав рукав по шву, и попытался оттолкнуть в сторону, когда Шай ударила снова. Но в его толчке не было силы, и она лишь отшатнулась на шаг. Туман в голове рассеялся, и ее больше не шатало, а вот Джег споткнулся и упал на одно колено. Она высоко подняла нож, размахнулась двумя руками и обрушила его прямо на его дурацкую шляпу, смяв ее и вогнав лезвие в череп по самую рукоять.

Шай отшатнулась, ожидая, что он просто повалится ничком. Вместо этого он вдруг рванулся вверх, как верблюд, которого она как-то видела на ярмарке. Поля шляпы наехали ему на глаза до самой переносицы, из макушки вертикально торчала рукоятка ножа.

— Ты куда делась? — Слова мешались в кучу, будто он говорил с полным ртом камней. — Дымок? — Его качнуло в одну сторону, потом в другую. — Дымок?

Джег зашаркал к ней, взбивая пыль. Сабля повисла на окровавленной правой руке, чертя дорожки в песке у его ног. Он поднял левую ладонь — пальцы были напряжены, но запястье болталось — и начал тыкать ею шляпу, словно пытался вытереть что-то, что попало ему в глаза.

— Жымок? — Одну сторону его лица свело судорогой, и оно до жути неестественно задергалось. Хотя, может быть, и естественно — для человека, у которого нож в башке. — Ымок? — С изогнутых полей шляпы капала кровь, сбегая красными ручейками по щеке, и уже заметно промочила ему рубашку, но Джег все приближался, дергая окровавленной рукой и стуча рукояткой сабли по ноге. — Ы-ок? — Шай пятилась, не в силах отвести глаз. Ее собственные руки ослабели, все тело кололо иголками. Наконец спина уперлась в стену. — Ы-о?

— Заткни пасть! — Она бросилась на него, толкнула и опрокинула на землю. При этом сабля свалилась с его руки, но окровавленная шляпа все так же держалась на голове, пришпиленная ножом. Джег медленно перевернулся на живот, хлопая по земле правой рукой и подтягивая левую под плечо, словно хотел приподняться.

— О, — шепнул он в песок и затих.

Шай медленно отвернулась и сплюнула кровь. Слишком часто за последние несколько месяцев ей приходилось ею давиться. Тыльной стороной дрожащей ладони вытерла мокрые глаза. В то, что произошло, трудно было поверить. Казалось, она едва приложила к этому руку. Словно это был кошмар, от которого вот-вот проснешься. Она зажмурилась, потом открыла глаза, но он все лежал на том же месте.

Шай глотнула воздуху и с силой вытолкнула его из легких, стерла слюну с губ и кровь со лба, вдохнула еще раз и заставила себя выдохнуть. Потом подобрала меч Джега, стиснув зубы, чтобы ее не вывернуло. Тошнота накатывала волнами в унисон

с пульсирующей болью в челюсти. Черт, как же хотелось присесть! Просто взять и з а м е р е т ь. Но она заставила себя отвернуться и с трудом поплелась к задней двери таверны, той самой, в которую всего пару секунд назад вышел Джег — еще живой. Нужно трудиться целую жизнь, чтобы вырастить человека, и всего несколько секунд, чтобы прикончить.

Нири, уже успевший выкарабкаться из ямы, которую пробил в половицах, стискивал руками окровавленную штанину и явно пребывал в раздражении.

— Ну что, поймал ты эту тварь? — спросил он, щурясь на дверь.

— О, еще бы.

Глаза у него округлились, и он, похныкивая, попытался подтащить себя к лежащему поблизости луку. Шай подошла и подняла длинную саблю Джега; Нири обернулся, в ужасе таращась на нее и отчаянно закрываясь рукой. Она со всей силы плашмя ударила по ней лезвием, и он со стоном прижал руку к груди. Следующий удар пришелся по голове; Нири, подвывая, повалился лицом в половицы. Она прошлепала босыми ногами мимо него, сунула саблю за ремень, подхватила лук и вытащила из колчана несколько стрел, а потом двинулась к двери, на ходу натягивая тетиву, и выглянула на улицу.

Додд по-прежнему собирал монеты в пыли и складывал в мешок, все ближе подползая к колодцу. Ему было невдомек, как сложилась судьба его приятелей, но это не так уж удивительно, как могло показаться. Если какое слово и подходило Додду больше всего, так это слово «невдомек».

Она мягко сошла с крыльца таверны, ступая на края ступенек, чтобы не заскрипели ненароком и не предупредили его, наполовину подняла лук и хорошенько прицелилась в Додда, который копошился в пыли спиной к ней. По его рубашке расплылось темное пятно пота, и она хорошенько подумала, не сделать ли это пятно мишенью, выстрелив ему в спину. Но убить человека не так-то легко, особенно если сперва хорошенько подумать об этом. Под ее взглядом он поднял последнюю монету, положил в мешок, а потом привстал, затянул шнурки и с улыбкой обернулся.

— Я все подо...

Какое-то время они не двигались. Он склонялся над мешком серебра посреди пыльной улицы; солнце освещало его неуве-

ренную улыбку, но глаза, скрытые в тени дешевой шляпы, глядели с откровенным испугом. Она стояла на нижней ступеньке таверны — окровавленные босые ноги, окровавленный разбитый рот, окровавленные волосы, прилипшие к окровавленному лбу. Но лук в ее руках не дрожал.

Он облизал губы, сглотнул и снова облизал их.

— Где Нири?

— Ему сейчас не очень хорошо. — Она сама удивилась тому, какая сталь звучала в ее голосе. Словно говорил кто-то вовсе ей не знакомый. Наверное, Дымок.

— Где мой брат?

— Ему еще хуже.

Додд сглотнул, дернув потной шеей, и начал потихоньку отступать назад.

— Ты что, его убила?

— Забудь о них и не шевелись.

— Слушай, Шай, ты ж не собираешься в меня стрелять, а? Мы ж с тобой столько вместе пережили. Ты не выстрелишь. Это ж я. А? — Его голос звучал все тоньше и тоньше, но он по-прежнему пятился к колодцу. — Я не хотел, чтоб все так вышло. Это не я придумал!

— Конечно, нет. Чтобы что-то придумать, надо для начала подумать, а тебе это не под силу. Ты просто делал что велено. Пусть даже это значило, что меня повесят.

— Послушай-ка, Шай...

— Я сказала, не шевелись. — Она подняла лук, и тетива больно врезалась в окровавленные пальцы. — Ты глухой, что ли, черт тебя дери?

— Погоди, Шай, давай просто поговорим обо всем, а? Поговорим. — Он заслонялся дрожащей ладонью, словно надеясь остановить ею стрелу, и не отрывал от Шай светло-голубых глаз, и у нее в памяти вдруг всплыл тот день, когда она впервые увидела его. Он стоял, прислонившись к стене конюшни, и улыбался беззаботно и легко: ума у парня было немного, зато веселья хоть отбавляй. А у нее с тех пор, как ушла из дома, с весельем была явная напряженка. Не подумаешь даже, что и сбежала-то она как раз на его поиски.

— Я знаю, что оплошал, но... я ж ведь идиот. — И он попробовал улыбнуться, хотя губы у него дрожали не меньше, чем рука. Пары улыбок Додд стоил — по крайней мере для начала.

И пусть виртуозным любовником он не был, но постель согреть умел, а это уже что-то. Да к тому же прогонял ощущение, что она одна-одинешенька против всего света, а это даже больше, чем что-то.

— Не шевелись, — повторила Шай, но уже мягче.

— Ты в меня не выстрелишь. — Он все крался к колодцу... — Это ж я, ну? Я. Додд. Ты только не стреляй. — И крался... — Я знаешь что сделаю, я просто...

Она выстрелила.

Странная вещь этот лук. Вскинуть его, натянуть тетиву, вложить стрелу, прицелиться — все это требует усилий и мастерства, и решимости. А чтобы отпустить тетиву — ничего не надо. Просто перестаешь ее держать, и все. На самом деле, раз прицелившись, уже легче выстрелить, чем сдержаться.

Додд стоял едва ли в десятке шагов от нее; стрела пролетела между ними, на волос миновала его руку и тихо вонзилась в грудь. Отсутствие звука ее даже удивило. Впрочем, плоть — штука мягкая. Особенно по сравнению с наконечником стрелы. Додд сделал еще один неверный шажок, словно до него не совсем дошло, что в него попали, и очень широко распахнул глаза, а потом, моргнув, уставился на древко.

— Ты в меня выстрелила, — прошептал он и осел на колени. Кровь уже растеклась по рубашке темным овалом.

— Черт, я же тебя предупреждала! — Она швырнула лук на землю, вдруг жутко разозлившись и на него, и на Додда.

Тот уставился на нее.

— Но я не думал, что ты выстрелишь.

Она уставилась на него в ответ.

— Я тоже. — На мгновение повисла тишина. Снова поднялся ветер, завертев вокруг них пыль. — Прости.

— Прости? — прохрипел он.

Возможно, это самая большая глупость, какую она только сморозила в своей жизни, хотя выбирать можно было бесконечно, но что еще оставалось сказать? Никакими словами стрелу не вытащишь. Она вяло пожала плечами:

— Ну да.

Додд поморщился, подняв руку с серебром, и обернулся к колодцу. У Шай отвисла челюсть; она бегом кинулась к нему, а он повалился на бок и швырнул мешок в воздух. Тот перевернулся, потом еще раз, описал дугу и начал опускаться, хлопая шнур-

ками. Шай попыталась ухватить его, бросилась вперед, потянулась, упала...

И застонала, врезавшись ноющими ребрами в каменную стенку колодца. Правая рука хлестнула вниз, во тьму. На мгновение ей показалось, что она вот-вот сорвется следом за мешком — что, пожалуй, послужило бы достойным завершением дня, — но тут колени снова уперлись в землю за стенкой.

Она поймала его за нижний угол, вцепившись обломанными ногтями в потрепанный холст. Шнурки болтались в пустоте, а вокруг в колодец сыпались ошметки земли и куски камня.

Шай улыбнулась. Впервые за этот день. А может, и за весь месяц.

И тут мешок раскрылся.

Серебро осыпалось в темноту мерцающим дождем, позвякивая и стуча о земляные стены, исчезая в чернильной пустоте, а следом настала тишина.

Она оцепенело выпрямилась.

Медленно попятилась прочь от колодца, обхватив себя одной рукой. В другой болтался пустой мешок.

Посмотрела на Додда. Тот лежал на спине с торчащей из груди стрелой, не сводя с нее влажных глаз, и дышал неглубоко и часто. Скоро вздохи замедлились, а потом замерли вовсе.

Шай пару секунд постояла, а потом сложилась вдвое, и ее вывернуло на землю. Внутри почти ничего не было, потому что она давно не ела, но внутренности, болезненно скрутившись, вытолкнули все, что могли. Пока она стояла, упираясь руками в колени, отсмаркиваясь и отплевываясь от желчи, ее колотило так, что она уж думала — упадет.

Чертовски болели ребра. И еще рука. И нога. И лицо. Царапин, вывихов и ушибов было столько, что она с трудом отличала одно от другого — все тело казалось одним гребаным пульсирующим синяком.

Взгляд против воли обратился к трупу Додда, и Шай, в предчувствии новой волны тошноты, заставила себя отвернуться и уставиться на горизонт, в дрожащую полосу пустоты.

Нет, не пустоты.

Там поднималась пыль. Она еще раз вытерла лицо о разорванный рукав, теперь уже такой грязный, что им можно было скорее запачкаться, чем отчиститься. Потом выпрямилась, прищурилась и всмотрелась в даль, едва веря своим глазам.

Всадники. Без сомнения. Довольно далеко, но не меньше дюжины.

— Вот черт, — прошептала она, закусив губу. Если все продолжится в том же духе, она скоро насквозь ее прожует. — Вот черт! — Шай закрыла лицо ладонями и зажмурилась, спрятавшись в рукотворной темноте и отчаянно надеясь, что все это какая-то ошибка. Но ведь не первая ее ошибка, а?

Однако, когда она отняла руки от лица, клубы пыли никуда не делись. Жизнь — та еще паскуда, о да, и чем ниже упадешь, тем охотнее она даст тебе пинка. Шай уперла руки в бока, выгнула спину и протяжно заорала в небеса, не замолкая, пока не сдались ноющие легкие:

— Че-е-о-орт!

Крик эхом отразился от стен зданий, но быстро затих. Ответа не последовало. Разве что тихое жужжание мухи, которая начинала проявлять некоторый интерес к Додду. Лошадь Нири поглядела на нее пару секунд, а потом отвернулась с выражением глубочайшего безразличия. Теперь к невзгодам Шай добавилось еще и больное горло. Пришлось задать себе стандартные вопросы.

И что, черт дери, теперь делать?

Стиснув зубы, она стащила с Додда сапоги и уселась в пыли рядом с ним, чтобы натянуть их на себя. Не впервой им было вот так валяться вместе. Хотя мертвым он до этого не бывал. Сапоги оказались ей чересчур велики, и все же любые сапоги — это куда лучше, чем вообще никаких. Обувшись, она потопала обратно в таверну.

Нири, жалобно поскуливая, пытался встать. Шай пнула его в лицо и опрокинула на спину, выдернула из колчана остальные стрелы да еще забрала у него с пояса тяжелый нож. Снова выйдя на солнце, она подняла лук и нахлобучила себе на голову шляпу Додда — та тоже оказалась великовата, но хотя бы обещала защитить от восходящего солнца. Потом она свела всех животин вместе и связала веревкой — дело нелегкое, потому что крупный жеребец Джега был последней сволочью и, казалось, твердо решил вышибить ей мозги копытом.

Разобравшись с этим, она хмуро обернулась к клубам пыли. Да, всадники точно направлялись к городу, причем явно спешили. Теперь уже стало видно, что их скорее девять или десять —

на два или три лучше, чем двенадцать, но все равно весьма и весьма неприятно.

Представители банка в поисках украденных денег. Охотники за головами в поисках награды за нее саму. Еще какие-нибудь бандиты с хорошим чутьем на близкую добычу. Которая теперь, так уж вышло, покоилась на дне колодца. Да и вообще это мог быть кто угодно. Шай обладала сверхъестественной способностью наживать врагов. Она вдруг заметила, что ее взгляд успел перекочевать на Додда, лежавшего лицом вниз в пыли, с безвольно раскинутыми босыми ногами. Единственное, с чем ей везло еще меньше, так это с друзьями.

Как же так получилось?

Она тряхнула головой, сплюнула через щелку между зубами и, вскочив на коня Додда, повернула его прочь от надвигающихся облаков пыли — черт его знает, к какой именно четверти компаса.

Шай ударила коня пятками.

МЕГАН ЭББОТТ

Меган Эбботт родилась в округе Детройта, окончила Мичиганский университет со степенью бакалавра английской литературы, получила степень доктора английской и американской литературы в Нью-Йоркском университете и преподавала литературу, писательское мастерство и киноведение в Нью-Йоркском университете, а также в университете штата Нью-Йорк в Осуиго. Ее первый роман, «Die a Little», был опубликован в 2005 году; с тех пор она завоевала репутацию одного из самых выдающихся авторов современного нуар-детектива и, по мнению газеты «Сан-Франциско кроникл», право «претендовать на трон лучшего стилиста в жанре детектива со времен Рэймонда Чандлера». Перу Эббот принадлежат романы «Queenpin», который получил в 2008 году премию Эдгара Алана По, «The Song Is You», «Bury Me Deep» и «The End of Everything». Самая недавняя книга Эббот носит название «Dare Me». Среди других ее работ: антология «A Hell of a Woman: An Anthology of Female Noir», где она выступила редактором, и монография «The Street Was Mine: White Masculinity and Hardboiled Fiction». Меган Эббот живет в Форест-Хиллс, штат Нью-Йорк. Ее вебсайт можно найти по адресу meganabbott.com.

Изящный, но душераздирающий рассказ, представленный ниже, повествует о том, что некоторые вещи просто невозможно оставить в прошлом, как бы мы ни старались. Кроме того, раз заглянув в чужое сердце, вы уже никогда не сумеете забыть, что там увидели, — даже если это сердце человека, которого вы любите больше всего на свете.

НЕПОРЯДОК В ДУШЕ

Он ждал в машине. Припарковал ее под одним из больших фонарей. Никто больше не хотел там вставать — можно было догадаться почему. В машине за три места от него виднелась прижатая к боковому стеклу женская спина и трясущаяся гри-

© Megan Abbott, 2013; © пер., примеч. А. Курышевой, 2015.

ва волос. Один раз женщина повернула голову, и он почти увидел ее лицо, голубой блеск зубов, обнажившихся в улыбке.

Только через пятнадцать минут по асфальту парковки, спотыкаясь, застучала каблуками Лори.

Он сегодня заработался допоздна и даже не знал, что она ушла, пока не добрался до дома. Когда она наконец подняла трубку, то сказала ему, что пошла в бар — бар, о котором он никогда не слышал, в районе, о котором ничего не знал.

— Мне просто хотелось побыть где-нибудь, где шум и люди, — объяснила она. — Я ничего такого не думала.

Он спросил, хочет ли она, чтобы он ее забрал.

— Ага, — сказала она.

По дороге домой она опять то плакала, то смеялась — последнее время с ней часто такое бывало. Он очень хотел помочь, но не знал как. Ему вспомнились девочки вроде тех, с какими он встречался в старших классах. Которые исписывали все руки чернилами и резали себя лезвиями в школьном туалете.

— Я так давно не танцевала, и, если зажмуриться, никто меня не видел, — говорила она, прислонившись головой к стеклу и глядя в окно. — Никто меня не узнавал, а потом одна узнала. Какая-то женщина, я ее не знаю. Она стала на меня кричать. Потом пошла за мной в туалет и сказала, что рада, что моя дочка меня сейчас не видит.

Он знал, что скажут люди. Что она отправилась танцевать в какой-то грязный бар, где у всех только и цели, что найти, с кем бы перепихнуться. И ни один не скажет, что она проплакала всю дорогу домой, что она не знает, куда себя деть, и что никому не известно наперед, как они поведут себя, если подобное случится с ними самими. Хотя скорее всего не случится.

Но ему тоже хотелось спрятаться, самому запереться в туалетной кабинке где-нибудь в другом городе, в другом штате и никогда больше не видеть никого из знакомых — особенно мать и сестру, которые все дни проводили в Интернете, распространяя информацию о Шелби, собирая зацепки для полиции.

Ладошки Шелби — ну, люди же вечно разливаются про ручки малышей, да? — но ее ладошки были похожи на крохотные тугие бутончики, и он так любил накрывать их своей ладонью. Он даже не подозревал, что способен такое чувствовать. Что

он, оказывается, из тех отцов — и что вообще бывают такие отцы, — кто, уловив сладкий молочный запах одеяла дочки, чувствует, как в груди разливается теплота. И даже иногда зарывается в него лицом.

Понадобилось немало времени, чтобы стащить с ее ног темно-красные ковбойские сапоги, которых он раньше не видел.

Потом он стянул с нее джинсы и трусики тоже не узнал. Спереди они были в виде бабочки, и при каждом движении черные крылья трепетали у нее на бедрах.

Он смотрел на нее и вспоминал: как-то раз, когда они только начали встречаться, Лори взяла его руку и провела ею по своему животу, по бедрам. Сказала, что когда-то думала, что станет танцовщицей; может быть, еще и станет. И что если у нее когда-нибудь появится ребенок, то надо будет делать кесарево сечение, потому что все знают, что потом бывает с животами, — *не говоря уже о том, что бывает там*, сказала она, смеясь, и следом опустила его руку туда.

Он позабыл это и еще много всего, но теперь одно за другим начало всплывать в памяти, сводя с ума.

Он наполнил водой большой стакан и заставил ее выпить. Потом снова налил до краев и поставил на тумбочку возле нее.

Она уснула не так, как спят пьяные, а как ребенок: веки сонно подрагивали, губы легонько изгибались в улыбке.

Ему казалось, что он всю ночь глядел на нее в лунном свете, но в какой-то момент, должно быть, все же уснул.

Когда он проснулся, она лежала головой у него на животе и заспанно гладила.

— Мне приснилось, что я опять беременна, — пробормотала она. — Все опять было так же, как с Шелби. Может, нам стоит кого-нибудь усыновить? На свете столько детей, которым нужна любовь.

Они познакомились шесть лет назад. Его мать владела небольшим многоквартирным домом на севере города, и он работал у нее.

Лори жила на цокольном этаже; через высокое окно видно было, как по тротуару ходят люди. Мать называла это квартирой с «утопленным садом».

Она жила с еще одной девушкой, и иногда они возвращались домой очень поздно, смеясь и прильнув к друг другу, как

порой делают молодые девчонки, шептались и сверкали гладкими ногами в коротких юбках. Ему было любопытно, о чем же они говорят.

Он тогда еще учился, а работал вечерами и по выходным: менял шайбы в подтекающих кранах, выносил мусор.

Как-то раз он стоял на тротуаре перед домом и поливал хлоркой мусорные баки, а она пронеслась мимо с телефоном в руке, пряча лицо в складках крошечного плаща. Она двигалась так быстро, что он едва успел увидеть ее, чтобы не окатить из шланга. Мимолетно заметил, что глаза у нее мокрые от слез, тушь растеклась.

— Я не врала, — говорила она в трубку, засовывая ключ во входную дверь, толкая ее плечом. — Это не я вру.

Однажды вечером, вскоре после этого, он вернулся домой и нашел под дверью записку:

«У меня в душе непорядок, что-то сломалось или я не оплатила счет?

Спс, Лори, к. 1-А»

Пришлось четыре раза прочитать, прежде чем до него дошло, что там написано.

Она приоткрыла дверь с улыбкой; дверная цепочка натянулась на уровне ее лба.

Он поднял разводной ключ.

— Ты как раз вовремя, — сказала она, указывая в сторону ванной.

Никто никогда не ожидает, что с их ребенком что-нибудь случится. Лори повторяла это снова и снова. Повторяла и журналистам, и полиции, повторяла каждый день все три недели с тех пор, как произошла беда.

Он смотрел, как полицейские ее расспрашивают. Все было прямо как по телевизору, вот только совсем не так. Сначала он удивлялся, почему на самом деле все всегда не так, как ожидаешь, но потом понял — потому что никогда не думаешь, что это случится с тобой.

Она не могла сидеть спокойно, то и дело накручивала на пальцы прядь волос. Иногда, стоя на светофоре, она доставала из сумочки маникюрные ножницы и обрезала секущиеся концы.

Когда машина трогалась, высовывала руку в окно и развеивала обрезки по ветру.

Такие вот беззаботные странности делали ее совершенно не похожей ни на одну из девушек, которых он когда-либо знал в своей жизни. Особенно то, что она не стеснялась проделывать все это у него на глазах.

Его самого удивляло, как сильно ему это нравится.

Но теперь каждая мелочь представала в новом свете, и он видел, что полицейские приглядываются к ней так, будто видят перед собой девчонку в короткой юбке, будто она крутится на табурете у стойки бара, игриво встряхивая волосами.

— Мы бы хотели, чтобы вы еще раз изложили все с самого начала, — сказал детектив-мужчина, и это прозвучало совсем как по телику. — Все, что помните.

— Она уже столько раз вам все рассказывала! — Он накрыл ее ладонь своею и посмотрел на детектива усталым взглядом.

— Я имел в виду вас, мистер Фергюсон, — сказал тот, глядя на него в ответ. — Только вас.

Лори вывели в вестибюль. Он видел через окно, как она, облизывая губы, наливает в кофе огромную порцию сливок.

Он понимал, что это тоже выглядит неважно. По газетам совсем недавно разлетелась ее фотография, сделанная в смузи-кафе. Заголовок гласил: «А как же Шелби?» Должно быть, ее сфотографировали через витрину. Она стояла у стойки, заказывала что-то и улыбалась. Репортеры всегда умудрялись подловить момент, когда она улыбается. Они не могли знать, что она всегда улыбается, если ей плохо. А от счастья она иногда плакала: как когда они поженились — весь день прорыдала, пряча у него на груди порозовевшее, сияющее лицо.

«Я даже не думала, что ты... — бормотала она. — Даже не думала, что я... Что все это правда случится».

Он не понимал, что она имеет в виду, но ему было хорошо оттого, что она льнет к нему, прижимается бедрами — как всегда, когда теряет контроль над собой, словно цепляясь за него, чтобы не воспарить в воздух.

— Так, мистер Фергюсон, — заговорил детектив, — вы вернулись с работы, и никого не было дома?

— Да, — сказал он. — Зовите меня Том.

— Том, — снова начал детектив, но имя прозвучало как-то невнятно, как будто ему не хотелось его произносить. На прошлой неделе он называл его Томом. — Вас удивило, что вы не застали их дома в такое время?

— Нет, — ответил он. — Она не любила сидеть без дела.

Это было верно, Лори никогда не могла удержаться на месте и порой, усадив Шелби в детское кресло, несколько часов подряд каталась, наматывала миль сто, а то и двести.

Она возила дочку в Минерал Пойнт и фотографировалась с ней на фоне воды. Отсылала ему фото на телефон, он смотрел их на работе и всегда расплывался в широченной улыбке. Ему нравилось, что она не из тех женщин, что день-деньской торчат дома и смотрят «магазин на диване» или реалити-шоу про суды.

Двадцать пять часов в неделю, пока с Шелби сидела его мать, она работала в молодежной христианской ассоциации. Каждое утро пробегала по пять миль, уложив Шелби в коляску для бега. Каждый вечер готовила ужин, а иногда даже подстригала лужайку, если он был слишком занят. Она ни на миг не переставала двигаться.

Газетчики и телевизионщики слетались на это как мухи. Они обожали фотографировать ее на пробежке в спортивных шортиках, в машине с телефоном у уха, в супермаркете с модными журналами в руках.

«А как же Шелби?» — неизменно вопрошали заголовки.

Они так и не поняли, какая она. Он один ее понимал.

— Так, — прервал его задумчивость детектив, — и что вы сделали, когда увидели, что в доме пусто?

— Я позвонил ей на сотовый. — Да, позвонил. Она не ответила, но тут тоже не было ничего необычного. Он не стал об этом упоминать. Как и о том, что нарывался на автоответчик не меньше четырех-пяти раз, пока она наконец не взяла трубку.

Ее голос звучал странно, тихо, как будто она была в приемной у доктора или в дамской комнате. Будто пыталась сделаться как можно меньше и незаметней.

— Лори? Все нормально? Вы где?

Последовало долгое молчание, и ему пришло в голову, что она, может быть, разбила машину. На одну сумасшедшую секунду он решил: она, наверное, сейчас в больнице, они обе лежат на койках с кучей переломов. Лори водила небрежно, вечно писала ему сообщения за рулем. Перед глазами заплясали

жуткие картинки. Он когда-то встречался с девушкой, у которой на зеркале висел детский башмачок. Она говорила: это чтобы никогда не забывать, что ездить надо осторожно. Если вы старше шестнадцати, никто вам об этом уже не напоминает.

— Лори, ну же, говори. — Он попытался заставить голос звучать твердо, но ласково.

— Кое-что случилось.

— Лори, — снова попытался он дозваться, как делал, когда она ссорилась с братом или с начальником, — давай сделай глубокий вдох и рассказывай.

— Куда она подевалась? — раздалось в трубке. — И как она меня найдет? Она же совсем маленькая. Она ничего не знает. На них надо жетончики вешать, вроде ошейника — помнишь, как когда мы были маленькие?

Он ничего такого не помнил, и в голове у него вдруг поднялся гул, который мешал слушать.

— Лори, скажи мне, что случилось.

Она рассказала.

Рассказала, как все утро ездила по адресам людей, которые продавали в Интернете подержанные газонокосилки. Устала и решила остановиться выпить кофе в одной популярной кофейне.

Эту женщину она там видела постоянно. Они поболтали в очереди: о том, что кофе тут жутко дорогой, но отказать себе невозможно. И вообще, что такое этот «американо»? И, да, еще о детях говорили. Она точно помнила, что у той дамочки были дети. Кажется, двое. И надо-то было подождать всего две минутки, ну, максимум пять.

— Чего подождать? — спросил он.

— Я не знаю, как это получилось, — сказала она, — но я пролила кофе и забрызгалась с ног до головы. Все вылила прямо на новый белый плащ. Который ты мне на Рождество подарил.

Он вспомнил, как она открывала коробку, как трепетала упаковочная бумага. Она тогда сказала, что никто, кроме него, никогда не дарил ей одежду, которую упаковывают в коробки с бумагой и золотыми наклейками.

Надела плащ и покрутилась перед зеркалом. «Ой, как он блестит!»

Забравшись к нему на колени, улыбнулась и сказала, что только мужчина додумался бы подарить молодой маме белый плащ.

— Он был насквозь мокрым, — продолжала она. — Я попросила ту женщину присмотреть за Шелби, пока я сбегаю в туалет. Я немножко задержалась, потому что пришлось просить ключ. Ну, знаешь, такой, со здоровым брелоком, который хранится за кассой.

Когда она вышла из туалета, женщина пропала — и Шелби тоже.

Он не помнил, чтобы ему хоть раз подумалось, что в ее рассказе что-то не так. Просто принял все как факт. Это случилось, и случилось с ними — целая вереница невозможных событий, которые сошлись в единой точке и привели к тому, что Шелби пропала и никто не знает, где она.

Но на сей раз ему почти с самого начала разговора стало понятно, что полицейские считают, будто им описали неполную картину — или же не все в этой картине сходится.

— Я им не нравлюсь, — сказала Лори. А он сказал, что ничего подобного, да и в любом случае неважно. Хотя, быть может, это и было важно.

Как бы ему хотелось, чтобы они видели, как Лори в тот день ввалилась во входную дверь: с расстегнутой сумкой, во все еще мокром от пролитого кофе плаще. Рот у нее был широко разинут, и он не мог оторвать взгляда от этой красноты, кровоточащей, изодранной в клочья.

Через несколько часов, когда у них в доме собралась вся семья, она содрогалась от рыданий в его объятиях, а ее брат болтал что-то о системе «ЭМБЕР» * и о «законе Меган» **, о которых слышал на лекциях по уголовному праву и от приятелей-копов из спортзала. А он, чувствуя, как она прижимается к нему, смотрел на торчащий из воротника ее свитера крохотный завиток — ангельски-белый волосок Шелби.

К концу второй недели полиция так ничего и не выяснила — или если и выяснила, то ничего не говорила. Ситуация будто бы изменилась — возможно, ухудшилась.

---

* Англ. *AMBER Alert* — система оповещения о пропаже детей и распространения информации о подозреваемых в похищениях.

** «Закон Меган» — принятый в США в 1996 году закон, согласно которому информация о местонахождении лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, становится доступна общественности.

— Любой бы так сделал, — сказала Лори. — Все так постоянно делают.

Он смотрел, как детектив смотрит на нее. На сей раз это была женщина-детектив. Волосы у нее были затянуты в тугой хвост, и она вечно щурилась, глядя на Лори.

— Что делают? — спросила детектив.

— Просят кого-нибудь минутку последить за ребенком, — пояснила Лори и напряженно выпрямилась. — Не мужчину. Я бы не оставила ее с мужчиной. Или с какой-нибудь бездомной теткой, которая замахивается на прохожих расческой. Это была женщина, которую я видела там каждый день.

— И звали ее... — Они спрашивали имя этой женщины уже не раз. Им было известно, что она его не знает.

Лори подняла взгляд на детектива, и он заметил, что у нее под глазами проступают голубые венки. Ему хотелось обнять ее, напомнить, что он рядом, успокоить. Но прежде чем он успел хоть что-нибудь сделать, она вновь заговорила.

— Миссис Катерпиллар! — воскликнула она, всплеснув руками. — Миссис Лингуини. Мадам Лафарг.

Детектив смотрела на нее, не говоря ни слова.

— Давайте попробуем найти ее в Интернете, — сказала Лори, выпятив подбородок. В глазах ее появился какой-то упрямый блеск. Сколько же было за эти недели таблеток, ночных бдений, снотворного и успокоительных, сколько раз она бродила по дому до самого утра, разговаривая ни о чем, боясь прилечь хоть на минуту...

— Лори, — начал он. — Не надо...

— Со мной вечно все случается, — сказала она, оседая на стуле. Голос ее вдруг сделался тихим и странно вялым. — Это так нечестно.

Он заметил, что происходит, как обмякает ее тело, и бросился, чтобы поддержать.

Она едва не выскользнула из его рук; глаза закатились.

— У нее обморок! — воскликнул он, подхватывая Лори. Руки у нее были холодные, как трубы зимой. — Позовите кого-нибудь.

Детектив не двинулась с места, продолжая смотреть.

— Я не могу об этом говорить, потому что еще не оправилась, — сказала Лори журналистам, которые ждали возле полицейского участка. — Это слишком тяжело.

Крепко держа ее за руку, он попытался продвинуться сквозь толпу, плотную, будто ком у него в горле.

— Правда, что вы нанимаете адвоката? — спросил один из журналистов.

Лори оглядела их. Он видел, как она открыла рот, и не успел ее остановить.

— Я не сделала ничего плохого, — сказала она с такой беспомощной улыбкой, словно толкнула чью-то тележку в супермаркете.

Он смотрел на нее, понимая, что она имела в виду: что оставила Шелби лишь на несколько мгновений, несколько жалких секунд. Но еще он понимал, как это звучит и как выглядит эта испуганная улыбка, которую она не смогла удержать.

Это был единственный раз, когда он позволил ей говорить с журналистами.

Потом, дома, она увидела себя в вечерних новостях.

Медленно подошла к телевизору, встала перед ним на колени, шурша джинсами по ковру, и сделала кое-что странное.

Она обняла его, будто плюшевого мишку, будто ребенка.

— Где она? — прошептала Лори. — Где она?

И ему так захотелось, чтобы журналисты увидели ее сейчас, увидели, как непостижимо, словно жар лихорадки, поднимается в ней горе.

Но все же он был рад, что они этого не видят.

Как-то глухой ночью, перед самым рассветом, он проснулся и не увидел ее рядом.

С отчаянно колотящимся сердцем он обыскал весь дом. Думая, что ему это, должно быть, снится, звал ее по имени, звал их обеих.

Он обнаружил Лори на заднем дворе — тоненькая тень чернела прямо посреди сада.

Она сидела на траве; лицо ее освещал экран телефона.

— Тут я чувствую себя ближе к ней, — сказала она. — Смотри, что я нашла.

Он почти ничего не видел, но, придвинувшись ближе, заметил у нее в пальцах сережку — малюсенькую эмалевую бабочку.

Они жутко поссорились, когда она привезла Шелби домой с проколотыми ушами. Из крохотных мочек торчали толстые

золотые гвоздики. Уши и личико у малышки были красные, глаза опухли от слез.

— Куда она делась, солнце? — спросила его теперь Лори. — Куда она пропала?

Весь в поту, он принялся стаскивать с груди футболку.

— Послушайте, мистер Фергюсон, — сказал детектив. — Вы охотно сотрудничаете со следствием. Я это осознаю. Но поймите и вы нашу позицию. Никто не может подтвердить ее слова. Сотрудница кофейни, которая видела, как ваша жена пролила кофе, помнит, что она ушла вместе с Шелби. И не помнит никакой другой женщины.

— Сколько людей там было? Вы со всеми поговорили?

— Есть еще кое-что, мистер Фергюсон.

— Что?

— Другая сотрудница утверждает, что Лори очень рассердилась, когда пролила кофе. И сказала Шелби, что это она виновата. Что она во всем виновата. И что Лори схватила дочь за руку и встряхнула.

— Это неправда, — отрезал он. Ни разу в жизни он не видел, чтобы Лори грубо обошлась с Шелби. Иногда ему даже казалось, что она едва о ней помнила.

— Мистер Фергюсон, мне нужно, чтобы вы сказали нам: у вашей жены были в прошлом эмоциональные проблемы?

— Что это за вопрос такой?

— Стандартный вопрос в подобной ситуации. Кроме того, нам поступили кое-какие данные.

— Вы про местные новости?

— Нет, мистер Фергюсон. Мы не берем доказательства из новостей.

— Доказательства? Какие еще доказательства вам понадобились, и при чем тут Лори? Пропала Шелби. Вы что...

— Мистер Фергюсон, вы знали, что вчера днем ваша жена провела три часа в баре «Йо плейс лаундж» на улице Шарлевуа?

— Вы что, за ней следите?

— С нами связались несколько посетителей и один из барменов. Они были обеспокоены.

— Обеспокоены? Вы уверены, что это правильное слово? — В голове зашумела кровь.

— Вы считаете, они не должны быть обеспокоены, мистер Фергюсон? У этой женщины пропал ребенок.

— Если они были так обеспокоены, то почему не позвонили мне?

— Один из них спросил Лори, не хочет ли она, чтобы с вами связались. Судя по всему, она сказала, что не хочет.

Он посмотрел на детектива.

— Она не хотела меня волновать.

Детектив посмотрел на него в ответ.

— Хорошо.

— Нельзя сказать заранее, как человек поведет себя, когда с ним такое случится, — сказал он, чувствуя, как голова клонится вниз. Плечи вдруг налились свинцом, и перед глазами встал образ Лори, сидящей за дальним концом длинной, черной, блестящей стойки бара, с ярко накрашенными глазами, полными темных мыслей. Мыслей, до которых ему никогда не дотянуться. Он ни разу еще не мог точно сказать, что знает, о чем она думает. Отчасти... Отчасти поэтому в груди у него, словно нарыв, пульсировала неутихающая тоска.

— Нет, — внезапно сказал он.

— Что? — спросил детектив, наклонившись вперед.

— Не было у моей жены в прошлом никаких эмоциональных проблем.

Шла четвертая неделя — четвертая неделя ложных следов, слез, снотворного и ночных кошмаров. Настала пора ему выходить из отпуска, чтобы было чем платить за дом. Они обсудили, не вернуться ли Лори на свою неполную ставку в магазине свечей, но кому-то ведь нужно было оставаться дома и ждать.

(Хотя, по правде говоря, чего они ждали? Разве может малышка, только-только начавшая ходить, через двадцать семь дней после пропажи заявиться домой сама? Он не сомневался, что полицейские именно так и думают.)

— Пожалуй, я завтра позвоню на работу, — сказал он. — И договорюсь.

— А я буду тут, — кивнула она. — Ты будешь там, а я — тут.

Ужасный вышел разговор — из тех, что часто происходят между супругами в темных спальнях глубокой ночью, когда становится ясно, что решение, которого вы избегали весь день, больше некуда откладывать.

После того как они договорились, она приняла четыре большие таблетки и уткнулась лицом в подушку.

Так и не сумев уснуть, он встал и пошел в комнату Шелби, где бывал теперь только по ночам. Наклонился над колыбелькой; та была уже слишком мала, но Лори не соглашалась укладывать ее в кровать — говорила, что еще не пора, еще рано.

Он коснулся пальцами мягких пуфиков, разрисованных ярко-желтыми рыбками. Вспомнил, как рассказывал Шелби, что это золотые рыбки, но дочка все повторяла «наны, наны» — так она называла бананы.

Ладошки, которыми она держалась за рубашку Лори, вечно были перемазаны белесой банановой жижей.

Однажды вечером, скользнув рукой между грудей Лори, под застежку ее лифчика, он даже там наткнулся на кусочек банана.

— Они везде, — вздохнула Лори. — Она как будто целиком состоит из бананов.

Он обожал их запах и вечно липкие дочкины пальчики.

В какой-то момент, вспоминая это, он начал плакать, но потом перестал, опустился в кресло-качалку и сидел там, пока не заснул.

Отчасти работа принесла ему облегчение — можно было стряхнуть с себя все те дни, когда в доме у них толпились соседи, родственники и друзья, обмениваясь слухами из Интернета, организовывая дежурства и поисковые операции. Но теперь соседи как-то рассосались, родственников поубавилось, осталась только пара-тройка друзей, которым некуда было больше податься.

Однажды поздно вечером к ним пришла женщина из углового дома и попросила вернуть кастрюлю.

— Я не думала, что она у вас столько пролежит, — сказала она, щурясь.

Казалось, она пытается заглянуть ему через плечо в гостиную. Лори на полной громкости смотрела какой-то сериал про блондинок с тугими лакированными лицами и сердито сжатыми губами. Она постоянно его смотрела, будто по телевизору вообще больше ничего не показывали.

— Я не знала, — добавила женщина, забрав кастрюлю и осматривая ее на предмет возможных повреждений, — что все так обернется.

«Мой самый сексуальный, — гласила эсэмэска от Лори, — я скучаю по твоим рукам... приезжай домой и возьми меня, возьми грубо, как захочешь. Покажи мне...»

Он резко развернулся в кресле, едва ли не пытаясь спрятать телефон от чужих глаз, словно хотел скрыть, что читает сообщение.

Сразу же сорвался с работы, сел в машину и гнал, как только мог, говоря себе, что с ней что-то не так. Должно быть, побочное действие лекарств, которые выписал ей врач, — или, может, скорби и тоски, которые бушуют в ее сложном, хрупком организме.

И все же не поэтому он ехал так быстро, не поэтому едва не споткнулся о болтающийся ремень безопасности, когда выскакивал из машины.

И не поэтому, увидев, как она лежит на животе лицом к нему и улыбается, почувствовал, что его разорвет надвое, если он не возьмет ее. Не возьмет сейчас же, на этом самом месте: чтобы только скрип кровати под ними и ни звука, ни стона, но в полутьме спущенных жалюзи — блеск ее белых зубов между разомкнутыми губами.

Все это было как-то нехорошо, неправильно, но он не понимал, в чем дело. Он знал ее — и одновременно совсем не знал. Это была Лори, но Лори из далекого прошлого. Вот только другая.

Постоянно названивали журналисты. Двое, казалось, вообще поселились в их квартале. Окопались там с самого начала, но потом вроде бы исчезли, переключились на другие новости.

Они вернулись, когда в Сети появились кадры, на которых Лори выходила из тату-салона «Магнум». Кто-то снял ее на сотовый.

На ногах у нее снова были красные ковбойские сапоги, на губах — красная помада. Она шла прямо на камеру.

В газетах эти фото напечатали под заголовком: «Материнское горе?»

Он разглядывал татуировку.

Слова «Mirame quemar»*, написанные затейливым почерком, лентой вились вокруг бедра.

* Смотри, как я горю (*исп.*).

Они занимали как раз то место, где была растяжка. Она всегда прикрывала ее ладонью, когда стояла перед ним обнаженной.

Он разглядывал татуировку в темной спальне, и только из прихожей сочилась полоса света. Лори двинула бедром и принялась поворачиваться, чтобы он провел пальцами по всей ее длине.

— Мне нужно было, — сказала она, — нужно было что-нибудь. Чего можно коснуться. Что напомнит мне, кто я... Тебе нравится? — прошептала она ему в ухо. Казалось, чернила на ее бедре движутся.

— Нравится, — сказал он, накрыв татуировку пальцами. Его слегка подташнивало. Ему в самом деле нравилось. Очень нравилось.

В ту же ночь, очень-очень поздно, ее голос выдернул его из глубокого сна.

— Я даже не знала, что она у меня будет, а потом она появилась, — говорила Лори, уткнувшись лицом в подушку. — И я даже не знала, что ее не станет, а теперь ее нет.

Ее зажмуренные глаза были перепачканы несмытым макияжем.

— Но, — голос зазвучал резче, напряженней, — она всегда делала что хотела.

По крайней мере ему показалось, что она так сказала. Но она ведь спала, и ее слова ничего не значили.

— Она тебе нравилась, пока ты не начал думать, — сказала Лори. — Пока не рассмотрел ее поближе и не решил, что больше она тебе не нравится. Или что ты не хочешь быть таким человеком, которому она нравится.

На нем была новая рубашка. Лори купила ее накануне. Рубашка была глубокого темно-фиолетового цвета, очень красивая, и он чувствовал себя в ней уверенно и круто, как начальник, о котором шептались все женщины в офисе. Они обсуждали его ботинки, а ему всегда было любопытно, где люди берут такую обувь.

— Нет, — сказал он. — Она отличная. Просто... дорогая.

Но дело было не в этом. Ему казалось, что сейчас не время покупать одежду — и вообще что угодно. Еще его нервировало то, какая она яркая, как поблескивает на свету. Ее сочная, на-

рочитая красота. Это была рубашка для вечеринок, для ночных клубов, для танцев. Для всего, что они делали, когда еще жили жизнью, полной водки, пульсирующей музыки и сумасшедшего секса на заднем сиденье ее машины.

Такого грязного и бешеного пьяного секса, после которого почти стыдно смотреть друг на друга, пока едете домой, натрахавшись до полного отрезвления, словно раскрыли другому о себе что-то очень личное и очень дурное.

Как-то раз, несколько лет назад, она сделала ему кое-что, чего никто никогда еще не делал, и после этого он вообще не мог поднять на нее глаз. В следующий раз он сделал кое-что ей. Какое-то время казалось, что это никогда не кончится.

По электронной почте ему пришло письмо с заголовком «Мне кажется, кто-то должен рассказать вам о вашей жене». Адрес — набор букв и цифр — был ему незнаком, а в теле письма оказалось пусто, если не считать вложенного фото танцующей девушки в ярко-зеленом топике с распустившимися завязками.

Это была Лори, и он решил, что фотография, должно быть, старая. Несколько недель назад газетам удалось заполучить несколько снимков, на которых юная Лори танцует на столах и целуется с подругами. Всякое случается, когда девчонки слишком много выпивают, а у кого-то оказывается фотоаппарат.

На таких снимках Лори всегда принимала соблазнительные позы, пытаясь выглядеть как модель, как знаменитость. Это была Лори из тех времен, когда он ее еще толком не знал, которые она называла своим «безбашенным периодом».

Но на этом фото она, казалось, не имела понятия, что ее снимают, словно потерялась в волнах музыки, среди звуков, что теснились у нее в голове. Глаза ее были плотно зажмурены, голова откинулась назад, выставляя напоказ красоту длинной смуглой шеи.

Он никогда не видел ее такой счастливой.

Лори, какой она была в далеком прошлом — или не была никогда.

Но, прокрутив изображение вниз, он заметил, что короткий топ задрался, обнажив бугорок бедренной кости. И изящные буквы: «Mirame quemar».

Той ночью ему вспомнилась история, которую она рассказала ему как-то очень давно. Казалось невозможным, что он умудрился ее позабыть. Хотя, может быть, теперь все просто предстало в ином свете, вот он и увидел ее иначе, словно что-то новое. Словно неожиданную находку, помятую коробку из подвала, от которой исходит резкий запах и которую страшно открывать.

Это было в те времена, когда они еще только начали встречаться, ее соседка вечно торчала в квартире и им негде было остаться наедине. Они проводили умопомрачительные часы на заднем сиденье его машины; ей нравилось лечь на спину, закинуть ногу за подголовник и манить его к себе.

После первого или второго раза, когда все было еще так странно и волнующе, когда в голове стучала кровь и взрывались звезды, Лори сворачивалась у него под боком и говорила, говорила о своей жизни, о том, как однажды стащила из магазина «Си-ви-эс» четыре упаковки жидких теней фирмы «Ревлон», как до двенадцати лет спала с длинноухой мягкой игрушкой по имени Ушастик. Она тогда призналась, что чувствует, будто может рассказать ему что угодно.

Где-то в полузабытьи этих слившихся в одно ночей — ночей, когда он тоже открыл ей много личного: как влюблялся в нянек, как воровал из магазина игрушечные машинки «Матчбокс» — она и рассказала ему эту историю.

Когда ей было семь лет, родился ее младший брат, и она ужасно ревновала.

— Мама все время тратила только на него, а меня на целый день оставляла одну, — говорила она. — Поэтому я терпеть его не могла. Каждую ночь молилась, чтобы его украли. Чтобы с ним произошло что-нибудь ужасное. По ночам я подкрадывалась к его колыбельке и смотрела на него через перекладины. Мне кажется, я думала, что смогу силой воли заставить что-нибудь случиться. Что если буду очень долго и пристально смотреть, то из этого что-то да выйдет.

Он кивнул тогда, решив, что у многих детей, наверное, бывают подобные мысли. Он сам был младшим в семье, и ему даже стало любопытно, не думала ли старшая сестра про него что-нибудь в этом духе. Как-то раз она придавила ему палец медной тарелкой и сказала, что это вышло случайно.

Но Лори еще не закончила рассказывать. Она прижалась к нему крепче, и запах ее напудренной кожи напомнил ему обо

всех ее уголках и изгибах, о том, как он любит находить их пальцами, нащупывать все мягкое и горячее. Иногда ему казалось, что ее тело ни на секунду не остается прежним, будто преображается прямо у него в руках. *Я ведьма, ведьма.*

— Ну и вот однажды ночью, — продолжала она, таинственно понизив голос, — я смотрела на него сквозь прутья колыбельки. Он издавал какой-то странный звук.

Ее глаза мерцали в темноте салона.

— Я потянулась туда, сунула руки между прутьями. — Ее рука поползла к нему. — И тут увидела, что у него с подбородка свисает веревочка от игрушки. Я взялась за нее и стала вытаскивать.

Он смотрел, как она тащит воображаемую веревочку, все шире и шире распахивая глаза.

— А потом он как-то так ахнул и опять начал дышать.

Помедлив, она щелкнула языком.

— И в этот самый момент вошла мама. Она сказала, что я спасла ему жизнь. Все так сказали. Она купила мне новый свитер и классные розовые туфли, которые я хотела. Все на руках меня носили.

По ним пробежал свет чьих-то фар, и он увидел, как ослепительно сияют ее глаза.

— Так никто и не узнал, как все было на самом деле, — закончила Лори. — Я никогда никому не рассказывала.

Улыбнувшись, она всем телом вжалась в него.

— Но тебе рассказываю. Теперь мне есть кому рассказать.

— Мистер Фергюсон, вы сказали нам, и отчет о вызовах с вашего сотового телефона это подтверждает, что стали звонить жене в 17:50 в день исчезновения вашей дочери. Наконец в 18:45 вы дозвонились. Это так?

— Я не знаю, — сказал он. Они вызывали его в участок уже восьмой, девятый, десятый раз. — Вам все известно лучше меня.

— Ваша жена сказала, что была в кофейне около пяти часов. Но мы проверили время ее покупки. Все происходило в 15:45.

— Я не знаю, — повторил он, потирая шею — в затылке начало покалывать. Он вдруг осознал, что понятия не имеет, что ему сейчас скажут. Даже не представляет, что его ждет.

— Что ж, как вы думаете, что́ ваша жена делала эти три часа?

— Искала ту женщину. Пыталась ее найти.

— В течение этого времени она сделала еще несколько звонков. Не в полицию, конечно. Или даже не вам. Она позвонила человеку по имени Леонард Дрейк. И еще некоему Джейсону Патрини.

Первое имя напомнило ему одного из ее бывших — Ленни какого-то там, — второе вовсе ни о чем не говорило. Внутри вдруг стало так пусто. Он уже даже не знал, о ком они говорят, но к нему эти люди не имели никакого отношения.

В комнату вошла женщина-детектив и переглянулась с напарником.

— С помощью данных об этих звонках мы смогли проследить ее передвижения. Она поехала в торговый центр «Харбор-Вью».

— Хотите посмотреть на нее на записях с камер безопасности? — спросила женщина. — Мы их уже получили. Вы знали, что она купила топ?

Он уже ничего не чувствовал.

— Еще она посетила универсам. Кассирша только что ее опознала. Зашла в уборную. Кассирша сказала, что она пробыла там довольно долго, а когда вышла, на ней была другая одежда. Хотите посмотреть? Она выглядит потрясающе.

Детектив подтолкнула к нему зернистую фотографию. На ней была молодая женщина в топике и толстовке с низко натянутым на лоб капюшоном. Она улыбалась.

— Это не Лори, — тихо произнес он. Она выглядела слишком молодо, так, как когда они только познакомились — прекрасная тоненькая эльфийка с плоским животом, косичками и проколотым пупком. Ему нравилось тянуть за колечко пирсинга. Он совсем об этом позабыл. Дырочка, наверное, давно заросла.

— Не сомневаюсь, вам тяжело это слышать, мистер Фергюсон, — сказал мужчина. — Я сожалею.

Он поднял глаза. Судя по виду, детективу и правда было его очень жаль.

— Что ты им сказала? — спросил он.

Они с Лори сидели в машине в полуквартале от полицейского участка.

— Не знаю, стоит ли тебе вообще с ними еще разговаривать, — продолжал он. — Мне кажется, нам, наверное, лучше найти адвоката.

Лори смотрела прямо перед собой, не отрывая глаз от пульсирующего огня светофора на перекрестке. Медленно подняла руку к волосам и задумчиво пропустила кончики сквозь пальцы.

— Я объяснила. — Ее лицо почти целиком было в тени, только к щеке, словно пиявка, пристало синее пятно вывески автосалона. — Я сказала им правду.

— Какую правду? — спросил он. В машине было очень холодно. От нее пахло так, будто она очень давно не ела — резкий запах кофе и жидкости для снятия лака.

— Они больше не верят ни одному моему слову, — сказала она. — Я объяснила, что побывала в кофейне два раза. Первый — чтобы купить сок для Шелби, а потом — кофе для себя. Они сказали, что проверят, но я все прочитала по их лицам. И сказала им об этом. Я знаю, что они обо мне думают.

Она повернулась и посмотрела на него. Проносящиеся мимо огни расцвечивали ее лицо красными полосами. Это напомнило ему иллюстрацию, которую он однажды видел в «Нэшнл джиогрэфик»: портрет амазонки с малиновой краской на лице и деревянным колом в губе.

— Теперь я знаю, что все обо мне думают, — сказала она и снова отвернулась.

Глухой ночью, лежа с широко открытыми глазами, он наконец решился спросить. Она крепко спала, но он все же заговорил:

— Кто такой Леонард Дрейк? И Джейсон, как его там, — кто это?

Она заворочалась, обернулась к нему, прижав щеку к простыне.

— Кто такой Том Фергюсон? Кто это?

— Вот, значит, чем ты занимаешься? — сказал он, повышая голос. — Называниваешь каким-то мужикам?

Этот вопрос задать было легче, чем другие. Правда ли она встряхнула Шелби? Правда ли вся ее история — вранье? Другие, другие вопросы.

— Да, — сказала она. — Целыми днями я звоню мужикам и езжу по их домам. Оставляю дочь в машине, особенно если на улице жара. Тайком поднимаюсь к ним в квартиры.

Она положила руку себе на грудь и стала гладить, не сводя с него глаз.

— Ты бы знал, как сильно я хочу их к тому времени, как они открывают дверь.

«Перестань», — молча взмолился он.

— Они еще дверь не успевают за мной закрыть, а я уже тяну руки к их ремням. Сажусь к ним на колени на грязных холостяцких диванах и вытворяю такое...

Он начал качать головой, но она не умолкла.

— После родов тело меняется. Хочется чего-то нового. Так что я разрешаю им все. Я пробовала все, что только можно представить.

Она водила рукой, лаская себя, и все не останавливалась.

— Вот чем я занимаюсь, пока ты на работе. Не обзваниваю людей по объявлениям, пытаясь найти газонокосилку. Не стараюсь для тебя — всегда только для себя.

Он напрочь забыл о газонокосилке, забыл, как она рассказывала, что делала в тот день. Искала подержанную, потому что в прошлый раз он, пытаясь подстричь газон, стер руки до кровавых мозолей. Она ведь ему уже говорила.

— Нет, — продолжала Лори, — я звоню мужикам и договариваюсь о сексе. Вот чем я занимаюсь с тех самых пор, как родила ребенка и стала сидеть дома. Я же больше ничего не умею. Удивительно, как же мне раньше удавалось все скрывать. Какая жалость, что меня все-таки поймали.

Он закрыл лицо рукой.

— Прости. Прости.

— Как ты мог? — задушенно выдавила она, натягивая на себя всю простыню целиком, скручивая ее в руках, стаскивая с него, сминая. — К а к т ы м о г ?

Той ночью ему приснилась Шелби.

Во сне он бродил по залитому синеватым полумраком дому, а когда добрался до комнаты дочки, никакой комнаты там не оказалось, и он вдруг очутился на улице.

Двор, схваченный первыми заморозками, смотрелся так тоскливо, что его охватила внезапная грусть. Он вдруг ощутил, что оказался в самом одиноком месте на всем свете, и крошечный старый сарай посреди двора почему-то выглядел эпицентром этого одиночества.

Когда они только переехали, то едва не снесли его — все вокруг говорили, что надо бы, но они решили его оставить. Ласко-

во прозвали «сарайчиком» — его покатая крыша и поблекшая красная краска казались им трогательными.

Но он был настолько мал, что туда не помещалось ничего, кроме пары граблей да ручной газонокосилки с разболтавшимся левым колесом.

Это было единственное, что осталось в их доме старого, осталось от тех времен, когда он тут еще не жил.

Днем он больше о нем и не вспоминал, не замечал — разве что иногда после дождя оттуда тянуло сыростью.

Но во сне сарай казался ему живым существом, жалким и заброшенным.

Ему вдруг пришло в голову, что газонокосилку в сарае еще можно починить, и тогда все станет хорошо, и никому не придется искать, где купить другую, и толстый ковер травы под ногами не будет таким докучливым, и все это одиночество пройдет.

Он положил руку на прохладную покосившуюся ручку сарая и потянул.

Вместо газонокосилки на полу лежал маленький черный мешок.

Тут он, как бывает во сне, подумал: «Должно быть, я оставил в нем опилки. Они, наверное, заплесневели, вот и пахнут теперь так сильно, что...»

Он потянулся, чтобы взять мешок; тот раскрылся и рассыпался прямо у него в руках.

Раздался глухой звук удара — на пол сарая упало что-то тяжелое.

Было слишком темно, чтобы разглядеть, что это такое скользнуло по его ногам, щекоча лодыжки.

Слишком темно, чтобы сказать точно, но он почувствовал воздушную мягкость волосенок дочери.

Проснувшись, он обнаружил, что уже сидит. В голове звучал шипящий голос: «Ну так что, заглянешь ты в сарай? Заглянешь?»

И тут он вспомнил, что сарая во дворе больше нет. Его снесли, когда Лори была беременна, потому что она жаловалась на головные боли и тошноту от запаха гнили.

На следующий день на передовице появилась серия статей, посвященных двум месяцам со дня исчезновения Шелби.

Там была фотография Лори под заголовком: «Что ей известно?» И его фотография, сделанная вчера: он выходил из поли-

цейского участка, опустив голову. Подпись под ней гласила: «Новые вопросы без ответов».

Он не смог заставить себя все это прочесть и не поднял трубку, когда позвонила мать.

Весь день невозможно было сосредоточиться на работе из-за ощущения, что все на него смотрят.

Когда к его столу подошел босс, он буквально почувствовал, с какой осторожностью тот подбирает слова.

— Том, если хочешь уйти пораньше, — сказал тот, — ничего страшного.

Несколько раз он замечал, как секретарь смотрит на заставку у него на мониторе; там стояла фотография Лори и десятимесячной Шелби, наряженной на Хеллоуин черным паучком с плюшевыми паучьими ножками.

В три часа он все-таки ушел с работы.

Лори в доме не оказалось, но, стоя у кухонной раковины со стаканом воды, он увидел ее в окно.

Хотя на улице было едва семьдесят градусов*, она лежала в шезлонге.

На ней был ярко-оранжевый купальник-бикини с золотыми кольцами на лямках и на бедрах, на голове — наушники.

Фиолетовый игрушечный домик, отодвинутый к самому забору, стоял, косо опираясь на ствол вяза.

Этого купальника он никогда раньше не видел, зато узнал солнечные очки, крупные, в белой оправе, — она купила их, когда ездила в Мексику с давней подругой, прямо перед тем, как забеременела.

Посреди гладкого живота блестело золотое колечко пирсинга.

Она улыбалась и подпевала музыке, которая играла у нее в голове.

Той ночью он никак не мог заставить себя лечь в постель. Несколько часов смотрел телевизор, ничего не видя. Выпил одно за другим четыре пива — впервые с тех пор, как ему было двадцать лет.

---

* Приблизительно 21 градус Цельсия.

Постепенно пиво начало действовать, а затем и бенадрил*, который он принял следом, и наконец его затянуло в постель.

В какой-то момент посреди ночи Лори рядом заворочалась; все ее тело резко дернулось. Словно случилось что-то важное.

— Кирстен, — пробормотала она.

— Что? — спросил он. — Что такое?

Она вдруг наполовину села на матрасе, опираясь на локти, и уставилась прямо перед собой.

— Ее дочку звали Кирстен, — сказала она тихо и неуверенно. — Я только что вспомнила. Как-то, когда мы разговаривали, она сказала, что назвала дочку Кирстен. Потому что ей нравилось, как это сочетается с фамилией Крузи.

Он почувствовал, как внутри что-то расслабилось и тут же напряглось снова. Что происходит?

— Ее фамилия — Крузи, первая буква — «к», — продолжала она, все больше оживая, говоря громче. — Не знаю, как точно это пишется, но первая буква — «к». Поверить не могу, что только сейчас вспомнила. Это было очень давно. Она сказала, что ей нравятся инициалы «К. К.». Потому что у нее тоже такие. Кэти Крузи. Так ее зовут.

Он смотрел на нее и ничего не говорил.

— Кэти Крузи, — повторила она. — Женщина из кофейни. Это ее имя.

Ему никак не удавалось ни открыть рот, ни даже шевельнуться.

— Ты позвонишь? — спросила Лори. — В полицию?

Но он не мог двинуться. Почему-то было страшно. Так страшно, что даже дышать не выходило.

Она посмотрела на него, помолчала, а потом потянулась к его тумбочке и сама взяла телефон.

Пока она говорила с полицией, рассказывала им, уже четко и твердо, что вспомнила, говорила, что приедет в участок, что выезжает через пять минут, он смотрел на нее, накрыв рукой сердце, которое билось с такой силой, что ребрам было больно.

---

* Антигистаминный препарат с седативным эффектом, аналог димедрола.

— Мы полагаем, что нашли, где скрывается эта Крузи, — сказала детектив. — Наш наряд уже на пути к ней.

Он смотрел на полицейских, чувствуя, как тяжело дышит рядом с ним Лори. С того момента, как она позвонила в полицию, прошло меньше суток.

— Что это значит? — спросил он. Точнее, попытался спросить, но не смог выдавить ни слова.

У Кэти-Энн Крузи не было детей, но она всем вокруг говорила, что были. После затяжной борьбы с эмоциональными расстройствами и выкидыша она провела четырнадцать месяцев в больнице штата.

Последние восемь недель Кэти жила в сорока милях от них, на съемной квартире в Торринге, с маленькой белокурой девочкой, которую называла Кирстен.

После того как полиция распространила информацию о Кэти-Энн Крузи в системе оповещения, работница одной из кофеен в Торринге узнала на фото постоянную клиентку, которая всегда заказывала молоко для своих малышей.

— По ней ясно было, что деток своих она любит, — сказала женщина. — Всегда с такой радостью про них говорила.

Впервые снова увидев Шелби, он потерял дар речи.

Она была одета в кофточку, которой у нее раньше не было, и обувку не по размеру, и держала в руках коробочку сока, которую ей дал полицейский.

Пока он бежал к ней по коридору, Шелби следила за ним взглядом.

Было в ее лице что-то такое, чего он никогда раньше не видел, знал, что раньше этого не было, и моментально решил, что сделает все возможное, лишь бы оно исчезло.

Добьется этого, даже если ему понадобится вся жизнь.

На следующее утро, уже обзвонив всех по очереди, он зашел на кухню и увидел там Лори и Шелби. Дочка ела ломтики яблока, по своей всегдашней привычке согнув мизинчик.

Он стоял и смотрел на нее; Шелби спросила его, отчего он дрожит, и он сказал: потому что рад ее видеть.

Трудно было выйти из комнаты — даже чтобы просто открыть дверь, когда пришли мать с сестрой, когда все повалили толпой.

Три вечера спустя состоялся торжественный семейный ужин, праздничный ужин в честь Шелби. Лори много пила, и все говорили, что ее нельзя в этом винить.

Он и не винил, только наблюдал за ней.

Весь вечер: когда его мать вынесла с кухни торт-мороженое для Шелби, когда все сгрудились вокруг малышки, которая поначалу казалась смущенной и застенчивой, но постепенно раскрылась во что-то настолько прекрасное, что ему хотелось плакать, — пока все это происходило, он украдкой смотрел на Лори, на ее тихое, спокойное лицо. На улыбку, которая не становилась шире и не пропадала, даже когда она взяла Шелби на колени, а та уткнулась носом в порозовевшую от вина шею матери.

В какой-то момент он обнаружил ее на кухне — она стояла и смотрела в раковину, и казалось, что она заглядывает вниз, в черноту слива.

Было еще очень поздно — или очень рано, — и Лори не было рядом.

Он решил, что ей стало плохо от вина, но в ванной ее тоже не оказалось.

Что-то в груди тревожно перевернулось; он пошел в комнату Шелби.

Взгляд с порога уткнулся в голую спину, белоснежную в лунных лучах, и трусики сливового цвета, в которых Лори ложилась спать.

Она стояла над кроваткой Шелби и глядела вниз.

Он почувствовал, как в груди что-то шевелится.

Потом она медленно опустилась на колени и стала смотреть через прутья колыбельки.

Казалось, она чего-то ждала.

Очень долго он стоял вот так, в пяти футах от двери, глядя, как она смотрит на их спящего ребенка.

Прислушивался к тоненькому дыханию дочки, к ее вдохам и выдохам.

Лица жены он не видел — только длинную белую спину с бугорками позвонков. Слова «Mirame quemar», вплавленные в бедро.

Глядя, как она смотрит на его дочь, он понимал, что никогда уже не сможет выйти из этой комнаты. Придется стоять здесь на страже вечно. Ему уже никогда не вернуться в постель.

СЕСИЛИЯ ХОЛЛАНД

Сесилия Холланд — одна из самых выдающихся и уважаемых исторических романистов в мире. Многие сравнивают ее с такими колоссами этого жанра, как Мэри Рено и Ларри Макмертри. За свою многолетнюю карьеру она написала более тридцати исторических романов, в том числе «The Firedrake», «Rakóssy», «Two Ravens», «Ghost on the Steppe», «Death of Attila» (на русском языке вышел под названием «Смерть Аттилы»), «Hammer For Princes», «The King's Road», «Pillar of the Sky», «The Lords of Vaumartin», «Pacific Street», «Sea Beggars», «The Earl», «The Kings in Winter» («Зима королей»), «The Belt of Gold», «The Serpent Dreamer» и более десятка других. Ее перу также принадлежит научно-фантастический роман «Floating Worlds», который в 1975 году был номинирован на премию «Локус», а сейчас она работает над серией романов в жанре фэнтези, которая включает в себя «The Soul Thief», «The Witches Kitchen», «The Serpent Dreamer», «Varanger» и «The King's Witch». Среди недавно вышедших книг Холланд — романы «The High City», «Kings of the North» и «The Secret Eleanor».

Представленный ниже драматический рассказ повествует об одной до крайности неблагополучной семье. На протяжении долгих лет безжалостное столкновение амбиций в ней раз за разом бросало Англию в лапы кровопролитной гражданской войны. Знакомьтесь: король Генрих II, его королева Алиенора Аквитанская и их своенравные отпрыски, все до единого — смертоноснее ядовитой змеи. Даже самый крохотный.

ПЕСНЬ О НОРЕ

Монмирай, январь 1169 года

Нора спешно огляделась вокруг, проверяя, не смотрит ли кто, а потом проскользнула меж деревьев и скатилась вниз по склону к ручью. Что лягушек там сейчас не найдешь, она зна-

© Cecelia Holland, 2013; © пер. А. Курышевой, 2015.

ла — брат объяснил: когда на деревьях нет листьев, в ручьях нет лягушек. Но вода на пестрой гальке так сверкала, да к тому же она увидела следы в сыром песке. Присев на корточки, Нора выхватила из потока блестящий камушек. Когда высохнет, он уже не будет таким красивым. Следом за ней по берегу торопливо спустилась ее младшая сестра Джоанна.

— Нора! Это что у тебя?

Она показала сестренке камень и прошла чуть дальше вдоль струйки воды. Следы были птичьи — маленькие крестики на мокром песке. Она снова присела на корточки, чтобы поворошить гальку, и вдруг увидела в желтом песчаном склоне отверстие, словно маленький круглый дверной проем.

Нора отвела ладонью завесу похожих на волосы корней, пытаясь заглянуть внутрь и узнать, не живет ли там кто-нибудь. Можно было бы сунуть руку и проверить. В голове вихрем взвились мысли: ей представилось что-то пушистое, пушистое и зубастое, представилось, как на ее ладони смыкаются зубы, — и она тут же прижала кулак к юбке.

Из-за деревьев донеслось:

— Нора?

Это была ее новая нянька. Игнорируя зов, она принялась искать палку, чтобы исследовать отверстие; рядом с ней Джоанна тихонько протянула «О-о-о-о...» и, встав на четвереньки, наклонилась к норке. Юбка у нее насквозь промокла от воды из ручья.

— Нора! — позвал другой голос.

Девочка вскочила на ноги.

— Ричард! — воскликнула она и, бросившись карабкаться вверх по склону, едва не потеряла башмак. Добравшись до травы, она натянула его обратно, обернулась и помогла подняться Джоанне, а потом сквозь полосу голых деревьев выбежала на открытое место.

К ней, раскинув руки, с улыбкой шагал брат, и она кинулась к нему. Они не виделись с самого Рождества, когда в последний раз собирались все вместе. Ему было двенадцать лет — куда больше, чем ей; он был уже почти взрослый. Ричард схватил ее в охапку и обнял. От него пахло лошадьми. Сзади с воплем подоспела Джоанна, и он обнял ее тоже. Подобрав юбки, к детям спешили две побагровевшие, запыхавшиеся няньки. Ричард выпрямился, сверкая голубыми глазами, и указал на дальнюю сторону поля.

— Видите? Там матушка едет.

Нора ладонью прикрыла глаза от солнца и посмотрела вдаль. Сначала она увидела только толпу людей, которая окольцовывала широкое поле, суетясь и бурля, но внезапно по толпе прокатился гул и тут же превратился в рев, несущийся со всех сторон. Там, вдалеке, на поле выбежала лошадь, остановилась, и всадница вскинула руку в приветственном жесте.

— Мама! — воскликнула Джоанна, захлопав в ладоши.

Теперь уже вся толпа гремела ликующими криками, а мама Норы на своей темно-серой лошади легким галопом скакала вдоль боковой линии к деревянному помосту под платанами, где им всем полагалось сидеть. Нора, до краев переполненная гордостью и радостью, завопила:

— Ура! Ура, мама!

Там, у возвышения, навстречу женщине на лошади шагнула дюжина пеших. Всадница остановилась среди них, бросила поводья и спешилась. Быстро взошла на помост, где стояли два кресла, встала и подняла руку. Медленно повернулась с одной стороны в другую, приветствуя радостную толпу, стройная и прямая, словно дерево, окутанная вихрем роскошных юбок.

Вдруг над платформой, трепеща, будто огромное крыло, резко развернулось ее знамя — орел Аквитании. Громогласные крики усилились:

— Алиенора! Алиенора!

Она в последний раз махнула толпе, но уже заметила, что к ней спешат дети, и все ее внимание обратилось к ним. Королева наклонилась и распахнула объятия, и Ричард, подхватив Джоанну на руки, подбежал к возвышению. Нора поднялась по ступенькам сбоку. Остановившись перед центром помоста, Ричард поставил сестренку у ног матери.

Мать обвила их руками. Нора уткнулась лицом ей в юбки.

— Мама.

— Ах... — Королева, садясь, чуть отстранила Джоанну от себя. Другой рукой она обняла Нору за пояс. — О, милые мои. Как же я скучала. — Она осыпала обеих торопливыми поцелуями. — Джоанна, ты насквозь промокла. Так не годится. — И матушка поманила рукой няньку. Джоанна завизжала, но ее увели.

Все прижимая Нору к себе, Алиенора наклонилась вперед и посмотрела на Ричарда, который стоял перед ней, опираясь сложенными руками на край помоста.

— Ну, сын мой, ты рад?

Он оттолкнулся от платформы и выпрямился: лицо его пылало, светлые волосы буйно растрепались от ветра.

— Матушка, я дождаться не могу! Когда папа приедет?

Нора вжалась в мать. Она тоже любила Ричарда, но ей бы хотелось, чтобы мама обращала на нее больше внимания. Ее матушка была красива, хоть и очень стара. Она не носила чепца — только тяжелый золотой обруч на блестящих каштаново-рыжих волосах. А вот у Норы волосы были цвета старой сухой травы. Ей не суждено было стать красавицей. Королева крепче обвила ее рукой, но все еще склонялась к Ричарду и не отрывала от него взгляда.

— Скоро. Тебе нужно подготовиться к церемонии. — Она коснулась воротника сына, потом подняла руку к его щеке. — Хотя бы причешись.

Тот нетерпеливо перекатился с пятки на носок.

— Не могу дождаться. Просто не могу. Я буду герцогом Аквитанским!

Королева рассмеялась. Вдалеке на поле затрубил рог.

— Гляди, начинается. Иди отыщи свой плащ. — Она повернулась и подозвала пажа. — Помоги лорду Ричарду. Так, Нора... — Мама чуть отстранила ее, чтобы окинуть взглядом с головы до пят. Губы ее изогнулись в улыбке, глаза заблестели. — Чем ты занималась, каталась в траве? Ты теперь у меня большая девочка, ты должна выглядеть прилично.

— Мама. — Нора не хотела быть большой девочкой. Одна мысль об этом напоминала ей, что Мэтти — н а с т о я щ е й большой девочки — с ними больше нет. Но она обожала, когда мать уделяла ей время, поэтому изо всех сил задумалась, что бы такое сказать, чтоб удержать ее внимание. — Это значит, что мне нельзя больше играть?

Алиенора рассмеялась и снова обняла ее.

— Тебе всегда можно будет играть, девочка моя. Просто в другие игры. — Она коснулась губами лба Норы, и та поняла, что угадала с вопросом. Потом Алиенора отвернулась. — Смотри, отец едет.

По толпе, словно порыв ветра в сухом поле, пронеслась волна возбужденного шепота, который превратился в гул, а потом взорвался громогласными криками. На краю поля показалась колонна всадников. Нора вытянулась, хлопнув в ла-

доши, ахнула и затаила дыхание. В самой середине колонны ехал ее отец — на нем не было ни короны, ни королевских одежд, но все же казалось, что все вокруг кланяется и покоряется ему, словно только он один на всем свете достоин уважения.

— Папа.

— Да, — тихо выдохнула Алиенора. — Ваш папа-король. — Она отпустила ее и села прямее.

Нора попятилась; если получится спрятаться за ними, может быть, о ней забудут, и ей можно будет остаться. Она заметила, что Ричард тоже не ушел, а задержался у королевской трибуны. Отец подъехал и спрыгнул с седла прямо на возвышение. На лице его играла улыбка, глаза щурились, одежда была измята, борода и волосы взлохмачены. В ее глазах он выглядел, словно какой-то лесной владыка, дикий и неистовый, увенчанный листьями и кусками коры. С обеих сторон трибуны, стремя к стремени растянувшись по всей длине поля, единым строем подъехали его рыцари и встали, повернувшись к французам на дальней стороне. Король бросил туда торопливый взгляд, а потом опустил глаза на Ричарда, который стоял перед ним, вытянувшись в струнку и подняв голову.

— Эй, ты! — сказал он. — Ну что, готов расщепить копье?

— О, папа! — Ричард запрыгал на месте. — А можно?

Король рассмеялся лающим смехом, глядя на него с помоста сверху вниз.

— Нет, пока не сможешь сам заплатить выкуп, когда проиграешь.

Ричард порозовел, словно девушка.

— Я не проиграю!

— Нет, конечно, нет. — Король махнул рукой. — Никто никогда не думает, что проиграет, малец. — Отворачиваясь, он снова усмехнулся презрительно и резко. — Потом, когда подрастешь.

Нора закусила губу. Ей стало обидно за Ричарда — нельзя было так с ним говорить, — а брат сник, пнул землю носком сапога и вслед за пажом побрел прочь с поля. Он вдруг снова превратился в обыкновенного мальчика. Нора уселась на корточки за завесой матушкиных юбок, надеясь, что отец ее не заметил. Он устроился в кресле рядом с королевой, вытянул ноги и только потом впервые повернулся к Алиеноре.

— Изумительно хорошо выглядите, несмотря ни на что. Удивляюсь, как ваши старые кости выдержали всю дорогу от Пуатье.

— Я бы не пропустила это зрелище, — сказала она. — К тому же поездка была довольно приятной. — Они не коснулись друг друга, не поцеловались, и в сердце Норы тихонько шевельнулось беспокойство. К краю помоста подошла ее нянька, и девочка сжалась, нырнув глубже в тень матери. Алиенора пристально посмотрела на короля. Ее взгляд остановился на его груди.

— Яйца на завтрак? Или это был вчерашний ужин?

Нора настолько изумилась, что даже чуточку вытянула шею, чтобы поглядеть на отца: одежда у него была грязная, но желтка она нигде не заметила. Он прожег матушку тяжелым взглядом, лицо застыло от сдерживаемого гнева. На свой плащ он глаз не опустил.

— Ну что за вздорная старуха...

Нора провела языком по нижней губе. Внутри все горело, словно щипалась тысяча колючек и заусенцев. Мамина рука лежала на бедре, и Нора увидела, как Алиенора резким движением разглаживает юбку — снова и снова, напряженными, застывшими пальцами.

Подала голос нянька:

— Леди Нора, идемте.

— Вы не привезли свою возлюбленную, — сказала королева.

Король наклонился к ней так, будто собирался кинуться, может, даже ударить ее кулаком.

— Она вас боится. Не желает к вам и приближаться.

Алиенора рассмеялась. Она не боялась его. Нора удивилась про себя, что бы это могло значить: разве не ее матушка — возлюбленная короля? Она сделала вид, что не замечает, как нянька манит ее к себе.

— Нора, идемте же! — громко позвала та.

Это привлекло внимание матери; она резко обернулась, увидела Нору и сказала:

— Иди, девочка моя. Приведи себя в порядок. — Мамина ладонь мягко опустилась ей на плечо. — Прошу тебя, делай что велят.

Нора соскользнула с края помоста, и ее увели наряжаться и прихорашиваться.

Когда Мэтти, старшая сестра Норы, вышла замуж за германского герцога, их старая нянька уехала вместе с ней. А эта новая совсем не умела причесывать так, чтобы не было больно. Джоанну уже затянули в новое платьице, заплели ей волосы, и остальные дети ждали снаружи, у входа в маленький шатер. Пока ее наряжали, Нора все думала о Мэтти, о том, как та рассказывала ей сказки и пела песни, когда ей снились кошмары. Наконец их вывели на поле к началу церемонии — сначала братьев, потом ее и Джоанну.

Джоанна сунула ладошку в руку Норы, и та крепко сжала ее пальчики. Из-за всех этих людей она чувствовала себя совсем крохотной. В середине поля все стояли рядами, как в церкви, а простолюдины теснились по краям, силясь услышать, что происходит. С обеих сторон висели знамена, а впереди всех стоял глашатай и, опустив длинный блестящий рог, глядел, как приближаются дети.

В больших креслах в самом центре сидели отец и матушка, а рядом с ними — бледный, усталый на вид человек, одетый в синий бархат. Под ногами у него была небольшая скамеечка. Нора знала, что он — король Франции. Они с сестрой и братьями встали перед ними бок о бок, глашатай произнес их имена, и дети, как один, поклонились — сначала родителям, а потом французскому королю.

Без Мэтти и младшего братика, который еще оставался в монастыре, их было всего пятеро. Старшим был Генри. Его называли «молодым Генрихом», потому что папино имя тоже было Генрих. Следом шел Ричард, потом Джеффри. Мэтти по возрасту приходилась между молодым Генрихом и Ричардом. После Джеффри шла Нора, потом Джоанна, а последним — малыш Джон, которого оставили с монахами. Толпа завопила и заулюлюкала, и Ричард вдруг поднял руку над головой, словно отвечая людям.

Потом их всех торопливо отвели за спины родителей, в гущу придворных, где им снова пришлось стоять рядком. Глашатаи голосили на латыни. Джоанна прислонилась к Норе.

— Я есть хочу.

Сидящая в двух шагах впереди Алиенора оглянулась через плечо.

— Ш-ш-ш, — прошептала Нора.

Вокруг них были одни мужчины, а вот за спиной короля Франции стояла девочка. На вид она была чуть постарше Норы,

и та заметила, что девочка тоже смотрит на нее. Нора неуверенно улыбнулась, но незнакомка только опустила глаза.

Громогласно загудел рог, и Нора едва не подскочила. Джоанна крепче вцепилась в ее ладонь. Один из папиных придворных вышел вперед и принялся зачитывать со свитка, тоже на латыни. Текст был простой — проще тех, по которым ее учили монахи. Он читал про молодого Генриха — какой тот благородный, какой добрый, — и по команде ее старший брат вышел вперед и встал перед двумя королями и королевой. Он был высокий и худой, весь в веснушках и красный от солнца. Норе понравился его темно-зеленый плащ. Он опустился на колени перед отцом и французским королем, глашатаи закончили свои речи, а потом заговорили короли.

Они делали молодого Генриха королем. Чтобы он тоже был королем Англии, как папа. Ей вдруг представилось, как оба Генриха пытаются уместиться на одном троне, втиснувшись обеими головами в одну корону, и она рассмеялась. Матушка снова оглянулась, сверкнув резким взглядом из-под сошедшихся темных бровей.

Джоанна переминалась с ноги на ногу.

— Я есть хочу, — заявила она громче, чем в прошлый раз.

— Ш-ш-ш!

Молодой Генрих встал с колен, поклонился и вернулся к остальным детям. Глашатай произнес имя Ричарда, и тот поспешил выйти вперед. Его нарекали герцогом Аквитанским. Он должен был жениться на дочери французского короля, которую звали Алис. Взгляд Норы снова обратился к незнакомой девочке, стоящей среди французов. Значит, она — Алис? У нее были длинные каштановые волосы и маленький острый носик; она пристально глядела на Ричарда. Норе стало любопытно, каково это — впервые увидеть человека, за которого тебя собираются выдать замуж. Она представила себе, как Алис целует Ричарда, и скорчила рожицу.

Королева, которая сидела перед ней в кресле, выпрямившись и застыв, горько опустила уголки губ. Ей это тоже не нравилось.

Алис будет жить с ними, у них в семье, пока не повзрослеет и не сможет выйти замуж за Ричарда. В груди Норы зашевелилось беспокойство: точно так же, как Алис привезли в чужие края, Мэтти увезли куда-то, и они никогда больше ее не увидят.

Она вспомнила, как Мэтти плакала, когда ей сказали. *Но, мама, он ведь такой* с т а р ы й . Нора поджала губы, в глазах защипало.

Только не с ней. С ней такого не случится. Ее не отошлют невесть куда. Не продадут. Она желала чего-то иного, но не знала, чего именно. Ей приходило в голову, что можно стать монашкой, но что было делать?

Ричард опустился на колени и вложил ладони в длинные костлявые руки короля Франции; когда он встал, голова его клонилась вперед так, будто на ней уже сидел венец. Его широкая улыбка сияла ярче солнца. Он отступил обратно к семье, и глашатай выкрикнул имя Джеффри, которого должны были теперь наречь герцогом Бретанским и женить еще на какой-то чужестранке.

Нора сгорбилась. Славы ей никогда не видать, на ее долю ничего не останется, ей можно только стоять и смотреть. Она снова взглянула на принцессу Алис и заметила, что та печально потупилась, уткнувшись взглядом себе в ладони.

Джоанна вдруг зевнула, высвободила ладошку из пальцев Норы и уселась на пол.

Теперь вперед вышел, широко раскинув руки, кто-то другой, и громкий, сильный голос произнес:

— Мой господин, король Англии, как мы и условились, я прошу вас принять архиепископа Кентерберийского, и да возродится ваша дружба, да будет положен конец ссоре между вами — на благо обоих наших королевств и Святой Матери-Церкви.

В толпе раздались возгласы изумления, и по полю в сторону королей направился какой-то человек. Он был одет в длинный черный плащ поверх белой рясы, на груди у него висел крест. В руке он держал посох с витым наконечником. Громкий гул поднялся в толпе, со всех сторон люди вопили от возбуждения. За спиной у Норы кто-то пробормотал:

— Опять Беккет. Никак он не уймется.

Она знала это имя, но не могла вспомнить, кто такой этот Беккет. Он подошел ближе — высокий, изможденный человек в потрепанных одеждах. Выглядел он, как простолюдин, но шел, словно лорд. Все смотрели только на него. Когда он приблизился к ее отцу, гул и шорохи стихли, толпа затаила дыхание. Остановившись перед королем, тощий опустился на колени, положил посох, а потом и вовсе лег, распластавшись на земле, словно ковер. Нора чуть сдвинулась в сторону, чтобы видеть его

в щель между матерью и отцом. Толпа подалась вперед, вытянув шеи.

— Мой милостивый повелитель, — сказал он певучим голосом, — я прошу простить мне все мои проступки. Не бывало еще на свете властелина более праведного, чем вы, и подданного более заблудшего, чем я, и я явился молить о прощении, уповая не на свою добродетель, а лишь на вашу.

Отец встал. На раскрасневшемся лице его вдруг отразилась огромная радость, глаза засветились. Тощий незнакомец все говорил, склонив голову, смиренным, умоляющим тоном, и король двинулся к нему, протянул руки, чтобы поднять его с земли.

Но тут Беккет произнес:

— Я вверяю себя вам, милорд, отныне и навсегда, во всем, кроме славы Господней.

Королева вскинула голову. За спиной Норы кто-то ахнул, еще кто-то шепнул: «Глупец». Отец, шедший к Беккету с распростертыми объятиями, замер на полпути. По толпе словно пробежала какая-то дрожь.

— Что это значит? — резко спросил король.

Беккет поднялся. Там, где его колени упирались в землю, на одеждах остались пятна грязи. Он встал, выпрямившись и вскинув голову.

— Я не могу отринуть волю Господню, милорд, но во всем остальном...

Ее отец бросился вперед.

— Я не на это соглашался.

Беккет, высокий, будто колокольня, не отступил, словно сам Бог стоял за его плечом. Он снова заявил:

— Мой долг — оберегать славу Господа нашего, Властелина небес и земли.

— Я — твой властелин! — Радость покинула черты короля. Его голос разнесся по полю раскатом грома. Больше никто не шевелился, никто не говорил ни слова. Он сделал шаг в сторону Беккета, стиснув руку в кулак. — Это королевство — м о е. Не бывать здесь ничьей иной власти! Слышать не хочу про Бога, Томас, склонись передо мной и покорись в о в с е м — или встретишь свою погибель!

Людовик торопливо спустился с помоста и бросился к ним, но его лихорадочный шепот остался без внимания. Беккет не шелохнулся.

— Я был рукоположен и вверен Господу. И не могу смыть с себя этот долг.

Отец Норы взревел:

— Я — король, я и никто другой, жаба ты, осел этакий! Никто, кроме меня! Ты всем обязан мне! М н е !

— Папа! Милорд... — Молодой Генрих шагнул было вперед, но мать протянула руку, схватила его и удержала на месте. Из толпы послышались еще голоса. Нора нагнулась и попыталась заставить Джоанну подняться.

— Я не собираюсь терпеть унижений! Склонись передо м н о й , передо мной одним! — Голос ее отца гремел, словно рокот рога, и толпа снова смолкла. Король Франции положил руку ему на плечо и одними губами сказал что-то, но папа развернулся и стряхнул его ладонь. — С этого дня всякий раз, как ему вздумается выступить против меня, он будет называть это Господней волей. Да поймите же вы! Ни от чего он не отказался... не желает он выказать мне никакого уважения... хоть бы и уважения свиньи перед свинопасом!

Толпа разразилась воплями. Кто-то крикнул: «Боже, благослови короля!» Нора тревожно огляделась. Люди, стоящие за ней, сновали туда-сюда и постепенно отступали, будто пытались сбежать, но очень медленно. Алиенора все держала молодого Генриха за руку, но теперь он начал тихонько протестовать. Ричард застыл на месте, всем телом наклонившись вперед и выпятив челюсть, словно рыба. Французский король взял Бекета за рукав, потянул в сторону и торопливо зашептал что-то ему на ухо. Но тот ни на миг не оторвал глаз от отца Норы. Его голос прогремел трубой архангела:

— Я служу славе Господней!

Посреди всего этого король всплеснул руками, словно собираясь взлететь; потом топнул ногой так, что, казалось, вот-вот расколет землю, и закричал:

— Уберите его отсюда, пока я его не убил! Славе Господней! Круглой белой заднице Господней! Уведите его, пусть исчезнет!

Взрыв его гнева заставил толпу отшатнуться. Резко сорвавшись с места, французский король вместе со своими слугами и гвардейцами увел Томаса прочь. Отец Норы принялся изрыгать проклятия и угрозы и размахивать руками, побагровев, будто сырое мясо. Молодой Генрих вырвался из рук Алиеноры и кинулся к нему.

— Милорд...

Король резко развернулся, махнув рукой, и сбил его с ног тыльной стороной ладони.

— Не суйся!

Нора подпрыгнула на месте. Не успели Ричард и Джеффри шевельнуться, как Алиенора уже ринулась к молодому Генриху, в несколько шагов оказалась рядом с ним, как раз когда он вскочил на ноги, и торопливо увела с собой. Следом спешила толпа ее слуг.

Нора осталась стоять. Только сейчас она поняла, что все это время не дышала. Джоанна наконец поднялась и обняла ее за пояс, и Нора обняла сестру в ответ. Джеффри бросился бежать вслед за королевой; Ричард помедлил, опустив руки и глядя на пылающего гневом короля. Потом развернулся на месте и припустил за матерью. Нора ахнула. Они с Джоанной оказались одни посреди поля, вдали от людской толпы.

Король заметил девочек. Затих. Огляделся, больше никого вокруг не увидев, и пошел к ним.

— Давайте... бегите! Все остальные меня бросают. Бегите! Вы что, дурочки?

Джоанна съежилась, спрятавшись за Нору. Та выпрямилась и убрала руки за спину — так она всегда стояла, когда с ней говорили священники.

— Нет, папа.

Лицо у него было ярко-красное, цвета сырого мяса. Лоб покрывала тонкая пелена влаги. От его дыхания Нору едва не стошнило. Он оглядел ее и сказал:

— Значит, будешь бранить меня, как твоя поганая мать?

— Нет, папа, — ответила она с удивлением. — Вы — король.

Он вздрогнул, и краска схлынула с его лица, словно волна с берега, а голос зазвучал мягче, спокойнее:

— Что ж, хоть одна из вас мне верна.

Он отвернулся и пошел прочь, на ходу подняв руку. Тут же со всех сторон к нему сбежались люди. Один привел под уздцы его большую черную кобылу, и папа уселся в седло. Возвысившись над пешими, он покинул поле. Стоило ему уехать, Ричард бегом бросился забирать Нору и Джоанну.

— Почему мне нельзя...

— Потому что я тебя знаю, — перебил Ричард. — Дай тебе волю, и ты тут же попадешь в беду. — Он подсадил ее в телегу,

куда уже уселись Джоанна и француженка. Нора гневно плюхнулась на дно — им ведь всего только и надо, что подняться на холм. Мог бы и позволить прокатиться на его лошади! Щелкнул кнут, телега тронулась, и девочка, опершись на борт, уставилась вдаль.

Вдруг сидящая рядом с ней Алис сказала по-французски:

— Я знаю, кто ты.

Нора обратила к ней изумленное лицо.

— Я тоже знаю, кто ты, — отозвалась она.

— Тебя зовут Элеонора, и ты — вторая сестра. Я умею говорить на французском и на латыни и читать тоже умею. А ты умеешь читать?

Нора ответила:

— Да. Меня все время заставляют читать.

Алис бросила взгляд через плечо; рядом с телегой шагали сопровождающие, но они были не настолько близко, чтобы подслушать разговор. Джоанна стояла в дальнем углу — бросала кусочки соломы за борт и, высунувшись наружу, глядела, где они упадут. Алис тихо продолжила:

— Нам надо подружиться, потому что мы станем сестрами и мы почти ровесницы. — Француженка окинула Нору с головы до пят задумчивым взглядом, отчего той стало неуютно. Она поежилась. В голове промелькнула сердитая мысль, что эта девочка пытается занять место Мэтти. Алис добавила: — Я буду к тебе хорошо относиться, если ты будешь добра ко мне.

— Ладно, — согласилась Нора. — Я...

— Но я, наверное, буду говорить первая. Потому что я старше.

Нора напряглась было, но тут же подскочила на месте, потому что со всех сторон загремели приветственные вопли. Телега катилась по дороге к стоящему на холме замку, и вдоль всей улицы растянулись толпы людей, вновь и вновь выкрикивающих одно и то же имя — но не ее и не Алис; это было имя Ричарда. Тот с непокрытой головой ехал впереди и не обращал на крики никакого внимания.

Алис снова повернулась к ней.

— Где вы живете?

— Ну, иногда в Пуатье, — ответила Нора, — но...

— Мой отец говорит, что у твоего отца есть все: деньги и драгоценности, и шелка, и солнечный свет, а у нас во Франции только и есть что благочестие и доброта.

Нора вскинулась:

— Мы добрые. — Все же ей было приятно, что Алис понимает, как велик ее отец. — И благочестивые тоже.

Французская принцесса отвернулась; ее острое личико вытянулось, а в голосе впервые послышалась неуверенность:

— Надеюсь.

Сердце Норы гулко стукнуло, дрогнув от сочувствия. Джоанна ползала по полу, ища еще что-нибудь, что можно выкинуть из телеги, и сестра протянула ей горсть камешков, которые нашла в углу. Алис, сидящая с другой стороны от Норы, ссутулилась и уткнулась взглядом в собственные ладони, и Норе подумалось, не собирается ли она заплакать. Она сама, наверное, плакала бы, если бы все это случилось с ней.

Она придвинулась поближе, так чтобы сидеть вплотную к девочке. Алис изумленно вскинула голову и широко распахнула глаза. Нора улыбнулась ей, и их руки потянулись друг к другу, а пальцы переплелись.

Детей довезли не до самого замка. Под крики толпы они въехали на мостовую рядом с церковью, телега развернулась и, следуя по другой дороге, скрылась за деревянными воротами. Над ними теперь нависала громада здания с деревянными стенами, двумя рядами окон и тяжелым выступом крыши. Здесь телега остановилась, и все сошли на землю. Ричард провел их внутрь через широкую дверь.

— Мама наверху, — сказал он.

Дети оказались в темном коридоре, полном сундуков и слуг. Кто-то из них увел Алис. Нора поднялась по крутым неровным ступеням, таща Джоанну за руку. Та по-прежнему хотела есть и на каждом шагу об этом напоминала. Лестница кончалась площадкой с двумя комнатами — по одной с каждой стороны, — и Нора услышала мамин голос.

— Пока нет, — говорила королева. Нора зашла в большую комнату и у дальней стены увидела мать и молодого Генриха. Рука королевы лежала у него на плече. — Еще не время. Не будь порывист. Мы должны изображать верность. — Она заметила девочек, и на лицо ее, словно маска, скользнула улыбка. — Идите ко мне! — Рукой, лежащей на плече сына, она отстранила его от себя. — Езжай, — сказала она ему. — Он пошлет за тобой, и лучше, чтобы тебя здесь не оказалось. Возьми Джеффри с собой.

Молодой Генрих развернулся на пятках и вышел.

Норе стало любопытно, что значит «порывист»; слово было похоже на «обрывистый», и перед мысленным взором промелькнул утес, с которого падают люди. Она подошла к матери, и Алиенора обняла ее.

— Прости, — сказала мама. — Мне жаль, что так получилось с отцом.

— Мама.

— Не бойся его. — Королева взяла Джоанну за руки и поглядела поочередно на обеих девочек. — Я вас защищу.

— Я не...

Матушка подняла взгляд куда-то поверх головы Норы.

— Что такое?

— Король хочет меня видеть, — раздался сзади голос Ричарда. Нора почувствовала, как на плечо опустилась его рука.

— Только тебя?

— Нет, Генри и Джеффри тоже. Где они?

Мать пожала плечами так, что все тело двинулось — шея, голова, даже руки.

— Не имею представления. — Потом она добавила: — Но тебе лучше пойти.

— Да, мама. — Ричард сжал плечо Норы и вышел.

— Отлично. — Алиенора откинулась на стуле, все еще не отпуская руку Джоанны. — Так, девочки мои.

Нора озадаченно нахмурилась. Мама ведь знала, где остальные братья — она же сама только что их отослала. Та снова повернулась к ней.

— Не бойся.

— Мама, я не боюсь. — Но потом ей почему-то подумалось, что матушка хочет, чтобы она боялась.

Джоанна уже спала, свернувшись тугим клубком и прижавшись к спине Норы. Та лежала, положив голову на согнутую руку. Спать не хотелось вообще. Она думала о прошедшем дне, о том, как велик ее отец, как прекрасна мать, о том, что их семья властвует над всем светом, а она — одна из них. Представляла, как скачет галопом на огромном коне, а все вокруг выкрикивают ее имя. В руке у нее — копье с вымпелом на кончике, и она сражается во славу чего-нибудь. Или кого-нибудь спасает. В общем, совершает что-нибудь великое, но добродетельное.

Она поймала себя на том, что покачивается туда-сюда на воображаемой лошади.

Свеча в дальнем углу заливала длинную узкую комнату призрачным светом, так что можно было различить доски противоположной стены. От двери слышался рокочущий храп служанки. Остальные слуги спустились в зал. Норе стало любопытно, что же такое там случилось, что все вдруг захотели сойти вниз. И тут, к ее удивлению, в темноте кто-то прошмыгнул и опустился на колени у ее кровати.

— Нора?

Это была Алис. Нора в ошеломлении начала подниматься, но та уже забиралась в постель.

— Пусти меня, пожалуйста. Пожалуйста, Нора. Они заставили меня спать одну.

Из-за Джоанны двигаться было некуда, но она все равно сказала:

— Ладно.

Ей и самой не нравилось спать в одиночестве — одной было холодно и иногда грустно. Она оттянула одеяло, и Алис пристроилась рядом.

— Тут так некрасиво. Я думала, вы все живете в прекрасных дворцах.

— Мы тут не живем, — возразила Нора. Она вжалась спиной в Джоанну; младшая сестра пробормотала что-то во сне и подвинулась, освобождая место, но Алис все так же льнула к ней. До Норы донесся запах дыхания француженки, густой и кислый. Она напряглась, сон совершенно слетел. Теперь ей ни за что не уснуть.

Алис поуютней устроилась на матрасе. В кровати заскрипели веревки.

— У тебя уже есть сиси? — прошептала она.

Нора вздрогнула:

— Что? — Она не поняла, что Алис имеет в виду.

— Грудки, дурочка. — Алис заворочалась, приподняла одеяло и вжалась в нее. — Сиси. Вот такие. — Она схватила Нору за запястье и, потянув, провела ее ладонью по своей груди. На мгновение Нора ощутила под пальцами мягкую округлость.

— Нет. — Она попыталась высвободить руку из захвата Алис, но та держала крепко.

— Да ты еще маленькая.

Нора отняла руку и поспешно прижалась к Джоанне в попытке отстраниться.

— Я большая! — Это Джоанна маленькая. Она изо всех сил попыталась снова вызвать в памяти чувство, будто скачет на лошади, ощущение доблести, гордости и величия. — Когда-нибудь я буду королем! — выпалила Нора.

Алис фыркнула:

— Девочки не бывают королями, глупая! Девочки — просто женщины.

— В смысле, как матушка. Моя матушка не хуже короля.

— Твоя мать — злодейка.

Нора гневно толкнула ее.

— Матушка никакая не...

— Ш-ш-ш! Ты всех перебудишь. Прости. Прости. Просто все так говорят. Я не всерьез. И ты не маленькая. — Алис умоляюще коснулась ее. — Ты же не перестанешь со мной дружить?

Нора начинала подозревать, что вся эта дружба — дело куда более трудное, чем ожидалось. Она украдкой прижала ладонь к собственной щуплой груди.

Алис свернулась у нее под боком.

— Если мы хотим быть подругами, то нам надо держаться рядом. Куда мы дальше поедем?

Нора укуталась в одеяло, плотной тканью ограждая себя от Алис.

— Надеюсь, что с мамой в Пуатье. Мне очень хочется туда, это самый веселый двор во всем мире. — На мгновение разозлившись, она вдруг выпалила: — Куда угодно, только не в Фонтенвро. У меня так колени болят!

Алис засмеялась:

— Это монастырь? Меня тоже заставляли жить в монастырях. Даже в монашеские одежды наряжали.

Нора воскликнула:

— О, ненавижу их! Они такие колючие.

— И от них воняет.

— От монахинь воняет, — уточнила Нора и, вспомнив, что однажды сказала мама, добавила: — Тухлыми яйцами.

Алис хихикнула:

— С тобой весело, Нора. Ты мне очень нравишься.

— Ну и матушка тебе тоже должна нравиться, если хочешь поехать в Пуатье.

Алис снова протянула руку и коснулась Норы, поглаживая.

— Я ее полюблю. Честное слово.

Нора, довольная и сонная, опустила голову обратно на руку. В конце концов, Алис, пожалуй, не так уж и плоха. Она ведь беспомощная девица, и Нора может ее защищать, как настоящий рыцарь. Веки отяжелели; перед тем как уснуть, она на мгновение снова почувствовала, как под ней скачет галопом лошадь.

За завтраком Нора успела припрятать немного хлебных крошек и теперь сыпала их на подоконник. Ее позвала нянька, но она продолжила сыпать. Птичкам зимой было голодно. Женщина схватила ее за руку и потащила за собой.

— Когда я зову, надо подходить! — Нянька грубо протолкнула ее голову в ворот платья. Побарахтавшись, Нора наконец высунула макушку из вороха ткани. — А теперь садитесь и дайте мне вас причесать.

Она уселась, но снова посмотрела в сторону окна, и нянька ущипнула ее за руку.

— Не вертитесь!

От злости и досады Нора закусила губу, мечтая, чтобы няньку отослали обратно в Германию, сгорбилась на табурете и стала коситься на окно краешком глаза.

По волосам прошлась щетка.

— И как вы только умудряетесь так все запутать?

— А-а-ай! — Щетка больно дернулась, и Нора попыталась вывернуться, но нянька силой усадила ее обратно на стул.

— Сидите! Этот ребенок — сам дьявол. — Щетка с силой хлопнула ее по плечу. — Погодите, вот упечем вас обратно в монастырь, чертенок.

Нора застыла. Сидящая рядом Алис резко повернулась к ней, широко распахнув глаза. Нора соскользнула со своего табурета.

— Я хочу найти маму! — Она метнулась к двери. Нянька ринулась было за ней, но девочка увернулась и побежала быстрее.

— А ну вернитесь!

— Я хочу найти маму, — повторила Нора, сурово посмотрела на няньку и распахнула дверь.

— Подожди меня, — окликнула Алис.

Служанки бросились за ними. Нора поспешила вниз по лестнице, стараясь держаться на безопасном расстоянии и надеясь, что мама там, в зале. Навстречу поднимались слуги, и она лег-

ко проскользнула мимо, но нянькам пришлось задержаться, чтобы обогнуть их. Алис с горящими глазами следовала за ней по пятам.

— Нам ничего за это не будет? Нора?

— Бежим. — К ее радости, в зале было полно народу; это означало, что матушка там. Она прошла мимо ожидающих аудиенции людей в длинных парадных одеждах и протолкалась в самый центр.

Там-то и была матушка, и Ричард тоже — стоял рядом с ее креслом. Королева читала письмо. Какой-то человек стоял перед ней, сложив руки, и смиренно ожидал, когда она дочитает. Нора обошла его.

— Мама.

Алиенора подняла голову и вскинула брови.

— Что ты здесь делаешь? — Она оглядела толпу за спинами Норы и Алис, потом снова обратила взгляд к дочери, сказала: — Сядь и подожди, я занята, — и принялась читать дальше. Ричард коротко и весело улыбнулся сестре. Она прошла мимо него за спинку маминого кресла и повернулась лицом к залу. Сквозь толпу придворных протискивались няньки, но теперь им было до нее не добраться. Побледневшая Алис жалась к ней, хлопая глазами.

Алиенора в тяжелом кресле перед ними отложила письмо в сторону.

— Я подумаю об этом.

— Благодарю, ваша светлость. — Незнакомец церемонно поклонился и отошел, пятясь. Вперед выступил еще один, в красном плаще и с новым письмом в руке. Потянувшись, чтобы взять его, королева бросила взгляд на Ричарда, стоявшего рядом с ней.

— Зачем вчера отец хотел тебя видеть?

Алис прошептала:

— Что ты собираешься делать?

Нора ткнула ее локтем; она хотела послушать, что скажет брат.

— Он спросил меня, — ответил Ричард, — где брат Генри. — Мальчик переступил с ноги на ногу. — Он был пьян.

Королева прочитала новое письмо. Потом повернулась к столу, который стоял по другую руку, взяла перо и обмакнула его в чернильницу.

— Тебе тоже следует это подписать, ведь ты теперь герцог.

Услышав это, Ричард надулся от гордости и расправил плечи. Королева обернулась к Норе.

— Что ты хотела?

— Мама. — Нора подошла поближе. — Куда мы поедем? Отсюда.

Зеленые глаза матери оглядели ее с ног до головы, губы тронула легкая улыбка.

— Я думала поехать в Пуатье.

— Я хочу в Пуатье, можно?

— Конечно, — сказала ее мама.

— И Алис тоже?

Взгляд королевы переметнулся на Алис, которая стояла чуть дальше, у стены. Ее улыбка вдруг сделалась застывшей.

— Да, само собой. Добрый день, принцесса Алис.

— Добрый день, ваша светлость. — Девочка присела в поклоне. — Спасибо, ваша светлость. — И она обратила горящие радостью глаза на Нору. Та ответила ей откровенно триумфальным взглядом, а потом посмотрела вверх, на мамино лицо, счастливая тем, что ее матушка может все.

— Помнишь, ты сказала, что защитишь нас?

Улыбка королевы стала шире, голова слегка склонилась набок.

— Да, конечно. Я ведь ваша мать.

— И Алис тоже?

Теперь королева просто-напросто рассмеялась.

— Нора, да ты станешь опасна, когда подрастешь. Да, Алис тоже, конечно.

По другую сторону кресла Ричард закончил писать, и Алиенора забрала у него бумагу с пером. Но Нора не спешила покидать гущу событий, желая, чтобы матушка уделила ей еще хоть толику внимания. Ричард спросил:

— Раз я правда герцог, могу я отдавать приказы?

Королева опять заулыбалась; она посмотрела на него так, как больше ни на кого не смотрела.

— Конечно. Раз ты теперь герцог.

Казалось, она вот-вот рассмеется снова; Нора удивилась про себя: что же показалось маме таким забавным? Алиенора положила письмо на стол и деловито заскользила по нему пером.

— Я хочу, чтобы меня посвятили в рыцари, — сказал Ричард. — И новый меч.

— Как пожелаете, ваша светлость, — сказала матушка все тем же голосом, в котором звучал тихий смех, и степенно кивнула ему, словно поклонилась. Потом протянула письмо обратно человеку в красном плаще. — Можете начинать немедленно.

— Да благословит вас Господь, ваша светлость. Спасибо. — Тот принялся кланяться, пригибаясь, будто ныряющая в пруду утка. Вперед шагнул кто-то еще с новой бумагой. Нора качалась на носках, не желая уходить; няньки все ждали, угрюмо стоя в стороне и не отрывая глаз от девочек, будто могли притянуть их к себе взглядами. Ей хотелось, чтобы матушка снова посмотрела на нее, заговорила с ней. И тут в дальней части зала загремел голос:

— Дорогу королю Англии!

Алиенора выпрямилась, а Ричард метнулся на свое прежнее место рядом с ней. Весь зал вдруг закопошился, толпа задвигалась, уступая дорогу, сжимаясь и прогибаясь, и по внезапно расчистившемуся проходу зашагал папа Норы. Она торопливо отшатнулась обратно за спинку кресла королевы, к стоящей у стены Алис.

Одна лишь королева, хоть помрачнела лицом, осталась сидеть на месте. Все остальные согнулись перед ним едва не до земли. Король широким шагом подошел к Алиеноре, и зал за его спиной начал стремительно пустеть. Даже няньки ушли. Двое отцовских людей встали по обе стороны двери, словно стражники.

— Милорд, — сказала королева, — если бы вы послали вперед себя весть, мы бы лучше подготовились к вашему приходу.

Папа Норы стоял, глядя на нее сверху вниз. Одежда на нем была та же, что вчера. Его большие ладони лежали на поясе; голос скрипел, будто шаги по гравию.

— Я решил, что увижу больше, если явлюсь без предупреждения. Где мальчики? — Он кинул быстрый взгляд на Ричарда. — Остальные мальчики.

Королева пожала плечами.

— Присядете, милорд? — К ним поспешил слуга с креслом. — Принесите королю вина.

Король упал в кресло.

— Не думайте, будто я не знаю, что вы замышляете. — Он повернул голову, заметив Нору, которая стояла прямо за коро-

левой, и вперил в нее пристальный взгляд. Нора неловко поежилась.

— Милорд, — сказала Алиенора. — Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы так дурно умеете лгать, Алиенора. — Король изогнулся на стуле, поймал Нору за руку, вытянул ее вперед между собой и королевой и поставил перед ними обоими. — Вот эта малышка вчера очень хорошо говорила со мной, когда вы все разбежались. Думаю, она не станет лгать.

Нора спрятала руки за спину. Во рту пересохло, и она сглотнула. Матушка улыбнулась ей.

— Нора умна. Поздоровайся с отцом, милая.

— Храни вас Господь, папа, — сказала Нора.

Он уставился на нее. Черные дыры его зрачков опоясывали голубые кольца, яркие, будто кусочки неба. Король поднял руку и бережно коснулся подола ее платьица. Тело Норы, скрытое под коконом ткани, отпрянуло, съежившись от его прикосновения. Он пригладил подол. Ее мать изогнулась в кресле, чтобы видеть их, а Ричард за ее спиной нахмурился, почернев лицом, как грозовая туча.

— Что ж. Только-только из монастыря, а? Понравилось тебе там?

Она спросила себя, какого ответа от нее ждут, и вместо этого сказала правду:

— Нет, папа.

Он рассмеялся. Черные дыры зрачков расширились, потом снова стянулись.

— Ты что же, не хочешь быть монахиней?

— Нет, папа, я хочу... — К ее удивлению, все переменилось. Она вдруг ощутила прилив храбрости. — Я хочу быть героем.

Алиенора тихо усмехнулась, а король фыркнул:

— Ну, Бог дал тебе для этого неподходящее тело. — Его взгляд притянуло что-то за ее спиной. — Куда ты собрался?

— Никуда, милорд, — невозмутимо ответил Ричард.

Король снова засмеялся, на этот раз показав зубы. От него пахло чем-то кислым, вроде старого пива и грязной одежды. Его глаза смотрели на Нору, но говорил он с ее матерью.

— Я хочу видеть своих сыновей.

— Они встревожены, — сказала королева, — тем, что случилось с Беккетом.

— С Беккетом я разберусь. Не суйтесь в это. — Подошел слуга с чашей вина, и он принял ее. Нора переступила с ноги на ногу, желая ускользнуть от родителей — их слова рассекали воздух, словно лезвия кинжалов.

— Да уж, от того, как вы разбираетесь с Беккетом, все мы оказываемся в любопытном положении, — сказала ее мать.

— Чтоб ты сдох, Господи! — провозгласил он, поднял чашу и осушил ее. — Я и представить себе не мог, что он так жаждет стать мучеником. Вы же видели. Он уже похож на старика. Пусть это послужит нам предостережением против добродетели, раз уж она превращает живых людей в скелеты.

— Нет, вы правы, — сказала ее мать, глядя куда-то вдаль. — Негоже, когда у половины королевства есть лазейка, чтоб пойти в обход вашей воли.

Он резко повернулся к ней, стиснув зубы.

— Никто не посмеет пойти в обход моей воли.

— Что ж, — сказала она, глядя ему в лицо с недоброй улыбкой. — Мне так не кажется.

— Мама, — подала голос Нора, вспомнив, как это правильно делается. — С вашего позволения...

— Останься, — сказал отец, потянулся к ней и, схватив за плечи, втащил к себе на колени.

— Нора, — сказала мама. Ричард за ее спиной выпучил глаза и шагнул вперед. Нора заерзала, пытаясь выпрямиться в железной хватке отца; его длинные руки обернулись вокруг нее, словно клетка. Лицо матери ее напугало; она попыталась высвободиться, и отец крепче сомкнул руки.

— Мама...

Королева неожиданно резким голосом сказала:

— Отпустите ее, государь.

— А что? — возмутился король, усмехнувшись. — Разве ты не моя милая доченька, Нора? — Он поцеловал девочку в щеку и стиснул в объятиях, одной ладонью гладя по руке. — Мне нужны мои сыновья. Верни мне моих сыновей, женщина. — Внезапно он столкнул Нору со своих колен обратно на пол, поднялся на ноги и поманил пальцем Ричарда. — За мной. — Его шаги громко заскрипели по полу. Все, потеряв дар речи, глядели, как он тяжело шагает прочь из зала; Ричард поспешил следом.

Нора потерла щеку, еще влажную от поцелуя отца. Ее глаза обратились к матери. Королева простерла руки, и Нора подошла к ней. Матушка обняла ее крепко-крепко и сказала:

— Не бойся. Я тебя защищу. — Ее голос дрожал. Она отпустила Нору и хлопнула в ладоши. — А теперь мы послушаем музыку.

От подноса с миндальными булочками на длинном деревянном столе поднимались завитки пара. Нора прокралась по ступеням на кухню, прижимаясь к стене, и быстро нырнула под столешницу. В глубине кухни кто-то пел, а кто-то смеялся; никто не заметил ее. Она протянула руки за край и, набрав полные горсти булочек, спрятала их в складках юбки. Когда места там не осталось, стремительно развернулась и поспешила обратно вверх по лестнице и наружу.

Прямо за порогом ждала Алис. От восторга у нее засверкали глаза, и она, хлопнув в ладоши, принялась скакать на месте. Нора протянула ей булку.

— Быстрей! — Она бросилась к садовой калитке.

— Эй! Девочки!

Алис вскрикнула и пустилась бежать. Нора, узнав голос, обернулась и уперлась взглядом в веселые глаза Ричарда.

— Поделишься?

Они пошли в сад, уселись на скамейку у стены и принялись есть булочки. Ричард слизнул с пальцев сладкую пыль.

— Нора, я уезжаю.

— Уезжаешь? — испуганно повторила она. — Куда?

— Мама хочет, чтобы я нашел братьев. Мне кажется, она просто пытается отправить меня куда-нибудь подальше от папы. Потом я поеду искать рыцарей, которые согласятся последовать за мной. Я теперь герцог, мне нужно войско. — Он обнял ее, прижался лицом к волосам. — Я вернусь.

— Тебе так повезло, — не сдержалась Нора. — Ты герцог. А я никто! Почему я девочка?

Ричард засмеялся, не выпуская сестру из теплых объятий, не отнимая щеки от ее волос.

— Ты не всегда будешь маленькой девочкой. Когда-нибудь ты выйдешь замуж и тогда станешь королевой, как мама, или по крайней мере принцессой. Я слышал, как они говорили, что хотят выдать тебя за кого-то из Кастилии.

— Кастилия. Где это? — Ее пронзило внезапной тревогой. Она посмотрела ему в лицо и подумала, что на свете нет никого красивей Ричарда.

— Где-то на испанских границах. — Он потянулся за последней булочкой, а она поймала его руку и крепко сжала. Пальцы у него были все липкие.

— Я не хочу уезжать, — сказала Нора. — Я буду скучать по тебе. И я никого там не знаю.

— Ты еще не скоро поедешь. Слово «кастилия» значит «замки». Они там сражаются с маврами. Ты будешь крестоносцем.

Она озадаченно нахмурилась:

— В Иерусалиме? — В монастыре они все время молились за успех крестового похода. Иерусалим находился на другой стороне земного шара, и она ни разу не слышала, чтобы его называли Кастилией.

— Нет, в Испании тоже идет крестовый поход. Помнишь Эль Сида? И Роланда. Как у них.

— Роланд, — произнесла она с внезапным радостным волнением. О Роланде сложили песнь, полную захватывающих приключений. Она снова склонилась к брату. — А у меня будет меч?

— Вполне возможно. — Он еще раз поцеловал ее волосы. — Женщинам обычно мечи не нужны. Мне надо идти. Я просто хотел попрощаться. Ты теперь остаешься дома за старшую, так что присматривай за Джоанной.

— И Алис, — добавила она.

— Ах да, Алис... — Он взял ее за руку. — Нора, слушай, между мамой и папой что-то происходит, не знаю что, но происходит. Будь храброй, Нора. Будь храброй и веди себя хорошо.

На мгновение он обнял ее крепче, потом встал и пошел прочь.

— Когда мы прибудем в Пуатье? — радостно спросила Алис. Она сидела на сундуке у задней стены повозки, расправив юбки веером.

Нора пожала плечами. Телеги всегда ездят очень медленно и сильно растягивают путешествие. Ей хотелось бы, чтоб ей позволили ехать верхом на лошади. Нянька перелезла через бортик, обернулась и на руках подняла к ним Джоанну. Погонщик подвел лошадей, зажав в руках связку поводьев, повернул их крупами к повозке и поставил в оглобли. Он, наверное, мог бы разрешить ей править лошадьми. Нора свесилась через бортик,

оглядывая двор, где теснились повозки, людей, которые упаковывали мамины вещи, и ряд ожидающих переезда коней.

Нянька сказала:

— Леди Нора, сядьте на место.

Нора не стала оборачиваться, сделав вид, что не слышала. Из парадной двери вышла матушка, и при ее появлении весь двор обернулся, словно она была солнцем; все грелись в ее лучах.

— Мама! — позвала Нора и помахала рукой, и мать помахала в ответ.

— Леди Нора! Сядьте!

Она облокотилась о край повозки. Алис, сидящая рядом, хихикнула и ткнула ее локтем. Конюх подвел лошадь королевы; она отмахнулась от слуги, который хотел помочь ей сесть, и поднялась в седло сама. Нора внимательно наблюдала за тем, как она это сделала, как сумела, не задрав юбок, перекинуть ногу через седло. Ее мама ездила верхом, как мужчина. Она тоже будет так ездить. И тут от ворот поднялся крик.

— Король!

Алис на сундуке повернулась в ту сторону. Нора выпрямилась. В ворота въехал ее отец на своей большой черной кобыле, с шеренгой вооруженных и облаченных в доспехи рыцарей за спиной. Она поискала взглядом Ричарда, но его с ними не было. Большинству рыцарей пришлось остаться за стеной, потому что во дворе им не хватило места.

Алиенора подвела лошадь к повозке и остановилась рядом, так близко, что Нора могла бы протянуть руку и коснуться ее. Лошадь переступила копытами и вскинула голову. Король с потемневшим от гнева лицом пробился к ней сквозь толпу.

— Милорд, что произошло? — спросила она.

Он окинул широким взглядом весь двор. Его лицо совсем заросло бородой, веки были воспаленно-красными. Нора быстро опустилась на сундук. Отец пришпорил кобылу, и та остановилась голова к хвосту с лошадью матери.

— Где мои сыновья?

— Милорд, я в самом деле не имею представления.

Он вперил в нее яростный взгляд.

— Тогда я возьму заложников. — Он повернулся в седле, оглядываясь на своих рыцарей. — Хватайте девчонок!

Нора снова вскочила на ноги.

— Нет, — сказала королева и, сжимая кулак, протиснулась между ним и повозкой, почти что нос к носу с королем. — Не смейте трогать моих дочерей. — Алис протянула руку и схватилась за юбку Норы.

Он сунулся почти ей в лицо.

— Попробуйте меня остановить, Алиенора!

— Папа, подождите. — Нора перегнулась через борт. — Мы хотим поехать в Пуатье.

— Мало ли что вы хотите, — злобно сказал король. Двое рыцарей спешились и быстрыми шагами направились к повозке. Он не сводил глаз с ее матери.

Лошадь королевы преградила им дорогу. Наклонясь к королю, Алиенора торопливо заговорила приглушенным голосом:

— Не ведите себя как глупец, милорд, из-за такой малости. Если вы будете слишком давить, то никогда их не вернете. У Алис хорошее приданое, заберите ее.

— Мама, нет! — Нора протянула руку. Алис обхватила ее обеими руками за пояс.

— Пожалуйста... пожалуйста...

Королева даже не взглянула на них.

— Успокойся, Нора. Я сама разберусь.

— Мама! — Нора попыталась коснуться ее, заставить обернуться. — Ты обещала. Мама, ты обещала, что она поедет с нами! — Ее пальцы скользнули по гладкой ткани маминого рукава.

Алиенора ударила ее с такой силой, что опрокинула на пол. Алис всхлипнула. Рыцари были уже близко, уже у самых бортов. Нора бросилась на них, подняв кулаки.

— Убирайтесь! Не смейте ее трогать!

Кто-то обхватил ее сзади и отволок в сторону. Двое мужчин взобрались в повозку, схватили маленькую французскую принцессу и вытащили за борт. Она лишь раз вскрикнула, а потом беспомощно обмякла в их руках. Нора попыталась вывернуться из хватки и только тут увидела, что это мать держит ее.

— Мама! — Она повернулась к Алиеноре. — Ты обещала. Она не хочет уезжать.

Та опустила лицо нос к носу с Норой.

— Тихо, девочка. Ты не знаешь, что делаешь.

За ее спиной король развернул лошадь и поехал прочь.

— Эту можете оставить себе. Как знать, вдруг она вас отравит.

Он поехал вслед за рыцарями, которые схватили Алис. Еще двое его людей вынимали из повозки ее вещи. Ее и саму волокли будто вещь. У Норы вырвался нечленораздельный вопль. Коротким, резким приказом отец направил своих людей обратно за ворота, увозя Алис с собой, словно трофей.

Алиенора проводила короля хмурым взглядом, не отнимая руки от талии Норы. Девочка вывернулась, и мать посмотрела на нее.

— Что ж, Нора. Неприличная сцена, не так ли?

— Почему ты это сделала, мама? — Звенящий от гнева голос Норы разнесся по всему двору, но ей было все равно, кто услышит.

— Хватит, девочка, — сказала мать и встряхнула ее. — Успокойся. Ты не понимаешь.

Нора яростно дернулась всем телом и отпрянула от матери.

— Ты сказала, что Алис можно с нами. — Глубоко внутри все налилось тяжестью, словно она проглотила камень; Нора начала плакать. — Мама, зачем ты мне соврала?

Мать посмотрела на нее, моргнув, и на лбу ее собрались горестные морщинки.

— Я не всемогуща. — Она протянула руку, словно прося о чем-то. — Ну же, будь разумной. Ты что, хочешь стать такой, как твой отец?

Из глаз Норы брызнули слезы.

— Нет, и не как **ты** тоже, мама. Ты обещала мне и соврала. — И она оттолкнула протянутую ладонь.

Алиенора отшатнулась; вскинула руку и ударила Нору по лицу.

— Жестокая, неблагодарная девчонка!

Нора с размаху уселась на пол, уткнула кулаки в колени и сгорбилась. Алис пропала; она все же не смогла ее спасти. И не важно, что она Норе даже не очень нравилась. Нора хотела быть героем, но была просто маленькой девочкой, на которую никто не обращал внимания. Она повернулась к сундуку, сложила руки на крышке, опустила на них голову и разрыдалась.

Позже она стояла, опираясь на бортик повозки, и глядела на дорогу, что расстилалась впереди.

Она чувствовала себя дурой. Алис была права — она не может стать королем, а теперь ей даже и героем не быть.

Няньки дремали у дальней стенки. Мать забрала Джоанну и посадила перед собой в седло, чтобы показать Норе, как плохо она себя вела. Возница сидел на скамейке, повернувшись к ней спиной. Казалось, будто никто ее даже не видел, словно ее вовсе не было.

Норе не очень-то хотелось становиться королем, если для этого надо было быть злой, кричать на всех и увозить людей силой. Она хотела быть похожей на свою матушку, но на прежнюю матушку, добрую, а не эту новую, которая врала и нарушала обещания, которая била ее и обзывала. Алис как-то сказала: «Твоя мать — злодейка», и она снова чуть не расплакалась, потому что это оказалась правдой.

Нора решила, что все расскажет Ричарду, когда он вернется. Но тут в животе у нее словно закрутился тугой узел: е с л и он вернется. Как-то так вышло, что весь мир перевернулся с ног на голову. Быть может, теперь и Ричард станет обманщиком.

«Ты будешь крестоносцем», — сказал он.

Она даже не знала, хочет ли. Быть крестоносцем значило идти в долгий поход, а потом умирать. «Веди себя хорошо, — сказал Ричард. — Будь храброй». Но ведь она всего-навсего маленькая девочка! Жалкая искорка под огромным голубым небом.

Повозка тряслась по дороге к Пуатье вместе с остальным длинным караваном груженых телег. Нора обвела взглядом все вокруг: идущих между повозками слуг, качающиеся головы лошадей и мулов, горы скарба, перетянутого веревками. Мать, игнорируя ее, уехала вперед, в толпу всадников, возглавляющих колонну. Няньки спали. На Нору никто не смотрел.

Никому больше не было до нее дела. Нора уже приготовилась, что вот-вот исчезнет. Но этого не происходило.

Она подтянулась, держась, чтобы не упасть, осторожно перебралась через передний бортик повозки, не поднимая юбок, и опустилась на скамью рядом с возницей. Тот вытаращился на нее; у него было широкое смуглое лицо, заросшее густой бородой.

— Маленькая леди, что это вы...

Нора расправила юбки, надежно уперлась ногами в доски и посмотрела на него снизу вверх.

— Можно, я буду править? — спросила она.

МЕЛИНДА СНОДГРАСС

Будучи многоплановым автором, она писала сценарии для телесериалов «Профайлер» и «Звездный путь: следующее поколение», где работала также редактором. У Снодграсс вышло несколько популярных научно-фантастических книг, а в серии «Дикие карты» она участвовала и как автор, и как редактор. Наиболее крупные ее произведения — это романы «Circuit», «Circuit Breaker», «Final Circuit», «The Edge of Reason», «Rune Spear» (в соавторстве с Виктором Миланом), «High Stakes», «Santa Fe», «Queen's Gambit Declined». Последний из романов — «The Edge of Ruin», — продолжение «The Edge of Reason». Для «Диких карт» Снодграсс написала роман «Double Solitaire», для «Звездного пути» — роман «Кристаллические слезы». Она также была редактором сборника «A Very Large Array». Мелинда Снодграсс живет в штате Нью-Мексико.

Ее рассказ говорит нам о том, что некоторые старые-престарые игры не перестают существовать даже в космическую эру, когда инопланетяне ходят по улицам вместе с людьми.

НЕЗЕМНОЙ ОБРАЗ

Бармен-землянин разливал заказанное, глухо позвякивая стеклом о стекло. Хайджинка-официантка со спутанной рыжей гривой на голой спине разносила заказы, постукивая копытцами. Посетители, разместившиеся подальше друг от друга, жались по темным углам как тени. Разговаривал здесь один футбольный комментатор со стенного экрана, да и тот еле шептал, так был убавлен звук. Пахло табачным дымом, пролитым пивом и подгоревшим кухонным маслом, но даже эти ароматы не могли замаскировать атмосферу отчаяния и подспудного гнева.

Настроению второго лейтенанта Трейси Бельманора эта забегаловка отвечала как нельзя лучше. Он выбрал ее за удален-

© Melinda Snodgrass, 2013; © пер. Н. Виленской, 2015.

ность от космопорта, зная, что вряд ли встретит здесь товарищей по команде. По всем статьям ему полагалось быть счастливым: не далее как в прошлом месяце он закончил военную академию Солнечной Лиги и получил назначение... только все его однокурсники выпускались в чинах первых лейтенантов, а он, портновский сын, учившийся на стипендию, стал вторым. Увидев единственную нашивку на своих знаках отличия, он понял, что аристократические однокашники обошли его на звание, хотя оценки у него были выше, а в летной практике он шел сразу после Мерседес, чьи рефлексы и способность выдерживать перегрузки посрамили их всех. Он обратился к коменданту Станции вице-адмиралу Сергею Аррингтону Васкесу-и-Маркову, и тот охотно дал ему объяснение, не сознавая, как оскорбительно это звучит: «Пойми, Бельманор: нельзя же допустить, чтобы ты командовал другими выпускниками, особенно инфантой Мерседес. В своем звании ты никогда не будешь управлять кораблем один и тем избавишь себя и других от неловкого положения».

Предположение, что он должен чувствовать себя неловко, отдавая приказы высокородным засранцам, взбесило Бельманора до крайности. «Да, конечно. Это очень утешит меня в момент безвременной гибели, когда один из этих идиотов что-нибудь напортачит». Вслух он, разумеется, этого не произнес: сказалась четырехлетняя выучка. Он проглотил гнев, отдал честь и ответил: «Да, сэр» (не поблагодарив, однако, за разъяснение).

Почему же он не высказал того, что думал, — из трусости? Из почтения к ПИФ? Эта мысль мучила Трейси, давала понять, что он и впрямь знает свое место. Поэтому он, если честно, и не пошел на выпускной бал. Ни одна из фрейлин Мерседес не согласилась бы на такого кавалера, девушку своего круга он не мог привести, а Мерседес и вовсе дочь императора. Никто не должен знать, что произошло между ними, что он любит ее, а она его.

Весь бал он простоял на Хрустальном мостике Центрального Кольца, глядя на Мерседес. Уже не в курсантской форме, а в багряном с золотом платье, она вошла в зал рука об руку с достопочтенным Синклером Калленом, рыцарем Дуг и Раковин, герцогом де Аргенто. Он же Бохо, заклятый враг Бельманора. Спутником Мерседес должен был бы стать он, Трейси, но этому не бывать никогда.

Он допил свое дешевое виски, дерущее горло и опаляющее кишки.

— Повторить? — спросил бармен, здоровяк в грязном полосатом фартуке (Трейси в отличие от других необщительных клиентов сидел у стойки).

— Почему бы и нет?

— Уж больно ты спешишь, парень.

Трейси поднял голову, и доброта в карих глазах бармена поразила его.

— Дорогу-то найдешь на корабль? — Виски, булькая, полилось в стакан.

— Не знаю, стоит ли.

Бармен достал из кармана фартука тряпку и вытер стойку.

— Это ты брось. Дезертиров в Лиге вешают.

Трейси, залпом опрокинув свое виски, поборол тошноту.

— Только не меня. Меня они даже искать не станут. Лишь порадуются, что неудобный субъект запропастился куда-то.

— Я вижу, у тебя проблемы, малец.

— Да ну? Ты всегда такой проницательный?

— Ладно тебе, — беззлобно проворчал бармен. — Если твое место в галактике так уж тебя не устраивает, поговори вон с тем мужиком. Про Роана много всего рассказывают... ну, может, и врут, конечно.

Палец бармена показывал на толстяка среднего роста, сидящего в углу над пустым стаканом. Его темная с проседью шевелюра начинала редеть, и лоб из-за этого казался слишком большим. Бармен принялся наполнять посуду на приготовленном официанткой подносе, а Трейси под влиянием импульса схватил свой стакан и подошел к угловому столику.

— Он говорит, — Трейси показал большим пальцем через плечо, — что ваша история поможет мне разобраться со своей жизнью. — Лейтенант выдвинул стул и сел, отчасти надеясь, что незнакомец полезет в драку. Трейси очень хотелось врезать кому-нибудь, а Васуа — не Станция, тут драки в дуэли не переходят. Он потрогал шрам на виске, доставшийся ему в подарок от Бохо. Хотя этот дядька драться явно не будет — у него и мускулов-то нет, один жир. И мешки под глазами.

— Лорен мне не верит, но это правда. — Роан сильно выпил и говорил невнятно, но Трейси сразу распознал аристократический выговор одного из Пятисот Избранников Фортуны.

Еще бы не распознать: наслушался всласть за четыре года. Боялся даже, что сам начнет подражать.

— Я готов поверить. Рассказывайте.

Роан облизнул губы.

— Неплохо бы горло промочить для начала.

— Ладно. — Взяв у бармена бутылку бурбона, Трейси со стуком поставил ее на стол. — Удивите меня.

Роан попытался напыжиться, покачнулся, ухватился за край стола и сказал:

— Я, знаете ли, не тот, кем могу показаться.

— Ладно, — в очередной раз повторил Трейси.

— Если узнают, что я проболтался... — Роан огляделся по сторонам.

— То что?

Толстяк чиркнул себя пальцем по горлу и подался вперед, обдав Трейси своим зловонным дыханием.

— Мой рассказ может подорвать самые основы существования Лиги. — Он налил себе виски и единым духом опрокинул стакан. — Но все так и было, и это правда. Слушайте и поучайтесь, молодой человек. — Вновь наполнив стакан, он отсалютовал Трейси и стал пить, теперь уже мелкими глотками. — Все началось с мальчишника, устроенного одним из моих секретарей... — начал он задумчиво, не обращая внимания на собеседника, как будто Трейси и не было здесь.

Если бы понятия «стриптиз» и «хороший вкус» совмещались, то этот клуб, видимо, мог бы соответствовать норме. Роан не был знатоком подобных мест и впервые посещал заведение, где землянки обнажались перед мужчинами, к великому негодованию Церкви. Зачем же он в таком случае согласился поучаствовать в мальчишнике Кнуда? Он хорошо знал зачем: последний женин любовник был ровесником их дочери, и Роан счел, что это уже слишком. Его присутствие в Космоклубе было своего рода местью, хотя вероятность того, что Джулиана об этом узнает и что ей будет до этого хоть какое-то дело, равнялась нулю.

Обнаженная гардеробщица в сверкающей сбруе вокруг грудей и лобка сразу вогнала его в краску. Приняв у них верхнюю одежду, она изящным отработанным жестом направила их к метрдотелю, черноглазому красавцу с окладистой бородой. Тот провел их компанию через высокие двойные двери. В полутемном

клубе вращались, вспыхивая при свете скрытых прожекторов, платформы в виде спиральных галактик со стразовыми звездами. Роан смотрел на голых красоток, сидящих там, и гадал, что станет с их попками после ночи на подобных насестах. В середине зала помещалась стеклянная сцена с вызывающе торчащим хрустальным шестом.

Официантки в таких же, как у гардеробщицы, блестящих сбруях разносили еду и питье. Мимо Роана проплыл запеченный бри с гарниром из вишен. Пахло здесь не менее аппетитно, чем в лучших городских ресторанах, и в животе приятно заурчало от предвкушения: клуб обещал не обмануть ожиданий даже самых привередливых ПИФ. Роан, кроме того, заметил, что персонал здесь исключительно человеческий: посуду на кухне мыли, вероятно, те же хайджины с исанжо, но в зале и духу их не было.

Джон Фудзясаки заказал для них круглую кабинку у самой сцены, где уже охлаждалось шампанское в ведерке со льдом. Пока они рассаживались, метрдотель ловко откупорил бутылку и разлил вино по бокалам. Плюшевый диван тут же принялся массировать Роану поясницу, а висячее голографическое табло — демонстрировать эффектные астрономические явления. Он смотрел, как зачарованный, на суперновую, норовящую приложиться к его бокалу.

— Я вижу, вы краснеете, сэр? — шутливо прошептал ему на ухо Джон, инициатор всей этой затеи.

— Не привык к такому количеству женской плоти, — пробурчал в ответ Роан.

— Извините за смелость, но вам надо чаще позволять себе развлечения.

Роан смотрел на пузырьки у себя в бокале. Интересно, что сказал бы молодой секретарь, узнав, что его начальник весьма часто бывает в куда менее элитных заведениях Понитауна — там, где землянам обеспечивают инопланетную экзотику. При этом у начальника достает ханжества злиться на то, что жена ему изменяет. Сказываются вековые устои: мужчине позволено все, женщина же не смеет подкидывать кукушонка в супружеское гнездо.

Фудзясаки, постучав по бокалу ложечкой, встал.

— Итак, пьем за Кнуда! Те из нас, кому удалось отвертеться от женитьбы, думают, что он спятил; те, кто уже надел ярмо, ду-

мают то же самое. По крайней мере проводим его достойно, и пусть эта последняя ночь свободы запомнится ему навсегда!

Бокалы зазвенели, опустели, наполнились снова. Кнуд с легким беспокойством прикрыл свой ладонью.

— Полегче, ребята, завтра мне надо быть в форме.

— Не бойся, Кнуд, мы с тобой, — сказал Франц.

— Это-то меня и волнует.

Они заказали официантке обед, продолжая пить. Роан, поймав себя на том, что вычисляет объем космических газов Васуанской системы, перешел с шампанского на бурбон. Заиграл живой оркестр, и на сцену стали подниматься девушки в разнообразных костюмах, сбрасывая их с себя под музыку и проявляя, как мысленно определил Роан, высокую эластичность. Почти все столики теперь были заняты; мужчины с блестящими от пота лицами скидывали пиджаки и распускали галстуки, девушки присаживались им на колени и запускали пальчики в волосы. В басовитом звучании голосов чувствовалось нечто первобытное.

Женский квинтет на эстраде исполнял старый десантный марш с новыми словами. Роан, сам того не замечая, стал подпевать, но его раздражало, что девушки не попадают в ритм и все время запаздывают. Он начал дирижировать и задел что-то локтем.

— Эй! — крикнул Фудзясаки, брюки которого внезапно намокли спереди.

— Набрался уже, — сказал кто-то.

— Ну и что, мы все набрались, — резонно заметил Франц.

— Так ведь он канцлер, а вдруг... — забеспокоился Брет, новенький в секретариате.

— Расслабься, прессу сюда не пускают, — заверил Джон.

— Правильно, Брет! — выкрикнул Роан. — Давай веселиться! Берите пример с меня!

Певицы уже сходили со сцены, повиливая голыми задиками.

— Куда это они? Куда уходят эти милашки? — Роану сделалось грустно до слез.

— В домохозяйки, — предположил Франц.

— Какая безвкусица, — застонал Роан. — Мы должны воспрепятствовать этому, учредить специальную комис...

Его прервал барабанный рокот. Стало совсем темно, и на сцену упал луч единственного прожектора. В световой круг впорхнула танцовщица; длинный плащ у нее за плечами усиливал ил-

люзию полета. Под маской, скрывавшей ее лицо, блестели глаза и виднелся подбородок, неестественно острый. Барабан продолжал бить. Длинные коготки, украшенные светодиодами, сбросили плащ. Костюм под ним скрывал гораздо больше, чем полагалось бы стриптизерше. Откуда у нее когти, подумал Роан, — к перчаткам пришиты, что ли?

Начался танец, где не было ни вращений, ни вызывающих поз — лишь грация, от которой перехватывало дыхание. Диоды оставляли в воздухе ленты разноцветных огней, одежды спадали слой за слоем под восторженные крики зрителей. Когда над головой танцовщицы взмыл бело-рыжий пушистый хвост, крики перешли в рев.

Мужчины тянулись к ней, как младенцы к материнской груди. Она ускользала, но кредитные пики, зажатые в их руках, допускались во втулку на ее поясе. Роан, вцепившись в край стола, мысленно приказывал ей снять маску. Вот она приблизилась к ним, и молодежь тут же выставила вперед свои пики, имитируя сексуальный акт. Один Роан не мог шевельнуться. Еще одно упавшее покрывало обнажило рыжевато-кремовый мех на боках, на животе, меж грудей. Публика дружно ахнула.

— Папские подштанники! — выдохнул Джон.

Музыка ускорила темп. С когтей сыпались искры, колокольчики на маске и шапочке звенели как одержимые. Танцовщица покружилась и вновь перенеслась одним прыжком на эстраду. Широко расставив ноги, она медленно провела ладонями по груди и шее, сорвала маску с шапочкой, отшвырнула их прочь. Роан пожирал глазами вздернутый носик с широкими ноздрями, стоящие торчком уши с кисточками, изумрудные кошачьи глаза.

— Иная. — Отвращение в голосе Брета боролось с желанием.

Свет погас и опять зажегся. Сцена была пуста.

— Пластическая хирургия?

— Нет. Карианская полукровка, должно быть.

— Я думал, мы их всех перебили.

— Следовало бы. Что за мерзость.

— Да ладно вам. Почему бы не пофантазировать в постели, когда свет потушен? — засмеялся Джон.

Вокруг Роана все раздувалось и снова сжималось. Эрекция причиняла ему нестерпимые муки. Он встал.

— Что с вами, сэр?

— Куда вы?

— Постойте-ка, — сказал Трейси. — У людей с карианами не бывает гибридов. Во-первых, это незаконно, — он показал на хайджинку, — а во-вторых, секс — одно дело, а потомство — совсем другое.

— Не забывайте, что кариане были мастерами генной инженерии, — наставительно произнес Роан. — Они смешивали гены всех известных нам космических рас задолго до того, как на сцене появились земляне. Нас они тоже охотно добавили бы в коктейль и очень удивились, когда Лига приняла запрет на смешение людей с инопланетянами.

Трейси помнил из академического курса, что у кариан не было никаких физических норм: они приспосабливали свои тела к определенной ситуации, а пол меняли по малейшей прихоти. На протяжении тысячелетий они экспериментировали с генетическим материалом самых разнообразных рас, что не представляло для них труда: местами их обитания были либо торговые звездолеты, либо фактории, снабжаемые этими кораблями. Единообразие считалось у них величайшим грехом, многообразие — ключом к выживанию и прогрессу. Земляне, которых это шокировало, зациклились на чистоте человечества и запретили почти все генетические исследования из страха, что кариане найдут лазейку к человеческому геному.

— Да, но кариан это не обескуражило, — сказал Роан, когда Трейси все это ему изложил. — Они нашли добровольцев, противников Лиги, и произвели несколько тысяч гибридов. — Роан поболтал остаток виски в стакане.

— Почему же та девушка выглядела именно так? Ей могли придать чисто человеческий облик.

— Как раз в этом они и ошиблись. Думали предотвратить отрицательную реакцию, сделав потомство привлекательным для землян — мы ведь любим кошек, не правда ли? Так появилась Сэмми. — Роан снова налил и выпил. — Они не сознавали, что такие детишки вызовут ужас, а не симпатию.

— Но Сэмми вам отвращения не внушила?

— Ее полное имя — Самарита. Нет, не внушила, но меня ведь всегда тянуло к экзотике. Чем они и воспользовались.

На улице, где пахло морем, голова и желудок Роана несколько успокоились. Он завернул за угол, разыскивая служебный вход.

«Что ты делаешь?» — вопрошала рациональная часть его мозга.

— Хочу выразить ей свое восхищение, — ответил он вслух.

Расспросить ее. Заставить поделиться своими мыслями и мечтами. Затрахать ее до потери сознания.

Он вошел. Служебные помещения насквозь пропахли потом и гримом. Миновав светящуюся контрольную панель, он был прижат к стенке бегущими на сцену девицами. От прикосновения их голых тел эрекция возросла. Коридор охранялся разжиревшим вышибалой в военных татуировках, с бритой башкой, отражающей верхний свет.

— Куда собрался? — осведомился он.

— Хочу видеть даму, которая только что выступала.

— Много вас таких, аристоков. — Взгляд вышибалы упал на ширинку Роана. — У кого мозги в члене.

— Ты не смеешь разговаривать со мной в таком тоне, любезный.

— Еще как смею. Хочешь видеть Сэмми — плати. — Он выпятил живот, предъявив кредитную втулку, — танцовщицы тем же движением добивались совсем другого эффекта. Роан поколебался, вспомнил Сэмми и заплатил.

— Где ее можно найти?

— Следуй за своим членом, лозоходец.

Вышибала отступил, и Роан пошел по коридору, заглядывая в каждую комнату. Оттуда звучали смешки и неприличные предложения. Сэмми обнаружилась в пятой. Она сидела в зеленом халате у гримерного столика, поставив на выдвинутый нижний ящик босую ступню, и ее стройная нога была видна почти до бедра. Дымок от стима, который она курила, окутывал ее острые ушки. Зеленые кошачьи глаза осмотрели вошедшего с головы до пят.

— Сколько дали?

— Прошу прощения?

— Дэлу. Сколько вы ему отстегнули?

— Триста.

— Вот и зря. Он бы вас и за половину пустил.

— Учту на будущее. — Она зажгла новый стим; Роан переминался с ноги на ногу. — Вы не спрашиваете, зачем я пришел?

— Намек налицо. — От ее взгляда эрекция Роана тут же сникла. — Ну вот, сглазила!

— Я хотел пригласить вас на ужин.

— Ухаживание по всем правилам? Что-то новенькое. — Она встала и загасила стим. — Есть хорошее местечко в Понитауне, там допоздна открыто.

— Я бы предпочел «Французскую пекарню». — Роан полагал, что лучший столичный ресторан произведет на нее особенное впечатление.

— Дурачок ты, — засмеялась она. — Там мне лучше не светиться.

— Сегодня ты, по-моему, достаточно засветилась, — отрезал он.

— Это стрип-шоу, сюда всякий может прийти, а в высших кругах нам вместе лучше не появляться. Ты кто, кстати? Какого благородного дома выродок?

— С чего ты взяла, что я ПИФ?

— Ой, да брось ты.

Он подумал о своей ответственной должности, о холодной отстраненной жене.

— Я Роан. Довольно с тебя на этот вечер?

Она кокетливо склонила головку набок и сказала уже поласковей:

— Ладно. Я тебя буду Аном звать, а ты меня Сэмми. Забудем на одну ночь, кто мы есть.

— А потом?

— Как получится.

Сэмми дала указания его хайджинскому водителю Хоббу. Ни Хобб, ни его хозяин не подали виду, что Понитаун им хорошо знаком — где-то неподалеку находился любимый массажный салон Роана. Лапки массажистки-исанжо обеспечивали клиентам приятное сочетание мягкого меха и жестких подушечек.

После долгой жары ночь выдалась прохладная. Люди, хайджины, исанжо, типони, сланки прогуливались по улицам, слушали музыкантов, играли во все от костей до шахмат; тонкие как флейты типони, собравшись в кучку, занимались чем-то своим, непонятным для посторонних. Влюбленные обнимались на скамейках маленького парка, старики, сидя там же, смотрели, как стартуют корабли из космопорта Христофора Колумба. Хобб открыл двери флиттера, и Роан ощутил легкую дрожь под ногами, когда взлетел очередной звездолет. Ярко-оранжевое пламя из его дюз на миг затмило огни ближней туманности.

Прохожие обращали внимание на необычайно роскошный для этих мест флиттер.

— Я тебя вызову, когда понадобится, — вполголоса сказал Роан. Хайджин послушно склонил длинную костистую голову, показав золотую гриву между воротником и фуражкой. На Сэмми были облегающие брючки, заправленные в высокие сапоги, и переливающийся, будто струящийся шелковый топ в зеленовато-синих тонах. Рыжевато-кремовые волосы падали ей на плечи. На нее оборачивались, у Роана перехватывало дыхание.

— Так где будем ужинать? — спросил он.

— Тут. — Ресторан был исанжевский, с деревьями в кадках и протянутой между ними веревочной паутиной. Официанты передвигались по ней с помощью рук, перепончатых ног и хвостов, умудряясь ничего не ронять с подносов.

Один из них соскользнул с дерева, как только Роан и Сэмми устроились на веревочных креслах. Блокнот для заказов висел у него на шее вместе с кредитной втулкой.

— Что будем пить? — осведомился он, слегка шепелявя.

— Шампанское, — сказал Роан.

— Я вообще-то не люблю шампанское, — заметила Сэмми.

— Извини, не спросил. Что же тогда?

— Текилу.

Официант посмотрел на Роана бездонными, черными, нечеловеческими глазами в обрамлении золотого меха.

— Мне то же, что и даме, — сделал галантный жест Роан. Исанжо взлетел на дерево и умчался.

— Да ты сама вежливость, — подивилась Сэмми. — Ты разве пьешь текилу?

— Отчего же нет, пью.

— А дома что пьешь? — Изумрудные глаза уставились на него.

— Шампанское, мартини. Летом иногда пиво или джин с тоником. Вино за обедом. А что?

— И часто прикладываешься?

— Каждый вечер, — не подумав, выпалил он. — Можно подумать, ты мой доктор.

— Расслабиться хочешь? Забыться? То и другое вместе?

— Ты преувеличиваешь. Мне просто приятно выпить немного вечером. — С месяц назад, услышав заливистый смех Джу-

лианы, флиртующей с молодым офицером (которого она после взяла в любовники), он напился до полной отключки.

Другой исанжо вывел Роана из задумчивости, поставив на стол хлеб и миску с соусом. Глаза от пряного аромата наполнились слезами, а рот слюной.

— Сегодня ты был пьян, иначе ни за что бы не пришел ко мне за кулисы. — Сэмми обмакнула хлеб в соус.

— Ты такого низкого мнения о своих чарах?

— Твое чувство приличия намного сильнее их, — сухо проронила она.

— Тут ты, пожалуй, права.

— Вот видишь. Почему же тогда пришел?

— Потому что ты прекрасна... а я одинок.

— По-твоему, слияние двух тел в темноте сможет это исправить?

Роан ответил не сразу из-за комка в горле. Он смутился, откашлялся и спросил — небрежно, как ему хотелось надеяться:

— Выходит, ты сама предлагаешь?

— Нет, предложить должен ты. У меня еще осталась кое-какая гордость.

— Твоя... профессия кажется тебе унизительной?

Зеленые глаза ожгли его презрительным недоверием.

— Что ж, вот и ответ.

— Это все ваша государственная религия. Все женщины должны быть либо мадоннами, либо шлюхами.

— И к какой же категории ты относишь себя?

Это был правильный вопрос: она улыбнулась.

— К какой захочешь.

— Что-то я сомневаюсь в твоей сговорчивости.

Принесли напитки. Она продолжала улыбаться ему поверх своего стакана.

— А ты не так уж глуп для аристока.

— Спасибо. Ты не так уж банальна для стриптизерши.

Они чокнулись, и он, почему-то занервничав, выпил свою текилу до дна.

— Ты полегче, кабальеро. Не на себе же тебя отсюда тащить.

— Об этом позаботится мой водитель.

— Он и в постель со мной ляжет? — Сэмми взяла меню. — Давай заказывать, умираю с голоду.

Любовью она занималась не менее талантливо, чем танцевала.

Когда Роан застонал и скатился с нее, все еще содрогаясь всем телом, она села на него верхом, провела пальцем по губам, погладила шею, грудь и живот, который он тщетно пытался втянуть. Его член дрогнул было в ответ на ее гортанный смешок и опять сник.

Он так хотел ее, что едва дотерпел до ее квартиры в Палочном Городе, типонском квартале. Сорвал с Сэмми одежду, швырнул на кровать, расстегнул собственную рубашку, спустил штаны и упал на нее почти без прелюдий.

— Извини, — сказал он, прикоснувшись к ее лицу. — Тебе, думаю, не очень понравилось.

— У тебя еще будет шанс наверстать. — Она тронула его губы своими. У них был вкус ванили с легким оттенком текилы.

Лаская ее бедра, он нащупал под шелковистым мехом рубцы — раньше он, всецело поглощенный собой, ничего не заметил. Сэмми застыла.

— Что это?

— Я была на Иншаме.

Он отдернул руки, как будто сам вырезал ей яичники.

— Мне еще повезло. Не убили, как видишь, всего лишь стерилизовали.

— Вся вина лежит на этом фанатике, адмирале, — начал оправдываться Роан. — Правительство никогда... мы прекратили это, как только узнали.

— К тому времени погибли уже три тысячи семьсот шестьдесят два ребенка. Знаешь, сколько нас осталось? — Он помотал головой. — Двести тридцать восемь.

— Ты знаешь точную цифру? — глупо, не зная, что бы еще сказать, спросил он.

— О да.

— Как же ты...

— Меня и еще нескольких детей спас один ваш солдат. Он стрелял в своих же товарищей... сентиментальный был, видимо.

— Плохо же ты думаешь о людях. Может быть, он просто считал варварскими и аморальными действия своего командира.

— Кто же все это творил, как не люди? — Она помолчала и добавила: — Я часто думаю, что с ним сделали. Отдали, наверноЕ, под трибунал и казнили за то, что не подчинился приказу?

Роан, не в силах больше смотреть ей в глаза, отвернулся. Щетина царапнула по шелковой наволочке, от которой пахло сиренью.

— Нет. Всех солдат, в том числе и не подчинившихся, просто демобилизовали.

— Это хорошо. Больно было думать, что он поплатился жизнью за свое милосердие.

Оба долго молчали.

— Во всех ваших бедах виноваты кариане, нарушившие закон.

Сэмми потеребила его за нос.

— Если б они его не нарушили, меня бы здесь не было и ты не лежал бы такой весь довольный.

Он хотел сесть и поцеловать ее, да брюшко помешало. Сэмми, облегчая ему задачу, легла рядом и взяла его член в ладони. Ее голова покоилась у него на плече, волосы щекотали подбородок, дыхание грело шею.

— Ты нас ненавидишь, да? — отважился спросить он.

— Глупый вопрос. Разумеется, ненавижу. Нет, не тебя лично — человечество в целом. Люди — это подлые, злобные обезьяны, и всей галактике было бы лучше, не расползись вы по ней, но ты ничего, нормальный.

— Ты ведь тоже наполовину человек.

— Значит, и подлости во мне хватает. Имей это в виду, — хихикнула Сэмми.

— Буду иметь. — Роан, одолеваемый сном, вспоминал ее танец, быстрые движения маленьких ног, играющий мускулами живот — вспоминал и снова возбуждался. Вспомнив еще и когти, он встрепенулся и спросил: — А коготки твои к перчаткам пришиты?

Он почувствовал легкий укол в паху, но пузо опять-таки мешало разглядеть, в чем там дело. Роан приподнялся и крикнул:

— Черт! — Выпущенные во всю длину коготки с диодами держали его быстро сдувающуюся плоть.

— Все натурально.

Теперь Роан испугался по-настоящему. Сэмми убрала когти, легла ему на грудь, накрыла волосами их обоих. Он, взяв ее за руку, пытался понять, откуда выходят когти — подушечки на пальцах казались ему совершенно гладкими. Но ее язык уже проник ему в рот, и он забыл о когтях.

— Я не причиню тебе вреда, Ан, — пробормотала она. — Обещаю.

— Значит, мы... Космический Корпус... убивали детей? — поразился Трейси.

— Ну да. Я не лгал Сэмми, все это и вправду учинил один свихнувшийся адмирал, религиозный фанатик. Но худа без добра не бывает — после той резни законы об инопланетянах немного смягчили.

— Кариане исчезли как раз в то время?

— Да, всего несколько дней спустя. Их фактории опустели, корабли, тоже пустые, дрейфовали в космосе или стояли на лунах и астероидах. — Роан, оглядев бар с преувеличенным вниманием сильно пьяного человека, нагнулся к Трейси и прошептал, дыша алкоголем: — Может, они до сих пор среди нас, а мы и не знаем.

У Трейси закололо между лопатками, словно в спину ему глядели вражеские глаза или, того хуже, стволы.

— Глупости. Космос большой, почему бы им не убраться от нас подальше? Тем более что мы так и не нашли их родную планету.

— На чем убраться? Корабли ведь свои они бросили.

Трейси заново пригляделся к мрачным посетителям, к веселому бармену, к официантке. А вдруг каждый из них лелеет в душе смертельную вражду?

Но Роан уже рассказывал дальше.

Ровно через два месяца после их встречи он подарил Сэмми золотое колье с изумрудами. Это массивное украшение напоминало египетские ожерелья Старой Земли, и тонкая шея Сэмми прямо-таки гнулась под ним. Первоначально колье покупалось для Джулианы, но она отвергла его, заклеймив как вульгарное: оно, мол, достойно скорее какого-нибудь нувориша, чем одного из ПИФ.

— Значит, это обноски твоей жены? — с кривой улыбочкой уточнила Сэмми.

— Да нет же, она его ни разу...

— Ладно, уймись, — зажала ему рот Сэмми. — Оно красивое, и раз уж я подобрала ее мужа...

Они были в горах, в его охотничьем домике, и любовались редким в этих краях снегопадом. Спальню освещал только огонь в камине, ветер за окном плакал, как женщина.

Сэмми переплела его пальцы со своими.

— Зачем ты вообще на ней женился — по расчету? Ты ее любил хоть когда-нибудь?

— Я стал заменой. Ее жених пропал вместе со всем кораблем — ни обломков, ни тел не нашли. По окончании траура ее отец связался с моим, хотя я, как финансист, не шел ни в какое сравнение с блестящим капитаном Корпуса.

— Он еще жив, твой отец?

Он рассказывал ей о своей семье, об их имении в Гренадинской системе. О сестрах, о младшем брате. О своих увлечениях, о любимых книгах и музыке. Порой она прерывала его вопросом, но больше слушала. Голова ее покоилась у него на плече, рука гладила его грудь. Дочь Ройеса — единственно хорошее, что было в их браке, сказал он.

Он открыл ей все: надежды, мечты, то, чего втайне желал и чего стыдился. Она слушала молча, и лишь камин, треща поленьями, подавал ему реплики.

После этого его влюбленность в Сэмми перешла в одержимость. Он рано уходил с работы и приходил домой на рассвете, если вообще приходил. Их беседы не прекращались: Сэмми, в отличие от Джулианы, непритворно интересовали и его экономические теории, и давние уроки фехтования.

Порой свиданиям мешала необходимость вывозить жену и дочь в свет. Их последняя ночь тоже началась с бала, открывавшего сезон.

Казалось, что стены и потолок огромного бального зала внезапно исчезли, уступив место созвездиям и туманностям. Эффект был поистине ужасающий: гости жались в середине, подальше от космических пустот, и танцевать было весьма затруднительно. Хозяйка дома леди Палани, судя по ее сжатым губам, пребывала в ярости, одна из ее дочерей заливалась слезами. Завтрашний день сулил красочные сплетни о провале их бала. Роан отдал пустую тарелку слуге-хайджину и взял у другого бокал шампанского. К нему подошел лорд Палани с еще более вытянутым, чем обычно, лицом.

— Впечатляет, — сказал ему Роан, кивнув на голографический космос.

— Как и цена всего этого. Сами настояли... никогда не угадаешь, что им взбредет в голову.

Роан, понимая, что это относится к супруге и пяти дочерям лорда, по аналогии вспомнил недавний разговор с Сэмми.

Три дня назад они гуляли в Королевском Ботаническом саду, и она все время наклонялась потрогать и понюхать цветы. Ему нравилось смотреть на нее: каждый ее жест был сонетом, каждый шаг песней. Легонько погладив очередную розу, она взяла его под руку, а он стал рассказывать, как дочь его знакомых попала в частную клинику после буйного припадка на пикнике в День Основателя.

«Что ж тут странного? — сказала Сэмми с огоньком в кошачьих глазах. — Вы отказываете своим женщинам в какой-либо разумной деятельности. Дом, дети, сплетни, визиты, прием гостей — вот и все, что им позволяется. Удивляюсь, как они еще все до одной не спятили».

«Мужчину такой распорядок просто убил бы, — с потугой на юмор ответил Роан. — Похоже, что сильный пол — это вы».

«На Земле до Экспансии женщины были врачами, адвокатами, военными, президентами, промышленными магнатами».

«Но космос — среда враждебная, планеты большей частью трудны и опасны для колонизации, и женщины для нас дороже всего. Мужчины производят миллионы сперматозоидов, но выносить и родить дитя способна лишь женщина».

Роан сам не знал, с чего так яро защищает систему. И почему ему вспомнилась дочь де Вильи — не потому ли, что он и за свою Ройесу боялся?

«Это все уже в прошлом. Ваш консерватизм приведет Лигу к гибели, Ан. Кариане были правы в одном: нужно меняться и приспосабливаться, иначе конец».

— Роан?

— Да? Извините, задумался.

— Я хотел узнать об инфляции, — сказал лорд.

— Она прогрессирует, но не стоит портить вечер разговорами о финансах.

Роан украдкой взглянул на хроно в рукаве фрака. Всего сорок минут прошло, а кажется, будто вечность. Еще немного, и он улизнет, чтобы встретиться с Сэмми на праздничных улицах Понитауна, где пахнет чили и жареным мясом, где на всех углах стоят музыканты и танцоры извиваются под страстные гитарные переборы. Воображаемая музыка диссонировала с бальной, исполняемой оркестром на хорах. Роан поставил бо-

кал и стал пробираться к двери. К черту все, больше он ни минуты не вытерпит.

Джулиана перехватила его. На ее платье сверкали цехины, в темных кудрях — бриллианты.

— Можно узнать, куда ты собрался?

— Э-э...

— К шлюхе своей уходишь? — Ее голос прорывался даже сквозь гром оркестра.

— Не понимаю, о чем ты. Бога ради, не устраивай сцен.

— Почему же? Ты-то выставляешь напоказ свою инокровку.

— Откуда ты...

— Брет сказал жене, а она своей матери. Весь Кампо-Рояле над тобой потешается.

— Ты еще раньше об этом позаботилась со своими любовниками! — наконец-то высказал наболевшее Роан.

— Они по крайней мере земляне.

На них уже оборачивались. Роан обвел диким взглядом любопытствующие лица, изысканные наряды, вышколенных слуг. Будто стальные обручи смыкались вокруг, и звон гитар уплывал все дальше.

— Нет, — сказал он, сам не зная к чему, и стал спускаться по хрустальной винтовой лестнице под летящие вслед проклятия Джулианы.

Сэмми ждала его у ларьков, где продавали керамику, шарфы, бижутерию и косметику. Гул голосов перекрывал музыку, с жаровен капал шипящий жир. Роан обнял любимую, уткнулся в ее плечо.

— Что с тобой? — Она нежно отвела волосы с его лба.

— Джулиана знает. Все знают. Они хотят, чтобы я от тебя отказался, а я не могу! Не могу!

— Пойдем. — Она взяла его под руку и повела по улицам, где люди могли танцевать с инопланетянами, и пить с ними, и даже влюбляться в них.

У себя дома она налила ему выпить. Он проглотил все залпом, не обратив внимания на странный вкус. Комната начала раздуваться и снова сжиматься.

— Жаль, что нам так мало удалось побыть вместе, Ан. — Ее голос звучал будто издали, а потом все поглотила тьма.

Через некоторое время он осознал, что лежит голый на чем-то холодном. Его тошнило. В руку впилась игла, Сэмми гладила его по голове, говоря что-то ласковое.

Он снова погрузился во тьму и снова очнулся. Ему светили то в правый, то в левый глаз, и перед ним из-за этого плавали разноцветные круги. Что-то надавило на кончики его пальцев, и новый укол вернул его в темноту.

Окончательно Роан пришел в себя дома у Сэмми, лежа на кровати без матраса и простыней. Он встал, пошатываясь, собирая воедино разрозненные фрагменты памяти. На сгибе локтя виднелся след от иглы, одежда валялась на стуле в углу, карманы кто-то обчистил. Пропали ключи, бумажник, комм, даже расческа и носовой платок с монограммой.

— Шлюха поганая. Воровка, — вымолвил он и вздрогнул от собственного голоса, из баритона перешедшего в бас — оттого, должно быть, что в глотке и во рту пересохло.

Устремившись в ванную за малой нуждой, он заметил, что там не осталось ничего из принадлежностей Сэмми — ни зубной щетки, ни щетки для волос, ни подаренных им духов. Но если она хотела всего лишь обокрасть его, почему так долго ждала? Он подошел к раковине помыть руки и отшатнулся.

Из зеркала на него смотрел испуганный незнакомец.

Глаза у нового Роана стали серыми, вьющиеся рыжеватые волосы превратились в прямые и темные. Притом он лысел, и лоб из-за этого казался намного выше. Кожа тоже стала на тон темнее, нос вырос и сильно раздался вширь, уши прилегли к черепу. Роан посмотрел вниз. Живот тоже вырос, родимое пятно на левом бедре пропало. Он снова бросился к унитазу и стал блевать до полного опустошения.

Потом вернулся к раковине, прополоскал рот, напился. С рук пропали кольца, обручальное и печатка с фамильным гербом. Пустые кишки снова свело, но он удержался и начал одеваться. Из-за прибавки в весе рубашка застегнулась с трудом, а верхняя застежка на брюках совсем не сходилась.

В гостиной тоже не осталось никаких следов обитания. Он метнулся на кухню — ни посуды, ни еды. Здесь еще пахло дезинфекцией: все поверхности в доме, как видно, чем-то протерли.

Роан вышел на улицу. Там светило солнце: из его памяти выпала целая ночь, и только ли ночь? Вспотев, он сообразил, что на дворе стоит лето, а бал был осенью. Боже правый, у него отняли добрых полгода!

Нужно было срочно попасть домой, только как? Ни денег, ни комма, да и как доказать, что он — это он? От Понитауна

до его поместья в Каскадах не меньше двадцати миль, а ему в таком состоянии и одной не пройти... но делать нечего. Роан побрел прочь и несколько раз оглядывался на розовый дом Сэмми, пока тот не скрылся из глаз.

Два часа спустя, сбив ноги до мозолей, он увидел вывеску полицейского участка и обозвал себя дураком. Его похитили и подвергли насильственной операции — куда же и обращаться в таких случаях, как не в полицию? Они позвонят к нему домой, и Хобб приедет за ним, а Сэмми объявят в розыск. Жаль ее, конечно, но ничего другого она не заслуживает.

— Я хочу заявить о преступлении, — сказал Роан дежурному сержанту в участке.

Тот, не поднимая глаз, подвинул ему планшет.

— Изложите все письменно.

Назвав свое имя и титул, Роан обеспечил себе повышенное внимание. Сержант, подозрительно оглядев его слишком тесный костюм, все же предложил потерпевшему воды и кофе — вдруг этот субъект и впрямь ПИФ.

Успокоенный Роан напечатал отчет о своих злоключениях, а сержант отправил рапорт начальству. Капитан, прибывший несколько минут спустя, посмотрел на Роана и сказал подчиненному:

— Ты что, за новостями не следишь, Джонсон? Это не канцлер.

— Я указал в заявлении, что мне изменили внешность, — заметил Роан.

— А я только что звонил в офис канцлера, и его секретарь Джон Фудзясаки сказал мне, что граф сейчас у премьер-министра. Здесь ваши фокусы не пройдут.

Два крепких полицейских взяли Роана под руки и вывели вон. Он постоял немного на тротуаре, мешая прохожим, и опять побрел в сторону дома.

Тесный вечерний костюм среди бела дня и хромающая походка выделяли его из толпы. Увидев намек на сочувствие во взгляде хайджина-посыльного, Роан расхрабрился и подошел.

— Извините, нельзя ли позвонить по вашему комму? Меня ограбили. Вам возместят расход, как только я получу доступ к своему счету.

— Звоните так, безвозмездно. — Хайджин, тряхнув упавшей на глаза челкой, протянул ему комм.

— Спасибо. — Роан, прослезившись от такой доброты, набрал свой личный номер в министерстве финансов и услышал в ответ:

— Секретариат канцлера, Фудзясаки.

— Послушайте, Джон, у меня кошмарная ситуация...

— Кто говорит?

— Роан. Я знаю, в это трудно поверить...

Фудзясаки прервал связь. Роан вернул комм хайджину, еще раз машинально сказав «спасибо»: нужно быть вежливым с теми, кто стоит ниже тебя.

Дотащившись до своего дома, он не стал объясняться с дворецким — просто отодвинул пожилого хайджина в сторону и побежал, пыхтя, вверх по длинной винтовой лестнице. Внизу поднялась тревога, но он успел добраться до зеркального с золотом будуара жены. Горничная-исанжо смотрела на него с испугом, прижимая к груди бальное платье хозяйки.

— Где моя жена?

Горничная, верная инстинктам, вскарабкалась по шторе и съежилась на карнизе, устремив золотистые глаза на дверь спальни.

Ворвавшись туда, Роан первым делом увидел чью-то широкую белую, тронутую веснушками спину. Мужчина, опираясь на локти, совершал красноречивые телодвижения, женщина под ним вскрикивала.

Открыв глаза и увидев Роана, Джулиана завопила уже во весь голос.

— Какого черта? — взревел, оглянувшись, ее партнер, и Роан узнал в нем себя.

— Тут прибежала охрана и увела «сумасшедшего». Я пытался объяснить, что кариане заслали своего агента в наше правительство, что он перечисляет деньги в компании, служащие прикрытием для инопланетной активности, что аудит может все это выявить... но меня, конечно, никто не слушал. Вскоре я понял, что должен отказаться от своих обвинений, если хочу выйти из лечебницы, где меня могут легко убить. Как только меня выпустили, я отправился в другие миры и стал рассказывать свою историю всем встречным и поперечным. — Толстяк, пошатываясь, поднялся на ноги. — Я, Роан Данила Маркус Обри, граф де Варгас, заклинаю вас: действуйте! До-

ложите вашим начальникам об опасности, нависшей над человечеством!

Вложив в этот призыв все свои силы, он снова плюхнулся на стул и уронил голову на грудь.

Трейси, жалея, что зря потратился на бутылку, тоже встал. Скрежет его стула вывел пьянчугу из ступора.

— Молодцы вы оба, ловко устроились. Бармен выпивку продает, а ты напиваешься на дармовщинку.

— Чего ты так...

— Граф де Варгас — наш премьер-министр, один только император выше его. Вот настоящий Роан. — Трейси снял комм с рукава кителя, набрал имя и сунул под нос рассказчику.

— Ну да, это я, — пробормотал тот. — Они все у меня украли: лицо, жизнь, жену... он влюбил ее в себя заново, а может, впервые.

Трейси, покачав головой, пошел к двери.

— Стой! — крикнул вслед пьяница. — Ты летаешь по всей Лиге. Если увидишь ее, скажи... я ведь ее больше ни разу не видел, мою Сэмми... — Его прошибли пьяные слезы. — Я люблю ее, понимаешь? Люблю.

В душе у Трейси соперничали смущение, жалость и злость.

— Отличный финальный штрих, — сказал он, уступив злости, и вышел в ночь. Холодный воздух немного отрезвил его, но он был все еще очень пьян. Глядя на далекое свечение космопорта, он думал, не дезертировать ли ему в самом деле. Ему только двадцать один; стоит ли рисковать петлей, чтобы избавиться от снисхождения и покровительства знатных ровесников? Стоит ли превращаться в такого же, как этот толстяк из бара, и рассказывать собутыльникам байки за стакан виски?

Я спас наследницу престола от скандала, который мог бы подорвать самые основы существования Лиги. Никому не выдал, что Мерседес де Аранхо любит меня, портновского сына.

Да, но ведь его история правдива в отличие от того, что плел этот пьяница.

Правдива, да, — но разве это делает ее менее фантастической?

Нет, не мог этот Роан или как там его говорить правду. Если это правда, то он, Трейси Бельманор, второй лейтенант Имперского флота, владеет тайной, способной не просто подорвать

основы существования Лиги, а уничтожить ее. Он подозрительно вгляделся в темный переулок. За мусорным баком ничего не просматривалось, но что, если они там и следят за ним? Если они сочтут нужным его убрать?

Трейси пустился бежать и не останавливался до самого космопорта. Пройдя через шлюз, он прислонился к переборке; стальное с каучуком нутро корабля успокаивало нервы. Глупости все это. Не было никакой Сэмми, кариане не прячутся среди людей, и вся власть, как и раньше, принадлежит землянам мужского пола.

Мало ли что можно выдумать?..

КЭРРИ ВОН

Автор популярнейшей серии о приключениях Китти Норвиль; ее героиня — оборотень, ведущая по совместительству ночную радиопередачу для сверхъестественных существ. В серию входят романы «Kitty and the Midnight Hour», «Kitty Goes to Washington», «Kitty Takes a Holiday», «Kitty and the Silver Bullet», «Kitty and the Dead Man's Hand», «Kitty Raises Hell», «Kitty's House of Horrors», «Kitty Goes to War» и «Kitty's Big Trouble». У Вог также вышел молодежный роман «Voices of Dragons» и фэнтези «Discord's Apple». Ее рассказы печатались в журналах и сборниках «Лайтспид», «Азимовс сайенс фикшн», «Сабтеррениан», «Дикие карты», «Рилмз оф фэнтези», «Джим Бейнз юниверс», «Парадокс», «Стрейндж хоризонс», «Уэйрд тэйлз», «Ол-стар Зеппелин эдвенче сториз». Последние работы Вог — романы «After the Golden Age» и «Steel», сборник рассказов «Straying from the Path», новый роман о Китти «Kitty Steals the Show» и сборник рассказов о ней же «Kitty's Greatest Hits». Готовится к выходу роман «Kitty Rocks the House». Кэрри Вон живет в Колорадо.

Ее героиня Раиса Степанова, советская летчица времен Второй мировой, исполняет свой долг, постоянно рискуя жизнью.

РАИСА СТЕПАНОВА

Дорогой Давидка!

Если ты это читаешь, то меня уже нет в живых. Надеюсь, что погибла я с честью, в бою с фашистами: мне часто снится, что пропеллер моего «Яка», когда я под ним прохожу, падает и отсекает мне голову. Все изображают скорбь и хихикают втихомолку. Мне-то, конечно, уже все равно, но дело в принципе. И Героя за это не дадут, правильно? В общем, сделаем вид, что я погибла со славой.

Скажи папе с мамой, что я с радостью отдала жизнь за них, за тебя с Ниной, за нашу Родину, как готов отдать каждый из нас. И если уж умирать, так в воздухе. Не грусти обо мне.

Твоя Раиса.

© Carrie Vaughn, 2013; © пер. Н. Виленской, 2015.

— Взлетаем, Райка! — позвала Инна снаружи. — Давай скорей!

— Минутку, — откликнулась Раиса, дописывая.

P. S. Моя ведомая, Инна, очень огорчится, если меня убьют. Будет думать, что это ее вина, что она меня не прикрыла. А это неправда, потому что она отличный пилот. Ты уж постарайся утешить ее, если будет возможность. Она рыжая и должна тебе понравиться. Ты ей тоже нравишься (я держу в блиндаже твою фотографию). Пусть поплачет у тебя на плече, это так романтично.

— Раиса!

Она сложила письмо треугольником, надписала фамилию, номер полевой почты и сунула под одеяло на своей койке: если она не вернется, Инна найдет и отправит. Схватила куртку, шлем и побежала вместе с ведомой на летное поле.

Они, как обычно, вылетели в патруль. Раиса дышала медленно, чтобы успокоить сердце и придать уверенность руке на рычаге.

— На двух часах, Рая, — сказала Инна по радио — Раиса и не глядя знала, что та идет позади справа.

— Вижу. — Раиса прищурилась, глядя, как в небе возникают все новые самолеты. Немецкие разведчики летали поодиночке или попарно, но тут была целая эскадрилья.

Они вырисовывались все четче — двойные пропеллеры, вздернутые носы, длинные фюзеляжи с черными крестами.

— «Юнкерсы»! — сказала Раиса. — Бомбить полетели!

Она насчитала шестнадцать штук, а целью могло быть что угодно: места расположения войск, базы снабжения, железнодорожная станция. Сопротивления на этом участке они явно не ожидали.

— Что делать будем? — спросила Инна.

Вступать в бой при таком раскладе было просто смешно, но что им еще оставалось? Пока 586-й полк поднимет свои истребители, немцы уже отбомбятся.

— Атакуем, что же еще.

— Пошли!

Раиса отжала рычаг. Мотор взревел, «Як» рванулся вперед. Оглянувшись, она убедилась, что Инна тоже не отстает.

Она направила самолет прямо в середину вражеской эскадрильи. Бомбардировщики росли на глазах, заполняя собой все небо, и оба «Яка» вышли на линию огня очень быстро.

«Юнкерсы» будто ветром разметало: крайние пытались уйти, средние набирали высоту или, наоборот, пикировали. Русские истребители явились для них полной неожиданностью.

Раиса взяла на прицел тот, что шел прямо перед ней, и обстреляла его из 20-миллиметровой пушки, но чертов «юнкерс» ушел.

Над самой ее кабиной прошла ответная очередь. Она сделала вираж вверх и вправо, избегая столкновений: маневрировать в такой толчее было не так-то просто. Им с Инной нужно было всего лишь помешать этой группе выйти на цель, но сбить одного-двух тоже не повредило бы. Главное было остаться в живых, иначе какая от тебя польза.

Вражеский стрелок снова дал очередь, но тут застрочила другая пушка, и Раиса уловила краем глаза огненный шар в небе: это рванул бензобак одного из «юнкерсов». Пилот пытался выровнять свой дымящий бомбардировщик, но самолет сорвался в штопор, и все было кончено.

— Есть! Попала! — завизжала Инна, впервые сбившая немца.

— Поздравляю. Всего пятнадцать осталось.

— Обнадежили, Раиса Ивановна.

Трудно было поверить, что с начала боя прошли считанные секунды. Долго они не протянут: боезапас кончится, не говоря уже о горючем. Скоро им с Инной придется уходить, но несколько выстрелов в запасе у них еще есть.

Раиса заложила крутой вираж к очередному «юнкерсу», слишком медленно набиравшему высоту. Нервы натянулись, и ею управлял скорее инстинкт, чем разум. Она нажала на спуск, не успев как следует навести прицел, но успешно продырявила немцу мотор и крылья и поняла, что ему конец.

Под восторженные поздравления Инны Раиса наметила себе новую цель, благо недостатка в них не было. Оба истребителя находились в плотном окружении, но боевой азарт не оставлял места страху.

Еще немного, и «юнкерсы», снизившись на пятьсот метров против прежнего, попытались восстановить строй. Эх, посадить бы их всех, вот было бы здорово! Но нет, они уже уходили вбок.

Из брюха головной машины посыпались бомбы, все остальные сделали то же самое. Бомбы падали на пустой лес, никому не причиняя вреда: истребители добились желаемого.

Избавившись от лишнего груза, «юнкерсы» в ускоренном темпе повернули обратно на запад. Сегодня они никого уже не убьют.

— Домой, Инна, — сказала Раиса.

— Есть.

— Уже трех сбила, Степанова. Еще два, и ты ас.

— Трудно было промахнуться, только выбирай, — поскромничала сияющая Раиса. Инна, которой засчитали первого немца, слегка закатила глаза: посадив свой «Як», она первым делом кинулась обнимать ведущую. Два «юнкерса» сбили, а сами целы! Что еще нужно для счастья?

Гриднев, их молодой командир, просматривал машинописную сводку.

— Они летели на станцию, где грузился в эшелон батальон пехоты. Вы много жизней спасли.

Еще того лучше. Может, там и Давидка был? В следующем письме Раиса ему похвастается.

— Служим Советскому Союзу!

— Молодцы, девушки. Можете идти.

И они побежали к себе в мужских, больших не по мерке комбинезонах.

В блиндаже их было около десяти, и он, если прищуриться, мог показаться почти уютным: железные кровати, шерстяные одеяла, беленые стены. Летом у них стояли букеты полевых цветов в банках, но без солнца цветы быстро вяли. За год постоянных переездов девушки привыкли ко всему: крысам, насекомым, бомбежкам. Не замечать всего этого и любоваться цветами учишься быстро, иначе с ума сойдешь.

Случалось, что и сходили.

Второе по порядку преимущество летчика (первое — это сами полеты) заключалось в улучшенном пайке и сравнительно неплохих жилищных условиях. Раиса с Инной придвинули стулья к печке и чокнулись боевыми ста граммами.

— За победу, — по традиции произнесла Инна.

— За самолеты, — от всей души добавила Раиса.

В обед — густой мясной суп с хлебом — она ожидала поздравлений от других летчиц. Шутка ли — еще двух собьет и ас! Вышло, однако, немного иначе.

Катя с Тамарой, вбежавшие с яркого света и едва не свалившие стол, затарахтели наперебой:

— Ни за что не угадаете!

— Нам радист только что сказал!

Раиса уронила хлеб в миску.

— Что? Немцы отступают?

— Ага, жди! — фыркнула Катя, а Тамара добавила:

— Лиля сегодня сбила двух фрицев! Теперь у нее пять, она ас!

Лиля Литвяк. Красавица Лиля, никогда не совершающая ошибок. Даже после многих месяцев жизни в землянках эта маленькая крашеная блондиночка выглядела как американская кинозвезда. Все удивлялись, как она может водить «Як» с ее-то росточком, но она летала лучше их всех. Раиса и та признавала это, хотя и не вслух.

Она нарисовала лилию на носу своего истребителя, и все восхищались этим.

— Двух, говорите, сбила?

— Ну да! Свидетели есть. Правда, здорово?

Да, это было здорово. Раиса улыбнулась и выпила за Лилю. Девушки обедали и гадали, вернутся ли еще холода или же весна пришла окончательно. О том, когда кончится и кончится ли вообще идущая уже два года война, не говорили. Недавно советские войска отбили Воронеж, где и базировался их полк, — уже большое дело.

Но Инна хорошо знала свою подругу.

— Ты весь день хмуришься, — сказала она, когда они вечером мыли посуду у блиндажа. На аэродроме соблюдалось полное затемнение, чтобы немецкие разведчики не засекли его с воздуха. — Все заметили.

— Послали бы меня в Сталинград, как ее, я бы столько же сбила. Даже больше. И стала бы асом давным-давно.

— Под Сталинградом тебя и саму бы сбили, а так ты живешь мне на радость.

— Все мы тут погибнем, кто раньше, кто позже.

Россыпь веснушек и вязаная шапочка на коротких кудрях делали Инну похожей на озорного эльфа, но она всегда остава-

лась серьезной, не любила Раисиных шуточек и никогда ни о ком не сказала дурного слова.

— Скоро все это кончится, — серьезно предположила она. — Должно кончиться. Мы бьем врагов с одной стороны, англичане и американцы с другой — долго фрицы не протянут.

— Да, правильно. Будем держаться, сколько можем.

— Вот-вот.

Они легли спать под слишком тонкими одеялами в блиндаже, где шмыгали крысы. Иногда Раиса, глядя на это убожество и усталые лица подруг, теряла веру в то, что когда-нибудь будет жить лучше.

Утром, идя в штаб, она надеялась, что ее пошлют на боевое задание и она сможет пополнить свой счет, но по дороге ее перехватил один из радистов.

Они с Павлом часто обменивались новостями. Она ему рассказывала, что делается на аэродроме, он ей — что слышно в других полках. Его сведения были куда надежнее тех, что спускались сверху, сильно процеженные и приглаженные. Генералы умалчивали о гибели целых батальонов, не желая подрывать боевой дух в войсках.

Сегодня Павел был бледен и угрюм.

— Что? — спросила Раиса, поняв, что ничего хорошего не услышит. Это Давид, точно Давид.

— Это касается твоего брата, Раиса.

Голова у нее закружилась, и мир перевернулся вверх ногами, как будто она сделала «бочку». Но Раиса не дрогнула, хотя всегда думала, что погибнет первой: в авиации воевать намного опаснее. Это Давиду полагалось бы сейчас собираться с духом, чтобы выслушать страшную весть.

— Говори, я слушаю, — сказала она.

— Был бой, и он... пропал без вести.

Раиса ожидала не этого. Что за чушь, как солдат может пропасть... не сережка же он, в самом деле. Она растерянно смотрела на Павла.

— Раиса, ты как, ничего?

— Пропал? — повторила она, начиная постигать смысл этого слова.

— Да, — близким к отчаянию голосом подтвердил Павел.

— Это ведь...

— Ты не бойся, я Гридневу не скажу. Никому не скажу, пока не придет официальная сводка. Может, он еще и найдется.

Жалость в его взгляде угнетала ее. Павел повернулся и ушел, меся сапогами грязь.

Она знала, что будет дальше. Вслух никто ничего не скажет, но ясно и так: лучше погибнуть, чем пропасть без вести.

Товарищ Сталин в самом начале войны сказал: «У нас нет военнопленных, есть только изменники Родины». Настоящий патриот должен предпочесть гибель плену; пропавшие без вести автоматически считаются дезертирами. Давида тоже объявят предателем, и вся их семья от этого пострадает. Родителей и младшую сестру лишат продуктовых карточек, Раису в лучшем случае отстранят от полетов. Давид, возможно, лежит мертвый где-то в болоте, но до этого никому нет дела.

Раиса поборола слезы. Нужно вести себя так, словно ничего не случилось. Давид не предатель, но ей никто не поверит, даже если она прокричит это во весь голос. Если его тело не найдут в ближайшее время, он останется предателем навсегда.

Страшно это — желать, чтобы тело брата поскорее нашли. Раисе вдруг захотелось взять в руки оружие — не самолетное, обычное огнестрельное — и в кого-нибудь его разрядить. Возможно, в товарища Сталина.

Если бы кто-то сейчас прочел ее мысли, одним отстранением от полетов дело не обошлось бы. Ее расстреляли бы или послали в лагерь, и в семье у них было бы два предателя. Она не станет больше думать о Сталине и направит свой гнев против настоящих врагов, убивших Давида. Если он, конечно, убит, а не попал в плен.

— Что с тобой, Раиса? — спросила шепотом Инна, сидевшая с ней рядом на штабном совещании. — На тебе лица нет.

— Ничего, все в порядке, — прошептала в ответ она.

Давиду она продолжала писать, как ни в чем не бывало. Это успокаивало ее.

Дорогой Давидка!

Я не говорила еще, что у меня на счету три сбитых фрица? А ты сколько убил? Ладно, не отвечай, и так знаю, что больше. Притом тебе гораздо тяжелее, чем мне: у тебя только винтовка и штык, а у меня мой красавец «Як». Но от нас вам, пехоте, большая помощь: мы с Инной недавно завернули назад целую эскадрилью, не дав им разбомбить станцию. Стараюсь не слишком за тебя волноваться, но это трудно.

Вот собью еще двух и буду считаться асом. Одна женщина-ас у нас уже есть: Лиля Литвяк, которая сражалась под Сталинградом. Я на нее не в обиде, она отличный пилот. Превзойти ее у меня не получится, но я точно не хуже. Если вдруг увидишь ее фото в газете (я слышала, ее часто печатают, чтобы других на подвиги вдохновлять), то знай, что моя Инна гораздо красивее. Трудно поверить, я знаю, но это правда. Может, и мое фото когда-нибудь напечатают? Будешь тогда всем рассказывать, что ты мой брат — жалко, что личиком я не вышла.

Мама пишет, что папа опять приболел. Что-то он часто болеет, и с питанием неважно у них — он, наверное, свою долю отдает Нине, как отдавала бы я. Боюсь, что мама не все мне рассказывает, но ты ведь ничего не таишь, правда?

Ладно, что тут думать, все равно ничем не поможешь. За меня тоже не беспокойся. Я питаюсь нормально, сплю большей частью хорошо. Слышу иногда, как падают бомбы вдали, но у нас пока тихо.

До свидания, целую тебя.

Раиса.

Когда началась война, Раиса по примеру множества других девушек написала знаменитому пилоту Марине Расковой, спрашивая, как можно попасть на фронт. Товарищ Раскова ответила: я организую женскую летную бригаду, приезжай.

И она, конечно, приехала.

Отец был против, он хотел, чтобы Раиса работала на заводе и тем помогала фронту, но мать сказала: может летать — пусть летает. А старший брат Давид взял с нее слово писать ему каждый день, ну хотя бы каждую неделю.

Ее назначили в боевую часть, и она впервые встретилась с девушками, которые занимались в летных клубах, как и она. В ее клубе были одни только парни, и Раису поначалу не принимали всерьез. Ей приходилось доказывать свои способности на каждом занятии, и в полетах с инструктором она стала лучшей, но и это не помогло. Больше всего ее возмущало, что говорят все одно, а поступают совсем по-другому. Советская власть вроде бы уравняла женщин в правах с мужчинами, но мальчишки продолжали над ней насмехаться: лучше детей, мол, рожай, не бабье это дело — летать.

Спасибо Марине Расковой, она им всем показала. Когда она по-глупому разбилась в плохую погоду, женщины-пилоты боялись, что их отправят обратно в тыл — строить те самые самолеты, на которых они летали. Только благодаря Расковой, которую знал сам Сталин, женщин допустили на фронт. Но к тому времени они уже доказали, что могут летать, и расформировывать их не стали. Вырезанную из газеты фотографию Расковой Раиса пришпилила над своей койкой, а позже рядом с ней выстроились снимки других убитых пилотов.

— Я боевой пилот, а вы меня куда посылаете? — сказала Раиса, забыв о субординации. Они с Гридневым стояли на резком весеннем ветру, который она едва замечала. Взлетать следовало немедленно, но она продолжала спорить; Инна переминалась с ноги на ногу в нескольких метрах от них.

— Мне нужны пилоты для конвоя, Степанова.

— Маршрут проходит в ста километрах от линии фронта. Вашему высокому чину не конвой нужен, а нянька!

— Значит, будешь нянькой.

— Мне немцев сбивать надо, товарищ полковник...

— Будешь делать то, что велит тебе Родина.

— Но...

— Дело не в тебе лично. Нужен конвой.

И Гриднев зашагал прочь, а Раиса, кипя от злости, пошла на аэродром. Инна бегом догнала ее.

— Рая, что с тобой?

Этот вопрос она последнее время задавала едва ли не ежечасно, и Раиса не могла больше утаивать от нее свой секрет. Если уж Инне нельзя доверять, кому тогда можно?

— Давид пропал без вести, — не сбавляя шага, сказала она.

— О-оой, — протянула потрясенная Инна. — Вот беда-то.

— Теперь я должна воевать за двоих, понимаешь?

Ее рука праздно лежала на рычаге. Она, Инна, Катя и Тамара шли практически по прямой линии. Им не сказали, кто летит в сопровождаемом ими «Ли-2» — вдруг это сам товарищ Сталин? Вот взять и обратиться к нему по радио: «Товарищ Главнокомандующий, разрешите доложить вам о моем брате...» Хотя нет; будь это он, женщин бы в конвой не послали.

Да и не нужна тут никакая охрана. Главная опасность — спутать строй и врезаться друг в дружку, вот был бы срам.

Перед самым отлетом радист сообщил им, что Лиля сбила еще один самолет, итого шесть. Немцы, видно, в очередь становятся за право быть сбитыми этой красавицей, а Раиса тем временем прохлаждается в ста километрах от фронта.

Если она погибнет в бою на глазах у свидетелей и ее тело найдут, это будет хорошо для Давида. Не может брат героя быть предателем, верно?

Раиса вытянула ноги, почесала голову под шлемом. Через пару часов они сядут, одно утешение. Их обещали накормить перед обратным вылетом — может, и с собой что-то удастся прихватить.

В небе хоть бы пара гусей мелькнула, только остроносые «Яки» и большой двухмоторный «Лисунов» гудели на всю округу. Она не уставала дивиться тому, как эти стальные машины одолевают закон всемирного тяготения. Внизу тянулась зеленовато-серая равнина, перемежаемая лесами и речками. Как будто это совсем новая земля, а она, Раиса, ее царица. На полях, которым полагалось бы уже зеленеть, чернели воронки и сгоревшие танки.

Если сосредоточиться на звуке мотора, пронизывающем тебя насквозь, все другие мысли уходят. Запрокинешь голову — там голубое небо и солнце. В такую погоду можно даже фонарь открыть, только ветер мешает. В кабине тепло и уютно, точно птенцу в скорлупе.

И вдруг там, где небо сходилось с землей, появились черные точки, летевшие слишком ровно для птиц.

— Степанова, — сказала Раиса по рации. — На горизонте, десять часов, видите?

— Вижу, — отозвалась Инна. — Бомбардировщики?

Похоже было на то, судя по их тяжелому ходу, только не видно пока — кресты на них или звезды.

— Наши или немцы? — спросила Катя.

— Сейчас посмотрю. — Раиса прибавила скорость, собираясь сразу открыть огонь, если это враг.

— Осипов говорит, — вышел на связь пилот транспортника. — Вернись в строй, Степанова.

— Почему?

— В строй, я сказал!

Но они совсем близко, это заняло бы всего лишь секунду...

— Одной нельзя, Рая, — вмешалась Инна.

Почему это?

— Их перехватит другая эскадрилья, уже сообщили, — добавил Осипов. — Продолжаем маршрут.

Им ее не остановить... но потом доложат, что она не подчинилась приказу, и все будет только хуже. Раиса вернулась в строй, хмурясь на свое размытое отражение в фонаре. Литвяк сейчас небось очередного фрица берет на прицел.

Дорогой Давидка!

Я обещала писать тебе каждый день, вот и пишу.

Как ты там? Надеюсь, что хорошо, не болеешь, не голодаешь. Мы тут уже собираемся крыс ловить для приварка, но пока что не пробовали: хлопот много, а толку чуть. Жиру в них не больше, чем в нас. Но это я так, для смеху. Нам американские консервы прислали — тушенка, фрукты, сгущенка. Вкус победы, как говорит Инна. Молодец она, правда? Поддерживает хорошее настроение во всей эскадрилье.

Хочу предупредить: я тут тебе написала на случай моей смерти, — если что, тебе перешлют. Вот. Теперь ты будешь бояться, что каждое письмо от меня — то самое, последнее. Не заготовил ли и ты такое письмо? Я пока ничего не получала, и это дает мне надежду.

Хорошо, что наша Нина еще мала, иначе пришлось бы готовить два посмертных письма. Она пишет, что тоже хочет на фронт, чтобы летать, как я, а если не выйдет, то станет моим личным механиком. Я ей ответила, что война кончится раньше, чем она дорастет до фронта, — надеюсь, что так и будет.

Целую, Раиса.

Прошла еще неделя. Вестей о Давиде не было. Погиб скорее всего — куда он мог исчезнуть в противном случае? Раисе очень хотелось верить, что он еще вернется в свой полк.

Потом Гриднев вызвал ее в штаб, и она увидела там незнакомого офицера.

— Это капитан Софин, Степанова, — с каменным лицом сказал полковник и вышел.

Она уже знала, что за этим последует. Софин, не предлагая ей сесть, раскрыл на столе картонную папку. Раиса, сохраняя спокойствие, подавляла нарастающий гнев.

— Степанов Давид Иванович — ваш брат?

— Да.

— Вам известно, что он объявлен пропавшим без вести?

Официально ей об этом не сообщали, но что толку скрывать.

— Да.

— Вам известно, где он находится в настоящее время?

На фронте тебя нет, подумала она и сказала:

— Я предполагаю, что он погиб, как многие пропавшие без вести.

— То есть никаких известий вы от брата не получали?

— Никаких. — А что, если он найдет письма, которые написала она?

— Напоминаю, что в случае получения каких-либо сведений вы обязаны доложить об этом командованию.

— Так точно, товарищ капитан.

— Мы будем наблюдать за вами, Степанова.

Ей хотелось перескочить через стол и придушить этого мозгляка с тонкими усиками. Или заплакать, но она не сделала ни того ни другого. Итак, ее брат приговорен без суда и следствия.

За что же она сражается в таком случае? За родителей, за сестру. И за Давида тоже. Не за этого капитана.

Он отпустил ее, не поднимая глаз от своего скоросшивателя. У самой двери в блиндаж стоял Гриднев, явно подслушивавший их разговор. Раиса потупилась.

— Твое место в 586-м полку, Степанова. С нами.

Она улыбнулась, но промолчала, не доверяя своему голосу. Да и что она могла сказать Гридневу — что решать в конечном счете будет не он?

Но если она станет асом, ее не посмеют тронуть. Как не смеют тронуть Литвяк. Может, и Давида тогда оправдают.

На смену зимним морозам пришли комары и оводы. Поговаривали, что Америка и Британия скоро откроют второй фронт, что у немцев есть секретное оружие, способное сровнять Москву и Лондон с землей. Вместо новостей к ним большей частью приходили приказы. Раисе все это надоело до крайности.

— Степанова, ты в порядке?

Она только что вернулась с патрульного вылета: все как обычно, передвижения вражеских войск не замечено. Мотор уже заглох, пропеллер не крутился, но она так и сидела в ка-

бине, собираясь с силами, чтобы вылезти на крыло с бортжурналом и парашютом. Она проделывала это столько раз, что сил совсем не осталось. Приборная доска расплывалась перед глазами.

— Степанова! — позвала снова Маруся, ее механик, стоящая на крыле в комбинезоне и косынке на голове. Руки этой двадцатилетней девочки успели загрубеть от возни с железками. — Ну и видок у тебя, прямо жуть берет.

— Ничего, сейчас водочкой взбодримся. Неплохо бы вот еще на перине покемарить с месяцок.

— Как горючее?

— На пределе. Думаешь, он жрет больше, чем полагается?

— Так он и работает как проклятый. Я проверю.

— Ты у нас лучше всех. — Раиса ухватилась за руку Маруси, вылезла, обняла ее.

— Да ты точно в порядке?

— Рая! — Инна шла к ней от своего самолета с парашютом и шлемом под мышками. — У тебя все хорошо?

Ну чего они пристают?

— Устала просто, — ответила за нее Маруся. — Нам бы встряхнуться, танцы устроить, что ли. Вон сколько у нас ребят, и все бравые. — На базе в самом деле было полно парней — пилотов, механиков и солдат. Раиса как-то не задумывалась об этом.

— Какие уж тут танцы, когда война, — вздохнула Инна.

— Вот кончится она — нарядимся, вымоем голову настоящим мылом и пойдем танцевать.

— После войны — да.

— Когда победим, — уточнила Раиса. — При фашистах не очень-то потанцуешь.

Наступило молчание, и Раиса пожалела о том, что сказала. Когда говорят «после войны», победа подразумевается сама собой, иначе никакого «после» не будет. Да она и не думала, что доживет до «после войны».

Давидка, я решила больше не рваться в асы. Были бы мы оба живы, больше мне ничего не надо. Смотри только не говори никому: здесь все думают, что я все так же хочу этого и отчаянно завидую Лиле Литвяк. Может, Бог, если он есть, услышит меня, и ты найдешься: живой, здоровый, никакой не предатель. Пое-

дем домой, обнимем папу с мамой и Нину и обо всем забудем. Вот какая теперь у меня мечта.

То письмо на случай смерти я храню до сих пор. Надо бы сжечь, ведь теперь некуда его посылать.

Твоя любящая сестра Раиса.

Тревога поднялась на рассвете. Раиса на ощупь натянула комбинезон, сапоги, схватила шлем и перчатки. Инна бежала следом. Над головой рокотали вернувшиеся из полета разведчики.

Механики заливали горючее, заряжали пушки и пулеметы. Намечалась настоящая битва.

Немецкие тяжелые бомбардировщики пересекли линию фронта, сказал Гриднев. Он сам возглавит первую эскадрилью, задача которой — перехват сопровождающих вражеских истребителей. Вторая, женская, эскадрилья взлетит через пятнадцать минут и займется самими бомбардировщиками.

«Яки» взлетали один за другим, жужжа как исполинские пчелы.

Никто не раздумывал — все действовали, как всегда в таких ситуациях. Маруся помогла Раисе залезть в кабину, захлопнула фонарь и побежала убирать колодки из-под шасси. С дюжину «Яков» выстроились в ряд, дожидаясь очереди на взлетную дорожку.

Раиса дождалась своей и поднялась в воздух, где ей сразу сделалось легче. Здесь в случае нападения можно лавировать, не то что на земле, когда сверху сыплются бомбы. Здесь у нее рука на рычаге, палец на спуске.

Инна, летящая следом, помахала ей, Раиса ответила. Эскадрилья построилась пеленгом, следуя за отрядом Гриднева. Все они давно летали вместе, знали друг друга и между мужчинами и женщинами различий больше не делали — нешуточное достижение, если вдуматься, но думать сейчас было некогда. Достаточно было знать, что Алексей Борисов всегда пикирует влево, а в случае опасности делает петлю кверху; что Софья Миронова осторожна и вперед не суется; что Валентина Гущина отличный боец, а востроглазый Федор Баулин замечает цель первым.

«Яки» шли разомкнутым строем, чтобы при необходимости сразу же вступить в бой. Раиса обшаривала глазами небо. Пол-

ковник говорил, что до сближения примерно двадцать минут, они должны вот-вот увидеть противника...

— Вон они! — крикнул Баулин. — Тринадцать ноль-ноль!

— Держать строй, — скомандовал Гриднев.

Вражеские самолеты, сверкая фонарями кабин на солнце, будто бы стояли на месте, но все-таки приближались быстро, неотвратимо.

От группы бомбардировщиков отделились мелкие, легкие истребители.

Становилось все интереснее.

«Яки» по приказу командира рассредоточились. Раиса, немного снизившись, вильнула влево и понеслась к цели.

Звено «мессеров» прошло над ней, строча пулеметами.

«Юнкерсов» следовало бить, пока «мессеры» не вернулись.

Приблизившись к ним на расстояние выстрела, Раиса открыла огонь. Инна позади сделала то же самое.

Бомбардировщики отошли назад, истребители вернулись, и начался хаос.

Друзей от врагов отличали по крестам или звездам на фюзеляжах. Столкновение казалось почти неизбежным. Бой шел в трех измерениях и обещал затянуться до последнего снаряда или патрона; у пилотов, и тех и других, был за плечами двухлетний военный опыт. «Мессеры», похожие на торпеды, шныряли туда-сюда.

Командир объявил бомбардировщики первостепенной целью. «Юнкерсы» держались чуть в стороне, и «мессерам» приходилось соблюдать осторожность, чтобы по ошибке не сбить своих, что давало «Якам» определенное преимущество.

Вокруг ревели моторы, вращались пропеллеры. Раиса никогда еще, даже во время учебы в клубе, не видела в воздухе такого количества самолетов.

Она наметила себе цель. Пилот этого «мессера», поглощенный погоней за «Яком» — кажется, Катиным, — шел по прямой, чего не следовало делать ни в коем случае. Раиса обстреляла его и ушла в сторону, чтобы самой не попасть под прицел.

Ее снаряды прошли прямо через кабину, окрасив осколки фонаря кровью. Под очками и шлемом на миг мелькнуло потрясенное лицо летчика. «Ме-109» клюнул носом и пошел вниз. Еще секунда, и дым от его падения в лобовом стекле сменился голубым небом.

— Есть четвертый! — закричала Раиса. Скоро она в такой каше собьет и пятого. В честь Давида.

Самолеты падали один за другим. Подбитый «юнкерс» еще держался на одном двигателе, «Як» горел и разваливался. Алексей! Может, выровняется еще? Или успеет спрыгнуть? Раиса, не видя в его кабине признаков жизни, стиснула зубы и нашла новую цель.

Гриднев приказал отступать — что так рано? Но мотор Раисы в самом деле гудел уже не так ровно, и пропеллер вроде бы запинался.

Со стороны солнца, как дракон, спикировал «мессершмит».

На «Як» градом посыпались пули. Бедро прошило болью, из самолетного носа повалил дым. Мотор закашлялся, пропеллер остановился. Ее чудесный самолет превратился в неживое падающее тело.

Он еще держался на силе тяги, но не слушался руля, и мотор уже не работал.

— Прыгай, Рая! — кричала Инна по радио. — Прыгай!

Нет, ни за что. Лучше сгореть, чем пропасть без вести.

Нос ушел вниз, левое крыло задралось. Теперь или никогда.

Правую ногу дергало. Откуда столько крови — не от того ли немца, напоследок взглянувшего на нее сквозь очки? Инстинкт и выучка взяли свое: Раиса открыла фонарь. Ветер двинул ее, как мощный кулак. Волоча непослушную ногу, она вылезла из кабины и не столько прыгнула, сколько оторвалась от «Яка». Потом рванула кольцо, и над ней расцвел парашют. Она мертвым грузом повисла на лямках — «мертвым», ха-ха.

Ее самолет несся к земле, как пылающая комета. Бедняга. Ей хотелось заплакать, но за все эти тяжелые месяцы она забыла, как это делается.

Бой тем временем продолжался. Она потеряла из виду Инну, но та, несомненно, прикрывала ее, не давала подстрелить в воздухе. Да хоть бы и подстрелили, тогда она погибнет в бою. Кто знает, чье это поле внизу, кто найдет ее первым, свои или немцы. «У нас нет военнопленных, есть только...»

Хуже всего, что от тебя уже ничего не зависит. Ветер уносил капающую из ноги кровь. Может, она и до земли не дотянет. Найдут ли когда-нибудь ее тело?

В небе вдруг стало тихо, но Раиса ничего уже больше не могла разглядеть.

Открыв глаза, она увидела над собой деревянные стропила. Она лежала на койке в ряду других коек — должно быть, в полевом госпитале. Люди, снующие вокруг, говорили, к счастью, по-русски. Ее нашли. Она дома.

Шевельнуться не получалось, да и не очень хотелось. Ее вполне устраивало лежать вот так, не чувствуя боли, обещавшей скоро дать знать о себе.

— Очнулась, Райка!

Стул скрежетнул по бетону, и над ней нависло лицо Давида. Бритый, аккуратно подстриженный, форма чистенькая, хоть сейчас на парад. Совсем как на карточке, которую он прислал домой с фронта. Снится ей, что ли? Или это не госпиталь вовсе, а рай?

— Скажи что-нибудь! — Нет, в раю он бы так не тревожился.

— Давидка! — хрипло выговорила она и облизнула сухие губы. — Ты живой! Что с тобой было?

Он только плечами пожал:

— Наш взвод отстал от своих. Вели в лесу бой с немецкими танками, а тут вдруг буран — весной-то! Половина обморозилась, пришлось их тащить на себе. Несколько недель выбирались.

Они заблудились, только и всего. Будь здесь Софин, она дала бы ему по морде.

— Жаль, посмеяться нельзя — грудь болит, — сказала она.

Давид больше не улыбался — видно, и его по возвращении в часть допрашивал особист. Раиса умолчала о Софине и решила сжечь письма, которые писала брату все это время.

— Как же я рад тебя видеть! — Он взял ее за руку, свободную от бинтов, и она сжала пальцы изо всех силенок, что у нее сохранились. — Твой Гриднев сообщил, что ты ранена, и я сумел вырваться на денек.

— Да, меня сбили, — проговорила она. — Пришлось прыгать, не знаю, что было дальше.

— Твоя ведомая передала координаты по радио, и туда послали поисковую команду. Говорят, на тебя смотреть было страшно.

— А что я четвертого немца сбила, не сказали тебе? Еще один, и я ас. — Первой и даже второй женщиной-асом ей уже не стать, но все-таки.

Давид помрачнел и отстранился немного.

— Чего ты?

Он сморщился, и глаза у него блестели. Она, девчонка, даже по своему самолету не плакала, а он...

— Тебя комиссуют по здоровью, Раиса.

— Как это? Почему? Я ведь поправлюсь еще...

— У тебя сломаны обе ноги, половина ребер, плечо вывихнуто. Плюс две огнестрельные раны и сотрясение мозга. Ты долго еще не вернешься в строй.

Неужели все так плохо? Она пока ничего такого не ощущала.

— Но мне станет лучше...

— Ты лежи пока. Отдыхай.

Ей осталось сбить всего один самолет.

— Давидка, что же я буду делать, если не смогу летать?

— Райка! — позвал звонкий голос, и ее ведомая, за неимением других стульев, опустилась на колени у койки. — Ты прямо как мумия. — Инна поправила выбившуюся из-под бинтов прядь волос и получше укрыла Раису.

— Инна, это мой брат Давид.

Девушка вытаращила глаза. Раиса хотела объяснить, что «пропавшие без вести» иногда находятся сами, но тут Давид встал и уступил Инне стул. Они стояли по обе стороны койки, глядя друг на друга через Раису. Инна, спохватившись, протянула Давиду руку, и он, прежде чем ответить, вытер ладонь о штаны — ну что за манеры.

— Раиса мне много о вас рассказывала, — сказала Инна.

— А мне о вас, в письмах.

Инна зарделась. Ну что ж, худа без добра не бывает.

Раиса ждала поезда на платформе воронежского вокзала. Одна рука была на перевязи, другой она опиралась на трость и не могла нести свой багаж.

Начальству следовало бы знать, что так легко она не уступит — закалилась в борьбе за право летать. Главное, писать не переставая во все инстанции. Может, она и Давида вернула тем, что не переставала ему писать?

Когда ей в виде компромисса предложили обучать других пилотов на подмосковном аэродроме, она согласилась. С хромотой и палкой свыкнуться можно: она по-прежнему будет но-

сить военную форму со всеми регалиями и держать голову высоко.

Боевые вылеты, как ни печально, больше не для нее.

— Ты точно хорошо себя чувствуешь? — спрашивала Инна, пришедшая ее проводить. Давид вернулся в свой полк, но они с Инной договорились писать друг другу.

— Лучше не бывает.

— Как-то непривычно, что ты на месте стоишь. — Глаза у Инны подозрительно увлажнились. — Раньше все носилась туда-сюда как наседка.

Раиса улыбнулась такому сравнению.

— Писать-то мне будешь?

— Конечно. Все наши сплетни буду передавать.

— Ага. Сообщай, сколько еще Литвяк немцев собьет.

— Она, похоже, в одиночку войну выиграет.

Через несколько месяцев Раиса прочтет в газете, что самолет Литвяк сбит над вражеской территорией и ни он, ни тело пилота не найдены. Первую в истории женщину-аса объявили пропавшей без вести.

Издали донесся свисток паровоза.

— Нет, скажи: все правда в порядке? — спросила расстроенная Инна.

Раиса, как это вошло у нее в привычку, смотрела прямо перед собой. Смотрела в сторону аэродрома, через поле и развалины города. Кажется, самолеты летят?

— Я все время думала, что погибну как герой: разобьюсь или очередью прошьют. Не представляла, что стану калекой. И что война продолжится без меня.

— Мы счастливы, что ты осталась жива. Давид в первую очередь.

— Ясно почему: не придется родителей извещать.

— Вечно ты со своими шуточками!

Подошел поезд.

— Береги себя, Инна. Подыщи себе ведомую и хорошенько натренируй.

— Я буду скучать по тебе.

Они обнялись, соблюдая осторожность. Инна помогла Раисе сесть в поезд и долго махала с перрона.

Раиса увидела в окно пару «Яков», летящих к аэродрому, но не расслышала гула их моторов за стуком колес — возможно, и к лучшему.

СЭМЮЕЛЬ САЙКС

Если хочешь жить — прислушайся...

Сэмюель Сайкс — сравнительно молодой автор. У него вышел цикл «Aeon's Gate», в который входят романы «Tome of the Undergates», «Black Halo» и «The Skybound Sea». Он родился в Фениксе, штат Аризона; сейчас живет в Флагстаффе, в том же штате.

ИМЯ ЗВЕРЯ

Когда лагерные костры погасли и вороны устроились на ночлег, ей стали слышны слова мужа.

— *Что наша девочка?* — спросил Рокада, как только на угли плеснули водой. Его речи как пар: дунь, и нет их. Они разговаривали только по ночам, когда гасили костры.

— *Спит,* — сказала Калиндрис. Собственные ее слова звучали весомее.

— *Хорошо, пусть отдыхает.* — Его зеленые глаза мерцали даже сквозь полный мрак. — *Ты тоже ляг — мне нужно, чтобы ты была бодрой и собранной.*

Она точила нож, не поднимая на мужа глаз. Решив все же не втыкать его в Рокаду за подобные разговоры, она провела пальцем по лезвию, убрала клинок в ножны и протянула руку туда, где всегда оставляла свои сапоги.

— *Ее отдыху ничто не мешает. Я уйду до рассвета и вернусь засветло, она ничего знать не будет.*

— *Да, правильно.*

У нее, за неимением шерсти, поднялись торчком уши — острые, как ее нож. Рокада не видел этого — а если б и видел, не обратил бы внимания. Он такой.

— *Тебя не спрашивали.*

— *А что же мне ей сказать?*

© Sam Sykes, 2013; © пер. Н. Виленской, 2015.

— Что хочешь. Я ухожу без нее. Зверь слишком близко, племя в опасности. Нет времени ее ждать. — Калиндрис натянула сапоги. *— Слова побереги для нее, мне они ни к чему.*

— Нет.

— Не смей мне так отвечать.

— Ей нужно учиться. Как охотиться, как ненавидеть, как убивать.

— Зачем?

— Затем, что мы шикты. Наши племена пришли в этот мир из Темного Леса. Мы были здесь до людей, до тулваров, до того, как обезьяны поднялись на задние лапы. Были до них и пребудем после. Ибо для того, чтобы эта земля жила, они должны умереть.

Его слова больше не зажигали ее — наоборот, расхолаживали.

— Она должна учиться быть шиктой, — продолжал Рокада. *— Должна овладеть нашим наследием.*

— Не нашим. Твоим.

Калиндрис ощутила его руку еще прежде, чем он коснулся ее. По мурашкам на коже, по холодной тяжести в животе. Она чувствовала все его костяшки, упершиеся ей в бок.

— Будь благоразумна. — Голос его был как мед, стекающий по коре.

— Не тронь меня.

— Все остальные в племени не смотрят на нее, не слушают, что она говорит. Они спрашивают себя, от кого она родилась. Ты должна взять ее в лес. Показать ей, как это делается.

— Я ничего не должна. А ты не можешь поменять все, что тебе не по вкусу.

— Нет. Могу. — Кору содрали с дерева. Он стиснул пальцы. Она услышала клинок в ножнах, услышала собственный голос.

Как пар. Дунь — и нету.

— Не тронь меня.

За солнечными лучами, сочащимися сквозь полог ветвей, ей слышался лес.

Оленье копыто царапнуло по замшелому поваленному стволу. Качнулась ветка, с которой взлетела птица. Шеренга забывших о своей отдельности муравьев перебиралась через сухой корень.

Звуки жизни... он еще далеко. Калиндрис подняла уши, вслушиваясь.

Бабочка старалась не шевелиться, пока барсук обнюхивал корягу, на которой сидел. Дерево стонало, жалуясь на гниль, расползавшуюся по стволу. Зашуршала сухая листва, на которую вепрь с распухшим рылом лег умирать.

Теперь ближе. Она глубоко вдохнула и выдохнула.

Воздух, исходящий из сухих ртов. Падающие наземь соленые капли. Ноющая мольба без слов.

И Вой, сказавший ей, кому предстоит умереть.

— Как ты долго!

Калиндрис прижала уши и нахмурилась.

Девочка говорит.

Снова.

— Ты ведь давно нашла след, два часа как. Уже и зверя найти пора. Вместо этого я полчаса жду, полчаса ищу другие следы, полчаса пускаю стрелы в просвет между ветками и еще полчаса думаю, как бы изловчиться и застрелиться самой, чтоб со скуки не помереть.

Вой ушел так же скоро, как и пришел. Шикты ни о чем не просят Риффид, свою богиню. Просить — значит, рисковать навлечь на себя ее гнев. Она не дала им ничего, кроме жизни и Воя, и ушла в Темный Лес. Они поколениями оттачивали это чувство, голос жизни и смерти.

Чувство, которое детское нытье может прогнать в один миг.

— Когда же мы будем охотиться?!

Ну, ничего. Вой показал Калиндрис достаточно, другие звуки жизни и смерти уже ничего не значили. Она держалась только за последний — звук неуверенности, ожидающий, когда она склонит чашу весов в сторону тьмы.

Калиндрис поднялась, стряхнула листья с кожаного охотничьего камзола, повесила лук и колчан на плечо. Кожаный ворот прильнул к голой шее, и Калиндрис, потирая шрам на ключице, пообещала себе, что других прикосновений к своему горлу больше никогда не допустит. Она до сих пор ощущала каждую костяшку, которую он вдавливал в ее тело.

Не оглядываясь, она спрыгнула с валуна и пошла на шум. Здесь, на краю лесного моря, деревья высились как колонны и пропускали чересчур много света, оставляя слишком много

для зрения и слишком мало для слуха. Вою недоставало ясности, и приходилось держать уши настороже.

Поставив их прямо, как копья, Калиндрис прислушалась. Шорох листьев, обиженный плач, частое дыхание.

Девочка.

Идет следом.

— Ты меня за дурочку не держи! Если хочешь меня бросить, делай это не так откровенно. Я ведь могу тебя выследить и заставить сделать хоть что-то.

Чтобы бросить ее, нужна была злость, которую Калиндрис не могла тратить. Злость, как ее стрелы, ее нож и весь ее день, предназначалась кому-то другому.

— Почему ты со мной не разговариваешь? — негодовала девочка. — Я все сделала правильно. Шла по следу, как ты мне показывала, во всем тебя слушалась. Что не так?

Калиндрис молчала потому, что девочка уже потратила все слова, — это и было неправильно. Столько слов ей не нужно, они ей вообще не нужны. Язык шиктов — это Вой, приходящий к ним с первым вздохом и первым криком.

Но девочка не слышит его, не владеет им. Она способна только дышать и кричать.

И ее крики терзают уши Калиндрис.

— Мы хоть идем-то правильно? — не унималась девочка. — Я не вернусь, пока зверь не будет убит, иначе меня не примут и не дадут мне перья. Отец так сказал.

Калиндрис поморщилась. Рокада болтает много всякого. Как будто все так и есть, как он говорит. Несогласные видят зеленый огонь его глаз, его белые зубы. Слышат медовый голос, убеждающий их.

Миг спустя ее позвоночник выпрямился подобно копью и проступил под кожей. Она обернулась, оскалившись, прижав уши.

Девочка стояла прямо за ней. Перья в золотистых кудряшках торчат как попало, лук за узкими плечиками натянут неверно, в худых ручонках недостанет силы послать стрелу. Уши длинные, гладкие, без канавок — одно торчит вверх, другое повисло. В тщетной попытке расслышать то, что им не дано.

А глаза зеленые-презеленые.

— Твой отец не всегда бывает прав, — сказала Калиндрис.

— Будь это так, его бы не слушали. — Девочка напыжилась от показной гордости, которой на самом деле не чувствовала. — Но люди его слушают и делают, как он говорит.

Слова, тяжелые слова. Можно подумать, что дитя верит в них.

Калиндрис не сразу сумела разжать кулак, палец за пальцем, костяшка за костяшкой. Не сразу сумела оторвать от девочки глаза, замкнуть уши. Она поправила колчан и снова пошла на шум.

— Зря мы сюда идем. Надо было послушаться.

— У нас нет выбора. Ходу, ходу!

Мать с отцом снова ссорились.

— Эта тварь забрала мою Идну, а мы ее бросили и сбежали. Со своей-то земли!

— Боги! Замолчи наконец, дай подумать.

Мать с отцом не боялись, им было не до того. Поэтому не боялась и Сенни. Когда ей становилось страшно, она просто смотрела на них. Мать, глядя на отца, злилась, отец, глядя на мать, начинал браниться, — это занимало их целиком и мешало страху. А Сенни держалась за ножик на поясе и тоже храбрилась.

Хотя бежали они очень быстро и мать тянула ее за руку что было сил.

— Оно убило ее! Оставило на дереве и окрасило кору ее кровью. Мы должны были остаться и схоронить ее, а мы убежали.

— Да что мы могли, дуреха? Потом они взялись бы за нас — вот сейчас и возьмутся. Подумай о ней!

Сенни знала, о ком они говорят. Отец называл их чудищами. Те пришли в их домик и велели им уходить. Сказали, что это их, чудищ, лес. Отец сказал, что никуда не уйдет, и тогда те забрали Идну.

Их имя звучало как бранное слово.

Отец взял Сенни за другую руку — может, хотел показать матери, что не боится и потому тянет сильнее. Сенни высвободилась и ухватилась за ножик — показать отцу, что она тоже храбрая, но он не заметил.

Он смотрел вперед, мать — назад. Идны с ними не было, и они не говорили о ней — наверное, чтобы не пугать Сенни. Но Сенни видела Идну на дереве — ветер качал ее вместе с ветками.

Мать хотела вернуться, но шла с отцом к домику у ручья.

Отец сказал, что теперь они будут жить там. У ручья растут ягоды, и можно ставить силки на кроликов. Мать научила Сенни готовить вкусную мясную похлебку. В лесу страшно, и Сенни

не велели туда ходить, но отец подарил ей ножик, и она ходила несколько раз.

Здесь есть места, где можно спрятаться. От зверя, от чудища, забравшего Идну.

— Отец, — сказала она.

— Иди, иди, — сказал он.

— В лесу можно...

— Да, да.

Она подняла вверх свой ножик.

— Там можно спрятаться, и ягоды есть, и я не...

— Да цыц ты, говно!

Он никогда не обзывал ее так, но сказал такое же слово, когда люди с перьями в волосах пришли и велели ему уходить. Потом тоже говорил, и Сенни знала, что оно значит.

Так называются чудища. Это их имя.

— Мы и так в говне по уши, закрой свой говенный рот!

Мать молчала — боялась, наверное.

Сенни держалась за ее руку, стиснув ножик в другом кулаке.

Когда луна стала опускаться в древесное море и совы вернулись в свои дупла голодными, она попыталась не слышать, что он говорит.

— *И вот еще что.*

Рокада говорил с ней только впотьмах — чтобы не видеть, как она от него отгораживается, чтобы она не могла заняться чем-то другим и притвориться, будто ей до него дела нет. Чтобы не замечать, как она водит пальцами по рубцу на ключице.

— *Нужны будут доказательства,* — сказал он.

— *Доказательства,* — повторила Калиндрис.

— *Да, трофей. Доказать племени, что она вправду сделала это. Позаботься, чтобы руки у нее были в крови.*

— *Ты хочешь, чтобы я принесла тебе доказательство?*

— *Да. Сунь ей в руки, если понадобится. Скажи, что я буду ею гордиться, это заставит ее послушаться.*

— *Она не умеет стрелять. Не умеет натянуть лук как следует и подкрасться к добыче. Шумит, как и ты.* — Калиндрис продолжала шнуровать сапоги. — *Она не справится.*

— *Должна справиться.*

Рокада сел рядом на шкуры, и она замерла. Эти шкуры служили ей постелью только в самые холодные зимы, но когда они

лежали вместе бок о бок, зимний холод не чувствовался. Она вся обливалась холодным потом, и ей было тошно.

Вот как сейчас.

— *Племя не считает ее своей, и я недоволен этим. Ей нужно научиться быть шиктой.*

Шиктой. Он произносит это, как обычное слово, то, что во мраке лучше не выговаривать.

— *Она и так знает, что это.* — Калиндрис туго затянула шнурки.

— *Ее никто не учил.* — Рокада придвинулся ближе.

— *И не нужно. Мы рождаемся с этим знанием. Вой говорит нам все.*

— *Только не ей. Ты должна ее научить.*

Она молча встала. Лук у нее всегда был под рукой, если только Рокада не убирал его в сторону. Особенно в темноте.

Пальцы мужа охватили запястье Калиндрис, и холод их брачной постели опять пронизал ее.

— *Ты должна показать ей.*

— *Я ничего не должна,* — хотела сказать она, но тьма поглотила ее слова.

Его пальцы сжимались, холод пронизывал до костей. Она чувствовала все места его прежних прикосновений — на каждом из них проступила капля холодного пота. Она оцепенела, и следующие его слова хрустнули, как ледок под ногой:

— *Должна и сделаешь.*

Глядя на ту сторону поляны, Калиндрис спросила вслух — тихо, чтобы листья не шелохнулись:

— Знаешь, для чего это нужно?

Собственный голос, исходящий из ее уст, казался ей чужим, странным.

Девочка стояла, держа наготове лук и стрелу.

Калиндрис показала ей на поваленный ствол. Олень соскребал с него мох копытом и ел, производя множество разных звуков: жевал, довольно похрюкивал, шумно всасывал зелень. Их шепота он расслышать никак не мог.

— Так почему же он должен умереть? — повторила Калиндрис.

Девочка щурилась, вглядываясь в оленя. Ее мысли представлялись Калиндрис как шумная путаница — недоставало Воя, чтобы их прояснить.

— Потому что это еда? — спросила она наконец.

— Нет, не поэтому.

— Ну, не знаю. Мы должны убить его — или он нас убьет?

— Олень-то?

— А что, у него рога есть. — Девочка сказала это громче, чем следовало, и олень вскинул голову — но он был голоден и опять стал кормиться.

— Почему он должен умереть? — настаивала Калиндрис.

Девочка наморщила лоб, соображая.

— Потому что только через других мы можем знать, кто мы. Мы знаем это, только когда понимаем, что мы — не они. И мы убиваем их, чтобы знать, кто мы, зачем мы здесь и почему Риффид не дала нам ничего, кроме жизни. Мы убиваем, и это делает нас теми, кто мы есть.

Калиндрис прижала уши. Девочка говорила словами своего отца, часто повторяемыми перед тысячью соплеменников, никогда ему не перечивших. Калиндрис тоже до поры до времени не перечила, а потом уже было поздно.

— Нет, — сказала она. — Неверно.

— Но отец говорит...

— Нет. Посмотри на него: почему он должен умереть?

Девочка посмотрела на оленя, потом на мать.

— А он должен?

Шум поднимающихся ушей. Шум глаз, широко раскрывшихся. Шум пресекшегося дыхания. Понимание. Приятие. Покорность. Печаль.

Девочка слушает.

Молча, без слов.

— Почему он должен умереть? — снова спросила Калиндрис.

— Потому что я должна убить его, — ответила девочка.

Калиндрис кивнула. Без улыбки и прочих ободряющих знаков. Беззвучно.

Девочка подняла лук и прицелилась, полагаясь на одни лишь глаза. Она целилась долго и пустила стрелу, лишь когда начали дрожать руки.

Стрела, угодив зверю в пах, повредила что-то нужное для его жизни. Олень, дыша паром, испустил стон и хотел убежать, но его ноги забыли, как это делается. Истекая кровью, он заковылял в лес.

Девочка достала еще стрелу и выстрелила, полагаясь на одно свое сердце. Стрела ушла вбок. Девочка вскрикнула и выстрелила опять. Крик осквернил воздух, и стрела, тяжелая от страха лучницы, ушла в землю.

Олень ступил еще шаг и упал. Вторая стрела дрожала у него в шее. Он лежал на боку, и его дыхание уходило в траву вместе с кровью.

Калиндрис подошла к нему, девочка следом. Калиндрис вытолкнула ее вперед. Девочка смотрела на свое отражение в карих глазах оленя.

Калиндрис достала из-за пояса нож и протянула ей. Девочка смотрела на него так, словно ему место не здесь, а на стенке в шатре отца.

Калиндрис совала его ей рукоятью вперед.

— Что же ты?

Распахнутые, молящие глаза. Возмущение. Страх и ненависть из-за того, что ее заставляют делать подобное.

Только слов нет.

Девочка взяла нож, опустилась на колени, прижала лезвие к горлу зверя и стала резать шкуру, кожу и жилу.

Из горла на нее хлынуло, но она продолжала резать.

Ручей журчал рядом, и она старалась не отставать от родителей.

— Страшно тебе, милая?

Нет, Сенни не было страшно, она ведь очень старалась. Она замотала головой и показала свой ножик, но отец как будто и не заметил.

— Бояться не надо, потому что я здесь. Мы переживем это, правда?

Она кивнула.

— Прости, что обругал тебя, милая. Это твоя мать меня довела своим визгом.

Мать, будто и не слыша, вела Сенни за руку к домику у ручья. Ручей журчал, спелые ягоды сверкали на солнце.

Может быть, им придется убежать в лес, чтобы спастись от зверя. И жить там. Она будет скучать по их дому и по Идне, но об Идне думать не надо, потому что от этого ее может вырвать и мать будет плакать.

— Все будет хорошо, дорогая, — говорил отец, не глядя на нее. — Не волнуйся.

— Я и не волнуюсь. Ничуточки. Ты мне ножик подарил, вот он.

— Все хорошо будет.

— Мы могли бы уйти в лес, знаешь? И вернуться, когда зверь уйдет. Я была там, он не такой темный, как кажется. Там есть ягоды и другая еда — мы можем жить там, а не в доме.

— Да-да, в лесу.

— Матери страшно, па. Она больно жмет мою руку.

Он повторял все то же — «милая», «угум» и «все будет хорошо». Сенни скоро перестала ему отвечать, он ведь все равно не слушал. Слушал бы, сразу бы понял, что с голосом у нее что-то не так, словно она вот-вот разревется.

И напугался бы, а мать — еще больше.

Он и говорил-то, чтобы не слушать ее. А мать до боли сжимала ей руку. А сама Сенни изо всех сил сдерживала тошноту и плач — все, что выдает страх.

Будь с ними Идна, ей бы, может, и удалось.

Но Идны не было.

Когда солнце опустилось за шатер и первые волки вышли охотиться, она возненавидела себя не меньше, чем его.

— *Хочу тебя спросить кое о чем,* — сказал Рокада.

— *Нет,* — сказала она.

Ему никто так не отвечал, кроме нее, и он не ведал, что это значит.

— *Почему тебя это не заботит?* — спросил он как ни в чем не бывало.

— *Что именно?*

— *Как на нее смотрят, что о ней думают. Будто она не наша. Не шикта.* — И он прорычал самое трудное: — *Не моя дочь!*

— *Мне дела нет до нее.*

— *Почему? Разве ты не видишь, как они смотрят? Что думают?*

— *Нет. Не вижу.*

— *Как будто она не...* — Теперь он рычал без слов. Он терпеть не мог, когда слова ему изменяли, ведь Воем он не владел. В таких случаях он начинал рычать, иначе племя могло бы не согласиться с ним и сказать ему «нет».

В таких случаях он оставлял шрамы на чужой коже.

— *Она хватается за чью-то руку, когда боится. Спрашивает у других то, что должна знать через Вой.* — Он рванул шкуру ногтями, но не утолил своей ярости и принялся рвать на себе волосы. — *Плачет, когда ей больно. Рычит, когда злится.*

— *Все дети так делают.*

— *Только не моя наследница.*

— *Твоя наследница тоже ребенок.*

— *Не наши дети. Не мы. Мы так не делаем.*

— *А вот она делает.*

— *И тебе это все равно! Ты на нее и не смотришь. Не знаешь разве, что про нас говорят?*

— *Мне это все равно.*

— *Раньше было не все равно.*

— *Теперь — да.*

Она услышала тишину перед раскатом грома. Услышала, как плющатся пылинки под дождевой каплей, как стонет ветер в холмах. Он набрал воздуху и заговорил так, чтобы добиться ее внимания:

— *Раньше ты стояла рядом со мной против всех, помнишь? Гордая охотница со своим луком, сильная, смелая. Когда я говорил, они смотрели на нас. Они меня слушали, а я хотел, чтобы меня слышала ты одна.*

Мед, бродящий в кожаном мехе. Пушинки одуванчика на ветру. Пар от погашенного костра. Слова, к которым она когда-то прислушивалась, слова, давшие ему власть. Тогда он был Рокадой, она — Калиндрис, и они не нуждались в словах.

— *Ты тоже слушала и кивала, когда кивали они, и веселилась, когда они веселились. А когда я завершал свою речь и все они улыбались, твоя улыбка была шире всех.*

Тогда она думала, что ей, кроме его слов, ничего не надо.

— *У тебя было много слов,* — сказала она.

— *Их и теперь достаточно. У меня есть все, кроме гордой охотницы, что когда-то стояла рядом. Куда она делась?*

Калиндрис откинула входное полотнище. Занимался холодный рассвет, и везде было тихо. Оглянувшись через плечо, она увидела его глаза, огромные и зеленые, но шрам на ключице никуда не исчез.

— Она полюбила мужчину, молчаливого, доброго. Они убежали вместе и умерли где-то в лесу, бросив тебя и меня, — сказала она и ушла.

— Неправильно. Все не так. — У детеныша прорезываются зубы. — Поговори со мной. Скажи что-нибудь. — Когти тщатся выкопать из земли то, чего нет там. — Перестань. Перестань и скажи. — Кто-то перегрызает себе лапу, попав в силок.

Девочка говорит с землей.

Снова.

Калиндрис, скрестив руки, смотрела, как та ползет по неровной борозде: вдоль берега, в реку, за деревья и обратно к началу. Ругаясь, требуя, жалуясь, бормоча что-то невнятное следу, земле и самой себе.

Девочка вся извозилась в грязи — даже лицо, за которое она хваталась порой, стало грязным. Ее руки месили землю, добиваясь ответа, но земля не желала ей отвечать.

Она хотела, чтобы след все сказал ей, но не прислушивалась к нему. Хотела, чтобы земля подчинилась ей. Она хотела, и говорила, и требовала, но даже не думала слушать.

В точности как отец.

Калиндрис сжала кулаки, сама того не заметив.

— Он сказал, это будет легко, — ныла девочка. — Почему он так... — Она хлопнула себя по лбу, вымазавшись еще сильней. — Знаю! Все дело в тебе. Это ты делаешь что-то не так. Это ты виновата, за это тебя и ненавидят!

Вот она, его наследница. Бьет себя по лбу в грязи.

Бессловесная часть Калиндрис сказала себе, что девочке, которая все время говорит и совсем не умеет слушать, там самое место.

— Это только так говорится. — Звук собственного голоса удивил ее, как всегда. — Земля ничего не скажет тебе. Смотри, ты затерла следы. Давай начнем...

— Замолчи! — Скалится и рычит. — Не хочу тебя слушать. Хочу найти зверя, убить его, принести обратно и показать ему. Тогда отец опять будет со мной говорить, а ты и все остальные хоть провалитесь!

Девочка прохудилась разом. Изо рта брызгала слюна, глаза наполнились слезами, из носа текло. Она таяла и дрожала, вглядываясь в безответную землю.

У Калиндрис не было больше слов для этой девочки. Та вела себя так, будто это ее, Калиндрис, вина, что ее уши не слышат. Будто это Калиндрис виновата, что она обливается слезами и соплями в грязи.

В точности как отец.

Калиндрис удивилась слезам, затуманившим ее собственные глаза.

С ней земля говорила. Она сказала ей, куда ушел зверь. Сказала, что Калиндрис права, что злобится на этого ребенка, плачущего ребенка, что хочет ему отомстить. Калиндрис замкнула свои уши и пошла прочь.

Мать боялась. И отец тоже.

Сенни знала это, потому что они перестали кричать друг на друга.

Мать прижимала ее к себе, сидя в углу их домика. Отец стоял с топориком, выглядывая в окно. Мать держала Сенни, отец — топорик, и оба боялись.

Только Сенни не боялась. У нее был подаренный отцом ножик, и она не собиралась бояться, хотя отец сам боялся.

Не отдать ли ножик ему? Вдруг поможет? Но отец подал голос, и Сенни раздумала.

— Выйду погляжу, что там.

— Что ты? Зачем?

— Может, этой твари и нет поблизости. Мы не видали ее, когда нашли...

— Нет! Не вздумай! Идну уже забрали, теперь и нас заберут. Оставайся здесь, с нами.

— Я должен защищать вас. Так жить нельзя. Нельзя, чтобы зверь прогнал нас отсюда. Мы не должны...

«Бояться, — договорила про себя Сенни. — Должны быть храбрыми».

— Я выйду, — повторил отец. — Ненадолго. Сидите тут, я скоро.

Сенни кивнула. Она крепко держала свой ножик, а мать держала ее — так крепко, что даже больно. Ладно, пусть — у матери ведь нет ножика.

Отец отворил дверь. Там пели птицы. Солнце, опускаясь за деревья, сделалось рыжим. Ручей журчал, спрашивая, куда

делась девочка, умеющая с ним говорить. Отец с топориком в руке сделал два шага и огляделся.

Птицы пели, солнце светило, ручей журчал.

И только отец был мертв.

Сенни знала, что он умер. Одна стрела пригвоздила его к двери дома, другая пронзила руку, и он уронил топорик. Мать закричала, и он закричал. Его кровь пролилась на дверь. Сенни еще крепче сжала свой ножик.

В дом вошел зверь — женщина. Длинные нечесаные волосы, грязная одежда, огромные уши, большие зубы и шрам на шее. Большим блестящим ножом она перерезала отцу горло, и кровь залила ее всю.

Птицы пели все так же, хотя отец умер.

Птицы пели, женщина рыдала, она смотрела на зверя.

У них было много имен: захватчики, люди, обезьяны, коуру. Рокада первый стал называть их зверями, чтобы было страшнее. А племя кивало и соглашалось с тем, что существа, грозящие захватить земли шиктов, — обыкновенные звери.

Она уже убила одну и повесила ее на дереве, чтобы предостеречь двух других, — хотя и тогда уже чувствовала, что их тоже придется убить. Как многих убитых ранее.

Она убивала их еще до того, как Рокада дал им новое имя. Это были враги, она истребляла их, как чуму. Шикты потому и шикты, что убивают. Этих она убьет, чтобы помешать девочке. Это девочке сейчас следовало обагрить руки кровью, а не Калиндрис. И вернуться к племени с окровавленными руками, чтобы племя признало ее и отец мог гордиться своей наследницей.

Посвящение девочки в шикты. Гордость Рокады. Отменяя первое, Калиндрис разрушала второе.

Девочка, человеческое дитя, стояла с ножиком, загораживая свою плачущую мать. Много проку от ее ножика против большого клинка Калиндрис. Глядя на Калиндрис снизу, она очень старалась не показать, как ей страшно. Калиндрис, глядя на нее сверху, прикидывала, как бы поскорее с этим покончить. Удар в сердце, пожалуй, — одной и другой.

Быстро и чисто.

Как только этот ребенок перестанет смотреть на нее.

— Ты ведь знаешь почему? — тяжело выговорила Калиндрис.

Человеческое дитя не ответило. Мать обнимала ее, удерживая на месте.

— Знаешь, почему я должна вас убить?

Дитя молчало. Калиндрис хотела сама сказать, но слова не пришли.

— Твой нож слишком мал. — Она подняла свой, широкий и красный. — Ты и обращаться-то с ним не умеешь. Брось его.

Дитя не бросило. Калиндрис хотела обойти девочку, но та снова загородила собой мать, грозя ножом охотнице. Как будто впрямь умела с ним обращаться. Как будто и не боялась.

Калиндрис нерешительно оглянулась через плечо, словно ожидая увидеть там другое дитя, свое.

— Тебе не нужно умирать, — сказала она, не глядя на человеческое дитя. — Твой отец и твоя мать — одно, ты — другое. Беги.

Она взглянула на девочку с ножом.

— Беги же.

Девочка не тронулась с места.

— Что же ты?

— Не могу, — полным ужаса голосом ответила девочка.

— Почему?

— Она моя мать.

Шорох страниц книги, упавшей с полки. Вздох золы в очаге, где давно не разводили огонь. Плач матери. Птичье пение. Кровь из раны в горле, капля за каплей.

Тихие, без всякого смысла, звуки.

Прошуршала кожа — Калиндрис убрала клинок в ножны. Простучали по полу сапоги — Калиндрис вышла из хижины. Человеческое дитя заплакало, упав на пол.

Калиндрис слышала ее, идя к лесу.

И свое дитя тоже.

Бег реки. Шелест ветра в листве. Волка, воющего вдали.

Птичье пение.

Как она ни старалась, как ни водила ушами, чтобы услышать нечто осмысленное, ей слышалось только это. То, что способна слышать любая безмозглая тварь.

Вой не приходил к ней.

— Где ты была?

Девочка. Беспокоится.

Калиндрис вышла на поляну с луком за спиной. Девочка, сидя на пятках, смотрела на нее снизу.

— Ты помылась, — заметила девочка, глядя на ее чистые руки. — Когда? Что ты делала?

Калиндрис, не глядя на нее, села рядом, свесила ноги над ручейком. Он почти высох и не журчал уже, только шептал. Справа виднелись грязные маленькие сапожки, забрызганные кровью оленя.

Всего-то несколько капель, а глаз сразу их замечает.

— Почему мы убиваем, дитя? — рассеянно спросила Калиндрис.

— Ты уже спрашивала.

— Знаю. Скажи еще раз.

Девочка поболтала ногами. Немного грязи отвалилось, но кровь осталась.

— Да не знаю я.

Калиндрис молчала.

Обе смотрели в лес и слушали, насторожив уши. Птицы пели, провожая еще один день. Ветер дул, как всегда. Олень испустил свой трубный зов.

— Ты убила зверя? — спросила девочка.

Калиндрис молчала.

— Это должна была сделать я.

— Нет. Не убила.

— Я ведь не дурочка.

— Знаю.

Она обняла девочку за плечи, притянула к себе. Сердце бьется часто. Дыхание прерывается. По телу проходит дрожь.

— Но давай притворимся ненадолго, что дурочка.

Никаких больше звуков. Ни далеких криков, ни близкого Воя. Только слова. Только детский голос:

— Это я должна была убить его. Отец так сказал.

— Твой отец не всегда прав.

— А ты?

— И я не всегда.

— Почему тогда я должна тебе верить?

— Потому что.

— Это не ответ.

— Я потом придумаю, ладно? — улыбнулась Калиндрис.

Улыбка девочки была более медленной, более нервной, как будто она боялась получить шлепок по губам. Калиндрис винила себя за это, за свои неуклюжие слова.

Ничего. Она еще научится пользоваться ими как следует. У нее будет время. Без крови, без холодных ночей. Без мыслей о Рокаде и о его словах. Она выучится им и скажет их своему ребенку.

Ее дочь улыбается.

У нее будет время посмотреть ей в глаза и понять, что слова не всегда нужны. Ты просто смотришь в глаза и знаешь.

Отныне и навеки она будет слышать лишь одно: улыбку на губах дочери.

КЭРОЛАЙН СПЕКТОР

Последние двадцать пять лет пишет и редактирует научную фантастику, фэнтези, видеоигры. Автор трех романов: «Scars», «Little Treasures» и «Worlds Without End». Ее рассказы выходили в двух выпусках «Диких карт». В области игр написала и отредактировала несколько приключенческих модулей и сборников для таких игровых программ, как «Топ Сикрет-S. I.» и «Супергерои», — как самостоятельно, так и в соавторстве с мужем, геймерской легендой Уорреном Спектором.

Здесь нам предлагается смертельная игра в кошки-мышки между женщиной со сверхчеловеческими способностями и ее загадочным противником, обращающим эти способности против нее самой. Игра с высокими ставками, где проигрыш недопустим.

ТО, О ЧЕМ МАМА ЛГАЛА МНЕ

Тухлые мозги зомби заляпали тронное возвышение парадной платформы. В руке у Мишель снова образовался пузырь — теперь побольше, с бейсбольный мяч. Она метнула его; он угодил зомби в грудь и взорвался. Зомби свалился с платформы, и охваченная паникой толпа растоптала его.

Новые зомби забирались на платформы впереди, расталкивая народ. Один уже опять карабкался к ней, цепляясь за декоративный трельяж из папье-маше. Трельяж не выдержал и рухнул вместе с вывеской «Чудесные Пузыри, Спасительница Нового Орлеана». Ее дочь Адезина, сидя под троном, испуганно завизжала. Мишель снова пустила пузырь, зная, что он полетит точно в цель и размажет большого гнилого зомби по декорациям. Ее красивая платформа терпела большой урон, и Мишель это по-настоящему взбесило.

© Caroline Spector, 2013; © пер., примеч. Н. Виленской, 2015.

Марди-гра* она ненавидела по трем причинам: запах, шум и толпа. Если к этому еще и зомби прибавятся, она вообще перестанет выезжать на парады.

Чтобы как следует запастись пузырями, она все утро бросалась с балкона своего гостиничного номера, пока менеджер не попросил ее перестать.

— Так ведь я еду на парад Бахуса, — объяснила она. — Я не смогу пузыриться всю дорогу, если не наберу жир, а набрать его можно, только хорошенько покоцавшись. Прыжки с четвертого этажа, кстати, не такой уж идеальный способ.

Менеджер заметно позеленел и сказал:

— Слушайте, мисс Понд. Мы все благодарны за то, что вы спасли нас от ядерного взрыва три года назад, но ваше поведение распугивает других гостей. Это попросту ненормально.

Ясное дело, что ненормально. Будь она нормальной, на месте Нового Орлеана осталась бы радиоактивная воронка, а менеджер превратился бы в тень на стене. Она, как и все перевернутые, не напрашивалась на это.

— Знаете, мне ведь не больно, — начала объяснять она, чтобы он не психовал так. — Ни когда я падаю с четвертого этажа, ни когда принимаю на себя взрыв. Я просто преобразую эту энергию в жир. Это, в общем, довольно приятное ощущение. — Иногда даже слишком приятное, добавила она про себя. — Можете не волноваться, никаких страданий мне это не причиняет.

Но он ничего не желал слышать о ее талантах — хотел только, чтобы она это прекратила. Поэтому она не стала больше ничего объяснять и сказала напоследок:

— Я сожалею, что напугала ваших гостей. Больше это не повторится. — Жиру она набрала меньше, чем ей хотелось бы, но ничего, обойдется.

Адезина в это время смотрела телевизор — сидела в ногах кровати, свернув радужные крылышки, уперев подбородок в передние лапки. Мишель начинала улыбаться при одном ее виде. Она полюбила этого ребенка с тех самых пор, как спасла его из ямы Африканского Народного Рая полтора года назад.

Она до сих пор не понимала, как Адезина сумела выжить после того, как ей ввели вирус, а потом, когда она оказалась

* «Жирный вторник», карнавал в Новом Орлеане.

джокером вместо туза, бросили в яму с мертвыми и умирающими детьми. Нет, лучше об этом не вспоминать. Память о детях, на которых ставили опыты в том лагере посреди африканских джунглей, слишком свежа и болезненна. Мишель все еще чувствовала себя виноватой, что не смогла спасти всех.

Неизвестно еще, как Адезина будет расти. Сейчас она величиной с небольшую собаку, и ее личико приделано к мушиному тельцу, но невозможно предсказать, останется ли она такой навсегда. Когда ее карту перевернули, она превратилась в куколку и вышла из нее в своем теперешнем виде. Она вполне может измениться опять — все зависит от того, как на нее подействовал вирус.

— Что ты такое смотришь? — спросила Мишель.

— «Самые сексуальные и самые страшные перевертыши». Ты есть и там, и там. В одном списке когда толстая, в другом — когда тонкая.

Господи. Она спасла их город, а они до сих пор обсуждают, насколько она секси?

— Глупости это все, — сказала Мишель. — Разным людям нравится разное.

— Да, наверное, но ты правда красивей, когда тонкая. Тебя всегда фотографируют в таком виде.

Так, начинается. В Штатах они всего год, а девочка уже прикидывает, кто красивый, а кто нет. Кто толстый, кто тонкий.

— А я когда-нибудь буду нравиться мальчикам, как по-твоему?

О черт. К такому разговору Мишель еще не была готова.

— Ну... я не знаю. — Она села рядом с дочкой, и пружины застонали под ее тяжестью. Молодец. Продолжай в том же духе. — Почему бы и нет? Ты хорошенькая.

— Ты так говоришь, потому что ты моя мама. — Адезина потерла задние ножки одна о другую.

— Человека любят не за то, как он выглядит.

— Не смеши, мам. Любят только красивых.

Мишель сглотнула комок в горле, подавив слезы. С этим не поспоришь. Во всех журналах, на телеэкране, на постерах и вебсайтах позируют молоденькие, тоненькие, полуголые девочки. Еще недавно среди них числилась и Мишель — до того как ее карта перевернулась. Теперь из-за всего этого начала комплексовать Адезина, и непонятно, как с этим быть.

На экране после рекламной паузы мелькали лица из разных выпусков «Американского героя». После черно-белых снимков сороковых годов появился Золотой Мальчик, дающий показания в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности. Потом показали Перегрин в расцвете ее модельной карьеры, диско-звезду с крылышками. Это неудивительно, она просто блеск.

— С 1946 года, когда вражеская бомба заразила Манхэттен вирусом диких карт, они живут среди нас, — говорил голос за кадром. — Немногочисленные счастливцы-тузы и безнадежно изуродованные джокеры. Наша задача — выбрать среди них самых сексуальных и самых уродливых в стиле «переверни карту»!

— Ну, хватит. — Мишель, схватив пульт, выключила телик. — Америка иногда бывает большой дурой, радость моя. Мы смотрим такие вот дурацкие передачи, забывая о том, что важно на самом деле. Мама из меня никакая, но вот что я тебе скажу: мир не всегда хорошо относится к тем, кто выглядит подругому. Дело не в тебе, солнышко, просто слишком много идиотов живет на свете.

Адезина залезла к ней, толстой и пузырчатой, на колени, отвела передними ножками длинные серебристые волосы от лица.

— Ой, мам, я все это знаю. Просто иногда страшно делается.

Мишель чмокнула ее в макушку.

— Со мной, лапуся, все то же самое.

С платформы видно далеко во все стороны. Это и хорошо, и плохо. Хорошо потому, что видишь всех, кто к тебе приближается, плохо потому, что Адезина подвергается риску. Впрочем, быть дочерью Мишель рискованно само по себе.

На этом отрезке маршрута толпа особенно буйствовала — может, они просто приложились к выпивке раньше других. Парад, продолжавшийся пару часов, входил во Французский Квартал.

Платформа Мишель была оформлена в серебристо-зеленых тонах. В задней части возвышение с троном, над ним красивые цветы из папье-маше. Пока Мишель внизу бросала бусы, махала и пузырилась, трон занимала Адезина. Мишель казалось, что дочка выглядит просто прелестно в сиреневом платьице, хотя

в нем пришлось сделать шесть дырок для ног и еще две для крыльев. Платье Мишель, того же цвета, было эластичное и сжималось по мере того, как жир выходил с пузырями.

— Пузырь! Эй, Пузырь! Кинь бусики! — орали две пьяные блондинки. Они закатали свои топы, обнажив стоящие торчком сиськи. Мишель это не впечатлило, но бусы она им кинула.

— Мам, зачем они это делают?

— Спроси что полегче. Может, думают, что так им больше достанется.

— Тупо.

Мишель бросила еще и начала пускать в толпу мягкие пластилиновые пузыри.

— И не говори, но это, как ни грустно, работает. Я сама им только что кинула.

Впереди возник какой-то затор. Мишель, притормозив с пузырями, попыталась разглядеть, что там делается. Толпа металась туда-сюда, платформы застряли.

Паника катилась к Мишель, как цунами. Люди шарахались на тротуары, сшибая заграждения, и карабкались на платформы перед ней. Копы стаскивали их, но паникеров было очень уж много.

Потом она увидела бредущих по улице зомби.

Джои, какого черта ты делаешь?

Зомби схватил парня в футболке с эмблемой Луизианского университета и свернул ему шею. Мишель подавила ужас. Ему уже не поможешь, надо делать свою работу.

Одному из копов, пытавшихся остановить живых мертвецов, сломали руку. Мишель взорвала виновника и тут поняла, что зомби идут прямо к ней.

— Мама! — испуганно вскрикнула Адезина. Сзади к ним на платформу лезли двое мужчин: краснолицый толстяк и другой, нормальной комплекции, в полосатой рубашке поло.

— Здесь небезопасно, — предупредила их Мишель. — Они сюда направляются.

— Самое безопасное место — это за тобой, — отозвался толстяк.

— Ну, ребята, сами напросились, — вздохнула она и пустила в них пузыри, размером и весом с медбол. Мужики слетели с платформы, матерясь почем зря. — И не смейте выражаться при ребенке! — Адезину она зажала в левой подмышке.

— Мама, — взмолилась девочка, — неудобно же, все нас видят.

— Ничего, крошка. Не дергайся, мне надо разобраться с творчеством тети Джои.

Мишель послала в ближнего зомби крошечный, с пулю, пузырь и разнесла вдребезги его череп. Это доставило ей огромное удовольствие, но паника, к сожалению, только усиливалась, и платье понемногу обвисало на ней. Вот как чувствовала она, что набрала мало жиру.

Еще один гнилой череп лопнул под новые вопли публики. Платформа раскачивалась под напором толпы, Мишель с трудом сохраняла равновесие.

— Мама, поставь меня. Ну пожалуйста!

— И не мечтай! — прокричала Мишель, перекрывая гвалт. — Зомби и паникующие естесы — не самое лучшее сочетание, так что молчи.

— Злая ты, — констатировала Адезина, тяжко вздохнув.

Мишель разделалась еще с одним зомби, и платье стало еще свободнее. Зомби наседали, и воевать с ними одной рукой было не очень сподручно.

— А, чтоб тебя, — сказала она и поставила Адезину. — Прячься опять под трон. И предупреди, если кто-то — или что-то — попробует к нам залезть.

Больше всего на свете Дэн Тернбулл любил играть в стрелялки от первого лица. Вторым любимым занятием было гадить и не убирать за собой. Дома у них теперь вообще стало некому убираться — мать бросила отца полгода назад. Всюду, подобно индейским курганам, высились кучи белья, тарелки на кухне обросли плесенью, головки латука в холодильнике раздулись и стали размером с лимоны. В раковине стояла вода — то ли засор, то ли просто затычку не вытащили.

Лежа на крыше отеля «Сент-Луис» и глядя на пакость, которую устроил вот только что, Дэн был по-настоящему счастлив. Зомби порушили парад Бахуса, и Пузыриха пыталась остановить их.

Она взяла под мышку эту уродину, дочку свою, и бомбила мертвяков почем зря. Молодец вообще тетка, не растерялась. Ни истерики, ни припадков, никаких бабских штучек. Вон сколько зомби уже замочила, и ни один гражданский не пострадал. Интересно, что он почувствует, завладев ее силой?

С Худу-Мамой вышло клево. Раньше он, правда, только одного туза ограбил, и то случайно.

Шел по улице, столкнулся с девчонкой-подростком, схватил ее инстинктивно за голую руку, чтоб не упасть. Ну и рожа у нее была, когда ее сила перешла к Дэну. А он так удивился, обнаружив в ней эту силу, что воспользовался ею спонтанно, телепортировался через улицу и врезался в стенку.

Поняв, что чуть не замуровал себя сам, он затрясся. Очухался малость, оглянулся — девчонки нет. Ну, это-то как раз понятно.

А вот от Худу-Мамы ему чуть башку не снесло. Но у него имелся только один шанс, пока сила к ней не вернется, а приказ был напакостить по-крупному. И он все круто провернул.

Парад снимали разные новостные каналы, но ему хотелось запечатлеть все именно с этой точки. Другие частники, конечно, тоже будут снимать и еще до конца дня выложат это в Ютюбе. Ничего, его панорама станет вишенкой на торте, и это факт.

Дэна не волновало, зачем его нанимателям понадобилась вся эта хрень. Пять штук за час работы, поди плохо. Папаша стал требовать деньги на хозяйство, а где их безработному Дэну взять? От места ведущего шутера на своем сервере он ни за что не откажется: слишком долго к этому шел, и команде он нужен. Ни с какой работой это не совмещается.

Он сунул видеокамеру в карман низко спущенных джинсов и слез по пожарной лестнице в переулок. Пара спасшихся с парада девчонок пыталась передвигаться бегом, но выжрали они столько, что получалось не ахти.

— О Господи, — сказала одна, брюнетка — бус на ней висело не меньше фунта. Достаточно она бухая, чтобы трахнуться с ним, или нет? — Видал, что там творится?

— Да чего такого, — пожал он плечами. — Набухались мудаки и дурят. Каждый марди-гра так.

— А Пузыриха! — сказала другая, не такая красотка. Они всегда так подбираются в пары. — Как она этих зомби! Фу, и ко мне вон что-то прилипло. — Она смахнула какую-то дрянь с рукава.

— Напаскудила, и всего-то. — Девчонки эти Дэна не заводили, а скорее раздражали. Это ведь он все замутил, а никакая не Пузыриха. Ее он как раз должен был выставить в дурном све-

те — и выставил. Две пьяные курицы. Он прошел было мимо, но под влиянием импульса сгреб брюнетку за локоть.

— Ты что! — завизжала она и шарахнулась. Но он не приставал к ней, только проверял, есть ли у нее сила. Нету, батарейка пустая. Дэну сделалось грустно — чувство, которое он ненавидел больше всего.

— Придурок! — вызверилась другая, уродина.

Дэн наставил на них палец и сказал:

— Бдыщ.

От зомби остались только груды дохлятины. Грязь, конечно, несусветная, но что ж делать. Когда убиваешь зомби, чистоту нельзя соблюсти.

Парад остановился. Одни слезали с платформ, другие кишели вокруг — ни пройти, ни проехать. Люди плакали, сидя на тротуаре, многие пострадали.

Мишель снова взяла на руки вылезшую из-под трона Адезину, поцеловала ее в макушку.

— Ты как, в порядке? Хочешь на трон сесть?

— Хочу, только к нам кто-то лезет. — На платформу взбирались двое мужчин — не те, что раньше, другие.

— Сюда нельзя, ребята. — В руке у Мишель рос пузырь. Почти весь жир она истратила в бою с зомби, но на двух пьяных идиотов как-нибудь хватит.

— Нас там совсем задавили, — пожаловался один.

— А мне-то что. У нас тут демократия не работает — я, королева этой платформы, говорю «нет».

— Во сука-то.

— Королева всех сук, и не распускайте язык при ребенке. Сюда надо раненых посадить, а не вас.

Мужики, ворча, снова слезли в толпу.

Полицейские пытались восстановить порядок. Мишель окликнула их, и к ней начали сажать раненых, самых тяжелых. Завыли сирены — уже легче. Драться она умела, но последствия драки всегда угнетали ее.

Все понемногу успокаивалось, и один из распорядителей уже вещал в мегафон с передней платформы, призывая народ вернуться на тротуары. Ребята-подростки помогали копам ставить загородки на место.

Мишель достала телефон. Сумочки она терпеть не могла, и к платьям по ее требованию всегда пришивали карманы. Почему, собственно, считается, что у женщин их не должно быть? Загадка. Она зашла в справочник и выбрала номер Джои.

— Какого черта? — прошипела Мишель, услышав ответ. — Ты хоть соображаешь, какую х... какую катастрофу сегодня устроила?

— О чем это ты? — после долгой паузы спросили на том конце.

Глаза Мишель застлала красная пелена.

— О напавших на парад зомби. Они убивали зрителей и шли прямехонько на нас с Адезиной.

— Да ты что, Пузырек, охренела? По-твоему, я на такое способна? — Голос Джои дрожал сильнее, чем в Африканском Народном Раю — тогда она схватила лихорадку, и у нее была температура за сорок.

— Хочешь сказать, что еще кто-то из перевернутых способен оживлять мертвых? — Волоски на руках Мишель встали дыбом. — Вас таких двое? — Красную пелену сменила жуткая мысль: а вдруг это была только первая волна? Хватит уже мертвецов на сегодня.

— При своем хваленом уме ты иногда бываешь полной дурындой, — невесело засмеялась Джои. — Перетереть надо — ты когда ко мне доберешься?

— У нас тут пробка. — Кровь и кишки зомби заляпали все вокруг, и Мишель очень хотелось врезать Джои как следует. — Затрудняюсь сказать.

— Постарайся выбраться поскорей, — сказала Джои и отключилась.

— Мы теперь к тете Джои поедем? — спросила Адезина, дергая ее за подол.

— Да, как только получится.

Больше всего на свете Джои ненавидела любопытных сволочей, которые лезли в ее дела. Пузырек, конечно, не была сволочью, и понятно, почему она обозлилась, раз на параде в самом деле стряслось такое.

Оставалось разобраться, при чем здесь ее, Джои, дети.

Она сегодня рано выбралась в булочную — марди-гра ведь, туристы потом набегут — и уже шла назад, когда у нее в голо-

ве будто свет выключили. Обычно она знала, где лежит каждый мертвец на многие мили вокруг, а зомби-птицы и зомби-букашки служили ей разведчиками — и вдруг ее поразила полная слепота.

Через пару часов чувства вернулись, словно ничего не произошло. За это время она, по правде сказать, чуть с ума не сошла и насмерть перепугалась. Даже припомнить не могла, когда в последний раз так боялась. «Можешь, можешь. Вспомни», — шептал голос на задворках сознания, но Джои старалась его подавить. «Вспомни, что мама тебе говорила про ложь», — не унимался голос. Мама сама лгала, мысленно возразила Джои. Она лгала и оставила Джои одну справляться со всем, что началось после.

Потом она увидела, что ей звонит Пузырек, и обрадовалась. Пузырек самая сильная из всех, кого Джои знает. С Пузырьком ей бояться нечего.

А Пузырек сразу давай волну гнать. Джои ничего не поняла и, если честно, испугалась еще больше. Что, если она силу теряет?

Без детей ей никак нельзя. Без них она просто Джои Хеберт, а не Худу-Мама, и никто, даже Пузырек, ее не спасет.

Когда она представила, что перестанет быть Худу-Мамой, ее заколотило от ужаса.

В Америке Адезине нравилось многое: мороженое, телепередачи, кровати. С тех пор как мама ее сюда привезла, она составляла список всего, что ей нравится.

Ей нравился сериал «Хелло, Китти», нравился канал «Мультисеть», нравилось заниматься с учительницей (хотя иногда и хотелось ходить в школу с другими ребятами). Даже города нравились. Они такие большие, и все в них сверкает, а люди говорят и движутся быстро, как будто спешат по важному делу — даже если просто идут в магазин.

Мамины друзья ей тоже нравились. Тетя Джои (хотя когда они все жили в Африке, мама кричала на нее, чтобы та не ругалась), тетя Джулиет, Дрейк (хотя он теперь бог и они с ним больше не видятся), Ниоба. Иногда их приглашали на шоу «Американский герой», и Адезина знакомилась с другими перевернутыми. Но больше всего ей нравилось в Джокертауне, потому что там на нее не пялились.

Хэллоуинский парад в Джокертауне ей тоже понравился, зато этот — нисколечко. Зомби тети Джои напали на них, и пострадали люди. Адезина видела, что мама здорово сердится. Даже в мысли ее не надо входить, и так видно.

Мама однажды взяла с Адезины слово, что больше она так делать не будет, но удержаться трудно. У нее так только с перевернутыми получается, в мысли естесов она не может входить. Поняла это еще в Африке.

Она не собиралась говорить маме, в чьих головах уже побывала. Иногда это случалось во сне, но чаще — если ей кто-то нравился. В мысли таких людей она проскальзывала, сама того не замечая.

Приехала полиция и несколько «скорых». Раненых увезли, толпу оттеснили, чтобы платформы могли вернуться назад, на базу. Ни музыки больше, ни бус. И никаких пузырей.

Адезина незаметно для себя оказалась в мыслях у мамы. Мама беспокоилась из-за того, что ей придется сделать, если это тетя Джои зомби послала. И за Адезину, которая видела все эти ужасы. И за пострадавших на параде людей.

Адезине хотелось сказать ей, что зомби не такие уж страшные — в яме было страшнее. А еще хуже было, когда ей впрыснули вирус и ее карта перевернулась. Адезина старалась забыть об этом, но знала, что никогда не забудет.

Ее пристегнули к столу ремнями, которые в некоторых местах совсем почернели, и воткнули в руку иглу. Адезина смотрела на картинки из сказок, которые ей показывали на стенах, но девочки там были не такие, как она, — белые.

Вирус струился по венам и жег ее. Она перевела взгляд на потолок с красновато-бурыми брызгами, и тут начались судороги. Она выгибалась дугой и кричала, не в силах сдержаться. Потом стало темно и боль прошла: она превратилась в куколку.

Докторам нужны были только тузы, не джокеры, и ее бросили в яму с другими мертвыми и умирающими детьми. Но она не умирала, а превращалась. И еще в коконе поняла, что может входить в мысли других людей, зараженных вирусом.

Так она нашла маму. Они вместе плавали в море тьмы, но Адезина больше не была одинока, потому что их стало двое.

Но если сказать маме об этом, та будет знать, что Адезина снова лазила в ее мысли. Она просто усадила маму на трон и устроилась у нее на коленях.

В дыму, среди обугленных танков и джипов, свистели пули. Граната взорвалась совсем рядом, тяжело ранив Дэна. Планка индикатора повреждений налилась красным, а бинты у него все кончились.

— Ты, Залп! Тебе полагалось снять эту суку с гранатометом, — рявкнул Дэн в микрофон. Он включился, как только пришел с парада. — Мудак хренов!

— Отсоси, Си-Эф, — загремело в наушниках. — Обеспечил бы мне подавляющий огонь, я бы, может, и подобрался туда. Иди в жопу, козел.

— Отключай на фиг микрофон, Залп, — вмешался Винил. — А заодно и колонки. Зачем мы вообще взяли этого лоха в команду, Си-Эф?

Дэн укрылся в разбомбленном строении, но убежище было ненадежное, к тому же срочно требовались бинты. Если они умудрятся не проиграть, Залпа надо будет забанить. Про прежнюю его команду Дэн вообще ничего не слышал, и девиз у них, как у педиков: «Мы знаем, что любят мальчики».

Перед теликом прошла тень — Дэн аж пульт с испугу выронил.

— Какого хрена!

— Надо поговорить, мистер Тернбулл, — сказал мистер Джонс, подавая Дэну пульт. Шикарный темно-серый костюм, белая рубашка, черный галстук — больше никто из знакомых Дэна не одевался так. Дэн был уверен, что на самом деле его фамилия совсем не Джонс — ну, не желает чувак светиться, понятно. Дэн и сам не хотел знать о мистере Джонсе ничего лишнего. Тот смахивал на свернувшуюся кольцом гремучку и, похоже, мог запросто сломать человеку шею.

Дэн снял наушники с микрофоном, выдернул провод. Руки дрожали.

— Микрофон голосом активируется, — сказал он. — Не хочу, чтоб эти говнюки знали, кто я в реальной жизни. Я и папе сказал, что входить сюда нельзя, когда табличка висит.

— Твоего отца нет дома, а твои игры меня не касаются.

— Я сделал, что вы просили. — Дэн будто оправдывался, хотя это не входило в его намерения. — Все тут, на флешке. — Он встал и выкопал из кармана облепленную соринками флешку.

Мистер Джонс взял ее и осторожно сдул сор.

— Вряд ли она нам понадобится, — сказал он, пряча флешку в нагрудный карман. — В Ютюбе уже больше пятидесяти записей выложили, и каждую минуту поступают новые. Местные новости прерывают передачи для специального выпуска, Си-эн-эн и Фокс пустили это бегущей строкой и готовят собственный репортаж. Ты хорошо поработал.

— Да? Спасибо. — Дэн, польщенный, но и напуганный тоже, сунул руки в карманы. Его экранный аватар, Контрол-Фрик, не подавал признаков жизни. Вот блин.

— У нас для тебя будет еще одно небольшое задание. — Мистер Джонс достал толстый плотный конверт. — Здесь плата плюс маленькая премия.

Дэн, беря конверт, чуть было не коснулся пальцев мистера Джонса — проверить, не туз ли он, — но вовремя удержался. Впервые в жизни подумал, что этот тип ему может оказаться не по зубам.

— Как скажете. Только, может, нам где-то еще встречаться, не у меня на дому?

— Твоя команда, кажется, проиграла. — Мистер Джонс сверкнул ослепительно белыми по контрасту с темной кожей зубами. На экране зажглась надпись «Бой окончен». — Я сам выйду, не провожай.

Услышав, что входная дверь закрылась, Дэн перевел дух, открыл конверт и пересчитал деньги.

Такси подъехало к дому Джои. Мишель расплатилась, и они вышли. Дом был викторианский, с облупленной краской и запущенным садом за чугунной решеткой. Мертвые птицы, сидевшие на деревьях и проводах, все как по команде наклонили головы влево.

— Кончай, Джои. — Мишель отворила пронзительно скрипнувшую калитку. Неужели Джои не слышала про смазочную аэрозоль WD-40? Мишель и то слышала. — Прибереги для туристов.

— Кр-р, — сказала одна из птиц.

— Сама такая, — буркнула Мишель.

Дверь им открыла сравнительно свежая зомби в цветастом платье, не столь противная, как большинство мертвяков Джои.

— Пожалуйте за мной, — сказала неживая служанка голосом Джои. Они все говорили голосом Джои. Ну, когда зомби

женского пола, это нормально, а вот когда так говорит бывший полузащитник шести футов ростом...

— Ну честное же слово, Джои, — сказала Мишель. — Я тут каждый дюйм знаю. Ты в гостиной?

Зомби кивнула, и Мишель прошла мимо.

— Мама, не злись так, — шепнула Адезина, взлетев ей на плечо.

— Я в меру злюсь. — Мишель вздохнула и притормозила, стараясь взять себя в руки. Адезина права. С Джои ругаться бесполезно, все равно проиграешь.

В гостиной, довольно голой, с ветхими занавесками и продавленным диваном, стоял теперь новый большой телевизор. Напротив него восседала на троне Джои — худенькая, в бесформенной футболке с надписью «Джокерская чума» и тесных джинсах. Ярко-рыжая прядь в каштановых волосах, кожа красивого карамельного цвета. У ее ног лежала собака-зомби, по бокам стояли два громадных мертвяка.

Мишель с Адезиной плюхнулись на диван.

— Может, объяснишь, что случилось? — спросила Мишель, игнорируя хмурое чело Джои. Зомби заворчали.

— Я не при делах. — Джои так вцепилась в подлокотники трона, что побелели костяшки. — Прямо не верится, что ты могла на меня подумать.

— Хочешь сказать, что в Новом Орлеане живет еще один перевернутый, умеющий оживлять мертвецов? — Мишель одарила Джои своим лучшим скептическим взглядом. — Что это просто-напросто совпадение?

— Такого перевертня здесь нет, — подалась вперед Джои. — Зато есть сука, тырящая чужую силу.

— Господи, Джои. Следи за своим языком. — Мишель покосилась на Адезину, но та целиком ушла в игру на своем айпаде.

— Да иди ты, Пузырь, она еще и не такое слыхала. Правда ведь, Тыковка?

— Да, мне ведь не обязательно пример с тебя брать, — пожала плечами Адезина.

Джои как будто обиделась.

— Мишель, ты как ребенка воспитываешь?

— Нормально.

— На фига, спрашивается, джокеру нормальное воспитание?

— Вернемся к твоему загадочному грабителю. Почему ты думаешь, что у тебя украли силу? Может, ты просто потеряла контроль?

Зомби-охранники двинулись к Мишель, и она уложила их двумя пузырьками в головы, истратив на это последний жир. Зомби-агрессия Джои достала ее вконец.

— Мать твою! Это ж надо так напаскудить! — Женщина-зомби вошла и принялась за уборку. — Говорю тебе, я ничего такого не делала. Я за пирожными вышла, ч-черт. Иду обратно, натыкаюсь на кого-то и вдруг раз — перестаю видеть своих детей.

В голосе Джои звучал такой страх, что Мишель ей поверила. Карта Джои перевернулась, когда ее изнасиловали — подробностей Мишель не знала и не хотела знать. Сейчас, вероятно, Джои почувствовала себя такой же беспомощной, как и тогда.

— Тебе запомнился чем-то этот момент? — Страшно даже подумать, что есть перевернутый, крадущий чужую силу. Его надо вычислить, а Джои обеспечить защиту, чтобы подобное больше не повторилось. Та никогда не отличалась эмоциональной стабильностью — далеко не всякий выборочник способен жить постоянно в Городе Чокнутых, — но ее реакция на временное лишение силы встревожила Мишель как никогда раньше. Помочь ей было, пожалуй, важнее, чем найти вора.

— Ни хрена не помню. Толкнули меня — и все.

— Мам, смотри, — прервала их разговор Адезина.

По телевизору показывали атаку зомби и громящую их Мишель. Джои прибавила звук.

— ...на сегодняшний парад Бахуса. Целью атаки, по всей видимости, являлась платформа Мишель Понд (Чудесные Пузыри). Ужаснее всего то, что с мисс Понд была ее семилетняя дочь. Мисс Понд остановила атаку, но допустимо ли брать ребенка на парад, где женщины обнажаются ради получения бус? Это не первый случай, когда мисс Понд проявляет насилие в общественном месте, и неизвестно, кто станет жертвой в очередной раз...

— Что за дерьмо! — взвилась с дивана Мишель.

— За языком следи, — одернула Джои.

Телевизор тетя Джои выключила, но мама достала свой ноутбук и стала смотреть, что показывают в онлайне.

Показывали много всего, и Адезина, как ни старалась, пролезла в мамины мысли. Там было столько страха, тревоги и гне-

ва, что она поскорей вышла обратно и стала играть в «Оцелот-9» на айпаде. Вызволять Оцелота-Органзу из когтей Вишневой Ведьмы было проще, чем разбираться с делами взрослых.

Телефон Мишель жужжал не переставая с самой атаки, но она уже тогда знала, что дело плохо, и не обращала внимания на звонки. Худая слава, типа, тоже слава? Расскажите это кому другому.

Только здесь, у Джои, она поняла, насколько все плохо. Особенно когда посмотрела любительские видео на Ютюбе, от которых ей стало тошно.

А чего ты ждала, идиотка? Это марди-гра, все снимают. В наши дни остаться незамеченной попросту нереально.

Если б еще не Джои со своей временно утраченной силой — точнее, ее реакция на это. Нельзя бросать ее одну в таком состоянии. Мишель решила остаться здесь на ночь и попробовать разобраться в случившемся. Придется, видно, попросить о помощи Адезину, хотя об этом даже думать не хочется. Видит Бог, как ей тяжело посылать своего ребенка в голову Джои. Есть вещи, которые Адезине в ее возрасте — да и в любом другом — видеть совсем не следует.

Решив не оставлять Джои даже на час, Мишель вызвала такси, и они втроем поехали в отель. Джои с Адезиной проголодались; усадив их в гостиничном кафе, она поднялась в номер уложить сумку. Стащила с себя платье, переоделась в безразмерные штаны и футболку — вся ее одежда была такой. Жир следовало набрать, прыжки с крыши Джои помогли мало.

Пока она собиралась, телефон снова начал трезвонить. Номер выглядел знакомо, и она, укладывая в сумку любимое платье и ночнушку Адезины, ответила.

После долгой паузы в трубке послышалось:

— Привет, Мишель, это я.

Джулиет. Желудок у Мишель ухнул вниз. Они почти не разговаривали со времени отъезда Джулиет из АНР — Мишель, переспав с Джои, разрушила их отношения. Некоторые ошибки, как ни убеждай себя в обратном, простить нельзя.

— Посмотрела в онлайне съемки с парада...

У Мишель тряслись руки. Черт, черт, черт. Не лучшее время для эмоций.

— М-да, есть на что поглядеть.

— Это правда работа Джои?

Мишель пошла в ванную собрать туалетные принадлежности.

— Она говорит, что нет, и я верю. Это не ее стиль. Говорит, что у нее украли силу, а сразу после атаки вернули.

Еще одна долгая пауза.

— Так ты с ней виделась после приезда сюда?

Черт. Мишель пустила в ванну стайку резиновых пузырей. Пара выскочила на пол. Она поддала их ногой, они срикошетили от стенки, и один долбанул ее по бедру.

— Виделась, — подтвердила Мишель, потирая ногу. Дурацкие пузыри. — Как же я могла с ней не встретиться после атаки зомби? — Она посмотрелась в зеркало. И сама-то ты дура. — Между нами ничего нет, если ты об этом. Только один раз и было, тогда. Притом ты со мной порвала, и я вправе видеться, с кем хочу. Хотя очень сожалею, конечно.

— Все у тебя? — спросила Джулиет.

— Ну да...

— Я рада, что вы с ней виделись. Что для ее пиара, что для твоего — это настоящая катастрофа.

— Я совсем не это... — растерялась Мишель.

— Выслушай меня. Дело не в нас с тобой и не в Джои, а в Адезине. Партнер из тебя поганый, но мать получилась хорошая. И мне противно, что чьи-то политические игры могут порушить девочке жизнь.

Мишель села на пол, на холодную плитку.

— Не пойму что-то. При чем тут она?

Джулиет испустила тяжкий, прямо-таки адезиновский вздох.

— Эх ты, святая наивность. Ты чертовски сильна и чертовски популярна. Силу твою они не могут отнять, но популярность — другое дело. Сделать из тебя злодейку проще простого.

Мишель пустила пузырек из левой ладони.

— Кто это «они»? И зачем им впутывать Джои?

— Мало ли кто. НБА для начала, ЦРУ, АНР. И Комитет тоже, хотя это менее вероятно. Или какая-то новая организация с собственной программой. Напрямую тебя не так легко подкосить — будут действовать через тех, кого ты любишь.

— Джои к ним не относится, — заявила Мишель. «Моя настоящая любовь — это ты. Вернись, пожалуйста», — подразу-

мевалось под этим. — Я почти на год пропала со всех радаров, — добавила она вслух. — Кому я нужна?

— Но вернулась ведь и тут же двинула на парад — напомнить всем, что Новый Орлеан спасла именно ты. Да еще Адезину удочерила, чуть ли не самую симпатичную из всех джокеров.

— Да, она просто конфетка, правда? — улыбнулась Мишель.

Смех Джулиет чуть не разбил ей сердце.

— Я тебе пришлю кое-что по е-мейлу. Тебе надо знать, каковы ставки и насколько далеко они пойдут, чтобы тебя очернить.

Неужели этому не будет конца? Она всего лишь пытается наладить себе нормальную жизнь.

— Спасибо за помощь, Джулиет... и прости меня. Знаю, этого недостаточно, но мне правда жаль. Очень-очень.

— Знаю, что жаль, — сказала после новой паузы Джулиет и повесила трубку. Здорово, подумала Мишель, вытирая слезы. Просто отлично. Ты никогда не сможешь ей ничего объяснить, не стоит и пытаться. Тебе повезло, что она вообще позвонила.

И сделала она это не ради тебя — не обманывайся. Мишель намочила холодной водой полотенце, приложила к лицу. Иначе Адезина заметит, что она плакала.

Сила вернулась, но Джои все-таки была благодарна, что Мишель остается на ночь. Дети, конечно, при ней, но страшно — вдруг силу снова отнимут?

Адезина опять играла в своих оцелотов — что это за звери вообще?

— Тебе правда нравится? — спросила Джои, садясь рядом. Сама она не была фанатом видеоигр, но иногда пробовала.

— Ага. Оцелоты симпатяшки, а Органза у них круче всех. Она борется с Вишневой Ведьмой, которая хочет отобрать у оцелотов землю и дичь...

Джои перестала слушать и переключилась на своих детей — мертвых собак, кошек, людей, насекомых. Она входила в них, смотрела их мертвыми глазами. С ними она в безопасности. От мертвых никому не уйти, они всюду. Никто больше не тронет ее.

Лишиться силы было ужасно. Джои отгоняла от себя это воспоминание, но за ним всплывало другое, еще страшнее.

Желчь подступила к горлу, спина вспотела. Нет, прочь. Она Худу-Мама и давно прикончила эту сволочь. Больше он не тронет ее.

— Тетя Джои! Тетя Джои!

Джои открыла глаза. Адезина сидела у нее на коленях, водила передними лапками по лицу и заливалась слезами.

— Тетя Джои, пожалуйста, перестань!

— Какого хрена? Чего ты, Тыковка?

— Ты застряла. — Адезина лапками, словно богомол, утерла глаза и нос.

— Я тебе клинекс дам. — Джои схватила с комода в ванной коробку с платочками, Мишель влетела в гостиную с другой стороны.

— Что тут у вас? Мне наверху слышно, как ты ревешь.

«Мать твою, — подумала Джои. — Неужто я в самом деле поддалась, дура гребаная?»

Она неловко сунула коробку Мишель. Та, испепелив ее взглядом, стала приводить Адезину в божеский вид.

— Может, скажешь мне, что случилось?

Адезина, молча свернувшись на коленях у матери, закрыла глаза.

Мишель снова взглянула на Джои, и та невольно сделала шаг назад. «Что?» — одними губами спросила Мишель. Джои пожала плечами. Ее разбирала злость: Пузырь должна знать, что она нипочем бы не обидела Адезину.

— Адезина, — тихо сказала Мишель, — посмотри на меня.

Девочка медленно открыла глаза. Мишель смотрела сурово — что это с ней, кроха и так расстроена.

— Ты лазила в мысли тети Джои без ее разрешения?

— О чем это ты, Пузырь? — Недоставало еще, чтобы кто-то, особенно Тыковка, знал, что у нее на уме.

— Адезина может проникать в мысли тех, кто заражен вирусом. В твоих, я знаю, она и раньше бывала. Я, кажется, говорила, что этого делать нельзя?

По щеке Адезины снова скатилась слеза.

— Прости, мама.

— У взрослых бывает такое, что тебе видеть совсем не нужно. Кроме того, ты совершаешь вторжение в чью-то частную жизнь. Я же к тебе в комнату не вваливаюсь без спросу?

Адезина опять расплакалась, и Мишель прижала ее к себе.

— Ничего-ничего, котик, ты только следи за собой. Уложу-ка я ее спать, Джои, длинный был день.

— Длинней некуда.

Уложив дочку, Мишель снова спустилась вниз. Джои на кухне доставала пиво из холодильника.

— Хрена ли ты раньше-то молчала, что Адезина может лазить в мои мозги?

Мишель отвинтила крышку с поданной Джои бутылки, выкинула в мусор, хлебнула.

— Она знает, что это не разрешается. К тебе она влезла один-единственный раз и так расстроилась, что поклялась мне больше этого не делать. — На самом деле девочка после этого заболела. Мерзость, которая развелась у Джои в голове, токсична не только для Адезины, но и для нее самой, однако говорить ей об этом — напрасная трата времени.

Сделав еще один долгий глоток, Мишель слегка захмелела. После прыжка со здешней крыши перед поездкой в отель она так и не сделала ничего для пополнения жира и была даже тоньше, чем в свои модельные времена. Потому и захорошела так быстро — ну и ладно, сейчас это даже к лучшему.

— Она не сказала тебе, что видела? — спросила Джои.

— Нет, да я и не выпытывала. Ей всего семь. Ясно, что ничего хорошего она не могла увидеть. — Жестокие слова, ну и пусть. Плевать. Нет, не плевать... она просто вымоталась.

— Не хочу, чтобы Тыковка видела... кое-что. — Джои швырнула пустую бутылку в угол и достала из шкафа «Джек Дэниелс». — Напиток забвения, мать его. Хочешь?

Мишель, мотнув головой, прикончила свое пиво. Ее окутало золотым теплом, губы слегка онемели.

— Виски не поможет нам разобраться, что с тобой приключилось. Если честно, я сама собиралась послать Адезину поглядеть, как все было, — ужасная, конечно, идея. — Она достала из холодильника еще пива. А, к черту. Она под прицелом, и ее жизнь собираются спустить в унитаз. — Кстати, я говорила с Джулиет, пока мы были в отеле, и она мне прислала кое-какие ссылки. В Сети теперь новый мем — я, оказывается, кошмарная мать, все время подвергающая опасности жизнь своего ребенка.

— Мем? Что еще за хрень? — осведомилась Джои, глотнув виски.

Дэн затолкал белье в машину, залил средство для стирки. Это занятие бесило его. При матери в доме всегда было чисто, и холодильник она загружала, и готовила, и вещи его стирала. Теперь он напяливает джинсы прямо на голое тело, хотя терпеть не может этот долбаный стиль, а майка так провоняла, что блевать тянет.

Но вообще-то денек выдался не из худших. Они с Винилом выперли из команды Залпа, а через час у них собеседование с новыми кандидатами. Хороший игрок вряд ли подвернется, но сорняки выпалывать тоже приятно. Запустив стиралку, Дэн снова спустился в подвал. Старый диван он заменил навороченным игровым креслом — взял немного из денег, вырученных за Худу-Маму. Встроенные динамики, эргономический дизайн, задница прямо спит в черной коже. Отец был на работе, и Дэн предвкушал долгий сеанс игры.

В его кресле сидел мистер Джонс. Вот же гад!

— Неплохо бы постучаться для приличия. В парадную дверь.

Мистер Джонс улыбался, что Дэну совсем не нравилось.

— Помнишь, Дэн, я говорил, что для тебя будет еще работа? Ну вот она и подоспела — раньше, чем мы ожидали.

Дэн запросил бы побольше денег, но от улыбки мистера Джонса ему стало не по себе.

— Как в прошлый раз, что ли? Запросто, марди-гра ведь еще идет.

Мистер Джонс взял пульт. Дэну страстно хотелось пришибить его тут же на месте. Нажал кнопку включения, ввел Дэнов пароль.

— Какого...

— Думаешь, мы не знаем о тебе все, что следует? Пароль — ерунда, нам известно, где сейчас находится твоя мать. Не настолько ты сложен, Дэн, не считая, конечно, твоих способностей.

Контрол-Фрик, ведомый мистером Джонсом, мочил всех направо-налево. Дэну сделалось тошно.

— Почему бы вам просто не убить Пузыриху, когда я заберу ее силу? — спросил он.

— Потому что в будущем она может понадобиться. В твоем сценарии мы использовали бы ее силу всего один раз, после чего уникальный источник был бы потерян.

Контрол-Фрик проделал прыжок, кувырок и двумя выстрелами в голову уложил двух противников. «Великолепно!» — вспыхнуло на экране.

— Не все настолько несложны, как ты, Дэн. Взять, например, очаровательную мисс Понд. К своей немереной силе она относится довольно легко, а вот друзья для нее много значат. Кроме того, наша задача — не уничтожать людей, а управлять ими.

Дэн, наблюдая за игрой мистера Джонса, прямо из шкуры выпрыгивал. Да наплевать ему, почему мистер Джонс делает то, что делает, или почему просит его, Дэна, сделать то или это. Лишь бы положил контроллер, вылез из нового кресла и сказал уже, какого хрена ему надо на этот раз.

— Поэтому мы занимаемся не ею, а ее подругой, — с благодушной улыбкой продолжал мистер Джонс. — Она должна хорошенько усвоить, что дорогие ей люди постоянно находятся под угрозой и она не в силах их защитить. В мире сейчас проживает много невероятно сильных людей, Дэн. Чтобы управлять ими, не обязательно грозить лично им — достаточно показать, что их сила не беспредельна. Вирус, возможно, изменил облик мира, но люди остаются людьми.

Контрол-Фрик перелетел через груду трупов, приземлился на колени и выстрелил.

— Ты будешь нужен нам завтра утром. — Мистер Джонс послал пулю в голову еще одного аватара. — Фургон приедет за тобой в шесть.

«Вы победили!» — загорелось на экране. Мистер Джонс встал и бросил Дэну контроллер.

— Удачи в игре.

Мишель проснулась с больной головой. Она выпила только два пива, но при легком весе они ее долбанули, как грузовик. Это бы ей как раз пригодилось — на нее наезжали и грузовики, и даже автобус, но сейчас тяжелого транспорта под рукой нет. Разве что зомби отколошматят ее как следует.

Адезина свернулась калачиком на подушке. Мишель с улыбкой подергала ее за косички. Они пробовали разные прически, выясняя, что больше понравится Адезине, но девочка, кажется, просто любила, когда возились с ее волосами.

— Не трогай, мама, — сонно пробормотала она.

— Не могу удержаться. Они такие классные — мне завидно!

— Хочешь, и тебе заплетем. Длины хватит.

— У меня они на другой же день никуда не будут годиться, а твои просто загляденье. Пошли вниз, посмотрим, найдется ли у тети Джои что-нибудь в холодильнике. Кроме пива.

Джои, как и зомби, внизу не оказалось. Даже в саду Мишель не обнаружила ни единого дохлого голубя.

Вот черт. Открыв калитку, она посмотрела направо и налево вдоль улицы. Сказано же ей было не ходить никуда одной. Мишель твердо вознамерилась надрать Джои задницу, когда та найдется.

— Адезина, я знаю, что не велела тебе лазить в голову тети Джои, но сейчас нам надо поскорее ее найти.

— Да, мама, хорошо. — Адезина вспорхнула ей на руки и закрыла глаза. Через минуту она распахнула их, слетела на землю и побежала. Летала она только на короткие дистанции, но бегала быстро. Мишель устремилась за ней, в который уже раз жалея, что не успела запастись жиром.

Адезина повернула направо, потом налево и юркнула в переулок, где разило блевотиной и гнильем, а в конце высился большой мусорный контейнер. Из-за него слышался громкий плач. Джои сидела у кирпичной стены, обнимая руками колени.

— Джои, — тихо позвала Мишель, пробираясь к ней. Ну почему ее не оказалось рядом в нужный момент? — Джои, солнышко, это я.

Та подняла на нее глаза и сказала охрипшим от плача голосом:

— Пузырек... Не надо было мне одной выходить. Опять силу отняли, совсем своих деток не вижу.

Адезина взлетела ей на плечо, поцеловала в щеку и снова спрыгнула.

— Все уже хорошо, тетя Джои. Мы здесь.

— Я только вкусняшек хотела купить на завтрак. Круассаны там, тортик. Тыковка любит, я знаю. И вдруг сплошной мрак.

Мишель взяла холодные, дрожащие руки Джои в свои, подняла ее и сказала:

— Пошли домой.

— Так я ж даже до булочной не дошла. Надо взять Тыковке что-то на завтрак.

— Ничего, позже позавтракаем. — Мишель вывела Джои из переулка. — Адезина потерпит немножко, правда ведь, золотко?

Девочка теперь взлетела на руки Джои. Та инстинктивно удержала ее.

— Я вообще не голодная, тетя Джои.

— Но что-то ведь надо съесть. — Джои потеребила ее косички. — Мне мама тоже заплетала, когда я маленькая была.

Господи, совсем ополоумела. Надо найти того, кто ворует у нее силу. И как-то научить ее справляться с такими потерями. Почему вообще Джои грабят, а не ее, не Мишель? Она давно уже не чувствовала себя такой беспомощной. Как помочь Джои? Как остановить вора? Когда она найдет его, то прикончит на месте, только что толку себя обманывать. Она даже искать не станет, лишь бы с Джои все было хорошо.

— Давайте все-таки зайдем и что-нибудь купим. Что ты хочешь на завтрак, Тыковка?

— Вот отведем тебя домой, а потом я выйду и что-то куплю, — сказала Мишель.

Джои пересадила Адезину на одну руку и вцепилась в подругу.

— Нет. Не бросай меня. Без детей я не выдержу.

— Хорошо-хорошо, — осторожно высвободилась Мишель. — Я никуда не пойду, если ты не хочешь. Сейчас мы все обсудим и все решим.

— Так что мне делать с зомби-то этими? — Дэн сидел в фургоне с мистером Джонсом и водителем. Голова, в которой бушевала сила Худу-Мамы, разрывалась на части — эту силу надо было срочно куда-то деть.

— Имей терпение, Дэн, — проронил мистер Джонс.

Дэн, сам не свой, скреб руки ногтями. Теперь он ощущал силу не как в прошлый раз: теперь она была гневная. Он впервые забирал силу большого туза повторно, и ему казалось, что он проглотил целый пчелиный рой.

— Мне нехорошо, мистер Джонс.

Тот обернулся к нему.

— А точнее?

— Ну... я не знаю. Сегодня все по-другому. Я с трудом эту силу сдерживаю. Никогда раньше не делал это во второй раз. — В детали он мистера Джонса не хотел посвящать.

Холодные темные глаза пронизали Дэна насквозь. Раньше он струхнул бы, но сейчас ему было очень уж худо.

— Огорчительно. Мы не думали, что твоя собственная сила окажется такой... ненадежной, — посетовал мистер Джонс. — Рановато еще, но придется остановиться, — сказал он водителю.

Фургон притормозил, и Дэн ойкнул, стукнувшись головой об окно. Они остановились на улице со старинными обшарпанными домами.

— Давай сюда зомби, — сказал мистер Джонс, доставая из нагрудного кармана конверт. Ну вот, другой разговор.

— Вам кого — крысу, кошку, собаку? — Дохлятины кругом было хоть отбавляй.

— Человека, Дэн.

Дэн ухватил того, что поближе. Сила стала вытекать потихоньку, жужжание перешло в слабый гул.

— Куда его?

— Пусть подойдет сюда, возьмет вот эту записку и отнесет вон в тот дом. Нужно, чтобы он позвонил и вручил записку тому, кто откроет.

— Где ограда железная? — Ошибешься еще, и мистер Джонс обозлится.

— Да.

Дэн сделал все, что от него требовалось.

Услышав звонок, Джои подскочила. Мишель потрепала ее по руке и пошла открывать.

Зомби, стоя на крыльце, протягивал ей конверт. Мишель взяла, и он рухнул замертво.

Письмо было адресовано ей, и в этом ничего странного как раз не было.

Мисс Понд!

Мы с вами незнакомы, но мои боссы — большие ваши поклонники. Ваши добрые дела восхищают их уже много лет. У Вас, как они полагают, прекрасный послужной список, но не пора ли Вам взять отпуск и отдохнуть от внимания публики?

Инцидент с Джои Хеберт — лишь легкий пример того, что мы можем сделать с близкими Вам людьми. Если Вы пожелаете остаться публичной фигурой, мы примем более суровые меры. Подумайте о Вашем ребенке.

В надежде на скорое знакомство, искренне Ваш

Мистер Джонс.

Псевдоним, конечно. Кто же мог послать ей такое письмо?

Выходит, Джулиет права и все это делается, чтобы ее очернить? Но почему Джои? Джои помогает бедным, отверженным — кому понадобилось это прекращать? Среди них, конечно, есть и темные личности, но в большинстве это просто бездомные, которым нужна забота.

А сама Мишель? Она больше не работает ни на какое агентство, чертовы государственные интересы не охраняет. Кому до нее дело?

— Мишель! — Джои неслась к ней через прихожую. — Мои паскудные детки тут, я их вижу! А это что на пороге валяется?

То, что валялось, село. Мишель отдала письмо Джои.

— Этот мистер Джонс и есть тот мудак, который силу у меня забирает? — Джои скакала, точно «Ред Булла» напившись.

— Может, он просто шестерка, не знаю. Думаю, они на этом не остановятся, непонятно только, почему именно к тебе прицепились.

Мишель не нравилось, как выглядит Джои. Потеряв силу, она не только разнервничалась, но и здорово разозлилась.

— Джои, я знаю, это ужасно, но в АНР ты мне говорила, что знание о каждом мертвом теле поблизости сводит тебя с ума. Разве тебе не хочется немножко передохнуть?

Джои трясущимися руками вернула письмо.

— Да нет... нет. В АНР было слишком уж много трупов, слишком много детей. Ты ж сама помнишь. Сначала, когда сила ушла и я осталась одна, мне стало даже приятно, но как подумаешь, что со мной было до того, как я сделалась Худу-Мамой...

Мишель закрыла дверь.

— Не знаю даже, что делать. Ясно, что эти... подлецы хотят убрать меня с публичной арены, а тебя используют как орудие. Может, в Комитет обратиться?

— Не вздумай! Не хочу, чтобы кто-то знал. А вдруг у меня силу навсегда отберут? Как мне жить-то тогда! — Джои накуксилась было и тут же взъярилась. — Нет, Пузырь, я еще доберусь до ворюги этого. Заплатит мне мистер Джонс, по полной за все ответит!

— Мне бы тоже очень хотелось с ним посчитаться. — Но сейчас важнее всего было заставить Джои вспомнить все в точности. — Все было так же, как в прошлый раз?

Джои кивнула, не переставая дрожать.

— У тебя забирают силу, используют ее, а потом возвращают?

— Ну да.

— Значит, они не могут долго ее удерживать. Иначе они просто ограбили бы нас с тобой насовсем, и дело с концом. Я бы именно так и сделала. Ты оба раза выходила на улицу — значит, им нужен еще и физический контакт.

Джои стало заметно легче.

— Хорошо, что ты тут, Пузырь. Хотя ты все равно сука полная, учти это.

— Ладно, учту.

— Спросим Тыковку, что она хочет на завтрак.

— Если это не пиво и не бурбон, надо сходить в магазин.

— Сходи ты, немножко я смогу потерпеть. Но она, кажется, говорила, что любит бурбон на завтрак — не ребенок, а золото.

Узел в животе у Адезины распустился немного, потому что мама и тетя Джои смеялись — но тут они вошли, и стало ясно, что они притворяются. Даже в их мысли не надо было заглядывать.

Мама улыбалась не по-настоящему, в глазах тети Джои стояли призраки.

— Не пора ли нам позавтракать? — Мама села на диван рядом с дочкой.

— Твоя мама не верит, что ты хочешь на завтрак бурбон, а я говорю — ты плохо свою девочку знаешь.

Адезина сделала простодушную рожицу.

— Можно и бурбон, мам.

— Ладно, так и быть. Налью тебе в хлопья.

— Фу-у. — Адезина как-то приложилась потихоньку — гадость ужасная. — Лучше гренки.

— Тогда я пошла в магазин. — Мишель поцеловала ее в макушку.

— Осторожно, Пузырек, как бы и тебя не ограбили. — Джои нагнулась завязать шнурки своих засаленных конверсов. Голова у нее тряслась. — Это было бы еще хуже, совсем хреново.

— Захотели бы — ограбили еще на параде. Думаю, им это неинтересно. Не выпускай никуда тетю Джои, детка.

— Не выпущу, мам. Не волнуйся.

Дэн потер лицо. Из-за этой Худу-Мамы он чуть не лопнул и продолжал дергаться, даже освободившись, — теперь, возможно, из-за мистера Джонса и водителя, который все время молчал.

— А вы не могли бы домой меня отвезти? — спросил он робко.

— Сейчас отвезем, — бросил мистер Джонс, не скрывая своего недовольства. — Ты разочаровал меня, Дэн. В таких делах главное — правильно рассчитать время, а ты нас подвел.

В животе у Дэна похолодело.

— Я ж говорю, что никогда еще не забирал силу у одного туза дважды. Не знал, что на второй раз бывает такая хрень. Теперь вот знаю.

Дэн вытер ладони о штаны. Мистер Джонс, когда молчал, был еще страшней говорящего.

В другой раз, когда мистер Джонс захочет его нанять, он просто скажет «нет». Раньше Дэну в голову не приходило, что его возможности не беспредельны и что повторный гоп-стоп приводит к таким казусам. Надо исследовать сначала, на что он способен, а на что нет, и в этом мистер Джонс ему не помощник. Мистеру Джонсу надо, чтобы он делал свое мозготрахальное дело, и все тут.

Фургон затормозил перед домом. Дэн тут же ухватился за ручку, но мистер Джонс его задержал.

— Секунду, Дэн. Гонорар возьми. — И протянул Дэну пухлый конверт.

Дэн подумал, не отказаться ли, но все-таки взял.

— Я буду на связи, — сказал мистер Джонс.

«Да пошел ты, долболоб чокнутый. Лучше толченое стекло жрать, чем опять с тобой связываться». Вслух Дэн этого не сказал, кивнул только.

И только за дверью понял, что у мистера-то Джонса суперспособностей вообще нет.

Мишель не боялась — ну, скажем, не очень боялась. На улицах, несмотря на марди-гра, все еще было пусто. Запасаясь в угловом магазине всем, что нужно для приготовления гренков, она услышала:

— Эй, это ведь вы — Чудесные Пузыри?

Мишель обернулась и увидела девочку лет шестнадцати. Черные крашеные волосы, черный прикид, черные док-

мартенсы, много серебряных заклепок и лезвий. Имидж дополняла бледная мордашка с багровым ртом и густо подмалеванными глазами. И как она не потеет в таком-то гриме?

— Да, это я. — Мишель бросила в корзинку хлеб и перешла в молочный отдел. Девчонка за ней.

— Просто жуть, что вы натворили на параде. Здорово в смысле.

В корзинку отправились яйца, молоко со сливками, масло.

— Спасибо. — Теперь овощи-фрукты. — Делаю что могу.

Может, это и есть перевернутая, ворующая чужую силу? Но какой ненормальный стал бы подсылать к ней подростка? Если это в самом деле она, Мишель перед ней столь же беспомощна, как и Джои.

— Я просто хотела выразить вам свое восхищение, вот. Вы самая моя любимая в «Американском герое».

Захотят отнять силу — отнимут, что уж теперь. Мишель улыбнулась девочке.

— Хочешь автограф, да?

— А можно фотку на память? Вместе со мной. — Девочка достала мобильник.

— Конечно. — Мишель обняла ее за талию и улыбнулась в телефон. — Как тебя звать?

— Дороти. — Девочка проверила фотографию. — Здоровски вышло.

— Ну, я профи как-никак. Вернее, была.

— Спасибо вам. Я не верю, что вы плохая мать, пусть себе трындят что хотят.

Мишель ощутила легкое раздражение — но что делать, так уж оно устроено. Сделавшись знаменитой, ты отдаешь публике часть себя. Ей еще повезло: она, несмотря на все сюрпризы судьбы, пока оплачивает счета и обеспечивает себе с Адезиной приличную жизнь.

— Мне это очень приятно, Дороти. Рада была пообщаться.

— Мистер Джонс ждет вас с Джои Хеберт на Джексон-сквер послезавтра, в девять утра. Он думает, что пришло время познакомиться лично. — Дороти сверкнула улыбкой и пропала, как и не было ее.

Посмотрев на место, где она только что стояла, Мишель взяла с полки ванильную эссенцию. Лично так лично.

Джои мыла посуду после завтрака, Мишель вытирала. Нормальность всего этого почему-то бесила Джои до крайности.

После еды Мишель попросила у нее пару зомби — поколотить ее, жирку поднабрать. Это продолжалось довольно долго, но в итоге Пузырь перестала выглядеть как больная анорексичка. Джои любила своих девочек пухленькими.

Потом они взялись за уборку. Адезину Джои не хотела отрывать от игры — Пузырь может сказать, что ее дочку балуют, ну и ладно, ничего страшного.

— Я получила еще одну весточку от мистера Джонса, — сказала Мишель, вытирая тарелку.

Джои оглянулась, проверяя, не слышит ли Адезина.

— Какого хрена этой скотине надо?

— Хочет встретиться с нами на Джексон-сквер послезавтра в девять утра. Вестницей была шестнадцатилетняя девочка, владеющая телепортацией.

— Мы ведь не пойдем, нет? Нашел тоже дурочек. — Джои хотелось кого-то стукнуть или что-то разбить.

— Я пойду точно. — Мишель продолжала вытирать, как будто не было ничего проще встречи с отнимающим силу грабителем. — Иначе нам останется только уйти в подполье, бросить твой дом и жить под чужими фамилиями. Чем больше избегаешь таких людей, тем больше власти они над тобой имеют.

— Больше уже некуда. — Джои шмякнула сковородку в раковину с мыльной водой. — Меня, если помнишь, дважды лишали силы — смотри, и тебя лишат.

Мишель, кивнув, стала складывать в ящик ножи и вилки.

— Могут, да. Но моя жизнь на этом не оборвется. Стану тем, кем раньше была — мои дела и моя сущность от этого не изменятся.

— Тебе хорошо, Пузырь. Ты и до перевертывания жила неплохо, не то что я. Сплошное дерьмо, единственный просвет — мама. — При мысли о матери в горле встал ком — Джои сглотнула его, стараясь не разрыдаться. — Я была совсем соплячкой, когда моя карта перевернулась.

Джои почти целиком подавила память о том давнем дне, но отдельные моменты еще всплывали. Не превратись она тогда в Худу-Маму, ей бы пришел конец.

— Мне хорошо, да. — Мишель бросила полотенце на стол. — Поэтому я и хочу тебе помочь, если позволишь.

Джои кинула губку в раковину.

— Да какого ты хрена можешь?

— Я попрошу Адезину войти в твою память.

Джои застыла на месте.

— Чего?

— Ты же знаешь, она это умеет. Когда мы остались в АНР помочь детям, она входила в их мысли и помогала забыть о том, что случилось. — Мишель повесила полотенце сушиться. — Тогда я заставила ее перестать, потому что она из-за этого страдала депрессией.

— А теперь разрешишь, значит? Она ведь уже заходила в мои мозги, и не сильно ей там понравилось. — Джои сунула трясущиеся руки в карманы джинсов. — Я больше не хочу. И вспоминать ничего не стану, на хрена это мне?

— Я много об этом думала и с Адезиной поговорила — узнать, сработает мой план или нет. Она войдет к тебе, но не так, как обычно, потому что я буду с ней. — Мишель потерла лоб и вздохнула. — То есть нет, не совсем так. Ей уже доводилось — случайно — связывать мысленно двух людей. Это сложно, но она очень хочет помочь. Времени у нас в обрез, и другого решения я просто не вижу. Так что Матерью Года мне в ближайшем будущем не бывать.

— Блин... нет, не могу позволить. А если она увидит такое, что ребенку видеть нельзя? Если ты увидишь?

— Джои. — Мишель явно теряла терпение. — Нам от этих людей не уйти — я вообще не представляю, кто они и на кого работают. Ты с катушек слетаешь, когда у тебя отбирают силу, и я хочу как-то это наладить — хотя бы убрать из твоей памяти то, из-за чего ты так паникуешь. Ты будешь для них легкой добычей, пока не научишься жить без силы, а я не смогу все время быть рядом. Да, решение паскудное, но другого-то просто нет. Думаешь, я стала бы так поступать с дочкой, если б могла придумать что-то другое? Позволь тебе, кстати, напомнить, что эти ублюдки и для Адезины опасны.

— Прямо не знаю, Пузырь. — Джои покачалась туда-сюда. — Я ж тебя видела в деле, иногда жуть берет.

— Правда? — Мишель отвернулась и стала убирать посуду в буфет. — Добро пожаловать в ряды рабочего класса.

Проспорив еще два часа, Джои дала согласие — с условием прекратить эксперимент по первому же ее требованию.

— Где будем проводить операцию? — Зомби-охранников Джои убрала из гостиной: Адезине не нравилось, как они пахнут.

— Лучше, чтобы человек спал, — сказала девочка. — Маму я нашла, когда она была в коме.

— Мне пока не хочется спать.

— Поднимемся в гостевую спальню, — предложила Мишель. — Ты просто ляжешь и попробуешь расслабиться.

— Мать твою. — Джои пошла к лестнице, Мишель с Адезиной за ней. Она опять выругалась при ребенке, но Пузырь в кои веки ее не одернула.

Внутри у Адезины все трепыхалось. Она, в общем, была уверена, что сумеет привести маму в голову тети Джои, но сумеет ли мама ее защитить, когда они окажутся там? Адезина любила тетю Джои, но боялась того, что сидело в ее темных коридорах и комнатах.

Мама с тетей Джои легли на кровать, Адезина пристроилась между ними. Тетя Джои лежала как деревянная, вытянув руки вдоль тела. Мама повернулась на бок, взяла ее за левую руку. Она немного расслабилась, и Адезина вошла в мамин ум.

Там ей было хорошо, как в большом доме, где много комнат, много воздуха и красивые виды. Кое в какие комнаты мама ее не пускала, объяснив, что там все очень личное и только для взрослых.

И еще там жили зайчики. Адезине они нравились, но она не понимала, зачем маме столько.

— Привет, детка. — Мама стояла у окон, держа на руках большого крола. — Готова? — Она опустила кролика на пол, и Адезина запрыгнула ей на руки вместо него.

— Готова, мам.

Только что Мишель была в собственной голове, как ее представляла себе Адезина, и вдруг оказалась с дочкой в доме Джои — больше, чем настоящий. Из холла тянулись длинные коридоры с множеством закрытых дверей.

— Джои? — Мишель старалась не орать Адезине в ухо, хотя и знала, что на самом деле та не сидит у нее на руках. — Ты где?

— Тут, — послышалось за спиной. Джои, моложе реальной, стояла в разноцветных пятнах от дверных витражей.

— Ох и напугала же ты меня. — Мишель потрогала резную настенную планку, украшающую весь холл. — У тебя здесь все по-другому.

— Да — не знаю уж, я это делаю или Тыковка. — Джои огляделась. — Если б я захотела обновить эту халупу, то, наверное, все так бы и выглядело. Входная дверь особенно клевая.

Мишель поцеловала Адезину и поставила на пол.

— Для тебя это конечная остановка, детка. Побудь тут, хорошо? Дальше мы с тетей Джои пойдем одни.

— Погоди. — Джои открыла первую слева дверь. — Я тут приготовила кое-что для Тыковки.

В комнате перед большим телевизором стоял пухлый диван с узором из хризантем. У окна-фонаря играли в шахматы два здоровенных зомби, а на диване сидели выдры — они ели попкорн и смотрели мультики. Адезина с радостным визгом плюхнулась рядом с ними.

— Выдры разве едят попкорн? — поинтересовалась Мишель. Джои, удивив ее, весело ухмыльнулась:

— Мой дом, мои правила. Адезине они нравятся, вот и ладушки.

— Ну что, пошли?

— Пошли, — посерьезнела Джои.

— Веди — я не знаю, где здесь начало.

— Вон там. — Джои взяла Мишель за руку, удивив ее еще больше. Они свернули в предпоследний из коридоров. На тускло-серых стенах светильники с частично перегоревшими лампочками, на полу дорожка с зеленовато-коричневым волнистым узором. По три двери с каждой стороны, и одна в торце. Джои замедлила шаг, и Мишель приходилось тащить ее за руку.

— Я понимаю, тебе не хочется, но это единственный выход.

— Знаю, — ответила Джои, открывая первую справа дверь.

Хлынувшее в коридор солнце на миг ослепило Мишель. Она поморгала, и расплывчатые силуэты преобразились в людей.

Они с Джои стояли на вершине холма. Под ними высокая гибкая женщина в летнем платье смеялась над шуткой своего кривоногого спутника и пила что-то из высокого стакана. Рядом бегала девочка, маленькая худышка.

— Это мама, а это я, — шепотом пояснила Джои.

— Сколько тебе здесь? — Мишель не могла оторвать глаз от этой золотой, мирной картины.

— Одиннадцать...

— Что ж ты плачешь? Эта девочка счастлива.

— Последнее, блин, хорошее воспоминание в моей жизни.

Маленькая Джои, с косичками, в розовой майке и комбинезоне, запрокидывала голову и хохотала совсем как мать.

— На хрен. — Взрослая Джои захлопнула дверь, погасив солнечный день, и перебежала к другой. В комнате стояла кровать, на ней сидели мать с дочерью. Мать непричесанная, в грязном домашнем халате, Джои в голубой футболке и старых, но чистых джинсах.

— Я тебя никогда не оставлю, детка, — бормотала женщина, перебирая ее косички. — Не знаю, откуда у тебя такие мысли взялись.

— Но ты все время лежишь, мам. — Джои погладила ее по щеке. — И все забываешь, и не ешь ничего...

— Ты же знаешь, детка, у мамы плохая память. — Мать откинулась на подушки, и Мишель заметила раздутый живот, серую кожу, пожелтевшие белки глаз. — Всегда такая была. Дядя Эрл Джон поможет мне вспомнить, что нужно.

— Я не люблю дядю Эрла. Не знаю, зачем он тебе.

— Деточка... — Мать, сделав усилие, снова села. — Когда ты вырастешь, то поймешь, что одной прожить трудно. Дядя Эрл Джон о нас заботится, все для нас покупает.

— К черту его покупки!

Мать дала дочке пощечину.

— Не смей так выражаться! — Женщина говорила сердито, но глаза выдавали страх.

Взрослая Джои потерла щеку вслед за подростком. Мишель не знала, что и сказать, — ее собственные родители были далеко не подарок, но хотя бы руки не распускали.

— Боже мой, — расплакалась женщина, прижимая дочку к себе. — Прости меня, детка. Я так тебя люблю, так хочу, чтобы тебе хорошо было. Дядя Эрл Джон за тобой присмотрит. Он обещал.

— Тогда она ударила меня один-единственный раз, — со слезами проговорила Джои. — И ни мужьям своим, ни хахалям пальцем меня тронуть не позволяла. Ее они лупили почем зря, а меня нет. — Она снова вывела Мишель в коридор и захлопнула дверь.

— Куда теперь, в самый конец? — Мишель показала на дверь в торце, где мигали лампочки.

— Нет. — Джои отступила на шаг, вытирая мокрые щеки.

— Может, там и есть то, что мы ищем. — Мишель потащила Джои к дальней двери. Та упиралась, но Мишель уже вошла. Теперь они смотрели сверху на кладбище, где у небольшого склепа собралась кучка скорбящих.

Юная Джои в темно-синем платье заливалась слезами, кривоногий мужчина из первой комнаты гладил ее по спине. Мишель при виде этого покрылась мурашками и вдруг перенеслась в гостиную одноэтажного домика.

На карточных столиках стояли кастрюльки. Женщины наполняли тарелки и уговаривали Джои что-нибудь съесть, мужчины выпивали на кухне, Джои плакала, сидя на ветхом диване.

За окнами стало темно, но она так и сидела, подтянув к подбородку колени. Все уже разошлись, кто-то прибирался в гостиной.

— Детка... — Джои не обернулась, но Мишель посмотрела и увидела в дверях кривоногого с пятнами пота на рубашке, в распущенном галстуке. Дядю Эрла Джона. — Детка! — повторил он. От него разило спиртным. — Слышишь, нет?

— Не называй меня так, — произнесла девочка. — Только мама так меня называет.

— Загнулась мамка твоя, спилась-скололась. Сколько ж я бабок вбухал в нее — ну ничего, ты мне отработаешь. Будешь убираться, готовить. И спать со мной тоже будешь.

Он сдернул Джои с дивана. Мишель инстинктивно попыталась пустить пузырь, но у нее ничего не вышло. Ясно почему: это память Джои, где она лишь зритель. Куда, кстати, подевалась взрослая Джои?

— Пусти! — кричала девочка, и Мишель временами видела вместо ее лица лицо своей взрослой подруги. Она отбивалась, но где ей было сладить с дядюшкой Эрлом.

«Нет, — мысленно твердила Мишель. — Не хочу я этого видеть».

Теперь она перенеслась в спальню. Из ванной падала полоса света, разило бурбоном.

На потолке было бурое пятно от протекающей крыши. Джои хорошо помнила, как оно выглядит — по краям темнее, чем в центре. Он силой раздвинул ей ноги, она закричала. Он освободил одну руку и стал возиться со своими штанами. Пятно было похоже на штат Иллинойс.

Она не могла шелохнуться под его тяжестью — сейчас ее вырвет. Когда начались позывы, Эрл Джон спихнул ее на пол.

— Иди блевать в ванную.

Джои поползла туда. Плитка на полу была синяя — до сегодняшнего дня ей очень нравился этот цвет. Она подняла крышку унитаза, но рвать было нечем, она уже два дня ничего не ела.

Она вытерла струйку, бегущую по ноге. Рука стала липкая и пахла рекой.

Память сделала новый скачок. Эрл Джон прижимал ее лицом вниз к постели, и она вдыхала сохранившийся там запах матери. Мамины любимые духи пахли розой. Джои скулила, Эрл Джон кряхтел, но эти звуки доносились как будто издалека.

Потом он слез, ушел на кухню, зазвенел ледяными кубиками в стакане.

Вот так бы и умереть, пока в носу держится мамин запах. Уйти к ней и не чувствовать больше этой липкой гадости между ног.

— Лежи как лежишь, детка, — сказал Эрл Джон. — За ночь я все твои вишенки оборву.

Джои не понимала, о чем он. Мама бы ему не позволила. Она никому не позволяла обижать Джои.

Эрл Джон допил, поставил стакан на комод, и память опять совершила скачок.

Кто-то молотил в парадную дверь. Дерево затрещало. Эрл Джон вскочил и достал из тумбочки пистолет.

— Какого черта? — сказал он и вдруг пронзительно завопил. На пороге спальни стояла мама.

— Ты обидел мою детку, — сказала она голосом Джои. — Обещал заботиться о ней и не сдержал слова.

Эрл Джон дважды выстрелил маме в грудь, но она только улыбнулась на это.

— Больше ты ничего нам не сделаешь, Эрл Джон. — Джои произносила эти слова вместе с ней — беззвучно, одними губами. — Ничего нам не сделаешь, сволочь.

Мама сказала это и оторвала ему голову.

Джои сидела на кровати, обняв колени. У нее все болело.

— Прости, детка, — сказала мама, сев рядом с ней, по-прежнему ее голосом. — Нельзя мне было от тебя уходить.

— Ничего, мам. — Джои обняла маму, положила голову ей на плечо. — Теперь ты здесь, и все хорошо. — Куски Эрла

Джона валялись по всей комнате, простыни были в крови, сама она в синяках. — Что мне делать теперь? — спросила она, вся дрожа.

— Оденься, — посоветовала мама смеясь, — но сначала надо помыться. Прямо здесь, в моей ванной.

Джои слезла с кровати. Ноги не держали ее. Мама помогла ей встать под душ, пустила горячую воду. Джои мылилась ее мылом снова и снова, смывая все прочие запахи.

Потом мама помогла ей одеться и опять заплела косички. Собрала вещи Джои в чемодан, нашла все заначки Эрла Джона в шкафах и комодах.

— Куда мы теперь, мам? — спросила Джои.

— Куда захочешь, детка. Куда захочешь.

Теперь Мишель показывали только обрывки, но после той ночи в жизни Джои появилась одна постоянная величина: зомби. Подняв из могилы маму, она начала оживлять других мертвых. Они являлись на разных стадиях разложения, но Джои это не волновало. Чем больше у нее было мертвых, тем сильнее она становилась, и мама гордилась ею.

Потом мама, как все зомби, начала распадаться и ушла уже навсегда.

Джои вернула ее останки в склеп и сделалась Худу-Мамой. Она правила нищими и шпаной Нового Орлеана, с обидчиками женщин расправлялась быстро и круто, и никто больше пальцем не смел тронуть Джои.

Видя все это, Мишель поняла, что была не права. Как бы ни желала она стереть из памяти Джои ужас той ночи, делать это нельзя. То, что случилось тогда, стало неотъемлемой частью Джои. Придется искать другие пути, чтобы побороть страх и боль, — если Адезина просто удалит этот кусок, Худу-Мама перестанет существовать.

С мистером Джонсом и его вороватым тузом тоже придется разобраться как-то иначе.

Поняв это, она очутилась в холле с Джои и Адезиной.

— А ты что тут делаешь, негодница? Тебе велели сидеть с выдрами.

— Да, мам. — Джои сидела на полу, а девочка плакала, держась за нее передними лапками. — Но я была нужна тете Джои, а ты где-то застряла.

— Ты что-то видела? — нервно спросила Мишель.

— Нет, только зомби. Они тут повсюду.

Мишель уселась рядом с Джои.

— Ты как, в порядке?

— Сама не знаю. — Глаза у Джои распухли от слез. — Мать вернулась из могилы и расправилась с ним. Сказала, что теперь мне ничего не надо бояться. Черт, ненавижу реветь. И никогда больше не хочу вспоминать об этом. Худу-Мама все это похерила.

— То, что с тобой случилось, настоящий кошмар, — сказала Мишель, вытирая ей слезы. — Ты ведь была совсем маленькая и сделала это, чтобы спасти свою жизнь.

— Сам напросился, говнюк, — бросила Джои.

— Не то слово. Но теперь ты взрослая и тобой нельзя помыкать, даже если лишить тебя силы.

— Кем же мне быть, если не Худу-Мамой? Ты же видела. Как мне управиться с этими гадами без ее силы?

— Ты, блин, Джои Хеберт, а она и есть Худу-Мама, с гребаной силой перевертыша или без. Послезавтра мы скажем мистеру Джонсу, чтобы отвалил от нас обеих на хрен.

— Мама, не выражайся, — вставила Адезина.

Утро встречи с мистером Джонсом выдалось душное и тревожное. Джои терла пересохшие от недосыпа глаза. Ночью она слышала, как Мишель сошла вниз и вернулась в постель около четырех — видно, и ей не спалось.

В восемь в дверь постучали. Джои пошла открывать в сопровождении двух трехстворчатых зомби. На крыльце стояла блондинка в синем костюмчике, у дома — черный внедорожник с тонированными стеклами.

— Доброе утро, — вежливо сказала блондинка. — Я Клэрис Каммингс, пришла забрать дочь мисс Понд. Скажите ей, пожалуйста, что я здесь.

Так. Еще одна приспешница мистера Джонса.

— Это вы скажите мистеру Джонсу, чтоб шел известно куда. Не то я вас отправлю ему в разобранном виде.

— Все в порядке, Джои, — заверила подоспевшая Мишель. — Это я ее вызвала. Спасибо, мисс Каммингс, Адезина сейчас придет.

Блондинка улыбнулась, и Джои решила, что она вполне ничего.

— Рада помочь. Адезина моя любимая ученица.

— Мисс Каммингс! — Адезина протиснулась между Мишель и Джои. — Ты не говорила, мам, что мисс Каммингс придет!

— Хотела сделать тебе сюрприз, притом ты много уроков пропустила на этой неделе. Поезжайте, а после обеда я тебя заберу.

— У меня школьной сумки с собой нет...

— Не страшно, — сказала мисс Каммингс, — найдем все в компьютере.

Адезина запрыгала следом за ней.

— А поцеловать? — притворно огорчилась Мишель.

— Ой, прости, мам. — Девочка вспорхнула ей на руки и поцеловала в щеку, а мать ее — в лоб.

— Ну, пока.

— Уму непостижимо, — сказала Джои, слушая, как весело Адезина болтает с учительницей. — Я школу терпеть не могла.

— А она любит, и надо же было куда-то ее деть на сегодня. Перед приездом в Штаты я советовалась с Джулиет насчет ее образования. В обычную школу посылать не хотела, не самой же учить. Думала даже в Джокертауне поселиться, чтобы она там в школу ходила, но у них все чисто джокерское, нам бы понормальнее что-нибудь.

— Ага, понормальнее. Для джокера, который умеет залезать в мысли других перевернутых. Для дочки одного из самых мощных тузов на планете.

— Ну вот, а Джулиет нашла нам программу для перевернутых. Мониторинг развития, общие классы для двоек, тузов и джокеров, гибкое расписание. Адезина начала заниматься, как только мы вернулись из Африки.

Они вошли в дом, Джои поставила кофейник.

— И еще, — сказала Мишель, достав из буфета кофе. — Если со мной что случится, мисс Каммингс отведет Адезину к Джулиет.

— Что, к примеру? Что они с тобой могут сделать?

— Кто знает, — пожала плечами Мишель.

Обе они знали, что может случиться. Если у Мишель отнимут силу, ее смогут убить.

Мишель не бывала на Джексон-сквер с тех самых пор, как обезвредила взрыв Толстячка. В одном из уголков парка поставили мемориал в ее честь; простую доску всегда украшали цве-

ты и рукописные плакатики. Мистер Джонс, конечно, выбрал это место не просто так.

Приняв на себя ядерный взрыв, Мишель впала в кому и блуждала во тьме больше года, пока Адезина не нашла ее и не вытащила снова на свет.

Пустота на площади и вокруг ей очень не нравилась. Никого, кроме их с Джои. «Кафе дю Монд» и то пустовало. Даже бездомных, обычно занимавших пару скамеек, как вымело — об этом, несомненно позаботился мистер Джонс.

Его еще не было — Мишель и Джои пришли чуть раньше. Джои выставила дозорными мертвых насекомых и птиц; они заранее договорились устроить настоящее зомби-шоу. Во-первых, мистер Джонс должен видеть, что они готовы сотрудничать с ним; во-вторых, если у Джои снова отнимут силу, в распоряжении другого перевертыша останется меньше зомби.

— И как они, заразы, умудрились всех отсюда убрать? — Джои раскачивалась, держа руки в карманах джинсов.

— Понятия не имею. Связи, поди, где-то есть — во время карнавала это не так-то просто.

— Рано вы, однако, — сказал мистер Джонс.

Мишель так и подскочила. Он привел с собой Дороти и парня в худи. Мишель сформировала в руке тяжелый пузырь — если пустить такой в цель, полетят ошметки. Пусть себе отнимают силу, свой последний пузырь она пошлет куда надо.

— Здравствуйте, Мишель, — весело прочирикала Дороти. Сегодня она была в голубом платье с полосатым фартучком, а волосы завязала в хвостики.

— Ты связалась с плохой компанией. — Пузырь подпрыгивал у Мишель в руке. — Но платьице классное.

— Спасибо! — Дороти разгладила юбочку. — Мама всегда говорила, что я плохо кончу.

Странная группа — эта девочка, парень в надвинутом капюшоне и мужик типа «нет человека — нет проблемы». Дороти телепортируется — значит, воровство не ее специальность. Остаются мистер Джонс и мальчишка.

— Я хочу только немного поговорить. — Мистер Джонс, несмотря на усиливающуюся жару, выглядел вполне свеженьким, как и его костюм. Умудряются же некоторые. — Дороти вы уже знаете, а это Дэн, похититель силы мисс Хеберт.

— Гребаная тварь, — прокомментировала Джои.

— Не совсем корректный эпитет. Вы бы поняли почему, если б чувствовали, как от него пахнет.

— Эй! — сказал парень.

— К чему все это? — осведомилась Мишель. — Вы же видите мой пузырь. Может ваш мальчик забрать силу у нас обеих до того, как я метну свой снаряд?

Она предпочла бы не видеть, как улыбается мистер Джонс. Сражаться с ненормальными и даже со злодеями ей уже доводилось, но в мистере Джонсе не было и намека на человечность.

— Я полагал, что ясно выразился, мисс Понд. Если вы убьете меня — даже нас троих, — мою организацию это не остановит. Считайте, что я мальчик на побегушках: письмо доставить, мусор убрать. В общем масштабе я мало что значу.

От повторения его улыбка не стала лучше.

— Юного Дэна, например, я могу убить хоть сейчас. — Он достал из кармана «глок» и приставил к голове парня.

— Мать твою! — сказала Джои.

— Блин! — сказал парень.

Мишель метнула пузырь, но Дороти, коснувшись мистера Джонса и парня, переместила их футов на десять влево. Пузырь пробил дыру в чугунной ограде парка.

— Успокойтесь, мисс Понд. Я это к тому, что полезность даже самых полезных людей со временем сходит на нет. Сила Дэна, в отличие от вашей, стала непредсказуемой — надо это поправить.

— Господи, чувак, — пролепетал Дэн, — я сделаю все, что хочешь, не стреляй только.

— У мисс Хеберт с силой проблем нет, но нас не устраивает ее психологический профиль. Нам она нужна лишь для того, чтобы манипулировать вами.

Бросать в него пузыри бесполезно, Дороти его снова переместит.

Наверху послышался шорох: с неба спускались сотни крылатых зомби.

Мистер Джонс тоже заметил их.

— Какая досада. Дороти...

Девушка схватила Дэна за капюшон и телепортировала к Джои. Дэн сгреб Джои за руку, та закричала, птицы начали сталкиваться друг с другом.

Миг спустя Дэн тоже издал вопль. Лицо у него побагровело, вены на шее вздулись.

— Что же ты, Дэн. — Мистер Джонс снова приставил к нему пистолет. Полусгнивший голубь угодил мистеру Джонсу прямо в лицо, Дэн и Джои дружно ахнули. Птицы, перестроив ряды, снова начали пикировать на мистера Джонса с Дэном.

— Ты играл на моей боли, паскуда, — сказала Джои. — Нехорошо это.

Дэн, метнувшись к Мишель, схватил ее за голую руку. В ней точно ключ повернули. Мир пошатнулся, стал серым, и она отлетела назад. Внутри было пусто, будто что-то вырвали с корнем.

Пузыри летели вверх из рук Дэна, но не взрывались — просто плыли, как мыльные.

Сила вновь наполнила Мишель, как прилив: Дэн, по всей видимости, свои возможности уже исчерпал. Остались только Дороти с телепортацией и мистер Джонс с «глоком».

— Слушай, дочка, — молвила Джои, — тебя ведь Дороти звать? Вали-ка ты к ублюдкам, которые тебя сюда послали, и скажи, чтобы нас не трогали, иначе плохо им будет.

Птицы-зомби накрыли мистера Джонса и Дэна.

Дэн не сопротивлялся. Мишель на миг пожалела его, но вспомнила, как он лишил ее силы, и жалость уступила холодному гневу.

Мистер Джонс, выстрелив несколько раз по птицам, прицелился в Джои, но опоздал. Он выронил пистолет и заорал во все горло. Птицы сыпались на него градом.

— Я Худу-Мама, суки, — изрекла Джои. — И это моя епархия.

Дороти взвизгнула и пропала.

Стало темно. В небе кружили уже тысячи мертвых птиц, заслоняя солнце. Вороны, голуби, воробьи, водоплавающие — никогда еще Джои не оживляла столько мертвых созданий разом.

Мишель взирала на нее с трепетом. Куда девалась нервная, запуганная девчушка, которой она пыталась помочь? Глаза Джои налились чернотой, лицо — яростью. Казалось, что она растет на глазах, превращаясь в нечто стихийное.

Нет — в то, что сильнее стихии. Сильнее смерти. В Худу-Маму.

И да поможет Бог тем, кто свяжется с ней.

Мистер Джонс все кричал и кричал. Из-под груды птиц, терзающих его, лилась кровь.

— Боже! Господи, помоги!

— Не поможет он тебе, гад. И никто не поможет.

— Мама! — завопил он пронзительно. — Мамочка! — И умолк, даже дергаться перестал.

Дэн давно уже не подавал признаков жизни.

— Похоже, ты права, Пузырек, — лучезарно улыбнулась Джои. — Со мной все будет в порядке.

Она раскинула руки, и десять тысяч мертвых птиц снова поднялись в небо.

ДЖОРДЖ Р. Р. МАРТИН

Лауреат премий «Хьюго», «Небьюла», «Уорлд фэнтези», автор саги «Песнь льда и огня», известный как «американский Толкин».

Мартин родился в Байонне, штат Нью-Джерси. Впервые напечатавшись в 1971 году, он вскоре стал одним из самых популярных авторов в жанре научной фантастики. В «Аналоге» под редакцией Бена Бовы вышли такие его рассказы, как «Мистфаль приходит утром», «И берегись двуногого кровь пролить», «Второй род одиночества», «Шторм в Гавани Ветров» (этот рассказ, написанный совместно с Лизой Татл, был позднее преобразован авторами в роман «Гавань Ветров»). Мартин печатался также в журналах «Амейзинг», «Фантастик», «Гэлакси», «Орбит». Один из помещенных в «Аналоге» рассказов, «Песнь о Лии», принес ему первую награду «Хьюго» в 1974 году

К концу семидесятых Мартин достиг вершин мастерства в области научной фантастики. Самый знаменитый его рассказ «Короли-пустынники» в 1980 году получил и «Хьюго», и «Небьюлу» В 1985-м Мартин стал первым писателем, получившим «Хьюго» сразу за два произведения: «Портреты его детей» и «Путь креста и дракона». В тот же период вышли рассказы «Злоцветы», «Каменный город», «Starlady» и другие, вошедшие затем в сборник «Короли-пустынники». Уже не столь интенсивно сотрудничая с «Аналогом», он поместил в этом журнале (теперь уже под редакцией Стэнли Шмидта) серию космических рассказов о Хавиланде Тафе (позднее составивших сборник «Путешествия Тафа») и еще несколько выдающихся новелл, в частности «Летящие сквозь ночь». Большинство его работ в конце семидесятых — начале восьмидесятых выходило в журнале «Омни». В тот же период появилась книга «Умирающий свет», единственный научно-фантастический роман, написанный Мартином без соавторов, а также сборники «Песнь о Лии», «Песни звезд и мрака», «Песни мертвецов», «Летящие сквозь ночь», «Портреты его детей». В восьмидесятые годы Мартин отходит от научной фантастики и пробует себя в жанре ужасов. У него выходит роман «Грезы Февра», а рассказы «Человек-

© George R.R. Martin, 2013; © пер., примеч. Н. Виленской, 2015.

в-форме-груши» и «Шесть серебряных пуль» получают соответственно награды Брэма Стокера и «Уорлд фэнтези». Однако в конце декады кризис рынка ужасов и провал романа «Armageddon Rag» побуждают Мартина уйти из литературы на телевидение; следующие десять лет он успешно работает как сценарист и продюсер в сериалах «Сумеречная зона», «Красавица и чудовище».

Роман в жанре фэнтези «Игра престолов» (1996), первая книга серии «Песнь льда и огня», знаменует триумфальное возвращение Джорджа Мартина в литературу. «Кровь дракона», отдельная новелла из этой книги, приносит автору еще одного «Хьюго» в 1997 году. Следующие книги — «Битва королей», «Буря мечей», «Пир стервятников», «Танец с драконами» — сделали сагу Мартина самым популярным произведением современной фэнтези. Не менее популярен и телесериал «Игра престолов», который начал показывать канал Эйч-би-о несколько лет назад; благодаря ему Мартин стал известен за пределами своего жанра и даже удостоился пародийного шоу в передаче «Сэтердей найт лайв». Вслед за последней книгой серии «Танец с драконами» у Мартина вышли: «GRRM: A Rretrospective»; сборник из двух повестей «Starlady and Fast-Friend»; роман «Бегство охотника» в соавторстве с Гарднером Дозуа. С тем же соавтором Мартин издал несколько антологий: «Воины», «Песни умирающей Земли», «Songs of Love and Death», «Down These Strange Streets». В серии «Дикие карты» вышли новые сборники «Busted Flush» и «Inside Straight».

Ниже Джордж Мартин расскажет нам о двух крайне опасных женщинах, втянувших в войну Семь Королевств Вестероса.

ПРИНЦЕССА И КОРОЛЕВА, или ЧЕРНЫЕ И ЗЕЛЕНЫЕ

История ужаснейшего кровопролития, известного как Пляска Драконов, написанная архимейстером Гильдейном из Цитадели города Староместа и пересказанная Джорджем Р. Р. Мартином.

Поэтическое имя Пляски Драконов было присвоено кровавой борьбе за Железный Трон, разгоревшейся меж двумя ветвями дома Таргариенов со 129 по 131 год от завоевания Эйегона. Именовать темные деяния того времени «пляской» не пред-

ставляется нам приличным; дать такое имя страшной войне мог лишь какой-нибудь рифмоплет. Ее скорее бы подобало назвать Смертью Драконов, но традиция есть традиция; придется и нам сплясать, хотим мы того или нет.

На Железный Трон после смерти короля Визериса I Таргариена претендовали двое: дочь его Рейенира, единственное оставшееся в живых дитя от первого брака, и Эйегон, старший сын от второй жены. В хаосе, вызванном их соперничеством, на сцену начали выходить и другие короли-самозванцы, кто на пару лун, кто на пару недель.

Семь Королевств раскололись надвое: все лорды, рыцари и простолюдины принимали сторону либо принца, либо принцессы и брались за оружие; разделились и сами Таргариены в зависимости от близости своего родства с тем или другим претендентом. Два военных года дались и простым, и знатным тяжелой ценой. Королевская династия выжила, но власти у нее поубавилось, а драконов на свете почти вовсе не стало.

За всю свою долгую историю Семь Королевств еще не видели такой войны, как Пляска Драконов. Войска, конечно, сходились и на полях сражений, но многие битвы происходили на воде и в воздухе, где одни драконы дрались с другими. Битвы велись также в темных коридорах и в чертогах совета, а оружием в них служили ножи, клевета и яд.

Вражда, давно уже тлевшая подспудно, вспыхнула на третий день третьей луны 129 года ОЗ, когда больной король Визерис I мирно скончался во сне. Слуга, принесший ему подогретого вина в час нетопыря, как было заведено, тут же побежал к королеве Алисент, чьи покои помещались под комнатами супруга.

Он сообщил скорбную весть только ей одной, не подымая тревоги. Смерти короля ждали довольно долго, и зеленые, партия королевы *, давно уже вдолбили королевским слугам и стражникам, что следует в таком случае делать.

* В 111 году, на пятую годовщину свадьбы Визериса и королевы Алисент, в Королевской Гавани был устроен большой турнир. На пиру в честь его открытия королева появилась в зеленом платье, наследная же принцесса оделась в цвета Таргариенов, красный и черный; с тех пор сторонников той и другой стали называть «зелеными» и «черными». На самом турнире верх одержали черные: выступавший за принцессу сир Кристон Коль победил всех бойцов королевы, считая двух ее кузенов и младшего брата, сира Гвейна Хайтауэра.

Королева Алисент тут же отправилась в опочивальню короля вместе с сиром Кристоном Колем, лордом-командующим Королевской Гвардией. Убедившись, что Визерис вправду мертв, королева приказала опечатать спальню и поставить у дверей стражу, слугу же посадили под замок, чтобы он не болтал. Настал уже час совы; сир Кристон, вернувшись в башню Белый Меч, послал своих гвардейцев созвать малый королевский совет.

Тогда, как и теперь, Королевская Гвардия состояла из семи рыцарей великой доблести и нерушимой верности, посвятивших свою жизнь охране короля и его семьи. В час смерти Визериса в Королевской Гавани были только пять белых плащей: сам сир Кристон, сир Аррик Каргилл, сир Рикард Торне, сир Стеффон Дарклин и сир Вилис Фелл. Сир Эррик, брат-близнец сира Аррика, и сир Лорент Марбранд находились с принцессой Рейенирой на Драконьем Камне и о кончине короля знать не знали.

Тело короля еще не успело остыть, когда в покоях королевы собрались ее отец сир Отто Хайтауэр, королевский десница; сир Кристон Коль, лорд-командующий Королевской Гвардией; великий мейстер Орвил; восьмидесятилетний лорд Лиман Бисбери, мастер над монетой; сир Тайленд Ланнистер, брат лорда Бобрового Утеса и мастер над кораблями; Ларис Стронг Колченогий, лорд Харренхолла, мастер над шептунами; лорд Джаспер Уайлд Железный Прут, мастер над законом.

Великий мейстер Орвил начал с приготовлений к похоронам. «Молиться о душе короля будет септон Евстахий, — сказал он. — Мы пошлем ворона на Драконий Камень, дабы уведомить принцессу Рейениру о кончине отца. Быть может, ее величество королева соблаговолит лично начертать сию скорбную весть, выразив принцессе свои соболезнования? Надо распорядиться также о колокольном звоне и начать готовиться к коронации Рейениры...»

«Все это может подождать, — прервал его сир Отто Хайтауэр, — пока не будет улажен вопрос о престолонаследии. — Сир Отто, как десница, был уполномочен говорить от имени Визериса и даже сидеть на Железном Троне в его отсутствие. — Напоминаю вам, что я остаюсь правителем Семи Королевств впредь до коронации нового короля.

«Новой *королевы*», — вставил лорд Бисбери.

«Нет, короля, — возразила Алисент. — Железный Трон по всем законам должен перейти к старшему законному сыну его величества».

Споры затянулись до утра. Лорд Бисбери держал сторону Рейениры. Престарелый мастер над монетой, верно служивший и Визерису, и деду его королю Джейехерису, напомнил совету, что Рейенира старше своих братьев и таргариенской крови в ней больше, что сам покойный король объявил ее своей преемницей и остался тверд в этом вопреки настояниям королевы Алисент, что сотни лордов и рыцарей присягнули Рейенире как наследнице трона в 105 году.

Слова его, однако, пропали втуне. Многие лорды, присягнувшие Рейенире, уже мертвы, заметил сир Тайленд. «С тех пор миновало двадцать четыре года, — сказал он, — и сам я такой присяги не давал, ибо был тогда малым ребенком».

Лорд Уайлд, мастер над законом, сослался на Большой совет 101 года и на решение Джейехериса, Старого Короля, который в 92 году предпочел сына Бейелона старшей дочери Рейенис. После пространной речи об Эйегоне Завоевателе и его сестрах он перешел к андалам, всегда ставившим сына впереди дочери.

Далее сир Отто заметил, что Рейенира теперь замужем за принцем Деймоном, «натуру коего мы хорошо знаем. Если на Железный Трон взойдет Рейенира, можно не сомневаться, что править за нее будет муж, и мы получим в короли Мейегора Второго. Моя голова первой слетит с плеч, а за ней вскоре последует голова моей дочери, королевы».

«И детей моих тоже не пощадят, — подхватила Алисент. — У Эйегона и его братьев прав на трон куда больше, чем у выродков Рейениры. Деймон непременно найдет причину, чтобы предать смерти законных сыновей короля и Гелайену с ее малютками. Не забывайте, что один из этих Стронгов выколол Эймонду глаз. Он, правда, был тогда еще мал, но из ребенка вырастает мужчина; а бастарды злы по самой природе своей».

Сир Кристон Коль добавил, что в случае коронации Рейениры наследным принцем станет Джакайерис Веларион. «Да сохранят нас Семеро от бастарда на троне». Остановившись на распутстве Рейениры и нечестии ее мужа, сир Коль сказал еще: «При них Красный Замок обратится в бордель, и ничьи жены и дочери не смогут полагать себя в безопасности. Не поручусь и за мальчиков... все мы помним, каков был Лейенор».

Ларис Стронг, судя по записям, не сказал ничего, но удивляться этому не приходится. Мастер над шептунами при всей остроте своего языка был скуп на слова и предпочитал слушать других, нежели говорить самому.

«Такое наше решение наверняка приведет к войне, — предупредил великий мейстер. — Принцесса не смирится с этим, и у нее есть драконы».

«Есть и друзья, — присовокупил лорд Бисбери. — Люди чести, не забывшие присяги, данной ей и ее отцу. Я сам, хоть и стар, не стану сидеть здесь и слушать, как вы замышляете отнять у нее корону». С этими словами он встал, но сир Кристон силой вернул его на место и полоснул ему по горлу кинжалом.

Итак, первой на Пляске Драконов пролилась кровь Лимана Бисбери, лорда-казначея и мастера над монетой.

После этого никто уже не высказывал несогласия. Остаток ночи совет обсуждал коронацию Эйегона (все сошлись на том, что с ней следует поспешить), а также составлял списки возможных союзников и врагов, буде Рейенира не пожелает признать нового короля. Принцесса ожидала близких родов у себя на Драконьем Камне, и зеленым было выгодно, чтобы она как можно позже узнала о смерти отца. «Авось еще и помрет родами, шлюха», — заметила королева.

Вороны не взлетали с башни в ту ночь, колокола не звонили. Слуги, знавшие, что король умер, сидели в темнице. Сиру Кристону было поручено взять под стражу оставшихся при дворе черных, вероятных сторонников Рейениры. «К насилию прибегайте лишь в случае сопротивления, — наставлял десница. — Мы не причиним вреда никому, кто присягнет на верность королю Эйегону».

«А тем, кто не присягнет?» — спросил Орвил.

«Изменники умрут как изменники», — отвечал Железный Прут.

Ларис Стронг, мастер над шептунами, подал голос в первый и единственный раз: «Присягнем же первыми, дабы показать, что среди нас нет изменников. Пусть кровная клятва свяжет нас нерушимыми узами». С этими словами он провел по своей ладони кинжалом. Другие заговорщики сделали то же самое и соединили руки, признав себя кровными братьями; лишь королеву освободили от клятвы.

Когда рассвело, Алисент отправила королевских гвардейцев за сыновьями. Мягкосердечный Дейерон заплакал, узнав о смерти отца. Девятнадцатилетний кривой Эйемонд, надевавший в оружейной доспехи для утренних занятий, спросил сира Вилиса Фелла: «Что ж, будет Эйегон королем или нам придется целовать передок старой шлюхи?» Принцесса Гелайена завтракала с детьми и так ответила на вопрос об Эйегоне, брате своем и муже: «В моей постели его нет, убедитесь сами».

Эйегон, лежавший в постели своей любовницы, поначалу не согласился с матерью. «Трон наследует сестра, и лишь дурной брат стал бы оспаривать ее право». Заколебался он лишь после слов сира Кристона, что Рейенира непременно казнит его с братьями, взойдя на престол. «Пока жив хоть один законный Таргариен, Стронг не может сидеть на Железном Троне, — продолжал Коль. — Рейенире поневоле придется отрубить вам всем головы, чтобы ее ублюдки стали королями после нее». Только из этих соображений Эйегон согласился принять корону, предложенную ему малым советом.

Сир Тайленд Ланнистер, ставший мастером над монетой вместо убитого лорда Бисбери, сразу же поделил королевскую казну на четыре части. Одну четверть отдали на хранение в Железный банк Браавоса, вторую под сильной охраной отправили в Бобровый Утес, третью в Старомест. Последняя предназначалась для подкупа лордов и платы наемникам. Сир Отто, подыскивая нового мастера над кораблями вместо самого сира Тайленда, послал ворона на Железные острова к Далтону Грейджою, молодому лорду Пайка. Шестнадцатилетнему Красному Кракену предлагалось принять сторону Эйегона в обмен на адмиральство и место в малом совете.

Прошел день, за ним другой. К смертному одру медленно разлагавшегося короля Визериса не звали ни септонов, ни Молчаливых Сестер. Колокола не звонили. Вороны летели в Старомест, в Бобровый Утес, в Ривердан, в Хайгарден и в другие места, где королева Алисент ожидала найти сторонников, — куда угодно, только не на Драконий Камень.

Достали из-под спуда записи Большого совета 101 года, дабы посмотреть, какие лорды высказывались за Визериса, а какие за Рейенис, Лейену и Лейенора. Двадцать человек против одного предпочли отпрыска по мужской линии, но те, кто думал иначе, в случае войны скорее всего встали бы на сторону Рей-

ениры. Принцесса, как рассудил сир Отто, могла твердо рассчитывать на Морского Змея со всем его флотом и на других лордов восточного побережья, в число коих входили Бар-Эммон, Масси, Селтигар, Крэб и, возможно, Вечерняя Звезда с Тарта. Все они, исключая Веларионов, не обладали, впрочем, большими силами. Другое дело Север: Старки с их знаменосцами, Дастинами из Барроутона и Мандерли из Белой Гавани тоже в свое время высказались за Рейенис. На дом Арренов зеленые тоже не могли полагаться, ибо в Гнезде теперь правила леди Джейна, Дева Долины; если бы принцессе предпочли Эйегона, под вопросом оказались бы ее собственные права.

Наибольшая опасность исходила из Штормового Предела, ибо Баратеоны были давними сторонниками Рейенис и ее детей. Старый лорд Бормунд уже умер, но сын его Боррос был еще воинственнее отца, и все другие штормовые лорды наверняка бы последовали за ним. «Значит, нужно позаботиться о том, чтобы он привел их к нашему королю», — заявила Алисент и послала за вторым своим сыном.

В тот день к Штормовому Пределу полетел не ворон, а Вхагар, самый старый и крупный из вестеросских драконов. На нем сидел принц Эйемонд Таргариен с сапфиром в пустой глазнице. «Ты должен получить руку одной из четырех дочерей лорда Борроса, — наставлял его дед, сир Отто. — Если добьешься своего, штормовые земли будут нашими, но в случае неудачи...»

«Неудачи не будет, — заверил принц Эйемонд. — Я женюсь, и Штормовой Предел перейдет к Эйегону».

К этому часу запах из спальни покойного короля распространился по всей крепости Мейегора, и по замку ходили самые дикие слухи. В темницы Красного Замка поступило столько возможных изменников, что сам верховный септон из Староместа запрашивал кое о ком из пропавших. Сир Отто, десница весьма методический, просил о новой отсрочке, но королева Алисент понимала, что медлить больше нельзя, да и Эйегону надоела секретность. «Король я или нет? — вопрошал он. — Если да, то коронуйте меня».

На десятый день третьей луны 129 года колокола Королевской Гавани возвестили о конце очередного царствования. Великий мейстер Орвил получил наконец позволение, и целые тучи воронов полетели во все концы государства с вестью о восшествии на престол Эйегона. Молчаливые Сестры готовили

тело Визериса для сожжения, глашатаи на белых конях восклицали по всей столице: «Король Визерис умер, да здравствует король Эйегон!» Одни, слыша это, плакали, другие радовались, но больше безмолвствовали, и в толпе порой кричали «да здравствует королева».

В замке тем временем спешно готовились к коронации, для проведения коей выбрали Драконье Логово. Каменные скамьи под его куполом могли вместить восемьдесят тысяч человек, а толстые стены, крепкая кровля и прочные бронзовые двери помешали бы любой попытке прервать церемонию.

В назначенный день сир Кристон Коль возложил чугунную с рубинами корону Эйегона Завоевателя на чело старшего сына короля Визериса и королевы Алисент, провозгласив его Эйегоном Вторым из дома Таргариенов, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства. Любимая народом королева-мать увенчала собственной короной дочь свою Гелайену, жену и сестру Эйегона. Облобызав дочь в обе щеки, Алисент опустилась перед ней на колени, склонила голову и произнесла: «Моя королева».

Вместо верховного септона, коему преклонные лета не позволили приехать в Королевскую Гавань, Эйегона помазал на царство септон Евстахий, благословив короля именами семи богов. Наиболее зоркие очевидцы могли заметить, что короля на церемонии охраняли четверо белых плащей, а не пятеро, как делалось ранее. Прошлой ночью Эйегона постигла первая измена: сир Стеффон Дарклин, королевский гвардеец, бежал из города со своим оруженосцем, двумя стюардами и четырьмя стражниками. Сев в рыбачью лодку, ждавшую их у калитки замка, беглецы отплыли на Драконий Камень, увозя с собой золотой обруч с семью разными самоцветами: корону, которую носил король Визерис, а до него король Джейехерис. Когда новый король решил короноваться венцом своего тезки Эйегона, Алисент приказала надежно спрятать корону Визериса, но один из стюардов вместо этого ее умыкнул.

После коронации королевские гвардейцы сопроводили Эйегона к его дракону по имени Солнечный, великолепному созданию в золотой чешуе и с розовыми перепонками крыльев. Король, по словам Манкена, трижды облетел вокруг города и опустился наземь в стенах Красного Замка. Сир Аррик Каргилл проводил его величество в тронный зал, освещенный фа-

келами, где Эйегон взошел на Железный Трон в присутствии тысячи лордов и рыцарей.

В то время как приветственные клики оглашали тронный чертог, башня Морского Дракона на Драконьем Камне тоже полнилась криками: Рейенира Таргариен мучилась уже третий день. Роды ожидались лишь на следующей луне, но гнев, охвативший принцессу после вестей из Королевской Гавани, ускорил их. В муках она выкрикивала проклятия, призывала мщение богов на своих братьев по отцу и на королеву, их мать, описывала пытки, коим подвергнет их, прежде чем позволит им умереть. Проклинала она и дитя в своем чреве. «Выйди вон! — кричала она и раздирала ногтями живот, как ни сдерживали ее мейстер и повитуха. — Выйди вон, чудовище, выйди вон!»

Выйдя на свет, дитя и впрямь оказалось чудовищем. У мертворожденной девочки был чешуйчатый хвост, а на месте сердца зияла дыра. На другой день, когда маковое молоко немного притупило боль, принцесса дала девочке имя Висенья. «Они украли мою корону и убили мою единственную дочь, — сказала она. — Они за это ответят».

Затем Рейенира созвала свой собственный «черный» совет, в отличие от «зеленого» в Королевской Гавани, и война началась. Заседание возглавляла она сама вместе с принцем Дейемоном, дядей своим и мужем. Присутствовали также три ее сына, еще не достигшие совершеннолетия: Джаку было пятнадцать, Люсу четырнадцать, Джоффри двенадцать. Караул несли двое королевских гвардейцев: сир Эррик Каргилл, близнец сира Аррика, и сир Лорент Марбранд, родом с западных земель. Гарнизон Драконьего Камня составляли тридцать рыцарей, сто арбалетчиков, триста латников. Их вполне хватало для обороны крепости, но победы, как заметил принц Дейемон, с таким войском вряд ли можно было одерживать.

В «черный» совет входило около дюжины лордов, знаменосцев и вассалов Драконьего Камня: Селтигар с Коготь-острова, Стаунтон из Грачевника, Масси из Плясунов, Бар-Эммон с Острого Мыса, Дарклин из Синего Дола и прочие, но наиглавнейшим среди сторонников Рейениры был Корлис Веларион с Дрифтмарка. Морской Змей старел, но цеплялся за жизнь, как тонущий моряк за обломки своего корабля. «Видно, Семеро хранили меня для этой последней битвы», — говорил он. Жене его принцессе Рейенис минуло пятьдесят пять; лицо ее покрылось

морщинами, серебристые волосы поседели, но она оставалась столь же бесстрашной, как в свои двадцать два. В народе ее прозвали Несбывшейся Королевой.

Участники «черного» совета считали себя роялистами, но хорошо понимали, что Эйегон II сочтет их изменниками. Каждого из них уже призвали в Королевскую Гавань, чтобы присягнуть на верность новому королю, а все их войска, вместе взятые, не могли сравниться с ополчением одного лишь дома Хайтауэров. Старомест, Королевская Гавань и Ланниспорт, три самых больших и богатых города в государстве, также принадлежали зеленым. Эйегон пользовался всеми признаками законного короля: он жил в Красном Замке, сидел на Железном Троне, носил корону Завоевателя, владел его мечом и был помазан служителем Веры на глазах у десятков тысяч свидетелей. Великий мейстер заседал у него в совете, командующий Королевской Гвардией собственными руками возложил на него корону. Кроме того, он был мужчиной; одно это делало его в глазах многих полноправным правителем, а его единокровную сестру узурпаторшей.

Рейенира мало что могла противопоставить ему. Некоторые лорды постарше, возможно, еще помнили, как присягали ей в качестве наследницы отца-короля. Было время, когда и знать, и простолюдины превозносили ее как Жемчужину Королевства, а благородные юноши искали ее руки... но никто не мог предсказать, многие ли захотят сразиться за немолодую уже, шестикратно рожавшую женщину. Эйегон к тому же и отцовскую казну захватил; однако Рейенира располагала богатствами дома Веларионов, флот Морского Змея обеспечивал ей преимущество на море, а супруг ее принц Дейемон, закаленный в боях на Ступенях, имел больше военного опыта, чем все их враги, вместе взятые. Наконец, у Рейениры были драконы.

«У Эйегона они тоже есть», — заметил лорд Стаунтон.

«Меньше, чем у нас, — возразила ему Рейенис, летавшая на драконе дольше кого-либо из собравшихся. — Притом наши больше и сильнее Эйегоновых, не считая Вхагара; здесь, на Драконьем Камне, им живется лучше всего». Сказав это, принцесса перечислила всех драконов, имевшихся у врага. Король Эйегон владел Солнечным — великолепным, но молодым еще змеем. Эйемонд Одноглазый летал на Вхагаре, бывшем драконе королевы Висеньи, которого следовало опасаться более всех.

Огненная Мечта, дракон королевы Гелайены, принадлежала некогда Рейене, сестре короля Джейехериса. У принца Дейерона был Тессарион с темно-синими крыльями и туловищем как битая медь. «Всего четыре дракона, годных для боя», — подвела итог Рейенис. Драконы детей-близнецов Гелайены сами были еще детенышами, а тот, что принадлежал ее младшему, Мейелору, и вовсе сидел в яйце.

У Дейемона и Рейениры, с другой стороны, имелись две громадины, Караксес и Сиракс. Караксес, привыкший на Ступенях к огню и крови, был особенно грозен. Драконы трех сыновей Рейениры от Лейенора Веларионa — Вермакс, Арракс и Тираксес — были еще молоды, но подрастали как на дрожжах. Эйегон Младший, первенец Рейениры от принца Дейемона, владел молодым драконом Тучей, но пока не летал на нем, второй сын Визерис не расставался со своим драконьим яйцом. Дракон принцессы Рейенис, самка Мелейс, обленилась с годами, но в гневе была страшна. Дочери-близнецы Дейемона от первого брака с Лейеной Веларион тоже могли со временем сесть на драконов. Бледно-зеленый Лунный Танцор Бейелы почти уже дорос до седла; драконыш ее сестры Рейены умер вскоре после того, как вылупился, но из новой кладки Сиракс девочка получила другое яйцо. Рейена укладывала его спать с собой и молилась, чтобы детеныш на этот раз был здоров.

Кроме того, в дымных пещерах над замком гнездились еще шесть драконов. Трое были объезжены: бледно-серый Среброкрылый принадлежал когда-то королеве Алисанне, Морское Чудо — сиру Лейенору Веларионy, на старом Вермиторе никто не летал после смерти короля Джейехериса. Трое были дикарями, никогда не знавшими всадника: в народе их называли Бараний Вор, Серый Призрак и Людоед. «Найдите всадников для Среброкрылого, Вермитора, Морского Чуда, и у нас будет девять драконов против четырех Эйегоновых. Приручите их диких сородичей, и вот вам уже двенадцать, не считая даже и Тучи, — сказала принцесса Рейенис. — С ними мы выиграем войну».

Лорды Селтигар и Стаунтон согласились с этим: Эйегон Завоеватель и его сестры доказали, что против драконьего огня не устоит никакое войско. Селтигар уговаривал Рейениру тут же вылететь в Королевскую Гавань и поджечь город. «Какой нам от этого прок, милорд? — вопросил Морской Змей. — Мы хотим править этим городом, зачем же его сжигать?»

«Узурпатор в ответ неминуемо поднимет в воздух своих драконов, — настаивал Селтигар, — и наша девятка побьет их».

«Но какой ценой? — осведомилась Рейенира. — Не забудьте, что на трех из них полетят мои сыновья, да и нет у нас пока всей девятки. Я еще не скоро смогу летать, и кто же сядет на Среброкрылого, Вермитора, Морское Чудо — не вы ли, милорд? У нас будет пять драконов против четырех, а один из их четверки — это Вхагар».

Принц Дейемон поддержал жену, как ни странно. «Мои враги на Ступенях сразу бежали в укрытие, завидев в воздухе Караксеса или услыхав его рев, но будь у них свои драконы, все обстояло бы по-другому. Человеку не просто убить дракона, но другой дракон сделает это с легкостью. Любой знаток валирийской истории скажет вам то же самое. Лишь в самом крайнем случае я брошу наших драконов в бой с узурпаторскими; их можно использовать иначе и с большей пользой». Сказав это, принц изложил совету свой план: он рекомендовал незамедлительно короновать Рейениру, разослать всюду воронов и предложить лордам Семи Королевств присягнуть истинной королеве.

«Прежде чем браться за оружие, следует прибегнуть к словам», — сказал принц, убежденный в том, что победу способны обеспечить лишь великие дома государства, за коими пойдут их вассалы и знаменосцы. Эйегон-де уже заручился поддержкой Ланнистеров; лорд Тирелл из Хайгардена еще в пеленках лежит, и его мать, леди-регентша, скорее всего последует примеру своих могущественных знаменосцев Хайтауэров, но за прочие дома еще можно побороться.

«Штормовой Предел будет наш», — заявила Рейенис, Баратеон со стороны матери: покойный лорд Бормунд был ее преданным другом.

Дейемон имел веские причины надеяться, что и Дева Долины будет на их стороне. Эйегон, рассудил он, непременно обратится за поддержкой на Пайк, ведь сравняться на море с домом Веларионов могут только Железные Люди. Но полагаться на них, как известно, нельзя, и Далтона Грейджоя можно переманить к Рейенире.

Север слишком далек, счел совет: пока Старки соберут свои знамена и выступят на юг, война, глядишь, уже кончится. Остаются драчливые речные лорды, коими, по крайней мере номи-

нально, управляет дом Талли из Риверрана. «У нас есть друзья в речных землях, — сказал Дейемон, — но не все пока осмеливаются признать, за кого они. Надо найти замок, где они все могли бы собраться — достаточно большой, чтобы вместить немалую рать, и достаточно крепкий, чтобы устоять против сил узурпатора. Такое место есть: Харренхолл». И принц показал лордам карту.

Порешили на том, что Дейемон с Караксесом поведут войско на Харренхолл, а Рейенира останется на Драконьем Камне, пока не выздоровеет. Флот Велариона перекроет Глотку, дабы ни один корабль не мог войти в Черноводный залив или выйти из оного. «Сил для штурма Королевской Гавани у нас нет, — сказал принц, — а враги наши не могут надеяться на взятие Драконьего Камня. Но Эйегон еще зелен; его можно раздразнить и заманить на погибель». Принцессе Рейенис предписывалось охранять флот от угроз с воздуха, вороны же тем временем будут посланы в Ривердан, в Орлиное Гнездо, в Штормовой Предел и на Пайк.

Тут подал голос Джакайерис, старший сын королевы. «Туда полетим мы, — сказал он. — Драконов лорды послушаются скорее, чем воронов». Люцерис поддержал брата, сказав, что они с Джаком почти уже взрослые. «Дядя обзывает нас Стронгами и уверяет, что мы бастарды, но лорды, увидев нас верхом на драконах, поймут, что он лжет. Драконы подвластны только Таргариенам». Даже юный Джоффри выразил готовность лететь на Тираксесе вместе с братьями.

Его Рейенира не пустила, но Джакайерис и Люцерис были крепкие юноши, хорошо владели оружием и давно уже служили оруженосцами. «Вы полетите как гонцы, не как рыцари, — сказала мать сыновьям и заставила их поклясться в том на Семиконечной Звезде. — Драться я вам запрещаю». Решили, что Джакайерис, как старший, предпримет более долгое и опасное путешествие: сначала в Гнездо к леди Долины, затем в Белую Гавань к лорду Мандерли и, наконец, в Винтерфелл к лорду Старку. Люцерису же поручили лететь в Штормовой Предел, где лорд Боррос, как все полагали, окажет ему радушный прием.

На другой же день Рейениру короновали. Сира Стеффона Дарклина, дезертировавшего из Королевской Гвардии Эйегона, на Драконьем Камне встретили как героя, особенно когда

узнали, что он привез с собой корону Эйегона Завоевателя. (Сир Отто объявил его и других беглецов изменниками и назначил награду за их головы.) На глазах у трехсот свидетелей принц Деймон возложил ее на чело жены, объявив ее Рейенирой Первой из дома Таргариенов, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей. Себя Деймон наименовал Хранителем Государства, Рейенира же назначила старшего сына своего Джакайериса принцем Драконьего Камня и наследником Железного Трона.

Первый ее королевский указ объявлял сира Отто Хайтауэра и королеву Алисент мятежниками и государственными изменниками. «Оные дурные советчики сбили с пути братьев моих по отцу и милую сестру Гелайену. Если самозваный король вместе с супругой и принцами явится на Драконий Камень, склонит колено и попросит меня о прощении, я охотно сохраню им всем жизнь и открою им мое сердце, ибо всякий братоубийца проклят».

Весть о коронации Рейениры, дошедшая назавтра до Красного Замка, вызвала великое неудовольствие Эйегона II. «Сестра моя по отцу и мой дядя повинны в измене, — объявил он. — Я желаю, чтобы их лишили всех прав и титулов, взяли под стражу и предали смерти».

Более трезвые головы в «зеленом» совете советовали прибегнуть к переговорам. «Надо убедить принцессу, что дело ее безнадежно, — говорил великий мейстер. — Братья не должны воевать с сестрами; пошлите меня к ней, и я добьюсь соглашения».

Эйегон, однако, и слышать о том не желал. По словам септона Евстахия, король обвинял Орвила в неверности и грозил бросить его в темницу «к твоим черным дружкам». Лишь когда обе королевы, Алисент и Гелайена, поддержали великого мейстера, Эйегон уступил и послал Орвила на Драконий Камень под мирным знаменем. Вместе с послом ехали сир Аррик Каргилл из Королевской Гвардии, сир Гвейн Хайтауэр из городской стражи и десяток писцов и септонов.

Король предлагал великодушные условия мира. Если принцесса признает его королем и присягнет ему перед Железным Троном, Драконий Камень станет ее владением и после ее смерти отойдет к Джакайерису. Второй ее сын, Люцерис, станет законным наследником Дрифтмарка и всего имущества дома Ве-

ларионов. Детей ее от принца Деймона Эйегон возьмет ко двору: Эйегона Младшего как своего оруженосца, Визериса как пажа. Лордам и рыцарям, злоумышлявшим с ней против своего короля, будет даровано прощение.

Выслушав все это молча, Рейенира спросила, помнит ли Орвил отца ее, короля Визериса. «Разумеется, ваше высочество», — отвечал на это великий мейстер. «Возможно, вы помните также, кого он назначил своей преемницей и наследницей». — «Да, ваше высочество. Вас». — «Вот вы и признали меня законной своей королевой; отчего же вы тогда служите моему единокровному брату? Ступайте и скажите ему: либо я займу принадлежащий мне трон, либо сниму с него голову».

Двадцатидвухлетний Эйегон был скор на гнев и не склонен к прощению. «Я предложил этой шлюхе почетный мир, а она плюнула мне в лицо! — воскликнул он. — Да падут последствия отказа на ее голову».

С этого мгновения началась настоящая Пляска Драконов. Флот Морского Змея, отплыв из Корабела и Пряного на Дрифтмарке, перекрыл Глотку; Джакайерис Веларион вылетел на север, брат его Люцерис на юг, принц Деймон на Трезубец.

Харренхолл при Эйегоне Завоевателе уже доказал свою уязвимость с воздуха. Когда Караксес сел на башню Королевский Костер, пожилой кастелян замка сир Саймон Стронг тут же сдался; вместе с замком Деймон получил значительное состояние дома Стронгов и дюжину ценных заложников, в том числе и сира Саймона с внуками.

Принц Джакайерис между тем посетил леди Аррен в Долине, лорда Мандерли в Белой Гавани, лордов Боррела и Сандерленда в Систертоне, Кригана Старка в Винтерфелле. Принц был столь обаятелен, а дракон его наводил такой страх, что все эти дома приняли сторону его матери.

Будь «близкий и безопасный» полет его младшего брата столь же удачен, страна могла бы избежать большого кровопролития.

Все наши источники сходятся на том, что несчастье с Люцерисом произошло ненамеренно. Первые битвы Пляски Драконов велись с помощью воронов, перьев, пергамента, угроз, посулов, указов и уговоров. Убийство лорда Бисбери на «зеленом» совете не получило еще широкой огласки, и многие полагали, что его милость брошен в темницу по примеру других. Кое-ко-

го больше не видели при дворе, но головы их пока еще не насадили на пики; люди еще надеялись, что вопрос о престолонаследии будет улажен миром.

Неведомый, однако, судил иначе — ибо кто же, как не бог смерти, свел в Штормовом Пределе двух юных принцев? Люцерис Веларион, опередив на Арраксе надвигающийся шторм, нашел в замке Эйемонда Таргариена.

Могучий Вхагар, дракон Эйемонда, первым почуял чужака. Часовые на стенах замка в ужасе стиснули копья, когда тот взревел и вся постройка Дюррана содрогнулась до основания. Аррaкс и тот испугался; лишь бич Люса заставил его сесть на замковый двор.

В тот самый миг на востоке сверкнула молния и полил дождь. Люс соскочил с дракона, сжимая в руке послание матери. Увидев Вхагара, он обо всем догадался, и встреча с Эйемондом в Круглом Чертоге не удивила его. Там же присутствовали лорд Боррос с четырьмя дочерьми, септон, мейстер и около двадцати рыцарей, стражников и слуг.

«Поглядите-ка, милорд, — вскричал Эйемонд, — к нам пожаловал маленький ублюдок Люс Стронг! Ты промок, бастард, или обмочился со страху?»

«Лорд Боррос, — сказал Люцерис, не удостоив вниманием родича, — я принес вам весть от матушки моей, королевы».

«От шлюхи с Драконьего Камня, хотел ты сказать». Эйемонд попытался выхватить у Люса письмо, но рыцари по приказу лорда Борроса растащили принцев и вручили послание его милости, сидевшему на троне давних Штормовых Королей.

Никто не знает, что чувствовал в то мгновение Боррос Баратеон: рассказы свидетелей заметно расходятся. Одни говорят, что лорд так растерялся и покраснел, словно жена застала его в постели с другой женщиной; другие утверждают, что он возгордился, ибо его поддержки искали оба августейших соперника.

Слова лорда Борроса все, однако, передают сходно. Не будучи грамотеем, он передал письмо мейстеру. Тот взломал печать и шепотом передал лорду его содержание. Боррос нахмурился, огладил бороду и спросил Люса: «На которой из моих дочек ты женишься, мальчик, коли я исполню то, о чем просит меня твоя мать? Вот они, выбирай».

«Не могу, милорд, — вспыхнул Люцерис. — Я уже помолвлен с кузиной моей Рейеной».

«Так я и думал. Отправляйся домой, щенок, и скажи своей суке-матери, что лорд Штормового Предела не ее пес, которого можно натравить на врагов».

Принц Люцерис хотел уже выйти, но Эйемонд сказал, обнажив меч: «Постой, Стронг».

«Я не стану драться с тобой, — отвечал Люс, помня клятву, данную матери. — Я прибыл сюда как посол, не как рыцарь».

«Ты прибыл как трус и изменник и за это умрешь».

«Не здесь, — в тревоге молвил лорд Боррос. — Он и правда посол; я не желаю, чтобы в моих стенах пролилась кровь». Стража его вывела принца во двор, где под проливным дождем ждал Арракс.

Эйемонд, стиснув зубы, попросил у лорда Борроса позволения выйти. «Делай что хочешь, только не под моим кровом», — ответил тот. Рыцари расступились, и Эйемонд ринулся вон.

Снаружи бушевал шторм. Гром гремел, молнии освещали всю округу яркими всполохами, дождь налетал полотнищами. В тихую погоду молодой быстрый Арракс еще мог бы уйти от погони, но в бурю матерый Вхагар быстро его настиг. Зрители на стенах замка видели вспышки пламени, слышали вопль, пронзивший раскаты грома. Вхагар, впятеро больше противника, побывал уже в сотне битв; если молодой дракон и сопротивлялся ему, то недолго.

Арракс рухнул с высоты в залив Губительные Валы. Три дня спустя к скалам у Штормового Предела прибило его голову с шеей, на радость чайкам и крабам, а вскоре волны вынесли на берег и тело принца.

Смерть Люциуса, положив конец переговорам и брачным союзам, начала войну крови и пламени.

Рейенира, узнав о гибели сына, лишилась чувств, а Джоффри, младший брат Люса (Джак еще не вернулся с севера), дал страшную клятву отомстить Эйемонду и лорду Борросу. Лишь Морской Змей и принцесса Рейенис помешали ему немедленно сесть на дракона. Пока «черный» совет обсуждал ответный удар, из Харренхолла прилетел ворон. «Око за око, сына за сына, — писал принц Дейемон. — Люцерис будет отмщен».

В молодости Дейемона знали в лицо все карманники, игроки и шлюхи на Блошином Конце столицы. У него до сих пор сохранились друзья-приятели и там, и среди городской стражи, которую он некогда возглавлял, и при дворе, и в самом «зеле-

ном» совете, о чем не ведали ни король, ни его десница, ни королева-мать. Одной подруге, знавшей винные погреба и крысиные ямы вокруг Красного Замка не хуже его самого, Дейемон доверял особо; связавшись с ней тайными путями, он и осуществил свою месть.

Посредница Дейемона отыскала в харчевнях Блошиного Конца двух подходящих молодчиков. Один, бывший сержант городской стражи, лишился золотого плаща за то, что спьяну забил насмерть продажную девку. Другой ловил крыс в Красном Замке. Имен их история не сохранила, и помнят их только по прозвищам: Нож и Сыр.

Крысолов, назубок знавший потайные ходы Мейегора Жестокого, провел Ножа в самое сердце замка. Кое-кто полагает, что охотились они на самого короля, но Эйегона всюду сопровождали рыцари Королевской Гвардии, а единственным входом в крепость Мейегора служил подъемный мост, перекинутый через сухой ров с железными пиками; даже Сыр не знал другого пути.

В башню десницы проникнуть было куда как легче. Миновав покои сира Отто, который им не был нужен, двое убийц пробрались в комнаты его дочери; королева Алисент переселилась туда, когда крепость Мейегора заняли Эйегон с Гелайеной. Сыр связал королеву и засунул кляп ей в рот, а Нож тем временем задушил ее горничную. Сделав это, они стали ждать Гелайену, зная, что она каждый вечер приводит своих детей к бабушке, прежде чем уложить их спать.

Королева, ни о чем не подозревая, явилась в урочный час с шестилетними близнецами Джейехерисом и Джейегерой и с младшим, двухлетним Мейелором. Как только они вошли, Нож зарезал сопровождавшего их стражника и запер дверь изнутри, а Сыр схватил Мейелора. «Пикни только, и всем вам конец», — сказал он королеве. Гелайена, как говорят, сохранила спокойствие и спросила: «Кто вы такие?» — «Должок пришли получить, — отвечал Сыр. — Око за око, сына за сына. Нам только один нужен, заметь себе, с других и волос не упадет. Кого выбираешь, ваше величество?»

Поняв, чего он хочет, королева стала молить, чтобы они убили ее и пощадили детей. «То жена, а то сын, — сказал на это Нож. — Выбирай одного из мальчишек». Сыр же посоветовал поспешить, пока Нож, устав ждать, не надругался над девочкой.

«Выбирай, не то всех убьем». В конце концов Гелайена, рыдая, назвала Мейелора — то ли думая, что он еще мал и ничего не поймет, то ли потому, что Джейехерис был первенцем и наследником Железного Трона. «Слыхал, малец? Матушка хочет, чтобы убили тебя». Сказав это, Сыр подмигнул Ножу, и тот одним ударом раздробил череп старшему, Джейехерису.

Крысолов и убийца, как ни странно, сдержали слово. Не причинив больше никакого вреда ни королеве, ни другим детям, они бежали, прихватив с собой голову убитого принца.

Тот роковой вечер подкосил и Гелайену. Она отказывалась от пищи, не мылась, не выходила из своих комнат и не могла видеть Мейелора, которого обрекла на смерть; о мальчике теперь заботилась бабушка Алисент. Король и королева отныне спали отдельно. Гелайена погружалась во мрак безумия, Эйегон пил запоем и бушевал.

Весть о падении Харренхолла поразила его как громом: ранее он думал, что дело его единокровной сестры заведомо обречено на провал. Потерпев же новое поражение при Горелой Мельнице и потеряв Стонхедж, Эйегон стал понимать, что ему грозит нешуточная опасность проиграть всю войну. Вороны с Простора, который зеленые полагали своим оплотом, приносили тревожные вести. Хайтауэры, Старомест и Бор по-прежнему стояли за Эйегона, но другие южные лорды — Костейн из Трех Башен, Маллендор из Вышеземья, Тарли из Рогова Холма, Рован из Золотой Рощи, Грим с Серого Щита — дружно перешли к Рейенире.

Долина, Белая Гавань, Винтерфелл обрушивали на него удар за ударом. Блэквуды и другие речные лорды собирались в Харренхолле под знаменем Дейемона. Морской Змей запечатал Черноводный залив, и купцы каждое утро приходили к королю с жалобами. «Сделай же что-нибудь», — взывал Эйегон к сиру Отто, осушив очередную чашу вина. Десница заверял его, что вскоре прорвет блокаду Вейриона и что Дейемон, главная опора Рейениры, весьма ненадежен, ибо врагов у него куда больше, чем друзей. Сир Отто, как первейший враг принца, пытался снестись через Узкое море с другим его недругом, Триархией, и натравить ее на Морского Змея.

Молодой король, однако, терял терпение и не внимал увещаниям матери, сторонницы сира Отто. Сорвав с шеи деда цепь десницы, он швырнул ее сиру Кристону Колю со словами: «Мой

новый десница — стальной кулак. Персты же, выводящие на пергаменте буквы, мне надоели». Сир Кристон не замедлил оправдать ожидания короля. «Не пристало вам молить своих лордов о поддержке, будто о подаянии, — заявил он. — Вы наш законный король; всякий, кто отрицает это, — изменник, а изменников следует карать».

Ларис Стронг Колченогий, Эйегонов мастер над шептунами, уже приготовил список всех лордов, присутствовавших на коронации Рейениры и заседавших в ее «черном» совете. До островных лордов Селтигара и Веларионa Эйегон, недостаточно сильный на море, добраться не мог, но материковые были в пределах его досягаемости.

Синий Дол, не ожидавший нападения, мгновенно пал. Город подвергся разграблению, корабли в его гавани были сожжены, лорда Дарклина обезглавили. Лорд Стаунтон, извещенный об этом, закрыл ворота Грачевника; со стены замка он видел, как жгут его поля, леса и деревни, как предают мечу поселян и скот. Съестные припасы в Грачевнике подходили к концу, и лорд послал на Драконий Камень ворона с мольбой о помощи.

Девять дней спустя над морем послышался шум кожистых крыльев, и над замком показалась Мелейс, Красная Королева, прозванная так за алую чешую. Перепонки крыльев у нее были розовые, а гребень, когти и рога цвета меди. На спине у нее в сверкающих доспехах из стали и меди восседала Несбывшаяся Королева Рейенис Таргариен.

Сир Кристон Коль ожидал этого и не дрогнул. В воздух под барабанную дробь полетели стрелы из длинных луков, арбалетов и скорпионов — именно из скорпиона в Дорне когда-то сбили Мираксеса. Мелейс получила множество мелких ран, но они лишь разъярили ее. Она ринулась вниз, изрыгая пламя; рыцари в седлах вспыхивали как щепки, латники бежали, бросая копья. Некоторые закрывались щитами, но от драконьего дыхания не спасали ни дуб, ни железо. «Целься во всадницу», — прокричал сквозь дым сир Кристон на белом коне.

В этот миг двойное эхо ответило реву Мелейс: в небо поднялись король Эйегон на Солнечном и брат его Эйемонд на Вхагаре. Западня, подготовленная Колем, захлопнулась, и Рейенис попалась в нее.

Не пытаясь спастись бегством, она щелкнула бичом и послала Мелейс навстречу врагу. Одного Вхагара старая и опытная

красная воительница могла бы еще одолеть, но два дракона сулили ей верную гибель. Воздушные скакуны схватились в тысяче футов над полем битвы, и огненные клубы наполнили небо десятками солнц. Красные челюсти Мелейс сомкнулись на золотой шее Солнечного, сверху на них рухнул Вхагар; все трое начали падать и грохнулись оземь так, что со стен Грачевника в полулиге от них посыпались камни.

Все, кто оказался рядом с драконами, погибли на месте, а остальные мало что разглядели за дымом и пламенем. Огонь погас лишь пару часов спустя, и один лишь Вхагар невредимым восстал из пепла. Мелейс растерзали на части, Солнечному наполовину оторвали крыло, августейший его наездник переломал себе ребра, одно бедро и получил нешуточные ожоги. Больше всего пострадала левая рука Эйегона, где доспехи вплавились в плоть.

Тело, найденное рядом с тушей Мелейс, так обуглилось, что Рейенис с уверенностью никто не мог опознать. Любимая дочь леди Джослин Баратеон и принца Эйемона Таргариена, верная жена Корлиса Вельяриона, мать и бабушка, Несбывшаяся Королева погибла столь же отважно, как и жила. Ей было пятьдесят пять лет от роду.

В тот день полегли восемьсот рыцарей, оруженосцев и простых латников. Вскоре к ним прибавились еще сто: принц Эйемонд с сиром Кристоном взяли Грачевник и предали смерти весь его гарнизон. Голову лорда Стаунтона отвезли в Королевскую Гавань и водрузили над Старыми воротами, но еще более устрашила народ голова Мелейс, провезенная по городу на телеге. Жители покидали столицу толпами, пока королева Алисент не приказала запереть все городские ворота.

Король Эйегон не умер, но так страдал от ожогов, что порой молил богов ниспослать ему смерть. Его доставили домой в закрытых носилках, и он не поднимался с постели до конца года. Септоны молились за него, мейстеры потчевали зельями и маковым молоком. Девять часов из десяти король спал; очнувшись, он принимал скудную пищу и засыпал снова. Беспокоить его позволялось только матери и деснице; Гелайена, снедаемая горем и безумием, даже не приближалась к ложу болящего.

Солнечный с раненым крылом, слишком тяжелый для перевозки, ползал в пепле у Грачевника, как огромный золотой червь. Сначала он кормился обгорелыми телами убитых, потом люди,

оставленные сиром Кристоном для охраны, стали пригонять ему овец и телят.

«Править страной придется вам, пока ваш брат не поправится», — сказал принцу Эйемонду десница. Дважды повторять не пришлось: одноглазый убийца своего родича мигом нахлобучил на себя корону Эйегона Завоевателя. «Мне она больше идет, чем ему», — говорил он, но королем себя объявить не пытался, называясь лишь Хранителем Государства и принцем-регентом. Десницей по-прежнему оставался сир Кристон Коль.

Между тем проросли семена, посеянные Джакайерисом Веларионом на севере: люди королевы стекались в Белую Гавань, Винтерфелл, Барроутон, Систертон, Чаячий город и Ворота Луны. Если они объединятся с собравшимися у Харренхолла речными лордами, даже крепкие стены Королевской Гавани их не сдержат, предупреждал Эйемонда сир Кристон.

Принц-регент, крепко уверенный в собственной воинской доблести и мощи Вхагара, рвался сразиться с врагом. «Шлюха на Драконьем Камне нам не страшна, — говорил он, — как и весь сброд, что машет ее знаменами на Просторе. Мой дядюшка, вот кто действительно опасен. Как только Деймона не станет, все это дурачье разбежится по своим замкам и больше не будет нам докучать».

Рейенира тоже никак не могла поправиться. Смерть Люцериса сильно подорвала ее здоровье, и без того хрупкое после тяжелых и неудачных родов. Не способствовала выздоровлению и ссора с лордом Веларионом, обвинившим королеву в гибели Рейенис. «Стаунтон за тобой посылал, — кричал Морской Змей, — а ты отправила в Грачевник мою жену и сыновей своих туда не пустила!» Все в замке знали, что принцы Джак и Джофф были более чем готовы лететь на материк вместе с Рейенис.

Джак понемногу начинал распоряжаться всем вместо матери. Он назначил впавшего было в немилость Корлиса Веларион десницей, и они вдвоем стали обдумывать план взятия Королевской Гавани.

Памятуя обещание, данное Деве Долины, Джакайерис отправил Джоффри на Тираксесе в Чаячий город. Манкен предполагает, что старший брат попросту хотел уберечь младшего от войны; Джоффри это пришлось не по нраву, и ему с трудом

втолковали, что он должен будет оборонять Долину от драконов короля Эйегона. Вместе с ним послали Рейену, тринадцатилетнюю дочь принца Дейемона от Лейены Веларион. Рейена Пентошийская, как называли ее по месту рождения, летать верхом не умела, ибо ее новорожденный дракон вскоре умер, но взяла с собой в Долину три драконьих яйца и еженощно молилась, чтобы они проклюнулись. Позаботился Джак и о единоутробных братьях, девятилетнем Эйегоне Младшем и семилетнем Визерисе. В вольном городе Пентосе у их отца Дейемона было много друзей; Джакайерис написал тамошнему принцу, и тот согласился принять к себе мальчиков, пока Рейенира не утвердится на троне. В самом конце 129 года маленькие принцы сели на когг «Веселый путник» — Эйегон Младший с Тучей, Визерис с драконьим яйцом. Их сопровождали семь боевых кораблей Корлиса Веларионa.

Когда Солнечного ранили, а Тессарион с принцем Дейероном улетели в Старомест, в Королевской Гавани остались только два взрослых дракона. Хозяйка Огненной Мечты Гелайена предавалась горю и не покидала своих покоев, посему считаться приходилось с одним Вхагаром. Никто из живых драконов не мог сравняться с ним по величине и силе, но Джак рассудил, что если Вермакс, Сиракс и Караксес полетят в Королевскую Гавань вместе, то даже «старый дьявол» с ними не сладит. Принц, однако, еще колебался и прикидывал, кем бы подкрепить свою головную тройку.

Дом Таргариенов правил Драконьим Камнем с тех самых пор, как лорд Эйенар высадился там со своими драконами, то есть более двухсот лет. У них, как у всех знатных валирийцев, были приняты браки между близкими родичами, но молодые Таргариены порой искали утех с дочерьми (а то и с женами) своих подданных, землепашцев и рыбаков. Не забудем также, что право первой ночи в Семи Королевствах отменили только при короле Джейехерисе.

В других местах молодые мужья порой восставали против этого права, но на Драконьем Камне ценили оказанную им честь. Таргариенов там почитали, как полубогов; молодым женам, удостоившимся их ласки, завидовали, и каждая мечтала родить дитя от такого соития, ибо лорды жаловали матерей золотом, шелками и землями. Детей этих называли «драконьим семенем»; Таргариены и после отмены господского права не перестали рез-

виться с простолюдинками, отчего семени их на острове было полным-полно.

К этим внебрачным потомкам Таргариенов и обратился принц Джакайерис, предлагая землю и рыцарство всякому, кто укротит дракона. Сыновья такого человека также будут причислены к благородному сословию, дочерей выдадут замуж в благородные дома, а сам он удостоится чести сражаться вместе с принцем Драконьего Камня против самозванца Эйегона II и своры его приспешников.

Не все из тех, кто откликнулся на призыв, были драконьим семенем. В наездники вызывались домашние рыцари королевы, в том числе сир Стеффон Дарклин, лорд-командующий ее Королевской Гвардией, а также оруженосцы, рыбаки, поварята, латники, скоморохи и две служанки.

Драконы, однако, не терпят на себе всадников и быстро дают им это понять. Шестнадцать человек погибли, пытаясь объездить их, втрое больше получили ожоги или увечья. Стеффон Дарклин сгорел заживо, укрощая Морское Чудо, лорда Гормена Масси с Вермитором постигла такая же участь. Серебряному Денису, объявлявшему себя сыном Мейегора Жестокого, оторвал руку Бараний Вор; пока сыновья Дениса пытались остановить кровь, прилетел Людоед, отогнал Вора и пожрал отца с сыновьями вместе.

Некоторое время спустя Морское Чудо, Среброкрылый и Вермитор, уже объезженные, все-таки покорились. Вермитор, дракон Старого Короля, склонил выю перед здоровенным кузнецом Хью Молотом, а Среброкрылый, носивший некогда королеву Алисанну, допустил к себе латника, которого звали Ульфом Белым за цвет волос и Ульфом Бражником за беспробудное пьянство.

Морское же Чудо, на коем прежде летал Лейенор Веларион, укротил пятнадцатилетний Аддам из Корабела, о происхождении которого историки спорят и по сей день. Когда он поднялся в воздух на Морском Чуде, лорд Корлис попросил Рейениру снять с юноши и его брата клеймо бастардов. О том же просил и принц Джакайерис; королева уступила, и Аддам из Корабела, бастард драконьего семени, стал Аддамом Веларионом, наследником Дрифтмарка.

Три диких дракона упорно противились дрессировке, но укротители не прекращали попыток. Бурый, безобразный

с виду Бараний Вор вылупился, когда Старый Король был еще молод, и получил свою кличку за постоянные кражи овец от Дрифтмарка до Путеводной. Пастухов, если те не слишком старались ему помешать, он не трогал, но овчарку съесть мог. Серый Призрак, живший в дымной пещере на восточном склоне Драконьей горы, предпочитал рыбу и промышлял ее, летая над Узким морем. Бледно-серый под цвет утреннего тумана, он был робок и чурался людей.

Самым большим и старым из дикарей был Людоед. При случае он поедал также драконов, мертвых и новорожденных, а кости злосчастных объездчиков наполняли все его логово.

К нему смельчаки драконьего семени больше не подступались, Серого Призрака никто не мог отыскать, а Бараний Вор, хоть и не прятался, убил больше людей, чем два других дикаря. Алин из Корабела выскочил из его логова в горящем плаще и погиб бы, не случись рядом брата Аддама: когда Морское Чудо отогнал своего злобного родича, Аддам сбил пламя своим плащом. Ожоги на спине и ногах оставались при Алине Веларионе до конца его долгих дней, но ему еще посчастливилось; многие из тех, кто пытался сесть Бараньему Вору на холку, оказывались у него в брюхе.

Кто бы мог подумать, что этот бурый злодей покорится шестнадцатилетней Крапиве? Девушка каждое утро прикармливала его свежей бараниной и так приучила к себе. Красотой она, как и он, не блистала: была тощей, смуглой и сквернословила почем зря, зато не ведала страха.

Джакайерис, хоть и дорогой ценой, достиг своей цели и получил еще четырех драконов. Для нападения на Королевскую Гавань он назначил ночь первого новогоднего полнолуния.

Человек предполагает, а боги располагают. В это самое время с востока надвигалась уже новая угроза. Замысел Отто Хайтауэра себя оправдал: верховный совет Триархии, собравшись в Тироше, решил заключить с ним союз. Девяносто кораблей двинулись со Ступеней к Глотке, и по воле богов пентошийский когг «Веселый путник» с двумя маленькими принцами на борту угодил прямо к ним в зубы.

На Драконьем Камне об этом узнали со слов Эйегона Младшего: мальчик примчался домой, вцепившись, как клещ, в шею Тучи. Весь белый, он обмочился от ужаса и трясся, как лист. На драконе он летел в первый раз и в последний: Туча, прон-

зенный стрелами из луков и скорпиона, умер час спустя, истекая черной дымящейся кровью. Младший, принц Визерис, не смог убежать; он спрятал свое драконье яйцо, переоделся в лохмотья и прикинулся юнгой, но настоящий юнга выдал его. Тирошийский капитан первым взял принца в плен, но адмирал флота Шарако Лохар из Лисса забрал ценный трофей себе.

Услышав об этом, принц Джакайерис на Вермаксе атаковал шеренгу лиссенийских галей. Моряки Триархии, воевавшие на Ступенях с Дейемоном, дракона видели не впервой и пускали ему навстречу копья и стрелы. «Убейте всадника, и дракон улетит», — наставляли их капитаны. Один корабль загорелся, за ним другой, но люди продолжали сражаться... пока над морем не показались другие драконы.

Подкрепление в виде Среброкрылого, Морского Чуда, Бараньего Вора и Вермитора лишило моряков боевого духа. Галеи бросились врассыпную, а драконы поджигали одну за другой, изрыгая золотые, красные и оранжевые клубы пламени. Черный дым поднимался к небу, горящие люди с криками прыгали за борт. Казалось, что победа близка... но тут Вермакс стал падать и рухнул в море.

О причине его падения рассказывали по-разному. Одни говорили, что арбалетный болт угодил ему в глаз, но это слишком уж похоже на гибель Мираксеса в Дорне. Другие уверяли, будто какой-то матрос в вороньем гнезде метнул в Вермакса кошку на цепи. Она застряла между двумя чешуйками и распорола дракону брюхо, когда матрос обмотал цепь вокруг мачты. Вопль дракона услышали даже в Пряном, несмотря на шум битвы. Вермакс камнем пошел вниз, врезался в пылающую галею, запутался в снастях и потонул вместе с ней.

Джакайерис, как говорят, уцепился за горящую деревяшку, но арбалетчики с мирийского корабля принялись пускать в него стрелы и наконец убили. Джак ушел в пучину вслед за своим драконом.

Битва в Глотке кипела всю ночь и осталась в истории как одно из самых кровопролитных морских сражений. Из девяноста кораблей, приведенных со Ступеней Шарако Лохаром, обратно дотащились всего двадцать восемь.

Драконий Камень враги обошли стороной, и весь удар принял на себя Дрифтмарк. Разграбленный и сожженный Пряный так и не был отстроен; тела его жителей валялись на улицах,

приманивая воронье, крыс и чаек. Предали огню и замок Высокий Прилив. Сокровища, привезенные Морским Змеем с востока, погибли, слуг его перебили. Флот Веларионa сократился почти на треть, тысячи моряков пали, но ни одну из этих потерь не оплакивали так, как Джакайериса, принца Драконьего Камня.

Две недели спустя Ормунд Хайтауэр в Просторе оказался меж двумя армиями. С северо-востока на него ударила большая рыцарская конница Таддеуша Рована, лорда Золотой Рощи, и Тома Флауэрса, Бастарда из Горького Моста, а сир Алан Бисбери с лордами Аланом Тарли и Оэуном Костейном отрезали ему дорогу на Старомест. Клещи сомкнулись на берегах Медовички, и поражение Хайтауэра казалось неминуемым, но тут на поле упала тень и раздался ужасный рев: в битву верхом на Тессарионе вступил оруженосец лорда Ормунда, пятнадцатилетний принц Дейерон.

С его появлением все изменилось. Лорд Ормунд перешел в наступление, люди королевы пустились бежать. Лорд Рован отошел на север с остатками войска, обгорелый труп Тома Флауэрса остался лежать в камышах, обоих Аланов взяли в плен, лорд Костейн умирал, сраженный черным мечом Удалого Джона Рокстона по прозванию Сиротская Доля. Пока волки и воронье терзали убитых, лорд Хайтауэр устроил пир в честь принца Дейерона, посвятил его в рыцари своим прославленным мечом Бдение и нарек сиром Дейероном Отважным. «Вы очень добры, милорд, — скромно ответствовал принц, — но чествовать следовало бы Тессариона, а не меня».

Разгром при Медовичке погрузил в уныние «черный» двор Рейениры. Лорд Бар-Эммон предложил даже склонить колено перед Эйегоном II, но королева и слышать о том не желала. Сердца людей, особенно женщин, ведомы одним лишь богам: Рейенира, сломленная потерей одного сына, после гибели второго воспряла духом и осушила слезы. Драконов у нее все еще оставалось больше, чем у единокровного брата, и королева твердо вознамерилась извлечь из них всю возможную пользу. Она низвергнет огонь на головы Эйегона и присных его, заявила Рейенира совету, и либо сбросит его с Железного Трона, либо погибнет сама.

Той же решимостью на другой стороне залива проникся и принц Эйемонд, правивший вместо недужного брата. Не при-

нимая в расчет Рейениры, он опасался дяди своего Деймона и войска, которое тот собрал в Харренхолле. На совете, куда он призвал и своих знаменосцев, принц заявил, что намерен дать Деймону сражение и покарать мятежных лордов Трезубца.

Не все члены «зеленого» совета одобрили это намерение. Десница и сир Тайленд Ланнистер были на стороне принца-регента, но великий мейстер Орвил убеждал его заручиться прежде поддержкой дома Баратеонов, а лорд Джаспер Уайлд просил вызвать с юга лорда Хайтауэра и принца Дейерона, ибо «один дракон хорошо, а два лучше». Королева-мать также советовала сыну подождать, пока король и Солнечный выздоровеют и смогут сражаться.

Эймонд, однако, ждать не желал. Он заявил, что обойдется и без братьев с их драконами: Дейерон слишком молод, а Эйегон незнамо когда поправится. Караксес, конечно, змей опасный, хитрый и закаленный в боях, но Вхагар еще старше, еще страшнее и притом вдвое больше. Одноглазый, по мнению септона Евстахия, не хотел делить славу ни с братьями, ни с кем-либо другим.

Перечить ему не представлялось возможным, ведь правителем государства был он. Вскоре принц, верный слову, вывел из Божьих ворот четыре тысячи войска.

Но Деймон, воин старый и опытный, нипочем не позволил бы запереть себя в стенах крепости, даже столь прочной, как Харренхолл. Люди его в Королевской Гавани сообщили ему о планах племянника еще до выступления Эймонда из города. «Давно пора», — рассмеялся Деймон, услышав, что принц-регент и Кристон Коль отправились наконец в свой поход. С искривленных башен Харренхолла взмыла целая туча воронов.

Лорд Валис Моутон тем временем вышел из Девичьего Пруда с сотней рыцарей. В пути к нему примкнули Селтигар с Коготь-острова и полудикие Крэбы и Брюны с мыса Раздвоенный Коготь. Подойдя через сосновые леса и окутанные туманом холмы к Грачевнику, они застали тамошний гарнизон врасплох. Отвоевав замок, лорд Моутон послал храбрейших своих воинов добить Солнечного.

Его люди без труда смяли латников, оставленных для ухода за раненым, но одолеть самого дракона оказалось не так-то просто. Лязг мечей и конский топот разбудили Солнечного, а первый же укол копья привел его в ярость. Извиваясь в грязи сре-

ди несчетных бараньих костей, дракон бил хвостом и выдыхал пламя. Трижды он взлетал и трижды падал обратно. Мелкие раны, которые люди наносили ему, разъяряли его все сильней; когда убитых стало больше пятидесяти, уцелевшие обратились в бегство.

Среди павших был и лорд Моутон. Брат его Манфрид две недели спустя нашел на том месте лишь оплавленные доспехи, в которых кишели черви. Поле устилали тела других воинов, сам же дракон бесследно исчез. Уползти он не мог, ибо в пепле никаких следов не осталось. Все говорило о том, что он улетел, но куда — оставалось только гадать.

Дейемон Таргариен тем часом спешил на юг. Пролетев над западным берегом Божьего Ока, чтобы не быть замеченным войском Эйемонда, он пересек Черноводную, повернул на восток и полетел вдоль реки к Королевской Гавани. Рейенира в то же самое время облачилась в черные чешуйчатые доспехи, села на Сиракс и полетела сквозь бурю через Черноводный залив. Супруги встретились над холмом Эйегона, венчающим Королевскую Гавань.

Горожане ужасались, видя драконов в небе. Принц Эйемонд и сир Кристон лишили город всякой защиты и забрали с собой Вхагара, молодые драконы короля Эйегона еще не были объезжены, а Огненная Мечта, по сути, осталась без всадницы.

Одни жители бежали из города, унося детей и пожитки, другие копали под своими лачугами ямы, чтобы укрыться в них от огня. Когда в заливе показались паруса Морского Змея, идущего к Черноводной, во всех септах зазвонили колокола, а чернь ринулась на улицы, чтобы грабить и убивать. Прежде чем золотые плащи восстановили порядок, в свалке погибли десятки людей.

В отсутствие лорда-хранителя и десницы обороной столицы ведала королева-мать. Она сразу же распорядилась закрыть ворота Красного Замка и города, послала городскую стражу на стены и отправила к принцу Эйемонду гонцов на быстрых конях.

Великому мейстеру, кроме того, приказано было разослать воронов «всем нашим верным лордам» и призвать их на защиту своего короля. На вышке Орвила поджидали четверо золотых плащей; они связали его, натянули на голову мешок и препроводили в темницу.

Другие золотые плащи перехватывали гонцов у ворот. Семерых верных королю капитанов без ведома Алисент убили или взяли под стражу, как только Караксес показался над Красным Замком: очень многие стражники по-прежнему любили Деймона, бывшего своего командира.

Брат королевы сир Гвейн Хайтауэр был вторым по старшинству офицером городской стражи. Его взяли на конюшне и привели к командующему, сиру Лютору Ларгенту. Когда Хайтауэр обозвал Лютора перевертышем, тот со смехом ответил: «Эти плащи нам дал Деймон, и они останутся золотыми, как ты их ни вывертывай». С этими словами он распорол сиру Гвейну живот и приказал открыть ворота людям Морского Змея.

Королевская Гавань не продержалась и дня. Короткий бой завязался лишь у Речных ворот, где тринадцать рыцарей и сто латников Хайтауэра схватились с золотыми плащами и восемь часов отражали атаки с той и другой стороны. Через шесть других ворот бойцы Рейениры прошли беспрепятственно. Драконы в небе лишили сторонников Эйегона всякой воли к сопротивлению: они бежали, прятались или преклоняли колена.

Бараний Вор тем временем сел на холм Эйегона, Сереброкрылый и Вермитор — на холм Рейенис у Драконьего Логова. Деймон покружил над замком, посадил Караксеса на внешнем дворе, удостоверился, что защитников можно не опасаться, и дал жене знак присоединиться к нему. Аддам Веларион на Морском Чуде облетал городские стены, давая понять, что сопротивление бесполезно.

Королева Алисент, признав поражение, вышла из крепости Мейегора со своим отцом сиром Отто, сиром Тайлендом Ланнистером и лордом Джаспером Уайлдом (Ларис Стронг, мастер над шептунами, вовремя улизнул). «Созовем Большой совет, как некогда сделал Старый Король, — предложила Алисент падчерице, — и пусть лорды решат, кому быть на троне». — «Обе мы знаем, что решат лорды», — отрезала Рейенира и дала мачехе выбор: сдаться или сгореть.

Алисент, склонив голову, вручила Рейенире ключи от замка, а рыцарям своим и латникам приказала сложить мечи. «Город ваш, принцесса, — сказала она при этом, — но долго вы его не удержите. Без кота мышам раздолье, но скоро мой сын Эймонд потопит вас в огне и крови».

Торжество Рейениры было неполным. Безумную королеву Гелайену нашли запертой в ее спальне, но в покоях короля обнаружили только «пустую постель и полный ночной горшок». Король Эйегон исчез; вместе с ним пропали его дети, принцесса Джейегера и принц Мейелор, и двое королевских рыцарей, Вилис Фелл и Рикард Торне. Даже королева-мать будто бы не знала, куда они делись, а Лютор Ларгент клялся, что выйти через городские ворота они не могли.

Железный Трон, однако, остался на месте, и Рейенире не терпелось его занять. В тронном зале зажгли факелы, и королева взошла на престол, принадлежавший ранее ее отцу, Старому Королю, Мейегору, Эйенису и Эйегону Завоевателю. Она восседала там в своей черной броне, и все, кто был в Красном Замке, преклоняли перед ней колена, молили ее о прощении и присягали ей жизнью своей, мечами и честью.

Церемония длилась всю ночь, и Рейенира сошла с трона уже при свете нового дня. Когда она выходила из зала об руку с мужем своим Дейемоном, все заметили порезы на ее ногах и левой ладони. Кровь капала на пол; люди не смели ничего сказать вслух, но знали, что Железный Трон отверг Рейениру и недолго будет ее терпеть.

Принц Эйемонд и сир Кристон тем временем вступили в речные земли. После девятнадцати дней пути они пришли к Харренхоллу и увидели, что ворота открыты, а замок пуст.

Принц на Вхагаре все время держался над главной колонной, опасаясь, что дядя атакует их на Караксесе. Ночью они с Колем отпраздновали победу над «речным сбродом», бежавшим от них без боя. Можно лишь догадываться, каким дураком он себя почувствовал, получив наконец весть о падении Королевской Гавани: Эйемонд впал в такую ярость, что на него было страшно смотреть.

К западу от Харренхолла продвигалось вперед войско Ланнистеров. Оно еле ползло по старости и хворости командира своего лорда Леффорда, а у Божьего Ока ему преградила дорогу другая рать.

Родди Смерть Врагам и его Зимние Волки соединились с лордом переправы Форрестом Фреем и Роббом Риверсом, Древоронским Лучником. У северян было две тысячи воинов, у Фрея двести рыцарей и втрое больше пехоты, Риверс привел с собой триста стрелков. Не успел лорд Леффорд заметить перед собой

этого неприятеля, с юга подтянулся другой: к Пейту Победителю Львов и горстке бойцов, уцелевших в прежних сражениях, примкнули лорды Биглстон, Чамберс и Перрин.

Леффорд, зажатый меж двух врагов, не знал, как ему быть. Он окопался у озера и послал воронов в Харренхолл, прося Эйемонда о помощи. Ни одна птица, однако, не долетела до принца: Робб Риверс, слывший первым лучником во всем Вестеросе, сбил их всех на лету.

На другой день к озеру подошли свежие речные войска во главе с сиром Гарибальдом Греем, лордом Джоном Карлтоном и новым лордом Древорона, одиннадцатилетним Бенжикотом Блэквудом. Взяв в расчет это подкрепление, полководцы королевы решили, что пришло время атаковать. «Прикончим львов, покуда драконы не подоспели», — выразил общую мысль Родди.

Назавтра с восходом солнца началось самое кровопролитное сухопутное сражение Пляски Драконов. В анналах Цитадели оно осталось как Озерная битва, но те, кому посчастливилось выйти из боя живыми, называли ее только Кормежкой Рыб.

Западное войско, атакованное с трех сторон, шаг за шагом отступало в воды Божьего Ока. Сотни людей были зарублены в камышах, сотни утонули, пытаясь спастись. К ночи обе стороны потеряли две тысячи человек. В числе убитых были лорды Фрей, Леффорд, Биглстон, Карлтон, Свифт, Рейн, сир Кларент Кракехолл, Бастард из Ланниспорта сир Тайлер Хилл. Люди королевы заплатили дорогую цену за разгром Ланнистеров: юный Бен Блэквуд разрыдался, увидев груды своих убитых бойцов. Самые тяжкие потери понесли северяне. Зимние Волки добились чести возглавить атаку и пять раз натыкались на копья Ланнистеров; лорд Дастин потерял убитыми или ранеными две трети тех, кто пошел с ним на юг.

Эйемонд и Кристон Коль между тем спорили в Харренхолле, как нанести Рейенире ответный удар. Взять твердыню Черного Харрена приступом не представлялось возможным, да речные лорды и не посмели бы осаждать замок из страха перед Вхагаром, но съестные припасы у людей короля были на исходе: и людям, и лошадям грозил скорый голод. Поля вокруг замка были выжжены, посланные на фуражировку отряды в Харренхолл не вернулись. Сир Кристон рекомендовал отступить на юг, где у Эйегона было больше всего сторонников, принц

в ответ заявлял, что только трус бежит от предателей. Потеря Королевской Гавани бесила его; он чуть не задушил оруженосца, принесшего в Харренхолл весть о Кормежке Рыб, и мальчика спасло лишь вмешательство Алис Риверс, любовницы принца. Эйемонд желал атаковать Королевскую Гавань немедленно, утверждая, что Вхагар без труда справится со всеми драконами Рейениры.

«Только дурак пойдет один воевать с шестерыми, мой принц», — урезонивал его Кристон Коль, раз за разом предлагая пойти на соединение с силами лорда Хайтауэра, где был и принц Дейерон со своим драконом. Король Эйегон, как они уже знали, бежал из столицы; скоро и он наверняка примкнет к братьям на Солнечном. А если их друзья в городе сумеют устроить побег Гелайене, то у них будет и Огненная Мечта; четверо драконов, если один из них Вхагар, могут сразиться и с шестерыми.

Эйемонд упорно именовал этот план «стратегией труса». В конце концов решено было разделиться: сир Кристон поведет войско к Ормунду Хайтауэру и Дейерону, принц же будет вести собственную войну, поджигая предателей с воздуха. «Коронованная сука» рано или поздно пошлет пару драконов, чтобы ему воспрепятствовать, и Вхагар их убьет. «Всех она послать не осмелится, — говорил Эйемонд, — это значило бы оголить Королевскую Гавань. Сиракс и последним ненаглядным сыночком она тоже не рискнет: Рейенира, хоть и называет себя королевой, баба душой и телом».

Так каждый из них отправился навстречу своей судьбе, а Рейенира в Красном Замке тем временем награждала друзей и жестоко карала тех, кто служил ее брату.

Огромные награды были назначены за сведения об «узурпаторе, именующем себя Эйегоном II», о его дочери Джейегере, сыне Мейелоре, о «ложных рыцарях» Вилисе Фелле и Рикарде Торне, о Ларисе Колченогом. Не добившись желаемого, королева разослала отряды «рыцарей-инквизиторов» на розыски сбежавших «изменников», каковых надлежало карать на месте.

Мачеху свою Рейенира заключила в золотые оковы, но сохранила ей жизнь «в память отца, который любил ее». Собственному отцу Алисент не столь посчастливилось: сира Отто Хайтауэра, служившего десницей трем королям, обезглавили первым. За ним на плаху взошел Железный Прут, продолжающий

упрямо твердить, что сын по закону идет прежде дочери. Сира Тайленда Ланнистера не спешили казнить: его пытали, чтобы выведать, куда он спрятал казну.

Эйегона и брата его Эймонда в городе не слишком любили, и воцарению Рейениры многие радовались. Но любовь и ненависть суть две стороны той же монеты: когда над городскими воротами стали появляться все новые головы и новые налоги прибавились к старым, монета обернулась другой стороной. Девушка, прославлявшаяся некогда как Жемчужина Королевства, выросла в мстительную алчную женщину, не уступавшую жестокостью королям мужеска пола. Кто-то прозвал ее «Мейегором с сиськами», и ругательство «мейегоровы сиськи» бытовало в Королевской Гавани даже сто лет спустя.

Завладев городом, замком и троном, которые охранялись сразу шестью драконами, Рейенира решилась послать за сыновьями. Одна флотилия привезла с Драконьего Камня ее фрейлин и Эйегона Младшего, другая доставила из Чаячьего города принца Джоффри, последнего из ее сыновей от Лейенора Веларионa. Королева обдумывала пышную церемонию для объявления Джоффри принцем Драконьего Камня и наследником Железного Трона.

Торжествующая победительница не подозревала о том, как мало времени ей осталось, но Железный Трон каждый раз ранил ее своими жестокими лезвиями, и все видели в этом дурной знак.

Сражения продолжались по всем Семи Королевствам. Сир Кристон Коль, покинув Харренхолл, двинулся по западному берегу Божьего Ока с войском, насчитывавшим три тысячи шестьсот человек (голод, болезни и дезертирство сильно проредили вышедшую из Королевской Гавани рать). Принц Эймонд, не привязанный более к войску и замку, летал где хотел: так воевали некогда Эйегон и сестры его. Вхагар, раз за разом спускаясь с осенних небес, жег поля, деревни и замки мятежных лордов. Первым гневу принца подвергся дом Дарри. Леди укрылась в крипте с меньшими детьми, но лорд и его наследник погибли на стене замка вместе с полусотней защитников. Три дня спустя загорелись город лорда Харроуэя, Господская мельница, Пряжка и Черная Пряжка, Глинистый Пруд, Суинфорд, Паучий лес... казалось, что пламенем объята половина речных земель.

Кристон Коль тоже шел через дым и пламя: речные лорды поджигали все на его пути. Горели покинутые деревни, чернели мертвые обугленные леса. Во всех прудах и колодцах лежали человеческие, коровьи, лошадиные трупы. Разведчики порой находили в лесу мертвецов в доспехах, сидевших кружком и будто бы пировавших. Из-под ржавых шлемов скалились черепа, гниющая плоть сползала с костей.

В четырех днях пути от Харренхолла людей Коля начали убивать: лучники, прячась за деревьями, снимали разведчиков и отставших. Многие латники сира Кристона бежали, бросая щиты и копья, или переходили к врагу. У деревни Кривые Вязы разведчики снова наткнулись на пирующих мертвецов и проехали было мимо, но мертвецы вдруг вскочили и перебили их всех.

Все это, однако, оказалось лишь присказкой. Повернув от озера к Черноводной, сир Кристон увидел на гряде каменистых холмов триста конных рыцарей, три тысячи стрелков с длинными и короткими луками, три тысячи речных пехотинцев с копьями и сотни северян с топорами, палицами, древними заржавленными мечами. Знамена Рейениры реяли над неприятельским войском.

Последовавшая за тем битва заслуживала скорее названия бойни. Лорд Родерик Дастин, подняв к губам рог, протрубил наступление, и люди королевы ринулись с высоты. Впереди скакали Зимние Волки на мохнатых северных лошадях и рыцари на рослых, одетых в доспехи конях. Когда сир Кристон пал мертвым, его воины обратились в бегство, а враги гнались за ними и убивали сотнями.

В Девичий День 130 года Цитадель Староместа разослала триста белых воронов, возвещая о приходе зимы, но Рейенира жила словно в разгаре лета. Трон и столица принадлежали ей, а нелюбовь горожан мало ее заботила. Триархия разваливалась, и Веларионы восстановили свою власть над заливом. Перевалы Лунных гор замело снегами, но Дева Долины сдержала слово и прислала подкрепление морем. Прибыло и войско из Белой Гавани во главе с сыновьями лорда Медриком и Торрхеном Мандерли. Силы королевы, куда ни взгляни, росли, силы короля Эйегона таяли.

Но нельзя считать войну выигранной, пока не побежден враг. Сир Кристон Коль пал в сражении, но созданный им король был жив и свободен, как и самая загадочная фигура «зе-

леного» совета, Ларис Стронг Колченогий. В Штормовом Пределе все так же сидел недружественный королеве Боррос Баратеон. Ланнистеры тоже числились у нее во врагах, но после гибели лорда Ясона и разгрома их войска Бобровый Утес особой угрозы не представлял.

Принц Эйемонд продолжал сеять ужас и смерть на Трезубце: поджигал, исчезал и наносил новый удар в пятидесяти лигах от прежнего места. Вхагар испепелил Старые и Белые Ивы, превратил в обугленный остов Кабанятник, сжег в Мерридоне тридцать человек и триста овец. После этого принц вдруг вернулся в Харренхолл и сжег все, что было деревянного в замке. Шесть рыцарей и сорок латников погибли, пытаясь убить дракона. Лорды с тревогой смотрели в небо, гадая, кто будет следующим. Моутон из Девичьего Пруда, леди Дарклин из Синего Дола, Блэквуд из Древорона взывали к королеве, умоляя прислать драконов для защиты их достояния.

Но наибольшей угрозой для Рейениры был не Эйемонд Одноглазый, а брат его Дейерон Отважный и большое южное войско Ормунда Хайтауэра.

Лорд Ормунд перешел Мандер и медленно приближался к столице, громя сторонников Рейениры и принуждая каждого лорда, сдавшегося ему, примкнуть к его войску. Принц Дейерон, бесценный разведчик, летел впереди, докладывая Хайтауэру о передвижениях неприятеля. Люди королевы разбегались, едва завидев в вышине синие крылья Тессариона.

Старый десница Рейениры, Корлис Веларион, убеждал королеву начать переговоры. Он также советовал помиловать лордов Баратеона, Хайтауэра и Ланнистера, буде они покорятся, присягнут ей на верность и дадут заложников Железному Трону. Гелайену и Алисент Морской Змей предлагал передать на попечение Веры, дабы они провели оставшиеся им дни в молитвах, а Джейегеру, дочь Эйегона, со временем выдать за Эйегона Младшего, воссоединив тем обе ветви дома Таргариенов. «А братья мои? — вопросила Рейенира, когда десница изложил ей свои намерения. — Как мне быть с ложным королем Эйегоном и с Эйемондом, пролившим родную кровь? Их мне тоже помиловать?»

«Сохраните им жизнь и пошлите обоих на Стену, — посоветовал лорд Корлис. — Они дадут присягу и будут служить в Ночном Дозоре до конца своих дней».

«Удержат ли обеты клятвопреступников, не поколебавшихся отнять у меня трон?»

Принц Дейемон поддерживал королеву, говоря, что прощать изменников — значит, сеять семена нового мятежа. «Война будет окончена лишь тогда, когда головы изменников будут торчать на пиках над Королевскими воротами». Эйегон II «прячется в какой-то норе», из которой его со временем вытащат, говорил принц, но сразиться с Эйемондом и Дейероном можно и должно. Ланнистеров и Баратеонов также следует истребить, отдав их земли и замки тем, кто сохранил верность своей королеве: Штормовой Предел Ульфу Белому, Бобровый Утес Хью Молоту. «Половина лордов Вестероса отвернется от нас, если мы выкажем такую жестокость к двум древним великим домам», — твердил Морской Змей, ужасаясь речам Дейемона.

Королева, принужденная выбирать между мужем своим и десницей, выбрала нечто среднее. К Баратеону и Ланнистеру она отправит послов, предлагая им «великодушные условия» и помилование, но с братьями узурпатора покончит раз навсегда. «Как только их не станет, все остальные склонят колена. Головы их драконов я повешу на стенах тронного зала, чтобы люди смотрели на них и ведали, какой ценой достается измена».

Сама Рейенира, чтобы не лишать защиты Королевскую Гавань, осталась в городе с двумя сыновьями. Джоффри, которому еще и тринадцати не было, рвался в бой, но его убедили в том, что они с Тираксесом необходимы для обороны Красного Замка. Третьим воздушным защитником стал Аддам Веларион, наследник Морского Змея и хозяин Морского Чуда; все остальные драконы отправлялись сражаться.

На Трезубец для расправы с Эйемондом и Вхагаром летели Дейемон с Караксесом и Крапива с Бараньим Вором. Хью Молота и Ульфа Белого послали на юго-запад к городу Тамблетону, последнему оплоту Рейениры между столицей и войском Хайтауэра; им поручалось отстоять город и разделаться с Тессарионом.

Дейемон с Крапивой выслеживали Эйемонда долго и безуспешно. Стояли они в Девичьем Пруду, куда их пригласил лорд Манфрид Моутон, боявшийся нападения Вхагара на город. Эйемонд вместо этого спалил Камешек у подножия Лунных гор, Ивняк на Зеленом Зубце и Веселушку на Красном. За ними последовали Стрелков Мост, Старый Перевоз, Старицына Мель-

ница и женская обитель в Бечестере; Одноглазый всякий раз исчезал еще до прилета охотников, а живых, чтобы показать, куда улетел дракон, в тех местах не осталось.

Оба дракона каждое утро вылетали из Девичьего Пруда, кружили высоко над речными землями и в сумерках возвращались ни с чем. Лорд Моутон робко предложил всадникам разделиться — так-де они смогут расширить свою охоту, — но Дейемон напомнил его светлости, что Вхагар — последний из драконов Эйегона Завоевателя. Век спустя он, правда, уже не так скор, зато вырос огромным, как сам Балерион Черный Ужас, и своим дыханием плавит камень: ни Караксес, ни Бараний Вор с ним в одиночку не сладят. Крапива поэтому не покидала принца ни днем ни ночью, ни в небе, ни в замке.

У Тамблетона, торгового города на Мандере, тем временем завязалась битва. Замок над городом был невелик, и обороняли его не более сорока человек, но из Горького Моста, Длинного Стола и других южных владений туда стекались сотни новых защитников. Всего под знаменами Рейениры собралось около девяти тысяч воинов, то есть намного меньше, чем у лорда Хайтауэра; люди королевы с радостью встретили Вермитора и Среброкрылого, не зная, какие ужасы их ждут впереди.

Так называемая Тамблетонская Измена до сих пор остается предметом споров, и всей правды мы, может статься, никогда не узнаем. Очень возможно, что многие, бежавшие в город от лорда Хайтауэра, были на самом деле его засланными людьми, но столь большого вреда они бы не причинили, не перейди Ульф Белый и Хью Молот в то же самое время к врагу.

Оба они были неграмотны, и непонятно, как Двух Предателей склонили к такому шагу. О самой Тамблетонской битве нам известно гораздо больше. Шесть тысяч людей королевы сошлись на поле с лордом Хайтауэром и храбро сражались какое-то время, но град стрел проредил их, а сокрушительная атака тяжелой конницы загнала обратно за стены города. Битва, однако, прервалась ненадолго: Родди Дастин и его Зимние Волки с северным боевым кличем тут же пошли на вылазку и ударили по левому флангу врага. Сквозь вдесятеро большее войско они прорубались к знаменам короля Эйегона, Староместа и Хайтауэров, под которыми сидел на боевом коне сам лорд Ормунд. В песнях поется, что лорд Родерик дошел туда в крови с головы до ног, с разрубленными щитом и шлемом, но столь опьянен-

ный боем, что не замечал своих ран. Сир Бриндон Хайтауэр, заслонив собой лорда своего и кузена, одним ударом топора отсек Родди правую руку, но перед смертью свирепый лорд Барроутона убил обоих Хайтауэров. Знамена лорда Ормунда повалились, и горожане возликовали, думая, что победа достанется им. Даже появление в небе Тессариона не испугало их, ведь у них были свои драконы... но когда Вермитор и Среброкрылый, взлетев, открыли огонь по городу, радостные крики сменились воплями ужаса.

В Тамблетоне горело всё: дома, лавки, септы и люди. Живые факелы падали с крепостных стен и метались по улицам. Два Предателя промчались над ним из конца в конец, а последующие зверства не знали себе равных во всей истории Вестероса. Город, сгоревший дотла, так и не был потом отстроен. Тысячи его жителей сгорели заживо, тысячи утонули, пытаясь переплыть реку. Не лучше пришлось и тем, кто выжил в огне: женщины и даже маленькие девочки подверглись жестокому поруганию, стариков и мальчиков перебили, драконы пожирали дымящиеся тела своих жертв.

Вскоре после этого на Драконий Камень пришел потрепанный когг «Нессария», чтобы починиться и запастись провизией. На пути из Пентоса в Волантис корабль попал в шторм, но этим его история не ограничилась. Подходя к острову на закате, моряки увидели над восточным склоном горы двух драконов, которые с ревом бились между собой. Вскоре об этом уже рассказывали во всех портовых тавернах.

На острове, в отличие от Волантиса, к драконам привыкли, но и местным сделалось любопытно. Наутро рыбаки поплыли к горе и нашли под ней обгоревшие останки дракона — Серого Призрака, судя по цвету крыльев и чешуи. Дракон был разорван пополам и сильно обглодан.

Услышав об этом, кастелян Драконьего Камня, тучный и добродушный рыцарь сир Роберт Квинс, сказал, что убийца, конечно же, Людоед. Многие соглашались с ним: Людоед и раньше нападал на драконов меньше себя, хотя и не столь свирепо. Рыбаки уговаривали Квинса послать рыцарей в логово опасного змея и прикончить его, но кастелян отказывался, говоря: «Если не трогать его, то и он нас не тронет». Для верности он запретил рыбачить у восточного склона, где лежал труп Серого Призрака.

А на другой стороне залива в Королевскую Гавань пришла весть о битве и измене при Тамблетоне. «Что они посеяли, то и пожнут», — рассмеялась будто бы королева Алисент, узнав обо всем, королева же Рейенира побледнела и приказала запереть городские ворота. «Я не допущу, чтобы лазутчики прокрались в мой город и открыли ворота мятежникам», — сказала она. Войско Хайтауэра могло завтра же подойти к столице, а предатели на драконах добрались бы и того раньше.

«Пусть себе прилетают, — заявлял храбрый принц Джоффри, — я встречу их на Тираксесе». — «Ты слишком молод, чтобы сражаться», — возражала ему встревоженная мать, однако на совет, обсуждавший, как встретить врага наилучшим образом, сына все-таки допустила.

В Красном Замке остался только один дракон, Сиракс, всего же в столице их было шесть. Сиракс, скованная тяжелыми цепями, жила в конюшне на внешнем дворе; она привыкла к цепям и к сытной еде и давно уже разучилась охотиться.

Всех остальных держали в колоссальном Драконьем Логове, которое именно для этой цели воздвиг Мейегор Жестокий. Под его каменным куполом располагались по кругу сорок огромных склепов с прочными железными дверьми на обоих концах: внутренние двери открывались в песчаную яму, внешние — на холм Рейенис. После отлета на войну Караксеса, Вермитора, Среброкрылого и Бараньего Вора драконов осталось пять: Тираксес принца Джоффри, Морское Чудо Аддама Веларионa, Огненная Мечта Гелайены и подростки Моргул и Шрикос, принадлежавшие детям короля Эйегона, пропавшей Джейегере и покойному Джейехерису. По обычаю рядом с драконами жил хотя бы один из хозяев, чтобы сразу подняться на защиту города в случае надобности. Сыновей Рейенира не желала отпускать от себя, и эта обязанность выпала Аддаму Веларионy, в чьей верности «черный» совет начинал сомневаться.

Если Ульф Белый и Хью Молот, рожденные от драконьего семени, перебежали к врагу, не следует ли ждать того же от Крапивы и Аддама из Корабела?

Лорд Бартимос Селтигар полагал, что доверять им нельзя. «Бастарды есть бастарды: они рождены от измены, и она дается им столь же легко, как верность законным детям». Лорд умолял королеву немедля схватить двух новых наездников, пока они не увели своих драконов во вражеский стан. Его под-

держивали сир Лютор Ларгент, новый командир городской стражи, и командующий Королевской Гвардией сир Лорент Марбранд. Даже братья-рыцари Мандерли из Белой Гавани приняли сторону Селтигара. «Лучше не рисковать, — говорил сир Торрхен. — Если враг получит еще двух драконов, мы пропадем».

Только лорд Корлис заступался за бастардов драконьего семени, называя сира Аддама и его брата Алина истинными Веларионами и достойными наследниками Дрифтмарка. Что до девушки, то она отважно сражалась в Глотке. «Как и те два предателя», — заметил лорд Селтигар.

Десница остался в меньшинстве: королеву предавали так часто, что она готова была видеть в людях самое худшее и ожидала измены даже от близких друзей.

Она приказала сиру Лютору пойти в Драконье Логово с двадцатью золотыми плащами и взять Аддама Вельяриона под стражу. Одна измена породила другую, и Рейенира сделала еще один шаг к своей гибели. Как только золотые плащи поднялись на холм Рейенис, двери Драконьего Логова распахнулись, и дымчато-серый Морское Чудо взмыл в небо: сира Аддама кто-то предупредил. Разозленный сир Лютор отправился прямиком в башню десницы и обвинил Морского Змея в предательстве. Старый лорд Корлис ничего и не отрицал; его избили, связали и бросили в темницу.

По городу между тем расползались страшные слухи о тамблетонской резне. Следом настанет черед Королевской Гавани, говорили люди друг другу. Драконы будут драться с драконами, и на сей раз город уж верно сгорит. Многие пытались бежать из города, но золотые плащи всех заворачивали назад. Видя, что пути к спасению отрезаны, горожане забивались в подвалы, пили, молились, предавались плотским утехам. К ночи все таверны, бордели и септы ломились от мужчин и женщин, ищущих утешения.

В Тамблетоне, всего в шестидесяти лигах к юго-западу от столицы, тоже царило брожение: победители, которых в Королевской Гавани так страшились, остались без начальника. Лорд Ормунд погиб, как и кузен его сир Бриндон, первый из рыцарей Староместа, а сыновья лорда, совсем еще мальчики, оставались в отцовском замке за тысячу лиг от войны. Дейерон Отважный, коего лорд Ормунд ставил столь высоко, тоже был совсем еще

юн, привык во всем слушаться старших братьев и командовать не умел. Сир Хоберт, другой кузен лорда и единственный уцелевший Хайтауэр, отвечал до сих пор за обоз; за все свои шесть десятков прожитых годов он не отличился ничем, но родство с королевой Алисент делало его самым вероятным из воевод.

Редкий город в истории Семи Королевств претерпевал такие бесчинства, как Тамблетон. Принц Дейерон ужасался тому, что происходило у него на глазах, но ни он, ни сир Хоберт не могли прекратить насилие.

Самые страшные злодеяния творили в городе Два Предателя. Сир Ульф наливался вином и насиловал женщин; тех же, кто ему не угодил, он скармливал своему дракону. Ему мало было рыцарства, мало Горького Моста, лордом коего сделал его принц Дейемон. Он метил не ниже как на Хайгарден, заявляя, что Тиреллы, не участвующие в Пляске, те же изменники.

Не отставал и второй предатель, Хью Молот — силач, гнувший голыми руками железные брусья. В военном ремесле он мало что смыслил, но рост и сила делали его грозным бойцом. Оружием своим он избрал привычный сызмальства молот, а дракон его Вермитор, служивший прежде Старому Королю, только Вхагару уступал величиной и годами. По всем этим резонам лорд Молот, как он сам себя называл, возмечтал о короне. «На кой мне лордство, если можно стать королем?» — говорил он, и многие его слушали.

Ни один из них не спешил брать Королевскую Гавань. Они знали, что против их трех драконов королева может выставить трех своих, а то и пять, если Крапива с Дейемоном вернутся. Лорд Пек стоял за то, чтобы дождаться лорда Баратеона, сир Хоберт желал отойти на Простор и пополнить быстро тающие припасы. Никого из командиров, видимо, не тревожило, что и войско их тает, как снег по весне: бойцы разбегались почем зря, унося домой все, что успели награбить.

К северу от них, в замке над Крабьей бухтой, думал свою думу другой лорд. Королева Рейенира прислала Манфриду Моутону ворона, требуя доставить ей голову безродной девки Крапивы; королева подозревала, что та спит с Дейемоном и оттого повинна в измене. «Лорду-мужу моему, принцу Дейемону Таргариену, никакого вреда не чинить, — приказывала ее величество, — но отослать его ко мне, когда он свершит задуманное, ибо у нас в нем большая нужда».

Мейстер Норрен, автор «Хроник Девичьего Пруда», пишет, что лорд, прочитав послание королевы, со страху потерял голос и вернул его, лишь осушив три чаши вина. После этого он позвал к себе брата, капитана гвардии и первого бойца, сира Флориана Стального. Велев остаться и мейстеру, он прочел им письмо и спросил их совета.

«Проще простого, — сказал капитан. — Принц-то уже в годах. Возьму трех человек, ну шестерых, да и пойду к ним в спальню. Желаете сделать это нынче же ночью, милорд?»

«Шесть человек возьми или шестьдесят, с Дейемоном Таргариеном так просто не сладишь, — возразил ему брат лорда Моутона. — Лучше подлить ему снотворного в вино, как ужинать станет. Проснется, а девка уже мертва».

«Эта девушка, в чем бы она ни провинилась, еще ребенок, — качал седой головой сир Флориан. — Ни Старый Король, ни другой человек чести не отдал бы такого приказа».

«Времена нынче скверные, — сказал лорд, — и королева заставляет меня выбирать между топором и веревкой. Девушка — моя гостья. Если я послушаюсь, мой дом будет проклят навеки, откажусь — нас сотрут в порошок».

«Нам так и так конец, — подхватил его брат. — Принц сильно привязан к этой чернавке, а дракон его вот он, тут. Мудрее всего было бы убить их обоих, иначе принц спалит замок дотла».

«Королева запретила чинить ему вред, — напомнил лорд Моутон, — а двух гостей убить вдвое хуже, чем одного. На свою погибель прочел я это письмо».

«Кто сказал, что прочли?» — вставил тут мейстер.

Нам неведомо, о чем они говорили дальше. Известно лишь, что мейстер, молодой человек двадцати двух лет, показал письмо королевы принцу и Крапиве, когда те ужинали в своих покоях. «Слова королевы, а дела шлюхи», — сказал, прочитав его, Дейемон. Затем он обнажил меч и спросил, ждут ли уже за дверью люди Моутона. Услышав, что мейстер пришел к ним один и тайно, принц спрятал меч. «Мейстер ты никудышный, зато человек хороший», — сказал он и отпустил вестника, наказав молчать обо всем до утра.

Никто не знает, как провели принц и его возлюбленная последнюю свою ночь в замке Моутона. Наутро они вышли во двор, и Дейемон помог Крапиве оседлать Бараньего Вора, которого

она кормила каждый раз перед вылетом: сытый дракон охотнее повинуется ездоку. В то утро она скормила змею черного, самого большого в замке барана, сама перерезав горло животному. Когда она садилась на дракона, пишет Норрен, ее кожаный камзол был запятнан кровью, а по щекам текли слезы. На прощание они с принцем не сказали друг другу ни слова, но когда Бараний Вор взмыл в рассветное небо, Караксес издал такой вопль, что в окнах башни Джонквиль вылетели все стекла. Крапива, повернув к Крабьей бухте, скрылась в тумане, и больше ее в замке не видели.

Позавтракав с лордом Моутоном, принц сказал: «Благодарю вас за гостеприимство и говорю «прощайте». Оповестите всех, что я лечу в Харренхолл; если мой племянник осмелится сразиться со мной, он найдет меня там одного».

Как только Дейемон растаял вдали, мейстер Норрен сказал лорду: «Сорвите с меня цепь, свяжите мне ею руки и выдайте меня королеве. Я упредил изменницу, позволив ей убежать, и сам стал изменником». — «Пусть твоя цепь остается на месте, — отвечал лорд, — мы все здесь изменники». Той же ночью в замке спустили знамена Рейениры и подняли золотых драконов короля Эйегона.

Над почерневшими башнями Харренхолла знамен вовсе не было. Приютившиеся в подвалах бездомные разбежались, услышав шум крыльев Караксеса. Принц Дейемон бродил по гулким чертогам один, отмечая каждый прошедший день зарубкой на сердце-дереве в богороще. Тринадцать глубоких отметин и посейчас там видны; лорды Харренхолла говорят, что каждую весну эти старые раны наливаются кровью.

На четырнадцатый день замок покрыла тень, упавшая не от облака. Все птицы в богороще разом поднялись в воздух, горячий ветер погнал по двору опавшие листья. В небе показался Вхагар, а на нем в черной с золотом броне сидел Эйемонд Одноглазый.

Он прилетел не один, а с беременной Алис Риверс; черные волосы струились по ветру у нее за спиной. Дважды облетев Харренхолл, Эйемонд посадил Вхагара на внешний двор ярдах в ста от Караксеса. Драконы злобно переглядывались, Караксес растопыривал крылья и шипел, пуская дым из ноздрей.

Эйемонд помог сойти женщине и сказал: «Говорят, ты нас ищешь, дядюшка».

«Только тебя, — отвечал Дейемон. — Кто сказал тебе, что я здесь?»

«Моя леди. Она видела тебя в тучах, и в горном пруду на закате, и в костре, который мы развели. Моей Алис открыто многое. Ты глупец, что прилетел сюда в одиночку».

«Будь я не один, тебя бы здесь не было».

«Но ты один, и я здесь. Ты, дядюшка, зажился на свете».

«С этим я спорить не стану».

Старый принц взобрался на Караксеса, молодой поцеловал свою женщину, вскочил на Вхагара и приковал себя четырьмя короткими цепями к седлу (Дейемон этого не стал делать). Караксес дохнул пламенем, Вхагар взревел, и оба поднялись в небо.

Дейемон, нахлестывая Караксеса бичом со стальными нитями, быстро скрылся за облаками. Вхагар, старше и намного крупнее его, набирал высоту медленно, описывая круги над водами Божьего Ока. Солнце клонилось к закату, и спокойное озеро сверкало, как лист кованой меди. Алис следила за поединком с башни Королевский Костер.

Бой начался внезапно. Караксес, как молния, обрушился на Вхагара с криком, который услышали на дюжину миль окрест. Атаковал он со стороны заходящего солнца и невидящего Эймондова глаза. Драконы сцепились на красном как кровь небосклоне, и рыбаки внизу ждали со страхом, что самые тучи вокруг них вот-вот вспыхнут. Черные зубы Караксеса сомкнулись на шее Вхагара, Вхагар вспорол врагу брюхо и оторвал крыло; оба с головокружительной скоростью неслись вниз.

В этот миг, по преданию, Дейемон перескочил со своего дракона на вражеского с Темной Сестрой, мечом королевы Висеньи. Не успел Эймонд отстегнуть свои седельные цепи, Дейемон сорвал с племянника шлем и вонзил меч в его слепой глаз так, что острие вышло из затылка. Еще мгновение, и драконы рухнули в озеро, взметнув водяной столб вышиной с Королевский Костер.

Рыбаки, видевшие это, говорили, что такого падения никто не мог пережить. Так и вышло. Караксес с оторванным крылом и распоротым брюхом выполз все же на берег из дымящихся вод и испустил дух под стенами Харренхолла. Вхагар с разорванной глоткой ушел на дно, и вода вскипела над местом, где упокоился сей колосс. Нашли его годы спустя, уже после Пля-

ски Драконов; к седлу был прикован скелет Эйемонда в доспехах и с Темной Сестрой в глазнице.

Нет сомнений в том, что и принц Дейемон погиб. Тела его не нашли, но течения Божьего Ока коварны, и голодная рыба ходит в нем косяками. В песнях поется, что принц выжил, отыскал свою Крапиву и жил с ней до конца своих дней, но историку подобные вымыслы не приличествуют.

Было это на двадцать второй день пятой луны 130 года. Дейемону было тогда сорок девять, Эйемонду едва исполнилось двадцать, Вхагару, самому большому после Балериона Черного Ужаса дракону Таргариенов, минул сто восемьдесят один год. Так погибло близ про́клятого замка Черного Харрена последнее существо, помнившее Эйегона Завоевателя. Очевидцев было немного, и о последней битве принца Дейемона стало известно не сразу.

Одиночество королевы Рейениры усугублялось. Приказав арестовать Аддама Веларион, подозреваемого в измене, она лишилась не только дракона вместе с наездником, но и десницы — а ведь больше половины людей, которых она привела сюда с Драконьего Камня, присягали дому Веларионов. Узнав, что лорд Корлис брошен в темницу под Красным Замком, они стали уходить сотнями. Одни вливались в толпу на Сапожной площади, другие, правдами и неправдами покидая город, возвращались на Дритфмарк; на оставшихся тоже полагаться не приходилось.

В тот самый день, как стемнело, случилось еще одно горестное событие. Гелайена Таргариен, сестра и жена короля Эйегона, бросилась из своего окна в крепости Мейегора на пики сухого рва. Ей был всего двадцать один год.

По харчевням, борделям и даже септам столицы прошел слух, что Гелайену убили. Старая королева, зная, что принц Дейерон скоро покончит с ней, и не желая, чтобы сестра дожила до ее поражения, послала-де к ней Лютора Ларгента, который и выкинул несчастную из окна.

О мнимом убийстве вскоре заговорила вся Королевская Гавань. Одно то, как охотно верили в этот слух, показывает, сколь сильно ожесточился город против любимой некогда королевы. Теперь все полюбили Гелайену, а Рейениру возненавидели. О Ноже и Сыре, жестоких убийцах принца Джейехериса, поминали на каждом углу. Гелайена, к счастью, погибла мгновен-

но: одна из пик пронзила ей горло. В миг ее кончины драконица ее Огненная Мечта вдруг взвилась с криком, сотрясшим Драконье Логово, и порвала две из своих цепей. Королева Алисент, узнав о смерти дочери, разодрала на себе одежды и прокляла ненавистную соперницу.

Ночью в Королевской Гавани вспыхнул кровавый бунт.

Люди, пьяные, злые, напуганные, толпами валили из погребов и харчевен, растекались из темных переулков Блошиного Конца по всему городу, требовали покарать убийц принца и его матери. Бунтовщики переворачивали повозки, грабили лавки, избивали золотых плащей, пытавшихся им помешать. Лордов закидывали отбросами, рыцарей стаскивали с седел. Леди Дарла Деддингс видела, как зарезали ее брата Давоса, защищавшего ее от трех пьяных конюхов. Моряки, которых не пускали на свои корабли, ломились в Речные ворота и бились со стражниками — лишь сир Лютор Ларгент с четырьмя сотнями копий сумел разогнать их. Ворота к тому времени изрубили в щепу, и сто человек, четверть из них золотые плащи, были ранены или убиты.

На Сапожную площадь прибыли пятьсот стражников в стальных шлемах, в черных кольчугах под золотыми плащами, вооруженные короткими мечами, копьями, шипастыми дубинками. Во главе их ехал сир Лютор Ларгент на одетом в доспехи коне, с длинным мечом в руке. От одного его вида бунтовщики начали улепетывать; сир Лютор приказал золотым плащам наступать, но тысяч десять народу еще оставалось на площади.

Давка была страшная. Одни, и желавшие бы уйти, не могли выбраться из толпы, другие пробивались вперед, брались за руки и проклинали стражников, надвигавшихся на них под медленный бой барабана. «Разойдись, дурачье! — загремел сир Лютор. — Ступайте по домам, и никакого вреда вам не будет. Идите прочь!»

Первым, как говорят, погиб пекарь; он удивленно крякнул, когда копье вошло ему в грудь и фартук окрасился кровью. Рассказывают также, что это был ребенок, девочка, растоптанная конем сира Лютора. Камень, брошенный из толпы, угодил в лоб копейщику. С крыш полетели другие камни, палки, ночные горшки, какой-то лучник принялся пускать стрелы, кто-то метнул факел и поджег чей-то золотой плащ.

Стражники, ребята молодые и сильные, были хорошо вымуштрованы. Прикрываясь щитами, они проложили в толпе кровавую борозду глубиной ярдов в двадцать, но их было слишком мало. Вскоре упал один из них, следом другой. Бунтовщики, смыкаясь вокруг, орудовали ножами, камнями, даже зубами, с крыш градом сыпалась черепица.

Битва оборачивалась резней: золотые плащи, стиснутые со всех сторон, уже и оружия поднять не могли. Одни умирали, напоровшись на собственные мечи, других топтали, рвали на части, рубили мотыгами и мясницкими тесаками. Самые смелые отняли меч у грозного сира Лютора, стащили его с коня и размозжили ему череп булыжниками; только по могучему сложению и опознали его крючники, приехавшие наутро собирать мертвых.

На протяжении той долгой ночи в городе творились сущие чудеса. Межевой рыцарь, сир Перкин Блоха, объявил своего оруженосца Тристана, шестнадцати лет, королем и побочным сыном покойного Визериса. Рыцарь вправе посвятить в рыцари всякого, кого хочет; этим сир Перкин и занимался. Благодаря ему под рваное знамя Тристана сотнями стекались воры, наемники, подручные мясников.

К рассвету по всему городу запылали пожары, Сапожная площадь была усеяна трупами, шайки мародеров вламывались в дома, чиня вред и разорение честным людям. Уцелевшие золотые плащи сидели в казармах, отдав столицу на произвол шутовских королей и безумных пророков, но многие злодеи, подобно тараканам, при свете дня расползлись по щелям — поделить добычу, проспаться, отмыть кровь с рук. Стража Старых и Драконьих ворот во главе с капитанами сиром Бейлоном Берчем и сиром Гартом Заячья Губа к середине дня восстановила некоторый порядок к северу и востоку от холма Рейенис, а сир Медрик Мандерли с сотней людей из Белой Гавани очистил квартал северо-восточнее холма Эйегона вплоть до Железных ворот.

В остальных частях города царил хаос. Отряд сира Торрхена Мандерли, пройдя по Крюку, нашел на Рыбной площади и Речной улице великое множество помойных рыцарей сира Перкина. Над Речными воротами, где были повешены три сержанта и капитан, реяло знамя «короля Тристана», остаток гарнизона Грязных ворот перешел к сиру Перкину. Пробиваясь

обратно к Красному Замку, сир Торрхен потерял четверть своих людей, что было еще терпимо по сравнению с потерями сира Лорента Марбранда: из ста рыцарей и латников, которых тот повел на Блошиный Конец, вернулись только шестнадцать, и командующего Королевской Гвардией не было в их числе.

К вечеру Рейенира поняла, что власть ее рушится. Девичий Пруд перешел к врагу, Крапива сбежала, муж изменил, леди Мисария предупреждала о том, что грядущая ночь будет еще хуже минувшей. Из ста придворных, утром собравшихся в ее тронном зале, не осталось ни одного.

Королева, переходя от ярости к отчаянию, цеплялась за Железный Трон так, что в кровь изранила себе руки. Она поставила командовать золотыми плащами сира Бейлона Берча, капитана Старых ворот; послала воронов в Винтерфелл и Гнездо с просьбой о новом подкреплении; лишила прав состояния Моутонов из Девичьего Пруда; назначила молодого сира Глендона Гуда лордом-командующим Королевской Гвардии. Сей двадцатилетний рыцарь пробыл королевским гвардейцем всего лишь одну луну, но отличился на Блошином Конце и доставил в замок тело сира Лорента Марбранда.

Эйегон Младший не отходил от матери и почти все время молчал. Тринадцатилетний принц Джоффри облачился в доспехи и просил королеву отпустить его в Драконье Логово за Тираксесом. «Я хочу сразиться за тебя, матушка, как братья сражались. Позволь мне доказать, что храбростью я не уступлю им». — «Твоих братьев храбрость убила», — отрезала Рейенира и запретила принцу покидать замок.

С заходом солнца чернь снова полезла из всех щелей, и было ее еще больше, чем прежде. Сир Перкин со своими рыцарями обчищал портовые склады и стоявшие в гавани корабли. Крепкие стены и башни города предназначались для защиты от внешних врагов и против внутренних оказались бессильны. Особенно слаб был гарнизон Божьих ворот: его капитан и треть стражников полегли на Сапожной площади с сиром Лютором, многие из оставшихся были ранены, и орда сира Перкина легко одолела их.

Час спустя открылись также Королевские ворота и Львиные. Стража, охранявшая Королевские, разбежалась, «львы» примкнули к бунтовщикам. Враги Рейениры могли теперь без помех пройти в трое из семи городских ворот, но самую страш-

ную угрозу для нее представлял сам город. На Сапожной площади опять собралась толпа, вдвое больше и злее, чем в прошлую ночь. Люди с тревогой смотрели в небо, боясь, что там вот-вот покажутся драконы короля Эйегона; они больше не верили, что королева способна их защитить.

И тут некий безумный однорукий пророк, именующий себя Пастырем, разразился речью против драконов — не только тех, что могли прилететь извне, но и местных, столичных. «Они вас всех превратят в головешки, — вещал он. — Жены ваши будут метаться, охваченные огнем, бесстыдно обнажающим их; глаза ваших плачущих детей вытекут, их нежная плоть обуглится. Грядет Неведомый, чтобы покарать нас за грехи наши! Молитвы не утишат гнева его, слезы не угасят драконьего пламени. Лишь кровь способна на это — моя, ваша, их. — И он указал обрубком правой руки на холм Рейенис, где чернело на звездном небе Драконье Логово. — Там они обитают, демоны. Это их город. Если хотите, чтобы он стал вашим, убейте их! Если хотите очиститься от греха, омойтесь кровью драконов! Одна лишь кровь способна угасить пламя ада!»

«Бей их! Бей их!» — поднялся рев, и стадо Пастыря, словно зверь о десяти тысячах ног, повалило к Драконьему Логову с факелами, ножами, дубьем. Самые благоразумные отставали, но на каждого ушедшего в толпу вливались трое других. У холма Рейенис число драконоборцев увеличилось вдвое.

Королева Рейенира наблюдала за этим с крыши крепости Мейегора на холме Эйегона вместе с сыновьями и приближенными. Факелов у Драконьего Логова было столько, будто все звезды спустились с небес. Рейенира послала гонцов к сиру Бейлону у Старых ворот и к сиру Гарту у Драконьих, приказывая им разогнать толпу и взять под защиту королевских драконов, но не было никакой надежды, что гонцы доберутся туда, да и золотых плащей оставалось слишком мало, чтобы надеяться на успех. Принц Джоффри умолял мать отпустить его на вылазку с рыцарями замка и Белой Гавани, но королева не позволяла. «Взяв тот холм, они придут к этому, — говорила она. — Каждый меч нужен нам для защиты Красного Замка».

«Но они ведь убьют драконов!» — сокрушался принц Джоффри.

«Или наоборот. Будет только лучше, если весь этот сброд сгорит».

«Они Тираксеса убьют, матушка!»

«Кто? Эти пьяные смерды, это дурачье, эти крысы? Да они пустятся бежать при первом же всполохе драконьего пламени!»

«То-то и есть, что пьяные, — вмешался тут придворный шут Гриб. — Пьяному море по колено. И дурачье они, верно, но и дурак может убить короля. А что до крыс, так тысяча крыс и медведя повалит, сам такое видел на Блошином Конце».

В этот миг раздался рев Сиракс, и только тогда все заметили, что Джоффри на крыше нет. «Не смей! — вскричала королева. — Я запрещаю!» Но Сиракс уже взлетела и умчалась во мрак. На ней с мечом в руке сидел Джоффри. «По коням! — кричала Рейенира. — Все за ним! Верните моего сына! Он не знает, не знает!»

Но было уже слишком поздно.

Ни один мудрец за долгие века так и не сумел разгадать, что за таинственные узы связывают дракона с его хозяином. Мы знаем лишь, что дракон не лошадь, и не всякий, кто вскочит в седло, сможет на нем усидеть. На Сиракс, кроме Рейениры, никто еще не летал. Зная Джоффри по запаху, она дала себя отвязать, но когда он сел на нее, все изменилось. Принц снялся впопыхах, без седла и бича, желая то ли послать Сиракс в бой, то ли, что вероятнее, долететь на ней до Драконьего Логова и своего Тираксеса. Возможно, он собирался освободить всех тамошних драконов.

Как бы там ни было, до холма Рейенис он так и не долетел. Сиракс начала метаться, почуяв на себе незнакомого всадника, а летящие снизу камни, копья и стрелы бесили ее еще пуще. Она сбросила Джоффри с высоты двухсот футов над Блошиным Концом.

Мальчик упал на крышу и полетел с нее вниз. Он сломал себе спину, осколки сланца изрезали его как ножи, собственный меч вонзился ему в живот. Говорят, что дочка свечника по имени Робин обнимала и утешала его, пока он умирал, но это скорее легенда. «Прости меня, матушка», — будто бы сказал он, но никто не знает, к своей матери он обращался или к Небесной.

Так погиб Джоффри Веларион, принц Драконьего Камня и наследник Железного Трона, последний из сыновей Рейениры от Лейенора Вариона... или, как полагают многие, от сира Харвина Стронга.

У Драконьего Логова между тем кипел бой.

Гриб не солгал: крысы, когда их много, способны повалить и быка, и медведя, и льва. Большой зверь убивает их сотнями, но они не сдаются: кусают его за ноги, лезут по брюху, бегут по спине. А у крысолюдов с Блошиного Конца, помимо копий, топоров и дубинок, были даже луки и арбалеты.

Золотые плащи Драконьих ворот, повинуясь приказу, двинулись было на холм, но отступили, убоявшись превосходства бунтовщиков; до Старых ворот гонец королевы не доскакал. Толпа, перебив немногочисленную стражу Драконьего Логова, выламывала двери (главные ворота, окованные железом и бронзой, не поддались им, но в здании было много других ходов) и лезла в окна.

Если они надеялись застать драконов спящими, то напрасно: от шума и грохота те давно пробудились. Немногие очевидцы, выжившие в ту ночь, рассказывали о запахе крови и топорах, крушивших тяжелые двери. «Редко увидишь, чтобы люди по доброй воле бросались в погребальный костер, — писал впоследствии великий мейстер Манкен, — но ими владело безумие». Когда первые бунтари хлынули на песок, их встретили все четыре разъяренных дракона.

Летописцы расходятся в том, сколько людей тогда погибло в Драконьем Логове, двести или две тысячи; на каждого погибшего приходилось десять обожженных, но выживших. Драконы, сидевшие в тесноте, на цепях, под куполом, не могли ни улететь, ни отбиться от врагов крыльями. Они дрались рогами, когтями, зубами, вертясь во все стороны, как быки в крысиной яме... и выдыхали огонь, в отличие от быков. Драконье Логово обратилось в ад: люди вопили и оплывали, как свечки, но на место одного сгоревшего являлись десять других и драконов, одного за другим, убивали.

Первым стал Шрикос, сраженный дровосеком по прозвищу Хобб-Рубака: тот вскочил дракону на шею и молотил его по голове топором, а Шрикос ревел и вился, стараясь сбросить его. Хобб нанес семь ударов, выкрикивая имена семерых богов; на седьмом, Неведомом, топор расколол череп и вошел в мозг.

Моргула, согласно летописям, убил Пылающий Рыцарь, здоровенный детина в доспехах. Он ринулся прямо в огонь и раз за разом вогнал копье в глаз дракона, но и сам погиб, заключенный в свои расплавленные доспехи.

Тираксес, дракон принца Джоффри, уполз назад в свое логово и завалил вход в него трупами сожженных врагов, но бунтовщики проникли к нему «с черного хода», со стороны холма. Повернувшись к ним, Тираксес запутался в цепях; победу над ним приписывали себе полдюжины мужчин и одна женщина.

Последняя, Огненная Мечта, сдалась не так скоро. Две своих цепи, по преданию, она порвала в миг гибели Гелайены, остальные вывернула из стен, когда начался штурм. Врагов она рвала зубами и терзала когтями, не переставая в то же время палить их огнем. В конце концов она взлетела, стала кружить под куполом, атакуя людей с высоты, и перебила больше народу, чем трое остальных вместе.

Сотни бунтовщиков бежали от нее в ужасе, но их заменяли новые — пьяные, обезумевшие, одержимые самим Воином. Стрелы из луков и арбалетов доставали Огненную Мечту в воздухе и не давали ей снизиться. Дважды она бросалась на главные бронзовые ворота, но не смогла их взломать.

Песчаная яма наполнилась дымом и смрадом горелого мяса, но копья и стрелы все так же летели вверх. Один арбалетный болт угодил наконец в глаз дракону, и Огненная Мечта, израненная, наполовину ослепшая, в последней отчаянной попытке рванулась ввысь. Купол, опаленный драконьим огнем, не выдержал удара и обвалился, похоронив под собой и ее, и злосчастных ее погубителей.

Так завершилось взятие Драконьего Логова. Четыре дракона лежали мертвые, но на полуживых, вылезших из-под развалин бунтовщиков бросилась сверху Сиракс.

Огненная корона над Драконьим Логовом пылала, как солнце. Королева смотрела на это, вся дрожа, обливаясь слезами. Ее приближенные бежали с крыши и молились о спасении в замковой септе, боясь, что пламя охватит весь город; но Рейенира, прижимая к себе последнего своего сына, оставалась наверху до конца.

Почему Сиракс, оставшаяся без всадника, не вернулась в замок или не улетела домой, на Драконий Камень? Чем привлек ее холм Рейенис — воплями гибнущих драконов, запахом жареного? Непонятно также, почему она терзала и пожирала бунтовщиков на земле, а не извергла на них огонь сверху, где никто бы ее не достал. Мы не знаем, как все это объяснить, и лишь рассказываем, как все было на самом деле.

Неизвестно, как в точности погибла Сиракс, драконица королевы. Одни называют Хобба с его топором, но это едва ли возможно: мог ли тот же человек за одну ночь убить двух драконов? Другие рассказывают о некоем копейщике огромного роста, прыгнувшем в пролом купола прямо на спину Сиракс. Третьи говорят, что сир Варрик Уитон отсек ей крыло валирийским мечом, а добил ее Боб-арбалетчик. После оный Боб похвалялся этим во всех тавернах, пока один из приверженцев королевы не отрезал ему язык. Достоверно лишь одно: Сиракс была убита, как и другие драконы.

Пока безутешная Рейенира сидела в своих покоях, ее советники пришли к заключению, что Королевская Гавань для них потеряна. Королева неохотно согласилась покинуть город на рассвете следующего дня. Бунтовщики, захватив Грязные ворота, сожгли или потопили все корабли на реке, поэтому Рейенира с небольшим отрядом выехала через Драконьи, чтобы пробраться по берегу в Синий Дол. Сопровождали ее братья Мандерли, четверо выживших королевских гвардейцев, двадцать золотых плащей под началом сира Бейлона Берча, четыре фрейлины и сын Эйегон.

Вернемся теперь в Тамблетон. Услышав о беспорядках в Королевской Гавани, молодые лорды сир Джон Рокстон, сир Роджер Корн и Анвин Пек хотели тотчас же идти на столицу, но сир Хоберт Хайтауэр советовал подождать, а Два Предателя отказывались воевать, пока их требования не будут удовлетворены. Ульф Белый, как уже говорилось, желал получить Хайгарден со всеми его землями и доходами, Хью Молот замахнулся не меньше как на корону.

В разгар этих споров пришла весть о гибели Эйемонда Таргариена над Божьим Оком. О короле Эйегоне слуху не было со времен падения Королевской Гавани, и многие боялись, что Рейенира втайне, чтобы не прослыть братоубийцей, предала его смерти. Со смертью его брата Эйемонда зеленые остались и без короля, и без вожака. Следующим наследником трона был Дейерон. Лорд Пек предлагал незамедлительно объявить его принцем Драконьего Камня, а другие, убежденные в гибели короля, хотели сразу короновать.

Двух Предателей, однако, такой король не устраивал. «Возглавить нас должен сильный мужчина, а не мальчишка, — заявлял Хью Молот. — Трон должен принадлежать мне». На вопрос

Удалого Джона Рокстона, по какому-де праву он намерен стать королем, Хью отвечал: «По праву владыки дракона». После гибели Вхагара самым старым и крупным драконом в Вестеросе и вправду стал Вермитор. Он был втрое больше Тессариона, и всякий, кто видел их рядом, понимал, который дракон сильнее.

Человеку столь низкого рода, как Молот, не подобало бы претендовать на престол, но некоторая доля крови Таргариенов в нем, несомненно, была. Кроме того, он показал себя храбрым в бою и щедрым к своим сторонникам; вожак, обладающий такими свойствами, притягивает к себе последователей, как мертвое тело мух. Последователи эти, конечно, являли собой сущий сброд: наемники, рыцари-разбойники и прочие подонки без роду и племени, пуще всего на свете любившие войну, грабеж и насилие.

Настоящих лордов и рыцарей наглые притязания Хью возмущали, а принц Дейерон как-то выплеснул ему в лицо чашу вина. Ульф посетовал на то, что доброе вино пропало впустую, Молот же сказал: «Видно, твой отец не вбил в тебя уважение к старшим, мальчишка, — гляди, как бы я сам не взялся за твое воспитание». Два Предателя ушли с пира вместе и стали обдумывать коронацию Хью. Назавтра он, к ярости принца Дейерона и других родовитых воинов, появился на людях в короне из черного чугуна.

Сир Роджер Корн зашел так далеко, что сбил ее с головы Молота, сказав: «Королей делают не короны. Увенчай себя подковой, кузнец». Очень скоро ему пришлось раскаяться в своем неразумии: люди Молота повалили его, а сам бывший кузнец прибил к голове рыцаря не одну подкову, а целых три. Когда друзья вступились за Корна, в ход пошли мечи и кинжалы; трое человек были убиты и с дюжину ранены.

Этого сторонники Дейерона потерпеть уже не могли. Лорд Анвин Пек вынудил вечно колебавшегося Хоберта Хайтауэра созвать еще одиннадцать лордов и рыцарей на тайный совет. Собравшись в погребе гостиницы «Водяной орех», они стали думать, как дать укорот двум безродным драконьим наездникам. Избавиться от беспробудно пьяного и плохо владевшего оружием Ульфа было нетрудно, но Молота постоянно сопровождала свита его приверженцев. Мало будет пользы, если Ульф умрет, а Молот останется жив, заметил лорд Пек; Хью надлежит убить первым.

«Убить можно всякого, — возражал сир Хоберт, — но как быть с драконами?» В Королевской Гавани бунт, сказал на это сир Тайлер Норкросс; трон и с одним Тессарионом можно вернуть. С Вермитором и Среброкрылым будет надежнее, полагал лорд Пек. Марк Амброз предлагал сначала взять город, а с Ульфом и Молотом разделаться после. Рикард Родден считал такой путь бесчестным: «Нельзя убивать тех, кто проливал за нас кровь». — «Прикончим ублюдков прямо сейчас, — решил Удалой Джон Рокстон, — а храбрейшие из нас укротят их драконов». Никто из собравшихся в погребе не сомневался, что под «храбрейшими» Рокстон подразумевает себя самого.

Принц Дейерон на тайном сборище не присутствовал, но водяные орехи, как стали называть себя заговорщики, не хотели действовать без его ведома и согласия. Оуэна Фоссовея, лорда Яблочного, послали разбудить принца и привести его в погреб. Когда это было сделано, принц, прежде известный своим добросердечием, не колеблясь утвердил казнь Ульфа Белого и Хью Молота.

Заговорщикам не мешало бы также и помолиться: боги, как известно, смеются над замыслами людей. Две ночи спустя, как раз когда орехи хотели нанести свой удар, Тамблетон пробудился от шума и криков. За стенами города пылали костры, с севера и запада надвигались рыцарские колонны, в небе кружил дракон.

Так началась Вторая Тамблетонская битва. Дракон был Морским Чудом, и управлял им сир Аддам Веларион, решившийся доказать, что не все бастарды предатели. Наилучшим способом сделать это было отвоевать Тамблетон у Двух Предателей, чья измена запятнала его самого. В песнях говорится, что сир Аддам, прилетев из Королевской Гавани к Божьему Оку, остановился на священном Острове Ликов и спросил совета у зеленых людей, но историк может лишь утверждать, что он, перелетая от одного преданного королеве лорда к другому, собрал немалое войско.

На землях Трезубца произошло уже много сражений, и редкий замок или деревня не расплатились за Пляску Драконов кровью, но Аддам был красноречив и настойчив, а о тамблетонских ужасах речные лорды знали и без него. На Тамблетон сир Аддам выступил с четырехтысячной ратью.

Войско Хайтауэра было больше, но долгое его пребывание на одном месте способствовало болезням и ослаблению дисциплины. Лорда Ормунда больше не было, другие лорды не могли договориться между собой и за спорами позабыли о настоящем враге: ночная атака сира Аддама стала для них громом среди ясного неба. Его люди рубили врагов прямо в лагере, пока те вылезали из палаток, седлали коней, надевали доспехи и пристегивали мечи.

Морское Чудо, снижаясь раз за разом над вражеским станом, поджег около ста палаток, среди коих были великолепные шелковые шатры сира Хобарта, лорда Пека и самого принца Дейерона. В самом городе теперь занялось и то, что уцелело при первом пожаре.

Дейерон в это время спал у себя в шатре, Ульф Белый валялся пьяный в городской гостинице «Гулящий барсук», которую занимал целиком, Хью Молот тоже был в Тамблетоне и предавался утехам с вдовой рыцаря, убитого в первой битве. Три их дракона содержались в поле за стенами города.

Ульфа так и не удалось разбудить — он свалился под стол и проспал все сражение, — но полуодетый Хью мигом спустился во двор, требуя коня, доспехи и молот. Морское Чудо тем часом поджег конюшню, а к Хью приблизился Удалой Джон Рокстон. «Соболезную вам, лорд Молот», — сказал он. «С чего это?» — нахмурился Хью. «С того, что вы погибли в бою». С этими словами Рокстон обнажил свой меч Сиротская Доля и распорол предателя от паха до горла.

Тут набежали люди Молота, и Рокстон даже с валирийским мечом не смог один отбиться от десяти. Он убил троих и сам был убит. Говорят, что он поскользнулся на внутренностях Хью Молота, но это было бы уж слишком жестокой насмешкой судьбы.

О гибели принца Дейерона сохранились три противоречивых свидетельства. Большинство полагает, что принцу, выскочившему из шатра в горящей ночной рубашке, размозжил лицо булавой мирийский наемник Черный Тромбо; сам Тромбо по крайней мере рассказывал это всем встречным и поперечным. Другие думают, что принца убили мечом, а не булавой, и сделал это не Тромбо, а безымянный латник, не смекнувший даже, кого он убил. Третьи полагают, что отважный юноша сгорел в своем шатре, не успев выбраться.

Аддам Веларион, следивший сверху за ходом битвы, не мог знать, что двое из трех вражеских драконьих хозяев погибли, но драконов, разумеется, видел. Их держали за городскими стенами без привязи, чтобы они могли вылетать на охоту. Среброкрылый и Вермитор спали, свившись в один клубок, к югу от Тамблетона, Тессарион жил в западном лагере, ярдах в ста от шатра Дейерона.

Все три огненных змея пришли в возбуждение, когда вокруг них закипела битва. Один арбалетчик, говорят, пустил стрелу в Среброкрылого, а конные рыцари, напавшие на полусонного Вермитора с пиками, мечами и топорами, поплатились жизнью за свое неразумие. Тессарион, крича и выдыхая огонь, взлетел первым, и сир Аддам повернул Морское Чудо навстречу ему.

Чешуя дракона, прикрывающая его уязвимую плоть, большей частью огнеупорна. С годами она становится все толще, а пламя все жарче: детеныш разве что солому способен поджечь, в то время как Балерион и Вхагар плавили сталь и камень. Поэтому драконы, сходясь в поединке, пользуются зачастую другим оружием: их когти остры как бритва, челюсти могут сокрушить стальной панцирь, удар хвоста разносит в щепки повозку, ломает спину боевому коню и подкидывает человека на пятьдесят футов в воздух.

Тессарион и Морское Чудо сражались иначе.

Войну между Эейгоном II и его сестрой Рейенирой называют Пляской Драконов, но лишь при Тамблетоне драконы плясали в полном смысле этого слова. Тессарион и Морское Чудо, оба молодые, двигались изящнее, чем их старшие родичи. Они бросались друг на друга и отступали в последний миг, парили как орлы, падали с неба как ястребы, кружили, ревели, изрыгали огонь. Тессарион, скрывшись за облаками, тут же вышел из них и опалил Чуду хвост языком синего пламени. Чудо, выписывая затейливые фигуры, оказывался то ниже, то позади противника. Люди следили с городских крыш, как они поднимаются все выше и выше; очевидцы-то и говорили потом, что их схватка больше напоминала танец, чем битву.

Вермитор, взмывший в небо, положил конец пляске.

Почти столетний бронзовый исполин, величиной с обоих молодых бойцов, вместе взятых, был изранен и разъярен. Без всадника он не отличал своих от чужих и жег всех, кто метал в него копья. Одного рыцаря, пытавшегося ускакать прочь, он

выхватил из седла когтями. Лорды Пайпер и Деддингс, некстати поднявшиеся на взлобок, сгорели вместе с оруженосцами, слугами и присяжными рыцарями.

Миг спустя на Вермитора кинулся Морское Чудо, единственный из четырех драконов, которым управлял человек.

Сир Аддам вознамерился доказать свою верность, истребив Двух Предателей с драконами вместе. Один из этих драконов сейчас был как раз под ним и поливал огнем людей королевы; отважный рыцарь не мог не вступиться за них, хотя и понимал, что его Морское Чудо слишком молод для поединка с таким великаном, как Вермитор.

Это был уже не танец, а смертный бой. Чудо упал сверху на Вермитора, летевшего на высоте не более двадцати футов, и оба рухнули наземь. Люди в ужасе разбегались от дерущихся в грязи змеев. Они сцепились так, что вырваться не мог ни один. Бенжикот Блэквуд, сидевший на коне ярдах в пятидесяти от них, говорил после, что старый очень скоро порвал бы молодого на части, не вмешайся в схватку Тессарион.

Кому ведомо сердце дракона? Быть может, он хотел помочь кому-то из двух противников — но кому? Говорят, что связь между драконом и его хозяином так прочна, что любовь и ненависть всадника передаются дракону, но кто в этом случае был врагом, а кто другом, и способен ли бесхозный дракон отличать друзей от врагов?

Никто не ответит нам на эти вопросы. Известно лишь, что Морское Чудо пал первым: Вермитор сомкнул зубы у него на шее и оторвал ему голову. Так и держа в зубах свой трофей, бронзовый дракон попытался взлететь, но изорванные крылья не удержали его; он снова хлопнулся в грязь и умер. Тессарион трижды пытался взлететь и трижды падал. Он сильно мучился, и лорд Блэквуд, видя это, кликнул опытнейшего своего лучника Билли Крепыша. Тот занял позицию в ста ярдах, куда не доставал драконий огонь, и всадил три стрелы в глаз умирающему.

Сражение длилось весь день и затихло к вечеру. Речные лорды, потеряв меньше ста человек, убили больше тысячи врагов из Простора и Староместа, однако полной их победой Вторую Тамблетонскую битву считать нельзя, ибо город они не взяли. Тамблетонские стены не пострадали в огне; люди короля отошли за них и закрыли ворота, которые речное войско за неиме-

нием осадных машин и драконов взломать не могло. Тем не менее люди королевы учинили во вражеском лагере великий разгром, пожгли палатки, захватили чуть ли не весь обоз, увели три четверти лошадей, убили принца и способствовали гибели двух драконов.

Наутро после битвы в Тамблетоне увидели, что врага под стенами больше нет. Среди множества мертвых тел распростерлись и три дракона. В живых остался один Среброкрылый; всю битву он кружил высоко над полем и лишь в сумерках опустился рядом с убитыми родичами. Песня повествует о том, как он приподымал носом крылья мертвого Вермитора, будто взлететь ему помогал, но это скорее всего вымысел. Утром он летал туда-сюда, поедая опаленные огнем трупы людей, лошадей и волов.

Восемь из тринадцати «водяных орехов», считая Оуэна Фоссовея, Марка Амброза и Удалого Джона Рокстона, были мертвы. Рикард Родден, раненный стрелой в шею, умер на другой день. Четверо, считая Хоберта Хайтауэра и Анвина Пека, остались в живых. Хью Молот со своими мечтами о короне, правда, погиб, но жив был второй предатель: Ульф Белый, проспавшись, понял, что остался единственным владыкой дракона.

«Молот окочурился, и мальчишка ваш тоже, — сказал он будто бы лорду Пеку. — Один я у вас есть». На вопрос Пека, что он намерен делать, Ульф ответил: «Пойдем брать столицу, как тебе и хотелось. Тебе город, мне трон».

На другое утро к Ульфу пришел сир Хоберт Хайтауэр, чтобы обсудить план взятия Королевской Гавани. В «Барсук» по такому случаю доставили два винных бочонка, один с дорнийским красным, другой с борским золотым. Ульф-Бражник мог пить что угодно, но сладкие вина любил больше всего. Сир Хоберт, без сомнения, полагал, что сам он будет пить красное, а лорд Ульф — борское, но почтенный рыцарь так потел и заикался, что Ульф насторожился и приказал дорнийское вино унести.

Сир Хоберт в жизни свершил немногое, но умер достойно. Не выдав своих сообщников, он осушил чашу золотого вина и попросил еще. Ульф, видя это, выхлебал целых три чаши и начал зевать: яд, растворенный в вине, действовал мягко. Когда он уснул вечным сном, сир Хоберт попытался вызвать у себя рвоту, но опоздал; вскоре перестало биться и его сердце.

После этого лорд Анвин Пек посулил тысячу золотых драконов любому выходцу из благородного дома, который подчинит себе Среброкрылого. Одному из трех охотников дракон оторвал руку, другого спалил, третий пошел на попятный. Остатки большого войска принца Дейерона и лорда Ормунда таяли на глазах: дезертиры разбегались, унося на себе добычу. Пек, признав свое поражение, приказал отступать. Обвиненный в измене Аддам из Корабела, он же сир Аддам Веларион, спас Королевскую Гавань ценой собственной жизни.

Королева, спешно убегавшая из столицы, ничего об этом не знала. Замок Росби закрыл перед ней ворота, кастелян малолетнего лорда Стокворта дал ей приют всего лишь на одну ночь, половина золотых плащей по пути разбежалась. Как-то ночью лагерь беглецов подвергся нападению дезертиров; рыцари отразили атаку, но сир Бейлон Берч погиб от стрелы, а молодой королевский гвардеец сир Лионель Бентли умер на другой день от сильного удара по голове.

Дом Дарклинов из Синего Дола, поддерживавший Рейенири с самого начала, успел раскаяться в этом. Лишь заступничество сира Харролда Дарка убедило леди Мередит Дарклин впустить королеву в замок (Дарки приходились Дарклинам родичами, а сир Харролд служил раньше оруженосцем у покойного сира Стеффона). Хозяйка поставила, однако, условием, что Рейенира недолго пробудет здесь.

Отправив лорда Корлиса в темницу, королева лишилась своего флота, а золота с собой впопыхах не взяла. Изнуренная, отчаявшаяся, она ничего не ела и не спала по ночам. Последнего живого сына она не отпускала от себя ни на шаг: принц Эйегон был при ней денно и нощно, «как маленькая бледная тень».

Ей пришлось продать свою корону, чтобы нанять браавосский торговый корабль «Виоланду». Сир Харролд убеждал ее искать пристанища у леди Аррен в Долине, сир Медрик Мандерли уговаривал плыть с ним и его братом в Белую Гавань, но королева не согласилась. Она решила вернуться домой, на Драконий Камень. Там лежат драконьи яйца, говорила она; без драконов ее дело проиграно в любом случае.

Ветер принес «Виоланду» ближе к Дрифтмарку, чем было желательно королеве. Трижды они проходили на расстоянии оклика от боевых кораблей лорда Вельяриона, и Рейенира в это время не показывалась на палубе. С вечерним приливом судно

вошло в гавань под Драконьей горой. Королева послала вперед воронов, и на берегу ее ждал эскорт. Она вышла на пристань с принцем Эйегоном, своими дамами и тремя королевскими рыцарями — всем, что осталось от ее свиты.

Шел дождь, и в порту не было ни души. Даже бордели с тавернами стояли пустые, но королева не обратила на это внимания. Сломленная телом и духом, она хотела лишь одного: вернуться в свой замок, где ей с сыном ничто не будет грозить. Могла ли она знать, что последняя и самая страшная измена ждет ее в родных стенах?

Эскортом из сорока человек командовал сир Альфред Брум, старейший из местных рыцарей. Он служил еще при Старом Короле и полагал, что после отбытия королевы на материк кастеляном оставят его, но по причине его угрюмого нрава Рейенира отдала этот пост более покладистому сиру Роберту Квинсу.

На вопрос Рейениры, отчего сир Роберт сам не встретил ее, Брум ответил, что она найдет «нашего толстого друга» в замке. Он не солгал: обгоревший до неузнаваемости труп Квинса висел над воротами рядом с телами стюарда, мастера над оружием и капитана гвардии. Лишь по толщине королева и узнала своего кастеляна.

Рейенира побледнела, глядя на них, но принц Эйегон спохватился первый. «Матушка, бежим!» — крикнул он, и тут люди сира Альфреда бросились на защитников королевы. Сиру Харролду Дарку размозжили голову топором, не успел он обнажить меч, сиру Адриану Редфорту нанесли удар копьем в спину. Один сир Лорет Лансдел сумел перед смертью уложить двух изменников. Принц Эйегон схватил меч убитого сира Харролда, но сир Альфред презрительно отвел клинок в сторону.

Мальчика, королеву и фрейлин ввели во двор замка, и они увидели перед собой умирающего дракона.

Чешуя Солнечного все так же сверкала золотом на черном камне двора, но видно было, что жить великолепнейшему из вестеросских драконов осталось недолго. Он лежал, свернувшись клубком; крыло, почти напрочь оторванное Мелейс, торчало косо, свежие шрамы на спине дымились и кровоточили. Когда он поднял голову, почуяв чужих, стали видны рваные раны на его шее. На брюхе вздулись рубцы, в пустой правой глазнице запеклась черная кровь.

Ты недоумеваешь, читатель? Рейенира также ничего не могла понять, но мы теперь знаем то, чего не знала она. Как только в небесах над Королевской Гаванью показались ее драконы, лорд Ларис Стронг вывел короля и его детей из города потайными ходами Мейегора Жестокого, известными ему одному.

Тот же лорд Ларис решил разделиться, чтобы беглецов не поймали всех разом. Сиру Рикарду Торне поручили доставить двухлетнего принца Мейелора к лорду Хайтауэру. Шестилетнюю принцессу Джейегеру отдали на попечение сира Вилиса Фелла, долженствовавшего отвезти ее в Штормовой Предел. Ни один из них не знал, куда направляется другой, и потому не мог выдать этого, попав в плен.

Самого короля, переодетого в просоленный рыбацкий плащ, спрятали под грузом трески на баркасе и отправили на Драконий Камень. Хозяином баркаса был рыцарь-бастард, имевший родню на острове. Колченогий рассудил, что Рейенира непременно объявит охоту на Эйегона, но лодка в море не оставляет следов, и едва ли кому придет в голову искать короля рядом с сестриным замком.

Пока Эйегон отлеживался в своем укрытии, глуша боль вином и скрывая ожоги под одеждой простолюдина, на Драконий Камень прилетел Солнечный. Никто не может сказать, что потянуло его туда: смутная память о дымной горе, где он вылупился, или чутье, подсказавшее ему, что хозяин там, за волнами. Кое-кто полагает даже, что Солнечный чувствовал, как отчаянно нуждается в нем Эйегон, но кому ведомо сердце дракона?

После того как лорд Валис Моутон согнал Солнечного с насиженного пепелища у Грачевника, след дракона потерялся на целых полгода. (Семейные предания Крэбов и Брюнов гласят, что он укрывался в сосновых борах и пещерах на Раздвоенном Когте.) Надорванное крыло срослось плохо: Солнечный больше не мог парить и долго держаться в воздухе, но каким-то образом перелетел Черноводный залив: это он дрался с Серым Призраком на глазах у команды «Нессарии». Сир Роберт Квинс объявил виновником Людоеда, но житель острова Том-Заика усердно поил моряков элем и мотал на ус все, что они говорили. В их рассказах не раз поминалась золотая чешуя второго бойца, в то время как Людоед был черен как уголь. Два Тома со своими «кузенами» (это не совсем верно: родней им приходился только сир Марстон, сын сестры Тома-Колтуна от лишив-

шего ее невинности рыцаря) сели в лодку и отправились на поиски убийцы Серого Призрака.

Обожженный король и подраненный дракон вновь обрели друг друга. Каждый день на рассвете Эйегон выбирался из своего укрытия на восточном склоне Драконьей горы и поднимался в небо впервые после Грачевника, а два Тома и сир Марстон Уотерс между тем вербовали сторонников для взятия замка. Даже в исконных владениях Рейениры нашлось немало тех, кто ее недолюбливал. Одни оплакивали родных, погибших в Глотке и в других битвах, другие надеялись пограбить, третьи искренне думали, что сын идет прежде дочери, и стояли за Эйегона.

Рейенира увела лучших своих людей в Королевскую Гавань, полагая, что замку Драконий Камень под защитой флота и валирийских стен ничто не грозит. Его малочисленный гарнизон состоял из стариков, мальчишек, калек и тех, кого подозревали в неверности или трусости, а возглавлял их пожилой, раздобревший сир Роберт Квинс.

Все согласны с тем, что его верность королеве не поддавалась сомнению, но не все его подчиненные были столь же верны: многие таили обиды, действительные или воображаемые. Сир Альфред Брум, самый видный из них, не замедлил предать свою королеву за обещанные ему лордство, земли и золото. Он хорошо знал сильные и слабые стороны замка и гарнизона, знал, кого можно подкупить, а от кого лучше избавиться сразу.

Замок в итоге не продержался и часа. В час призраков люди Брума открыли калитку сиру Марстону Уотерсу, Тому-Заике и другим заговорщикам. Один отряд захватил оружейную, другой взял под стражу верных королеве латников и мастера над оружием, сир Марстон поднялся на вышку и помешал мейстеру Ханнимору выпустить воронов. Сам сир Альфред со своими приспешниками ворвался в покои кастеляна. Не успел Квинс подняться с постели, как Брум вогнал копье в его толстый живот с такой силой, что оно, проткнув перину и соломенный тюфяк, вошло в пол.

Неудача постигла заговорщиков лишь в одном. Когда Том-Заика со своей шайкой вломился в спальню леди Бейелы, девушка выбралась в окно и спустилась во двор. Люди короля уже поставили часовых у конюшни, где держали драконов, но Бейела знала все ходы и выходы в замке: прежде чем погоня на-

стигла ее, она успела освободить и оседлать своего Лунного Танцора.

Когда торжествующий Эйегон стал снижаться над замком, навстречу ему поднялась дочь принца Дейемона Бейела Таргариен, столь же бесстрашная, как и ее отец.

Бледно-зеленый Танцор с жемчужным гребнем и рожками был, если не считать крыльев, не больше боевого коня, а весил и того меньше. Именно поэтому двигался он легко и проворно, в то время как Солнечный, много крупнее его, плохо владел крылом и получил свежие раны в бою с Серым Призраком.

Они схватились, освещая предрассветную тьму своим пламенем. Лунный Танцор, увернувшись от зубов и когтей Солнечного, зашел сверху, разодрал большому дракону спину и рванул больное крыло. Люди, наблюдавшие снизу, говорили, что Солнечный сразу дал крен, а Танцор дохнул на него огнем. Ответная вспышка, подобная солнцу, ослепила молодого дракона, но он уже налетел на противника, и оба начали падать. На пути вниз Танцор терзал шею Солнечного, а тот кромсал когтями его живот. Зеленый, весь в крови, отчаянно забил крыльями и хотел вырваться, но сумел лишь замедлить падение.

Зрители разбежались кто куда, и драконы, продолжая драться, упали на камень. На земле проворство уже не спасало Танцора от большого и тяжелого Солнечного. Золотой дракон вскоре загрыз врага, испустил победный вопль и попытался взлететь, но не смог.

Эйегон выпрыгнул из седла футах в двадцати над землей и переломал себе ноги. Леди Бейела не оставляла Танцора до конца; разбитая, обожженная, она все же отстегнула седельные цепи и отползла прочь, пока ее дракон бился в предсмертных корчах. Альфред Брум собрался добить ее, но Марстон Уотерс отнял у него меч, а Том-Заика отнес девушку к мейстеру.

Вотчина предков досталась королю дорогой ценой. Солнечный так больше и не поднялся в небо; он лежал во дворе и поедал сначала Танцора, потом баранов, которых ему приносили. Сам Эйегон мучился от боли до конца своих дней, но макового молока, к чести своей, больше не принимал. «На эту дорожку меня теперь не заманишь», — говорил он.

Вскоре, когда он лежал в лубках в чертоге Каменный Барабан, из Синего Дола прилетели первые вороны Рейениры. Узнав, что сестра возвращается в замок на «Виоланде», Эйегон

приказал сиру Альфреду Бруму приготовить ей «достойный прием».

Нам все это известно, но королева, сходя с корабля в приготовленную братом ловушку, не ведала ничего.

Увидев распростертого на земле Солнечного, она засмеялась и спросила: «Кого же нам за это благодарить?»

«Здравствуй, сестра!» — позвал тут с балкона Эйегон, которого вынесли туда в кресле. Из-за сломанного в Грачевнике бедра он был весь перекошен, красивое прежде лицо от макового молока стало одутловатым, половину тела покрывали ожоги, но Рейенира сразу узнала его.

«Дорогой братец! Я-то надеялась, что ты уже отошел к праотцам».

«Только после тебя, ты ведь старшая».

«Приятно слышать, что ты помнишь об этом. Теперь мы, видимо, твои пленники, но долго ты нас не удержишь. Верные мои лорды найдут меня».

«Разве что в семи преисподних», — ответил король. Рейенире оттащили от сына; одни говорят, что это сделал сир Альфред Брум, другие — что два Тома, Колтун-отец и Заика-сын. Сир Марстон Уотерс стоял тут же в белом плаще: Эйегон за доблесть назначил его королевским гвардейцем.

Ни он, ни другие рыцари не сказали ни слова против, когда король отдал сестру дракону. Солнечного, как говорят, не слишком соблазняло такое лакомство; лишь когда сир Альфред кольнул грудь королевы кинжалом, дракон обнюхал ее и поджарил, воспламенив заодно и плащ Брума. Рейенира возвела глаза к небу и выкрикнула проклятие, прежде чем дракон оторвал ей руку вместе с плечом.

Змей, пожирая королеву, отгрыз от нее шесть кусков и оставил «для Неведомого» лишь ногу ниже колена. Сын смотрел на это, оцепенев от ужаса. Рейенира Таргариен, Жемчужина Королевства, покинула этот мир на двадцать второй день десятой луны 130 года от Завоевания Эйегона, в возрасте тридцати трех лет.

Сир Альфред хотел и принца убить, но король запретил ему, сказав, что мальчику всего десять лет и он будет ценным заложником. У сестры оставались еще сторонники, с коими следовало разделаться, прежде чем сесть на Железный Трон. Принца Эйегона заключили в оковы и бросили в темницу под замком,

а фрейлины покойной королевы отправились в башню Морского Дракона, чтобы дожидаться там выкупа. «Довольно прятаться, — провозгласил король Эйегон. — Посылайте воронов: пусть страна знает, что самозванка мертва, а истинный король скоро вернется и займет трон своего отца». Но даже истинным королям легче сказать что-то, нежели сделать.

После гибели Рейениры король еще тешил себя надеждой, что Солнечный поправится и сможет летать. Но дракон все слабел, и раны у него на шее гноились. Даже дым, который он выдыхал, имел дурной запах; он стал отказываться от еды и на девятый день двенадцатой луны испустил дух. Король рыдал, как дитя.

Немного оправившись от горя, он собрал своих людей, чтобы обсудить с ними возвращение в Королевскую Гавань. Там его ждала королева-мать, восторжествовавшая наконец над соперницей хотя бы уж тем, что пережила ее. Рейениру король повелел во всех летописях именовать впредь отнюдь не королевой, а только принцессой; королевами могли называться лишь его мать Алисент и покойная жена Гелайена.

Приправленное горем торжество Эйегона длилось, однако, недолго. Дело Рейениры не умерло вместе с ней, и войска черных двинулись на столицу в то самое время, как король возвратился в свой Красный Замок. Он так и не залечил свои раны, не знал ни покоя, ни радости и царствовал всего лишь полгода.

Но о том, как окончил свои дни Эйегон II и как его сменил Эйегон III, мы расскажем как-нибудь в другой раз. Война за трон продолжалась, но соперничество принцессы в черном и королевы в зеленом обрело свой кровавый конец; так мы и завершим эту главу истории.

ДЖИМ БАТЧЕР

Автор бестселлеров «Нью-Йорк таймс», Джим Батчер более всего известен, как автор серии «Досье Дрездена», где в роли главного героя выступает Гарри Дрезден, наемный волшебник, который разгуливает по темным переулкам и сражается с существами потустороннего мира. Гарри Дрезден стал одним из самых популярных вымышленных персонажей двадцать первого века; он даже вел собственное телевизионное шоу. «Досье Дрездена» состоят из романов: «Гроза из преисподней», «Луна светит безумцам», «Могила в подарок», «Летний рыцарь», «Лики смерти», «Обряд на крови», «Барабаны зомби», «Доказательство вины», «Белая ночь», «Маленькое одолжение», «Продажная шкура» и «Перемены». Кроме того, Батчер является автором приключений меча и магии, серии «Кодекс Алеры», состоящей из романов: «Фурии Кальдерона», «Битва за Кальдерон», «Cursor's Fury», «Captain's Fury» and «Princeps' Fury». Среди последних книг «First Lord's Fury», новый роман из «Кодекса Алеры» и «История призрака» из серии «Досье Дрездена». Существует также сборник рассказов о Гарри Дрездене, «Халтура: истории из "Досье Дрездена"». Выходит новый роман из этой же серии «Холодные дни». Батчер живет в Миссури с женой, сыном и свирепым сторожевым псом.

Батчер изумил всех, убив Гарри Дрездена в конце «Перемен». (События его следующего романа «История призрака» рассказаны с точки зрения призрака Гарри!) В нем юная протеже Гарри пытается сражаться с силами тьмы б е з Гарри и обнаруживает, что занять его место ей не под силу. Она должна б ы с т р о расти — или умереть.

КРАСОТКИ

Я скучаю по своему боссу.

Прошел почти год с тех пор, как я помогла ему умереть, и все это время я оставалась единственным профессиональным чародеем в городе Чикаго.

© Jim Butcher, 2013; © пер., примеч. В. Гольдича, 2014.

Ну ладно. По правде говоря, официально я не чародей. Я все еще ученица. И никто мне не платит, если не считать бумажники и другие ценности, которые я иногда забираю у мертвецов, так что я скорее любитель, чем профессионал. И у меня нет лицензии частного детектива, какая была у моего босса, или рекламы в телефонной книге.

Но я все еще здесь. Я не так сильна, как он, и не настолько хороша, как он. Остается лишь надеяться, что моих способностей хватит, чтобы справляться с возникающими проблемами.

Так или иначе, но сейчас я смываю кровь в душе Уолдо Баттерса.

В последнее время я в основном живу под открытым небом, что не так ужасно летом и в начале осени, как в период арктического холода прошедшей суперзимы. С тем же успехом можно спать на тропическом пляже. И все же мне не хватает регулярного доступа к водопроводу, и Уолдо пускает меня помыться всякий раз, когда возникает необходимость. Я сделала воду максимально горячей и почувствовала, что я в раю. Это был обжигающий рай, но все же рай.

За несколько секунд пол в душе стал красным, но довольно быстро порозовел, когда я смыла большую часть крови. К счастью, не моей крови. Банда приспешников «Фомора» уносила пятнадцатилетнего мальчика в сторону озера Мичиган. Если бы они туда добрались, его бы ждала судьба более страшная, чем смерть. Я вмешалась, но ублюдок Слухач перерезал мальчику горло, чтобы не отдавать мне свою добычу. Я попыталась его спасти, когда Слухач с дружками бросились бежать. У меня не получилось. Я осталась с ним и почувствовала все, что происходило в его душе: смятение, боль и ужас, когда он умирал.

С Гарри ничего подобного не случилось бы. Он бы спас мальчишку. Разделался бы с приспешниками «Фомора», как с кеглями в боулинге, поднял бы его, точно герой сериала, и отнес в безопасное место.

Мне очень не хватает моего босса.

Я намылилась изо всех сил. Наверное, я плакала. Тогда, месяцы назад, я обошлась без слез, но иногда я даже не замечаю, как они начинают литься. Я стояла под горячим душем, с наслаждением позволив воде омыть мое тело, и наконец почувствовала себя чистой — ну хотя бы физически. Шрам на ноге

от пули все еще оставался заметным, но его цвет изменился от пурпурно-красного к сердитому розовому. Баттерс сказал, что через пару лет он исчезнет. Я уже снова могла спокойно ходить, если избегала уж очень серьезных нагрузок. Но, проклятие, моим ногам и некоторым другим местечкам пришла пора возобновить знакомство с бритвой, даже с учетом того, что я блондинка.

Я намеревалась их игнорировать, но уход за собой помогает сохранять хорошее настроение. В здоровом теле здоровый дух — и все такое. Я не дура и понимаю, что в последнее время далеко не всегда была на уровне. А посему моя мораль нуждалась в любой поддержке. Я наклонилась и взяла розовую пластмассовую бритву Энди, решив, что расплачусь с подружкой-оборотнем Уолдо потом.

Я закончила бриться как раз в тот момент, когда из душа полилась холодная вода, и вытерлась. Мои вещи неопрятной грудой валялись возле двери — кое-что купленное на распродаже в Биркенстоксе, старый нейлоновый рюкзак и залитая кровью одежда. Значит, еще один комплект отправится в помойку. Мои сандалии оставили следы на месте, где умер мальчик, так что придется избавиться и от них и наведаться в какой-нибудь магазинчик подержанной одежды, если в ближайшем будущем ничего не изменится. При обычных обстоятельствах это меня бы порадовало, но сейчас заниматься покупками совсем не хотелось.

Я наклонилась, чтобы подобрать упавшие волоски и все остальное, когда в дверь кто-то постучал. Я продолжала разглядывать пол. При моей работе враги могут сделать с тобой кошмарные вещи, если им удастся завладеть частичками твоего тела. Не убирать за собой равносильно тому, чтобы с расстояния в двадцать кварталов предложить кому-нибудь вскипятить твою кровь. Нет, большое спасибо.

— Да? — ответила я.

— Послушай, Молли, — сказал Уолдо. — Тут... кое-кто хочет с тобой поговорить.

Мы с ним заранее условились о многих вещах. Если он использовал слово «чувство» в любой из своих фраз, это означало, что за дверью меня поджидает опасность. А если его не было, значит, и опасности нет — или он не в состоянии ее увидеть. Я надела браслеты и кольцо и спрятала оба магических жезла

так, чтобы иметь возможность выхватить их без малейшей задержки. Только после этого я начала одеваться.

— Кто? — спросила я.

Уолдо очень старался говорить спокойно, когда находился рядом со мной. И я ценила его усилия. Он был очень милым.

— Она говорит, что ее зовут Жюстина. Утверждает, что вы знакомы.

Я знала Жюстину. Она была рабом вампиров Белой Коллегии. Или личным помощником одного и подружкой другого. Гарри всегда тепло о ней отзывался, хотя вел себя как самый настоящий бестолковый идиот, когда дело доходило до женщин с потенциалом стать принцессой, которой грозит опасность.

— Если бы он был здесь, — пробормотала я себе под нос, — он бы ей помог.

Я не стала вытирать запотевшее зеркало перед уходом из ванной комнаты, потому что больше не хотела в него смотреть.

Жюстина, всего на несколько лет старше меня, но с совершенно седыми волосами, была необыкновенно хороша собой, из тех девушек, которых парни считают слишком красивыми, чтобы к ним подойти. Она пришла ко мне в джинсах и рубашке на несколько размеров больше, чем требовалось, и я сразу поняла, что рубашка принадлежала Томасу. Ее жестикуляция и мимика оставались напряженными, но нейтральными. Жюстина прекрасно умела контролировать свои чувства, но я заметила тщательно скрываемый страх. Я ведь чародей, ну, или почти чародей и работаю с человеческим разумом. Людям редко удается что-то от меня скрыть.

Если Жюстина боялась, то только за Томаса. А раз пришла за помощью, значит, не сумела получить ее в Белой Коллегии. Мы могли бы вежливо поговорить, и она бы мне все рассказала. Однако в последнее время у меня не хватало терпения на всякие там реверансы, и я сразу перешла к делу.

— Привет, Жюстина. Как я могу помочь тебе с Томасом, если даже его собственная семья не в силах это сделать?

Глаза Жюстины вылезли из орбит. У Уолдо был вид ничуть не лучше.

Я уже привыкла к подобной реакции.

— Откуда ты узнала? — тихо спросила Жюстина.

Если занимаешься магией, люди думают: все, что ты делаешь, непременно с ней связано. Гарри это веселило. Для него

магия являлась одним из инструментов, которыми пользуется разум для решения самых разных проблем. И он считал разум намного важнее волшебства.

— А это имеет значение?

Она нахмурилась, отвернулась от меня и покачала головой.

— Он исчез. Я знаю, что он отправился выполнять какое-то поручение Лары, но она говорит, что ничего не знает. Она лжет.

— Она вампир. И ты не ответила на мой первый вопрос. — Мой голос прозвучал жестче, чем я сама того хотела. Тогда я попыталась расслабиться, сложила на груди руки и оперлась о стену. — Почему я должна тебе помогать?

Я не собиралась отказывать Жюстине. Но я знала тайну Гарри и Томаса, которая была известна лишь немногим, и мне хотелось выяснить, известен ли их секрет Жюстине, или мне и дальше предстоит его скрывать.

Жюстина пристально посмотрела мне в глаза.

— Если ты не можешь обратиться за помощью к семье, то к кому ты пойдешь? — спросила она.

Я отвела глаза до того, как заглянуть к ней в душу, но ее слова и поза, все вместе помогли мне получить ответ.

Она знала.

Томас и Гарри были сводными братьями. Она бы пришла на помощь к Гарри, будь он жив. А я была единственным человеком, который хотя бы частично являлся наследником Гарри здесь, и она надеялась, что я захочу занять его место. Его огромное и страшное место.

— Ты идешь к друзьям, — тихо ответила я. — Мне потребуется что-нибудь от него. Волосы или обрезки ногтей...

Жюстина вытащила из нагрудного кармана рубашки закрытый пластиковый пакет и молча протянула мне. Я взяла его и увидела в нем несколько темных волосков.

— Ты уверена, что они Томаса?

Жюстина указала на свою седую гриву.

— Их не так просто перепутать.

Я перехватила взгляд наблюдавшего за мной с противоположной стороны комнаты Баттерса, носатого коротышки, жилистого и энергичного. Через его волосы словно пропустили электрический ток, а потом заморозили. Я увидела тревогу в глазах этого обычно спокойного и уверенного в себе человека. Он

работал патологоанатомом, но был одним из самых разумных людей в городе, когда дело доходило до сверхъестественных явлений.

— Что такое? — спросила я у него.

Он обдумал свои слова, прежде чем дать ответ — и не столько из-за того, что боялся меня, скорее ему не хотелось оскорбить мои чувства. В последнее время многие стремились поступать наоборот.

— Стоит ли тебе в это влезать, Молли?

На самом деле он хотел спросить, в своем ли я уме. Смогу ли помочь или только все испорчу?

— Я не знаю, — честно ответила я и посмотрела на Жюстину. — Подожди здесь.

Я прихватила свои вещи, взяла пластиковый пакетик с волосами и вышла из комнаты.

Первое, чему меня научил Гарри Дрезден, — это отслеживать заклинания.

— Принцип очень простой, девочка, — сказал мне как-то Гарри. — Мы создаем энергетическую связь между двумя одинаковыми вещами. Так мы получаем индикатор, который показывает, куда направлена энергия.

— И что мы найдем? — спросила я.

Он как раз держал в руке довольно толстый серый волос и кивком показал на своего пса по кличке Мыш. Как по мне, гигантскому мохнатому храмовому псу размером с пони больше подошла бы кличка Лось.

— Мыш, спрячься куда-нибудь, а мы попробуем тебя найти, — сказал Гарри.

Большой пес зевнул и неспешно двинулся к двери. Гарри выпустил его, вернулся и сел рядом со мной. Мы находились в его гостиной. Пару ночей назад я набросилась на него. Голая. А он вылил мне на голову кувшин ледяной воды. Я до сих пор на него обижалась — но, наверное, Гарри поступил правильно. Он всегда все делал правильно, даже если это означало, что он проиграет. Я все еще ужасно хотела быть с ним, но, видимо, время еще не пришло.

Но я не против. Я умею быть терпеливой. И я все еще могла быть с ним — хоть и по-другому — почти каждый день.

— Хорошо, — сказала я, когда он уселся рядом. — Что мне теперь делать?

За годы, прошедшие с того дня, выученное тогда заклинание стало рутиной. Я использовала его, чтобы отыскивать пропавших людей, тайники, бесследно исчезнувшие носки, ну и совать нос, куда не следовало. Гарри сказал бы, что это и означает быть чародеем. Гарри был прав.

Я остановилась в переулке за домом Баттерса и маленьким кусочком розового мела начертила на бетоне круг. Замкнув его легким усилием воли, я вытащила из пластикового пакетика волос и подняла его вверх. Потом сфокусировала энергию на заклинании, собирая воедино в своем сознании различные стихии. Когда мы начинали, Гарри разрешал мне использовать четыре разных предмета, учил совмещать их с мыслями, чтобы они отражали различные части ритуала, но теперь я умела обходиться без них. Магия рождается в голове у чародея. Можно брать реквизит, чтобы упростить себе жизнь, и в действительно сложных случаях вещи помогают сделать совершенно невозможное всего лишь почти невозможным. Однако для решения простых задач мне уже не требовалась помощь такого рода.

Я мысленно собрала различные части заклинания, соединила их вместе, усилием воли придала им некоторую энергию, пробормотала одно слово и направила полученную субстанцию в волос, зажатый в моих пальцах. Затем я положила волос в рот, разбила круг, стерев меловую черту ногой, и встала.

Гарри всегда использовал какой-то предмет в качестве индикатора отслеживающего заклинания — свой амулет, компас или нечто вроде маятника. Я не хотела оскорблять его чувства, но и это не является обязательным. Магия пульсировала в волосе, слегка пощипывая мои губы. Я вытащила дешевый пластиковый компас и покрытый мелом шнур десяти футов длиной, затем направила его на север, куда указывала стрелка компаса.

Потом я взяла второй конец шнура и начала медленно его поворачивать, пока воздействие волоса на мои губы не стало максимальным. Губы едва ли не самая чувствительная часть тела, и я обнаружила, что они дают самую надежную обратную связь в таких случаях. Как только я узнала, в какой стороне находится Томас, я направила туда шнур, убедилась, что он натянут, и щелкнула по нему, в результате чего он принял удлиненную форму буквы V — совсем как кончик гигантской иголки.

Я измерила расстояние в основании V, повернулась на девяносто градусов, отошла на пятьсот шагов и проделала все снова.

Обещайте мне, что не сдадите меня моему школьному учителю математики, но после этого я применила тригонометрию в реальной жизни.

Все предельно просто. У меня получились два угла, отложенных от луча, направленного на север. Расстояние между их вершинами я знала в шагах Молли. Шаги Молли не слишком научное понятие, но в данном случае вполне достаточное, чтобы вычислить расстояние до Томаса.

Используя эти простые инструменты, я не могла получить дверь, которую следовало взломать, но узнала, что он сравнительно близко — и находится на расстоянии, не превышающем четыре или пять миль, а не на северном полюсе, к примеру. Я много перемещаюсь по городу, потому что в движущуюся мишень труднее попасть, и обычно прохожу в три или четыре раза больше.

Мне требовалось подойти к нему значительно ближе, чтобы определить его положение более точно. Поэтому я повернула лицо в направлении наибольшего покалывания и зашагала в нужную сторону.

Томас находился в небольшом офисном здании, расположенном среди множества других, более крупных.

На таком участке земли вполне можно было построить что-нибудь огромное, но большую часть территории занимали ухоженные лужайки и сад с прудами, окруженные невысокой кованой оградой. При строительстве использовали камень и мрамор, а в карнизах чувствовалось больше класса, чем в башнях соседних сооружений. Здание поражало своим великолепием и вместе с тем казалось недооцененным; оно походило на маленький безупречный бриллиант в обрамлении громадных кусков из горного хрусталя.

Снаружи я не заметила никаких надписей, а также очевидного входа, за исключением ворот, которые охраняли компетентного вида мужчины в темных костюмах. Очень дорогих. Я подумала, что если охранники имеют возможность носить такое на работе, значит, владелец здания богатый человек, и за ним стоят серьезные деньги.

Я обошла здание со всех сторон, чтобы убедиться, что заклинание всякий раз указывает на него, — да, Томас находил-

ся там. И хотя я старалась держаться дальней стороны улицы, кто-то все-таки меня заметил. Я почувствовала, что охранники начали за мной следить, хотя их глаза скрывали темные очки. Может быть, мне следовало подойти, укрывшись под вуалью, но Гарри всегда возражал против применения магии без прямой необходимости, к тому же очень легко начать ею пользоваться для достижения примитивных целей — только позволь себе это.

В некоторых отношениях я даже лучше, чем Гарри, когда нужно ответить на вопрос «как». Но я поняла, что никогда не стану такой же умной, как он, когда встает вопрос «почему».

Я зашла в ближайший «Старбакс», купила чашку жидкой жизни и стала размышлять, как попасть внутрь здания. Мой язык уже вовсю нахваливал мне мой великолепный разум, когда я почувствовала быстрое приближение сверхъестественных сил.

Я постаралась сохранять спокойствие, потому что паника убивает. Вместо этого я быстро повернулась на одном каблуке и скользнула в узкий проход, ведущий в маленькую туалетную комнату. Войдя внутрь, я закрыла за собой дверь, вытащила из кармана на бедре магические жезлы и проверила уровень энергии в браслетах. Оба были готовы к использованию. Кольца также, иными словами, можно действовать.

Так что я привела в порядок мысли, совершила небольшое волевое усилие, прошептала слово и исчезла.

Вуали — совсем не простая магия, но у меня к ним талант. Стать совершенно и полностью невидимой задача чрезвычайно сложная: когда ты пропускаешь через себя свет, оказывается, что он холодный, как камень, и ты начинаешь замерзать, не говоря уже о том, что превращаешься в слепую курицу. А вот сделаться незаметной — иной коленкор. Благодаря хорошей вуали вместо тебя люди видят лишь мерцание и неясные тени там, где их быть не должно, но и это еще не все. Воздух вокруг приобретает необычные свойства — у случайного наблюдателя создается впечатление, что он занят очень скучной работой в три тридцать дня. Так что сочетание подобных ощущений с мерцанием позволяет оставаться невидимкой без особых усилий.

Когда я исчезла за вуалью, мне удалось вызвать новый образ — еще одно сочетание иллюзии и внушения. Он был совсем простым: я сама, какой отражалась в зеркале еще мгно-

вение назад, ослепительно прекрасная и улыбчивая, поглощающая чашку райского напитка. И одновременно мое собственное присутствие: звук шагов и движение, запах шампуня Баттерса и аромат чашки кофе. Я привязала картинку к одному из колец у себя на пальце и оставила там, чтобы она черпала энергию, накопленную в лунном камне. Затем я повернулась и под прикрытием образа, наложенного на мое тело, вышла из кафе.

Как только я оказалась снаружи, дальше, как и со всяким хорошим маневром уклонения, было совсем просто. Мой образ повернул налево, а я сама — направо.

Для любого, кто наблюдал бы со стороны, из кафе вышла молодая женщина со стаканчиком кофе в руке и небрежной походкой зашагала по улице. Она явно получала удовольствие от происходящего. Мой образ немного энергичнее раскачивал бедрами, что тут же привлекло к нему внимание (значит, он еще лучше выполнял свою роль). Так он пройдет по улице милю, а потом попросту исчезнет.

Я же свернула в переулок и стала наблюдать.

Мой образ не успел пройти и ста ярдов, как из переулка вышел мужчина в черном свитере с высоким воротником и последовал за ним — слуга «Фомора». Этих подонков в последнее время развелось превеликое множество, как тараканов, они стали более отвратительными, и убивать их стало намного сложнее.

Вот только... все получилось слишком уж просто. Один слуга не мог заставить меня отреагировать на него так остро. Да, они были сильными, быстрыми и безжалостными, но не опаснее, чем многие другие темные существа. И они не обладали серьезной магической силой, в противном случае «Фомор» не стал бы иметь с ними дела.

Там было что-то еще, нечто хотело меня отвлечь, заставить наблюдать за мнимым слугой, следующим за мнимой Молли. И если этот кто-то знал меня настолько хорошо, чтобы устроить подобный трюк для отвлечения моего внимания, он мог обнаружить меня даже под вуалью. А такие люди наперечет.

Я засунула руку в нейлоновый рюкзак и вытащила нож, точнее, штык от M9, который мой брат привез из Афганистана. Обнажив тяжелый клинок, я закрыла глаза и быстро повернулась, держа его в одной руке и кофе в другой. Затем, быстро открыв

крышку большим пальцем, я плеснула кофе по широкой дуге на высоте груди.

Услышав стон, я сориентировалась на звук, открыла глаза, шагнула к источнику и вонзила нож в воздух где-то на уровне немного выше собственного сердца.

Сталь клинка заискрилась и засверкала, пронзив вуаль, находившуюся всего в нескольких дюймах от меня. Я сделала быстрый шаг сквозь вуаль, направив острие клинка перед собой, и передо мной возникла женщина, немного выше меня, в истрепанной, перепачканной кофе одежде, с распущенными осенне-огненными волосами, которыми играл ветер. Она отпрянула назад и в сторону, и ее плечи оказались прижатыми к кирпичной стене дома.

Я не остановилась и направила клинок женщине в горло, но в последнюю секунду мое запястье перехватила бледная рука, быстрая, точно змея, но более сильная и холодная. Мое лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее лица, когда я поднесла вторую руку к рукояти ножа и слегка на нее надавила — достаточно сильно, но не так, чтобы потерять равновесие, если она сделает резкое движение. Она была стройной и красивой даже в лохмотьях, с большими, слегка раскосыми зелеными глазами и идеальным овалом лица, какой бывает у редких супермоделей — и у всех Сидхе *.

— Привет, Тетушка, — спокойно сказала я. — Нехорошо подбираться ко мне сзади. В особенности в последнее время.

Она удерживала мой вес одной рукой, хотя ей было нелегко, и я уловила напряжение в мелодичном голосе.

— Дитя, — выдохнула она, — ты предвидела, что я подойду. И если бы я тебя не остановила, вонзила бы холодную сталь в мою плоть, что заставило бы меня невыразимо страдать. Ты бы пролила мою кровь на землю. — Ее глаза широко раскрылись. — Ты бы лишила меня жизни.

— Совершенно верно, — вежливо согласилась я.

На ее губах появилась широкая улыбка, и я снова поразилась тому, какие у нее идеально ровные зубы.

---

* Ши, Тир Тоингире, Эмайн Аблах в ирландской мифологии потусторонний мир, населенный туатами, которых в народе за место своего обитания также именовали сидами или сидхе. Это также название холмов, поскольку считалось, что именно в них находится мир сидов. Отличались необычайной красотой.

— Я хорошо тебя обучила.

Затем она с удивительным изяществом ускользнула от клинка и отступила от меня на большой шаг. Не сводя с нее глаз, я опустила нож, но убирать его не стала.

— У меня нет времени для уроков, Тетушка Леа.

— Я здесь не для того, чтобы тебя учить, дитя.

— Для игр у меня также нет времени.

— И играть с тобой я не собираюсь, — сказала Леанансидхе, — но я должна тебя предупредить: здесь небезопасно.

Я приподняла бровь.

— Ну ничего себе!

Леа укоризненно склонила голову и поджала губы. Ее взгляд скользнул мимо меня в сторону переулка, потом она повернулась проверить наши тылы. Выражение ее лица изменилось. Оно по-прежнему оставалось невероятно высокомерным, но слегка утратило жесткость.

— Ты шутишь, дитя, но твоя жизнь подвергается очень серьезной опасности — как и моя. Нам следует оставить это неблагополучное место. — Она посмотрела мне в глаза. — Если ты жаждешь сразиться с сильным врагом, если твоя цель — вернуть брата моего крестника, я должна тебе кое-что сказать.

Я прищурилась. Крестная фея Гарри стала моей наставницей, когда Гарри умер, но она вовсе не была доброй феей. Более того, она являлась второй по важности после Мэб, Королевы Воздуха и Тьмы. Леа, кровожадная и опасная, делила своих врагов на две категории: те, что мертвы, и те, с которыми она еще не имела удовольствия разделаться. Я не подозревала, что ей известно о Гарри и Томасе, но это меня не сильно удивило.

Леа была смертоносным и жестоким существом, но, по моим представлениям, никогда мне не лгала. В буквальном смысле.

— Пойдем, — сказала Леанансидхе.

Она повернулась и быстро зашагала в сторону дальнего конца переулка, собрав вокруг себя вуаль, чтобы исчезнуть для наблюдателей.

Я оглянулась назад, на здание, где держали Томаса, стиснула зубы и последовала за ней, на ходу объединив наши вуали.

Мы шли по улицам Чикаго, невидимые для тысяч глаз. Все люди, мимо которых мы проходили, бессознательно делали несколько шагов в сторону, чтобы избежать контакта с нами. Когда ты в толпе, очень важно отправить указание на уклоне-

ние. Если дюжины людей начнут в тебя врезаться, невидимость пойдет прахом.

— Расскажи мне, дитя, — сказала Леа, переходя с архаичной на обычную речь. Когда мы оставались наедине, она иногда так делала. — Что тебе известно о свартальвах*?

— Совсем немного, — ответила я. — Они родом из Северной Европы, маленькие, живут под землей, лучшие производители магических артефактов на земле; Гарри покупал у них вещи всякий раз, когда мог себе позволить, но они обходились недешево.

— Как сухо, — заявила волшебница. — Ты говоришь, словно книгу читаешь, дитя. А книги нередко имеют мало общего с реальной жизнью. — Ее пронзительные зеленые глаза сверкнули, когда она повернулась посмотреть вслед женщине с ребенком на руках. — Что ты о них *знаешь*?

— Они опасны, — тихо ответила я. — Очень опасны. Старые боги Севера часто приходили к свартальвам за оружием и доспехами, но никогда не пытались с ними воевать. Гарри не раз говорил, что ему несказанно повезло, что не пришлось вступать в схватку со свартальвом. И еще они благородны. Они подписали Неблагое Соглашение и выполняют его. Свартальвы до конца поддерживают своих собратьев. Они не люди и не отличаются добротой, и только глупец встанет у них на пути.

— Лучше, — сказала Леанансидхе и небрежно добавила: — Глупышка.

Я снова посмотрела на здание, которое мне удалось найти.

— Это их владения?

— Крепость, — уточнила Леа. — Центр смертных дел здесь, на великом перекрестке. Что еще ты про них помнишь?

Я тряхнула головой.

— Ну, одну из северных богинь похитили из-за украшения...

— Фрейю, — уточнила Леа.

— И вор...

— Локи.

— Да. Он заложил его у свартальвов, или что-то вроде того, и вернуть их оказалось совсем не просто.

— Остается только поражаться, как можно говорить о чем-то столь невнятно и вместе с тем точно, — сказала Леа.

* Темные эльфы.

Я усмехнулась.

Леа бросила на меня мрачный взгляд.

— Ты прекрасно знаешь эту историю. И ты хотела... натянуть мне нос, кажется, так говорят.

— У меня была хорошая учительница, — сказала я. — Фрейя отправилась вернуть свое ожерелье, и свартальвы согласились, но только в том случае, если она поцелует каждого из них.

Леа закинула голову назад и расхохоталась.

— Дитя, — сказала она, и в ее голосе появились злые нотки, — не забывай, что многие из старых легенд переведены и переписаны довольно чопорными учеными мужами.

— Что ты хочешь сказать? — спросила я.

— Что свартальвы не согласились бы отдать одно из самых ценных украшений в мире за визит вежливости на первую базу.

Я заморгала и почувствовала, что начала отчаянно краснеть.

— Ты хочешь сказать, что ей пришлось...

— Совершенно верно.

— *Со всеми?*

— Именно.

— Вау, — сказала я. — Я люблю украшения не меньше, чем любая другая девушка, но это уже слишком. Явный перебор. То есть я даже представить такое не могу.

— Может быть, — сказала Леа. — Все зависит от того, как сильно ты хочешь получить что-то от свартальвов.

— Ага. Ты намекаешь на то, что мне придется трахнуться с каждым из них, чтобы вытащить оттуда Томаса? Ну... этому не бывать.

Леа улыбнулась, вновь показав безупречные зубы.

— Мораль всегда так забавна.

— А ты бы это сделала?

Леа выглядела оскорбленной.

— Ради кого-то другого? Конечно, нет. Ты понимаешь, какие обязательства это накладывает?

— Ну, не совсем.

— Выбор делать не мне. Ты должна спросить себя: неужели для тебя важнее спокойная совесть, чем жизнь вампира?

— Нет. Но должен существовать и другой способ.

Казалось, Леа задумалась над моими словами.

— Свартальвы любят красоту. Они ее жаждут так же, как дракон мечтает о золоте. Ты молода, прелестна и... «невероят-

но хороша», кажется, так говорят. Обмен твоих знаков внимания на вампира — отличная сделка, которая почти наверняка сработает, если он еще жив.

— Тогда мы назовем этот вариант «План Б», — сказала я. — Или «План Х». А может, «ХХХ». Почему бы просто не вломиться туда и не вытащить Томаса?

— Дитя, — укоризненно сказала Леанансидхе. — Сварталь-вы очень сильны в Магии, а это одна из их крепостей. *Я* не могла бы так поступить и уцелеть. — Леа склонила голову набок и бросила на меня один из своих жутковатых взглядов, от которых мне всегда становилось не по себе. — Так ты хочешь спасти Томаса или нет?

— Я хочу знать все возможности, которыми располагаю, — сказала я.

Чародейка пожала плечами:

— Тогда я советую тебе выяснить это как можно быстрее. Если он все еще жив, Томасу Рейту осталось не больше пары часов.

Я открыла дверь в квартиру Уолдо, захлопнула ее за собой и заперла.

— Я его нашла, — сказала я.

Когда я повернулась в сторону комнаты, кто-то отвесил мне полновесную пощечину.

Не из тех, какими обычно будят — «Эй, проснись!». Если бы такой удар нанесли кулаком, было бы больно.

Я покачнулась, совершенно ошеломленная.

Подружка Уолдо, Энди, сложила руки на груди и, прищурившись, смотрела на меня. Она была девушкой среднего роста, но сложена, как модель, решившая профессионально заняться борьбой, — и к тому же оборотень.

— Привет, Молли, — сказала она.

— Привет, — ответила я. — И... ой.

Она держала в руке розовую пластмассовую бритву.

— Давай-ка поговорим о личных границах.

Что-то уродливое глубоко внутри меня обнажило когти и напряглось. Та часть меня, что хотела делать вещи, связанные с железнодорожными шпалами и стоками в полу. У каждого есть нечто подобное в душе. Нужно совершить ужасные поступки, чтобы вызвать к жизни *такую* дикость, но она есть у всех нас. Именно она приводит к бессмысленным зверствам и превращает войну в ад.

Никто не хочет говорить об этом или думать, но я не могла позволить себе сознательное невежество. Я не всегда была такой, но после года борьбы с «Фомором» и темной стороной сверхъестественного в Чикаго сильно изменилась. Эта моя часть постоянно оставалась активной и подталкивала мои чувства к конфликту с разумом.

Я приказала ей заткнуться и умерить пыл.

— Ладно, — сказала я. — Поговорим, но позднее. Сейчас я занята.

Я двинулась мимо Энди в комнату, но она остановила меня, положив руку на плечо, и оттолкнула обратно к двери. Мне не показалось, что она особенно старалась, но я чувствительно приложилась о дерево.

— Сейчас самое подходящее время, — заявила она.

В своем воображении я сжала кулаки и досчитала до пяти в пронзительном крике. Не приходилось сомневаться, что Гарри не сталкивался с подобной нелепицей. Я не могла терять время, но и драться с Энди мне совсем не хотелось. С другой стороны, отступать тоже было нельзя. Я позволила себе скрипнуть зубами и глубоко вздохнуть, а потом кивнула:

— Ладно, что тебя тревожит, Энди?

Я не произнесла «ты, сука», но подумала эти слова достаточно громко. Мне бы не следовало быть такой плохой девочкой.

— Это не твоя квартира, — сказала Энди. — Ты не можешь приходить сюда, когда захочется, в любое время дня и ночи, что бы здесь ни происходило. Ты хотя бы однажды подумала, что ты делаешь с Баттерсом?

— Я ничего не делаю с Баттерсом, — сказала я. — Я всего лишь зашла принять душ.

— Сегодня ты явилась вся в крови. — Голос Энди стал еще более жестким. — Уж не знаю, что там случилось, но мне без разницы. Меня волнует только одно: какие еще беды ты можешь навлечь на других людей?

— Никаких проблем не было, — сказала я. — Послушай, я куплю тебе новую бритву.

— Речь не о вещах или деньгах, — заявила Энди. — Мы говорим об уважении. Баттерс всегда готов тебе помочь, но ты даже спасибо ему не говоришь. А что, если за тобой следили, когда ты шла сюда? Ты отдаешь себе отчет в том, какие неприятности у него возникнут из-за того, что он тебе помогает?

— За мной не следили, — возразила я.

— Сегодня, — сказала Энди. — А в следующий раз? У тебя есть сила. Ты можешь драться. У меня нет твоих возможностей, но даже я могу драться. Баттерс не может. В каком душе ты станешь мыться, если испачкаешься в его крови?

Я сложила руки на груди и отвела взгляд в сторону. Какая-то часть моего сознания понимала, что она права, но желание ударить ее становилось все сильнее.

— Послушай, Молли, — продолжала Энди, и ее голос смягчился. — Мне известно, что в последнее время тебе приходится нелегко. С того момента, как умер Гарри. И когда появился его призрак. Я знаю, это совсем не весело.

Я молча смотрела на нее. Нелегко и совсем не весело. Можно и так сказать.

— Я хочу, чтобы ты кое-что услышала.

— И что же?

Энди слегка наклонилась вперед, чтобы подчеркнуть свои следующие слова:

— Ты должна это пережить.

На некоторое время в квартире стало очень тихо, но все у меня внутри бушевало. Уродливая часть меня вопила все громче и громче. Я закрыла глаза.

— Люди умирают, Молли, — продолжала Энди. — Они уходят. Но жизнь продолжается. Возможно, Гарри был первым другом, которого ты потеряла, но он не будет последним. Я знаю, тебе больно. Я вижу, ты пытаешься занять его место, что очень непросто. Но это не дает тебе права пользоваться другими людьми. В последнее время *многие* пострадали — возможно, ты не заметила?

Я не заметила? Господи, я готова *убивать*, чтобы не замечать чужую боль. Не жить рядом с этими людьми. Не слышать их эхо по прошествии часов или дней. Уродливая часть меня, черная сторона моего сердца хотела открыть духовный канал с Энди и *показать* ей вещи, которые мне приходилось переживать постоянно. Пусть *она* поймет, как ей понравится моя жизнь. Вот тогда мы и посмотрим, будет ли она после этого столь же уверена в своей правоте. Конечно, так поступать неправильно, но...

Я глубоко вздохнула. Нет. Гарри однажды мне рассказал, что всегда можно почувствовать момент, когда ты пытаешься

рационально обосновать неправильное решение. Как только ты говоришь: «Это будет неправильно, но...» Он советовал отбросить последнее слово в предложении. «Это будет неправильно». Точка.

Поэтому я не стала совершать никаких опрометчивых поступков и не позволила выйти наружу буйству своих чувств.

— Чего ты от меня хотела конкретно? — тихо спросила я.

Энди выдохнула и махнула рукой.

— Просто... вытащи голову из задницы, девочка. Я образец благоразумия, если учесть, что мой любовник дал тебе ключ от своей проклятой квартиры.

Я моргнула. Вот это да! Мне и в голову не приходило взглянуть под таким углом на поступок Баттерса. Романтические конфликты в последнее время меня совершенно не волновали. Энди ничего не следовало бояться с моей стороны... но она, наверное, не обладала такой чуткостью к чужим эмоциям, чтобы почувствовать это. Я наконец сообразила, что ее беспокоит. Нет, она не ревновала в прямом смысле слова, однако прекрасно понимала, что я молодая женщина, которую многие мужчины находят привлекательной, а Уолдо мужчина.

И она его любила. Я была в этом абсолютно уверена.

— Подумай о нем, — тихо продолжала Энди. — Пожалуйста... попытайся заботиться о нем так, как он заботится о тебе. Заранее предупреждай о своих визитах звонком. Если бы ты пришла к нему, залитая кровью, в следующую субботу, ему бы пришлось выдержать весьма неприятный разговор со своими родителями.

Еще до того как подойти к двери, я почти наверняка почувствовала бы, что в квартире кто-то есть, кроме Баттерса. Но было бессмысленно говорить об этом Энди. Она не виновата в том, что не понимает, какого рода жизнь я веду, и, конечно, не заслуживает смерти, какое бы мнение ни имел по этому поводу мой внутренний Сидхе.

Я должна принимать решения, пользуясь головой, сказала я себе, потому что сердце мое разбито и ему нельзя доверять.

— Я попытаюсь, — пообещала я.

— Хорошо, — кивнула Энди.

На секунду пальцы моей правой руки дрогнули, и я почувствовала, как моя уродливая часть требует ударить силой в эту

женщину, ослепить и оглушить ее, вызвать головокружение. Леа показала мне, что нужно делать. Однако я подавила желание атаковать.

— Энди, — сказала я вместо этого.

— Да?

— Не наноси мне ударов, если не собираешься меня убить.

Я не хотела ей угрожать. Просто я реагирую инстинктивно, когда против меня применяют насилие. Теперь душевные завихрения, возникающие при подобных конфликтах, не заставляют меня падать и кричать от боли. И если Энди ударит меня еще раз... я не могу предсказать, какой будет моя реакция.

Нет, я не Болванщик*. Тут я вполне уверена. Но курс выживания под руководством тетушки Леа учит защищать себя, а не играть с другими в игры.

Угроза или нет, но Энди не в первый раз вступала в конфликт и не собиралась идти на попятную.

— Если бы я не считала, что тебе необходима хорошая пощечина, то я бы ее тебе не отвесила.

Уолдо и Жюстина вышли купить что-нибудь на обед и вернулись через десять минут. Мы приступили к трапезе, и я рассказала, что мне удалось выяснить.

— Свартальвхейм, — выдохнула Жюстина. — Это... плохо.

— Парни с севера? — уточнил Баттерс.

Продолжая поглощать курицу с апельсинами**, я поделилась с ними тем, что поведала мне Леанансидхе. Когда я закончила, все долго молчали.

— Значит... — первой заговорила Энди, — план состоит в том, чтобы потрахаться для его освобождения?

Я бросила на нее мрачный взгляд.

— Я просто спросила, — кротко сказала Энди.

— Они не согласятся, — напряженно сказала Жюстина. — Не сегодня.

Я повернулась к ней.

— Почему?

— Сегодня они вступили в альянс, — ответила Жюстин. — И будет праздник. Приглашена Лара.

— Какой альянс? — спросила я.

---

* Персонаж книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес».

** Блюдо китайской кухни, популярное в США.

— Пакт о ненападении, — сказала Жюстин. — С «Фомором».

Я почувствовала, как мои глаза широко распахиваются от изумления.

Ситуация с «Фомором» постоянно ухудшалась. Чикаго и без того был не самым приятным для жизни городом в мире, а теперь его улицы стали настоящим кошмаром для всех, кто наделен даже скромненькими магическими способностями. Сейчас я не имела доступа к той информации, которой обладала, когда работала с Гарри и Белым Советом, но до меня доходили слухи через Паранет и другие источники. «Фомор» представлял собой нечто вроде сборной звезд из числа плохих парней, отщепенцев и злодеев, которых очень давно изгнали из дюжины разных пантеонов. Они объединились под знаменем существ, называющих себя фоморами, которые довольно долго прятались в тени — в течение тысяч лет.

А теперь они начали действовать, и даже такая могущественная раса, как свартальвы, заявила о своем нейтралитете.

Но я не *настолько* чародей, чтобы с ними связываться.

— Должно быть, Лара по какой-то причине послала туда Томаса, — сказала Жюстина. — Возможно, добыть информацию и постараться помешать заключению соглашения. Я не знаю истинной причины. Но даже обычное незаконное проникновение достаточно плохой поступок. Если же его поймали как шпиона...

— Тогда они устроят нечто показательное, — тихо сказала я. — Для примера.

— Неужели Белая Коллегия не может его вызволить? — спросил Уолдо.

— Если Белая Коллегия попытается вернуть оттуда кого-то из своих, тем самым она признает, что отправила агента в Свартальвхейм, — ответила я. — Лара не может это сделать без серьезных последствий. Она будет отрицать, что вторжение Томаса имеет к ней какое-либо отношение.

Жюстина встала и принялась нервно расхаживать по комнате.

— Нам нужно идти. Необходимо что-то предпринять. Я готова заплатить их цену; я готова заплатить ее десять раз. Мы должны что-то *сделать*!

Я съела еще несколько кусочков куриного мяса, нахмурилась и погрузилась в размышления.

— Молли! — сказала Жюстина.

Я посмотрела на курицу. Мне нравилось, как оранжевый соус контрастировал с зеленью брокколи и мягкими белыми контурами риса. Эти три цвета хорошо дополняли друг друга. Красивое зрелище.

— Они любят красоту и мечтают о ней, как дракон мечтает о золоте, — пробормотала я.

Казалось, Баттерс понял, что у меня появилась какая-то идея. Он откинулся на спинку стула и принялся поедать лапшу, уверенно работая палочками. Уолдо делал это легко и естественно, ему даже не требовалось смотреть вниз.

Энди сообразила чуть позднее и, сомневаясь, склонила голову набок.

— Молли? — спросила она.

— Сегодня у них прием, — сказала я. — Я правильно поняла, что сегодня у них прием, Жюстина?

— Да.

Энди нетерпеливо кивнула.

— Что мы будем делать?

— Прошвырнемся по магазинам.

Я вроде как девчонка-сорванец. И не потому, что мне не нравится быть девушкой, а из-за того, что я считаю это классным. Мне нравится проводить время под открытым небом, заниматься физическим трудом, узнавать новые вещи, читать о них и создавать. Наверное, я так и не научилась быть по-настоящему женщиной. У Энди это получалось лучше, чем у меня. Возможно, дело в том, что мать растила ее не так, как воспитывали меня. В моем доме про косметику вспоминали только перед тем, как сходить в церковь. Считалось, что ею пользуются женщины с полным отсутствием морали.

Я знаю: не все так гладко. У меня возникали проблемы и до того, как я связалась с магией, уж поверьте мне.

Я понятия не имела, как успеть сделать все, что необходимо, вовремя и попасть на прием, но как только объяснила, что нам нужно, то обнаружила, что когда приходит время быть девушкой-девушкой, Жюстине не надо повторять дважды.

Через несколько минут за нами заехал лимузин и увез нас в частный салон, расположенный в Луп, где Жюстина продемонстрировала кредитную карту, и нами немедленно занялись два десятка служащих — продавцы, парикмахеры, ма-

стера макияжа, портные и специалисты по аксессуарам. Должна заметить, что вся процедура продолжалось немногим больше часа.

На сей раз я не могла оторваться от зеркала. Я пыталась взглянуть объективно на молодую женщину, отражавшуюся в нем, словно это кто-то другой, а не та, что помогла убить человека, которого любила, а потом еще раз его подвела, оказавшись не в состоянии помешать уничтожению его призрака, продолжавшего защищать других. Мерзкая сучка заслуживала, чтобы ее переехал трамвай или еще что-то в этом роде.

Девушка в зеркале была высокой, с натуральными светлыми волосами, собранными на затылке и скрепленными блестящими черными палочками, стройной, пожалуй, даже чересчур, но развитые мышцы мешали принять ее за наркоманку. Маленькое черное платье сидело на ней так, что я не сомневалась — мужчины будут поворачивать головы и вытягивать шеи, чтобы взглянуть на нее. Она казалась немного усталой, даже с учетом профессионально наложенного макияжа, но очень хорошенькой — если вы ее не знали или если не вглядывались слишком внимательно в ее голубые глаза.

За нами заехал белый лимузин, и я сумела в него забраться, не потеряв равновесия.

— О Господи, — сказала Энди, когда мы сели в машину. Рыжая красотка вытянула ноги и принялась их разглядывать. — Потрясающие туфли! Если понадобится превратиться в волчицу, чтобы кого-то сожрать, я не переживу того, что мне придется с ними расстаться.

Жюстина улыбнулась и стала смотреть в окно. На ее прелестном лице появилось отстраненное и встревоженное выражение.

— Это всего лишь туфли.

— Туфли, из-за которых мои ноги и зад выглядят потрясающе! — заявила Энди.

— Туфли, от которых болят ноги, — возразила я.

Моя раненая нога зажила, но шпильки оказались настоящей пыткой, и боль поднималась от икры к бедру. Не хватало еще судорог, от которых я рухну на землю, как это случалось, когда я начинала ходить после ранения. Туфли с такими высокими каблуками должны продаваться вместе со страховкой. Или с парашютом.

Мы все были одеты одинаково — стильные маленькие черные платья, бархотки с декоративными пряжками и черные туфли на невероятно высоких каблуках. Оставалось лишь надеяться, что нам не придется много ходить. Наряд каждой дополняла итальянская кожаная сумочка. В свою я сложила большую часть магического снаряжения. Должна сказать, что наши прически не слишком отличались друг от друга. А еще я подумала, что некоторым копиям портретов эпохи Ренессанса не уделяли столько внимания, сколько нашим лицам.

— Нужна практика, чтобы привыкнуть к шпилькам, — сказала Жюстина. — Ты уверена, что у нас получится?

— Конечно, — спокойно ответила я. — Ты ведь бывала в клубах, Жюстина. Мы втроем сможем попасть в любое место в городе. Вместе мы производим ошеломляющее впечатление.

— Как девушки Роберта Палмера, — сухо сказала Энди.

— Я предпочитаю Ангелов Чарли, — сказала я. — Кстати, — я открыла сумочку и вытащила кристалл кварца размером с большой палец, — Босли, ты меня слышишь?

Через секунду кристалл завибрировал, и до нас донесся слабый голос Уолдо.

— Громко и четко, Ангелы. Как ты думаешь, эта штука будет работать после того, как вы туда войдете?

— Тут все зависит от того, насколько сильна у них паранойя, — ответила я. — Если так себе, тогда у них имеется защита от любой магической связи. А если паранойя у них абсолютная, всеобъемлющая и кровожадная, они позволят нам переговариваться, чтобы иметь возможность подслушивать, а потом убьют.

— Забавно, — сказал Баттерс. — Ладно, я включу Паранетчат. Уж не знаю, чего это стоит, но Интернет работает.

— Что тебе удалось узнать? — спросила Энди.

— Они выглядят, как люди, — ответил Уолдо. — В действительности же... ну, тут есть повод для споров, но все сходятся на том, что они похожи на инопланетян.

— Рипли* или Розвелл**? — спросила я.

---

* Томас Феликс Рипли — центральный персонаж цикла психологических криминальных триллеров Патриции Хайсмит и ряда экранизаций по ним. Том — эмоционально и морально неустойчивый человек.

** Город пришельцев (англ. *Roswell*) — американский молодежный фантастический драматический телесериал.

— Розвелл. Более или менее. Они могут принимать самые разные обличья во плоти, как вампиры Красной Коллегии. Так что имейте в виду, они будут замаскированы.

— Я поняла, — ответила я. — Что-нибудь еще?

— Совсем немного, — сказал Уолдо. — Очень трудно выловить что-то определенное среди множества мифов. Возможно, у них аллергия на соль. Возможно, они страдают от навязчивых неврозов и могут слететь с катушек, если ты вывернешь свою одежду наизнанку. Или обращаются в камень на солнечном свете.

— Стоило попытаться! — прорычала я. — Продолжай дискуссию, а я свяжусь с тобой, как только смогу.

— Понял, — сказал Уолдо. — Только что появилась Марси. Я захватил с собой лэптоп, мы подождем тебя с восточной стороны здания, когда вы будете готовы. Как ты выглядишь, красотка Энди?

— Потрясающе, — уверенно ответила Энди. — Подол моего платья примерно на дюйм длиннее, чем у шлюховатых нимфоманок.

— Пусть кто-нибудь сфотографирует, — весело попросил Уолдо, но я услышала тревогу в его голосе. — До скорой встречи.

— Не рискуй, — сказала я. — До встречи.

Я убрала кристалл и попыталась игнорировать бабочек, порхавших у меня в животе.

— Ничего не получится, — пробормотала Жюстина.

— Нет, все получится, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал уверенно. — Мы туда пройдем. И да пребудут с нами Буфера.

Жюстина изогнула бровь.

— Буфера?

— Буфера — не просто сиськи, Жюстина, — очень серьезно сообщила я ей. — Это *живая* энергия, которую создают все *живые* сиськи. Она окружает нас, пронизывает, связывает галактику воедино.

Энди захихикала.

— Ты безумна.

— Но вполне функциональна, — заявила я и провела руками по своему телу. — Просто отключи сознание и действуй в соответствии с инстинктами.

Секунду Жюстина бессмысленно таращилась на меня, потом ее лицо просветлело, и она тихонько рассмеялась.

— Да пребудут с нами Буфера!

Я не смогла сдержать улыбки.

— Во веки веков.

Наш лимузин присоединился к очереди таких же автомобилей, высаживавших гостей перед входом в крепость сварталь-вов. Слуга распахнул дверцу, я выставила ноги и постаралась выбраться из машины так, чтобы не смутить всех, кто смотрел в мою сторону. Энди и Жюстина последовали за мной, когда я уверенно зашагала к входной двери. Наши каблуки стучали почти в унисон, и я вдруг почувствовала, что на нас направлены все взгляды. На меня накатили облака мыслей и эмоций — главным образом удовольствие, смешанное с желанием, неприкрытой похотью, тревогой и удивлением. Чужие чувства теснились у меня в голове, причиняя боль, но без этого было не обойтись. В данный момент я не ощущала прямой враждебности или жажды насилия, но мгновенное предупреждение об опасности могло спасти наши жизни.

Охранник пристально смотрел на нас, когда мы подходили, и я почувствовала исходящее от него желание. Однако он постарался сохранять невозмутимость.

— Добрый вечер, леди, — сказал он. — Могу я увидеть ваши приглашения?

Я изогнула бровь и одарила его улыбкой — надеясь, что она получилась обольстительной, — и попыталась еще сильнее изогнуть спину. Использование Буферов выручало неоднократно.

— Вам нет нужды смотреть на наши приглашения.

— Ну, — начал он, — мисс... и все же.

Энди встала рядом со мной и улыбнулась, точно очень сексуальный котенок, на мгновение я даже ее возненавидела.

— Они вам не нужны, — сказала она.

— Все равно, — повторил он.

Жюстина встала рядом со мной с другой стороны. Она выглядела скорее милой, чем сексуальной, но лишь едва.

— Я уверена, что это какая-то накладка, сэр. Не могли бы вы пригласить вашего менеджера?

Охранник долго смотрел на нас, явно охваченный сомнениями. Наконец его рука медленно потянулась к рации, висевшей на боку, и он поднес ее к губам. Почти сразу же из глубины дома

к нам вышел хрупкий невысокий мужчина в шелковом костюме. Он остановился и уставился на нас долгим взглядом.

Интерес, который испытывал охранник, был самым обычным. Всего лишь искра, инстинктивная реакция мужчины на сексуальных женщин.

Но то, что исходило от мужчины в шелковом костюме, больше походило на костер. Он горел в тысячу раз ярче и сильнее, и он горел *постоянно*. Я и раньше чувствовала в других желание и страсть. Но сейчас это было много глубже, чем обычная похоть, и я не находила подходящих слов. Наверное... огромная, нечеловеческая тоска, смешанная с яростной и ревнивой любовью, приправленная сексуальной привлекательностью и желанием. Казалось, я стою рядом с крошечным солнцем, и тут только я поняла, что хотела сказать мне тетушка Леа.

Огонь горяч. Вода мокрая. А свартальвы падки на хорошеньких девушек. И они не могут изменить свою природу, как не могут повлиять на направление движения звезд.

— Леди, — сказал худой мужчина в шелковом костюме, улыбаясь нам. У него была очаровательная улыбка, но что-то в лице вызывало тревогу и беспокойство. — Пожалуйста, подождите немного, я предупрежу остальной персонал. Мы сочтем за честь, если вы к нам присоединитесь.

Он повернулся и ушел в дом.

Жюстина искоса посмотрела на меня.

— Буфера оказывают огромное влияние на слабых духом, — сказала я.

— Я бы чувствовала себя лучше, если бы он не ушел со словами Дарта Вейдера, — выдохнула Энди. — И от него странно пахнет. Он?..

— Да, — прошептала я в ответ. — Один из них.

Мужчина в шелковом костюме вернулся, продолжая улыбаться, и распахнул перед нами дверь.

— Леди, — сказал он. — Меня зовут мистер Этри. Пожалуйста, заходите.

Никогда прежде мне не доводилось видеть такой ослепительно роскошной обстановки, как в крепости свартальвов. Ни в журналах, ни в фильмах, ни даже в «Крибс» *.

* Американское телешоу.

Тонны гранита и мрамора, целые секции, инкрустированные драгоценными и полудрагоценными камнями, осветительная арматура из литого золота и выключатели из слоновой кости. Охранники стояли через каждые двадцать или тридцать футов. Все они вытянулись по стойке «смирно», словно на страже у Букингемского дворца, только без больших шляп. Свет лился отовсюду и ниоткуда, делая тени призрачными, не слишком яркий и не слепящий. В воздухе плыла музыка, что-то очень старое — струнные инструменты, без всяких ударных.

Этри провел нас по нескольким коридорам к бальному залу, похожему на собор. Такой вполне подошел бы дворцу, более того, я не сомневалась, что столь огромное помещение просто не могло *поместиться* внутри здания, в которое мы только что вошли. Зал был полон очень важных людей в дорогой одежде.

Мы помедлили у входа, когда Этри остановился поговорить с еще одним охранником, и я воспользовалась моментом, чтобы оглядеть зал. Нельзя сказать, что он был переполнен, но людей здесь собралось множество. Я увидела пару знаменитостей, чьи имена у всех на слуху, а также несколько Сидхе, но их внушающее благоговение физическое совершенство было приглушено до экзотической красоты. Среди гостей я заметила джентльмена Джона Марконе, главу чикагского подразделения, его горилл Хендрикса и личную боевую ведьму Гард, не отходивших от него ни на шаг. В бальном зале собралось немало людей, которые на самом деле людьми не являлись, и я ощущала в воздухе вокруг них чувственные потоки, словно их отделял от меня тонкий полог падающей воды.

Но я нигде не видела Томаса.

— Молли, — едва слышно прошептала Жюстина. — А он?..

Следящее заклинание на моих губах все еще работало, и легкое покалывание свидетельствовало о том, что Томас находится где-то рядом, в глубине здания.

— Он жив, — ответила я. — И он здесь.

Жюстина вздрогнула, глубоко вздохнула, медленно моргнула, и на ее лице застыла маска. Однако я ощутила смесь исходящих от нее облегчения и ужаса, ее затопила волна эмоций, обычно заставляющая кричать или вступить в схватку. Тем не менее она сдержалась, и я отвела от нее взгляд, чтобы сделать вид, что ничего не заметила.

В центре бального зала находилась небольшая каменная платформа со ступенями, которые позволяли на нее подняться. На платформе установили подиум из такого же материала. А на нем лежали толстая стопка бумаг и аккуратный ряд авторучек. Все это свидетельствовало о серьезности и торжественности момента.

Жюстина смотрела в том же направлении.

— Должно быть, это оно.

— Соглашение?

Она кивнула.

— Свартальвы весьма методичны, когда дело доходит до бизнеса. Они заключат договор ровно в полночь. Они всегда так поступают.

Энди задумчиво постучала пальцами по бедру.

— А что, если что-то случится с самим договором? Если кто-то зальет его вином или еще чем-нибудь? Могу спорить, это привлечет всеобщее внимание и даст возможность двоим из нас проскользнуть дальше.

Я покачала головой:

— Нет. Мы здесь гости. Ты понимаешь?

— Не совсем.

— Свартальвы принадлежат к старой школе, — сказала я. — К *настоящей* старой школе. Если мы нарушим мир, когда они пригласили нас на свою территорию, мы тем самым нивелируем наши права гостей и покажем неуважение к хозяевам — открыто, в присутствии других кланов. И тогда их реакция будет... плохой.

Энди нахмурилась.

— Каким же будет наш следующий ход? — спросила она.

Почему мне постоянно задают этот вопрос? Неужели такова судьба всех чародеев? Я и сама сотни раз обращалась с ним к Гарри, не понимая, как тяжело его слышать, когда он обращен к тебе. Впрочем, Гарри всегда знал ответ. Мне же ничего не оставалось, как отчаянно импровизировать и надеяться на лучшее.

— Жюстина, ты знаешь кого-нибудь из гостей? — спросила я.

Как личный ассистент Лары Рейт, Жюстина входила в контакт с множеством людей и не вполне людей. У Лары были самые разнообразные интересы, мне даже шутить об этом не хотелось, и Жюстина видела, слышала и знала гораздо больше,

чем многие думали. Девушка с седыми волосами оглядывала зал, а ее темные глаза фиксировали одно лицо за другим.

— Нескольких, — наконец ответила она.

— Я хочу, чтобы ты пообщалась с ними и постаралась выяснить, что происходит, — сказала я. — Будь внимательна. Если за нами пошлют крутых парней, предупреди нас через кристалл.

— Хорошо, и не рискуйте без нужды, — сказала Жюстина.

Вернулся Этри и снова нам улыбнулся, но его глаза, как и раньше, ничего не выражали. Он сделал едва заметный жест, к нам тут же приблизился мужчина в смокинге и с подносом в руках и предложил выпить. Мы все, в том числе Этри, взяли бокалы. Он поднял свой и сказал:

— Леди, добро пожаловать. За красоту.

— За красоту, — подхватили мы и выпили.

Я чуть коснулась губами шампанского в бокале, хотя оно оказалось очень хорошим. Оно шипело, и я едва ощущала вкус алкоголя. Яд меня не беспокоил. Этри позволил нам выбрать бокалы и взял свой лишь после этого.

Меня гораздо больше тревожило то, что я задумалась о возможном отравлении и внимательно наблюдала за действиями Этри, когда тот предложил нам шампанское. Наверное, всему виной паранойя? В свое время мне это казалось разумным.

Возможно, со мной все обстоит гораздо хуже, чем я думала.

— Пожалуйста, наслаждайтесь приемом, — сказал Этри. — Боюсь, я должен настоять на том, чтобы станцевать по одному танцу с каждой из вас, мои прелестные юные леди, когда мне позволят время и долг. Кто из вас будет первой?

Жюстина ослепительно улыбнулась и шагнула к нему. Если вы заломите мне руку, я признаюсь, что Жюстина была самой хорошенькой из нас, и Этри явно с этим согласился. На мгновение в его глазах появилась теплота, затем он взял Жюстину под локоток и повел к центру зала. Вскоре они исчезли в движущейся толпе.

— У меня плохо получаются эти бальные штучки, — сказала Энди. — Они слишком слабо трясут задницами. Делаем следующий ход?

— Да, пора, — сказала я. — Пойдем.

Я повернулась в направлении, на которое указывало покалывание на моих губах, и мы двинулись к дверям в боковой стене, ведущим в глубины здания. Охранников здесь не было,

но по мере того как мы приближались к выходу из зала, Энди начала замедлять шаг, потом посмотрела туда, где стоял стол с закусками, и я увидела, что она поворачивает к нему.

Я схватила ее за руку.

— Постой, ты куда собралась?

— Хм-м! — Она нахмурилась. — Туда?

Я направила свои ощущения вперед и уловила вокруг дверного проема легкое плетение магии, похожее на тонкую паутину, нечто вроде вуали, предназначенной для того, чтобы отвлекать внимание тех, кто подходит слишком близко, и направлять их в другую сторону. Вуаль делала стол с закусками чрезвычайно привлекательным. А если бы Энди заметила какого-нибудь мужчину, он бы показался ей гораздо более симпатичным, чем на самом деле.

В течение года могущественная волшебница фейри окружала меня всевозможными вуалями и чарами, помогая построить магическую защиту, а несколько месяцев назад я провела двенадцать раундов на ринге для экстрасенсов с некромантом, чемпионом в тяжелом весе. Я даже не обратила внимания на легкое заклинание, отразившееся от моей магической защиты.

— Это чары, — сказала я Энди. — Не позволяй им на тебя воздействовать.

— Что? — удивилась она. — Я ничего не чувствую. Просто я проголодалась.

— Ты ничего и не должна чувствовать, — сказала я. — Так работают чары. Возьми меня за руку и закрой глаза. Верь мне.

— Хотела бы я получать пятицентовик всякий раз, когда плохой вечер начинался с таких слов, — пробормотала она.

Однако Энди взяла меня за руку и закрыла глаза.

Я повела ее к двери и почувствовала, как Энди напрягается все сильнее по мере нашего приближения к ней, но как только мы прошли в проем, она шумно выдохнула и открыла глаза.

— Вау. Такое впечатление... вроде ничего и не было.

— Этим и отличаются качественные чары, — сказала я. — Если ты не знаешь, что с тобой происходит, то и сопротивляться не в силах.

Мы оказались в коридоре, каких полно в любом офисном здании. Я попыталась открыть ближайшую дверь, но она оказалась запертой. Как и две следующих, но дальше я обнаружила пустую комнату для совещаний и проскользнула внутрь.

Вытащив из сумочки кристалл, я спросила:

— Босли, ты меня слышишь?

— Четко и ясно, Ангел, — послышался голос Уолдо.

Никто из нас не пользовался своими настоящими именами. Скорее всего кристаллы безопасны, но год, проведенный рядом с Леа и ее ежедневными фокусами, научил меня не делать поспешных выводов.

— Тебе удалось найти план здания?

— Примерно девяносто секунд назад. Владельцы здания сделали три копии для города, включая электронные, на одну из которых я сейчас смотрю благодаря Интернету.

— Умники постарались, — сказала я.

— Люди, у которых вы в гостях, все делают очень тщательно, Ангелы. Будьте осторожны.

— А когда я была не осторожна? — осведомилась я.

Энди стояла на страже у стены возле двери, чтобы иметь возможность схватить всякого, кто в нее войдет.

— Серьезно?

Я не смогла сдержать улыбку.

— Я полагаю, наша потерянная овечка находится в том крыле здания, что расположено к западу от главного зала. Что там на плане?

— Хм-м... офисы, такое создается впечатление. На втором этаже еще офисы. Третий этаж — снова офи... ну ничего себе.

— Что?

— Хранилище, — сказал Уолдо. — Армированная сталь. Огромное.

— Ха, — сказала я. — Хранилище из армированной стали? Ставлю двадцать долларов, что это тюрьма. Мы отправляемся туда.

— Так или иначе, но это в подвале. В конце коридора, отходящего от бального зала, должна быть лестница, ведущая вниз.

— Бинго, — сказала я. — Оставайся на связи, Босли.

— Не сомневайся. Колесница ждет.

Я убрала кристалл и начала надевать кольца. Закончив с ними, я достала магические жезлы, но сообразила, что не могу одновременно держать по жезлу в каждой руке и сумочку.

— Мне бы следовало взять курьерскую сумку, — пробормотала я.

— С этим платьем? — уточнила Энди. — Ты шутишь?

— Верно. — Я вытащила кристалл и засунула его в декольте, взяла по жезлу в каждую руку и кивнула Энди.

— Хранилище или тюрьма, но там должны быть охранники. Я сделаю так, чтобы они нас не заметили, но мы должны двигаться быстро.

Энди посмотрела на свои туфли и горестно вздохнула. Затем она сняла их, а за ними стянула маленькое черное платье. Оказалось, что под него она ничего не надела. Энди на секунду закрыла глаза, и через мгновение ее тело начало терять прежние очертания и расплываться. Оборотни не проходят болезненных драматических превращений — ну, если только в самом начале, так мне рассказывали. Все выглядело естественно, как если бы живое существо сделало оборот вокруг себя и село. Только что здесь была Энди, но уже в следующее мгновение на ее месте появился красновато-коричневый волк.

Невероятно классная магия! Нужно будет обязательно выяснить, как она работает.

— И постарайся без необходимости не проливать кровь, — сказала я, сбрасывая пыточные туфли. — Я же постараюсь сделать все быстро и безболезненно. Ну а если дойдет до схватки, никого нельзя убивать, свартальвам такое не понравится.

Энди зевнула.

— Готова? — спросила я.

Энди резко качнула волчьей головой. Я сотворила заклинание своей самой надежной вуали, свет вокруг нас заметно потускнел, а цвета и вовсе исчезли. Нас теперь было почти невозможно увидеть. И всякий, кто окажется в пятидесяти или шестидесяти футах, вдруг захочет погрузиться в размышления и усомнится в правильности сделанного им жизненного выбора, в общем, у него не будет никаких шансов нас заметить, если мы не станем шуметь.

Мы с Энди вышли в коридор, отыскали лестницу, о которой рассказал Уолдо, и я осторожно открыла ведущую туда дверь, но не пошла первой. Едва ли можно найти лучшего проводника, чем оборотень, а я за прошедший год достаточно часто работала с Энди и ее друзьями, чтобы привыкнуть к подобным маневрам.

Энди вошла первой, двигаясь совершенно бесшумно и навострив уши. Ее нос слегка подрагивал. Волки обладают поразительным нюхом. И слухом. Если кто-то окажется рядом, Энди

это сразу почувствует. Выждав с четверть минуты, она уселась на пол, подавая мне сигнал, что все в порядке. Я опустилась рядом и направила вперед свое восприятие, чтобы проверить, нет ли впереди магических сторожей. Так и есть, я обнаружила полдюжины только на первом пролете лестницы — самые простые штуки наподобие натянутой вдоль ступенек проволоки.

К счастью, тетушка Леа научила меня справляться с подобными ловушками. Я напрягла волю, модифицировала нашу вуаль, затем кивнула Энди, и мы стали медленно спускаться по ступенькам. Нам удалось пройти сквозь невидимые магические поля, не потревожив их, и мы двинулись дальше, направляясь к двери.

Я проверила и обнаружила, что дверь не заперта.

— Как-то все слишком просто, — пробормотала я. — Тебе не кажется, что тюрьма должна иметь запоры?

Энди тихонько зарычала в ответ, и я почувствовала исходящее от нее согласие и подозрение.

Теперь мои губы покалывало значительно сильнее, значит, Томас находился где-то совсем рядом.

— Похоже, выбора у нас нет.

Очень медленно и осторожно я приоткрыла дверь.

Вопреки моим ожиданиям я не увидела обычного подземелья. Или хранилища. Мы с Энди оказались в начале длинного коридора, такого же роскошного, как те, которые мы видели, когда вошли в дом. По обеим сторонам коридора я разглядела большие изукрашенные двери, расположенные довольно далеко друг от друга, с простым номером из чистого серебра на каждой. Редкие тусклые лампы создавали уютный приятный полумрак.

Низкое рычание Энди превратилось в странный высокий звук, и она склонила голову набок.

— Да, похоже... на отель, — с некоторым недоумением ответила я. — Здесь даже есть знак, указывающий направление к пожарному выходу.

Энди слегка покачала головой, и я ощутила ее эмоции, которые прекрасно поняла — *что за дьявольщина?*

— Да, — сказала я. — Неужели... здесь живут свартальвы? Или это гостевые номера?

Энди посмотрела на меня и передернула ушами: *Зачем ты задаешь вопросы? Я ведь не могу говорить.*

— Я знаю. Просто думаю вслух.

Энди снова слегка дернула ушами и бросила на меня косой взгляд.

Ты меня слышишь?

— Не столько слышу... сколько понимаю.

Она слегка отстранилась от меня.

И это в тот момент, когда я решила, что все про тебя знаю.

Я одарила ее злобной усмешкой и сделала страшные глаза — так я поступала, когда хотела напугать моих младших братьев и сестер.

Энди фыркнула и принялась нюхать воздух. Я внимательно за ней наблюдала. Щетина у нее на загривке встала дыбом, и я увидела, что она присела.

Там что-то есть. Слишком много запахов, чтобы разобрать. Нечто знакомое, но нехорошее.

— Томас совсем близко, — сказала я. — Пойдем.

Мы двинулись вперед, я держала лицо так, чтобы не упустить следящее заклинание, ощутила, что покалывание на губах указывает направо, мы подошли к комнате номер шесть, и покалывание переместилось в уголок рта, пока я не повернула голову к двери.

— Он здесь, в шестом.

Энди посмотрела вдоль коридора, и в ее глазах появилась тревога. Она постоянно шевелила ушами.

Мне это не нравится.

— Слишком легко, — прошептала я. — Совсем легко.

Я потянулась к ручке двери и замерла. Мой разум подсказывал, что все пошло не так. Как и мои инстинкты. Если Томас пленник, которого захватили свартальвы, тогда здесь должны быть замки, решетки, цепи и охранники. А если его не держат против воли... тогда что он здесь *делает*?

Когда оказываешься в положении, которое не имеет никакого смысла, причина почти всегда одна: ты обладаешь неверной информацией. Получить ее можно самыми разными способами. Иногда причина в том, что ты ошибся. Но гораздо чаще — и опаснее — такое случается, когда ты делаешь неправильное предположение.

Но хуже всего, если кто-то сознательно ввел тебя в заблуждение, а ты, как настоящая лохушка, поверила и действуешь без колебаний.

— Тетушка, — выдохнула я. — Она меня *обманула*.

Леа послала меня в крепость свартальвов не для того, чтобы я освободила Томаса — ну, скажем, не только. И, конечно, она не случайно научила меня обходить магическую защиту свартальвов. Я оказалась здесь именно сегодня вечером совсем по другой причине. Я мысленно повторила наш разговор и выругалась. Нет, Леа ни разу мне не солгала, но представила все так, чтобы я пришла к ложному выводу — Томаса следует спасти, и только я могу ему помочь. Я не знала, зачем Леанансидхе понадобилось мое присутствие в крепости, но она позаботилась о том, чтобы я сюда пробралась.

— Двуличная предательская *сука*. Когда я до нее доберусь...

Энди внезапно тихонько зарычала, и я моментально заткнулась.

Дверь наверху распахнулась, и я увидела ублюдка Слухача и компанию парней в свитерах. Все они зашагали по коридору к нам.

Слухач был худощавым спортивным мужчиной среднего роста, с коротко подстриженными волосами, бледной кожей и умными черными глазами, в которых читалась жестокость. Я и оборотни с полдюжины раз пытались с ним покончить, но он неизменно умудрялся либо сбежать, либо поменяться с нами ролями — и тогда уже нам приходилось спасать свои жизни.

Злобные плохие парни достаточно опасны. Злобные, изобретательные, безжалостные, профессиональные, умные *плохие* парни много хуже. Слухач был из последних, и я ненавидела его скользкую душонку.

Он и его приспешники были одеты в стандартную форму лакеев «Фомора»: черные брюки, черные туфли и черные свитера с высоким воротом. Высокий ворот закрывал жабры, расположенные с двух сторон на шеях, чтобы они могли сойти за смертных. Однако они не были смертными, по крайней мере с некоторых пор. «Фомор» их изменил, сделал сильнее, быстрее и практически нечувствительными к боли. До сих пор мне ни разу не удавалось устроить им удачную западню, а теперь один из них сам шел в мои руки. Мне ужасно хотелось отомстить за кровь, которую я сегодня смывала со своего тела.

Но у приспешников «Фомора» очень необычный разум, и с каждым днем он становится все более странным. Проникнуть к ним в голову так, как требовалось мне, чертовски труд-

но, и я понимала, что если моя первая атака потерпит поражение, то в таком замкнутом пространстве они разорвут нас с Энди на части.

Поэтому я стиснула зубы, положила руку на загривок Энди и слегка его сжала, потом опустилась на корточки рядом с ней и полностью сосредоточилась на вуали. Пора заканчивать с самоанализом: Слухач едва не прикончил меня несколько месяцев назад, когда заметил похожие чары, повлиявшие на его разум. Это было очень страшно, но с тех пор я постаралась усовершенствовать заклинание. Закрыв глаза, я соткала легчайшую и тончайшую паутину принуждения, на которую только была способна, одновременно сделав окружавшую нас вуаль еще более плотной. Свет в коридоре почти погас, и воздух стал заметно холоднее.

Они подошли ближе, очевидно, Слухач был у них главарем. Он шагал быстро и уверенно. Сукин сын прошел в двух футах от меня, я могла бы протянуть руку и коснуться его тела.

Никто из них не остановился.

Миновав нас, они подошли к комнате номер восемь, Слухач вытащил и вставил в замок ключ. Когда он открыл дверь, его дружки начали входить внутрь.

Такую возможность я не могла упустить. Несмотря на ужас, который «Фомор» принес в мир после уничтожения Красной Коллегии, мы до сих пор не знаем, зачем они это сделали. Мы не понимали, чего они хотят и как их нынешние действия помогут им реализовать свои желания.

Так что я начала двигаться бесшумно, как меня научили за последний год, и присоединилась к приспешникам «Фомора», входившим внутрь. После секундной паузы Энди оказалась рядом, и мы едва успели проскользнуть за ними, прежде чем дверь захлопнулась.

Никто не обернулся в нашу сторону, когда мы входили в огромное помещение, больше напоминающее зал дворца и столь же богато обставленное. Кроме полудюжины Свитеров, сопровождавших Слухача, в зале находилось еще пятеро громил. Все они явно стояли на страже, с прямыми спинами и сложенными за спиной руками.

— Где он? — спросил Слухач у охранника возле двери.

Он был самым крупным из всех, с шеей, похожей на пожарный гидрант.

— Внутри, — ответил охранник.

— Время пришло, — сказал Слухач. — Сообщи ему.

— Он приказал, чтобы его не беспокоили...

Казалось, Слухач задумался.

— Непунктуальность сделает договор недействительным, а нашу миссию невозможной. Сообщи ему.

Охранник нахмурился:

— Но повелитель приказал...

Верхняя часть тела Слухача внезапно пришла в движение, настолько молниеносное, что я сумела уловить лишь сам факт движения. Охранник зашипел и захрипел, а в следующее мгновение кровь фонтаном хлынула из его горла. Он сделал неуверенный шаг, повернулся к Слухачу и поднял руку.

Затем содрогнулся и упал на пол, кровь потоком лилась из рваной раны у него на шее.

Слухач отбросил кусок мяса размером с бейсбольный мяч и наклонился, чтобы вытереть окровавленные пальцы о свитер мертвеца. На черном фоне кровь не оставила следов. Слухач выпрямился и постучал в дверь.

— Милорд, уже почти полночь.

Через шестьдесят секунд он повторил свои действия.

Ему пришлось еще трижды постучать в дверь, прежде чем послышался невнятный голос:

— Я же приказал, чтобы меня не беспокоили.

— Простите, милорд, но время пришло. Если мы не начнем действовать, все наши усилия окажутся напрасными.

— Не тебе решать, какие приказы можно нарушить, а какие нет. Казните глупца, который потревожил мой сон.

— Это уже сделано, милорд.

Послышалось удовлетворенное ворчание, через мгновение дверь распахнулась, и я впервые увидела одного из повелителей «Фомора», высокое, изможденное существо, но удивительное дело — не казавшееся худым. У него были непропорционально большие руки и ноги, а живот выступал вперед, как будто внутри находился баскетбольный мяч. Я отметила распухшие челюсти, словно он болен свинкой, толстые, точно из резины, губы и прилизанные безжизненные волосы, похожие на водоросли, недавно выброшенные на берег. В общем, он больше всего напоминал долговязую ядовитую лягушку. Вся его одежда состояла из наброшенного на плечи одеяла. Фу, гадость!

У него за спиной в комнате лежали три обнаженные женщины, все они были мертвы, у каждой пурпурные синяки на шее и широко раскрытые остекленевшие глаза.

Свитера попадали перед ним на пол, но Слухач лишь преклонил колено.

— Он здесь? — спросил фомор.

— Да, милорд, — сказал Слухач, — с двумя телохранителями.

Фомор хрипло рассмеялся и потер руки со скошенными пальцами.

— Жалкий смертный. Называет себя бароном. Он заплатит за то, что сделал с моим братом.

— Да, милорд.

— Никому, кроме меня, не позволено убивать членов моей семьи.

— Конечно, милорд.

— Принесите раковину.

Слухач поклонился и кивнул трем Свитерам. Они поспешно вышли в другую дверь и вскоре вернулись с устричной раковиной, весившей не менее полутонны и футов семи в поперечнике. Огромную раковину покрывали кораллы или какие-то наросты — нечто похожее появляется на днищах кораблей. Свитера молча положили раковину на пол посреди зала.

Фомор подошел к ней, прикоснулся рукой и произнес одно слово. Поверхность раковины тут же засветились, по ней побежали сполохи, которые складывались в узоры или незнакомые мне буквы. Некоторое время фомор стоял над ней, вытянув вперед руку и прищурив выпуклые глаза, и что-то говорил на свистящем, булькающем языке.

Я не знала, что он делает, но ощутила значительное перемещение энергии. Что-то наполнило воздух в зале, и дышать стало труднее.

— Милорд? — неожиданно заговорил Слухач. — Что вы делаете?

— Подарок для наших новых союзников, естественно, — ответил фомор. — Я не могу уничтожить свартальвов вместе со всеми остальными. Пока.

— Это не соответствует планам Императрицы.

— Императрица сказала мне, чтобы я не причинял вреда нашим новым союзникам, — презрительно бросил фомор. —

Но она ничего не говорила относительно чистки накипи на их празднестве.

— Свартальвы трепетно относятся к вопросам чести, — заявил Слухач. — Вы опозорите их, если кто-то из гостей пострадает в тот момент, когда он находится под их крышей, милорд. И наш союз может оказаться под ударом.

Фомор сплюнул. Комок желтой слизи упал на пол у ног Слухача и зашипел на мраморном полу.

— Как только мы подпишем договор, обратного пути не будет. Мой дар передадут им через мгновение после этого: я пощажу их жалкие жизни. И если остатки накипи обратятся против свартальвов, у них не будет иного выбора, как попросить помощи *у нас*. — Он ухмыльнулся. — Не бойся, Слухач. Я не так глуп, чтобы уничтожить одного из любимчиков Императрицы, даже в результате несчастного случая. Ты и твои приятели уцелеете.

И тут я осознала, что за энергия собиралась в лежавшей на полу гигантской раковине, и сердце едва не остановилось у меня в груди.

Срань господня!

Лягушачий лорд сделал *бомбу*.

Прямо здесь.

— Моя жизнь принадлежит моим повелителям, и я лишь исполняю приказы, милорд, — сказал Слухач. — У вас есть другие указания?

— Перед уходом заберите у мертвецов драгоценности.

Слухач склонил голову.

— Насколько эффективным будет ваш подарок?

— Ну, то, что я сделал для Красной Коллегии в Конго, получилось вполне себе смертельным, — самодовольно заявил Лягушачий лорд.

Мое сердце забилось еще сильнее. Во время войны с Белым Советом Красная Коллегия применила какой-то нервно-паралитический газ против раненых чародеев, находившихся в больнице. Оружие также уничтожило десятки тысяч людей в городке, который был намного меньше Чикаго.

Мои босые ноги вдруг стали совсем маленькими и холодными.

Лягушачий лорд крякнул и пошевелил пальцами, и в следующий миг бомба-раковина исчезла под вуалью, которая была

ничуть не хуже тех, что умела делать я. Фомор опустил руку и улыбнулся:

— Принесите мое одеяние.

Свитера поспешно облачили Лягушачьего лорда в самые безвкусные шмотки во всей истории шмоток. Многоцветные волны расходились по ткани, точно рябь на воде, но каким-то случайным, хаотичным образом. Ткань украшали жемчужины, некоторые размером с большие шарики жвачки. Затем они надели ему на голову нечто похожее на корону, после чего Лягушачий лорд и его свита направились к двери.

Я скорчилась как можно дальше от них, почти под маленьким баром, Энди устроилась рядом со мной. Сейчас я полностью сосредоточилась на вуали. Лягушачий лорд быстро прошел мимо меня, за ним двумя колоннами шагала его свита. Они двигались синхронно, пока последняя пара не остановилась.

Слухач.

Его глаза медленно обвели зал, и он нахмурился.

— Что это? — спросил он у одного из Свитеров. — Ты не чувствуешь никакого запаха?

— Какого именно?

— Духов.

О, проклятие!

Я закрыла глаза и сосредоточилась на внушении тревоги, стараясь действовать очень аккуратно, чтобы Слухач ничего не понял.

Через мгновение Свитер ответил:

— Я никогда не любил духи. Нам не следует отставать от повелителя.

После коротких колебаний Слухач кивнул, повернулся и вышел в дверь.

— Молли! — отчетливо прозвучал голос Жюстины из кристалла, спрятанного в лифе моего платья. — Мисс Гард пару минут назад запаниковала и вывела отсюда Марконе. Охрана мобилизуется.

Иногда я думаю, что вся моя жизнь состоит из таких вот отвратительных моментов.

Слухач мгновенно развернулся, но Энди оказалась быстрее. Она совершила десятифутовый прыжок, всем телом ударила в дверь и захлопнула ее. В одно мгновение она снова превраги-

лась в обнаженную девушку, которая протянула руку и защелкнула замок.

Я вытащила из-под платья кристалл.

— Здесь, в крыле для гостей, находится бомба. Повторяю: *бомба* в гостевом крыле, в покоях посла фоморов. Найди Этри или любого другого свартальва и расскажи, что фомор планирует убить гостей свартальвов.

— О Господи, — пробормотала Жюстина.

— Проклятие! — эхом отозвался Баттерс.

Что-то тяжелое и быстрое ударило в дверь снаружи, и она содрогнулась, Энди отбросило на несколько дюймов, однако она тут же прижалась к ней плечом.

— Молли!

Возникла еще одна ситуация, когда паника способна тебя убить. И хотя мне хотелось кричать и бегать кругами, я закрыла глаза, сбросила вуаль и сделала медленный глубокий вдох, собираясь с мыслями.

Первое: если Лягушачий лорд и Свитера сумеют сюда ворваться, они нас убьют. В номере восемь уже и так четыре трупа. Почему не добавить еще парочку? И если учитывать все факторы, у них должно получиться. Значит, главная задача — не впускать их, по крайней мере до тех пор, пока свартальвы не наведут порядок.

Второе: бомба. Если эта штука взорвется и в ней окажется такой же нервно-паралитический газ, какой Красная Коллегия использовала в Африке, погибнут сотни тысяч людей, в том числе Энди, Томас и Жюстина — а также Баттерс и Марси, которые ждут нас в машине. Бомбу нужно обезвредить или перенести в безопасное место. А для этого она должна перестать быть невидимой.

И третье: спасти Томаса. Нельзя забывать о цели нашей миссии, как бы ни усложнились обстоятельства.

На дверь обрушился новый удар.

— Молли! — закричала Энди, и страх сделал ее голос вибрирующим и пронзительным.

— Проклятие! — прорычала я. — Что стал бы делать Гарри?

Будь Гарри здесь, он не дал бы открыться дурацкой двери. Его магические способности были сильными, как у супергероя, и когда возникала необходимость, он мог управлять могучей энергией. Я практически не сомневаюсь, что Гарри сумел бы

остановить движущийся локомотив. Или несущийся на него грузовик. Однако мои таланты не предполагали физических воздействий.

Гарри однажды сказал мне, что когда у тебя возникает проблема — то это действительно проблема. Но если есть несколько проблем, то должно быть и несколько решений.

Я встала, взяла в руки магические жезлы и посмотрела на дверь.

— Приготовься, — сказала я.

Энди взглянула на меня.

— К чему?

— Открыть дверь, — сказала я. — А потом захлопнешь ее за мной.

— *Что?*

— Закрой глаза. На счет «три», — сказала я, слегка согнув ноги в коленях. — Один!

Дверь снова задрожала.

— Два!

— Ты сошла с ума? — прорычала Энди.

— Три! — закричала я и побежала к двери, подняв оба жезла.

Энди зажмурилась и распахнула дверь, а я применила заклинание «Рэйв одинокой женщины».

Подчиняясь моей воле, свет и звук сорвались с концов магических жезлов. Свет не походил на луч фонарика, но был подобен маленькому атомному взрыву. А звук вовсе не напоминал крик или маленький взрыв, или даже рев проносящегося мимо поезда. Скорее стрельбу главного калибра крейсера времен Второй мировой — такой мог сбить с ног взрослого мужчину.

Я устремилась вперед, окруженная потоками света и звука, и выскочила в коридор, где скопились ошеломленные Свитера.

И тут я вступила в игру.

Через несколько минут ошеломленные Свитера вскочили на ноги, хотя они потеряли ориентировку и лихорадочно терли глаза. Чуть дальше по коридору один из них помогал Лягушачьему лорду подняться на ноги. Его волосы были всклокочены, одеяние пришло в беспорядок, уродливое лицо фомора искажала ярость.

— Что здесь происходит, Слухач? — потребовал он ответа.

Фомор орал изо всех сил, видимо, к нему еще не вернулась нормальная способность слышать.

— Милорд, — сказал Слухач, — вероятно, это работа Леди-Оборванки.

— Что? А погромче не можешь, идиот?

Щека Слухача дернулась, и он заорал, повторив свои слова.

Лягушачий лорд зашипел.

— Вот навязчивая сука! — оскалился он. — Сломай дверь и принеси мне ее *сердце*.

— Да, милорд, — сказал Слухач, и Свитера снова сгруппировались возле двери с номером восемь. В следующее мгновение они принялись лупить в нее ногами, по трое сразу, одновременно ударяя каблуками в дерево. После трех таких ударов стали появляться трещины, после пятого дверь свободно закачалась на петлях.

— Убейте ее! — верещал Лягушачий лорд, направляясь к двери. — *Убейте* ее!

Все, кроме двух Свитеров, бросились в комнату.

Прячась внутри восстановленной вуали, я решила сразу после того, как дверь открылась и они бросились внутрь, что пришла пора рассеять иллюзию. Серебряная цифра восемь, свисавшая с двери, затуманилась и превратилась в серебряную цифру шесть.

Глаза Лягушачьего лорда округлились.

Один из Свитеров вылетел из двери комнаты номер шесть и врезался в стену на противоположной стороне коридора. Он ударился об нее и, как тряпичная кукла, свалился на пол. На треснувшем мраморе остались очертания его тела и частички плоти и кровь.

Из-за сломанной двери появился Томас Рейт, вампир.

— Слухач, верно? Здоро́во! Твои клоуны опять перепутали номера комнат.

— Мы допустили ошибку, — сказал Слухач.

— Да, так и есть.

Из соседней комнаты послышался треск и звук ударов.

Лягушачий лорд зашипел и повернул раздутую голову на длинной шее.

— Леди-Оборванка, — прошипел он. — Я знаю, что ты здесь.

На сей раз, я не сомневалась, что сделал бы Гарри. Я подняла звуковой жезл и направила свой голос из дальней стороны коридора, находящейся у него за спиной.

— Привет, Лягушенция. Злодейские реплики всегда такие дурацкие, или у тебя проблемы с детства?

— Ты *осмеливаешься* смеяться надо *мной*? — прорычал фомор и метнул вдоль коридора спиральный штопор темно-зеленой энергии, которая оставляла черные отметины на всем, чего касалась.

Когда спираль ударила в дверь, послышался потрескивающий рычащий звук, и зеленый свет распространился по ней, образовав ячейки рыболовной сети.

— А как еще себя вести при встрече с омерзительными уродцами? — сказала я так, что мой голос прозвучал рядом с ним. — Ты и правда убил тех девушек, или они сами с собой покончили, когда увидели тебя голенького?

Фомор зарычал и ударил по воздуху возле себя. Затем он прищурился и принялся шевелить плоскими пальцами, создавая сложное плетение. Я сразу ощутила исходящую от него энергию и поняла, что он собрался сделать — сорвать мою вуаль. Но я месяцами играла в эту игру с Тетушкой.

А Лягушенция — нет.

По мере того как щупальца его поисковой магии расходились в стороны, я посылала крохотные частицы собственной энергии так, чтобы они лишь слегка касались его плетения, аккуратно уводя их в сторону от собственной вуали. Я не могла допустить своего разоблачения. Во всяком случае, не так. Он долго не раздумывал, и если я и дальше буду его в этом поощрять, то очень возможно, он окажется настолько тупым, что я сумею его обмануть.

Но заставить его уйти я не могла, и когда убедилась, что сдвинула в сторону его плетение, то снова использовала звуковой жезл, на этот раз прямо у него над головой.

— Такие игры не для профанов. Тебе не кажется, что лучше укрыться где-нибудь подальше и предоставить сделать всю работу Слухачу?

Лягушенция поднял голову вверх и прищурился. Потом вскинул руку, прошипел слово, с его пальцев соскочил сноп пламени и ударил в потолок.

Пожарная сигнализация сработала примерно через две секунды, а еще через две с потолка хлынул поток. Но я успела вернуться к двери комнаты номер восемь, когда вода принялась уничтожать мою вуаль. Магия — это энергия, которая следует

собственным законам. Один из них состоит в том, что вода разрушает магические конструкции, и моя вуаль начала растворяться, словно состояла из сахарной ваты.

— Ха! — рявкнул фомор, заметив меня.

Я увидела, что он послал в меня голубовато-зеленую молнию, упала на пол лицом вниз, и молния ударила в дверь надо мной. Перевернувшись на спину, я едва успела поставить щит против второй молнии, а потом и третьей. Мои щиты не слишком хороши, но заклинания фомора состояли из чистой энергии, и это облегчало мою задачу. Я отражала удары направо и налево, и от стен начали отлетать куски мрамора величиной с кирпич.

Глаза Лягушенции запылали еще ярче, промахи разъяряли его все сильнее.

— Смертная корова!

Ну ладно. Это уже обидно. Конечно, было мелочно принимать всерьез его оскорбительные слова относительно моей внешности и говорило о недостатке характера, но мерзкое заявление задело меня сильнее, чем попытка убийства.

— *Корова?* — прорычала я, когда вода намочила мой подол. — Да в этом платье я просто ослепительна!

Я бросила один из жезлов и направила в его сторону ладонь, посылая невидимый сгусток чистой памяти, сфокусированный при помощи магии, точно поток света, проходящий через увеличительное стекло. Иногда человек плохо помнит полученные им раны, и у меня остались весьма расплывчатые воспоминания о пуле в ноге. Когда она вошла в мое тело, я не почувствовала особой боли, к тому же в тот момент мне было о чем подумать. Я в основном испытала удивление и онемение — но когда в вертолете санитары начали чистить рану, вот *это* было да! Пули вытащили при помощи хирургических щипцов и промыли рану чем-то, что пекло, словно я попала в ад. Когда же мне наложили повязку, стянув рану, я решила, что за мной пришла смерть.

Именно эти ощущения я и послала Лягушенции, собрав все свои силы.

Он соткал щит, но едва ли ему приходилось обороняться против чего-то столь же неосязаемого, как воспоминания. И хотя падающая вода ослабляла мое восприятие, я почувствовала, что удар миновал его защиту, и Лягушенция испустил внезапный

пронзительный вопль. Он пошатнулся и упал, сжимая двумя руками ногу.

— Убейте ее! — заверещал он, и его голос поднялся на две октавы. — Убейте ее, убейте ее, убейте ее!

Оставшаяся в коридоре пара Свитеров бросилась ко мне. На меня накатила волна усталости, но я сумела подняться на ноги, метнулась к двери комнаты номер восемь и принялась колотить в нее кулаком.

— Энди! Энди, это Молли! Энди впусти меня...

Дверь распахнулась, и я ввалилась внутрь. Подобрав под себя ноги, я сжалась в комок, а Энди захлопнула дверь и щелкнула замком.

— Что за дьявольщина, Молли? — спросила мокрая Энди.

Вода с потолка залила все, в том числе и бомбу фомора.

Я встала и подошла к бомбе.

— Я не могла снять вуаль с бомбы с той стороны, — задыхаясь, сказала я. — У нас нет времени, чтобы развести огонь, а моей собственной энергии не хватало, чтобы сработала пожарная сигнализация. Мне пришлось заставить это сделать за меня Лягушенцию.

Дверь содрогнулась под ударами Свитеров.

— Постарайся их удержать, — сказала я Энди. — Я разряжу бомбу.

— А сможешь ли?

— Да запросто! — солгала я.

— Хорошо, — сказала Энди и поморщилась. — Сегодня от меня всю ночь будет пахнуть мокрой псиной.

Она повернулась к двери, а я протянула руки к гигантской раковине. Отбросив мысли о врагах, пытавшихся ворваться внутрь, я полностью сосредоточилась на бомбе, затем обострила восприятие и попыталась нащупать энергию, движущуюся в ней.

Энергии было *много*, и мощь, заключенная внутри, рвалась наружу. Тонкий слой плетения — магический аналог панели управления — окружал внутреннюю часть раковины. Вода медленно, но верно подтачивала его, но недостаточно быстро, чтобы повредить основное ядро и рассеять энергию. Однако я понимала, что если буду медлить, вода уничтожит наружное плетение, и тогда уже никто не сможет разрядить бомбу.

Я закрыла глаза и положила руку на раковину, как это делал Лягушенция, почувствовала, что энергия раковины тянется к моим пальцам, готовясь отреагировать, и тогда я начала отдавать свою энергию, пытаясь понять, как устроена бомба. Это было самое обычное заклинание, ничего сложного, но я не знала, как оно работает, — словно у меня в руках оказался дистанционный пульт от телевизора, на котором отсутствовали обозначения кнопок. И я не могла начать нажимать их случайным образом.

С другой стороны, не делать этого я тоже не могла.

Что же, придется сделать обоснованное предположение.

На телевизионном пульте кнопка включения всегда находится немного в стороне от других или, наоборот, в самом центре. Именно такую возможность я и искала — чтобы отключить бомбу. Я начала отбрасывать те части заклинания, которые выглядели слишком сложными или, наоборот, простыми, постепенно сужая возможности выбора. Наконец осталось всего два варианта. Если я ошибусь...

Я нервно захихикала.

— Послушай, Энди. Синий провод или красный?

Нога Свитера пробила в двери дыру, и Энди повернула голову, чтобы одарить меня недоверчивым взглядом.

— Ты что, окончательно спятила? — закричала она. — Синий, всегда обрезай синий!

Половина двери рухнула под очередным ударом, Энди мгновенно превратилась в волка и разорвала горло первому Свитеру, который сунулся внутрь.

Я вновь сосредоточилась на бомбе и выбрала второй из вариантов. Затем направила на него всю свою волю. Мне пришлось сделать несколько попыток, потому что меня охватил ужас, далеко не всегда помогающий сохранить ясность мысли.

— Послушай, Бог, — прошептала я. — Я знаю, что в последнее время ты нечасто оказывался рядом, но если ты позволишь мне допустить ошибку, то пострадает множество людей. Пожалуйста, позволь мне сделать правильный выбор.

И перерезала синий провод.

Ничего не произошло.

Я ощутила почти парализующее облегчение — и в следующий миг Лягушенция перепрыгнул через Энди, сражавшуюся с двумя Свитерами, и врезался в меня.

Я рухнула на мраморный пол, и Лягушенция оказался на мне верхом, навалившись всем весом. Одной рукой он сдавил мне горло — ему хватило длины пальцев, чтобы они полностью на нем сомкнулись. Фомор был необыкновенно силен, я тут же начала задыхаться, в голове застучало, перед глазами заплясали темные пятна.

— Маленькая сучка! — прошипел он и принялся бить меня свободной рукой.

Удары приходились в левую скулу. Я должна была бы испытывать боль, но мой мозг уже перестал реагировать адекватно. Я ощущала удары, но все остальное исчезало в сгущающемся мраке. Мое сопротивление не прекращалось, но это не помогало. Лягушенция оказался намного сильнее, чем можно было себе представить. Я уже почти ничего не видела, но обнаружила, что смотрю в темный туннель и на одну из мертвых девушек, лежавших на полу в спальне, и вижу темно-пурпурный синяк у нее на шее.

Затем пол в нескольких футах от меня начал пульсировать, а еще через мгновение из него выскочило необычное серое существо.

Рост свартальва составлял не более четырех футов и шести дюймов, он был полностью обнажен, с серой пятнистой кожей и огромными черными глазами. Я даже успела отметить, что голова у него несколько крупнее, чем у большинства людей, что он лысый, но с густыми серебристо-седыми бровями. Свартальв немного напоминал пришельца из Розвелла и был сложен, как профессиональный боксер, стройный и сильный. В руке он держал простой короткий меч.

— Фомор, — спокойно сказал свартальв, и я узнала голос Этри. — Никому не следует бить леди.

Лягушенция собрался что-то сказать, но меч Этри со свистом опустился вниз и отсек душившую меня руку. Лягушенция взвыл и отвалился, он что-то кричал, пытаясь вызвать силу и улизнуть на трех оставшихся конечностях.

— Ты нарушил права гостя, — спокойно продолжал Этри.

Он сделал короткий жест, мраморный пол под фомором внезапно стал жидким, и Лягушенция провалился на три дюйма, а потом пол затвердел. Фомор взвыл.

— Ты напал на гостя, находящегося под защитой Свартальвхейма. — Голос Этри по-прежнему оставался спокойным. Его

меч снова описал короткую дугу и отсек нос Лягушенции, тот завыл, а во все стороны полетела слизь. Этри стоял над лежащим фомором и смотрел на него без всякого выражения. — Тебе есть что сказать в свое оправдание?

— Нет! — закричал Лягушенция. — Ты не можешь так поступить! Я не причинил вреда никому из ваших людей!

Я ощутила в Этри вспышку ярости столь обжигающую, что мне показалось, будто падающая на него с потолка вода обращается в пар.

— Не причинил нам вреда? — спокойно переспросил он и посмотрел на раковину, а в следующее мгновение его взгляд, наполненный презрением, снова остановился на Лягушенции. — Ты собирался использовать наш союз как предлог для убийства тысяч невинных людей и сделать нас своими сообщниками. — Он опустился на корточки, и его лицо оказалось в нескольких дюймах от окровавленного лица Лягушенции. — Ты запятнал честь Свартальвхейма.

— Я с вами расплачусь! — забормотал Лягушенция. — Вы получите компенсацию!

— Расплата за твои действия может быть только одна, фомор. Переговоры более невозможны.

— Нет, — запротестовал фомор. — Нет. НЕТ!

Этри отвернулся и оглядел комнату. Энди все еще находилась в теле волка. Один из Свитеров истекал кровью на мраморном полу, и рядом с ним образовалась лужа. Другой скорчился в углу, закрывая руками голову, покрытую кровавыми ранами. Энди, тяжело дыша, стояла напротив, ее клыки стали алыми, а из груди вырывалось низкое рычание.

Этри повернулся ко мне и протянул руку. Я поблагодарила его и позволила помочь мне сесть. Горло саднило, сильно болели голова и щека. Это меня убивает, хи-хи-хи. Ну иди сюда.

Знаете, нужно совсем рехнуться, если начинаешь вести внутренний монолог из «Трех Балбесов» *.

— Я приношу свои извинения за то, что вмешался в вашу схватку, — сказал Этри. — Пожалуйста, не подумайте, что я поступил так из-за того, что сомневался в вашей способности себя защитить.

* Популярное американское реалити-шоу.

— Это ваш дом, и ваша честь стояла на кону. — Мой голос сел гораздо сильнее, чем мне бы хотелось. — Вы имели такое право.

Казалось, мой ответ его удовлетворил, и Этри слегка поклонился.

— И я приношу свои извинения за то, что не начал действовать сам. Не вы несли ответственность за поведение этого подонка и не должны были вступать с ним в схватку.

— Да, я поступила немного самонадеянно, — сказала я. — Однако времени оставалось мало.

— Ваш союзник предупредил нас об опасности. Вы не совершили ничего неправомерного. Свартальвхейм благодарит вас за помощь. Мы в долгу перед вами.

Я хотела сказать, что мне ничего не нужно, но вовремя остановила себя. Этри вовсе не обменивался со мной любезностями и не вел дружескую беседу. Шел аудит и расчет. Я лишь наклонила голову.

— Благодарю вас, мистер Этри.

— Не за что, мисс Карпентер.

Свартальвы в форме вместе со смертными охранниками вошли в комнату. Этри приблизился к ним и негромко отдал приказ. Фомора и его приспешников связали и вывели из комнаты.

— Что с ними будет? — спросила я у Этри.

— Мы сделаем из фомора пример, — ответил Этри.

— А что с вашим договором? — спросила я.

— Он не подписан, — сказал Этри. — Главным образом благодаря вам. И хотя Свартальвхейм не платит долгов по не взятым на себя обязательствам, мы ценим вашу роль в данном деле. И в будущем это учтем.

— Фомор не заслуживает иметь благородного союзника.

— Да, складывается такое впечатление, — согласился Этри.

— Что будет со Свитерами? — спросила я.

— А что конкретно вас интересует?

— Вы с ними... разберетесь?

Этри бросил на меня недоуменный взгляд.

— Вам-то что?

— Ну, они вроде как тоже в этом участвовали.

— Они собственность, — сказал свартальв. — Если человек бьет вас молотком, вы наказываете человека. Нет никакого смысла в уничтожении молотка. Они нас не интересуют.

— А что скажете о них? — спросила я и кивнула в сторону спальни фомора, где лежали мертвые девушки. — То, что с ними случилось, вас тоже не интересует?

Этри посмотрел на тела девушек и вздохнул.

— Красивые вещи не следует уничтожать, — сказал он. — Но они не были нашими гостями. Мы никому не должны за их гибель и не несем за нее ответственность.

— У вас в заключении находится вампир, верно? — спросила я.

Этри несколько мгновений смотрел на меня.

— Да, — кивнул он.

— У вас долг передо мной. Я хочу, чтобы его освободили.

Этри приподнял бровь, затем слегка поклонился.

— Идемте со мной.

Я последовала за Этри, и мы остановились перед комнатой с номером шесть. Несмотря на то что дверь была сломана, Этри вежливо постучал. Через мгновение раздался женский голос:

— Вы можете войти.

Мы вошли в такую же, как у фомора, комнату, только здесь было полно подушек и обитой плюшем мебели, и царил полнейший беспорядок: на полу валялись обломки мебели, осколки безделушек и изувеченные Свитера. Охранники уже связывали их и выносили из комнаты.

Слухач ушел сам, руки были связаны у него за спиной, один глаз распух и закрылся. Он бросил на меня пристальный взгляд, но ничего не сказал.

Ублюдок.

Этри повернулся к занавешенной двери, ведущей в спальню.

— Мы в долгу перед смертной ученицей, которая нас предупредила. Она попросила об освобождении вампира.

— Невозможно, — ответил женский голос. — Этот счет уже закрыт.

Этри повернулся ко мне и пожал плечами:

— Я сожалею.

— Подождите, — сказала я. — Могу я с ним поговорить?

— Одну минутку.

Мы ждали, и вскоре в двери спальни появился Томас, одетый в черный махровый халат, видимо, он только что принял душ. Томасу не хватало полдюйма до шести футов, и от всего его тела исходил мощный сексуальный призыв. А еще у него

были глаза цвета голубого хрусталя и темные волосы до плеч. Мое тело повело себя, как обычно в его присутствии, оно кричало, что пора заводить ребенка. Я проигнорировала эти вопли. Ну, почти.

— Молли, — сказал он. — Ты в порядке?

— Ничего такого, что не сможет исправить ведерко аспирина, — сказала я. — А ты?

Он заморгал.

— Почему со мной должно было что-то случиться?

— Я думала... ты знаешь. Тебя поймали как шпиона.

— Ну, конечно, — ответил он.

— Я решила, они... сделают из тебя пример.

Томас снова заморгал.

— С какой стати?

Дверь спальни открылась, и оттуда вышла женщина-свартальв, очень похожая на Этри — крошечная и красивая, только с длинными серебристыми волосами, а не с бильярдным шаром вместо прически. На ней была рубашка — наверное, она принадлежала Томасу, — которая прикрывала ее до самых щиколоток. Женщина выглядела определенно... довольной собой. За спиной у нее я увидела несколько пар широко раскрытых темных глаз, глядевших на нас из темной спальни.

— Ага, — сказала я. — *Ага*, ты... заключил сделку.

Томас ухмыльнулся:

— Это трудная, грязная работа...

— И он ее еще не закончил, — сказала женщина-свартальв. — Он наш до рассвета.

Томас перевел взгляд с меня на спальню и развел руки в стороны.

— Ты знаешь, как это бывает, Молли. Долг зовет.

— Ну и что мне сказать Жюстине?

Он снова удивленно посмотрел на меня.

— Правду. Что же еще?

— О, слава Богу, — сказала Жюстина, когда мы выходили из крепости свартальвов. — Я боялась, что они морят его голодом.

Я заморгала.

— Твой дружок трахается с целой командой темных эльфиек, а ты *радуешься*?

Жюстина склонила голову набок и расхохоталась.

— Когда ты влюблена в инкуба, твой взгляд на жизнь немного меняется. Ничего нового не произошло. Я знаю, как он ко мне относится, но его нужно кормить, чтобы он оставался здоровым. Так в чем вред? — Она ухмыльнулась. — К тому же он *всегда* готов продолжить.

— Ты очень странное существо, Жюстина.

Энди фыркнула и дружелюбно толкнула меня плечом. Она успела найти свое платье и туфли, которые ей так нравились.

— Кто бы говорил!

После того, как все благополучно разошлись по домам, я отправилась от квартиры Уолдо к ближайшей крытой парковке, нашла там темный угол, села и стала ждать. Примерно через два часа воздух замерцал, появилась Леа и устроилась рядом со мной.

— Ты меня обманула, — сказала я. — Послала туда вслепую.

— Верно. В точности как Лара поступила со своим братом — вот только мой агент добился успеха там, где ее потерпел неудачу.

— Но зачем? Зачем нас было туда посылать?

— Мы не могли позволить «Фомору» подписать договор, — сказала она. — Если бы один народ подписал с ним договор о нейтралитете, за ними последовала бы дюжина других. «Фомор» сумел бы разделить остальных и прикончить по одному. Очень деликатное положение. Присутствие активных агентов должно было нарушить состояние равновесия — обнажить истинную природу «Фомора» в проверке огнем.

— Но почему ты не сказала мне правду? — спросила я.

— Потому что ты бы мне не поверила — какие тут могут быть сомнения?

Я нахмурилась:

— Ты все равно должна была мне все рассказать.

— Не будь смешной, дитя! — фыркнула Леа. — У меня не оставалось времени, чтобы рассеять твои сомнения, подозрения и теории. Не говоря уже о том, чтобы отвечать на бесконечные вопросы. Намного лучше было предложить тебе приз, на котором ты могла бы сосредоточиться — Томаса.

— А откуда ты знала, что я найду бомбу?

Леа изогнула бровь.

— Бомбу? — Леа покачала головой. — Я не знала, что именно там происходит. Но фоморы предатели. Всегда были и всег-

да будут. Оставался только один вопрос — форма, которую примет их предательство. И это нужно было показать свартальвам.

— Но откуда ты знала, что я справлюсь?

— Я не знала, — ответила Леа. — Но я хорошо знакома с твоим наставником. Он превосходно научил тебя отыскивать неприятную правду. — Леа улыбнулась. — И еще ты освоила его любимый прием — превращать упорядоченные ситуации в настоящий хаос.

— О чем ты говоришь? — резко спросила я.

Ее улыбка была ужасающе самодовольной.

— О том, что при любых обстоятельствах я не сомневалась, что договор подписан не будет.

— Но ты могла бы сама все это проделать.

— Нет, дитя, — возразила Леа. — Свартальвы никогда бы не пропустили меня на свой прием. Они любят ясность и порядок. И они бы сразу сообразили, что я намерена порядок нарушить.

— А про меня они ничего не знали?

— Они умеют судить о других только по их действиям, — ответила Леа. — Отсюда и желание заключить договор с фоморами, с которыми они никогда прежде не сталкивались. Мои действия показали, что со мной следует соблюдать осторожность. Ну а ты... о тебе они ничего не знали. И ты такая красотка. Все хорошо, твой город спасен, и группа богатых, умелых и влиятельных существ перед тобой в долгу. — Она немного помолчала, а потом наклонилась вперед. — Возможно, тебе следует меня поблагодарить.

— Мне — тебя? — поразилась я. — За что?

— Я полагаю, твой вечер закончился очень неплохо, — заметила Леа, приподняв брови. — Господи, ты такой трудный ребенок. Я даже не могу себе представить, как он терпит твою дерзость. Наверное, ты думаешь, что заслужила от меня награду. — Она встала и повернулась, собираясь уйти.

— Подожди! — вдруг вырвалось у меня.

Она остановилась.

Мне показалось, что мое сердце перестало биться, и меня начало отчаянно трясти.

— Ты сказала, что знакома с Гарри. А не что *была* с ним знакома. В настоящем времени.

— В самом деле?

— Ты сказала, что не понимаешь, как он терпит мою дерзость. Терпит. Настоящее время.

— В самом деле?

— Тетушка, — едва слышным шепотом продолжала я. — Тетушка... Гарри... жив?

Леа очень медленно наклонилась ко мне, и в ее умных зеленых глазах сверкнуло озорное знание.

— Я не сказала, что он жив, дитя. И тебе не следует так говорить. *Пока* не стоит.

Я опустила голову и заплакала. Или рассмеялась. Или все вместе. Я не знала. Леа не стала оставаться со мной. Выплеск эмоций ее всегда смущал.

Гарри. Живой.

Я его *не убила.*

Лучшая награда из всех возможных.

— Благодарю тебя, Тетушка, — прошептала я. — Благодарю.

ДЖО Р. ЛАНСДЭЙЛ

Плодовитый техасский писатель Джо Р. Лансдэйл — обладатель премии Эдгар, Британской премии фэнтези, Американской премии хоррора, Американской премии «детектива», Международной премии «Авторов криминальных романов» и шести премий Брэма Стокера. И хотя известность ему принесли хоррор-триллеры, такие как «The Nightrunners», «Бабба Хо-Теп», «The Bottoms», «The God of the Razor» и «The Drive-In», он также является создателем популярной детективной серии о Хэпе Коллинзе и Леонарде Пайне — «Savage Season», «Mucho Mojo», «The Two-Bear Mambo», «Bad Chili», «Rumble Tumble», «Captains Outrageous» — и романов-вестернов, таких как «Texas Night Rider» и «Blooddance», а также романов перекрестных жанров, которые нелегко классифицировать, таких как «Zeppelins West», «The Magic Wagon» и «Flaming London». Среди прочих его романов — «Умереть на Диком Западе», «The Big Blow», «Sunset and Sawdust», «Acts of Love», «Freezer Burn», «Waltz of Shadows», «The Drive-In 2: Not Just One of Them Sequels» и «Leather Maiden». Он также внес свой вклад в такие популярные серии, как «Бэтмэн» и «Тарзан». Множество его рассказов выходили в сборниках «By Bizarre Hands», «Tight Little Stitches on a Dead Man's Back», «The Shadows Kith and Kin», «The Long Ones», «Stories by Mama Lansdale's Youngest Boy», «Bestsellers Guaranteed», «On the Far Side of the Cadillac Desert with the Dead Folks», «Electric Gumbo», «Writer of the Purple Rage», «Fist Full of Stories», «Steppin' Out», «Summer '68», «Bumper Crop», «The Good, the Bad and the Indifferent», «Selected Stories by Joe R. Lansdale», «For a Few Stories More», «Mad Dog Summer and Other Stories», «The King and Other Stories», «Дорога мертвеца». Также он является автором больших сборников «Flaming Zeppelins: The Adventures of Ned the Seal», и «High Cotton: the Collected Stories of Joe R. Lansdale». Он был редактором таких антологий, как «The Best of the West», «Retro Pulp Tales», «Son of Retro Pulp Tales», «Razored Saddles» (в соавторстве с Пэтом Лобрутто), «Dark At Heart: All New Tales of Dark Suspense» (в соавторстве со своей женой Кэрин

© Joe R. Lansdale, 2013; © пер., примеч. В. Вершовского, 2014.

Лансдэйл), «The Horror Hall of Fame: The Stoker Winners» и антологии — дань творчеству Роберта И. Говарда — «Cross Plains Universe» (в соавторстве со Скоттом Э. Каппом). Антология в честь творчества Лансдэйла называлась «Lords of the Razor». Его самые свежие книги — два новых романа о Хэпе и Леонарде, «Devil's Road» и «Hyenas»; романы «Damaged by Choice» и «Edge of Dark Water»; и новая коллекция рассказов «Shadows West» (с Джоном Л. Лансдэйлом). В качестве редактора он выпустил две новых антологии: «Crucified Dreams» и «The Urban Fantasy Anthology» (в соавторстве с Питером С. Биглом). Он живет со своей семьей в небольшом городе Накэдочисс, штат Техас.

Здесь он представляет нам лучшую из всех великолепнейших дамочек — женщину, полную сексуальной привлекательности, владеющую магией, беззвучным свистом подзывающую каждого встреченного мужчину, женщину, подобную ярко-красному яблоку с червяком внутри, женщину, которая может заставить священника отправиться домой и перерезать себе горло, если он увидит ее гуляющей по улице. Короче говоря, это персонаж, который мог создать только Лансдэйл.

ПОЕДИНОК С ХЕСУСОМ

Сначала они отобрали у Марвина мешочек с ланчем, потом деньги, а потом от души надавали пинков. Он чувствовал, что ему так надрали задницу, что по шкале от одного до десяти боль ощущалась на все четырнадцать баллов. Однако Марвин принял в расчет то, что избиение не было безостановочным, потому что один из напавших прервался на перекур, а после еще двое, похоже, устали и выдохлись.

Лежа на земле и чувствуя вкус собственной крови, ему хотелось думать, что, принимая во внимание перекур и явную усталость двух грабителей, от их общей результативности можно отнять несколько очков, и тогда сумма составит девять или десять вместо полных четырнадцати баллов.

Это, однако, ничуть не помогло ноющим ребрам и не устранило пятен, поплывших перед его глазами до того, как он отрубился от боли. Когда он пришел в себя, его бил по лицу ладонью один из подонков, которому хотелось знать, есть ли у Марвина золотые зубы. Он сказал, что нет, но подонок настаивал на том, чтобы удостовериться, и Марвин открыл рот, и грабитель проверил.

Разочарованный подонок пригрозил нассать ему в рот или оттрахать его, но и сам головорез, и его банда либо слишком устали после избиения Марвина, чтобы оттрахать его, или не накопили достаточно мочи, потому что развернулись и начали уходить, деля на ходу деньги на четверых. Каждому досталось по три доллара и двадцать центов, а из его рюкзачка они вынули вполне приличный сэндвич с ветчиной и маленький контейнер с желе. Однако в нем была только одна пластиковая ложка.

Марвин начал ощущать себя частью бетонного тротуара, когда какой-то голос произнес:

— Эй, мелкие говнюки, думаете, что вы что-то из себя представляете, да?

Проморгавшись, Марвин увидел, что говорил старик, сутулый, кривоногий, с седыми волосами и лицом, которое, казалось, когда-то разобрал на части и потом кое-как собрал вместе пьянчуга в темной комнате, скрепив все дешевым клеем. В его ухе — Марвин видел только правое — было столько шерсти, что хватило бы на небольшой свитер. Единственные черные волосы, которые были у старика — на голове его они были цвета рыбьего брюха. Штаны, висящие мешком, он поддерживал одной рукой. Кожа его была темной, как орех, а рот буквально набит зубными протезами. Один из карманов его штанов был чем-то раздут. Марвин подумал, что это могла быть его мошонка — из-за грыжи.

Банда остановилась и развернулась. Они были довольно-таки неприятными типами с широкими плечами и мощными мускулами. У одного из них был большой живот, но твердый, жесткий, не обвисший, и Марвин по собственному опыту знал, что и кулаки у них твердые, а башмаки еще тверже. Старик вполне мог расстаться с жизнью.

Тот, что спрашивал Марвина насчет золотых зубов, с большим животом, посмотрел на старика и сказал, положив украденный рюкзачок Марвина на землю:

— Ты с нами разговариваешь, старый пердун?

— Вы единственное дерьмо, которое я здесь вижу, — сказал старик. — Думаешь, что ты крутой мужик, да? Любой может избить такого слабака, как этот паренек. Моя бабушка-инвалидка смогла бы, а ведь она уже двадцать лет как умерла. Пацану, может, шестнадцать, а вам, пидорам, сколько — двадцать? А вы всего лишь кучка влагалищ без единого волоска на щелке.

Марвин попытался отползти назад, чтобы скрыться с глаз, не желая, чтобы интерес к нему снова пробудился, и думая, что, может, он успеет удрать, пока они будут убивать старика. Но он был слишком слаб, чтобы ползти. Жесткое Пузо с напыщенным видом направился к старику, осклабившись и поглаживая волосы.

Когда он был уже в шести футах от цели, старик сказал:

— Собираешься драться со мной один, мелкий ты говнюк? Тебе даже не нужно, чтобы твоя кодла держала меня за руки?

— Я тебе все оставшиеся зубы вышибу, ты, старый мексикашка, — сказал Жесткое Пузо.

— Настоящих у меня не осталось, так что давай попробуй.

Парень сделал шаг вперед и попытался ударить старика ногой, но тот отбил его ногу в сторону левой рукой, продолжая правой поддерживать штаны, а потом стремительно врезал ему прямо в рот. Удар сбил бандита с ног, и по губам потекла кровь. Когда Жесткое Пузо попытался подняться, старик ногой с силой рубанул его по гортани. Жесткое Пузо снова упал, задыхаясь и обхватив горло ладонями.

— Как насчет вас, девочки? Настроены развлечься, мокрощелки?

Мокрощелки затрясли головами.

— Это хорошо, — сказал старик и вытащил из кармана цепь. Она и отдувала ему карман, а вовсе не грыжа. Он по-прежнему придерживал штаны свободной рукой.

— У меня тут уравнитель. Я обмотаю этого сукина сына уравнителя вокруг ваших пустых тыкв как якорную цепь. Идите сюда, поставьте мистера Дырку-в-Заднице на ноги и уберите его от меня, быстро.

Три парня подняли мистера Дырку-в-Заднице, он же Жесткое Пузо, на ноги, и когда они это сделали, старик придвинул лицо вплотную к физиономии Жесткого Пуза и сказал:

— И чтобы сюда больше не возвращался. Я тебя не желаю здесь видеть.

— Ты пожалеешь, мексикашка, — сказал Жесткое Пузо. Кровь пузырилась на его губах, стекая по подбородку.

Старик положил цепь на землю и снова врезал Жесткому Пузу левой, сломав ему нос и разбрызгав кровь по всему лицу.

— Что за хрень у тебя с ушами? — спросил старик. — Что там? Грязь? А? У тебя грязь в ушах? Ты слышишь меня, когда я с тобой разговариваю? Adios*, козлятина.

Трое парней и Жесткое Пузо, которого шатало вовсю, двинулись вниз по улице и исчезли.

Старик посмотрел на Марвина, все еще лежащего на земле.

— Меня моя старая мама лупила крепче, а у нее была только одна рука. Вставай, черт возьми.

Марвин умудрился подтянуть под себя ступни, подумав, что это подвиг, равный строительству Великой пирамиды — в одиночку.

— Для чего ты сюда пришел? — поинтересовался старик. — Здесь, кроме разного дерьма, никто не бывает. А ты похож на паренька из более приличного места.

Марвин мотнул головой.

— Нет, — сказал он. — Я отсюда.

— Давно?

— Переехал неделю назад.

— Да? Специально переехал или карту потерял и заблудился?

— Специально.

— Ну, парень, тебе стоит подумать о том, чтобы уехать.

Больше всего на свете Марвин хотел бы уехать. Но мама сказала: ничего не выйдет. У них не было денег. С тех пор как умер его отец. Эта смерть подрезала их на корню. Отец Марвина неплохо зарабатывал на фабрике, но потом он умер, и с того времени их жизнь понеслась под откос быстрее, чем вагонетка, груженная кирпичом. Ему с мамой приходилось быть там, где они были, и тут уж ничего не поделаешь. Еще более низким положением для них была бы картонная коробка с видом на улицу. А подъемом — каблуки на туфлях.

— Я не могу переехать. У мамы на это нет денег. Она прачка.

— Ну, тогда тебе лучше поскорее научиться, как постоять за себя, — сказал старик. — Если не сумеешь, однажды очнешься со спущенными штанами и дыркой в заднице размером с хорошую тарелку.

— Они действительно сделали бы такое?

— Мимо не прошли бы, — сказал старик. — Лучше поучись давать сдачи.

---

* «Прощай» по-испански.

— Вы могли бы меня научить?

— Научить чему?

— Драться.

— Не могу. Мне приходится штаны поддерживать. Раздобудь себе хорошую палку.

— Но вы можете меня научить.

— Я не хочу, парень. У меня круглосуточная работа — дышать не останавливаясь. Мне почти восемьдесят долбаных лет. Мне еще пять лет назад полагалось червей кормить. Послушайка. Ты лучше держись подальше отсюда, ну а если не сможешь... Тогда удачи тебе, малец.

Придерживая штаны одной рукой, старик зашаркал прочь. Марвин с минуту провожал его взглядом, а потом побежал. Его план был простым: выжить в течение этой недели, потом наступит лето, школе конец, и он будет оставаться в квартире и не станет выходить, пока осенью занятия не начнутся снова. К тому времени он, может быть, придумает новый план.

Он надеялся, что за это время парни потеряют интерес к тому, чтобы лупцевать его, а может, вообще погибнут каким-нибудь страшным образом или переедут отсюда. Начнут работать, хотя он прекрасно понимал, что работу они уже выбрали — профессиональных головорезов.

Матери он сказал, что упал. Она поверила. Она была слишком занята тем, чтобы добывать еду, и ей некогда было раздумывать над его словами, а он не хотел, чтобы она знала правду. Он не хотел, чтобы она знала, что он не может постоять за себя, что он — ходячий мешок для отработки ударов. К тому же она не слишком заморачивалась его проблемами. У нее появилась работа, а теперь еще и любовник, маляр. Маляр был высоким, неуклюжим типом, который приходил, смотрел телевизор, пил пиво, а потом ложился в постель с его матерью. Иногда, когда Марвин спал на диване, то слышал их возню в спальне. Он не мог припомнить, чтобы слышал что-то подобное, когда его отец был жив, и не знал, что вообще думать об этом. Когда возня становилась слишком громкой, он накрывался подушкой и пытался заснуть.

Летом он увидел онлайн-рекламу о том, как накачать тело, и заказал себе DVD. Он начал отжиматься от пола, делать приседания и другие упражнения. Денег на гантели, которые рекомендовал DVD, у него не было. Сам диск стоил ему всех денег,

что он накопил, пять центов здесь, четвертак там. Мелочь, которую мать ему давала. Но он решил, что если его сбережения позволят ему избежать траха в зад, это окупит каждое пенни.

В своих занятиях Марвин был последователен. Он отдавался им полностью, и довольно скоро его мать сказала, что он выглядит крепче. Марвин тоже так думал. У него действительно появились мускулы. Руки стали узловатыми, живот плоским, окрепли бедра и голени. Сейчас он мог ударить и коротким прямым, и кроссом. Он нашел онлайн-руководство, как это делать. Дальше он планировал поработать над апперкотом и, может, над боковым, но пока овладел прямым и кроссом сверху.

— Хорошо, — сказал он зеркалу. — Пусть приходят. Я готов.

Осенью после первого школьного дня Марвин пошел домой тем же путем, что и в тот судьбоносный день, когда его избили. Он не мог понять своего отношения к тому, что делает. С одной стороны, он надеялся никогда их больше не увидеть, с другой — чувствовал себя сильнее, чувствовал, что сможет постоять за себя.

Марвин сунул руку в карман и пощупал лежавшие там деньги. Не так уж много. Доллар с небольшим разменной монетой. И он надел рюкзак на спину. Может, они захотят его отобрать. Надо не забыть снять и отложить рюкзак в сторону перед дракой. Чтобы никаких помех.

Когда он оказался на том месте, где все произошло, там никого не было. Он отправился домой, чувствуя легкое разочарование. Ему хотелось бы столкнуть их головами.

На третий день после школы он получил свой шанс.

На этот раз их было только двое: Жесткое Пузо и один из хорьков, который был с ним и в прошлый раз. Когда они заметили его, Жесткое Пузо улыбнулся и быстрым шагом направился к Марвину. Хорек семенил следом в надежде подобрать объедки.

— Вот так, — сказал Жесткое Пузо, подойдя ближе. — Помнишь меня?

— Да, — сказал Марвин.

— Не слишком-ты умен, пацан, да? Я думал, ты уже свалил отсюда. Думал, у меня не будет шанса снова тебе навешать. Тот старикан, чтоб ты знал, подцепил меня неожиданно. А так я мог бы пинать его в задницу с понедельника до следующего воскресенья.

— Ты не можешь избить меня, не говоря уже о нем.

— О, во как, за лето ты отрастил себе пару яиц.

— Большую пару.

— Большую пару, ха. Спорим, что я смогу отобрать у тебя этот рюкзак и заставить поцеловать мои «найки». Я могу заставить тебя поцеловать меня в зад.

— Я собираюсь надрать тебе зад, — сказал Марвин.

Выражение лица громилы изменилось, и после этого Марвин уже ничего не помнил.

Он пришел в себя, когда Жесткое Пузо наклонился над ним, говоря:

— Теперь целуй. И губами, взасос. Немножко поработать язычком тоже будет неплохо. Не сделаешь этого — Пого, вот он, достанет свой нож и отрежет тебе конец. Слышал меня?

Марвин посмотрел на Жесткое Пузо. Тот спустил штаны и наклонился, упираясь ладонями в колени, его анус подмигивал Марвину. Хорек рылся в рюкзаке Марвина, расшвыривая вещи налево и направо.

— Лижи или отрежем, — сказал Жесткое Пузо.

Марвин кашлянул, сплевывая кровь, и попытался отползти.

— Лижи, — сказал Жесткое Пузо. — Лижи, пока я кайф не словлю. Давай, пацан. Попробуй говно на вкус.

Взлетела чья-то ступня и врезала Жесткому Пузу между ног, ударив по яйцам с таким звуком, с каким бобры лупят хвостами по воде. Жесткое Пузо завопил и воткнулся головой в землю, словно пытаясь сделать стойку на голове.

— Никогда не делай этого, парень, — сказал чей-то голос. — Лучше пусть тебе глотку перережут.

Это был старик. Он стоял рядом с ними. На этот раз он не поддерживал штаны рукой. Теперь у него был пояс.

Пого пошел на старика и сделал широкий замах правой. Старик, казалось, даже не пошевелился, но каким-то образом нырнул под удар, а выпрямившись, продемонстрировал Марвину апперкот, который он так и не отработал. Удар пришелся Пого под самый подбородок, раздался хруст, и Пого, хорек, казалось, на миг лишился головы. Она подскочила вверх на его шее, словно та была резиновой. Слюна полетела изо рта Пого во все стороны, и он, отрубившись, комом тряпья упал на бетон.

Старик, раскачиваясь, стоял над Жестким Пузом, который, опираясь на ладони и колени, пытался встать. Его штаны были

спущены до щиколоток. Старик пару раз пнул его между ног. Удары не были чрезмерно сильными, но ему хватило. Жесткое Пузо вывалил кусок дерьма и рухнул физиономией вниз.

— Тебе подтереться надо, — сказал старик. Но Жесткое Пузо не слушал. Он лежал на бетоне, тихонько взрыкивая, как грузовик, который пытается завестись.

Старик повернулся и посмотрел на Марвина.

— Я думал, что уже готов, — сказал Марвин.

— Ты к «готов» еще и близко не подошел, парень. Если можешь идти, пойдем со мной.

Марвин мог идти, но с трудом.

— Уверенность в тебе где-то есть, — сказал старик. — Я это сразу увидел. Но оснований для нее у тебя нет.

— Я тренировался.

— Да, конечно, только плавать на суше не то же самое, что залезть в воду. То, что ты научился делать, — это все по воздуху, а вот с партнером — это уже другое дело, но такая учеба не дается даром. Если бы я не проходил мимо, ты уже вылизывал бы чью-то задницу и называл бы ее мороженым. Я вот что тебе скажу, сынок. Никогда этого не делай. Только если это попка какой-то дамочки и тебя пригласили попробовать. Если кто-то хочет з а с т а в и т ь тебя сделать это, ты раньше должен умереть. Сделаешь это один раз, и до конца дней твоих у тебя во рту будет вкус дерьма.

— Я думаю, это лучше, чем быть мертвым, — сказал Марвин.

— Не, ни то, ни это не лучше. Я тебе расскажу. Когда-то у меня был маленький пес. Натуральная кроха, но бойцовское сердце размером с целую прерию. И вот мы с ним ходили гулять. Однажды идем, гуляем — кстати, недалеко отсюда, — и вдруг из мусорника высовывается морда немецкой овчарки. Крутой, злобный, опытный пес — и эта овчарюга бросается на моего малыша. Майк его звали. Завязалась лютая драка. Майк не сдавался. Дрался насмерть.

— И он погиб?

— Не. Погибла овчарка.

— Майк убил овчарку?

— Не. Конечно, нет. Я тебя подкалываю. Я врезал овчарке деревянным бруском, который подобрал там же. Но урок здесь вот в чем: делай все, что в твоих силах, но иногда приходится

надеяться на то, что кто-то окажется рядом, и на твоей стороне, и с бруском в руках.

— Хотите сказать, что я Майк, а вы человек с бруском?

— Я хочу сказать, что драться ты ни хрена не умеешь. Вот что я хочу сказать.

— А что стало с Майком?

— Сбил его грузовик, за которым он гнался. Он был крутой и смелый, только вот ума ему недоставало. В общем, вроде тебя. Ты, правда, еще не крутой. Другой недостаток — ты не пес. И еще: я уже дважды спасал тебя, так что ты мне кое-что должен.

— И что же?

— Ну, ты же хотел научиться драться, так?

Марвин кивнул.

— А мне нужен спарринг-партнер.

Дом старика находился недалеко от места драки. Это было большое двухэтажное бетонное строение с заколоченными окнами. Когда они подошли к входной двери, старик достал связку ключей и начал открывать один замок за другим. При этом он говорил:

— Держись начеку. Мне приходится быть осторожным, когда я открываю двери, потому что всегда находится козел, который хочет вломиться. Мне доводилось учить таких остолопов не раз и не два. Потому я и держу строительный брусок в баке.

Марвин посмотрел. В большом мусорном баке торчал солидный брус. И кроме бруса, в баке ничего больше не было.

Старик открыл все замки, и они прошли внутрь. Старик щелкнул выключателями, и все залил яркий свет. Потом он вернулся к двери и снова закрыл все замки. Они прошли по узкой прихожей, выйдя на широкое — очень широкое — место.

Там была кровать и открытый туалет у дальней стены, а у противоположной стены длинный стол из планок и несколько стульев. На столе стояла электроплитка, а над столом и немного в глубине — полки с консервированной едой. Там же стоял старинный холодильник, из тех, что овальной формы. Он громко жужжал, почти ныл, как больной ребенок. Рядом со столом находилась раковина, чуть дальше — душ с занавеской, подцепленной на металлическую дугу. Занавеска когда-то была

зеленой. Под афишами на стене стоял телевизор, и рядом с ним — несколько мягких стульев, из которых вовсю лез поролон.

В центре помещения располагался боксерский ринг. На ринге — толстый мат, дырки в котором были заклеены строительным скотчем. На выцветших от солнечного света афишах изображены мужчины в трико, застывшие в боксерских или рестлинговых позах. Одна из афиш гласила: «Дэнни Бакка, Икс-мен».

— Это я, — сказал старик.

Марвин повернулся и посмотрел на старика, потом снова на афишу.

— Это я еще до морщин и до больных коленей.

— Вы были профессиональным рестлером? — спросил Марвин.

— Нет, обувью торговал. Ты медленно врубаешься, парень. Хорошо, что я сегодня решил еще раз прогуляться, а то мухи имели бы тебя на обед.

— А почему вас звали Икс-мен?

— Потому что если ты выходил на ринг со мной, тебя можно было вычеркивать из списка. Ставить крестик на твоей фамилии. Черт, думаю, поэтому. Это было так давно, что я уже не совсем уверен. А тебя-то, кстати, как зовут?

— Марвин.

— Хорошо, Марвин, давай с тобой выбираться на ринг.

Старик легко нырнул под канаты. Марвин обнаружил, что канаты натянуты очень туго, и пролезать между ними оказалось сложнее, чем он думал. Уже на ринге старик сказал:

— Дела будут такие. Я собираюсь преподать тебе первый урок, а ты будешь меня слушать.

— О'кей.

— Что я хочу — и я тебе мозги не морочу, — я хочу, чтобы ты ринулся на меня со всей дури. Пытайся бить меня, завалить меня, откусить мне ухо. Что угодно.

— Я не могу травмировать вас.

— Я это знаю.

— Я не говорю, что не хочу, — сказал Марвин. — Я говорю, что не могу. Вы дважды избили типа, с которым у меня были проблемы, и его дружков, а я ничего не мог сделать, поэтому я знаю, что не смогу причинить вам боль.

— Здесь ты прав, паренек. Но я хочу, чтобы ты попытался. Это урок.

— Вы будете учить меня, как защищаться?

— Конечно.

Марвин атаковал в низкой стойке, планируя схватить старика за щиколотки. Старик присел — едва не сел на задницу — и провел быстрый апперкот.

Марвину показалось, что он летит. Потом падает. Огни в зале внезапно превратились в светящиеся пятна. Потом пятна исчезли, и остался сплошной яркий свет. Марвин перевернулся на мате и попытался встать. Глаз у него ужасно болел.

Сидя, он сказал:

— Вы меня ударили.

Старик стоял в углу ринга, облокотившись на канаты.

— А вот не слушай всякую хрень, когда кто-то говорит: «Иди достань меня». Эти глупости приведут тебя к тому, что тебе не понравится. Веди свою игру.

— Но вы же мне сказали это сделать!

— Верно, парень, я сказал. И это твой первый урок. Думай своей головой и не слушай ничьих дурацких советов. Веди, как я сказал, свою собственную игру.

— Да у меня нет своей игры, — сказал Марвин.

— Мы оба это знаем, паренек. Но мы можем это поправить.

Марвин осторожно прикоснулся к глазу:

— Так вы собираетесь меня учить?

— Да, и вот тебе второй урок. Ты должен слушаться каждого мать-его-слова, которое я произнесу.

— Но вы сказали...

— Я знаю, что я сказал, но часть второго урока вот в чем: жизнь полна противоречий самого разного рода.

Было несложно удрать на тренировку, но вот добираться туда — нелегко. Марвин все еще беспокоился о тех подонках. Он вставал рано и говорил матери, что идет потренироваться на школьный стадион.

Дом старика оказался тем, что осталось от старой туберкулезной лечебницы, поэтому он и купил его задешево, где-то в конце Юрского периода, как понял Марвин.

Старик учил его двигаться, наносить удар, делать захват, проводить бросок. Когда Марвин бросал Икс-мена, старик лег-

ко приземлялся на мат, быстро поднимался и жаловался на то, что бросок никуда не годился. Когда тренировка заканчивалась, Марвин принимал душ в большой комнате за выцветшей занавеской и шел домой кружным длинным путем, опасаясь наткнуться на подонков.

Спустя некоторое время он начал чувствовать себя спокойнее, поняв, что какого бы расписания шпана ни придерживалась, это не было раннее утро, и не похоже, чтобы это был ранний вечер.

Когда лето кончилось и занятия в школе возобновились, Марвин ходил на тренировки до и после школы, сказав матери, что занимается боксом в молодежном клубе. Мать не возражала. Голова у нее была занята работой и маляром. Он всегда сидел у них, когда Марвин вечером возвращался домой. Сидел, пялился в телевизор и не удостаивал Марвина даже кивка. Просто сидел на мягком стуле для ТВ с матерью Марвина на колене, обхватив ее за талию, а она хихикала как школьница. Тошнилово, приятнее червяка проглотить.

Так и вышло, что дом перестал быть местом, где Марвину хотелось бы быть. Ему нравилось у старика. Ему нравились тренировки. Удары левой, правой, хук, апперкот — по мешку, который повесил старик. И спарринги со стариком, который, когда уставал — что, учитывая его возраст, случалось не слишком быстро, — просто отправлял Марвина в нокдаун, облокачивался на канаты и какое-то время глубоко дышал.

Однажды, когда они уже закончили и сидели на стульях возле ринга, Марвин сказал:

— Так чем же я помогаю в ваших тренировках?

— Ты живое теплое тело, это во-первых. И еще — у меня скоро бой.

— Бой?

— Ты что, эхо? Да. У меня скоро бой. Каждые пять лет мы деремся с Хесусом Бомбой. В канун Рождества.

Марвин молча посмотрел на него. Старик ответил взглядом, сказав:

— Думаешь, я слишком стар для этого? Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— Смогу я надрать тебе задницу, парень?

— Любой сможет надрать мне задницу.

— Ладно, здесь ты прав, — сказал старик.

— Почему каждые пять лет? — спросил Марвин. — И почему именно этот тип Хесус?

— Может, позже я тебе расскажу, — сказал старик.

Дома все складывалось паршиво.

Марвин ненавидел маляра, а маляр ненавидел его. Мать любила маляра и всегда принимала его сторону. Что бы Марвин ни делал, маляр старался его оговорить. Мусор Марвин выносил слишком медленно. В школе учился недостаточно хорошо, хотя сам маляр, кроме детсадовского, никакого другого образования не имел. Маляра все не устраивало, и когда Марвин пожаловался матери, она поддержала маляра.

Маляр ни в чем не походил на отца, абсолютно ни в чем, и Марвин его ненавидел. Однажды он сказал матери, что с него хватит. Или он, или маляр.

Она выбрала маляра.

— Что ж, надеюсь, этот жуликоватый сукин сын маляр сделает тебя счастливой, — сказал он.

— Где ты научился таким словам? — спросила она.

Многому он научился у старика, но вместо этого сказал:

— У маляра.

— Неправда, — сказала мать.

— Правда.

Марвин сложил свои вещи в чемодан, который принадлежал маляру, и вышел из дома. Он ждал, что мать выбежит за ним, но она даже не вышла. Только крикнула, когда он выходил на улицу:

— Ты уже вполне взрослый. У тебя все будет в порядке.

Он добрел до дома старика. Там он встал в дверном проеме с чемоданом в руках. Старик посмотрел на него, кивком указал на чемодан и спросил:

— И что ты делаешь с этим дерьмом?

— Меня вышвырнули из дома, — сказал Марвин. Не совсем правда, но он примерно так это воспринимал.

— И ты намерен остаться здесь? Ты на это нацелился?

— Пока не встану на ноги.

— На какие такие ноги? — сказал Икс-мен. — Работы у тебя нет. У тебя ни хрена нет. Ты как бродяга долбаный.

— Да, — сказал Марвин. — Ну ладно.

Он развернулся, думая, что, может, стоит пойти домой, поцеловать кого-нибудь в задницу, может, сказать маляру, что он хороший мужик и все такое. Он уже направлялся к двери, когда старик сказал:

— И куда ты, твою мать, намылился?

— Ухожу. Вы же этого и хотели, нет?

— Разве я это сказал? Сказал хоть что-то в этом роде? Я лишь сказал, что ты как бродяга. Я ничего не говорил насчет «убирайся». Иди сюда. Дай мне свой чертов чемодан.

Прежде чем Марвин успел что-нибудь сделать, Икс-мен схватил чемодан и направился вдоль по коридору к большой комнате. Марвин смотрел ему вслед: крепкий, лысеющий седой старикан с кривыми ногами, слегка прихрамывающий на ходу.

Однажды вечером они смотрели рестлинг по ТВ, и старик, высосав свои шесть банок пива, сказал:

— Дерьмо все это. Кодла долбаных накачанных акробатов. Это не рестлинг. Это даже не бокс и уж точно не драка. Киношка — типа того. Когда мы были в рестлинге, мы делали все всерьез. А эти толстозадые пидоры не отличат захват запястья от захвата собственного члена, когда решат подрочить. Посмотри на это дерьмо. Этот стоит и ждет, пока тот залезет на канаты и прыгнет на него. А это — что это за удар? Если бы это был настоящий удар, то пидор уже был бы мертв, получив такой подарок в горло. А он просто шлепнул противника по верхней части груди, и все. Членососы.

— А когда вы занимались рестлингом, где это было? — спросил Марвин.

Старик выключил телевизор.

— Не могу больше смотреть эту срань... Где я занимался рестлингом? Катался повсюду во время Великой депрессии. Десять лет провел на рельсах, ездил из города в город, смотрел, как мужики демонстрируют рестлинг на ярмарках, и начал подучиваться. Когда мне было пятнадцать, я сказал, что мне восемнадцать, и они запросто мне поверили, глядя на мою уродливую морду. Я к чему веду: ну кто же подумает, что мальчишка может быть таким уродом, понимаешь? Так что к концу Великой депрессии я выступал в рестлинге повсюду. Дай подумать, сейчас 1992-й, так что занимаюсь я этим уже порядочно.

Началась война, меня не взяли на фронт из-за грыжи. А я затягивал эту заразу полосами из простыней — и опять рестлинг. Если бы мне позволили, я бы япошек штабелями складывал. Сейчас-то время от времени приходится останавливаться, когда кишки начинают выпирать и лезут в мошонку. Я скрещиваю ноги, втягиваю их внутрь, засовываю на место, подтягиваю свои подвязки и продолжаю драться. Я бы и на войне делал то же самое, но они были слишком строги на сей счет. Сказали: это будет проблема. Так что япошек я не убивал. Ни япошек, ни немцев, ни венгров, ни марсиан. Я могу убить любого, кого против меня поставят. Конечно, с одной стороны, я рад, что так вышло. Нехорошо убивать человека. Но эти сучьи дети сами ведь напрашивались. Уж не знаю насчет венгров или марсиан, но остальные сволочи — точно.

Я учился драться жесткими ударами. Время от времени находились ребята, у которых я мог что-то перенять. Кое-какие япошкины трюки и всякое такое. Родичи у меня в Мексике. И когда мне перевалило за двадцать, я поехал туда и стал драться за деньги.

— Рестлинг? Это же показуха!

Старик посмотрел на Марвина так, что у того внутри все кишки забулькали.

— Это вот те устраивали цирк и показуху, а то были мы. Мы делали реальные вещи. Удары руками и ногами, захваты и броски. Посмотри сюда.

Старик задрал рукав своего свитера. На руке была отметина, похожая на след автомобильной шины.

— Видал? Хесус укусил меня. Я взял его в захват, а он меня укусил. Подлюка. Ясное дело, я сделал бы то же самое. В любом случае он из-за этого и проиграл. У него был такой прием — он называл его Бомба, откуда и кличка взялась. Хватал тебя медвежьей хваткой, спереди или сзади, и втыкал головой в мат. Когда с тобой проделают такое разок-другой, тебе покажется, что у тебя уши на заднице. Это было кое-что. У меня свой прием: шаг-через-ногу — захват голеней и замок на шее. Это был мой прием, моим он и остается.

— Вы его проводили на Хесусе?

— Не-а. Он провел на мне Бомбу. А после Бомбы я думал, что я в Африке трахаю гориллу. Не мог отличить свой член от свечного фитиля.

— Но вы все еще деретесь с ним?

— Не победил его ни разу. Пробовал все захваты, все приемы, все психологические увертки, которые знаю, — и ничего. Это всё женщина. Фелина Вальдес. Она меня заворожила, играла мной, сглазила, подсвистывала беззвучно, как собачке. Все, чем только можно заморочить голову, она валила на меня.

Марвин не понял ничего из сказанного, но промолчал. Он допил свой стакан чая, пока Икс-мен допивал еще одну банку пива. Он знал, что старик вернется к этой теме. С ним всегда так бывало.

— Давай-ка я расскажу тебе о Фелине. Черноглазая дива, гладкая, темная кожа. Священник увидит такую на улице, придет домой и глотку себе перережет*. Когда я первый раз ее увидел, эта вязанка динамита была в синем платье — настолько обтягивающем, что можно было пересчитать волосы у нее между ног.

Она была в толпе, которая пришла посмотреть рестлинг. Сидела в первом ряду, скрестив ноги, а платье ползло вверх по ноге как змея, и мне было хорошо видно. Хотя и не видел сам каньон с кустарником, но видел все, что располагалось поблизости. Я пялился на эту бабу, и тут меня едва не убил рестлер, которого звали Янки Джои. Этот парень из штата Мэн выдернул из-под меня ноги, врезал мне головой и стал проводить удушающий прием. Я едва сумел выбраться из захвата, облапил его и провел бросок, а потом мой шаг-через-ногу — захват голеней и замок на шее. Скажу тебе всерьез: ты проживаешь время, бэби. Прошлое, будущее и в конце смотришь на собственную могилу. Он спекся.

Не успел я оглянуться, куколка в синем платье уже скользит рядом со мной, держит меня за руку, и, парень, с той самой минуты я был конченым человеком. Она знала больше трюков с членом, чем фокусник с колодой карт. Я думал, она меня прикончит, но решил, что это не худший способ умереть. Ты слышишь, что я говорю?

— Да, сэр, — сказал Марвин.

— Для молодого пацана нехороший разговор, нет?

— Нет, сэр, — сказал Марвин.

---

* Имеется в виду: от того, что дал обет безбрачия, когда по улицам ходят такие женщины.

— Ладно, хрен с ним. Тебе почти восемнадцать. Уже должен знать насчет киски.

— Я знаю, что это такое, — сказал Марвин.

— Нет, парень. Ты говоришь так, словно знаешь, **где** она, а не **что** она такое. Я в ней потерялся с головой. Я мог бы позволить этой дамочке вставить мои яйца в тиски и крутить до упора. Она стала приходить на все мои бои. И я довольно быстро заметил: если я выступал классно, выигрывал с большим разрывом, то и любились мы тоже классно. Если бой был средненьким, то и в постели тоже. Я врубился. Она была не так влюблена в меня, как в хорошую драку и мой финальный прием: шаг-через-ногу. Она заставила меня научить ее этому приему. Однажды я позволил ей провести его на мне, и, парень, даю слово, на последнем захвате мне внезапно стало жалко всех, на ком я его проводил. Мне пришлось напрячься, чтобы высвободиться, как на матче, потому что никакой пощады она мне не давала. Но это была не слишком дорогая цена за весь перепихон, что мне доставался, — а потом все полетело к черту.

Хесус победил меня. Сбросил на меня Бомбу. Очнулся я за пределами ярмарки, лежа на траве — и меня кусали муравьи. Фелина исчезла. Она ушла с Хесусом. Забрав мои деньги и оставив меня ни с чем, кроме искусанных муравьями яиц.

— Похоже, неглубокая дамочка.

— Как блюдце, парень. Но с тех пор как она меня околдовала, я уже не мог высвободиться. Скажу тебе так: это как стоять на рельсах ночью, и ты уже видишь приближающийся поезд, свет скользит по рельсам, а ты не можешь отойти в сторону. Все, что ты можешь делать, — это стоять там и ждать, пока он на тебя налетит. Однажды, когда мы еще были вместе, то гуляли по Мехико, где у меня намечалась пара боев, и она увидела парня с деревянной клеткой, полной голубей, штук шесть или семь у него было. Она заставила меня купить всех, как будто собиралась забрать их с собой в Штаты. И вот что она сделала — принесла их в наш номер в отеле. Нам пришлось проносить их тайком. Она поставила клетку на край стола и смотрела на птиц. Я давал им крошки хлеба, ты же понимаешь, есть-то им надо, я чистил клетку и думал: эта девочка чокнутая любительница птиц. Потом я пошел принять душ, а ее просил заказать ужин.

В душе я проторчал долго. Погадил и побрился, принял хороший горячий душ. А когда вышел — вот она, сидит за столом-

каталкой, на каких привозят заказы, и ест жареного цыпленка. Ни меня дождаться, ни «буууу» сказать. Такая она и была. Все, что о ней можно сказать. Но тут я узнал кое-что еще. Я посмотрел на клетку с птицами, и все они были мертвы. Я спросил: «Что случилось с голубями?», и она в ответ: «Они мне надоели».

Я подошел посмотреть — у них у всех были свернуты шеи.

— Но зачем? — спросил Марвин.

Старик наклонился, приложился к пиву, и заговорил не сразу:

— Не знаю, парень. Прямо тогда мне надо было побросать все свое барахло в сумку и дергать к чертовой матери оттуда. Но я этого не сделал. Это как то, что я тебе рассказал про стояние на рельсах. О Боже, парень! Ты бы ее видел. Никогда ничего подобного не было, и я просто не мог ее оставить. Это как поймать самую красивую рыбу в мире, а кто-то тебе говорит: «Отпусти», а ты думаешь только о том, как ты эту штуку поджаришь и уложишь на блюдо с рисом. Только на самом деле все это не так. Трудно найти подходящие слова. А потом, как я уже говорил, она ушла с Хесусом, и каждый день мое сердце сгорало по ней. Умом я понимал, что мне повезло, что я от нее избавился, но сердце отказывалось слушать. Я даже не виню Хесуса за то, что он сделал. Как он мог не хотеть ее? Она принадлежала любому, кто мог вдавить противника в мат. Я и он, мы больше никогда ни с кем не дрались, только друг с другом. Каждые пять лет. Если я выиграю, то получу ее назад. Я знаю это. Он знает это. И Фелина знает. Он выигрывает, она остается с ним. До сих пор она с ним. Это лучшее, что ему досталось. Мне надо бы забыть про все это, парень, но я не могу.

— Она действительно настолько околдовывает?

— Она околдовывает круче любой ведьмы. Она как красное яблоко с червяком внутри. С тех пор как эта женщина связалась с Хесусом, он бросил жену, двое его детей погибли в пожаре, пока его не было, а Фелина родила двух детей, и оба умерли в течение недели. Время от времени такие вещи случаются. Он оставил ее при себе, потому что у нее власть, парень. Она может держать тебя у своего бедра, она неотвязна, как рак печени. От этой суки уйти невозможно. Она дает тебе уйти — и ты все равно жаждешь ее, как пьяница стопку.

— То, как вы рассказали о пожаре и детях Хесуса, двух младенцах, которые умерли... Это звучало как...

— Так, словно я не верю, что пожар был случайным? Что дети умерли естественным образом? Да, парень. Я думал об этой клетке с голубями. Я думал о том, как она подрезала мне волосы, и о том, что с ней всегда была маленькая коробочка, которую она держала в сумке. Я видел, как она завязывала волосы узелками и сделала пару ершиков для чистки трубки. О, черт. Мне начинает казаться, что я чокнулся.

Марвин помотал головой:

— Нет. Нет, я так не думаю.

— Ну, тогда ладно. Должно быть, она действительно напустила на меня порчу. Я где-то читал, что люди, знающие заговоры, могут взять прядь твоих волос, использовать их при заговоре и этим могут привязать тебя. Я об этом читал.

— Мало ли кто что напишет, — сказал Марвин.

— Я знаю, парень. Я знаю, как это все звучит. И днем я думаю, что такие мысли — чушь собачья, но наступает ночь или раннее утро, когда свет только-только начинает пробиваться, и я во все это верю. Думаю, я всегда верил в это. Я думаю, она меня околдовала. Ничем больше не объяснить, почему я хочу эту лживую, коварную убийцу детей и голубей, поджигательницу, сучку вернуть назад, так ведь?

— Нет, сэр, — сказал Марвин и спустя секунду добавил: — Она ведь уже довольно стара, не так ли?

— Конечно, стара. Ты думаешь, время стоит на месте? Она уже не та, что прежде. Но и я тоже. И Хесус. Но вот мы с ним, он и я, и только одному из нас достается эта женщина, и до сих пор она всегда доставалась ему. Все, что я хочу, — это вернуть ее, быстро умереть и быть похороненным по-гречески. Так я получу приз, но не буду к нему привязан.

— А что такое похороны по-гречески?

— Так хоронили героев вроде Геркулеса. Когда герой умирал, его клали на груду поленьев и прочего и сжигали тело, позволяя дыму подниматься к небесам. Куда лучше, чем быть закопанным в землю или поджареным в какой-то печи, когда твой прах потом соскребают в мешочек. Или провести свои последние дни с этой женщиной, хотя именно это я и пытаюсь сделать.

— Хесус и Фелина живут здесь, в городе? — спросил Марвин.

— Они нигде не живут. У них автотрейлер. И кое-какая пенсия. Как у меня. Мы с Хесусом не только рестлингом за-

нимались, но и работали на разных работах. На рестлинге много не заработаешь, особенно если это подпольный рестлинг, так что нам капает небольшая денежка из социального страхования, слава Богу. Вот на трейлере они и разъезжают туда-сюда. Он тренируется и каждые пять лет приезжает в этот город. Каждый раз, когда я его вижу, у него прямо в глазах читается: ну победи же на этот раз и забери эту сучку. Но он всегда дерется как медведь, и я не могу одержать над ним верх.

— А если победите, вы уверены, что она уйдет с вами?

— Со мной или с ним, вариантов нет. Нет никого другого. Я или он. Она решила именно нас высосать досуха и превратить нашу жизнь в сплошное несчастье.

— А бросить все это вы не можете? — спросил Марвин.

Икс-мен рассмеялся. Это был мрачный смех, как будто умирающий наконец-то понял старый анекдот.

— Хотел бы, парень, и если бы мог, бросил бы.

Они пошли тренироваться, готовясь к бою.

Икс-мен говорил:

— Вот что делает Бомба Хесус. Он идет на тебя, и ты оглянуться не успеваешь, как уже оказываешься на жопе, потому что он хватает тебя вот так или вот так. И потом проделывает вот это. — И так далее.

Марвин делал, что ему говорили, — обрабатывал приемы Хесуса. И каждый раз, когда пытался провести прием, он проигрывал. Старик крутил его, бросал, брал в замок, наносил удар (слегка), и даже когда Марвину стало казаться, что он уже неплохо все понял, Икс-мен в конце концов одурачивал его и выныривал из захвата, из которого, как думалось Марвину, не выскользнул бы и смазанный маслом хорек. А Икс-мен стирал пот с лица полотенцем.

— Хесус так это делает? — спрашивал Марвин после нескольких попыток провести прием, которому он обучался.

— Да, — отвечал старик, — только он делает это лучше.

Так продолжалось месяцами, и все ближе становился день, когда Икс-мен и Бомба Хесус должны будут сойтись в бою. А Марвин так сконцентрировался на тренировке, что даже забыл о шайке подонков.

Но однажды Марвин выходил из магазина в двух кварталах от дома старика, неся пакет с молоком и ванильным печеньем, —

тут-то и появился Жесткое Пузо. Он заметил Марвина и начал переходить улицу, вынимая руки из карманов и улыбаясь.

— Ну-ну, — сказал Жесткое Пузо, подойдя к Марвину. — Готов поспорить, ты обо мне уже забыл, верно? Как будто я решу не сводить счеты. Но сегодня здесь нет этого ископаемого, который бы тебя защитил.

Марвин поставил пакет на землю.

— Я не нарываюсь на неприятности.

— Что не значит, что ты их не поимеешь, — сказал Жесткое Пузо, стоя прямо напротив Марвина. Марвин действительно ничего не планировал — даже не думал об этом, — но когда Жесткое Пузо придвинулся ближе, он провел взрывной прямой левой, попав противнику прямо по носу. Жесткое Пузо рухнул, словно его огрели бейсбольной битой. Марвин поверить в это не мог, просто не мог поверить, что его удар стал настолько сильным и точным. И там, в тот момент он понял, что между ним и Жестким Пузом все кончено, потому что он больше не боится. Он поднял пакет и зашагал к дому старика, оставив Пузо в отключке.

Однажды ночью, когда в школе начались каникулы в честь Дня благодарения, Марвин проснулся. Он спал на боксерском ринге, укрывшись одеялом, и увидел свет у кровати старика. Старик сидел на краю, согнувшись и вытаскивая картонные коробки из-под кровати. Извлекая оттуда один журнал за другим, он разложил их на кровати и принялся рассматривать.

Марвин встал, выбрался из ринга и подошел к нему. Старик поднял взгляд.

— Черт, парень. Я тебя разбудил?

— Я сам проснулся. А что вы делаете?

— Смотрю эти старые журналы. Журналы подпольных боев. Их приходилось заказывать по почте. В киосках такие было не купить.

Марвин заинтересованно посмотрел на развороты журнальных страниц. Там было множество фотографий. Хорошо знакомый с афишей на стене, он сразу узнал фотографии Икс-мена.

— Вы действительно были знаменитостью, — сказал Марвин.

— На свой лад, думаю, да, — сказал Икс-мен. — Я вот смотрю на них и начинаю ненавидеть старость. Красавцем я и тогда не был, зато был силен и выглядел лучше, чем сейчас. От молодого меня осталось маловато.

— А Хесус здесь есть?

Икс-мен перелистнул страницу одного из открытых журналов и показал Марвину фотографию коренастого мужчины с черными космами. Грудь была почти такой же волосатой, а бедра — как стволы деревьев.

Икс-мен ухмыльнулся.

— Я знаю, что ты думаешь: пара таких рыл, как я и Хесус, какую любовь мы можем вызвать? Может, Фелина и не была первосортной мохнаткой, как я о том рассказывал?

Старик прошел к голове кровати и вытащил из-под низа небольшую картонную коробку. Затем поставил ее на кровать между ними, откинул крышку и стал рыться в куче пожелтевших фотографий. Потом вытащил одну. Она слегка потускнела, но выглядела достаточно четкой. Женщине на ней было двадцать с небольшим. Фото сделано крупным планом — и она действительно была нокаутирующей. Черные волосы, высокие скулы, полные губы, черные как бездонный колодец глаза, которые просто выпрыгнули с фото, приземлившись где-то в затылочной части мозга Марвина.

Там были и другие ее фото, и он показал Марвину их все. В полный рост и крупные планы, и фото ее задницы, сделанные незаметно для нее. Она действительно сказочно выглядела.

— Сейчас, конечно, она не такая, но иногда в ней просыпается прежняя Фелина. Я вот что собираюсь сделать, парень. Я соберу все эти фото в одну кучу и сожгу их, а потом пошлю словечко Хесусу, что он может забыть про матч. Фелина принадлежит ему до конца времен. Я каждые несколько лет собираюсь именно так и сделать, но не делаю. Знаешь, что мне однажды рассказал Хесус? Что она любит ловить мух. Берет стакан и накрывает муху, потом пропускает через нее иголку с ниткой. И так нанизывает их на нитку, одну за другой. Целую кучу. На конце нитки завязывает узел, первую муху кнопкой прикрепляет к стене и смотрит, как они пытаются летать. Да, шлепнуть муху — одно дело. Но это... Я просто не врубаюсь, парень. И зная это, я не должен быть с ней. Но не так оно получается... Я тебе вот что скажу: иди-ка ты спать. А я выключу свет — и тоже на боковую.

Марвин залез под свое одеяло, поправил подушку под головой.

Когда он посмотрел в сторону старика, тот все еще сидел с включенным светом и картонной коробкой на коленях. Дер-

жал в руках фотографию и смотрел на нее так, словно это было тисненое приглашение на Второе Пришествие.

Когда Марвин начал отключаться, все, о чем он мог думать, были эти мухи на нитке.

На следующий день старик не стал будить его на утреннюю разминку, и когда Марвин наконец открыл глаза, почти наступил полдень. Старика нигде не было видно. Он встал и пошел к холодильнику попить молока. На дверце висела записка.

НЕ НАЕДАЙСЯ. Я ПРИНЕСУ БЛАГОДАРЕНИЕ.

Марвин не хотел проводить День благодарения с матерью и маляром, так что он вообще о нем не думал. С тех пор как мать выбросила его из головы, он выбросил из головы все праздники. Но сейчас, когда он подумал о них, то надеялся, что маляр подавится индюшачьей костью.

Он налил себе стакан молока и, сев в кресло, принялся неспешно его потягивать.

Вскоре появился старик с пакетом продуктов. Марвин встал и направился к нему.

— Извините. Я пропустил разминку.

— Ничего ты не пропустил. Это мать-его-в душу праздник! Даже кто-то, кому так необходима тренировка, как тебе, должен иметь какой-то отдых.

Старик принялся вытаскивать продукты из пакета. Индюшатина для ланча, нарезанный сыр, батон хорошего хлеба, который не ломают, а режут ножом. И еще банка клюквенного соуса.

— Это не то, что большая индейка для запекания, но, думаю, сойдет, — сказал старик.

Они сделали сэндвичи и сели на стулья, между которыми стоял маленький стол. На нем они разместили тарелки, старик вставил кассету в свой древний видеомагнитофон, и они стали смотреть кино. Черно-белое. Марвину обычно нравились цветные, и он был уверен, что этот фильм будет ему не по вкусу. Он назывался «Ночь и город». О рестлинге. И Марвину он пришелся по вкусу. Даже понравился. Он смотрел и ел свои сэндвичи. И незаметно поглядывал на старика, который жевал, вынув протезы. В тот момент он понял, что любит его так же сильно, как если бы это был его отец.

На следующий день они тренировались вовсю. Мартин окреп настолько, что уже стал серьезным соперником для старика, но все равно победить его Марвину не удавалось.

Утром того дня, когда намечался бой с Хесусом, Марвин проснулся и отправился в магазин. У него были кое-какие деньги, которые время от времени давал ему Икс-мен за участие в тренировках, и он купил кое-какие вещи и принес их домой. Он купил также бутылку мази для растирания и, едва вернувшись, как следует втер мазь в тело старика.

Когда с этим было покончено, старик растянулся на полу, на старом матрасе, и уснул с ходу, как котенок. Пока он спал, Марвин отнес остальное в ванную и сделал кое-какие приготовления. Затем смял пакет и выбросил его в мусор.

Потом сделал то, что велел ему сделать старик. Вынес из встроенного шкафа складные стулья, все двадцать пять, и поставил их у ринга. Один из них он поместил впереди других, у самой арены.

В четыре пятнадцать он негромко позвал старика, разбудив его.

Старик поднялся, принял душ и надел красные борцовские трико и майку со своей фотографией далеких дней молодости. С надписью: ИКС—МЕН.

Это был канун Рождества.

Около семи вечера начал собираться народ. С палочками, в инвалидных колясках, с ходунками, поддерживая друг друга, а пара человек шли без посторонней помощи. Они просачивались между рядами, а Марвин помогал каждому, рассаживая по стульям. Старик прикупил немного дешевого вина и пива и даже расщедрился на несколько коробок крекеров и подозрительного вида сырных шариков. Все это он расставил на длинном раскладном столе слева от зрительских стульев. Старики, в основном мужчины, набросились на угощение, как стервятники на свежий труп. Марвину приходилось помогать тем из них, кто был уже настолько стар и слаб, что не мог одновременно держать бумажную тарелку и идти.

Марвин не видел никого, кто, по его мнению, мог бы быть Хесусом и Фелиной. Если одна из четырех имевшихся в наличии женщин была Фелиной, она давно утратила даже следы сексапильности, а если любой из мужчин был Хесусом, Икс-мен отымел бы его, сложив как оригами. Но, конечно, ни один из них Хесусом не был.

Около восьми часов раздался сильный стук в дверь, и Марвин пошел, чтобы открыть ее, а открыв, узнал Хесуса. На нем

был темный халат с красной отделкой, распахнутый на груди, и Марвин мог видеть борцовские трико и голый торс. Там, где на голове еще оставались волосы, они были седыми, как и густая копна волос на груди, сбитых, словно причудливое птичье гнездо. У него было то же обезьянье сложение, что и на фотографии. Бомба выглядел минимум на десять лет моложе, чем ему было, — двигался он легко и без усилий.

С ним вошла высокая женщина, и ее нетрудно было распознать даже по древним фотографиям. Ее волосы все еще были черными, хотя явно крашеными, и состарилась она приятно, черты лица остались твердыми, а скулы — столь же высоки, как в молодости. Марвин подумал, что, может, она делала пластические операции. Она выглядела как кинозвезда пятидесяти с небольшим лет, которая постоянно работает над своей внешностью. Глаза ее были как два бездонных колодца, и Марвин с трудом удержался на краю и не рухнул в них. На ней было длинное черное платье с черной же накидкой, изящно наброшенной на плечи. Меховая накидка на первый взгляд выглядела первосортно, но на второй взгляд можно было заметить следы опрелости, как у животного с паршой.

— Я пришел бороться, — сказал Хесус.

— Да, сэр, — сказал Марвин.

Женщина улыбнулась Марвину, и ее зубы были белыми, великолепными и выглядели такими же настоящими, как его собственные. Ни слова не было произнесено, но он каким-то образом понял, что должен взять ее накидку, что и сделал. Затем последовал за ней и Хесусом, и, глядя на походку Фелины, Марвин почувствовал, что сексуально возбудился. Она была просто поразительна, учитывая ее возраст, что напомнило ему старую легенду, которую он читал, о суккубе, женском духе, который охотится на мужчин, сексуально истощает их и забирает их души.

Когда Фелина проплыла скользящей походкой и старик увидел ее, он изменился в лице. Он покраснел и выпрямился. Он принадлежал ей.

Марвин унес накидку Фелины и повесил ее в шкафу. Запах, который шел от нее, был сладким и соблазнительным. Он подумал, что это запах духов, но знал, что по большей части этот запах — ее собственный.

Хесус и Икс-мен пожали руки и улыбнулись друг другу, но Икс-мен не мог оторвать глаз от Фелины. Она прошла мимо

них, словно не замечая их присутствия, и без всяких указаний села на стул, стоявший впереди остальных.

Старик подозвал Марвина и представил его Хесусу.

— Этот парнишка мой протеже, Хесус. Вполне неплох. Может, как я в самом начале, если бы у меня еще была сломана нога.

Оба борца рассмеялись. Смеялся даже Марвин. Он понимал, что это рестлинговый юмор и что, по сути, он удостоился серьезного комплимента.

— Думаешь побить меня в этом году? — спросил Хесус. — Мне иногда кажется, что ты не стараешься всерьез.

— О, я стараюсь, будь спокоен, — сказал Икс-мен.

Хесус продолжал улыбаться, но его улыбка словно застыла, когда он заговорил:

— Ты побеждаешь, и она уходит с тобой, ты это знаешь?

Старик кивнул.

— Зачем мы продолжаем это делать? — спросил Хесус.

Икс-мен мотнул головой.

— Ну, — сказал Хесус, — удачи. Я серьезно. Но тебя ждет нелегкий бой.

— Я знаю, — сказал Икс-мен.

Было девять часов, когда Икс-мен и Хесус вынули свои зубные протезы и взобрались на ринг, чтобы немного размяться. Половина стульев в зале пустовали, а те, на которых сидели зрители, были разбросаны там и сям как пятна на далматинце. Марвин стоял за канатами в углу старика.

Тот подошел и облокотился на канаты. Один из ископаемых в красных штанах, подтянутых до самых подмышек, проволок свой стул к рингу, царапая по ходу пол. В свободной руке он держал коровий колокольчик. Тяжело дыша, он опустился на стул, поставив колокольчик на колено. Затем вытащил из кармана штанов большие часы и положил их на другое колено. Он казался сонным.

— Когда будем делать то же через пять лет, — сказал Икс-мен Марвину, — бой состоится где-нибудь в пекле, а хронометристом будет сам дьявол.

— Так, ладно, — сказал хронометрист. — Правила старикашек. Раунды по две минуты. Отдых между раундами три минуты. Бой идет, пока не будут выиграны два раунда из трех или пока кто-то не сдастся. Все готовы?

Оба противника сказали, что готовы.

Марвин посмотрел на Фелину. Она сидела, сложив ладони на бедрах. Выглядела женщина самодовольной и самоуверенной как паук, терпеливо ждущий свою муху.

Хронометрист запустил часы большим пальцем левой руки и позвонил в колокольчик, который держал в правой. Икс-мен и Хесус влетели друг в друга со шлепающим звуком, хватая противника за колени, приседая и петляя. А потом Икс-мен выскользнул из этого танца и нанес резкий удар левой. К удивлению Марвина, Хесус пропустил удар над плечом и провел хук по ребрам Икс-мена. Это был солидный удар, и Марвин видел, что Икс-мен почувствовал его силу. Икс-мен оттанцевал назад, и какой-то старикашка из публики издал презрительное «буууу».

— Сам пошел на хрен! — заорал в ответ Икс-мен.

Бомба и Икс-мен снова сошлись. Они вцепились друг другу в плечи, и Хесус попытался коленом ударить Икс-мена по яйцам. Икс-мен смог повернуться и принял удар в бедро, но не между ног. Они вертелись и вертелись по кругу, как два рассерженных любовника в танце.

Наконец Икс-мен обманным движением нырнул к колену Хесуса и взял его в захват, но Хесус крутнулся, перенес одну ногу через голову Икс-мена, согнул ногу под шеей противника и перекатился по мату, схватив руку Икс-мена, оттягивая ее назад, и приподнял таз, чтобы обрушиться на сустав. Раздался звук, словно кто-то переломил палку об колено, и Икс-мен похлопал ладонью по мату. На этом раунд и закончился. Длился он меньше сорока пяти секунд.

Икс-мен проковылял в свой угол, поддерживая руку другой рукой. Он облокотился на канаты. Марвин подставил ему стул.

— Убери, — сказал старик. — Я не хочу, чтобы они подумали, что мне больно.

Марвин убрал стул и сказал:

— А вам больно?

— Да, но этот треск, который ты слышал, просто пузырьки воздуха в моей руке. Я в порядке. Хрен с ним. Поставь стул.

Марвин снова поставил стул, и Икс-мен сел. В противоположном углу Хесус сидел на своем стуле, повесив голову. Он и Икс-мен были похожи на людей, которые не возражали бы, чтобы их пристрелили.

— Я знаю, — сказал Икс-мен. — Это мой последний матч. После него во мне уже ничего не останется. Я чувствую: все, что осталось, словно через ступни вытекает.

Марвин мельком взглянул на Фелину. Одной из лампочек наверху пришел конец. Она лопнула и начала мигать: из темноты к свету и обратно. Марвин на секунду подумал, что вот так, в тени, Фелина выглядит старше и грязнее, а ее густые волосы напоминают клубок змей. Но как следует присмотревшись, понял, что все дело в неверном освещении.

Коровий колокольчик зазвенел. Бойцы немного собрались с силами. Они кружили по рингу, вытянув руки. И потом сцепили пальцы обеих ладоней. Икс-мен внезапно протолкнул свои пальцы вперед, что позволило ему захватить большую часть кисти Хесуса и заставить его приземлиться на мат от резкой боли. Это был простой прием, но он поставил лицо Бомбы прямо напротив колена Икс-мена. Икс-мен ударил коленом с такой силой, что кровь забрызгала и весь мат, и самого Икс-мена.

Все еще держа пальцы Хесуса, Икс-мен отошел на шаг назад и присел на корточки, подтащив Хесуса к своему лицу. Затем Икс-мен высвободил пальцы, и когда Хесус попытался подняться, Икс-мен ударил его в лицо. Это был жестокий удар. Хесус потерял сознание.

Зазвенел коровий колокольчик. Хронометрист отставил его в сторону и пошел к рингу. Взобравшись на него, он присел над Хесусом. На это у него ушло столько же времени, сколько у слепого, который ищет иголку в стоге сена.

Хронометрист опустился на одно колено. Хесус застонал и медленно сел.

Его лицо было кровавым месивом.

Хронометрист осмотрел его.

— Сможешь продолжать? — спросил он.

— Черт, конечно, — сказал Хесус.

— Один — один! — заорал хронометрист и начал медленно двигаться обратно к своему стулу.

Хесус с трудом поднялся и прошел в угол, пытаясь держать голову поднятой. Икс-мен уже сидел на своем стуле, тяжело дыша.

— Надеюсь, я ничего не сломал внутри этого старого пидора, — сказал он.

Икс-мен закрыл глаза и замер, отдыхая. Марвин молчал. Он думал, что старик уснул. Три минуты спустя колокольчик зазвенел.

Хесус громко выдохнул, со скрипом поднялся со стула и спотыкающимися шажками двинулся к центру ринга. Икс-мен вышел навстречу скользящим шагом.

Они обменялись парой ударов, ни один из которых не был более или менее крепким. Удивительно, но старики, казалось, обрели второе дыхание: швыряли друг друга, перекатывались, наносили удары, целили в глаза, — и колокольчик зазвенел снова.

Когда Икс-мен сел на свой стул, то сказал:

— У меня сердце сейчас как трепещущая птичка.

— Вам надо это кончать, — сказал Марвин. — Все это не стоит инфаркта.

— Оно трепещет как птичка не от боя, а от того, что я вижу Фелину.

Марвин посмотрел в ее сторону. Она же смотрела на Икс-мена как щенок смотрит на игрушечную косточку.

— Не покупайтесь на это, — сказал Марвин. — Она зло. Проклятое зло.

— Значит, ты веришь мне?

— Верю. Думаете, эти трубкочистки из ваших волос при ней?

— Откуда мне знать?

— Может, в ее накидке?

— Опять-таки, откуда мне знать? — И тут до старика дошло. Он понял, куда клонит Марвин. — Хочешь сказать, если они у нее и ты до них доберешься...

— Да, — сказал Марвин.

Марвин оставил Икс-мена сидеть в своем углу, а сам кружным путем направился в сторону шкафа. Он открыл его дверцу и стал шарить рукой внутри, делая вид, что занимается самым обычным делом. Он взглянул в сторону Икс-мена, который развернул свой стул, чтобы видеть Марвина.

Коровий колокольчик зазвенел. Оба старых джентльмена снова вышли на бой.

Бой был яростным. Звучные удары в голову и по ребрам, по животу. Вцепляясь друг в друга, пиная противника коле-

ном по яйцам... Хесус даже откусил Икс-мену мочку уха. Кровь разлеталась повсюду. Такой бой казался бы удивительным, будь паре на ринге по двадцать лет и будь они в своей лучшей форме. В возрасте же двух стариков это было просто феноменально.

Сейчас Марвин стоял в углу старика, пытаясь привлечь взгляд Икс-мена, но не напрямую, не явно. Он не хотел, чтобы тот потерял фокус, не хотел, чтобы Хесус нырнул под него и вбил бы старика головой в мат, как флагшток на газоне.

Наконец оба снова сцепились. Они крутились и крутились, дыша тяжело, как два паровоза. Марвин поймал взгляд Икс-мена. И поднял два связанных узелками ершика для чистки трубок — темные волосы в середине каждого узелка. Марвин расплел эти трубкочистки, и волосы полетели, как сдутая ветром темная перхоть, на пол.

Икс-мен шумно выдохнул и, казалось, расслабился.

Хесус нырнул под него. Как коршун, пикирующий на мышь. Не успел Марвин оглянуться, как Хесус уже держал бедра Икс-мена в захвате и поднимал его вверх, в то же самое время нагибаясь, чтобы вогнать Икс-мена головой прямо в мат.

Но Икс-мен крутнулся, зарывшись головой между ягодиц Хесуса, ухватившись за внутреннюю сторону его бедер. Хесус прыгнул назад, но Икс-мен упал на спину, а не на голову. Вместо этого его голова оказалась между бедрами Хесуса, а его беззубые десна зарылись в эти бедра, зажав как в кулаке яйца противника. По толпе пронесся крик.

Хесус завопил. Это был вопль, который проходит вниз по твоему позвоночнику до самого копчика и вцепляется в него. Икс-мен не разжимал челюстей. Хесус крутился и вертелся, пинал и бил противника. Удары приходились по голове Икс-мена, но он не разжимал челюстей. Когда Хесус пытался перекатиться, Икс-мен перекатывался вместе с ним, а его десны по-прежнему сжимали яйца Хесуса.

Некоторые старички повскакивали со стульев, вопя от возбуждения. Выражение лица Фелины не изменилось ни на йоту.

И потом это случилось.

Хесус заколотил обеими ладонями по мату, вопя:

— Время! — И все было кончено.

Старики ушли. Все, кроме Хесуса и Фелины.

Хесус долго стоял под душем. Когда он вышел оттуда, то двигался, сильно хромая. Передняя часть его бедер опухла и потемнела от крови.

Икс-мен стоял, опершись рукой о стул и тяжело дыша.

Хесус сказал:

— Ты же мне чуть яйца не отгрыз, Икс-мен! Я взял одно из твоих полотенец и сунул его в штаны, чтобы остановить кровь. Ну и десны у тебя, Икс-мен. С такими деснами тебе и зубы не нужны.

— В любви и на войне все средства хороши, — сказал Икс-мен. — Кроме того, на кой черт яйца такому старому пердуну, как ты?

— Я тебя понял, — сказал Хесус, но его прежнее поведение разительно изменилось. Он был как птица в клетке, которой открыли дверцу. Он был готов вылететь.

— Она целиком твоя, — сказал Хесус.

Все взоры обратились к Фелине. Она слабо улыбнулась. И взяла Икс-мена за руку.

Икс-мен повернулся и посмотрел на нее. Он сказал:

— Мне она не нужна. — И вырвал ладонь из ее руки. — По-любому, я уже пережил свой член.

Лицо Фелины выражало огромное удивление.

— Ты выиграл ее, — сказал Хесус. — Такое у нас правило.

— Не, — сказал Икс-мен. — Нет никакого правила.

— Нет? — сказал Хесус, и, казалось, можно было видеть, как дверцу клетки захлопнули и закрыли на замок.

— Нет, — сказал Икс-мен. — И еще, Хесус. Я больше этим заниматься не буду.

— Ты не хочешь ее? — спросил Хесус.

— Нет, — сказал Икс-мен, глядя на Фелину. — Это худу*, что ты проделывала с ершиками для трубок. Мой пацан его порушил.

— Что за хрень ты несешь? — сказала Фелина.

Они долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

— Убирайся, — сказал Икс-мен. — Вместе с Хесусом. Мы этим больше не занимаемся.

— Ты ее не хочешь? — спросил Хесус.

— Нет. Убирайся. И забери эту суку с собой. Пошли вон.

* Колдовство в негритянских и креольских ритуалах и верованиях.

И они пошли вон. Когда Фелина заворачивала за угол коридора, она приостановилась и оглянулась. Это был взгляд, говоривший: ты владел мной, ты отпустил меня — и ты пожалеешь.

Икс-мен в ответ улыбнулся:

— Вали отсюда, старая сука.

Когда они ушли, старик вытянулся на кровати, тяжело дыша. Марвин подтащил стул и сел рядом. Старик посмотрел на него и рассмеялся.

— Этих узелков в ее накидке не было, верно?

— О чем вы? — спросил Марвин.

— Ее лицо — когда я о них сказал. Она понятия не имела, о чем я говорил. Посмотри на меня, пацан. Скажи мне правду.

Марвин выждал секунду и потом ответил:

— Я купил ершики для чистки трубок и немного ваксы. Срезал пучок своих волос, почернил их ваксой и привязал к ершикам.

Икс-мен заржал:

— Ах ты пронырливый сукин сын!

— Я сожалею, — сказал Марвин.

— А я нет.

— Вы нет?

— Не-а. Я понял кое-что важное. Я долбаный наркоман. Она никогда не имела надо мной больше власти, чем я ей сам давал. Эти ершики и волосы, черт, да она забыла о них, как только их сделала. Для нее это было просто времяпрепровождением, а я сделал из этого черт знает что. Я сам искал оправдания своей влюбленности в женщину, которая не стоит пороха из патрона, который ей следовало бы влепить в жопу. А ей нравилось иметь власть над нами обоими. Может, Хесус тоже это поймет. Может, мы с ним много чего поняли сегодня. Все в порядке, парень. Ты сделал все правильно. Черт, да в глубине души я ведь все это знал, и теперь у меня нет оправданий, и с ней покончено. Как будто кто-то отпустил мою глотку, и я снова могу дышать. Все эти годы, вся эта хрень с Фелиной — это был я сам и моя собственная дурость.

Около семи утра Икс-мен разбудил Марвина.

— Что случилось? — спросил Марвин.

Икс-мен стоял, наклонившись над ним. Потом расплылся в беззубой улыбке.

— Ничего. Сегодня Рождество. Счастливого Рождества.

— И вам тоже, — сказал Марвин.

У старика была майка, которую он держал обеими руками. С надписью «Икс-мен» и фотографией, как на той майке, что была на нем.

— Я хочу, чтобы она была твоей. Я хочу, чтобы ты стал Икс-меном.

— Я не могу быть Икс-меном. Никто не может.

— Я знаю. Но хочу, чтобы ты попытался.

Теперь Марвин сидел. Он взял майку.

— Надень, — сказал Икс-мен.

Марвин стянул с себя свою футболку и, сидя на полу, натянул майку Икс-мена через голову. По размеру она ему подошла. Он встал.

— Но я не приготовил подарка для вас.

— Нет, приготовил. Ты выпустил меня на свободу.

Марвин кивнул.

— И как я смотрюсь?

— Как Икс-мен. Знаешь, будь у меня сын, я был бы счастлив, если он был бы таким, как ты. Черт, еще лучше, если бы он был тобой. Конечно, для этого я должен был бы трахнуть твою маму, но мы не станем об этом говорить. А теперь я пошел спать. Может, позднее мы подберем что-нибудь для рождественского ужина.

Позднее днем Марвин встал, сварил кофе, сделал пару сэндвичей и пошел будить Икс-мена.

Но старик не просыпался. Он был холодным на ощупь. Он умер. На кровати рядом с ним лежали журналы по рестлингу.

— Черт, — сказал Марвин и приставил стул к кровати. Он взял старика за руку. В ней что-то было. Скомканное фото Фелины. Марвин взял его, швырнул на пол и долго держал старика за руку.

Спустя некоторое время Марвин вырвал страницу одного из журналов, встал и приложил ее к электроплитке. Бумага загорелась. Он подошел ближе и держал горящую страницу в одной руке, другой вытаскивая коробку с журналами. Он поджег ее и затолкал под кровать. Пламя стало лизать края постели, потом перекинулось на другие коробки. Загорелись простыни

и одеяло. Вскоре горел уже и старик. Запах был как от жареной свинины.

«Как Геркулес, — подумал Марвин. — Он поднимается вверх, к богам».

Марвин, все еще в майке Икс-мена, вытащил из шкафа свою куртку. Комната наполнилась дымом и запахом горящей плоти. Он надел куртку и побрел вдоль коридора. И прежде чем выйти на улицу, он почувствовал, как огонь согревает его спину.

МЭГАН ЛИНДХОЛЬМ

Перу Мэган Линдхольм принадлежат романы в жанре фэнтези «Wizard of the Pigeons», «Полет гарпии», «Заклинательницы ветров», «The Limbreth Gate», «Luck of the Wolves», «The Reindeer People», «Wolf's Brother», и «Cloven Hooves», в жанре научной фантастики — «Alien Earth» и написанный совместно со Стивеном Брастом «The Gypsy». Кроме того, Линдхольм под другим псевдонимом — Робин Хобб — признана «Нью-Йорк таймс» одним из самых популярных авторов, работающих в жанре фэнтези. На настоящий момент продано около миллиона экземпляров ее произведений в мягких обложках. Под именем Робин Хобб она больше всего известна как создательница эпической «Саги о Видящих», в которую входят «Ученик убийцы», «Королевский убийца» и «Странствия убийцы» и связанные с ними две фэнтезийные серии под названием «Сага о живых кораблях»: «Волшебный корабль», «Безумный корабль» и «Корабль судьбы», а также «Сага о Шуте и Убийце» — «Миссия шута», «Золотой шут» и «Судьба шута». Кроме того, Робин Хобб является автором трилогии «Сын солдата»: «Дорога шамана», «Лесной маг» и «Магия отступника». Недавно в качестве Робин Хобб она приступила к работе над новой серией под названием «Хроники Дождевых чащоб», куда входят «Хранитель дракона», «Драконья гавань», «Город драконов» и «Кровь драконов». В качестве Мэган Линдхольм писательница недавно выпустила созданную «совместно» с Робин Хобб книгу «The Inheritance: And Other Stories».

В великолепном, написанном осенними красками рассказе, который вам предстоит прочитать, автор показывает нам, что даже очень старая собака, с трудом передвигающая лапы, способна укусить.

СОСЕДИ

Линда Мейсон снова сбежала.

Часы показывали три ночи, но Саре никак не удавалось уснуть. Она накинула халат, отправилась на кухню, поставила

© Megan Lindholm, 2013; © пер. В. Гольдича, 2014.

чайник и принялась искать в шкафах пакетики с успокоительным чаем «Небесный укротитель нервов». Затем она приготовила чашку и блюдце, положила пакетик в чайник на одну персону и вдруг услышала, что на темной улице кто-то выкрикивает ее имя:

— Сара! Сара Уилкинс! Тебе следует поторопиться! Пора уходить!

Сердце у Сары в груди подскочило куда-то вверх и осталось там, и она чувствовала, как оно отчаянно бьется, словно хочет вырваться наружу. Сара не узнала пронзительный голос, но исполненный ликования и одновременно вызывающий тон ее испугал. Ей совсем не хотелось выглядывать в окно, и на мгновение она вернулась в свои восемь лет. Не смотри под кровать, не открывай кладовку ночью. Если не будешь туда заглядывать, очень может быть, что там никого не окажется. В общем, страшилки Шредингера. Сара напомнила себе, что ей уже почти шестьдесят восемь, а не восемь, и отодвинула занавеску.

Улицу окутал низко стелящийся туман, предвестник осени на северо-западном тихоокеанском побережье. Когда глаза Сары приспособились к темноте, она увидела безумную старуху Линду, которая стояла за железной оградой, окружавшей задний двор Сары. Линда была в розовых спортивных брюках и разношенных домашних тапочках. В руках она держала алюминиевую бейсбольную биту, а на спине у нее Сара разглядела рюкзак «Хэллоу, Китти». Сара не сомневалась, что два последних предмета принадлежат внучке Линды. Ее сын с женой жили вместе с ней, и Сара жалела невестку, вынужденную возиться с сумасшедшей матерью Робби. Большинство соседей говорили, что у нее болезнь Альцгеймера, но «совершенно не в своем уме» тоже вполне соответствовало действительности.

Сара знала Линду двадцать два года. Они по очереди возили сыновей на футбольные матчи, болтали за чашечкой кофе, обменивались домашним джемом и тыквами, выросшими на огородах, кормили домашних питомцев, когда кто-то уезжал в отпуск, здоровались в «Сэйфуэй» и сплетничали про соседей. Они были не близкими подругами, а соседками, у которых росли сыновья и которые помогали друг другу чем могли. Остальные родители давным-давно разъехались, одни перебрались в многоквартирные дома, другие мигрировали, точно перелетные птицы, а кого-то дети отправили в заведения для престарелых. Дома

освобождались, в них въезжало новое поколение молодых семей. Из старых друзей Сары, кроме Линды, остались только Морин и ее муж Хью, они жили в другом конце квартала, но большую часть времени проводили в Сиэтле, где Хью проходил курс лечения.

— Сара! Поторопись! — снова выкрикнула Линда.

Через два дома от них включился свет, и одновременно засвистел вскипевший чайник. Сара быстро сняла его с плиты, сдернула куртку с крючка и открыла заднюю дверь. Лампочка на крыльце перегорела еще на прошлой неделе, будь она неладна, но чтобы ее поменять, нужно было вытащить и забраться на табурет-стремянку — тяжелая работа, которую Саре не хотелось делать. Она осторожно спустилась по ступенькам и направилась к ограде, надеясь, что ей повезет и она не наступит в кучу, оставленную Сержем.

— Линда, с тобой все в порядке? Что случилось? — Сара пыталась разговаривать с ней, как со старой подругой, но на самом деле Линда ее пугала.

Иногда она становилась прежней Линдой, но уже в следующее мгновение могла сказать что-нибудь очень странное, дикое или даже злобное. Про то, что она порой вытворяла, не стоило и говорить. Например, несколько дней назад, рано утром, Линда сбежала во двор, собрала все созревшие яблоки с дерева соседей и выбросила их на улицу.

«Лучше так, чем они снова сгниют, как в прошлом году! — кричала Линда, когда ее поймали. — Они у вас все равно пропадут. Накормите будущее, вот что я вам скажу. Отдайте тем, кто получит от них удовольствие!»

Когда жена Робби схватила ее за руку и попыталась затащить обратно в дом, Линда влепила ей пощечину. Внучка Линды и ее подружка видели все это, и жена Робби расплакалась, но Сара не знала от чего: страха, огорчения или унижения, поскольку половина соседей наблюдала за представлением, включая хозяйку яблони, которая была в ярости и кричала, что «уже давно пора отправить полоумную старуху в дом престарелых». Она жила здесь пару лет, но Сара не знала даже, как ее зовут.

«Я у себя дома! — вопила в ответ Линда. — А почему ты живешь в доме Мэрилин? И с чего решила, что у тебя больше прав на яблоки с ее дерева, чем у меня? Между прочим, я помогала его сажать!»

«Вы думаете, мы не отправили бы ее в дом престарелых, если бы могли себе это позволить? Думаете, мне нравится такая жизнь?» — кричала соседке в ответ жена Робби, которая расплакалась, но сумела в конце концов увести Линду в дом.

И вот Линда торчит ночью на улице, окутанной туманом, и смотрит на Сару круглыми безумными глазами. Ветер растрепал ее седые волосы, по тротуару с тихим шуршанием проносились сухие листья. Линда была в розовом спортивном костюме и домашних тапочках, и Сара видела, что она что-то прицепила к шерстяной шапочке, натянутой на уши. Когда Линда подошла к забору и постучала по нему бейсбольный битой, тишину разорвал металлический звон.

— Прекрати уродовать мой забор! — крикнула Сара и добавила: — Стой где стоишь. Я позову кого-нибудь на помощь.

— Помощь нужна т е б е, а не мне! — взвизгнула Линда, но уже в следующее мгновение расхохоталась и пропела строчки из детского стишка: — «Выходи, малыш, играть, в небе круглая луна, освещает все она!» Только нет никакой луны! Вот что я забираю с собой. Лунный свет!

— Линда, здесь холодно. Давай зайдем в дом, и ты мне все расскажешь.

Телефон. Нужно немедленно позвонить 911. Алекс постоянно твердит, что она должна купить мобильник, только она не может позволить себе еще один платеж в месяц. Ей даже не по карману поменять старый беспроводной аппарат на новый.

— Мы с тобой выпьем чаю и поговорим, — продолжала Сара. — Как в старые добрые времена, когда наши дети были маленькими.

Неожиданно перед глазами у нее всплыла картинка из прошлого: она, Морин и Линда ждут, когда их сыновья придут домой после футбола. Потом дети выросли, и каждый пошел своей дорогой. А они уже сто лет не пили кофе.

— Нет, Сара. Ты должна меня послушать! Волшебство лучше безумия. Единственное различие между ними — это время. Останешься здесь и сойдешь с ума. Но если ты пойдешь со мной, узнаешь волшебство. Смотри!

Линда принялась нашаривать что-то у себя на груди, и в следующее мгновение ее залил яркий свет.

— Солнечная энергия! — выкрикнула она. — Вот мой билет в будущее.

Взглянув на маленькие лампочки, Сара поняла, что Линда опутала себя елочными гирляндами, а маленькие батарейки, питающие их, прикрепила к шапке.

— Линда, зайдем в дом, и ты мне все покажешь. Я ужасно замерзла.

Обе громко кричали, и Сара не могла понять, почему в домах не зажигается свет. Ведь наверняка кто-то должен был возмутиться, что они шумят посреди ночи, да и собаки почему-то молчали.

— Время и прилив никого не ждут, Сара! Я ухожу искать счастья. Спрашиваю тебя в последний раз: пойдешь со мной?

Вернувшись в дом, Сара нашла в записной книжке номер телефона Линды, но когда она его набрала, ей никто не ответил. После десятого гудка она услышала автоответчик. Сара подошла к окну и предприняла еще одну попытку дозвониться до сына подруги. Линды на улице не было, и окна в ее доме оставались темными. Что теперь делать? Постучать в дверь? А если Робби вышел, обнаружил мать и увел ее? Может, сообщить в полицию? Сара с трубкой в руке снова отправилась во двор.

— Линда? — крикнула она в окутанную туманом ночь. — Линда, где ты?

Ей никто не ответил. Туман стал плотнее, и все вокруг погрузилось в непроглядный мрак. Даже фонарь на углу, который Сара ненавидела, потому что он светил прямо в окно ее спальни, как будто погас. Она снова набрала номер телефона Линды и долго слушала гудки — ей так никто и не ответил.

Тогда она вернулась в дом, позвонила собственному сыну и после седьмого гудка услышала сонный голос Алекса:

— Что? — Сара рассказала, что произошло, но ее история не произвела на него никакого впечатления. — Господи, мама, это не наше дело. Иди спать. Я уверен, Линда вернулась домой и скорее всего видит сейчас десятый сон. Хотел бы я быть на ее месте.

— А что, если она где-нибудь бродит, если заблудилась в темноте? Ты же знаешь, что у нее с головой не все в порядке.

— И не у нее одной, — пробормотал Алекс и добавил уже громче: — Послушай, мама, сейчас четыре утра. Иди в кровать. Я заеду к тебе перед работой, и мы вместе к ним сходим. Я уверен, что с ней все в порядке. Ложись спать.

Так она и сделала, но долго не могла уснуть, охваченная беспокойством.

Сара проснулась в семь утра, когда услышала, что Алекс открывает ключом дверь. Боже праведный! Из-за нее он сделал огромный крюк, чтобы доехать из пригорода Сиэтла, а она до сих пор не встала и не готова идти к Линде.

— Я сейчас спущусь! — крикнула она и начала быстро одеваться. Но на это ушло гораздо больше времени, чем следовало, особенно когда она принялась завязывать шнурки на туфлях. — С каждым днем пол отодвигается все дальше и дальше, — пробормотала она.

Любимая шутка — ее и Расса. Только вот Расса больше нет, чтобы с ней согласиться. Гончий пес по имени Серж спал около двери, загородив проход. Она толкнула его, и он поплелся за ней.

Сара открыла дверь на кухню, и в нее ударила волна жара.

— Что ты делаешь? — возмутилась она, увидев, что Алекс стоит около задней двери и быстрыми движениями открывает и закрывает ее, превратив в подобие веера. — Чем это пахнет?

— Плита была включена, когда я вошел, — сердито ответил Алекс. — Тебе несказанно повезло, что дом не сгорел. Почему детектор дыма не сработал?

— Наверное, батарейки сдохли, — соврала Сара. Ее раздражало, что детектор включался всякий раз, когда в старом тостере сгорал очередной кусок хлеба, и поэтому Сара вытащила батарейку на кухне. — Видимо, я не выключила плиту, когда увидела на улице Линду. Так что она работала не всю ночь, а только три или четыре часа.

Поверхность плиты все еще мерцала, испуская волны жара, и белая керамическая поверхность вокруг несчастной конфорки приобрела светло-коричневый цвет. Сара протянула руку, чтобы потрогать ее, но вовремя одумалась.

— Немного чистящего порошка, и все будет в порядке. Слава Богу, ничего страшного не случилось.

— Ничего не случилось? Только три или четыре часа? Проклятие, мама, ты хоть понимаешь, к а к тебе повезло?

Сара внутренне сжалась, когда Алекс взял стремянку и полез проверять детектор дыма. Когда он снял крышку, на пол упала батарейка.

— Ну, теперь понятно, в чем дело, — заявила Сара. — Наверное, она плохо держалась.

Алекс внимательно на нее посмотрел и сдержанно ответил:

— Наверное.

И прежде чем она успела наклониться, соскочил на пол, поднял батарейку, вернул ее на место и закрыл крышку.

— Хочешь кофе? — спросила Сара и включила кофейник.

Она заправляла его накануне вечером, как делала это в течение двадцати лет, чтобы не тратить время на такую ерунду по утрам, так что оставалось только нажать на кнопку. Потом прямо в пижаме Сара садилась за стол, чтобы просмотреть газеты, пока варится первая чашка, дожидаясь, когда спустится Расс.

Но иногда не заправляла, как вчера.

— Нет, спасибо. Мне пора ехать. Мама, тебе нужно быть осторожнее.

— Я о ч е н ь даже осторожна. Этого бы не произошло, если бы ночь не выдалась такой безумной.

— И ты бы не оставила карточку в банкомате, если бы мимо не проезжала пожарная машина, из-за которой ты не услышала сигнал, когда от него отошла. А как насчет той истории, когда ты забыла ключи в зажигании и заперла машину? Или не выключила поливалку, которая проработала всю ночь?

— Но это же было несколько месяцев назад!

— Вот именно. Приступы «забывчивости» начались у тебя давно. Ситуация становится все хуже. И стоит денег. Помнишь, какой счет за воду мы получили? И сколько пришлось заплатить слесарю, чтобы он открыл замок? К счастью, банкомат выплюнул твою карточку, и тебе позвонили из банка. Ты ведь даже не поняла, что оставила ее. И теперь в этом месяце мы получим огромный счет за электричество. Тебе необходимо сходить к врачу и обследоваться. Может быть, есть какие-то таблетки, которые помогут.

— Я все сделаю, — сказала она сердито, поскольку ненавидела, когда ее отчитывали. — Тебе пора ехать, пока машин на дороге не так много. Налить кофе в твою фирменную кружку?

Алекс несколько мгновений молча смотрел на нее, собираясь продолжить спор, чтобы принять хотя бы какое-то пусть воображаемое решение. Но, к счастью, он действительно спешил.

— Да, пойду принесу кружку. Такое впечатление, что у Мейсонов все в порядке. Вон смотри, Робби идет на работу. Не думаю, что он так бы поступил, если бы пропала его мама.

Сара понимала, что если она еще что-то скажет, сын решит, что она окончательно спятила. Когда он вернулся с кружкой, Сара взяла кофейник и увидела, что он наполнен бледно-коричневой водой. Судя по всему, она забыла насыпать кофе в фильтр. Сделав вид, что ничего особенного не произошло, Сара достала банку с растворимым кофе.

— Я перестала заваривать целый кофейник, я же одна, — сказала она, положила ложку кофе в его кружку и налила кипятка.

Алекс вздохнул и взял кружку со стола. Когда он ушел, Сара приготовила себе нормальный кофе и села почитать газету.

Полиция приехала около одиннадцати часов, а примерно в час дня один из копов постучал к ней в дверь. Сара ужасно нервничала, когда он записывал ее показания о том, что она видела в четыре утра.

— Почему вы не вызвали полицию? — спросил молодой офицер, и в его карих глазах она увидела жалость — он не понимал, как можно быть настолько безмозглой.

— Я дважды позвонила к ним домой, а потом своему сыну. Но когда я выглянула в окно, Линды уже не было на улице, и я решила, что она вернулась к себе.

Полицейский со вздохом закрыл блокнот и засунул его в карман.

— Она не вернулась, — мрачно проговорил он. — Бедная старушка бродит где-то в домашних тапочках, да еще опутанная елочной гирляндой. Ладно, сомневаюсь, что она ушла далеко. Мы ее найдем.

— Она была в ярко-розовом спортивном костюме и тапочках. — Сара попыталась вспомнить еще что-нибудь полезное. — В руках она держала бейсбольную биту. И еще рюкзак «Хэллоу, Китти». Как будто куда-то собралась.

Паренек вынул из кармана блокнот, снова вздохнул и добавил новые детали к ее показаниям.

— Жаль, что вы нам не позвонили, — повторил он, возвращая блокнот в карман.

— Мне тоже жаль. Но мой сын сказал, что Линда скорее всего вернулась домой, а в моем возрасте не всегда доверяешь своим представлениям о том, что происходит вокруг.

— Наверное. До свидания, мэм.

Это был четверг, и Сара отправилась в интернат для престарелых, чтобы навестить Ричарда. Как всегда, она взяла с собой альбом с фотографиями, сделанными в то время, когда они были детьми. Она поставила машину на парковке и в кафе на другой стороне улицы купила большой стакан шоколадно-кофейного напитка с ванилью. Держа его в руке, она вошла в интернат, где постоянно пахло мочой, миновала «гостиную» с искусственными цветами и двинулась по коридору мимо инвалидных колясок, стоявших вдоль стен. Глядя на сгорбленные спины и морщинистые шеи их обитателей, Сара подумала, что они похожи на черепах, выглядывающих из своего панциря. Кое-кто из пациентов ей кивал, но большинство просто безумно таращились. Голубые глаза выцвели до оттенка постельного белья, белки карих окрасились пигментными пятнами — но за ними царила пустота. Сара видела знакомые лица людей, которые пробыли здесь по меньшей мере три года, столько, сколько тут находился Ричард. В отличие от них она помнила имена. Они безвольно сидели, ни на что не надеясь и не ожидая никаких подарков от жизни, а колеса их кресел казались насмешкой над теми, кому некуда ехать.

За столом сидела очередная новая медсестра. Поначалу, навещая Ричарда, Сара пыталась здороваться со всеми сестрами и санитарками, обращаясь к ним по именам, но задача оказалась безнадежной. Сестры менялись слишком часто, а низший персонал, ухаживавший за пациентами, еще чаще, как и языки, на которых они разговаривали. Одни были очень славными, они болтали с Ричардом, когда забирали подносы с едой или меняли постельное белье. Другие, с пустыми глазами, напоминали тюремных охранников, ненавидящих свою работу и пациентов.

Сара часто приносила им небольшие подарки: баночки с джемом, лимонад, который делала сама из ягод и фруктов, росших у нее в саду, свежие помидоры и перец. Она надеялась, что эти мелкие подношения покажут, как она им благодарна за то, что они так замечательно заботятся о ее брате — даже если они не понимали всего, что она говорила. Временами, когда ей не удавалось заснуть ночью, Сара молилась о том, чтобы они были терпеливы и добры или хотя бы не срывали злость на стариках. Были добры, когда смывали фекалии с ног ее бра-

та и когда поддерживали его в душе. Были добры, выполняя работу, которую ненавидели, за деньги, на которые невозможно прожить. Сара нередко спрашивала себя, можно ли быть настолько добрым.

В этот четверг Ричард находился в другом времени и пространстве. Сара сидела с человеком, жившим в его теле, показывала ему фотографии: походы, первые дни в школе, их родители. Он кивал и улыбался и говорил, что ему очень нравятся снимки. Даже в своем нынешнем состоянии, когда в сознании у него все перепуталось, Ричард оставался мягким и воспитанным — и это было хуже всего. Как обычно, Сара оставалась с ним в течение часа, хотя у нее сжималось сердце от того, каким он стал. Когда никто не смотрел, она позволяла ему сделать глоток кофе из стакана. Ричарду запретили какие бы то ни было жидкости. Всю еду ему приносили в виде пюре, а то, что он пил, даже воду, делали густым, как грязь, чтобы он не подавился, — одна из проблем болезни Альцгеймера: глотательные мышцы в задней стенке горла слабеют или люди просто разучиваются глотать. Поэтому доктор приказал не давать Ричарду кофе.

Однако Сара не послушалась. Ричард лишился своих книг, курительной трубки и самостоятельных прогулок. Кофе остался последней маленькой радостью в его жизни, и ради брата она нарушала распоряжения врача. Каждую неделю она приносила ему стакан кофе и незаметно помогала его выпить, пока он оставался горячим. Ричард его обожал, и Сара всегда получала в благодарность улыбку от существа, в которое превратился ее некогда сильный старший братишка.

Когда стакан опустел, она отправилась домой.

На следующий день в «Такома трибьюн» написали об исчезновении Линды, и Сара прочитала статью, в которой поместили старую фотографию Линды в деловом костюме, она выглядела исключительно спокойной и компетентной особой. Сара решила, что более современных снимков пожилой женщины с вечно растрепанными волосами не существовало. Да и кому бы пришло в голову запечатлеть безумную ухмылку на ее лице, когда она поливала из садового шланга десятилетних близнецов Томпсонов за то, что они обстреляли из водяного пистолета ее кота? На камеру ведь не заснимешь, как она тихонько хихикала, когда позвонила Саре в два часа ночи, и они вдвоем подобрались к дому Марти Собин, чтобы проколоть шины всех

стоявших перед ним машин — Марти уехала из города, а ее сын-подросток устроил дома гулянку. «Теперь они не смогут сесть за руль в пьяном безобразии», — прошептала Линда с удовлетворением.

Это была прежняя Линда, из тех времен, когда их дети учились в школе. Сара помнила, как она, сжав зубы, встала посреди улицы и заставила Маршу Бейтс ударить по тормозам, чтобы не сбить ее джипом, принадлежавшим ее отцу. «Здесь не полагается так гонять, — заявила она. — В следующий раз я пожалуюсь твоим родителям и позвоню копам».

Та Линда устраивала у себя барбекю для всей округи на четвертое июля, и именно в ее доме всегда с удовольствием собирались подростки. Она первой вывешивала елочные гирлянды на Рождество и снимала их последней. А во время Хэллоуина у нее были самые большие тыквы с фонарями внутри. Та Линда умела запустить генератор, чтобы включить уличное освещение во время пикника футбольной команды. После страшного снежного урагана двенадцать лет назад она собственноручно распилила дерево, упавшее на ее участок, когда городские власти заявили, что они смогут прислать рабочих только через три дня. Расс открыл окно и крикнул: «Осторожнее, народ! Безумная норвежка взяла в руки цепную пилу!» И все дружно рассмеялись. Они невероятно гордились тем, что могут сами о себе позаботиться. Но та Линда и безумная старуха, в которую она позже превратилась, исчезли — обе.

Ее родные развесили объявления. Полицейские приехали снова и привезли с собой собаку. К Саре зашел Робби, чтобы спросить, что она видела той ночью. Ей было трудно посмотреть ему в глаза и объяснить, почему она не вызвала полицию.

— Я звонила вам. Два раза. Целых двадцать гудков.

— Мы выключаем звонок на ночь, — печально объяснил он.

Робби был плотным мальчишкой, когда играл вратарем в футбольной команде, теперь же сделался толстяком. Уставшим, толстым мужчиной с больной матерью, которая пропала. «Наверное, он испытал облегчение», — подумала Сара и прикусила язык, чтобы не сказать этого вслух.

Дни шли, и ночи становились холоднее и дождливее. Линда не могла уйти далеко. Или могла? Может быть, кто-то подобрал ее на дороге и увез? С другой стороны, кому нужна сумасшедшая старуха с бейсбольной битой в руках? А вдруг она умерла

и лежит в зарослях черники на чьем-нибудь запущенном участке? Или голосует на 99-й автостраде? Голодная и замерзшая.

Теперь Сара просыпалась в два, три часа ночи или четверть пятого, и чувство вины не давало ей уснуть до самого утра. Не спать, когда еще не принесли газету и не пришло время пить кофе, ужасно. Сара сидела за столом и смотрела на полную луну. «Мальчики и девочки, выходите поиграть», — шептала она самой себе. Ее новый и непонятный режим беспокоил Сержа. Толстый пес сидел рядом со стулом и смотрел на Сару печальными глазами. У нее возникло ощущение, что он ждет, когда за ним придет смерть.

Может, и я ее жду?

Нет, конечно же, нет! У нее своя жизнь, свой режим, утренняя газета, сад, за которым нужно ухаживать, походы в магазин за продуктами и вечерние передачи по телевизору. У нее есть Алекс и Сэнди, и не важно, что Сэнди живет по другую сторону гор. А еще дом, собака и много других важных дел.

В четверть пятого темным сентябрьским утром Саре было трудно вспомнить, какие еще важные дела у нее есть. Капли дождя перестали стучать по крыше и окнам, наступила тишина, и над землей начал клубиться туман. Она решала судоку, напечатанный во вчерашней газете, дурацкий кроссворд, требовавший исключительно логического подхода, а не ума, когда Серж повернул голову и молча уставился на заднюю дверь.

Сара выключила свет на кухне и выглянула в окошко в двери. Улица была окутана непроглядным мраком, нигде не светилось ни одно окно. Она нажала на кнопку, чтобы включить свет над задним крыльцом: лампочка по-прежнему не работала. Где-то на улице звучали голоса. Сара приложила ладони к лицу и прижала его к стеклу, но все равно ничего не сумела разглядеть. Тогда она осторожно открыла дверь и вышла на крыльцо.

Она увидела пятерых парней, которые шли по улице: трое рядом впереди, двое — за ними. Сара не узнала их, но у нее сложилось впечатление, что они не местные. Парни были одеты в толстые пальто и не зашнурованные рабочие ботинки и, точно стая собак, беспрерывно вертели головами, изучая окрестности. В руках они держали мешки. Главарь показал на старый пикап, припаркованный на противоположной стороне улицы, вся компания направилась к нему, и они принялись заглядывать в кузов, потом подергали ручки запертых дверей. Один посмо-

трел в боковое окошко и что-то сказал. Другой поднял упавшую ветку и ударил по ветровому стеклу, но сгнившее дерево рассыпалось на части. Его приятели рассмеялись и двинулись дальше. Но молодой вандал не желал сдаваться. Когда он забрался в кузов и попытался разбить стекло ногой, Сара увидела у него на спине рюкзак «Хэллоу, Китти».

Сердце замерло в груди Сары, но она попыталась убедить себя, что это простое совпадение и перед ней самый обычный подросток, который хочет, чтобы его считали крутым, но носит детский рюкзак — какая ирония! И больше ничего.

А вот и нет!

Сара обрадовалась, что лампочка на заднем крыльце перегорела и на кухне тоже темно. Она осторожно, стараясь не шуметь, вернулась в дом и прикрыла за собой дверь, оставив маленькую щель. Потом взяла телефонную трубку и позвонила 911, морщась всякий раз, когда кнопка тихонько звякала. Дежурный ответил после третьего гудка.

— Вам полицию или пожарное управление? — спросила женщина у Сары.

— Полицию. Какие-то люди пытаются забраться в пикап, стоящий напротив моего дома. У одного из них рюкзак, похожий на тот, что был у моей подруги в ту ночь...

— Пожалуйста, помедленнее, мэм. Имя и адрес.

Сара быстро сообщила сведения о себе.

— Вы можете описать этих людей?

— На улице темно, а лампочка у меня на крыльце перегорела. Я здесь одна и не хочу, чтобы они узнали, что я за ними наблюдаю, поэтому я позвонила вам.

— Сколько их? Вы можете дать нам хотя бы примерное описание?

— Полиция приедет или нет? — требовательно спросила Сара, неожиданно рассердившись на бессмысленные вопросы.

— Да. Я уже связалась с диспетчером. А теперь попытайтесь рассказать про этих людей все, что сможете.

«Ну что за дурость?» — подумала Сара, но подошла к двери и выглянула наружу. Парень исчез. Тогда Сара внимательно оглядела улицу, однако ее окутал густой туман.

— Они ушли.

— Машина, в которую они пытались забраться, принадлежит вам?

— Нет. Но машина не имеет значения, важно то, что у одного из них розовый рюкзак, точно такой же, как у моей подруги в ту ночь, когда она пропала.

— Понятно. — Сара решила, что оператор ничего не поняла. — Мэм, поскольку ваше дело не требует немедленного вмешательства, мы пришлем офицера, но, возможно, он прибудет через некоторое...

— Отлично.

Сара повесила трубку, подошла к двери и снова выглянула наружу. Наверху в ящике комода, под рабочими рубашками Расса лежал маленький пистолет 22-го калибра, из которого Сара не стреляла целую вечность. Но она не стала его брать, а достала из нижнего ящика длинный тяжелый фонарик и вышла на задний двор. Серж поплелся за ней. Сара, стараясь не шуметь, приблизилась к ограде, включила фонарик и направила его на старый пикап. Луч едва до него доставал, Сара поводила им вверх и вниз по улице, окутанной туманом, — и ничего не увидела. Она вернулась вместе с Сержем в дом, заперла дверь, но оставила свет на кухне и легла спать. Однако уснуть ей так и не удалось.

Полицейский приехал только в половине одиннадцатого, но Сара все понимала — Такома был маленьким городом и очень беспокойным: копы в первую очередь отвечали на вызовы, когда речь шла о прямой угрозе жизни. Он приехал, выслушал ее и сообщил номер вызова. Пикап бесследно исчез. Нет, она не знала, кому он принадлежит. Пятеро молодых людей — подростки разного возраста, в грубой одежде, у одного она заметила розовый рюкзак. Сара сказала, что не может сообщить, какого они были роста и какой у них цвет кожи. Однако насчет рюкзака не сомневалась.

— Вы ясно разглядели рюкзак?

Сара ответила, что разглядела и совершенно уверена, что он точно такой же, как тот, что она видела у Линды.

Коп кивнул и записал ее слова. Затем оперся о кухонный стол, выглянул в окно и нахмурился.

— Мэм, вы сказали, что он ударил в окно пикапа упавшей с дерева веткой и она развалилась на несколько кусков.

— Совершенно верно. Но мне кажется, окно не пострадало.

— Мэм, я не вижу на улице какой-либо ветки или ее обломков. — Полицейский сочувствующе на нее посмотрел. — Мо-

жет быть, вам все это приснилось? Из-за того, что вы беспокоитесь за свою подругу?

Саре отчаянно захотелось в него плюнуть.

— Я воспользовалась фонариком. Он все еще лежит на столе на кухне, там, где я его оставила.

У парня полезли вверх брови.

— Но вы же говорили, что было темно и вы ничего не видели.

— Я вышла на улицу с фонариком п о с л е того, как позвонила 911. Хотела понять, куда они делись.

— Понятно. Спасибо, что позвонили нам.

После ухода полицейского, Сара последовала за ним и перешла на другую сторону улицы к тому месту, где стоял пикап. Однако там не оказалось ни обломков ветки, ни даже сухих листьев в канаве. Ее новый сосед, помешанный на своей лужайке, вылизывал ее до такого состояния, что она напоминала искусственный газон на футбольном поле, а канавы выглядели так, словно он пылесосил их каждый день. Сара нахмурилась. Прошлой ночью она видела сухие листья, которые шуршали на ветру, и совершенно т о ч н о на тротуаре валялась большая гнилая ветка, явно очень тяжелая. Однако яблони на участке были совсем маленькими, не выше ручки грабель. Иными словами, с л и ш к о м молодыми, чтобы отрастить большую ветку или уронить ее.

Сара вернулась домой, немного поплакала, потом сделала чашку чая и порадовалась, что не стала звонить Алексу, чтобы рассказать ему о ночном происшествии. Затем она решила составить мысленный список дел, которыми могла заняться: постирать, обрезать цветы с розового куста, собрать последние зеленые помидоры и сделать чатни.

После этого Сара поднялась наверх и легла вздремнуть.

Через три недели соседи перестали судачить по поводу Линды. Но ее лицо по-прежнему улыбалось с плаката с подписью «Разыскивается» в «Сэйфуэй», рядом с аптекой. Сара столкнулась там с Морин, которая покупала лекарства для Хью, они отправились в «Старбакс» и немного поболтали о том, куда могла подеваться Линда. Потом поговорили о прежних временах, футболе, взятых напрокат перед школьным балом смокингах и том, как Линда запустила двигатель грузовика Хью, когда никто не мог найти ключи от зажигания, а Алексу требовалось немед-

ленно наложить швы. Они много смеялись, чуть-чуть поплакали и постепенно вернулись в настоящее. Морин рассказала новости: Хью «держится», — она сообщила это так, будто сидеть в кровати — единственное, чего он на самом деле хочет. Потом Морин предложила Саре прийти и собрать яблоки с дерева, растущего у них на заднем дворе.

— У меня нет времени что-то с ними делать, а их больше, чем мы в состоянии съесть. Я не могу смотреть, как они падают на землю и гниют.

Сара получала удовольствие от кофе и их простой беседы и вдруг сообразила, что уже давно ни с кем не общалась. Она подумала об этом на следующее утро, когда разбирала почту на кухонном столе. Счет за электричество, брошюра, посвященная долгосрочной медицинской страховке, газета Американской ассоциации пенсионеров и два рекламных буклета домов для престарелых. Сара отложила счет в одну сторону, остальное вместе с утренней газетой приготовила для переработки. Потом она нашла корзинку и уже собралась отправиться к Морин за яблоками, когда объявился Алекс. Он сел за стол и согрел в микроволновке утренний кофе.

— Мне нужно было в Такому на семинар, и я решил заехать к тебе. Ты не забыла, что вторую часть налога на недвижимость нужно заплатить до конца этого месяца? Кстати, ты еще не платила?

— Нет. Но бумаги лежат у меня на столе.

По крайней мере э т о было правдой. Бумаги действительно лежали на столе — где-то.

Сара заметила, что Алекс смотрит на буклет, посвященный дому для престарелых, и сказала:

— Обычная ерунда, которая приходит по почте. С тех пор как твой отец подписался на новости Ассоциации пенсионеров, нам постоянно присылают эту дрянь.

— Правда? — Алекс выглядел смущенным. — Я думал, это потому, что *я* попросил. Хотел, чтобы ты на них посмотрела, а потом мы поговорим.

— О чем? О переработке? — Шутка получилась более резкой, чем хотела Сара.

Алекс тут же упрямо поджал губы. В детстве он категорически отказывался есть брокколи и ни разу не отступил. Он собирался поговорить с ней на эту тему, и остановить его было невоз-

можно. Сара положила в кофе пол-ложки сахара, размешала и приготовилась провести очень неприятные полчаса.

— Мама, мы должны посмотреть правде в лицо. — Алекс сложил руки на краю стола. — Скоро придет время платить налоги: вторая половина составляет семьсот баксов. Страховку за дом — в ноябре. Цены на отопление растут, впереди зима, а про твой дом нельзя сказать, что в нем так уж хорошо сохраняется тепло.

Он говорил так, будто она не просто старая, но еще и не очень хорошо соображает.

— Я надену свитер и буду перетаскивать маленький обогреватель из комнаты в комнату. Как в прошлом году. Зональный обогрев. Самый эффективный способ обеспечить дом теплом.

Алекс раскрыл ладони, лежащие на столе.

— Да, все отлично. До тех пор, пока в доме не начнет появляться плесень из-за того, что подвал не отапливается. Мама, здесь три спальни и две ванных комнаты, но ты живешь... думаю, всего в четырех. Единственная ванна находится наверху, а стиральная машина стоит в подвале. Слишком много хождения по лестницам в течение дня. Электрический щиток следовало заменить много лет назад, холодильник нуждается в новых прокладках, ковер в гостиной истрепался в тех местах, где он касается плитки.

Сара все это знала и попыталась слегка разрядить неприятный разговор:

— И не забудь, что лампочка на заднем крыльце перегорела.

Алекс, прищурившись, посмотрел на нее.

— Когда береза облетит, нам придется убрать листья с лужайки и из канав. А на следующий год дом нужно красить.

Сара поджала губы. Все, что он говорил, было чистой правдой.

— Я буду решать проблемы по мере их поступления, — сказала она ему вместо того, чтобы посоветовать не лезть не в свое дело.

Алекс поставил локти на стол и оперся о них лбом.

— Мама, это значит, что ты позвонишь мне, когда не сможешь сложить листья в мусорный контейнер, — сказал он, не глядя на нее. — Или когда канава около дома переполнится.

Ты не в состоянии содержать дом сама. Я готов тебе помогать, но почему-то всегда получается так, что ты звонишь мне в тот момент, когда я делаю презентацию или убираю листья на собственном участке.

Сара несколько мгновений не сводила глаз с сына, так потрясли ее его слова.

— Я... не приезжай, если ты занят! Никто еще не умер из-за мусора в канавах или листьев на лужайке.

Сначала ей стало стыдно, но потом она рассердилась. Как он смеет изображать из себя мученика? С какой стати ведет себя так, будто она является обузой? Она спрашивала его, есть ли у него время ей помочь, и никогда не требовала, чтобы он немедленно приехал.

— Ты моя мама, — проговорил он таким тоном, словно данный факт налагал на него безоговорочные обязательства, которые никто не мог отменить. — Что подумают соседи, если я допущу, чтобы ты жила в разваливающемся доме? Кроме того, он твоя основная собственность, и, значит, его следует содержать в порядке. Или, если мы не в состоянии, ликвидировать, а тебе перебраться в такое место, за которым ты сможешь следить без особых усилий. Например, в квартиру в комплексе для пожилых людей или в дом, где предоставляется уход и всякого рода помощь.

— Алекс, я хочу, чтобы ты понял, что это мой д о м, а не основная собственность...

Алекс прервал ее, с суровым видом подняв руку.

— Мама, дай мне закончить! У меня сегодня совсем мало времени, поэтому просто послушай. Я не говорю об интернате для престарелых, потому что знаю, как тебе тяжело навещать дядю Ричарда. Я имею в виду жилье, которое будет твоим собственным, с массой дополнительных услуг, где тебе не придется тратить силы на поддержание порядка. Вот, скажем, этот. — Он вытащил из кучи бумаг, приготовленных для утилизации, буклет. — Комплекс находится в Олимпии, рядом с водой. У них имеется собственный небольшой док и лодки для тех, кто там живет. Ты сможешь завести друзей и рыбачить.

Сара напряженно улыбнулась и попыталась пошутить:

— Я не могу сама убрать листья в саду, но ты считаешь, что мне будет по силам управлять лодкой?

— Ну, тебе совсем не обязательно заниматься рыбной ловлей. — Она разозлила его, растоптав светлую мечту о счастливой матери, живущей в террариуме у воды. — Я просто хотел сказать, что ты могла бы, что там есть масса самых разных удобств и развлечений. Бассейн. Спортивный зал. Ежедневные поездки на автобусе в магазины. Ты снова могла бы наслаждаться жизнью.

Его голос звучал так искренне и серьезно.

— В ванной комнате имеется специальная система безопасности. Если ты упадешь, ты сможешь дернуть за шнурок и получить помощь, которая предоставляется круглосуточно и без выходных. Кроме того, там есть столовая, и если тебе не захочется готовить, то пожалуйста, не готовь. Еще: центр развлечений с кинозалом. Они устраивают по вечерам самые разные игры, барбекю и...

— Очень похоже на летний лагерь для старых пердунов, — перебила его Сара.

На мгновение Алекс потерял дар речи.

— Я просто хотел рассказать тебе о том, какие есть возможности, — сердито проговорил он. — Тебе не нравится — что ж, отлично. Существуют и другие места — квартиры, приспособленные для жизни пожилых людей. Все на одном этаже, в ванных комнатах перила, широкие коридоры, по которым можно передвигаться на ходунках. Я подумал, что ты не отказалась бы от более удобного жилья.

— У меня отличное жилье — мой дом. Да и вообще я не могу себе позволить то, о чем ты говоришь.

— Если бы ты продала дом...

— Тебе известно, какие сейчас цены на недвижимость?

— Ну, хорошо, ты могла бы его сдавать.

Сара наградила его сердитым взглядом.

— Это хорошая идея. Агентство по недвижимости за определенный процент будет следить за порядком. Очень многие так делают. Ладно, мне сегодня некогда с тобой спорить. Проклятие, у меня вообще нет времени на препирательства! Проблема как раз в том, что я не могу приезжать сюда каждый день. Я люблю тебя, но ты не должна мешать мне о тебе заботиться и при этом иметь собственную жизнь. У меня жена и дети; они нуждаются в моем внимании не меньше, чем ты. Я не в состоянии работать и жить на два дома. Понимаешь, мне такое не по силам.

Алекс уже по-настоящему разозлился, и Сара поняла, что он находится на грани срыва. Она посмотрела на пол и увидела Сержа под столом, который поднял голову и уставился на нее своими грустными карими глазами.

— А что будет с Сержем? — едва слышно спросила она.

— Мама, он уже совсем старый, — вздохнув, ответил Алекс. — Ты должна подумать о том, что будет лучше для него.

Когда Алекс уехал, Сара взяла стремянку и поменяла лампочку над задним крыльцом. Потом вытащила из гаража алюминиевую лестницу, достала шланг, забралась на проклятую лестницу и вымыла канавы и переднюю стену гаража. Затем она собрала сухие листья и мусор в кучу и побросала все это на грядки в огороде. Компост. Так проще, чем сражаться с контейнером.

На следующее утро Сара проснулась в десять, а не в шесть, как обычно, и все тело у нее отчаянно болело. Ее разбудило поскуливание Сержа. Выглянув в окно, Сара обнаружила, что день ожидается пасмурный, и осторожно выбралась из постели. Накинув халат и держась за перила, она начала спускаться вниз, потом выпустила Сержа на улицу и нажала на кнопку кофеварки.

— Я буду это делать до тех пор, пока могу, — громко и сердито заявила она. — И ни за что не уеду из своего дома.

На коврике перед входной дверью лежала газета. Когда Сара выпрямилась, она окинула взглядом улицу и соседние дома, и ее потрясли перемены, которых она не замечала раньше. Когда они с Рассом сюда переехали, это был отличный жилой район с зелеными, ухоженными лужайками, дома регулярно красились, а клумбы поражали своей безупречной красотой.

Сейчас же ее глаза остановились на размытой канаве на углу старого дома Макферсонов. Чуть дальше стояла ива — гордость Элис Картер — со сломанной веткой и сухими листьями. Лужайка тоже была неухоженной, а краска на стене на солнечной стороне облупилась. Когда все вокруг стало таким заброшенным и печальным? Сара помнила улицу совсем другой. Неужели Алекс имел в виду именно это? И у нее действительно проблемы с памятью? Сара прижала газету к груди и вернулась в дом.

Серж скребся в заднюю дверь, она открыла и увидела, что пес смотрит мимо нее на забор. На улице снова стоял пикап,

красный, проржавевший, с одной спущенной шиной и грязными окнами. Куски сломанной ветки валялись рядом, засыпанные принесенными ветром сухими листьями. Очень медленно, чувствуя, как колотится в груди сердце, Сара подняла глаза на корявые яблони, заменившие молодые деревца из ее воспоминаний.

— Этого не может быть, — сказала она Сержу.

И начала неуверенно спускаться по ступенькам. Пес не отставал. Сара прошла мимо розовых кустов к забору и принялась вглядываться в клочковатый туман. Но увидела ту же картину. И чем больше она изучала знакомые места, тем более чужими они становились: разбитые окна, трубы на крышах, в которых не хватало нескольких кирпичей, неухоженные, мертвые лужайки перед домами, обвалившийся навес для автомобиля. Сара услышала какой-то ритмичный звук и, повернув голову, увидела, что по улице, громко шлепая ногами в ботинках по мокрым листьям, идет какой-то парень. Перед собой он держал алюминиевую бейсбольную биту, левая рука на рукояти, правая — сжимает конец. Серж глухо зарычал, но Сара не могла издать ни звука.

Однако парень даже не посмотрел в их сторону. Подойдя к пикапу, он расставил ноги, оценил расстояние и ударил битой в окно у водительского сиденья. Оно выдержало, тогда он снова ударил, потом еще раз, пока по стеклу не начали расползаться трещины, похожие на паутину. Ему удалось разбить защитный слой, после чего он взял биту за другой конец, раскрошил стекло, засунул внутрь руку и, открыв замок, распахнул дверцу.

— Где Линда? Что вы с ней сделали?

Сара не сомневалась, что кто-то другой, а вовсе не она набрался смелости и выкрикнул эти слова. Парень замер на месте, перестав копаться в машине, потом выпрямился и, выставив перед собой биту, резко обернулся. Сара почувствовала, что у нее подгибаются колени, и схватилась за верхнюю планку забора, чтобы не упасть. На нее злобно смотрел парень лет двадцати в слишком больших не зашнурованных ботинках и парусиновой куртке явно с чужого плеча, которая болталась на нем как на вешалке. У него были грязные растрепанные волосы и жидкая бороденка. Парень оглядел улицу, скользнув глазами мимо Сары и ее собаки, видимо, проверял, есть ли еще свиде-

тели. Она видела, как поднимается и опускается его грудь; мышцы были напряжены, он приготовился действовать.

Сара смотрела на него и ждала, когда он на нее нападет. *Надо было взять телефон или позвонить 911 из дома. Старая дура. Меня найдут мертвой в собственном саду, и никто не узнает, что произошло.*

Но парень остался стоять на месте, и постепенно его плечи расслабились и опустились. Сара не шевелилась, но он даже не смотрел в ее сторону. Видимо, решил, что она не стоит его внимания, снова повернулся к пикапу и засунул внутрь голову.

— Серж, идем, дружок, давай.

Сара, стараясь не шуметь, медленно отошла от забора, но пес остался на месте: хвост поднят вверх, лапы напряжены, глаза буравят чужака на улице. Солнце, похоже, спряталось за еще более плотным пологом облаков, потому что день стал каким-то серым, наполненным густым туманом, и вскоре Сара уже едва различала забор.

— Серж! — крикнула она громче, и в ответ на беспокойство в ее голосе пес глухо зарычал.

Вор отошел от пикапа, держа в руке парусиновую сумку с инструментами. Он принялся в ней рыться, на землю упал гаечный ключ, разорвав тишину неожиданно громким звоном, и Серж яростно залаял. Парень быстро повернулся и посмотрел прямо на собаку, потом нахмурился, наклонился вперед и принялся вглядываться в клочья тумана. Толстый старый пес снова залаял, а когда вор поднял биту, с рычанием бросился в его сторону.

Не обращая внимания на забор.

Сара смотрела, как Серж с громким лаем исчез в тумане и снова появился уже на улице, по ту сторону ограды. Парень наклонился, поднял с земли обломок гнилой ветки и швырнул его в Сержа. Саре показалось, что он не попал, но пес взвизгнул и остановился.

— Оставь мою собаку в покое! — крикнула Сара. — Я вызвала полицию! Они уже едут!

Парень не сводил глаз с собаки, и Серж снова громко залаял, заявляя свои территориальные права. Тогда мародер выхватил из сумки гаечный ключ и метнул его в Сержа. На этот раз Сара услышала глухой звук, означавший, что он попал, и по голосу Сержа поняла, что пес ранен.

— Серж! Серж, иди сюда! Ах ты ублюдок, оставь мою собаку в покое! — завопила Сара, потому что подонок бросился догонять Сержа, держа перед собой биту.

Сара вбежала в дом, схватила телефон, набрала номер и снова выскочила на улицу, слушая бесконечные гудки...

— Серж! — позвала она, потом, повозившись с крючком на воротах, выбежала на пустую улицу.

Там ничего и никого не было, ни пикапа, ни упавших веток или сухих листьев. Туман, окружавший деревья в конце улицы, рассеялся, и солнце пробилось сквозь тучи. А Сара снова оказалась в чистеньком пригороде с подстриженными лужайками и подметенными дорожками. Разбитое стекло и вор-оборванец куда-то пропали. Сара поспешно отключила телефон. Ее собака тоже исчезла.

— Серж! — позвала она, но пес словно испарился вместе со всем, что она видела несколько мгновений назад.

И тут зазвонил телефон.

Дрожащим голосом Сара заверила оператора из службы 911, что у нее все в порядке, что она уронила телефон и нечаянно нажала на кнопки, когда его поднимала. Нет, нет, приезжать не нужно, у нее все хорошо.

Вернувшись в дом, Сара села за стол на кухне и проплакала два часа — о том, что у нее начала отказывать голова, о пропавшем Серже и жизни, которая постепенно выходит из-под ее контроля. Потом она вытащила рекламные буклеты из стопки старых газет и громко разрыдалась, увидев фотографии крыла для пациентов с болезнью Альцгеймера, где повсюду имелись тревожные кнопки.

— Господи, только не это! — взмолилась она, обращаясь к Нему, и подумала про снотворное, которое ей выписал доктор, когда умер Расс.

Она так его и не купила. Сара принялась искать в сумке рецепт, но он куда-то исчез.

Она поднялась наверх и открыла ящик комода, в котором лежал пистолет. Она помнила, что Расс показывал ей, как работает затвор, и как она вставляла патроны в обойму. А потом они ехали на гравийный карьер и стреляли там по консервным банкам. Миллион лет назад. Но пистолет оказался на своем месте, а когда она открыла предохранитель, обойма выпала на ладонь. Рядом с пистолетом стояла желтая пластмассовая коробка с па-

тронами, показавшимися Саре на удивление тяжелыми. Пятьдесят штук. Сара смотрела на них и думала про Расса и о том, что его больше нет.

Она положила пистолет на место, взяла корзинку и отправилась к Морин за яблоками. Дома никого не оказалось, видимо, они уехали в больницу в Сиэтл на очередные процедуры. Сара наполнила корзинку крупными яблоками и с трудом дотащила ее до дома, раздумывая по дороге, что с ними сделать. Несколько бутылок сока, пара банок долек со специями и сахаром с корицей. Пустые банки ждали своего часа, выстроившись плечом к плечу на кухонном столе рядом с эмалированным стерилизатором и старой скороваркой. Сара стояла на кухне и переводила взгляд с них на яблоки, лежащие на столе. А для кого их готовить? Кто рискнет есть то, что она законсервировала? Ей бы следовало собрать яблоки, а потом просто раздать их.

Она закрыла шкафчик. С консервированием покончено, так же, как с танцами, вышиванием и сексом. И нечего по этому поводу переживать.

Сара вымыла и вытерла полдюжины яблок, сложила в красивую корзинку, добавила к ним поздний георгин и отправилась навестить Ричарда. Она оставила корзинку с благодарственной запиской на сестринском посту, а сама вошла в палату брата, держа в руке стаканчик с кофе. Она следила за ним, когда он делал маленькие глотки, и рассказывала новости: про туман, исчезновение Линды и парня с ее рюкзаком. Ричард внимательно на нее смотрел и слушал историю, которой она не могла поделиться ни с кем другим. На короткое мгновение на его лице появилось осмысленное выражение, когда он дал ей братский совет:

— Пристрели ублюдка. — Потом Ричард потряс головой, закашлялся и добавил: — Жалко старину Сержа. Но по крайней мере, надеюсь, он умер быстро. Все лучше, чем медленная смерть. — Он обвел вокруг себя костлявой рукой с печеночными пятнами. — Лучше, чем это, Сэл. Намного лучше.

В тот день Сара провела с ним лишний час. Затем на автобусе вернулась домой и сразу легла спать. Проснувшись в два часа ночи, она подмела пол, вымыла ванную комнату и испекла в духовке яблоко с корицей и коричневым сахаром. Она ела его и плакала.

Именно с этого дня Сара совершенно потерялась во времени. Без Сержа, который поднимал ее в шесть утра, требуя еды, уже не имело значения, когда она встанет, будет готовить и есть или убирать листья. Газета по-прежнему ждала ее на крыльце, «Сэйфуэй» никогда не закрывался, и она не знала, в какой день увидит за окном симпатичную улицу в тихом пригороде, а когда мир, окутанный туманом, с полуразрушенными домами и ржавыми машинами. Значит, вполне можно отправиться за покупками в час ночи или прочитать газету в восемь вечера за ужином, разогретым в микроволновке.

Сара решила, что в этом и заключается секрет, и спрашивала себя, происходит ли то же самое со всеми стариками, когда они начинают понимать, что время больше не имеет к ним отношения. Она стала специально выходить во двор в те ночи, когда над улицей висел туман, чтобы рассмотреть чужой неприглядный мир. Через три дня после исчезновения Сержа Сара увидела оборванную маленькую девочку, которая трясла нижние ветки разросшейся яблони, надеясь, что с нее упадут последние червивые яблоки. Ничего не падало, но девочка не сдавалась. Сара вернулась в дом и снова вышла в сад с корзинкой с яблоками из сада Морин. Стоя у себя на заднем дворе, она бросала их на улицу, одно за другим, не слишком сильно, как когда-то подавала софтбольный мяч своим детям. Первые три просто исчезли в тумане.

Затем, когда он сгустился, одно яблоко шлепнулось на заросшую сорняками коричневую лужайку возле ног девчушки. Та схватила его, уверенная, что оно упало с дерева. Сара отправила вслед за ним еще полдюжины крупных красных яблок, сочных и спелых, и девочка радовалась каждой новой находке. Потом она села под дерево, подтянула колени к груди, чтобы согреться, и стала есть яблоки. Сара тоже откусила кусок, наблюдая за малышкой. Когда та все съела, происходящее превратилось для Сары во что-то вроде игры: она бросала девочке яблоко, когда та принималась трясти дерево. Наевшись, девчушка сложила свою добычу в потрепанный рюкзак. Когда у Сары закончились яблоки, она вернулась в дом, заварила чай и обдумывала случившееся до тех пор, пока туман не рассеялся и она не увидела первые брошенные ею яблоки. Она рассмеялась, причесала волосы, надела туфли и отправилась в магазин за покупками.

Туман спускался на улицу три дня подряд, но девочка не появлялась. Однако Сара не теряла надежды и в следующий раз, когда увидела за окном туман, была готова. Она положила в мешочек розовые носки и надежно его закрыла. Кто знает, сколько времени они пролежат, пока не придет малышка? К носкам Сара добавила две розовые трикотажные кофточки с блестками, теплые шерстяные колготки и крепкий голубой рюкзак, наполненный батончиками мюсли. Один за другим она бросала свои подарки через забор в туман, слышала, как они ударяются о землю, но ничего не видела. Когда туман рассеялся и на дороге осталась лежать только одна пара носок, Сара невероятно обрадовалась. Она надеялась, что девочка вернется к яблоне и найдет ее дары, но, видимо, как-то пропустила этот момент. Потому что в следующий раз, когда туман растаял, все, что она перебросила через забор, исчезло.

— Она нашла их, — поздравила себя Сара и принялась обдумывать новые сюрпризы для малышки.

Ничего особенного: мешочек с сушеными абрикосами, овсяное печенье с кусочками шоколада, все надежно упакованное в коробку. Она перебросила ее через забор, в самое сердце тумана. На сей раз она увидела, как девочка нашла ее подарок, и выражение, появившееся у нее на лице в тот момент, когда она открыла коробку, доставило Саре огромную радость. Ночи становились все холоднее, и скоро должен был пойти снег. «Интересно, на той стороне холодно? — думала Сара. — Где малышка ночует? Может быть, она устроила себе убежище в каких-нибудь кустах или в одном из заброшенных домов?» Сара нашла спицы и отыскала шерсть. Она уже давно забыла, что на свете существуют такие цвета: сиреневый, коричневый, как на шляпках желудей, и ярко-зеленый. Нитки скользили в ее потерявших былую ловкость пальцах, пробуждая воспоминания о тех днях, когда она отправлялась на прогулки по склонам холмов. Она прихватила с собой вязанье, когда поехала навестить Ричарда в следующий раз. И пусть не узнал он ее, зато вспомнил, что их мать никогда не садилась к телевизору без спиц. Они посмеялись, потом поплакали. Ричард стал сильнее кашлять, и Сара следила за тем, как он пьет маленькими глотками кофе, чтобы смягчить горло. А когда он спросил тоненьким голоском маленького мальчика, может ли оставить себе шапочку из зеленой шерсти, Сара отдала ему ее.

Сара сложила в пакет сиреневые шерстяные перчатки, такую же шапочку и пару розовых резиновых сапожек. И в самый последний момент, сама не зная почему, добавила еще словарь с картинками. Затем убрала все это в закрывающийся мешок и, когда на улице заклубился туман, пронизанный зимним ветром, ухмыльнулась и швырнула свою посылку через забор. В начале ноября она отправила в туман мешок с апельсинами, черные печенюшки с кремом, какие принято дарить детям на Хэллоуин, тыквы и все, что осталось после детей, ходивших по домам в праздник.

Когда Сара пришла к Ричарду, он лежал в постели в зеленой вязаной шапочке. Она рассказала ему про маленькую девочку, яблоки и перчатки. Он весело смеялся, совсем как в прежние времена, потом раскашлялся, да так сильно, что стал пунцовым. Пришла медсестра и с подозрением посмотрела на стакан с кофе, поэтому Сара допила его.

— Вы хорошая, — сказал ей Ричард, когда она собралась уходить. — И очень похожи на мою сестру.

Через несколько дней Сара проснулась посреди ночи от того, что за окном бушевала непогода, и спустилась на кухню. Порывы ветра налетали на трубу дома, и ветви деревьев стучали по крыше. Сара подумала, что он сорвет оставшиеся листья и ей завтра придется приводить лужайку в порядок. Сквозь завывания ветра она услышала детский голосок, наверное, той самой девочки, открыла заднюю дверь и вышла на крыльцо. У нее над головой метались ветки, и листья дождем сыпались на землю, по улице проплывал густой туман. Сара прошла через лужайку, ухватилась за верхнюю часть забора и, изо всех сил напрягая глаза, принялась всматриваться в темноту.

Она простояла так довольно долго, почти слишком долго, потому что забор начал исчезать под ее руками. Сара сделала шаг назад, когда его полностью окутала дымка, и ей показалось, что свет на крыльце находится в сотне миль отсюда, а между ней и задней дверью шевелятся призрачные пальцы тумана. У себя за спиной она услышала тяжелые шаги и поняла, что это мужчины, а вовсе не ребенок. Тогда Сара двинулась сквозь серую пелену, словно вошла в воду. Когда она добралась до ступеней и начала подниматься, она задыхалась. Шаги мужчин не стихали, Сара обогнула дверь, потянулась рукой внутрь, выключила

свет на заднем крыльце и осталась стоять снаружи, вглядываясь в туман и темные тени.

Они поймали девчушку, один крепко вцепился в ее запястье, а она показывала рукой и что-то говорила. Потом она прикоснулась к своей шапочке и снова что-то сказала. Державший ее мужчина покачал головой, но девочка снова упрямо показала на яблоню на противоположной стороне улицы. И тогда мужчина подошел к ней. Сара наблюдала, как они принялись методично обыскивать дерево, землю под ним и соседний двор. Один с трудом открыл провисшую дверь дома и исчез внутри. Довольно скоро он появился снова и тоже покачал головой. Когда они посмотрели в сторону Сары, ей стало интересно, что они видят. Каким представляется им ее дом в их мире и времени? Покинутое обитателями жилище с выбитыми стеклами, вроде дома на другой стороне улицы? Или сожженный остов, как дом Мейсонов чуть дальше?

И что произойдет, если туман поглотит ее дом?

Парень с рюкзаком Линды, державший в руке бейсбольную биту, повернулся и уставился на заднее крыльцо Сары. Она быстро отступила назад на кухню, клубящийся туман последовал за ней, но она не стала закрывать дверь, чтобы не шуметь. Сара уже знала, что звуки могут путешествовать из ее мира в их. Она подвинула стул к окну и поморщилась, когда его ножки стукнули по полу. Потом, пригнувшись как можно ниже, так, что ее глаза оказались на одном уровне с подоконником, Сара выглянула наружу. В следующее мгновение она протянула руку и выключила свет. Вот так, теперь она видела все гораздо лучше.

Парень с рюкзаком, не сводя глаз с ее окна, перешел улицу, при этом он постукивал битой о раскрытую ладонь. Туман сконцентрировался у нее во дворе, но Сара видела, как парень прошел сквозь ограду, не существовавшую в его мире, и остановился около розовых кустов, которые росли под окном кухни. Он смотрел своими бледно-голубыми глазами куда-то мимо нее, внимательно изучил окно, затем откинул голову назад и крикнул:

— Сара!

Ее имя прозвучало едва слышно, но вполне различимо. Затем парень сделал шаг назад и попытался разглядеть ее в окне. Сара не шевелилась. *Он меня не заметит. Я не в его мире. И пусть он знает мое имя, он меня не видит.*

Парень поднял голову, посмотрел на окна верхнего этажа и раздраженно покачал головой.

— Сара! — снова крикнул он. — Ты дома. И ты меня слышишь. Выходи!

У нее за спиной вопль подхватили его дружки.

— Сара! — орали они в ночи. — Выходи, Сара!

В следующее мгновение остальные подошли и встали по бокам парня с рюкзаком.

Оказывается они знают ее имя. Прежде чем убить Линду, они выпытали у той, как ее зовут. Что еще? Маленькая девочка, которой Сара отправляла подарки, подхватила их крик, и ее тонкий голосок звучал, точно эхо взрослых голосов. Она стояла рядом с крупным мужчиной, державшим ее за руку. Значит, она вовсе не пленница, и он за ней присматривает.

Сара соскользнула со стула и скорчилась на полу, чувствуя, как отчаянно бьется в груди сердце, да так, что она начала задыхаться. По ее щекам покатились слезы, и она забралась под стол, дрожа от страха, что он сначала разобьет битой окно, а потом войдет в открытую дверь. Какая же она дура! Естественно, девочка являлась членом их отряда, и у них есть своя территория, где они собирают добычу, как любая другая группа приматов. Подарки, которые она бросала голодному ребенку, движимая исключительно добротой, привели их к ее дому. Парень, стоявший под окном, не был дураком. Он видел, как ниоткуда появился Серж, и наверняка убил его, чтобы съесть. Он, конечно же, сообразил, что с ее домом связана какая-то загадка. Может быть, Линда им что-нибудь сказала перед тем, как они с ней покончили и забрали ее вещи? Возможно, они преследовали ее, и она привела их сюда, пытаясь вернуться назад, в свой мир.

Слишком много вопросов. Сару отчаянно трясло от ужаса, она сжала зубы, чтобы они не стучали, и постаралась не дышать, чтобы они ее не услышали. Потом она зажмурилась и замерла. И тут скрипнула дверь. Сара не знала, что это — ветер или парень с бейсбольной битой. Она закрыла голову руками.

— Мама, проклятие, что случилось? С тобой все в порядке? Ты упала? Почему ты мне не позвонила?

Алекс, бледный как полотно, стоял на коленях у кухонного стола и не сводил с нее глаз.

— Ты можешь пошевелиться? А говорить? Это удар?

Сара заморгала, пытаясь понять, что происходит. Алекс был в пальто, на плечах еще не растаяли снежинки. Шерстяную шапочку он натянул на уши. А из открытой задней двери внутрь врывались волны холодного воздуха.

— Думаю, я просто уснула, — сказала она, а когда его глаза широко раскрылись от удивления, попыталась исправить ситуацию. — Заснула, когда сидела за столом и читала. Я, наверное, соскользнула сюда во сне.

— Что ты читала? — устало спросил Алекс.

Сара попыталась встать на четвереньки и выползти из-под стола так, чтобы он не заметил, что у нее болит все тело. Ей пришлось ухватиться за сиденье стула, чтобы встать на ноги, а потом на него сесть. На кухонном столе ничего не лежало.

— Вот это да! — воскликнула она и заставила себя улыбнуться. — А ты почему приехал?

— Из-за твоих соседей, — мрачно ответил он. — Мне позвонила Морин. Они с Хью ехали в больницу и очень торопились, поэтому она не могла к тебе зайти, но заметила, что задняя дверь в доме открыта, а свет не горит. Она не видела никаких следов на снегу и забеспокоилась. Ну, я и приехал.

— Как Хью?

— Я не спросил, потому что помчался сюда.

Сара посмотрела на пол, где таял снег, нанесенный ветром. Она спала на полу, с открытой дверью во время снежной бури. Не говоря ни слова, она с трудом прошла мимо сына к кофеварке, потом вымыла ее, отмерила воду, насыпала кофе в фильтр и нажала на кнопку, однако огонек не загорелся.

— Думаю, ты ее сожгла, — так же мрачно заметил Алекс и, протянув руку, вынул вилку из розетки. Не глядя на Сару, он взял кофейник, выбросил кофе и вылил воду в раковину. — Наверное, слишком долго была включена, раз из нее все выкипело.

Он вытащил маленькое мусорное ведерко из-под раковины, но оно оказалось полным. Алекс некоторое время пытался засунуть кофеварку внутрь, но потом просто оставил ее сверху.

Молча наполнив водой две кружки, он поставил их в микроволновку. Сара взяла веник, вымела снег за дверь и вытерла оставшуюся на полу воду. Ей было тяжело наклоняться, у нее все болело, но она боялась издать хотя бы один звук. Алекс приготовил растворимый кофе и тяжело сел за стол. Потом, махнув рукой, показал матери, чтобы села напротив.

— Ты меня знаешь? — спросил он.

Сара изумленно уставилась на него.

— Ты мой сын, Алекс. Тебе сорок два, твой день рождения был в прошлом месяце. У твоей жены двое детей. У меня с головой все в порядке.

Алекс открыл рот, потом захлопнул его.

— Какой сейчас год?

— Две тысячи одиннадцатый. Президента Соединенных Штатов зовут Барак Обама. Он мне не нравится. Может, дашь мне пару монет и спросишь, сколько не хватает до доллара? Потому что я тоже видела в воскресной газете на прошлой неделе дурацкий список вопросов под заголовком: «Как определить болезнь Альцгеймера у кого-то из ваших родителей».

— Это не список вопросов, а простой тест, направленный на проверку мозговой деятельности. Мама, возможно, ты можешь сказать, кто я такой, и разбираешься в монетах, но ты не в состоянии объяснить, почему спала на полу под столом, причем с открытой задней дверью. Или как получилось, что ты не выключила кофейник, который сгорел. — Он быстро огляделся по сторонам. — Где Серж?

Она сказала правду:

— Убежал. Я не видела его уже несколько дней.

После этого между ними воцарилось долгое молчание, Алекс с виноватым видом уставился в пол, а потом сердито сказал:

— Тебе следовало позвонить мне. Я бы сделал это для тебя.

— Я его не усыпляла! Он выскочил со двора и убежал, когда с улицы на него накричал какой-то мужчина. — Сара отвернулась. — Ему всего пять лет, для собаки совсем немного.

— Пару дней назад, вечером, мне позвонил Бобби и сказал, что видел, как ты в полночь шла с покупками из магазина.

— И что с того?

— Объясни, почему ты отправилась за продуктами в двенадцать ночи.

— Потому что у меня закончился шоколад, а я хотела смотреть ночное шоу, которое идет очень поздно, и есть шоколад. Вот я и пошла в магазин... ну и решила, что раз уж я там, можно купить кое-что еще.

Сплошное вранье. Сара не собиралась говорить сыну, что время больше не имеет для нее значения, что оно лишилось своей власти над ней. В этот момент выключилась батарея, и, ус-

лышав щелчок, Сара сообразила, что она работала с тех пор, как она проснулась. Возможно, всю ночь.

Алекс ей не поверил.

— Мама, ты больше не можешь жить одна. Ты совершаешь безумные поступки. Это опасно.

Сара смотрела в свою кружку. Она услышала в его тоне некую окончательность, нечто более страшное, чем незнакомец с бейсбольной битой в руках.

— Я не хочу силой тащить тебя к врачу, чтобы получить заключение, что ты больше не в состоянии сама себя обслуживать. Мы оба должны сохранить достоинство и избежать подобных вещей.

Алекс замолчал и с трудом сглотнул, и Сара поняла, что он едва сдерживает слезы. Она повернула голову и стала смотреть в окно: обычный зимний день, серое небо, мокрые улицы. Алекс хлюпнул носом и прочистил горло.

— Я собираюсь позвонить Сэнди и попросить ее взять несколько дней в счет отпуска, чтобы побыть с тобой. Мы должны решить, что делать дальше. Жаль, что ты не позволила мне заняться этим раньше, несколько месяцев назад. — Он потер подбородок, и Сара услышала шорох щетины, значит, он даже побриться не успел. Выскочил из дома, охваченный паникой, перепуганный звонком Морин. — Мама, мы должны освободить дом и выставить его на продажу. Ты можешь пожить со мной или поехать к Сэнди. До тех пор, пока мы не найдем для тебя подходящее место с хорошим уходом.

Место. Не пока мы найдем для тебя квартиру или дом. Место. Как будто они собираются положить на полку какую-то вещь.

— Нет, — тихо сказала она.

— Да, — возразил Алекс и вздохнул так, словно с воздухом из него выходила жизнь. — Я больше не могу идти у тебя на поводу, мама. Я слишком долго закрывал глаза на происходящее. — Он встал. — Когда я вошел и увидел тебя на полу, я подумал, что ты умерла. И первое, что пришло мне в голову, — это как я стану объяснять Сэнди, что позволил тебе умереть на полу в полном одиночестве. И все потому, что мне не хватило твердости сделать все правильно. — Он снова тяжело вздохнул. — Мне просто необходимо определить тебя в надежное место, чтобы перестать без конца тревожиться.

— Извини, что напугала тебя, — сказала Сара совершенно искренне.

Однако она не стала ему говорить, что не сдастся без боя и не допустит, чтобы он или Сэнди держали ее у себя в гостевой комнате, точно морскую свинку в стеклянном аквариуме, и не позволит им запереть себя в жалкой конуре в доме для престарелых.

После этого она только слушала. Алекс сказал, что он позвонит Сэнди, что приедет завтра или самое позднее в четверг. Он спросил, справится ли она без него. Она ответила, что справится. Тогда он попросил ее не выходить из дома, и она не стала спорить. Он обещал звонить сегодня каждые пару часов днем и вечером перед тем, как она отправится спать. Поэтому она должна держать телефон под рукой, так как, если она не ответит, он сразу же приедет. Сара со всем соглашалась и давала обещания, уверенная, что слово «да» позволит ему успокоиться и уехать.

Потом она спросила:

— А как же Ричард? Завтра четверг, я всегда навещаю его по четвергам.

Алекс на мгновение потерял дар речи, но взял себя в руки и сказал:

— Дядя Ричард не понимает, по каким дням ты его навещаешь. Он даже не узнаёт тебя. Ты вполне могла бы туда не ездить, и он бы ничего не заметил.

— Зато я бы заметила, — сердито заявила она. — Я всегда езжу к нему утром в четверг. И завтра тоже поеду.

Алекс встал.

— Мама, четверг был вчера.

После того как Алекс наконец уехал, Сара заварила себе чай, нашла ибупрофен, села за стол и задумалась о мужчинах, которые стояли ночью на улице, а еще о парне с рюкзаком, подобравшемся к ее окну, и по спине у нее пробежал холодок. Она поняла, что ей грозит опасность и не к кому обратиться за советом, не подвергая себя еще большему риску. Парень с рюкзаком мог легко прикончить ее бейсбольной битой, но семья уготовила ей более страшную судьбу. Смерть от биты одномоментна и окончательна. Но если дети отправят ее в «безопасное» место, она будет просыпаться там день за днем и ночь за ночью. Для женщины, вырвавшейся из цепких пальцев времени,

это будет означать столовскую еду и вечность в спартанской комнате. В полном одиночестве. Ведь очень скоро Алекс решит, что не имеет значения, навещает он ее или нет. Теперь она знала это наверняка.

В течение следующих нескольких дней Сара сразу же отвечала на звонки Алекса, разговаривала с ним бодро и весело, сообщала, что с удовольствием смотрит фильмы по телевизору, названия которых выписала из программки. Дважды она ходила навестить Морин, и оба раза той не оказывалось дома. Сара убрала с ее крыльца скопившиеся газеты, решив, что Хью умирает.

Сара выставила будильники так, чтобы они напоминали ей, когда следует ложиться в постель, и оставалась там, положив голову на подушку и накрывшись одеялом, пока будильник не разрешал ей встать. Она не смотрела в кухонное окно до десяти и после пяти часов вечера. В тот день, когда она краем глаза уловила движение, выглянула в окно и увидела девочку, пробежавшую мимо в связанной ею шапочке цвета желудей, Сара встала, отправилась в спальню и стала смотреть «Шоу Джерри Спрингера».

Ей позвонили и сказали, что у Ричарда пневмония. Она незаметно выбралась из дома, села в автобус и провела с братом все утро. Он ее не узнал. Доктора прикрепили к его носу трубочки с кислородом, и их тихое шипение напоминало звук с каким воздух выходит из сдувающегося воздушного шарика. Стараясь не обращать на это внимания, Сара попыталась завести беседу, не смогла и просто сидела рядом, держа Ричарда за руку. Он не сводил глаз со стены. Ждал.

На следующий день вечером приехала Сэнди. Сара испуганно вздрогнула, когда та вошла в дверь, не постучав, но обрадовалась, увидев дочь. Она приехала из-за гор на машине вместе с подругой, угрюмой женщиной, которая курила в доме и постоянно извинялась, говоря что «забыла». Сэнди заехала в «Сэйфуэй» и купила там китайской еды, и они сели есть за стол на кухне, поставив перед собой картонные контейнеры. Сэнди и ее подруга обсуждали ее развод с Этим Ублюдком и грядущий развод Сэнди с Этим Идиотом. Сара не знала, что ее дочь собирается разводиться, а когда мягко осведомилась о причине, Сэнди быстро сглотнула, как будто подавилась, заявила, что это трудно объяснить, и выскочила из комнаты. Подруга бросилась

вслед за ней. Сара, погрузившись в оцепенение, наводила на кухне порядок и ждала, когда они вернутся. Но они так и не появились, и она отправилась спать.

Это был первый день. На следующее утро Сэнди и ее подруга начали освобождать от вещей пустые спальни, в которых жили Алекс и Сэнди, когда были детьми. Сара испытала смесь облегчения и сожалений, глядя, как они наконец опустошают шкафы и ящики, вынимая из них «драгоценные» реликвии детства, которые Сара и Расс собирались выбросить много лет. «Облегчение багажа», так назвала свои действия Сэнди, складывая в черные мешки для мусора старую одежду, спортивную форму, книги по школьной программе, древние журналы и папки. Они сносили распухшие мешки вниз и составляли их на заднем крыльце. «Пришло время простоты!» — весело повторяла подруга Сэнди всякий раз, когда тащила очередную порцию воспоминаний.

Они поели бутерброды на ланч, потом привезли на обед пиццу и пиво. И снова занялись делом. Смех подруги Сэнди напоминал Саре блеяние ослицы, и она вышла на окутанный сумерками задний двор, чтобы спастись от сигаретного дыма. Вечер выдался дождливым, но она стояла под буком, и на нее почти ничего не попадало. Сара посмотрела на противоположную сторону улицы, но она была пустой. И никакого тумана. Тихий район с ухоженными лужайками и домами и такими чистыми машинами, что они блестели. Наружу вышла Сэнди с очередным мешком, и Сара грустно улыбнулась дочери.

— Думаю, нужно хорошенько их завязать. Дождь испортит одежду.

— Помойке все равно, мама.

— Помойке? Вы не собираетесь отвезти их в Армию спасения или еще куда-нибудь?

Сэнди с мученическим видом вздохнула:

— Магазины подержанных вещей стали ужасно разборчивыми, большую часть они не возьмут, а у меня нет времени в этом копаться. Если я отвезу туда все мешки, они забракуют половину, и все равно придется их выбросить. Так что, я сэкономлю время и бензин, и отправлю все в помойку сразу.

Сара открыла рот, чтобы возразить, но Сэнди уже отвернулась и пошла за новой порцией. Сара покачала головой и решила, что завтра сама все разберет, а потом позвонит в какую-

нибудь благотворительную организацию, чтобы они приехали и забрали вещи. Она просто не могла допустить, чтобы столько хорошей одежды и книг отправилось в помойку. Когда подруга Сэнди поставила на крыльцо очередной мешок, шов разошелся, и Сара узнала вывалившуюся оттуда рубашку. Следом появилась Сэнди, тоже с мешком.

— Подожди-ка! Это же папина рубашка, одна из парадных, «Пендлтон». Разве она лежала в твоей комнате? — Саре даже понравилась мысль о том, что рубашка, которую Сэнди «одолжила» много лет назад, так и осталась у нее в комнате. Но когда она подошла, улыбаясь, к мешку, то увидела еще одну знакомую вещь. — Что это? — спросила она и вытащила рукав другой рубашки Расса.

— Ну, мама. — Сэнди попалась, но не чувствовала ни малейшего раскаяния. — Мы перешли к папиному шкафу. Там же мужская одежда, она тебе не нужна. Значит, ее нужно убрать.

— У б р а т ь ? Это в каком же смысле?

Сэнди снова вздохнула, бросила мешок, который держала в руках, и принялась осторожно объяснять:

— Дом следует освободить, чтобы показать его риелтору. Поверь мне, в мешках нет ничего такого, что ты могла бы взять с собой. — Она покачала головой, увидев потрясение на лице матери, и добавила уже мягче: — Успокойся, мама. Нет смысла цепляться за одежду. Это же не папа, а всего лишь его старое дерьмо.

Если бы она употребила другое слово, Сара испытала бы печаль, а не ярость. Любое другое слово, и, возможно, она ответила бы иначе, более разумно и спокойно. Но «дерьмо»?

— Дерьмо? Его д е р ь м о ? Нет, Сэнди, не «дерьмо», это одежда человека, которого я любила. Можешь делать что пожелаешь со с в о и м и старыми вещами. Но это м о е , и я не собираюсь ничего выбрасывать. Когда придет время с ними расстаться, я пойму. И тогда они отправятся туда, где от них будет польза, а не в помойку.

Сэнди зажмурилась и тряхнула головой.

— Откладывать больше нельзя, мама. Понимаешь, я именно ради этого приехала. У меня есть только выходные, чтобы убрать из дома вещи. Я знаю, тебе тяжело, но ты должна позволить нам навести порядок. Мы не можем позволить тебе капризничать, у нас нет времени.

Сара поняла, что задыхается. Разве она на это согласилась? Когда приезжал Алекс, он все время что-то говорил и настаивал, а она повторяла «да, да, да», но она не соглашалась на то, чтобы они разрушили ее жизнь. Нет. Не так быстро и не таким образом!

— Нет, Сэнди, — сказала она твердо, как будто ее дочь все еще была подростком. — Ты отнесешь все мои вещи обратно наверх. Ты меня слышала? И немедленно прекратите это безобразие!

Подруга Сэнди заговорила, понизив голос:

— Брат тебя предупреждал. Видишь, ты ее расстроила. — Она бросила окурок, растоптала его и оставила валяться на крыльце. — Может, тебе стоит позвонить брату. Такое впечатление, что она не понимает, что происходит.

Сара резко развернулась лицом к подруге дочери.

— Я здесь стою! — выкрикнула она. — А ты немедленно убирайся из моего дома вместе со своими вонючими сигаретами. Я прекрасно понимаю, что происходит, и я в ярости! Сэнди, тебе должно быть стыдно копаться в чужих вещах. Мы тебя этому не учили. Что с тобой случилось?

Лицо Сэнди сделалось белым как полотно, потом пунцовым. Его исказил гнев, но тут же на смену ему пришло достоинство.

— Мама, мне тяжело видеть тебя в таком состоянии. Не буду врать, не вызывает сомнений, что у тебя начались проблемы с головой. Алекс мне все рассказал. А еще, что он с тобой разговаривал, вы вместе посмотрели рекламные буклеты и выбрали несколько мест, которые тебе могут понравиться. Разве ты ничего не помнишь?

— Да, мы разговаривали. Но не более того. Мы ничего не решили! Ничего.

Сэнди печально покачала головой:

— Алекс говорит совсем другое. Он сказал мне, что ты согласилась, но он старался тебя не торопить. Однако после последнего случая мы поняли, что должны действовать без промедления. Ты помнишь, в каком состоянии он тебя нашел? Ты лежала, скорчившись под столом, а задняя дверь в дом была открыта, и это в жуткий снегопад.

Подруга Сэнди молча качала головой, не скрывая своего сочувствия. Сара пришла в ужас. Алекс все рассказал Сэнди, а та поделилась со своими друзьями.

— Это не твое дело, — напряженным голосом заявила она.

Сэнди вскинула руки вверх и закатила глаза.

— Правда, мама? Ты так считаешь? Ты думаешь, мы можем просто отойти в сторонку, сказав: «Это меня не касается»? Мы не можем. Потому что любим тебя и хотим сделать все правильно. Алекс разговаривал с представителями нескольких чудесных заведений для пожилых людей, где они обеспечиваются самыми разнообразными удобствами. Он все продумал. Если используем твою страховку и папину пенсию, мы с Алексом скорее всего сумеем добавить необходимую сумму, и ты сможешь перебраться в хорошее учреждение. А когда мы продадим дом...

— Нет, — ровным голосом заявила Сара, которая в ужасе смотрела на Сэнди и не понимала, кого видит перед собой. Кто эта женщина? Почему она решила, что может вот так спокойно войти к ней в дом и принимать решения касательно ее жизни? — Убирайся, — сказала она.

Сэнди посмотрела на подругу, которая не сдвинулась с места, а только, слегка приоткрыв рот, молча наблюдала за ними.

— Тебе лучше уйти, Хейди, пока, — проговорила она извиняющимся тоном. — А я постараюсь успокоить маму. Возьми машину и...

— Ты, Сэнди. Я обращаюсь к тебе. Убирайся из моего дома.

Лицо Сэнди окаменело от потрясения. Первыми ожили ее глаза, на мгновение она снова стала одиннадцатилетней девочкой, и Сара отчаянно пожалела о том, что сказала. И тут заговорила подруга Сэнди, которая с важным видом заявила:

— Я тебе говорила, чтобы ты позвонила брату.

Сэнди с трудом выдохнула.

— И была права. Нам давно следовало оформить опекунство и увезти ее отсюда. Ты была права, — повторила она.

Сара почувствовала, как внутри у нее все похолодело.

— А ты попробуй, мисси. Давай попробуй!

По щекам Сэнди потекли слезы, ее подруга бросилась к ней и обняла, как будто пыталась защитить.

— Пойдем, Сэнди. Выпьем кофе и позвоним твоему брату.

Даже после того как за ними захлопнулась дверь и Сара быстро закрыла ее на замок, она не могла успокоиться, нерв-

но ходила взад и вперед по кухне, и руки отчаянно дрожали, когда она ставила чайник на плиту. Потом она поднялась наверх и окинула взглядом беспорядок, который они устроили.

В комнатах, где раньше жили дети, стояли коробки, заклеенные скотчем и подписанные их именами. Напротив, в спальне, которую Сара прежде делила с Рассом, она обнаружила еще коробки и частично заполненные мешки для мусора. С замиранием сердца она узнала свою старую походную куртку, торчавшую из одного мешка. Сара медленно вытащила ее и принялась вертеть в руках — вполне приличная куртка, в хорошем состоянии. Сара надела ее и застегнула молнию. Оказалось, что она немного жмет в талии, но в остальном сидела отлично. Ее куртка, а не их. Сара медленно переводила взгляд с мешков на аккуратно сложенные картонные коробки «ФедЭкс», подписанные «Сэнди» или «Алекс». И среди них Сара увидела одну с именем подруги Сэнди — Хейди. Она оторвала клейкую ленту и вывалила содержимое на кровать: лыжная парка Расса, два надежных кожаных ремня, его же. Любимая курительная трубка Расса. Серебряная зажигалка «Зиппо». Табакерка. Сара взяла маленькую деревянную коробочку и, поднеся к лицу, уловила запах табака Расса. По щекам у нее потекли слезы, но уже в следующее мгновение им на смену пришел гнев. Она принялась вытряхивать содержимое коробок и мешков на пол.

В коробке Алекса она обнаружила футляр с охотничьим ножом Расса, сохранившийся с тех времен, когда он ходил на охоту, несколько пар шерстяных носок, новых, с этикетками. В одной из коробок Сэнди Сара нашла маленький пистолет 22-го калибра, патроны и 35-миллиметровую камеру Расса в футляре, вместе с запасными объективами и маленьким штативом. И калькулятор фирмы «Тексас инструментс», его самый первый и жутко дорогой. Сара подарила его мужу на Рождество. Еще пара галстуков и часы «Таймекс». Она села на пол, держа их в руке, поднесла к уху, потрясла и прислушалась. Тишина. Часы молчали так же, как и его сердце. Сара медленно поднялась на ноги, оглядела разгромленную комнату и вышла из нее, осторожно прикрыв за собой дверь. Она решила навести порядок позже и снова разложить все по своим местам.

Но, спускаясь по лестнице, поняла, что не станет этого делать. Какой смысл хранить вещи умершего человека? По крайней мере тут Сэнди была права.

Чайник громко свистел, и, сняв его с плиты, Сара обнаружила, что почти вся вода выкипела. В этот момент зазвонил телефон. Саре отчаянно не хотелось брать трубку, но определитель номера сообщил, что это Алекс. Сара быстро заговорила, не давая ему открыть рот:

— Они разгромили весь дом. Сложили папины вещи в мешки, чтобы снести на помойку. Если ты так собираешься мне помочь, так «защитить» от проблем и, не знаю уж, от каких опасностей, тогда лучше я... — Неожиданно Сара поняла, что ей нечего сказать, и повесила трубку.

Телефон снова заверещал, но Сара не стала отвечать, только считала звонки, пока не включился автоответчик. Она слушала записанное на пленку сообщение Расса и ждала гневной тирады Алекса. Но вместо этого мягкий чужой голос, сказал извиняющимся тоном, что они не хотели бы оставлять подобное сообщение на автоответчике, однако безрезультатно пытались дозвониться до нее целый день. Утром умер Ричард. Администрация больницы связалась с похоронным бюро, которое значилось в его карточке ветерана, награжденного «Пурпурным крестом», и работники бюро забрали тело. Его личные вещи она может получить в регистратуре. Затем ей принесли самые искренние соболезнования.

Сара стояла, оцепенев, не в силах даже подойти к телефону. После этого звонка дом наполнила странная тишина, и когда телефон снова ожил, она сняла трубку с крючка, открыла заднюю панель и вытащила батарейки. Аппарат на стене продолжал звонить, и тогда Сара сорвала его и вытащила шнур из розетки. В дом вернулась тишина, которая наполнила ее совсем другим звоном. Что же делать, что делать? Кто-то из ее детей или даже оба сейчас наверняка едут сюда. Ричард умер. Его тело забрали, все вещи лежат запечатанные в коробке. У нее не осталось союзников, никого, кто помнил бы, кем она была. Люди, любившие ее больше всего на свете, представляли для нее самую серьезную опасность. Они скоро приедут. Значит, у нее почти не осталось времени. Или очень мало.

Сара заварила черный чай и вышла во двор. Дождь прекратился, ночь была холодной, и Сара обрадовалась, что надела

куртку. Она стояла и смотрела, как появляется туман; он окутал ветви деревьев, потом спустился ниже, смешавшись с серой дымкой, поднимавшейся над заполненными водой канавами. Они встретились на полпути, слились в единое целое, и фонарь в конце улицы неожиданно погас. А вместе с ним стих и шум проезжавших по улице машин. Сара пила чай и ждала, когда за пологом тумана возникнет другой мир.

Он очень медленно обретал очертания. Окна, в которых горел свет, потемнели, когда пальцы тумана потянулись вдоль улицы в сторону Сары. Силуэты домов на противоположной стороне слегка сдвинулись, крыши провисли, полуразвалившиеся трубы напоминали сейчас побеги, торчащие из старых деревьев с потрескавшимися стволами. Туман превратился в громадную серую гору, которая неуклонно приближалась к Саре. Она ждала, неожиданно приняв решение.

Когда туман добрался до забора, она взяла мешок, набитый вещами из прошлого, дважды размахнулась и бросила его на другую сторону. Он скрылся в густой дымке и тут же появился на засыпанной мусором улице. Вслед за ним Сара отправила второй мешок, потом третий. Приготовившись бросить четвертый, она почувствовала, что у нее кружится голова от их вращения, но они были слишком тяжелыми, чтобы переправить их каким-то еще способом. Сара заставила себя продолжать и бросала мешки, пока на лужайке ничего не осталось. Так лучше, чем в помойку, сказала она себе. Лучше, чем закопать в землю.

Задыхаясь, чувствуя, как отчаянно кружится голова, Сара, спотыкаясь, поднялась по ступенькам на крыльцо и отправилась в свою спальню. Там она раздвинула шторы и выглянула наружу. Туман уже пробрался во двор и окутывал ее дом, точно волны, ударяющие о причал. Отлично. Сара открыла окно и стала бросать в серую пелену мешок за мешком, коробку за коробкой. Когда Сэнди и Алекс приедут, они не найдут здесь ничего, что напоминало бы о ней. Им будет нечего выбросить или забрать с собой. Вскоре на полу остались только пистолет и коробка с патронами.

Сара подняла пистолет и почувствовала, как черный металл холодит руку. Она вытащила пустую обойму, села на кровать, открыла пластмассовую коробку с патронами и аккуратно зарядила пистолет. Обойма встала на место с громким щелчком, как будто кто-то хлопнул дверью.

Нет. Кто-то действительно закрыл входную дверь.

Сара засунула коробку с патронами в карман куртки, держа пистолет, как учил ее Расс, дулом вниз, и начала спускаться по лестнице. Они находились в гостиной. Сара слышала голос Алекса, который что-то раздраженно спросил. Сэнди принялась оправдываться, но тут вмешалась ее подруга:

— Знаешь что, тебя здесь не было. Сэнди старалась изо всех сил.

Сара быстро вышла в коридор и оттуда на кухню. Сердце так громко стучало у нее в груди, что она почти не слышала голосов своих детей, но знала, что они сейчас придут за ней. Она открыла заднюю дверь и шагнула на крыльцо.

Туман уже окутывал нижние ступеньки. На улице громче, чем прежде, звучали голоса парня с рюкзаком и его банды. Они нашли вещи, которые Сара туда забросила.

— Сапоги! — с восторгом крикнул какой-то мужчина.

Двое других ссорились из-за старого пальто Расса. Парень с рюкзаком уверенно направился к ним, наверное, чтобы забрать добычу себе. Один из них тут же бросился бежать, крикнув что-то вроде «другие».

— Мама? — позвал ее из дома Алекс.

— Мама? — Сара услышала легкие шаги Сэнди на кухне. — Где ты? Пожалуйста, покажись. Мы не сердимся. Нам просто нужно с тобой поговорить.

Туман поднялся еще на одну ступеньку, и свет на крыльце начал тускнеть.

Сара почти не сомневалась, что парень с рюкзаком убьет ее. А дети запрут в каком-нибудь ужасном заведении.

Она сжала в руке маленький холодный пистолет.

И шагнула на первую бетонную ступеньку. Несколько дней назад Сара ее подмела, но сейчас она была скользкой от мха.

— Мама? Мамочка?

— Алекс, нужно вызвать полицию. — В голосе Сэнди прозвучали истерические нотки. — Телефон сорван со стены.

— Давай не будем... — Он что-то сказал, Сара не поняла что, голос сына звучал приглушенно, точно плохой радиосигнал.

Теперь их слова, наполненные беспокойством, напоминали далекий шум помех.

Сара осторожно вышла в сад. Земля была неровной, и она с трудом пробиралась между разросшимися высокими сорня-

ками. Бук стоял на своем месте, и Сара спряталась в его тени. На улице она различала силуэты мужчин, которые, не обращая ни на что внимания, рылись в коробках и мешках. Они разговаривали тихими, возбужденными голосами, разглядывая свои находки. К ним присоединились другие люди. Издалека донесся какой-то диковинный скрип, похожий на крик неизвестной птицы. Сара ухватилась руками за ствол и, наблюдая за ними, попыталась еще дальше отступить в тень. Кое-кто из вновь пришедших, наверное, были женщинами в бесформенной одежде. Еще Сара увидела ту самую девочку и совсем маленького ребенка. Они копались в коробке с книжками в мягком переплете, пытаясь прочитать названия в лунном свете.

Двое мужчин подошли к одному и тому же мешку с одеждой, один схватил рубашку, торчавшую из дыры, и вытащил ее наружу, но другой уже вцепился в рукав. Сара услышала сердитое восклицание, один из мужчин с силой дернул на себя, а другой тут же набросился на него. Завязалась драка, один из мужчин с хриплым криком упал, и к ним бросился парень с рюкзаком, который размахивал на бегу битой.

Сара вжалась в ствол и попыталась оценить расстояние до задней двери. Окна в доме еще светились, но стали сероголубыми, точно гаснущий фонарь Коулмана, а ее дети в комнате превратились в едва различимые тени. Было еще не поздно, Сара могла вернуться назад. Подруга Сэнди Хейди закурила, Сара увидела, как загорелась спичка, потом огонек сигареты, когда она затянулась и помахала рукой, пытаясь их успокоить.

Сара отвернулась от окна и глубоко вздохнула. Воздух был сырым и холодным, наполненным запахами людей и гниения. Парень с рюкзаком стоял между драчунами, держа над головой рубашку, а другой рукой сжимая биту.

— Папа! — крикнула девочка и бросилась к ним.

Один из мужчин лежал на земле, другой стоял, сгорбившись, но продолжая цепляться за рукав рубашки. На лице у него застыло сердитое выражение. Девочка подбежала к нему и крепко обняла.

— Отдайте! — приказал обоим парень с рюкзаком.

Банда замолкла, все ждали, какое решение примет вожак. Далекое поскрипывание стало громче, и парень с рюкзаком угрожающе поднял биту.

Сара сжала пистолет обеими руками, вышла из тени дерева и сняла предохранитель, удивившись тому, что не забыла, как это делается. Она так и не научилась хорошо стрелять, но грудь представляла собой крупную мишень, а она не могла себе позволить сделать предупредительный выстрел.

— Эй, ты! — крикнула Сара, пробираясь сквозь стелющийся туман в другой мир. — Бросай биту, или я выстрелю. Что ты сделал с Линдой? Ты ее убил? Где она?

Парень с рюкзаком резко обернулся на ее голос и поднял биту над головой. Главное не думать. Сара наставила пистолет и выстрелила, охваченная ужасом и решимостью одновременно. Пуля задела биту и ушла в сторону, с громким звуком врезавшись в стену дома Мэрфи. Парень уронил биту и прижал к груди руку.

— Где Линда? — выкрикнула, обращаясь к нему, Сара и начала наступать, сжимая пистолет обеими руками и направив его в грудь вожака мародеров.

Остальные бандиты побросали добычу и отступили подальше.

— Да здесь я, черт тебя подери, Сара, успокойся! Однако же ты не спешила. Зато догадалась прихватить с собой побольше моего! — Линда громко расхохоталась. — Там есть хорошие носки?

Сара поняла, что скрипит садовая тележка, украшенная елочной гирляндой, которая окружала ее призрачным сиянием. Линда катила ее перед собой, и Сара разглядела внутри две канистры, прозрачный шланг и сумку с инструментами, добытую из пикапа. За ней в торжественной процессии следовали еще три тележки, такие же старые и так же освещенные. Сара пыталась осознать происходящее и вдруг услышала стук когтей по асфальту. А в следующее мгновение к ней бросился Серж. Сильно похудевший, но невероятно счастливый, он вертелся на месте и вилял хвостом от восторга. Они не умерли, и, значит, она больше не одна. Сара наклонилась и обняла пса, позволив ему слизать слезы с ее щек.

Линда дала ей время прийти в себя, приняв на себя командование бандой.

— Бенни, иди сюда и возьми вот это. Нажми на рычаг пятьдесят раз, и оно загорится. Гектор, ты знаешь, как откачать газ.

Проверь пикап. Нам нужно все, что удастся добыть, чтобы генератор продолжал работать. Кэрол, открой капот и вытащи батареи.

К Линде подошли несколько человек, которые забрали канистры и шланг. Парень с рюкзаком поклонился и взял у нее фонарь. Когда он отвернулся, Линда улыбнулась Саре.

— Они славные ребятки. Немного необразованные, но быстро учатся. Видела бы ты их лица, когда я в первый раз запустила генератор. Я знаю, где искать такие штуки. Мы нашли его в подвале больницы на Тридцатой улице.

Сара, потеряв дар речи, разглядывала Линду. Подобно Сержу, она похудела и обрела волю к жизни. Линда, хромая в рваных остатках домашних тапок, подошла к Саре и расхохоталась, когда увидела, что та уставилась на ее ноги.

— Да, знаю. Безумная старуха. Обо всем подумала: елочная гирлянда, фонарь, аспирин, кусковой сахар и всяко-разно... и ушла из дома в тапках. Робби не ошибался, крыша у меня определенно была не на месте. Но здесь это не имеет значения. Здесь все такие.

— Походные ботинки Расса лежат в одном из мешков, — словно со стороны услышала себя Сара.

— Проклятие, ты обо всем подумала. Одежда для холодной погоды, книги... и даже пистолет! Я и представить не могла, что ты на такое способна. Еду взяла?

Сара молча покачала головой. Линда посмотрела на пистолет, который она продолжала держать дулом вниз, и с понимающим видом кивнула:

— Ты не собиралась тут надолго задерживаться, так ведь?

— Я могу вернуться и принести еды, — сказала Сара, но когда она оглянулась на свой дом, последние огни прошлого погасли.

Ее дом превратился в развалины с разбитыми окнами и полуразвалившейся трубой. Упавшее крыльцо заросло виноградом.

— Ты не можешь вернуться, — подтвердила Линда, покачала головой и добавила: — Лично я и не хочу. — Она оглянулась на свою банду. — Пити, возьми биту. Напомни парням, что мы все заберем в клинику и там разделим. Не стоит это делать на улице, да еще в темноте. Постарайтесь не порвать мешки

и коробки. Сложите назад все, что вытащили, и будем возвращаться.

— Да, Линда. — Парень с рюкзаком снова поклонился.

Все остальные бросились выполнять ее приказ. Девочка стояла и смотрела на Сару и Линду, сцепив руки в перчатках. Линда погрозила ей костлявым пальцем.

— Займись делом, мисс. — Затем она знаком показала, чтобы Сара подошла ближе. — Как думаешь, Морин скоро будет готова? — спросила она.

ЛОРЕНС БЛОК

Это чиллер* об опасной женщине с грязными планами на уме и отвратительными намерениями, которой, возможно, стоило чуть серьезнее обо всем подумать...

Автор бестселлеров списка «Нью-Йорк таймс» Лоренс Блок — один из королей современного детектива, Гроссмейстер детективных авторов Америки, обладатель четырех премий Эдгар**, шести премий Шеймас***, премии Ниро****, премии Филипа Марлоу*****, премии за достижения всей творческой жизни Ассоциации авторов, пишущих о частных детективах, и Бриллиантового Стилета Картье от Ассоциации авторов криминальной литературы. Он написал более пятидесяти романов****** и множество рассказов. Пожалуй, более всего Блок известен благодаря своей многолетней серии о бывшем копе, частном детективе и алкоголике Мэттью Скаддере, герое таких романов, как «The Sins of the Father», «In the Midst of Death», «A Stab in the Dark» и пятнадцати других. Но он также автор серии бестселлеров из четырех книг о наемном убийце Келлере, включающей «Hit Man», «Hit List», «Hit Parade» и «Hit and Run»; серии из восьми книг о катающемся по всему белу свету и страдающем бессонницей Ивэне Тэннере, включающей такие названия, как «The Thief Who Couldn't Stop» и «The Cancelled Czech»; и серии из одиннадцати книг о взломщике и торговце антикварной литературой Берни Роденбарре, включающей «Burglars Can't Be Choosers», «The Burglar in the Closet» and «The Burglar Who Liked to

---

© Lawrence Block, 2013; © пер., примеч. В. Вершовского, 2014.

* Один из поджанров триллера, в котором отсутствует мистический элемент, а главный источник страха — персонажи чиллера (серийные убийцы, маньяки и т. п.).

** Премия названа в честь Эдгара По.

*** На жаргоне это слово означает частного детектива.

**** Премия названа в честь Ниро Вульфа, героя детективных романов Рекса Стаута.

***** Марлоу — герой романов Рэймонда Чендлера.

****** Здесь авторы антологии ошиблись: на счету Блока более сотни романов, часть из них под разными псевдонимами.

Quote Kipling». Кроме этого, он писал и внесерийные романы, такие как «Small Town», «Death Pulls a Double Cross» и еще шестнадцать других, а также романы под псевдонимами Чип Харрисон, Джилл Эмерсон и Пол Кавана. Множество его рассказов выходили в таких сборниках, как «Sometimes They Bite, «Like a Lamb to the Slaughter», «Some Days You Get the Bear», «By the Dawn's Early Light», «One Night Stands», «The Collected Mystery Stories», «Death Wish and Other Stories», «Enough Rope: Collected Stories» и «One Night Stands and Lost Weekends». Он был редактором тринадцати антологий детективных рассказов, включающих «Murder on the Run», «Blood on Their Hands», «Speaking of Wrath» и — с Отто Пензлером — «Лучшие американские детективные рассказы 2001 года». Блок — автор семи произведений о том, как писать книги и нон-фикшн*, таких как «Telling Lies for Fun and Profit». В числе его последних работ новый роман с Мэттом Скаддером «Капля крепкого», новый роман с Берни Роденбарром «Like a Thief in the Night» и — под псевдонимом Джилл Эмерсон — роман «Getting Off». Живет он в Нью-Йорке.

Я ЗНАЮ, КАК ИХ ВЫБИРАТЬ

Уж я-то знаю, как их выбирать.

Не уверен, правда, что могу записать эту на свой счет, потому что будет сложно доказать, что именно я ее выбрал. Она вошла в загородную забегаловку у шоссе, сценарий уже полностью сложился в ее голове, и все, что оставалось, — это найти исполнителя главной роли.

В смысле — главной мужской роли. Если речь о самой главной роли, она, конечно, принадлежала ей. И спору нет. Такие женщины всегда центральные звезды своих постановок.

В забегаловке был джукбокс**, это уж само собой. И громкий к тому же. Было бы мило, если бы я мог вспомнить, что игралось на нем в тот момент, когда она переступила порог, но я ни на что не обращал особого внимания — ни на музыку, ни на то, кто там вошел в дверь. Передо мной стояло пиво — какая неожиданность, — и я смотрел в него так, словно оно вот-вот откроет мне какой-то секрет.

---

* Нон-фикшн — нехудожественная (не придуманная) литература. Существует множество жанров и поджанров нон-фикшн.

** Музыкальный автомат. Бросается монетка, выбирается мелодия.

Ну да, как же. Все, что любое пиво когда-либо говорило мне, было: «Выпей меня до дна, коняжка. Я могу сделать все вокруг лучше, и, конечно, хуже я сделать не могу».

Джукбокс был заряжен музыкой кантри, о чем можно было догадаться, посмотрев на паркинг, где пикапы численно превосходили «харлеи» в соотношении четыре или пять к одному. Так что даже если я не могу сказать, что игралось, когда она вошла, то могу точно сказать вам, что в тот момент **не** игралось. «Я не могу оторвать от тебя глаз»*.

Так вот, эта песня из джукбокса не звучала. А стоило бы.

Она была красавица. Лицо с высокими скулами и четкими чертами. Любая девушка, которую можно назвать просто хорошенькой, рядом с ней казалась бы полинявшей. Сама она хорошенькой не была, а мимолетный первый взгляд мог привести вас к мысли, что и привлекательности-то в ней нет, но вы продолжали смотреть, и эта первая мысль улетала так далеко, что вы забывали о ней вообще. У моделей бывает такой тип лица. И у киноактрис, тех, что получают хорошие роли и в сорок, и в пятьдесят, в то время как хорошенькие начинают выглядеть как мамаши-наседки и тетки-сплетницы, живущие по соседству с вами.

И она смотрела только на меня. Огромными, широко расставленными глазами, темно-карими, и я готов поклясться, что почувствовал ее взгляд на себе еще прежде, чем осознал ее присутствие. Я поднял глаза, увидел, что она смотрит на меня, а увидев, что я смотрю на нее, своего взгляда не отвела.

Думаю, тут-то я и пропал.

Она была блондинкой, волосы подстрижены в рамочку, что подчеркивало красоту ее лица. Высокая, метр семьдесят два — метр семьдесят пять. Стройная, но фигуристая. В шелковой блузке с вызывающим геометрическим узором. Блузка была застегнута слишком высоко, чтобы видеть ложбинку между грудями, но когда она двигалась, ткань прилегала настолько плотно, что ты мог догадываться о том, чего не видишь.

Джинсы облегали ее тело так, что ты начинал понимать, почему люди платят бешеные деньги за модельную одежду.

---

* I Only Have Eyes for You — «Я не могу оторвать от тебя глаз», романтический хит 1930-х, снова попавший в хит-парады в 1970-е в исполнении Арта Гарфанкела.

Народу в забегаловке было немного, еще рановато для толпы, но между нею и мной сидели несколько посетителей. Она проплыла между ними, и они куда-то растворились.

Барменша, пожилая женщина с суровым лицом и змеиными татуировками на руках, подошла, чтобы принять заказ.

Блондинка задумалась.

— Не знаю, — сказала она мне. — Что мне заказать?

— Все, что вам хочется.

Она положила ладонь мне на руку. Я был в рубашке с длинными рукавами, так что ее кожа и моя не соприкоснулись, но казалось, могли бы.

— Выберите выпивку для меня, — сказала она.

Я посмотрел на ее ладонь, лежавшую на моем предплечье. Ногти были средней длины, а лак — яркого цвета артериальной крови.

Выбрать для нее выпивку? Те, что тут же приходили на ум, были слишком изысканными для этого шалмана. Заказать ей пиво было бы оскорблением. Нужен был коктейль, но такой, который леди со змеями умела бы приготовить.

Я сказал:

— Дама будет «маргариту Куэрво». — Ее ладонь по-прежнему лежала на моей правой руке, поэтому вместо того, чтобы убрать ее, я левой рукой ткнул в свою сдачу, лежавшую на стойке бара, давая понять, что за «маргариту» плачу я.

— И вам то же самое? Или еще кружку «Синей ленты»? *

Я мотнул головой.

— Можете дать мне двойной «Джоуи Си» **, за компанию к «маргарите».

— Спасибо, — сказала моя блондинка, когда барменша отправилась за заказом. — «Маргарита» — прекрасный выбор.

Появилась выпивка: ее в стакане с покрытым солью краем и мой двойной «Куэрво» в стаканчике для двойной порции. Она отпустила мою руку и взяла свой коктейль, подняв стакан в безмолвном тосте. Я оставил «Куэрво» на месте и ответил на тост, подняв свой бокал пива.

Она не пила свой коктейль как моряк, залпом, но и не клевала его как цыпленок. Отпила глоток и поставила стакан на стойку бара, положив ладонь мне на руку.

---

* Популярное американское пиво.

** «Джоуи Куэрво» — разновидность текилы.

Приятно.

Обручального кольца нет. Я заметил это сразу, и мне не понадобилось второго взгляда, чтобы понять что раньше оно было на пальце, и сняла она его совсем недавно — это показывала и полоска незагоревшей кожи, где было кольцо, и вдавленный след, который оно оставило на плоти. О, этот палец говорил о многом. О том, что она замужем и что она специально сняла кольцо, прежде чем войти в бар.

Эй, я уже говорил, что знаю, как их выбирать?

Но разве я не сказал и того, что она сама выбрала меня?

И выбрала эту замызганную придорожную забегаловку по той же причине. Если она искала мужчину моего типа, искать нужно было именно в таком месте.

Мой тип: ну, крупный. Сложен как центровой футболист или, может, как третий от центра. Метр девяносто три, широк в плечах, узок в талии. Мускулов больше, чем необходимо человеку, разве что он пытается поднять машину и вытащить ее из колеи.

Но у меня нет привычки это делать. Я не слишком-то умею и себя, бедолагу, вытаскивать из канав, не говоря уже об автомобилях.

Гладко выбрит — если бреюсь вообще. Собирался побриться на следующий день, когда она вошла и положила мне ладонь на руку. Ни бороды, ни усов не ношу. Волосы темные и прямые, лысеть пока не начал. Но мне еще сорока не стукнуло, и кто сказал, что я не облысею позже?

Мой тип: крупный уличный увалень, больше мускулов, чем мозгов, научен улицей, а не книгами. Человек, который не заметит, что у тебя было обручальное кольцо несколько минут назад.

А если и заметит, ему плевать.

— Не хотите потанцевать, милая леди?

Я заметил его боковым зрением еще раньше: ковбойский тип, может, на дюйм-два выше меня, но весит меньше. Долговязый и сухопарый, сложен как раз чтобы играть пасующего на моем краю.

Нет, сам я в футбол никогда не играл. Смотрю иногда, если показывают по ТВ в той забегаловке, где я в этот момент нахожусь. Никогда не любил спорт, даже мальчишкой. Размер был, скорость тоже, но мне надоело слушать, что мне надо играть за эту команду, а теперь за ту.

Ведь это лишь игра. А зачем тратить время на игру?

И тут, значит, этот подающий, подъехавший к женщине, которая дала понять, что она будет моей. Она еще крепче вцепилась в мою руку, и я думаю, мои мышцы ей понравились. Два жеребца выходят на стоянку за шалманом, принимают стойку, а потом делают все, что в их силах, чтобы убить друг друга. И она стоит там, наблюдая, кровь поет в ее венах, пока драка не кончена, и тогда она уходит с победителем.

Не было сомнений, что он был готов поиграть. Он мерил меня взглядом полчаса назад, когда она еще не нарисовалась. Есть тип мужчин, которые любят это занятие: проверить зал, высмотреть того, кто не против подраться, и прикинуть, как он будет драться. Случалось, что и я проделывал то же: примерялся к потенциальному противнику, продумывал, на какие ходы и удары он способен, прикидывал, что может сработать против него.

Или же я мог уйти от всего этого. Повернуться к ним обоим спиной, выйти из бара и пройтись вдоль дороги. Не так уж трудно найти место, где тебе подадут стопку «Куэрво» и пиво вдогонку.

За исключением того, хочу добавить, что я никогда не ухожу от таких ситуаций. Просто знать, что я мог бы, — не значит, что я поступил бы именно так.

— О, очень мило с вашей стороны, — сказала она. — Но мы как раз собирались уходить. Может быть, в другой раз.

Она вставала, говоря все это правильным выверенным тоном, не оставляющим сомнений, что она говорит всерьез. Не надменно, не унижая его, но и не настолько тепло, чтобы поощрить этого сукина сына к действию.

Управилась она с этим хорошо, честное слово.

Я оставил пиво там, где оно стояло, оставил и сдачу, чтобы она составила пиву компанию. Идя к выходу, она взяла меня под руку. Когда мы уходили, я чувствовал на себе не одну пару глаз, но, думаю, мы оба к этому привыкли.

Когда мы вышли на паркинг, я все еще обдумывал драку. Ее не будет, но мой мозг все равно работал над ней.

Странно, как оно бывает.

Ты хочешь выиграть в этой драке, и значит, тебе надо нанести первый удар. Прежде чем он его увидит. Сначала ты бомбишь Пирл Харбор, а уже потом объявляешь войну.

Даже заставить его думать, что ты даешь задний ход. Эй, я не хочу драться с тобой! И когда он расстроится от того, что ты струсил, ты наносишь свой лучший удар. Время самое подходящее, ты застаешь его врасплох, и тут достаточно одного удара.

Но я не стал бы этого делать со стариной Лэшем Ларю. О нет, не потому, что такой ход не сработал бы. Сработал бы, да еще как, мордой в гравий, с джинсами «рэнглер», понтовой рубашкой на кнопках, идиотской прической «помпадур» и всем прочим.

Но это лишило бы ее удовольствия видеть драку, на которую она рассчитывала.

И вот что я сделал бы. Когда мы уже вышли и были готовы отъезжать, я распахнул бы объятия в жесте «может-решим-всемиром», давая ему возможность нанести мне неожиданный удар. Но я-то был бы готов, даже выглядя неготовым, и я нырнул бы под удар. Такие типы — всегда охотники за головами, и я нырнул бы прежде, чем он сделал замах, и врезал бы ему кулаком в промежуток между пупком и яйцами.

Я бы сделал всю работу ударами по телу. Зачем травмировать руки и лупить кулаками по челюсти? Он был высоким, так что корпуса у него хватало, туда я ему и врезал бы, и первый же удар выбил бы из него и боевой настрой, и энергию его ударов, даже если бы он решился попробовать нанести еще один.

Я бы целил левой в печень. Потом справа, на уровне пояса. Это законный удар даже на боксерском ринге, не говоря уже о паркинге у закусочной, и если попасть в нужную точку, то он станет завершающим. Сам я этого не делал и не видел такого, но убежден, что ударом в печень можно убить человека.

Но я прокатывал в голове сценарий драки, которой не будет, потому что моя блондинка уже написала собственный сценарий и он не включал в себя сцену кулачного боя. Немножко жаль, потому что разложить этого ковбоя было бы удовольствием, но пусть уж его печень проживет еще день. А все повреждения, которые придутся на ее долю, будут от стопок и пива, которые он через нее пропустит, а не от моих кулаков.

И потом, скажу я вам, это было бы слишком просто, если бы ее целью было заставить двух быков сражаться за нее. У нее на уме имелось кое-что похуже.

— Надеюсь, я не перешла границы дозволенного, — сказала она. — Выведя нас оттуда. Но я просто боялась.

Она не выглядела испуганной.

— Боялась, что ты его покалечишь, — объяснила она. — А может, даже убьешь.

У нее был «форд», из тех, что вам активно впаривают прокатные агентства. Он стоял между двумя пикапами, бамперы которых заросли ржавчиной. Она нажала кнопку открывания дверей, и фары «форда» замигали.

Я, старательно играя роль джентльмена, идя рядом с ней, потянулся, чтобы открыть для нее водительскую дверцу. Она заколебалась, повернулась ко мне, и этот намек невозможно было пропустить.

Я обнял ее и поцеловал.

Да, все было как положено: химия и биология, называйте как хотите. Она ответила горячим поцелуем и начала толчками двигать свои бедра вперед, потом остановилась, а потом уже не могла остановиться. Я чувствовал ее теплое тело через свои и ее джинсы и подумывал о том, чтобы обработать ее прямо там, бросить на гравий и отыметь ее на гравии, между двумя пикапами, скрывавшими нас от посторонних глаз. Кинуть ей разок, быстро и жестко, вынуть и встать, пока она еще дрожала бы, и свалить оттуда, прежде чем она сможет вернуться к своей игре.

Гудбай, милая леди, потому что мы только что сделали то, зачем пришли, и что бы ты ни хотела сказать, какой мне смысл это слушать?

Я отпустил ее. Она нырнула за руль, а я обошел машину и сел рядом с ней. Она завела двигатель, но не спешила включать коробку передач.

Она сказала:

— Меня зовут Клаудия.

Может, да, а может, и нет.

— Гэри, — сказал я.

— Я живу не в этих краях.

Я тоже. Вообще-то я нигде не живу. Или можно сказать, что я живу повсюду.

— Мой мотель чуть дальше по дороге. С полмили.

Она ждала, что я что-нибудь скажу. Что? «Чистые ли там простыни? Кабельное телевидение есть?»

Я не сказал ничего.

— Может, стоит взять с собой что-нибудь выпить? Не думаю, что в номере у меня что-то есть.

Я сказал: прекрасно. Она кивнула, дождалась промежутка в трафике и выехала на дорогу.

Я внимательно смотрел на пейзажи за окном, чтобы потом найти дорогу назад к своей машине. Через четверть мили она сняла правую руку с руля и положила мне ладонь на пах. Ее глаза не отрывались от дороги. Еще через четверть мили рука вернулась к баранке.

И в чем же был смысл всего этого? Убедиться, что я готов ее кое-чем угостить? Напомнить мне, зачем мы едем в мотель?

А может, просто показать мне, что она настоящая леди, леди до кончиков пальцев.

Похоже, я продолжал получать то, что все время искал.

Потому что, признаемся, вы же не ищете Сюзи-домохозяйку в вульгарной забегаловке, где полно грубиянов с пикапами. Войдя в зальчик, где Китти Уэллс * поет о том, что ангелы салуна не творенья Божьи **, что вы сами найдете, кроме тех самых ангелов из салуна родом?

Если вам нужна женщина, верная одному мужчине, у которой всегда порядок в доме и заборчик аккуратно выкрашен, вам нужно охотиться в других местах.

А я не ходил на посиделки методистов, на собрания родителей без партнеров, не углублял образование, участвуя в поэтических семинарах, я — совсем другая песня — искал любви во всех непристойных местах, так отчего ж винить судьбу за то, что она посылает мне такую женщину, как Клаудия?

Или как там ее зовут на самом деле.

Мотель был одноэтажным заведением, не относящимся к какой-либо сети, достаточно презентабельным, но не таким, где остановилась бы женщина ее типа, чтобы переночевать. Она бы выбрала «Рамаду» или «Хэмптон Инн», а это был самый обычный бесцветный мотель из «никаких». Достаточно чистый, добротно выстроенный, расположенный в стороне от дороги — для приватности. Ее номер находился сзади, где маленький

* Американская звезда кантри 1950-х гг.

** «It Wasn't God Who Made Honky Tonk Angels» — хит Китти Уэллс, сделавший ее звездой. Песня о неверности мужчин, которая вынуждает быть неверными их жен.

«форд» с дороги было не увидеть. Если бы он был не прокатный, а ее собственный, то, проезжая мимо, номера было невозможно заметить.

Как будто это имело какое-то значение.

Внутри, закрыв дверь и защелкнув замок, она повернулась ко мне и первый раз показалась немного неуверенной. Словно пыталась придумать, что сказать, — или ждала, что я скажу что-нибудь.

Э, к черту такие игры. В машине она держала меня за конец, а этого достаточно, чтобы растопить лед. Я потянулся к ней и поцеловал, а потом, положив ладонь на задницу, притянул ее к себе.

Я мог бы стащить с нее джинсы, порвать ее шелковую блузку. Был у меня такой позыв.

Более того, я хотел сделать ей больно. Размять немного кулаком в живот, посмотреть, как она среагирует на удар по печени.

Факт: у меня бывают такие мысли. Когда они приходят, я всегда на мгновение вспоминаю лицо моей матери. Только на мгновение, как тот блик зеленого света, который иногда видишь, наблюдая за солнцем, встающим над водой. Он исчезает сразу же, раньше, чем ты поймешь, что видел, и потом уже не можешь быть уверенным, что действительно видел его.

Вот так же.

Я был с ней нежен. Ну, достаточно нежен. Она же не выбрала меня из толпы, потому что ей хотелось душевных слов и воздушных поцелуйчиков. Я дал ей то, что, как я чувствовал, она хотела, — но не более того. Было трудно поймать ее ритм, было трудно ее раскрутить и удерживать, а потом дать ей кончить, оставаясь в ней все время, добиваясь последней слабой дрожи всего сладкого механизма ее тела.

Да это вообще-то запросто. Я этому с юности научен. Я знаю, что делать и как делать.

— Я знала, что будет хорошо.

Я лежал с закрытыми глазами. Не знаю, о чем я думал. Иногда мозг просто плутает сам по себе и думает свои собственные мысли, а потом где-то стреляет выхлопная труба или энергия в комнате вдруг меняется, и я снова там, где был, а все мысли исчезают без следа.

Я думаю, так, наверное, у всех. Не могу ж я быть каким-то особенным — я и мои частные мысли.

На этот раз ее голос вернул меня в настоящее как удар грома. Я перекатился на спину и увидел ее в полусидячем положении в кровати рядом со мной. Она вынула подушку из-под задницы и положила ее под голову и плечи. Она производила впечатление женщины с сигаретой, хотя и не курила, да и сигарет поблизости не видно. Но это чувствовалось именно так, сигаретка «после того как», есть она на самом деле или нет.

— Все, чего я хотела, — сказала она, — прийти сюда, запереть дверь, закрыться от мира, и чтобы все в этом мире исчезло.

— Получилось?

— Как по волшебству, — сказала она. — Ты не кончил.

— Нет.

— Что-то было...

— Иногда я специально удерживаю.

— О...

— Это делает второй заход лучше. Более интенсивным.

— Могу представить как. Но ведь для этого нужен жесткий контроль?

Я не пытался удерживать специально. Я пытался кинуть ей трах, о котором она не скоро забудет, вот и все. Но я не обязан был ей об этом рассказывать.

— Мы ведь сможем сделать это второй раз? Тебе не надо уезжать?

— Я буду здесь всю ночь, — сказала она. — Мы даже сможем позавтракать утром, если ты хочешь.

— Я думал, тебе нужно ехать домой к мужу.

Ее ладони зашевелились, и пальцы правой руки обхватили основание безымянного пальца на левой, убеждаясь, что кольца там нет.

— Не кольцо, — сказал я. — След от кольца. Вмятина на коже, потому что ты сняла его буквально перед тем, как зайти в забегаловку. И тонкая белая линия, показывающая, куда не добралось солнце.

— Шерлок Холмс, — сказала она.

Она сделала паузу, давая мне возможность что-нибудь сказать, но зачем помогать ей? Я тоже молчал, и она сказала:

— Ты не женат.

— Нет.

— А был когда-нибудь?

— Ответ тот же.

Она подняла ладонь, словно рассматривая свое кольцо. Думаю, она смотрела на след, который кольцо оставило.

Она сказала:

— Я думала, что выйду замуж сразу после школы. Там, где я выросла, если ты была хорошенькой, оно обычно так и происходило. Или ты не была хорошенькой, но кто-то тебя обрюхатил.

— Ты была хорошенькой.

Она кивнула. Зачем делать вид, как будто она этого не знала?

— Но я не забеременела, а у моей подружки появилась идея: давай уедем из этого города, поедем в Чикаго, посмотрим, что у нас получится. И я с ходу собрала вещи, и мы поехали, и ей хватило трех недель, чтобы ее загрызла ностальгия, и она вернулась.

— А ты нет.

— Нет. Мне понравился Чикаго. Или казалось, что понравился. Мне нравилось то, какой я была в Чикаго, не потому, что это Чикаго, а потому что тот городок был не мой.

— И ты осталась.

— Пока не переехала. В другой город. У меня была разная работа, были бойфренды, промежутки между бойфрендами, и все было прекрасно. И я думала: ну что, у некоторых женщин есть мужья и дети, у некоторых нет, и, похоже, я буду из тех, у которых нет.

Я не перебивал ее, но и не особо прислушивался. Она познакомилась с мужчиной, он хотел жениться на ней, она решила, что это ее последний шанс, и хотя знала, что это ошибка, согласилась и вышла за него. Это была ее история, но не только ее. Я и раньше такое слышал.

Думаю, иногда это правда. Может, даже правда и на сей раз, если на то пошло.

А может, и нет.

Когда мне надоело слушать ее, я положил руку ей на живот и стал его поглаживать. Ее резкий вдох показал, что она этого не ожидала. Я опустил руку ниже, и она в предвкушении раздвинула ноги, и я положил ладонь между ног и стал ласкать ее

пальцами. Вот просто так, просто лежа рядом с ней и заводя ее пальцами. Она закрыла глаза, а я смотрел на ее лицо, пока мои пальцы делали то, что они делали.

— О! О! *О!*

Пока я делал это, у меня встал, но я не чувствовал необходимости делать что-то еще. Когда она кончила, я просто остался лежать как лежал. Я закрыл глаза, член снова обмяк, и я лежал, слушая тишину в комнате.

Мой отец ушел, когда я был еще в пеленках. Во всяком случае, мне так сказали. Я его не помню и не убежден, что он был. Кто-то, конечно, сделал мамашу беременной, и явно не Святой Дух, но знал ли он об этом? А она — знала ли хотя бы его фамилию?

Так что меня воспитывала мать-одиночка, хотя в те годы такой термин не существовал. Сначала она приводила домой мужчин, потом перестала это делать. Она возвращалась домой и пахла тем, где она была, и пахла тем, что делала, но домой она приходила одна.

Потом она перестала делать и это и проводила свои вечера перед телевизором.

Однажды вечером мы смотрели какую-то программу, не помню, какую, и она сказала:

— Ты уже достаточно большой. Я думаю, ты уже играешь с собой.

Я знал, что она имела в виду. Но не знал, как на это реагировать.

Она сказала:

— Не надо стыдиться. Все это делают, это часть взросления. Покажи мне его. — И когда смущение парализовало меня: — Сними пижамные штаны и покажи мне свой член.

Я не хотел этого делать. И я хотел это сделать. Я был смущен и возбужден, и...

— Он становится больше, — сказала она. — Скоро ты будешь мужчиной. Покажи мне, как ты себя трогаешь. Посмотри, как он растет! Это интереснее, чем телевизор. О чем ты думаешь, когда трогаешь его?

Сказал ли я что-нибудь? По-моему, нет.

— О сиськах? — Она раскрыла халат. — Ты их сосал, когда был младенцем. Помнишь?

Я хотел отвернуться. Хотел перестать трогать себя.

— Я открою тебе секрет. Трогать свой член приятно, но еще приятнее, когда его трогает кто-то другой. Понимаешь? Ты можешь трогать мои сиськи, пока я буду делать это с тобой. Ну, приятно? Разве нет?

Я кончил ей прямо в руку. Думал, она рассердится. Она поднесла ладонь к лицу и вылизала ее дочиста. Потом улыбнулась мне.

— Не знаю, — сказала она.

Клаудия, моя блондинка. Я думал без особого интереса, насколько натуральна эта блондинистость. Вопрос остается открытым, потому что волосы у нее были только на голове.

Подумал, как бы моя мать это расценила. Единственной уступкой женственности было то, что она брила ноги — крайне неохотно.

Случалось, она заставляла меня это делать. Выходит из ванной, вся теплая от горячей воды, а я взбиваю пену и орудую безопасной бритвой. Через пару лет у тебя начнут расти усы, говорила она. Полезно потренироваться, потом-то бриться всю жизнь.

Я спросил Клаудию, чего она не знала.

— Мне просто хотелось приключения, — сказала она.

— Закройся от мира. Оставь его по другую сторону двери.

— Да, но в тебе чувствуется мощь, — сказала она. — Та самая, что влекла меня к тебе, притянула тебя через весь зальчик туда, где ты стоял, — это меня пугает.

— Почему?

Она закрыла глаза, тщательно подбирая слова:

— То, что происходит здесь, остается здесь. Разве не так?

— Как в Лас-Вегасе?

Она открыла глаза и заглянула в мои.

— Я проделывала такие вещи и раньше, — сказала она.

— Я шокирован.

— Не так часто, как ты мог бы подумать, но время от времени.

— В полнолуние?

— И я оставляла все это позади, когда уезжала. Как массаж. Как сеанс в спа.

— И домой к муженьку.

— А чем его это ранит? Он никогда не знал. И я, имея такую разрядку, вела себя с ним лучше.

Она не торопилась перейти к делу. Это было как наблюдать за питчером в бейсболе во время тщательно продуманного броска. По-своему интересно, когда ты уже знаешь, какой дуги ожидать в этой подаче.

— Но дело не только в чувстве, которое ты получаешь, верно?

Она долго смотрела на меня, словно хотела сказать «да», но не желала произносить это вслух.

О, она была что надо.

— Ты подумывала о том, чтобы оставить его.

— Конечно. Но у меня была... как бы это сказать? Он давал мне очень комфортабельную жизнь.

— Что обычно означает «деньги».

— Его родители были богаты, — сказала она, — а он был единственным ребенком, потом они умерли, и все перешло к нему.

— Мне показалось, что «форд» из проката.

— «Форд»? А, машина на которой я приехала? Я взяла ее в прокате в аэропорту. А с чего ты вдруг... а, наверное, потому, что у меня своя машина классом выше. Да?

— Что-то в этом роде.

— У нас несколько машин. «Лексус», на котором обычно езжу я, и еще муж купил мне антикварную спортивную машину в подарок. «Астон-мартин».

— Очень мило.

— Я тоже так думаю. Сначала мне нравилось на ней ездить: мощность, мгновенная реакция. Сейчас я редко вывожу ее из гаража. Это дорогая игрушка. Как и я.

— Его игрушка. И часто он играет с тобой?

Она промолчала.

Я положил свою ладонь туда, где у нее не было волос. Не лаская, просто положил. Застолбил участок.

Я сказал:

— Если ты разведешься с ним...

— Я подписала одну бумагу.

— Добрачный договор.

— Да.

— Игрушки, вероятно, останутся тебе.

— Может быть.

— Но роскошной жизни придет конец.

Кивок.

— Мне кажется, он намного старше тебя.

— Всего на несколько лет. Выглядит старше. Он из тех мужчин, что выглядят и ведут себя старше своих лет.

— А как у него со здоровьем?

— Хорошо. Он не занимается спортом, приличный лишний вес, но на ежегодном медосмотре все данные в норме.

— И все же любой может получить инсульт или инфаркт. Или пьяный водитель проскочит на красный свет и врежется ему в борт.

— Я даже говорить не хочу о таких вещах.

— Потому что это — как мечтать о них.

— Да.

— И все же, — сказал я, — это было бы удобно, не так ли?

С моей матерью получилось не так. Ни инсульт, ни инфаркт, ни пьяный водитель. Чтобы сегодня человек жив, а завтра мертв.

Нет, вовсе не так.

Два, три года после того, как она показала мне, насколько приятнее, когда меня трогает кто-то другой. Два, три года, пока я ходил по утрам в школу, а днем шел прямо домой и закрывал дверь, отгораживаясь от всего мира.

Она показала мне все, что знала. Плюс те вещи, о которых слышала или читала, но сама не делала.

Она рассказала мне, как и что делать с девочками. «Это как спорт, а я как твой тренер», — говорила она. Какие слова произносить, как себя вести, как заставить их делать разные вещи, как позволить мне делать разные вещи.

Потом я приходил домой и рассказывал ей об этом. В постели, проигрывая происшедшее и дурачась.

Два, три года. А потом она начала терять вес, изменился цвет лица — я, должно быть, замечал это день ото дня, но никогда не осознавал полностью. А потом однажды я пришел домой, и ее не было, но лежала записка, что она скоро вернется. Часом позже она пришла, и я увидел что-то в ее лице, и тогда я уже знал, но не знал до конца, пока она сама мне не рассказала.

Рак яичников, который уже распространился по всему телу, и они ничего не могут сделать. Ничто не действует.

Из-за того, где это началось, она задумалась: не наказание ли это? За то, что мы делали.

— Только это херня, и я знаю, что это херня. Меня воспитали в вере в Бога, но я это переросла и тебя никогда не воспитывала в вере. И даже если там и был бы Бог, он не поступил бы так. И что плохого мы сделали? Кому причинили вред?

И чуть позднее:

— Все, что они могут предложить, — это химиотерапия, а боль от нее адская, и волосы выпадают, и, может, она даст мне несколько месяцев жизни. Мой милый бэби, мой мальчик, я не хочу, чтобы ты помнил пожелтевшую старуху, умирающую дюйм за дюймом и сходящую с ума от боли. Я не хочу тянуть так долго, и ты должен помочь мне выйти из этого.

Школа. Я не занимался спортом, не был членом клубов, не имел друзей. Но я знал, кто продает наркотики, — уж это-то все знали. Все, что угодно, а мне нужно было снотворное, а его-то достать было легко.

Она хотела принять таблетки, когда я уйду в школу, чтобы, когда это произойдет, меня не было, но я отговорил ее. Она выпила их ночью, и я лег рядом с ней и держал за руку, пока сон не сморил ее. И я стоял там, чтобы увидеть, когда ее дыхание остановится, но не смог бодрствовать и уснул сам, а когда проснулся на рассвете, она уже умерла.

Я прибрался в доме, вернулся в свою спальню и привел постель в такой вид, словно спал в ней. Пошел в школу и сидел, стараясь ни о чем не думать. Потом пошел домой и, поворачивая ключ в замке, ощутил вспышку уверенности в том, что когда я открою дверь, она будет ходить по комнате.

Ну да, конечно. Я нашел мать там, где ее оставил, и вызвал доктора, сказал ему, что ушел утром потихоньку, чтобы не тревожить ее. Он понял, что это были таблетки, и я понял, что он понял, но он пожалел меня и сказал, что ее сердце остановилось внезапно, сказал: это часто происходит при ее болезни.

Будь она жива и если бы она не заболела, я и сейчас жил бы там. Вдвоем с ней в том доме, закрывшись от всего остального мира.

Она сказала:

— Не стану притворяться, что никогда об этом не думала. Но я никогда этого не желала. Он не плохой человек. И он добр ко мне.

— Хорошо о тебе заботится.

— Он чистит свои клюшки для гольфа после игры. У него есть кусок фланели, чтобы протирать поверхность айрона. Ав-

томобили он отвозит на техосмотр строго по расписанию. И да, он хорошо заботится обо мне.

— Может быть, это все, чего ты хочешь?

— Я была согласна на это, — сказала она.

— А сейчас — нет?

— Не знаю, — сказала она и положила на меня ладонь. Буквально на мгновение это была другая ладонь, более крепкая и нежная, и я снова был мальчишкой. На мгновение — и потом оно прошло.

А она продолжала держать меня и не говорила ничего, но я слышал ее голос в своей голове так же отчетливо, как если бы она говорила вслух: «Согласна на это? Уже нет, мой дорогой, потому что я встретила тебя и мой мир навсегда изменился. Если бы что-нибудь случилось с ним и мы могли бы быть навсегда вместе... Если бы...»

— Ты хочешь, чтобы я убил его, — сказал я.

— О Боже!

— А разве не к этому ты все вела?

Она не ответила, лишь тяжело дышала: вдох, выдох, вдох, выдох. Потом сказала:

— А ты когда-нибудь...

— Правительство дает тебе форму, дает винтовку, посылает на другой край света. Кончается тем, что человек делает множество глупостей, которые при других обстоятельствах никогда бы не сделал.

Я полагаю, так оно и есть, но ко мне все это не имело отношения. Я никогда не служил в армии.

Один раз хотел вступить. Дрейфуешь повсюду, и разные вещи начинают казаться тебе привлекательными. Армейский психиатр задал мне кучу вопросов, услышал в моих ответах что-то, что ему не понравилось, поблагодарил меня за потраченное время и отправил идти дальше своим путем.

Должен сказать, этот тип знал свою работу. Мне бы там не понравилось, и я не пришелся бы ко двору.

Она нашла какую-то другую тему для разговора, какой-то бред о ее соседе. Я лежал и смотрел на ее губы, даже не слушая, что она говорит.

А зачем? Смысл был в том, чего она не говорила.

Она была довольна собой, а мне приходилось догадываться. Потому что она умудрялась добраться до нужной темы, не про-

износя нужных слов. Она играла так аккуратно, что я сам произнес то, что нужно.

Типа, я на два шага впереди, дамочка. Знал, куда вы идете, видел, что за кружной путь вы себе нарисовали, и решил сэкономить нам время.

И теперь лучше смотреть не слушая. Это было так, словно я не мог слышать ее, даже если захотел бы; все, что я мог слышать, — это ее голос в своей голове, говорящий мне то, о чем она думает. Как мы можем быть вместе до конца наших дней, и как это все, чего она хочет, и все, что ей нужно, как у нас начнется жизнь в роскоши, гламуре и путешествиях. Ее голос в моей голове рисовал картины ее представления о моем представлении рая.

Голоса.

Она заворочалась, легла на бок. Перестала говорить, а я перестал слышать тот другой голос, и она провела ладонью по всей длине моего тела. И поцеловала мое лицо и шею, а я обрабатывал ее южнее.

Ну да, конечно. Намекнуть мне о безумных наслаждениях, как только ее муженек будет мертв и похоронен. Потому что любому мужчине это понравилось бы, верно?

Штука в том, что это не могло понравиться мне. С тех пор как другая женщина приняла таблетки, которые я купил для нее, и не проснулась.

Однажды у меня было свидание с девочкой из моего класса. И перед этим она меня наставляла.

«Заставь ее отсосать у тебя. Она еще девственница и от этого не забеременеет, а тебе сделает приятно. К тому же в глубине души она мечтает это сделать. Тебе нужно просто ей помочь, подсказать, когда она делает что-то не так. Ты будешь ее наставником, понимаешь?»

Потом она уехала, и с тех пор я не люблю, когда кто-то со мной это делает.

Армейский психиатр? Думаю, он свою работу знал.

И все же она его подняла.

Он ведь работает по своим правилам, верно? Кровь приливает или нет, и ты либо не можешь его «включить», либо удержать от того, чтобы он встал. Это не значит, что мне понравилось, не значит, что я хотел, чтобы она его подняла. Чем дольше

она это делала, тем меньше мне хотелось, чтобы он стоял. Чем больше делала, тем менее приятно.

Я взял ее за голову и отвернул от себя.

— Что-то не так?

— Моя очередь, — сказал я, распялил ее на кровати, сунул ей подушку под зад и вставил палец между ног, чтобы убедиться, что она стала влажной. Потом сунул палец ей в рот, чтобы она почувствовала собственный вкус.

Взобрался на нее и погнал долго и жестко, долго и жестко. У нее начался множественный оргазм, который катит без остановки, дар, который ей дают и дают.

Не знаю, о чем я думал, пока это продолжалось. Отлетел куда-то, настроился на что-то еще. Смотрел Эйч-би-о, пока она трахалась в Шоутайм *.

Когда с ней было кончено, я остался в прежней позе, на ней и в ней. Посмотрел сверху на ее лицо — челюсть отвисла, глаза закрыты — и увидел то, чего не видел раньше.

Что она похожа на свинью. В ее чертах было что-то свинское. Прежде я этого не замечал.

Забавно.

Ее глаза открылись. Рот начал шевелиться, говоря мне, что раньше с ней ничего подобного не было.

— А ты...

— Еще нет.

— О Боже, у тебя еще стоит! Что-то...

— Еще нет, — сказал я. — Сначала я хочу кое-что знать. Когда ты вошла в этот бар?

— Целую жизнь назад, — сказала она. И расслабилась, решив, что это прогулка по волне воспоминаний. Как мы встретились, как влюбились, не говоря ни слова.

Я сказал:

— Вот это меня и заинтересовало. Как ты узнала?

— Как я...

— Как ты узнала, что я именно тот человек, который согласится убить твоего мужа для тебя?

Широко открытые глаза. Безмолвие.

— Что ты увидела? Что, как тебе показалось, ты увидела?

---

* HBO и Showtime — платные кабельные ТВ-каналы в Северной Америке.

И мои бедра начали работать медленно, короткими толчками.

— Ты все провернула в своей голове, — сказал я.

Я раздвинул локти так, что они оказались на ее плечах, придавив ее к кровати, а ладонями обхватил ее шею.

— В общем, ты была за городом, может, подцепила какого-то везунчика, чтобы обеспечить себе алиби. Отделалась от него, потому что все время думала о том, как я это сделаю, как убью твоего мужа. Представляла в деталях: воспользуюсь ли я пистолетом, ножом или битой? Так ведь?

Она говорила что-то, но я не слышал. Я не смог бы услышать гром, не смог бы услышать Конец света.

— Забить мне голову грядущим бесконечным счастьем, но когда его не стало бы, и я тебе стал бы не нужен, верно? Может, нашла бы другого лоха, чтобы сбросить меня за борт?

Я стал входить в нее резче. И руки сильнее сжались на шее. Ужас в ее глазах, Господи, его можно было пробовать на вкус.

Потом свет в ее глазах погас, и ее просто не стало.

Три, четыре толчка — и я получил то, чего хотел. Забавно, но я этого, в общем, и не почувствовал. Механизмы работали, я разгрузился в нее, но это не назовешь чувственным, потому что, знаешь ли, не так уж много чувства во всем этом. Было облегчение и потом состояние удовлетворения, как бывает, когда поссышь, долго проходив с полным мочевым пузырем.

Штука в том, что чаще бывает так, чем наоборот. Я бы сказал, что армейский психиатр мог бы это объяснить, но давайте не делать из него гения. Все, что он понял, было то, что армии будет лучше без меня.

Да почти каждому будет лучше без меня.

Клаудии — это уж точно. Лежать теперь здесь с раздавленной гортанью и остекленевшими глазами. В ту минуту, как я ее увидел, я знал, что она уже проработала весь сценарий.

Откуда она знала? Как она выбрала меня?

И если я знал все это, если я мог прочитать ее сценарий и придумать иной финал, чем тот, который имела в виду она, почему я поставил ей выпивку? В конечном итоге — какой реальный выбор у меня был, когда она подошла и положила ладонь мне на руку?

Время уезжать из этого города, но кого я пытаюсь обмануть? Я найду то же самое в другом городе и в следующем за ним. Дру-

гая забегаловка, где я могу подраться с кем-то или нет, но в любом случае я выйду из нее с женщиной. Она может не выглядеть так роскошно, как эта, и волосы у нее могут быть не только на голове, но насчет меня у нее будут те же планы.

А если мне держаться подальше от баров? Если ходить на церковные собрания или встречи родителей без партнеров, или что-то типа того?

Могло бы и сработать, но я бы на это не рассчитывал. Такое уж мое везение: приземляться в том же самом проклятом месте.

И, как уже сказано, я действительно знаю, как их выбирать.

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Еще одна восходящая звезда нового поколения фэнтези наряду с Джо Аберкромби, Патриком Ротфуссом, Скоттом Линчем, Львом Гроссманом и К. Дж. Паркером. Автор бестселлеров «Нью-Йорк таймс» Брендон Сандерсон был выбран для работы над знаменитой сагой «Колесо времени» Роберта Джордана, которая осталась незавершенной после его смерти, — грандиозная задача, решенная Сандерсоном при написании таких книг, как «Грядущая буря», «Башни полуночи» и «Память света». Он также известен как автор другой фэнтезийной трилогии «Рожденный туманом», куда входят «Пепел и сталь», «The Well of Ascension», «The Hero of Ages», а также сериала «Алькатрас»: «Алькатрас и Пески Рашида», «Alcatraz Versus the Scrivener's Bones», «Alcatraz Versus the Knights of Crystallia» и «Alcatraz Versus the Shattered Lens». Сандерсон написал еще «Город богов», «Warbreaker», и «Firstborn». Сейчас он начал серию «Сокровищница Штормсвета» романом «Обреченное королевство». Брендон Сандерсон живет в Американ-Форк, штат Юта, и ведет сайт brandonsanderson.com.

В данной серии он предлагает нам познакомиться с жуткой тишиной Лесов, чтобы узнать историю отчаявшейся и опасной женщины, готовой пойти на любой риск ради спасения своей семьи, даже отправиться в такое место, где за каждым деревом прячутся невидимые голодные призраки и один неверный шаг означает мгновенную смерть...

ТЕНИ ТИШИНЫ В ЛЕСАХ АДА

— И прежде всего ты должен следить за Белым Лисом, — сказал Дэггон, потягивая пиво. — Говорят, он обменивается рукопожатиями с самим Злом, посетил Павший Мир и вернулся, наделенный необычным могуществом. Он способен разжигать огонь даже в самую темную ночь, и ни одна Тень не осмеливается приблизиться к его душе. Да, Белый Лис. Несомненно, са-

© Brandon Sanderson, 2013; © пер. В. Гольдича, 2014.

мый злобный ублюдок в наших краях. Молись, чтобы он не обратил свой взор на тебя, друг. Если это случится, ты мертвец.

У спутника Дэггона была шея, подобная горлышку тонкой винной бутылки, голова, похожая на картофелину, косо насаженную сверху, и визгливый голос с отчетливым акцентом Последнего Порта.

— Почему... почему он может остановить на мне взгляд? — Испуганный голос отразился от потолочных балок общего зала.

— Тут все зависит от обстоятельств, друг, — сказал Дэггон, разглядывая чересчур пестро вырядившихся купцов, только что вошедших в зал: черные куртки, отделанные спереди гофрированными кружевами, и высокие шляпы жителей форта с широкими полями.

Дэггон подумал, что здесь, в Лесу, они не протянут и двух недель.

— От каких таких обстоятельств? — не унимался собеседник Дэггона. — От чего зависит?

— От многих вещей, друг. Ты же знаешь, Белый Лис охотится за преступниками. Какие законы ты нарушил? Что сделал?

— Ничего. — Теперь голос напоминал скрип ржавого колеса.

— Ничего? В Лес не приходят, чтобы «ничего» не совершать, друг, — сказал Дэггон.

Его собутыльник огляделся по сторонам. Он сказал, что его зовут Серьезный. Дэггон назвался Приятелем. Имена ничего не значили в Лесу. Или значили очень много. Правильные имена, если уж на то пошло.

Серьезный откинулся назад и поскреб длинную, как удилище, шею. Казалось, он больше всего на свете хотел исчезнуть в своем пиве. Дэггон подумал, что, пожалуй, он поведется на треп. Люди обожают истории про Белого Лиса, а Дэггон считал себя знатоком, специалистом по таким жалким людишкам, как Серьезный, который теперь заплатит за его выпивку.

«Нужно дать ему немного времени, чтобы все переварить, — подумал Дэггон, улыбаясь собственным мыслям. — Пусть поволнуется».

Пройдет еще немного времени, и Серьезный начнет задавать новые вопросы.

Дэггон откинулся на спинку стула и принялся изучать зал. Купцы выставили себя с самой худшей стороны — заказали еду

и заявили, что должны уйти через час. У Дэггона уже не осталось никаких сомнений, что они глупцы. Путешествовать ночью по Лесу? Для местных это не проблема. А такие люди, впрочем... им и часа не потребуется, чтобы нарушить одно из Простых Правил, — и тогда на них лягут Тени. Дэггон выбросил идиотов из головы.

А вот парень в углу... он был одет во все коричневое и даже шляпу не снял, хотя находился в помещении. Он выглядел по-настоящему опасным.

«Возможно, это он и есть», — подумал Дэггон.

До сих пор еще никто не сумел увидеть Белого Лиса и уцелеть. За десять лет он поймал более сотни преступников. Наверняка кто-то знал его имя. И не следует забывать, что власти фортов платили ему награду.

Хозяйка постоялого двора мадам Тишина подошла к столу и без особых церемоний поставила перед Дэггоном тарелку, потом с хмурым видом подлила пива, плеснув пеной на руку, и заковыляла дальше. Она была сильной женщиной. Крутой. Все в Лесу были крутыми. Во всяком случае, те, кто выживал.

Дэггон уже знал, что сердитый взгляд Тишины — это ее манера здороваться. Она дала ему добавку оленины; и такое случалось нередко. Ему нравилось думать, что она питает к нему слабость. Быть может, настанет день...

«Не будь дураком», — сказал он себе, налегая на еду, щедро сдобренную подливкой. Лучше жениться на камне, чем на Тишине Монтейн. В камне и то больше приязни. Скорее всего она кладет ему лишний кусочек, чтобы иметь еще одного постоянного посетителя. В последнее время сюда стало приходить все меньше и меньше народа. Слишком много Теней. И еще Честертон. Паршивое дело.

— Ну... так он охотник за преступниками, этот Лис? — Человек, назвавший себя Серьезным, заметно вспотел.

Дэггон улыбнулся. Похоже, он его зацепил.

— Он не просто охотник за наградой, он лучший. Впрочем, Белый Лис не трогает мелких сошек — и без обид, друг, но ты кажешься мне именно мелкой сошкой.

Его собеседник занервничал еще заметнее. «Интересно, в чем он замешан?» — подумал Дэггон.

— Но, — запинаясь, заговорил Серьезный, — он не придет за мной — если предположить, что я совершил нечто ужас-

ное, конечно, — он же не появится здесь, на постоялом дворе мадам Тишины, ведь это место под защитой. Все знают, что тень ее умершего мужа прячется где-то рядом. Мой кузен ее видел, да.

— Белый Лис не боится Теней, — заявил Дэггон, наклонившись вперед. — Впрочем, я не думаю, что он рискнет сюда зайти — но вовсе не из-за какой-то там тени. Все знают, что здесь ничейная земля. Должны же существовать безопасные места, даже в Лесу. Однако...

Дэггон улыбнулся Тишине, когда она проходила мимо по пути на кухню. На этот раз она не стала одаривать его мрачным взглядом. «Да, ты определенно ей нравишься», — подумал Дэггон.

— Однако? — проскрипел Серьезный.

— Ну... — начал Дэггон. — Могу тебе кое-что рассказать о том, как Белый Лис захватывает людей, но ты же видишь — у меня практически закончилось пиво. Какая досада. Думаю, тебе будет интересно узнать, как Белый Лис поймал Миротворца Хапшира. Замечательная история.

Серьезный хрипло позвал хозяйку и попросил принести еще одно пиво, но она ушла на кухню и не услышала его. Дэггон нахмурился, но Серьезный положил монету на край стола, показывая, что закажет выпивку, как только появится Тишина или ее дочь. Этого было достаточно.

Дэггон улыбнулся про себя и начал рассказ.

Тишина Монтейн закрыла дверь, ведущую в зал, повернулась и прижалась к ней спиной. Она пыталась унять отчаянное сердцебиение, делая медленные и глубокие вдохи и выдохи. Неужели она себя выдала? Поняли ли они, что она их узнала?

Вильям Энн прошла мимо, вытирая руки о передник.

— Мама? — спросила она, останавливаясь рядом. — Мама, тебе...

— Принеси книгу. Быстро, дитя!

Вильям Энн побледнела и поспешно скрылась в кладовой. Тишина вцепилась в передник, чтобы успокоиться, и подошла к дочери, когда та вышла из кладовой с толстой кожаной сумкой. Ее покрывал толстый слой белой муки.

Тишина поставила сумку на высокую кухонную стойку и открыла. Там лежали листы бумаги, толстая стопка, с портретами на большинстве. Пока Тишина их перебирала, Вильям Энн отошла, чтобы посмотреть через глазок в зал.

Несколько мгновений только шелест листов нарушал тишину, да еще стук сердца хозяйки таверны.

— Человек с длинной шеей, верно? — спросила Вильям Энн. — Я помню его лицо с плаката и обещание награды.

— Это всего лишь Плач Уинбери, жалкий конокрад. Он едва ли стоит двух мер серебра.

— Тогда кто? Человек в шляпе, который сидит в дальнем углу?

Тишина покачала головой, найдя нужные листы в самом конце стопки, и просмотрела рисунки.

«Владыка Небесный, — подумала она. — Даже не знаю, хочу ли я, чтобы это оказались они».

Дрожь в руках наконец прекратилась.

Вильям Энн поспешно подошла к матери и, вытянув шею, посмотрела через ее плечо на листы. В свои четырнадцать она вымахала уже выше Тишины. Большое дело — ребенок тебя перерос! И, хотя Вильям Энн жаловалась, что она слишком высокая и ужасно неуклюжая, не вызывало сомнений, что скоро она станет настоящей красавицей с великолепной фигурой. Девочка пошла в отца.

— Владыка Небесный, — выдохнула Вильям Энн и поднесла руку ко рту. — Ты думаешь...

— Честертон Дивайд, — сказала Тишина. — Форма подбородка, взгляд... они остались теми же. — Приплыл прямо к нам в руки, да еще четверых своих людей с собой привел.

Награда за пятерых преступников позволит ей оплатить все припасы на год вперед. Или даже на два.

Взгляд Тишины переместился к словам, напечатанным под рисунками большими жирными буквами.

Очень опасны. Разыскиваются за убийство, изнасилование, вымогательство. И еще: **За заказное убийство.**

Тишину всегда интересовало, собирался ли Честертон и его люди убить губернатора самого могущественного города на континенте, или произошел несчастный случай. Обычное ограбление пошло наперекосяк. Честертон, разумеется, понимал, что натворил. До того случая он был обычным — хоть и успешным — грабителем с большой дороги.

Теперь же стал куда более опасной птицей чем обычный преступник. Честертон прекрасно знал, что если его поймают, пощады не будет. Из Последнего Порта пришла бумага, в кото-

рой его называли мятежником, страшной угрозой для всеобщего благополучия и психопатом.

У Честертона не осталось причин сдерживаться, и он делал что хотел.

«О, Владыка Небесный, — думала Тишина, глядя на длинный список преступлений, перечисленных на следующий странице.

За спиной у нее Вильям Энн что-то бормотала себе под нос.

— Он там? — спросила девочка. — Но где именно?

— Купцы, — ответила Тишина.

— *Что*? — Вильям Энн бросилась к глазку. Дерево вокруг — впрочем, как и во всей кухне — было так сильно выскоблено, что стало белым. Себруки опять занималась уборкой.

— Я не вижу, — сказала Вильям Энн.

— Посмотри внимательнее. — Тишина и сама не сразу поняла, кто к ним зашел, хотя каждый вечер немало времени проводила с книгой, запоминая лица.

Через несколько мгновений Вильям Энн ахнула и снова поднесла руку ко рту.

— Ужасно глупо с его стороны. Почему он держится так свободно? Даже с учетом маскировки.

— Все запомнят очередную группу глупцов из форта, которые думают, будто могут спокойно пройти по Лесу. Очень умная маскировка. Когда через несколько дней они исчезнут с дорог — к тому же большинству людей на них наплевать, — все решат, что купцов забрали Тени. Ко всему прочему, Честертон сможет путешествовать быстро, не скрываясь, останавливаться на постоялых дворах и узнавать новости.

Возможно, именно таким способом Честертон выбирает свою следующую жертву. Быть может, они уже бывали на ее постоялом дворе? От этой мысли все у нее внутри сжалось. Тишина множество раз кормила преступников; некоторые приходили к ней регулярно. В Лесу практически все люди были преступниками, хотя бы потому, что не платили налогов, от которых не могли отвертеться жители форта.

Но Честертон и его люди — совсем другой коленкор, и ей не требовалось перечитывать список их преступлений, чтобы узнать, на что они способны.

— Где Себруки? — спросила Тишина.

Вильям Энн встряхнулась, словно выходя из оцепенения.

— Кормит свиней. Тени! Ты ведь не думаешь, что они ее узнали?

— Нет, — сказала Тишина. — Меня тревожит, что она их узнает.

Восьмилетняя Себруки была поразительно — пугающе — наблюдательна.

Тишина закрыла книгу наград и провела пальцами по кожаной обложке.

— Мы их убьем, да? — спросила Вильям Энн.

— Да.

— Сколько за них дадут?

— Иногда, дитя, дело не в том, сколько человек стоит.

Тишина почувствовала отголоски лжи в своем голосе. С тех пор как подорожало серебро в Бастион-Хилл и Последнем Порту, для них наступили тяжелые времена.

Иногда дело и правда не в том, сколько человек стоит. Но не сейчас.

— Схожу за ядом, — сказала Вильям Энн, отходя от глазка и пересекая комнату.

— Что-нибудь легкое, дитя, — предупредила Тишина. — Это опасные люди. Они заметят, если что-то пойдет не так.

— Я не дура, мама! — возмутилась Вильям Энн. — Они не почувствуют болотную траву в пиве.

— Половину дозы. Не хочу, чтобы они попáдали прямо за столами.

Вильям Энн кивнула и отправилась в кладовую, где закрыла за собой дверь и начала снимать половицы, чтобы добраться до яда. От болотной травы у человека мутится в глазах и начинает кружиться голова, но она не убивает.

Тишина не могла рисковать и использовать более сильную отраву. Если подозрения падут на ее постоялый двор, ее дело — и, весьма вероятно, жизнь — окажется под смертельной угрозой. В сознании путешественников она должна оставаться немного странной, но честной хозяйкой, которая не задает лишних вопросов. Здесь люди находились в безопасности, даже самые закоренелые преступники. Но каждую ночь она засыпала со страхом — вдруг кто-нибудь заметит, что очень многие пойманные Белым Лисом преступники останавливались перед смертью на ее постоялом дворе?

Она зашла в кладовую и спрятала книгу. Стены здесь были также чисто выскоблены, а полки вытерты от пыли. Странный ребенок. Кто, скажите, слышал о маленькой девочке, которой больше по нраву убираться, чем играть? Конечно, если учесть, через какие испытания пришлось пройти Себруки...

Тишина невольно протянула руку к верхней полке, чтобы проверить, на месте ли арбалет и стрелы с серебряными наконечниками. Она держала их для Теней и ни разу не использовала против людей. В Лесу слишком опасно проливать кровь. Однако Тишину утешало, что на самый крайний случай у нее под рукой есть оружие.

Спрятав книгу наград, она пошла проведать Себруки. Девочка действительно возилась со свиньями. Тишина любила, чтобы у нее был здоровый домашний скот, хотя держала свиней вовсе не на еду. Поговаривали, будто свиньи отгоняют Тени. Тишина использовала все возможности, чтобы сделать свой постоялый двор безопасным.

Себруки стояла на коленях возле загона. Невысокая, смуглая, с длинными черными волосами — никто бы не принял ее за дочку Тишины, даже если бы не знал историю несчастий Себруки. Девочка тихонько напевала и скребла стену загона.

— Дитя? — позвала Тишина.

Себруки повернула к ней голову и улыбнулась. Какие перемены — и всего лишь за год! Прежде Тишина могла бы поклясться, что этот ребенок никогда больше не будет улыбаться. Первые три месяца на постоялом дворе Себруки провела, глядя на стены. Куда бы Тишина ее ни сажала, девочка переходила к ближайшей стене, усаживалась перед ней и смотрела в одну точку весь день. И молчала. У нее были мертвые глаза, как у Тени...

— Тетя Тишина? — спросила Себруки. — С тобой все в порядке?

— Все хорошо, детка. Просто меня посетили воспоминания. Ты... решила вычистить загон для свиней именно сейчас?

— Стены нужно хорошо мыть, — ответила Себруки. — Свиньи любят, когда чисто. Ну, точнее, Джером и Иезекииль. А остальным вроде бы все равно.

— Тебе не нужно так сильно оттирать стены, детка.

— Мне нравится, — сказала Себруки. — Я могу это сделать, и я рада помочь.

Ну, лучше уж мыть стены, чем постоянно на них пялиться. Сегодня Тишина была бы рада, если бы девочка оставалась здесь как можно дольше. Главное, чтобы не вышла в общий зал.

— Думаю, свиньям это понравится, — сказала Тишина. — Почему бы тебе не поработать здесь еще?

Себруки посмотрела на нее.

— Что-то не так?

Тени. Она такая наблюдательная!

— В общем зале собрались мужчины и сотрясают воздух грубой руганью, — сказала Тишина. — Я бы не хотела, чтобы ты это слушала.

— Я не ребенок, тетя Тишина.

— Нет, ребенок, — твердо сказала Тишина. — И должна слушаться. Не думай, что я не могу достать тебя пониже спины.

Себруки закатила глаза, но повернулась и, напевая, снова занялась стеной. Тишина не особенно нежничала с Себруки, и девочка совершенно спокойно реагировала на суровое обращение. Казалось, даже ждала его, возможно, считая, что так кто-то за все отвечает. Тишина хотела бы за все отвечать и контролировать события. Однако она была Разведчиком — имя, которое взяли себе ее дедушка и бабушка и другие люди, покинувшие Родину, чтобы исследовать этот континент. Да, она Разведчик, и будь она проклята, если покажет кому-нибудь, какой беспомощной чувствует себя большую часть времени.

Тишина пересекла задний двор и направилась к конюшням, отметив по дороге, что Вильям Энн на кухне размешивает пасту, чтобы добавить ее в пиво. Тишина прошла мимо и заглянула в конюшню. Как и следовало ожидать, Честертон сказал, что они уедут после трапезы. В то время как большинство посетителей предпочитало провести ночь в сравнительной безопасности постоялого двора, Честертон и его люди привыкли спать в Лесу. Даже в окружении Теней они чувствовали себя спокойнее, чем в кроватях постоялого двора.

В конюшне Доб, старый конюх, только что закончил чистить лошадей. Поить он их пока не стал. Тишина приказала сделать это в самый последний момент.

— Хорошая работа, Доб, — сказала она. — Почему бы тебе не отдохнуть?

— Благодарю, мадам, — пробормотал он, по своему обыкновению уселся на крыльце и достал трубку.

Доб туго соображал и понятия не имел о том, что на самом деле происходило на постоялом дворе, но старый конюх остался с ней после смерти мужа, и она понимала, что ей едва ли удастся найти столь же верного человека.

Тишина закрыла за ним дверь, принесла мешочки из запертого шкафа, стоявшего в задней части конюшни, проверила в тусклом свете содержимое каждого и разложила их на столике, после чего закинула седло на спину одной из лошадей.

Она уже заканчивала седлать лошадей, когда дверь конюшни распахнулась. Тишина застыла на месте, сразу вспомнив о разложенных на столе мешочках. И почему она не убрала их в карман фартука? Какая небрежность!

— Разведчица Тишина, — раздался спокойный голос.

Тишина подавила стон и повернулась, чтобы встретить вошедшего.

— Теополис, — сказала она. — Тебе известно, что внезапное появление в чужих владениях — дурной тон? Мне бы следовало вышвырнуть тебя вон.

— Брось. Это было бы... как если бы лошадь лягнула человека, который его кормит. — Теополис оперся спиной о дверной проем и сложил руки на груди.

Простой костюм, не соответствовавший его положению, свободно болтался на долговязой фигуре. Сборщик налогов форта не хотел, чтобы случайные прохожие догадались, чем он занимается. На чисто выбритом лице всегда сияла покровительственная улыбка, а одежда казалась слишком чистой и новой для того, кто живет в Лесу. Однако он не был ни щеголем, ни глупцом. Теополис был очень опасен, хотя и не так, как другие.

— Что ты здесь делаешь, Теополис? — спросила она, закрепляя седло на спине фыркающего чалого мерина, с остальными лошадьми Тишина уже закончила.

— Почему я всегда прихожу к тебе, Тишина? Уж, наверное, не из-за милой улыбки на твоем лице.

— Я заплатила налоги.

— По той простой причине, что освобождена от большинства из них, — заявил Теополис. — Но ты не заплатила мне за поставку серебра, сделанную в прошлом месяце.

— В последнее время дела идут не лучшим образом. Но скоро я расплачусь.

— А стрелы для твоего арбалета? — спросил Теополис. — Ты не забыла о цене серебряных наконечников? Не говоря уже о запасных частях для защитных колец.

Его неприятный акцент заставил ее поморщиться, когда она затягивала подпругу. Теополис. Тени, что за день!

— Ну, ничего себе, — сказал Теополис, подходя к столу и взяв один из мешочков. — А это еще что такое? Похоже на выжимку из лука-порея. Я слышал, он светится по ночам, если направить на него специальный свет. Еще один секрет Белого Лиса?

Тишина вырвала у него мешочек.

— Не произноси это имя! — прошипела она.

Он усмехнулся:

— Ты получила вознаграждение! Восхитительно. Мне всегда было интересно, как ты их выслеживаешь. Прорезать в мешочке небольшое отверстие, подложить под седло, а потом следовать по каплям, которые останутся на дороге. И тогда твой маленький постоялый двор ни у кого не вызовет подозрений.

Да, Теополис был опасен, но ей требовался *кто-то*, кто получал бы за нее вознаграждение. Теополис настоящая крыса и, как все крысы, знает самые надежные проходы, котлованы и щели. У него связи в Последнем Порту, и он умудряется получать деньги для Белого Лиса, сохраняя ее имя в тайне.

— Знаешь, у меня было искушение тебя сдать, — сказал Теополис. — Многие делают ставки, пытаясь угадать личность знаменитого Лиса. Я бы мог разбогатеть, верно?

— Ты и так богач, — проворчала она. — И хотя у тебя множество недостатков, ты не идиот. У нас неплохо идут дела вот уже десять лет. Только не говори мне, что готов поменять деньги на щепотку славы!

Он улыбнулся, но не стал возражать. Теополис получал половину от каждой премии Тишины. Без малейшей опасности для себя, и она знала, что это его полностью устраивает. Он состоял на государственной службе, ему не нужно было охотиться за преступниками. Насколько Тишина знала, Теополис убил лишь однажды — и его жертва не могла оказать сопротивления.

— Ты хорошо меня изучила, — со смехом сказал Теополис. — Даже слишком. Ну и ну, очередное вознаграждение! Интересно, кто это? Нужно заглянуть в общий зал.

— Ты этого не сделаешь. Тени! Неужели ты думаешь, что их не спугнет физиономия сборщика налогов? Не нужно все портить.

— Мир, не будем ссориться, Тишина, — сказал он, продолжая улыбаться. — Я следую твоим правилам, стараюсь не появляться здесь слишком часто, чтобы не навлекать на тебя подозрений. В любом случае сегодня я не смогу остаться; пришел лишь затем, чтобы сделать тебе предложение. Вот только теперь оно тебя вряд ли заинтересует. Какая жалость! И после стольких трудностей, которые мне пришлось преодолеть из-за тебя!

Тишина похолодела.

— Какую помощь ты можешь мне оказать?

Он вытащил лист бумаги из своей сумки и аккуратно развернул длинными пальцами. Теополис не спешил показывать его Тишине, но она вырвала листок у него из рук.

— Что это?

— Способ расплатиться с твоим долгом. Возможность навсегда избавиться от лишних забот.

Тишина держала в руках приказ о конфискации имущества в пользу ее кредитора Теополиса — и для погашения долга ей вменялось отдать ему свою собственность. Форту требовались дороги и земля, на которой находился постоялый двор. Они и в самом деле посылали сюда солдат для патрулирования. Иногда.

— Я забираю этот документ! — прорычала она. — Ты настоящий глупец! Что, готов отдать все, что у нас есть, ради захвата земли?

— Конечно, нет, Тишина. Это совершенно бесполезно! Но я испытываю некоторое неудобство из-за того, что ты постоянно мне должна. Разве не будет лучше, если я займусь всеми финансовыми делами постоялого двора? Ты останешься здесь работать и будешь получать премии за поимку преступников, как и всегда. Только тебе не придется беспокоиться о долгах — ну как?

Она смяла бумагу в руке.

— Ты превратишь меня и всех, кто со мной, в рабов, Теополис.

— Ну, не надо так драматизировать. Серьезные люди из Последнего Порта начали беспокоиться, что таким важным местом владеет никому не известный человек. Ты привлекаешь внимание, Тишина. Думаю, тебе оно ни к чему.

Тишина еще сильнее сжала кулак, окончательно смяв документ. Лошади в стойлах начали беспокойно переминаться с ноги на ногу. Теополис улыбался.

— Ну, возможно, до этого не дойдет, — наконец ответил он. — Может быть, на сей раз вознаграждение будет *очень* солидным? Ты мне не намекнешь, чтобы я не терялся в догадках целый день?

— Проваливай, — прошептала она.

— Дорогая Тишина, — сказал он. — Кровь Разведчика упрямa до последнего вздоха. Говорят, твои дедушка и бабушка были лучшими среди лучших. Первые люди, которые начали исследовать этот континент, первые, кому удалось построить жилище в Лесу... первые, застолбившие место в самом аду.

— Не называй это адом. Здесь мой дом.

— Но люди именно так видят это место. Неужели тебе не любопытно? Ад, земля проклятых, где поселились тени мертвых. Я продолжаю задавать себе один и тот же вопрос: действительно ли тень твоего умершего мужа охраняет твой постоялый двор, или это еще одна байка, которую ты скармливаешь посетителям, чтобы они чувствовали себя в безопасности? Ты тратишь огромные деньги на серебро. Оно дает настоящую защиту, а я так и не смог найти документ, удостоверяющий факт твоего замужества. Конечно, если его не существует, тогда крошка Вильям Энн...

— Уходи.

Теополис улыбнулся, однако приподнял шляпу и вышел. Тишина слышала, как он сел в седло и уехал. Очень скоро наступит ночь; впрочем, едва ли следовало рассчитывать, что его заберут Тени. Она давно подозревала, что где-то поблизости у него есть убежище, наверное, пещера, защищенная серебром.

Тишина размеренно дышала, стараясь успокоиться. Теополис вывел ее из состояния равновесия, но он знал далеко не все. Она заставила себя вновь сосредоточить внимание на лошадях и вышла, чтобы принести ведро воды. Затем высыпала в воду содержимое мешочков и дала досыта напиться каждой лошади.

Мешочки, из которых будет сочиться сок, они с легкостью обнаружат, когда снимут седла с лошадей перед очередным ночлегом. Нет, здесь требовалось нечто менее очевидное.

— И как мне это устроить? — шепотом спросила она, пока очередная лошадь пила из ведра. — Тени. Они тянутся ко мне со всех сторон.

Убей Теополиса. Так бы, наверное, поступила бабушка. Тишина обдумала такую возможность.

«Нет, — решила она, — я не стану убийцей, не превращусь в нее».

Теополис был настоящим мерзавцем, но он не нарушал законов и никому прямо не причинил вреда — насколько она знала. Даже здесь должны быть какие-то правила. Должны существовать границы. Быть может, в этом отношении она ничем не отличалась от тех, кто жил в форте.

Она найдет другой способ. У Теополиса был лишь документ о ее долгах; он хотел показать его ей — и не более того. Значит, у нее есть день или два, чтобы достать деньги. Все четко и ясно. Считалось, что в городах Леса есть цивилизация. И законы давали ей шанс.

Тишина вышла из конюшни, заглянула в окно общего зала и увидела, что Вильям Энн подает выпивку «купцам» из банды Честертона. Тишина остановилась, чтобы понаблюдать за происходящим.

За ее спиной под порывами ветра дрожал Лес.

Тишина вслушалась, а потом повернулась к Лесу. Она легко отличала жителей форта от остальных людей, они отказывались смотреть на Лес, отводили глаза, чтобы ненароком не заглянуть в его глубины. Мрачные деревья охватили практически весь континент, и их листва затеняла землю. Неподвижность. Молчание. Здесь жили животные, но обитатели форта утверждали, что среди них нет хищников. Тени разобрались с ними очень давно, их привлекала пролитая зверями кровь.

Когда Тишина смотрела на Лес, ей казалось, что она заставляет его... отступить. Темнота его глубин отодвигалась, неподвижность сменялась шорохами грызунов, пробирающихся по палой листве. Разведчики знали, что нужно смотреть Лесу в лицо. А те, кто выжил, ошибались. Здесь б ы л хищник. Сам Лес.

Тишина повернулась и направилась к двери кухни. Удержать за собой постоялый двор было ее главной целью, и она твердо решила получить награду за Честертона. Она понимала, что если не сумеет расплатиться с Теополисом, ее жизнь едва ли останется прежней, ведь она не может покинуть постоялый двор. У нее нет гражданства, чтобы поселиться в форте, а времена сейчас слишком суровы, никто из крестьян не возьмет ее

к себе на ферму. Нет, ей придется остаться на постоялом дворе и работать на Теополиса, и тогда он окончательно возьмет над ней власть, забирая все бóльшую часть ее денег за поимку преступников.

Она толкнула дверь в кухню. Там...

Себруки сидела на кухонном столе, держа на коленях арбалет.

— О Боги! — выдохнула Тишина, входя на кухню и прикрывая за собой дверь. — Дитя, что ты...

Себруки посмотрела на нее. В ее глазах клубились тени, и вновь появился страх, вытеснив все остальное.

— У нас гости, тетя Тишина, — заговорила Себруки холодным монотонным голосом. Рядом с ней лежал рычаг для зарядки арбалета. Она сама умудрилась с ним справиться. — Я намазала наконечник черной кровью. Я правильно сделала? Так яд убьет наверняка.

— Дитя... — Тишина шагнула вперед.

Себруки повернула арбалет, удерживая спуск одной маленькой рукой. Кончик стрелы был направлен на Тишину.

Себруки смотрела перед собой пустыми глазами.

— У тебя ничего не получится, Себруки, — сурово сказала Тишина. — Даже если ты сумеешь принести эту штуку в общий зал, то не сможешь в него попасть — а если попадешь, его люди отомстят и убьют всех нас!

— Я не против, — тихо ответила Себруки. — Если только сумею его убить. Если смогу выстрелить.

— Тебе наплевать на нас? — резко спросила Тишина. — Я приютила тебя, дала крышу над головой, а ты так хочешь мне отплатить? Ты украла оружие. Ты угрожаешь мне?

Себруки заморгала.

— Да что с тобой? — продолжала Тишина. — Ты готова пролить кровь в том месте, где нашла убежище? Готова привести сюда Тени и уничтожить нашу защиту? Если они проникнут сюда, то убьют всех, кто находится под моим кровом! Всех людей, которым я обещала надежное убежище. Как ты смеешь!

Себруки встряхнулась, словно просыпаясь. Маска спала с ее лица, и она уронила арбалет. Раздался щелчок, стрела пролетела в дюйме от щеки Тишины и разбила окно у нее за спиной.

Тени! Неужели стрела задела ее? Неужели Себруки пролила кровь? Тишина коснулась щеки дрожащей рукой, но, к счастью, крови не было. Стрела пролетела мимо.

Через мгновение рыдающая Себруки оказалась в ее объятиях. Тишина опустилась на колени и прижала девочку к груди.

— Успокойся, милая. Все хорошо. Все хорошо.

— Я слышала, — прошептала Себруки. — Мама даже не вскрикнула. Она знала, что я рядом. Она была сильной, тетя Тишина. Вот почему я могу быть сильной, даже если прольется кровь. Я слышала. Я все слышала.

Тишина закрыла глаза, продолжая прижимать Себруки к груди. Лишь она одна посмела осмотреть дымящиеся развалины фермы. Отец Себруки изредка останавливался на ее постоялом дворе. Хороший человек. Настолько хороший, насколько это возможно после того, как сюда пришло Зло.

Среди дымящихся развалин фермы Тишина нашла дюжину трупов. Честертон и его люди убили всю семью, в том числе и детей. Выжила только Себруки, младшенькая, спрятавшись под полом в спальне.

Девочка лежала там, залитая материнской кровью, и молчала даже после того, как Тишина ее нашла. Ей удалось отыскать девочку только благодаря тому, что Честертон рассыпал вокруг комнаты серебряную пыль, чтобы защититься от Теней перед убийством. Тишина пыталась собрать хотя бы часть пыли, забившейся между половицами, и сквозь щели заметила наблюдавшие за ней глаза.

За прошедший год Честертон сжег тринадцать ферм, а его бандиты убили более пятидесяти человек. И лишь Себруки удалось спастись.

Девочка содрогалась от рыданий.

— Почему... Почему?

— На то нет причины. Мне очень жаль.

Что еще она могла сделать? Произнести банальные слова утешения о Боге, который ждет их на другой стороне? Они находились в Лесу. Банальности здесь неуместны.

Тишина обнимала девочку до тех пор, пока ее рыдания не начали стихать. Вошла Вильям Энн и застыла возле стола, держа в руках поднос, заставленный пустыми кружками. Ее взгляд переместился с упавшего арбалета на разбитое окно.

— Ты его убьешь? — прошептала Себруки. — Ты добьешься справедливости?

— Справедливость умерла, — сказала Тишина. — Но да, я его убью. Я тебе обещаю, детка.

Вильям Энн сделала осторожный шаг, подняла арбалет и показала, что он сломался. Тишина вздохнула. Ей не следовало оставлять оружие там, где до него могла добраться Себруки.

— Займись посетителями, Вильям Энн, — сказала Тишина. — Я отведу Себруки наверх.

Вильям Энн кивнула, глядя на разбитое окно.

— Кровь не была пролита, — сказала Тишина. — С нами все будет в порядке. Но если у тебя выдастся свободная минутка, попробуй найти стрелу. У нее серебряный наконечник...

Сейчас они не могли себе позволить терять деньги.

Вильям Энн убрала арбалет в кладовую, а Тишина осторожно посадила Себруки на кухонный стул. Девочка прижималась к ее груди, отказываясь отпускать Тишину, и той пришлось посидеть рядом с ней еще немного.

Вильям Энн сделала несколько глубоких вдохов, словно пыталась успокоиться, и вышла в общий зал, чтобы разнести выпивку.

Наконец Себруки отпустила Тишину, и та сумела смешать ей лекарство. Затем она отнесла девочку на чердак, расположенный над общим залом, где стояли три кровати, в которых они спали. Доб ночевал в конюшне, а гости располагалась в более удобных комнатах второго этажа.

— Ты хочешь, чтобы я заснула, — сказала Себруки, глядя на чашку покрасневшими глазами.

— Утром мир покажется тебе более приятным местом, — сказала Тишина.

И я не могу рисковать — не хочу, чтобы ты пошла за мной ночью.

Девочка неохотно взяла чашку и выпила содержимое.

— Извини. За арбалет.

— Мы найдем способ, и ты отработаешь деньги на его починку.

Казалось, слова Тишины успокоили Себруки. Она была ребенком с фермы, рожденным в Лесу.

— Раньше ты мне пела перед тем, как я засыпала, — тихо сказала Себруки, укладываясь в кровать и закрывая глаза. — Когда ты привела меня сюда. После... после... — Она сглотнула.

— Я не знала, что ты это замечала.

В то время Тишина сомневалась, что Себруки замечала хоть что-то.

— Я все замечала.

Тишина села на стул рядом с кроватью Себруки. Ей не хотелось петь, поэтому она просто замурлыкала какую-то мелодию. Колыбельную, которую пела для Вильям Энн в трудные времена сразу после ее рождения.

Очень скоро она вспомнила слова:

— Успокойся, моя милая... не бойся. Спускается ночь, но с восходом к нам вернется солнце. А сейчас спи, моя милая,.. пусть высохнут твои слезы. Нас окружает мрак, но когда-нибудь мы проснемся...

Она держала Себруки за руку, пока та не заснула. Окно возле ее постели выходило во двор, и Тишина видела, как Доб выводит лошадей Честертона. Пятеро мужчин в богатых одеждах купцов вышли на крыльцо и уселись в седла.

Они чередой выехали на дорогу, и вскоре их поглотил Лес.

Через час после того, как спустилась ночь, Тишина в свете камина собрала заплечный мешок.

Огонь когда-то развела ее бабушка, и с тех пор он горел постоянно. Она едва не погибла, зажигая его, но не хотела платить продавцам огня. Тишина покачала головой. Ее бабушка всегда шла своим путем, нарушая обычаи. Однако чем Тишина отличалась от нее?

Не разжигай огня, не проливай крови других людей, не бегай по ночам. Это привлекает Тени.

Простые Правила, которым подчинялись все фермеры. Тишина множество раз нарушала все три. Удивительно, что она до сих пор не превратилась в Тень.

Тепло огня казалось чем-то очень далеким, пока она готовилась к убийству. Тишина посмотрела на старое святилище — на самом деле просто кладовку, всегда закрытую на замок. Пламя напомнило ей о бабушке. Временами она думала об огне, как о бабушке. До самого смертного часа та не покорялась ни Теням, ни форту. Тишина избавилась от всех следов пребывания бабушки на постоялом дворе, за исключением святилища Небесного Владыки. Оно находилось за запертой дверью, рядом с дверью, на которой когда-то висел серебряный бабушкин кинжал, символ старой религии.

На кинжале были выгравированы божественные символы, служившие оберегами. Однако Тишина носила его потому, что он был из серебра. В Лесу серебро никогда не бывает лишним.

Тишина тщательно собирала заплечный мешок — сначала положила лекарства, за ними последовал солидный мешочек с серебряной пылью для защиты. Затем она засунула туда десяток пустых мешков из грубого холста, промазанных изнутри смолой, чтобы не текли. Наконец, добавила масляную лампу. Тишина не доверяла огню, ведь он мог привлечь Тени, однако лампа не раз служила ей верой и правдой во время прошлых ночных походов, поэтому она решила взять ее, сказав себе, что зажжет только в том случае, если столкнется с тем, у кого уже горит огонь.

Закончив, она на миг задумалась, а потом подошла к старому хранилищу. Сняв несколько половиц, женщина достала маленький сухой бочонок, который лежал среди ядов.

Порох.

— Мама? — позвала Вильям Энн, заставив ее вздрогнуть.

Тишина не слышала, как девушка вошла на кухню, и едва не выронила бочонок из рук. Она выругала себя за глупость и прижала бочонок к боку. Без огня с порохом ничего не случится. Это она точно знала.

— Мама! — воскликнула Вильям Энн, не сводя взгляда с бочонка.

— Скорее всего, он мне не понадобится.

— Но...

— Я знаю. Молчи.

Тишина вернулась к заплечному мешку и положила в него бочонок, к стенке которого было прикреплено огниво. Поджог пороха — с точки зрения Теней — равносилен разжиганию огня. Это действие привлекало их почти так же быстро, как пролитая кровь, днем и ночью. Беженцы с Родины обнаружили это очень быстро.

Впрочем, обычное кровотечение — например, носовое — не привлекало Тени; они его даже не замечали. Но, почуяв кровь человека, пролитую чьими-то руками, они сначала устремляются к тому, кто это сделал. Конечно, после того, как они убивают его, почти всегда набрасываются на остальных. Охваченные яростью Тени становятся опасными для всех, кто находится рядом.

Когда Тишина упаковала порох, она заметила, что Вильям Энн приготовилась к путешествию — надела штаны и сапоги. И взяла такой же заплечный мешок.

— А ты куда собралась, Вильям Энн? — спросила Тишина.

— Ты намерена в одиночку убить пять человек, которые выпили всего лишь половину порции болотной травы, ведь так, мама?

— Я уже делала подобные вещи раньше и давно научилась действовать одна.

— Но только из-за того, что тебе было некому помочь. — Вильям Энн надела заплечный мешок. — Теперь все будет иначе.

— Ты слишком молода. Возвращайся в постель; ты должна приглядывать за постоялым двором, пока я не вернусь.

Однако Вильям Энн и не думала сдаваться.

— Дитя, я же сказала тебе...

— Мама, — перебила ее Вильям Энн, крепко взяв за руку, — ты уже немолода! Думаешь, я не вижу, как ты хромаешь? Ты не можешь все делать сама! Проклятие, ты должна разрешить мне начать тебе помогать!

Тишина посмотрела на дочь. Откуда в ней эта неукротимость? Сейчас Тишина с трудом могла вспомнить, что Вильям Энн из рода Разведчиков. Ее бабушка пришла бы в ярость, и это заставило Тишину испытать гордость. У Вильям Энн было настоящее детство. Нет, девочка не слабая, просто она... обычная. Женщина способна быть сильной, и ей совсем не обязательно быть бесчувственной, как кирпич.

— Не смей ругать свою мать, — наконец сказала дочери Тишина.

Вильям Энн приподняла бровь.

— Ты можешь пойти со мной, — сказала Тишина, высвобождая руку. — Однако будешь выполнять все, что я скажу.

Вильям Энн глубоко вздохнула и радостно кивнула:

— Я предупрежу Доба, что мы уходим.

И она вышла уверенной неспешной походкой жителя фермы, оказавшегося в темноте. И хотя Вильям Энн все еще находилась внутри защитного серебряного кольца, она знала, что нужно следовать Простым Правилам. Если забыть о них, когда находишься в безопасности, то обязательно совершишь ошибку, покинув защищенную территорию.

Тишина достала два мешочка и смешала два типа светящейся смолы. Закончив, она разлила получившуюся жидкость по двум разным кувшинчикам, которые также убрала в заплечный мешок.

И вышла наружу. Воздух был свеж и холоден. В Лесу воцарилась тишина.

Конечно, Тени уже выбрались на охоту.

Несколько тварей двигались по заросшей травой земле, видимые только благодаря собственному внутреннему свету. Бесплотные и прозрачные — это были старые Тени; они совсем не походили на людей. Их головы пульсировали, лица постоянно менялись подобно кольцам дыма, они оставляли за собой белый след длиной в руку. Тишина всегда представляла себе, что это остатки их рваной одежды.

Ни одна женщина, даже Разведчица, не могла смотреть на Тени, не ощущая, как внутри собирается холод. Конечно, призраки существовали и днем; просто их было невозможно увидеть. Зажги огонь, пролей кровь, и они явятся за тобой в любое время суток. Однако ночью они мгновенно реагировали на любые нарушения правил, а еще обращали внимание на быстрые движения, о чем днем можно было не беспокоиться.

Тишина достала один из кувшинчиков со светящейся смолой, и все вокруг озарилось бедно-зеленым светом, тусклым, но ровным и неизменным, в отличие от света факелов. Факелы не отличались надежностью — их нельзя было снова зажечь, если они гасли.

Вильям Энн уже поджидала мать с шестами для светильников.

— Нам нужно двигаться бесшумно, — сказала Тишина, прикрепляя кувшинчики к шестам. — Ты можешь говорить, но только шепотом. Повторяю еще раз: ты должна во всем меня слушаться. Сразу, без сомнений и споров. Те мужчины... они без малейших колебаний убьют тебя или поступят еще того хуже.

Вильям Энн кивнула.

— Ты недостаточно напугана, — сказала Тишина, накрывая черным чехлом кувшинчик с более яркой смолой.

Сразу стало темно, но Звездный Пояс сиял на далеких небесах. Часть его света проникала сквозь листву, в особенности рядом с дорогой.

— Я... — начала Вильям Энн.

— Ты помнишь, как пес Гарольда сошел с ума прошлой весной? — спросила Тишина. — Он никого не узнавал. Помнишь, какие были у него глаза? В них читалась лишь жажда убийства. Эти мужчины ничем от него не отличаются, Вильям Энн. Они бешеные псы, и их нужно уничтожить. Они не видят в тебе человека — только мясо. Ты меня понимаешь?

Вильям Энн кивнула. Однако Тишина видела, что дочь скорее взволнована, чем напугана, но с этим она ничего поделать не могла. Тишина дала Вильям Энн шест с более темной светящейся смолой. Кувшинчик испускал бледное голубоватое сияние, которое почти ничего не освещало. Второй шест Тишина перебросила через одно плечо, закинула мешок на другое и кивнула в сторону дороги.

Рядом с ними какая-то Тень приблизилась к границе постоялого двора. Однако стоило ей коснуться серебряного барьера на земле, как посыпались искры и ее отбросило назад. Тогда она поплыла в другую сторону.

Каждое такое прикосновение стоило Тишине денег, потому что уничтожало серебро. Вот за что платили посетители постоялого двора: его границы никто не нарушал в течение ста лет. В соответствии с давней традицией внутри не было ни одной нежелательной Тени и там царило некое подобие мира. Лучшее, что можно найти в Лесу.

Вильям Энн перешагнула через границу, которую отмечали большие серебряные кольца, надежно прикрепленные к бетону. Их никто не мог забрать и унести с собой. Чтобы заменить поврежденное кольцо — а постоялый двор защищали три концентрических круга, — требовалось выкопать целую секцию и освободить ее от цепи. Большая работа, и Тишине множество раз приходилось ее проделывать. Недели не проходило без необходимости замены одного или нескольких звеньев.

Ближайшая Тень уплыла в сторону. Она их не заметила. Тишина не знала, оставались ли люди, не нарушавшие Правил, для них невидимыми, или Тени просто считали их недостойными внимания.

Они с Вильям Энн зашагали по темной тропинке, заросшей травой. В Лесу нет хороших дорог. Возможно, если форты когда-нибудь выполнят свои обещания, ситуация изменится. И все же по таким дорогам можно путешествовать. Фермеры отправлялись отсюда в форты, чтобы продать зерно, выращен-

ное на полях, которые удавалось расчистить. Оно считалось лучше и вкуснее того, что привозили из горных областей. За кроликов и индеек, пойманных в силки, или тех, что разводили в клетках, давали хорошую цену в серебре.

Но не за кабанов. Лишь полные болваны, живущие в фортах, соглашались есть свиней.

Так или иначе, но торговля существовала, благодаря чему дороги оставались проходимыми, несмотря на то что деревья распускали свои ветви подобно загребущим рукам, чтобы вернуть себе часть утраченной земли. Лес не терпел самоуправства людей.

— Там! — прошептала Вильям Энн.

Тишина выдохнула, стараясь сохранять спокойствие. В тусклом свете она заметила голубую метку на дороге. Догадка Теополиса о том, как Тишина выслеживала преступников, была разумной, но неполной. Да, смола, известная под названием Огонь Абрахама, подсвечивала падающие на землю капли. Но так уж получилось, что она еще заставляла лошадей опорожнять свой мочевой пузырь.

Тишина внимательно осмотрела светящийся след смолы и мочи на земле. Она опасалась, что Честертон и его люди свернут с дороги в Лес сразу после того, как покинут постоялый двор. Не слишком вероятно, но она все же рассматривала такой вариант.

Теперь она уже не сомневалась, что идет по следу бандитов. Если Честертон и свернул в Лес, то лишь через несколько часов после того, как покинул постоялый двор, чтобы никто не заподозрил, что они вовсе не купцы. Тишина закрыла глаза и облегченно вздохнула, неожиданно для себя обнаружив, что возносит какую-то благодарственную молитву. Откуда она взялась? Прошло так много времени...

Тишина тряхнула головой, встала и зашагала дальше по дороге. Она напоила настоем смолы все пять лошадей, так что они оставляли надежный след.

Лес в эту ночь казался... особенно темным. Свет Звездного Пояса не мог преодолеть плотный полог листвы. Да и Теней вокруг было больше, чем обычно, они бродили между стволами, испуская слабое сияние.

Вильям Энн крепко сжимала свой шест. Конечно, ей уже доводилось выходить из дома ночью. Ни один фермер не любил

это делать, но и уклоняться от работы никто из них не стал бы. Нельзя же все время сидеть взаперти, страдая от страха темноты. Иначе станешь таким же, как люди форта. Жизнь в Лесу была трудной, иногда смертельно опасной, но там ты оставался свободным.

— Мама, — на ходу прошептала Вильям Энн. — Почему ты больше не веришь в Бога?

— Ты считаешь, что сейчас подходящее время для таких вопросов, девочка?

Вильям Энн посмотрела вниз, когда они перешагивали через очередную полоску мочи, светящуюся голубым.

— Ты всегда так говоришь.

— Да, как правило, я стараюсь избежать ответа на этот вопрос, когда ты его задаешь, — сказала Тишина. — Но я обычно и не разгуливаю по Лесу ночью.

— Для меня важно знать это сейчас. Ты ошибаешься, если думаешь, что я недостаточно напугана. Я едва могу дышать, но мне хорошо известно, какие опасности грозят нашему постоялому двору. Ты всегда сердишься после визитов мастера Теополиса. И не так часто меняешь серебро на защитной границе, как раньше. А еще через день ничего не ешь, кроме хлеба.

— Ты полагаешь, это как-то связано с Богом?

Вильям Энн продолжала смотреть вниз.

«О, Тени, — подумала Тишина. — Она считает, что нас наказывают. Глупая девочка. Такая же глупая, как ее отец».

Они приблизились к Старому мосту и перешли его по древним, скрипучим доскам. При свете дня можно было разглядеть брусья Нового моста в пропасти, далеко внизу, олицетворение обещаний фортов и их подарков, которые всегда выглядят красиво, но очень быстро идут прахом. Среди тех, кто восстанавливал Старый мост, был и отец Себруки.

— Я верю в Небесного Владыку, — сказала Тишина после того, как они оказались на другом берегу.

— Но...

— Я не поклоняюсь ему, — сказала Тишина, — но верю. В старых книгах эту землю называют домом проклятых. Я сомневаюсь, что поклонение принесет какую-то пользу, если ты уже проклят. Вот и все.

Вильям Энн не ответила.

Еще два часа они шагали молча. Тишина хотела пойти напрямик, через Лес, но боялась потерять след, а возвращаться назад было бы слишком опасно. Кроме того, отметки, слабое голубое сияние смолы... были чем-то р е а л ь н ы м . Линия жизни в мире, полностью погруженном в тени, линия, означавшая безопасность для нее и дочерей.

Обе считали шаги между светящимися следами мочи, а потому пропустили поворот. После того как они несколько минут шли вперед, не находя новых следов, Тишина и Вильям Энн молча повернули обратно и принялись изучать обочину дороги. Тишина опасалась, что это будет самой трудной частью охоты, но они легко нашли место, где бандиты свернули в Лес. Сияющий след копыт указал им путь; одна из лошадей наступила на влажное место, где остался след мочи другой.

Тишина сняла мешок и открыла его, чтобы достать гарроту, затем поднесла палец к губам и показала Вильям Энн, что она должна ждать ее на дороге. Девушка кивнула. Тишина не могла разглядеть ее лица в темноте, но слышала, что дыхание дочери участилось. Одно дело просто выйти в темноту, и совсем другое разгуливать по Лесу ночью...

Тишина взяла кувшинчик с голубой светящейся смолой и накрыла его носовым платком. Потом сняла ботинки и чулки и ушла в ночь. Всякий раз, когда Тишина так делала, она вновь чувствовала себя ребенком, отправившимся в Лес с дедом. Босые ноги осторожно ступали по земле, чтобы не зашуршала листва и не треснула ветка.

Она вновь слышала его дающий указания голос, дед рассказывал, как оценивать ветер и использовать шелест листвы, чтобы замаскировать собственные шаги. Тишина любила Лес до тех пор, пока он не забрал ее деда.

«Никогда не называй эту землю адом, — сказал он ей както. — Уважай ее, как опасного зверя, но не испытывай ненависти».

Тени скользили между соседними деревьями, но при почти полном отсутствии света оставались практически невидимыми. Тишина старалась держаться от них подальше, изредка оборачивалась, чтобы проследить, как очередной призрак проплывает мимо. Столкновение с этой тварью может убить человека, но такие случаи происходили крайне редко. Если Тени не приходили в ярость, то держались в стороне от людей, словно их

отгонял легкий ветерок. Пока ты двигался медленно — как положено, — тебе не грозила опасность.

Тишина прикрывала кувшинчик платком, лишь изредка убирая его, чтобы проверить след. Светящаяся смола озаряла Тени, а Тени, сиявшие слишком ярко, могли предупредить о ее появлении.

Где-то рядом раздался стон. Тишина замерла на месте, сердце отчаянно колотилось у нее в груди, словно хотело выпрыгнуть. Тени не издавали звуков; стонал человек. Сохраняя неподвижность, Тишина принялась оглядываться по сторонам, пока не обнаружила часового, удачно спрятавшегося у впадины в стволе дерева. Сейчас он шевелился, массируя виски. Сказывалось действие яда, который налила в его пиво Вильям Энн.

После некоторых колебаний Тишина обошла дерево сзади, присела на корточки и минут пять ждала, когда мужчина снова начнет шевелиться. Он поднял руку, зашелестела листва.

Тишина метнулась вперед, накинула гарроту ему на шею и тут же ее затянула. Удушение не лучший способ убийства в Лесу, слишком медленный.

Часовой начал биться, пытаясь пальцами сдвинуть гарроту, и находившиеся неподалеку Тени замерли.

Тишина усилила давление на гарроту. Ослабленный ядом часовой попытался лягнуть ее. Она отодвинулась назад, продолжая натягивать гарроту и наблюдая за Тенями. Они напоминали животных, принюхивающихся к воздуху. Некоторые из них начали тускнеть, их собственное сияние слабело, и они из белых становились черными.

Плохой знак. Тишина слышала биения своего сердца, подобные ударам грома.

Проклятие, умри же наконец!

Мужчина перестал дергаться, его движения постепенно замедлялись. После того как он содрогнулся в последний раз и затих, Тишина, затаив дыхание, подождала несколько мгновений. Наконец Тени вокруг снова стали белесыми и возобновили свое беспорядочное движение.

Облегченно переведя дух, Тишина сняла гарроту. И, сориентировавшись, вернулась к тому месту, где ее ждала Вильям Энн.

Она могла гордиться дочкой — девушка так хорошо спряталась, что Тишина не увидела ее до тех пор, пока не услышала шепот:

— Мама?

— Да, — сказала Тишина.

— Благодарение Небесному Владыке, — сказала Вильям Энн, выбираясь из ложбины, где пряталась, накрывшись палой листвой, и положила на плечо Тишины дрожащую руку.

— Ты их нашла?

— Я убила часового, — кивнув, ответила Тишина. — Остальные четверо, должно быть, спят. Теперь мне потребуется твоя помощь.

— Я готова.

— Следуй за мной.

Они двинулись по тропинке, проложенной Тишиной. Когда они оказались рядом с трупом часового, Вильям Энн осмотрела его без малейших признаков жалости.

— Один из них, я его узнала, — прошептала она.

— Конечно, он один из них.

— Я просто хотела убедиться. Раз уж мы... ну, ты понимаешь.

Неподалеку от того места, где стоял часовой, они обнаружили лагерь. Четверо мужчин спали в окружении Теней, так могли поступить лишь те, кто рожден в Лесу. В центре лагеря они поставили кувшинчик со светящейся смолой, поместив его в небольшую ямку, чтобы не выдал их местоположение. Однако Тишине хватило зеленого света, чтобы увидеть привязанных неподалеку лошадей и лицо Вильям Энн. К своему удивлению, она прочитала на нем гнев, а не страх. Вильям Энн очень быстро стала старшей сестрой, защитницей Себруки. Теперь она была готова убивать.

Тишина указала на мужчину, который спал с краю, справа, и Вильям Энн кивнула. Наступил едва ли не самый опасный момент. Несмотря на действие яда, любой из бандитов, умирая, мог зашуметь и разбудить остальных.

Тишина вытащила один из плотных холщовых мешков и протянула Вильям Энн, а затем вынула молоток. Он не был настоящим боевым оружием, о котором говорил дед, всего лишь обычный инструмент для заколачивания гвоздей. Или других вещей.

Тишина наклонилась над первым мужчиной, посмотрела на его скованное сном лицо, и по ее телу пробежала дрожь. Ей показалось, что он вот-вот откроет глаза.

Она показала три пальца Вильям Энн и начала опускать их по одному. Когда она загнула третий, Вильям Энн накинула мешок на голову бандита, он дернулся, и Тишина нанесла ему сильный удар молотком в висок. Череп треснул, и Тишина почувствовала, как голова слегка вдавилась в землю. Мужчина еще раз дернулся и затих.

Тишина подняла голову и оглядела остальных бандитов, пока Вильям Энн закрывала мешок. Ближайшие Тени замерли, но довольно быстро потеряли интерес к происходящему. Пока просмоленный мешок не пропускал кровь, они были в безопасности. Тишина еще дважды ударила мужчину по голове молотком и проверила пульс. Его не было.

Они осторожно проделали то же самое со следующим мужчиной — жестокая работа, похожая на забой животных. Тишина старалась думать о них, как о бешеных псах, и ей становилось легче. Но мысли о том, что бандиты сделали с Себруки, мешали, вызывая гнев, а она не могла себе это позволить — нужно было оставаться холодной, спокойной и рациональной.

Чтобы убить второго, потребовалось нанести больше ударов по голове, но он пробуждался медленнее, чем его приятель. От болотной травы люди становились слабыми. Идеальный яд для ее целей. Они должны были быть сонными и немного сбитыми с толку. И...

Следующий мужчина внезапно сел.

— Что?.. — невнятно пробормотал он.

Тишина прыгнула к нему, схватила за плечи и повалила на землю. Ближайшие Тени повернулись в их сторону, словно услышали громкий звук. Тишина вытащила гарроту, и мужчина попытался ее оттолкнуть. Вильям Энн тихонько ахнула.

Тишина перекатилась, накинув гарроту на шею бандита, сильно натянула ее, и он начал метаться, привлекая внимание призраков. Он был уже практически мертв, когда последний мужчина вскочил на ноги. Он плохо соображал и решил сбежать.

Тени! Честертон! Если он привлечет к себе внимание Теней...

Тишина выпустила задыхавшегося бандита, отбросила всякую осторожность и помчалась за Честертоном. Если Тени превратят его в пыль, она *ничего* не получит. Если трупа не будет, то и награды ей не видать.

Тени возле лагеря исчезли из виду, когда Тишина догнала Честертона возле лошадей. Она сбила его с ног, и ослабевший бандит рухнул на землю.

— Ах ты, сука, — пробормотал он, пытаясь достать ее ногой. — Ты хозяйка постоялого двора. Ты меня отравила, с у к а!

Тени в Лесу полностью почернели, вспыхнули зеленые глаза, испускавшие призрачный свет, — теперь Тени обладали зрением.

Тишина отбросила в сторону руки пытавшегося сопротивляться Честертона.

— Я тебе заплачу, — бормотал он. — Я заплачу...

Тишина ударила его молотком по руке, заставив закричать. Затем молоток опустился на лицо, и раздался хруст. Тишина сорвала с себя свитер, пока бандит метался и стонал, и ей каким-то образом удалось замотать им его голову и молоток.

— Вильям Энн! — закричала она. — Мне нужен мешок. Мешок, девочка! Дай мне...

Вильям Энн опустилась на колени рядом с ней, накинула мешок на голову Честертона — кровь уже начала просачиваться через свитер. Тишина нащупала рукой камень и ударила им по покрытой мешком голове. Свитер заглушал крики Честертона, но и смягчал удары. Ей приходилось наносить их снова и снова.

Наконец Честертон затих. Вильям Энн прижимала мешок к его шее, чтобы не дать крови просочиться наружу, и дыхание с хрипом вырывалось из ее груди.

— Владыка Небесный. О, Владыка...

Тишина осмелилась поднять взгляд. Дюжины зеленых глаз мерцали в Лесу, сияя, словно маленькие костры в темноте. Вильям Энн зажмурилась и произнесла молитву, по ее щекам текли слезы.

Тишина протянула руку к поясу и вытащила серебряный кинжал, вспомнив другую ночь и еще одно море зеленых глаз. Последнюю ночь ее бабушки. *Беги, девочка! БЕГИ!*

В ту ночь она могла убежать. Они были близко от убежища. У ее бабушки был шанс, но она не сумела спастись.

Та ночь до ужаса напугала Тишину. То, что сделала бабушка. И то, что сделала сама Тишина... Что ж, сегодня у нее осталась одна надежда. Бежать бессмысленно. До постоялого двора слишком далеко.

Однако зеленые глаза стали медленно меркнуть. Тишина села на землю, и серебряный кинжал выпал из ее пальцев.

Вильям Энн открыла глаза.

— О, Владыка Небесный! — прошептала девушка, когда Тени начали бледнеть. — Чудо!

— Нет, не чудо, — возразила Тишина. — Просто удача. Мы вовремя его убили. Еще секунда, и они бы разъярились.

Вильям Энн обхватила себя руками.

— О, Тени, Тени, — прошептала она. — Я думала, мы уже мертвы. О, Тени.

Внезапно Тишина кое-что вспомнила. Третий мужчина. Она не успела его задушить, когда Честертон бросился бежать. Тишина вскочила на ноги и повернулась.

Третий бандит неподвижно лежал на земле.

— Я его прикончила, — сказала Вильям Энн. — Мне пришлось задушить его руками. Собственными руками...

Тишина посмотрела на нее.

— Ты все хорошо сделала, девочка. Скорее всего ты спасла нам жизнь. Не будь тебя здесь, я бы не сумела убить Честертона, не рассердив Тени.

Вильям Энн смотрела в темноту, наблюдая за успокоившимися призраками.

— А что заставило бы тебя увидеть чудо, а не совпадение? — спросила она.

— Ну, очевидно, для этого необходимо чудо, — ответила Тишина. — Чудо, а не совпадение. Пойдем. Нужно надеть на них по второму мешку.

Сникшая Вильям Энн присоединилась к ней, помогая надевать мешки на головы бандитов. На каждого по две штуки, на всякий случай. Кровь опаснее всего. Бег привлекает Тени, но медленно. Огонь приводит их в ярость моментально — однако он ослепляет их и смущает.

А кровь... кровь, пролитая в гневе, оказавшаяся на открытом воздухе... одна капля способна заставить Тени убивать — сначала тебя, а потом всех, кто находится поблизости.

На всякий случай Тишина проверила пульс у каждого бандита, но все они были мертвы. Они оседлали лошадей и погрузили на них трупы, в том числе и часового, а потом привязали тела. Кроме того, они прихватили постельные принадлежности

и все остальные вещи, надеясь, что у бандитов было серебро. Закон позволял Тишине сохранить все, что она найдет, если только там не будет украденных вещей, о которых сообщалось ранее. В данном случае форты хотели смерти Честертона. Все этого хотели.

Тишина затянула веревку и вдруг замерла на месте.

— Мама! — позвала Вильям Энн, заметив то же самое.

Послышался шелест листвы, они открыли свои кувшинчики с зеленой светящейся смолой, и маленький лагерь был хорошо освещен, когда они увидели восьмерых конных мужчин и женщин.

Они были из форта. Хорошая одежда и то, как они смотрели на Тени... Люди из города, тут не могло быть никаких сомнений. Тишина шагнула вперед, пожалев, что не держит в руке молоток — с ним она бы выглядела устрашающе. Однако молоток лежал в мешке, накинутом на голову Честертона. На нем осталась свежая кровь, поэтому она не сможет его забрать до тех пор, пока та не засохнет или они не окажутся в безопасном месте.

— Вы только посмотрите, — сказал мужчина, ехавший во главе отряда. — Я не поверил, когда Тобиас доложил мне, вернувшись из разведки. Все пятеро бандитов Честертона убиты двумя фермерами из Леса!

— Кто вы такие? — спросила Тишина.

— Рыжий Янг, — ответил мужчина, приподнимая шляпу. — Я охочусь за ними вот уже четыре месяца. Ужасно вам благодарен за то, что доставили их мне. — Он махнул рукой своим людям, и несколько человек спешились.

— Мама! — прошипела Вильям Энн.

Тишина заглянула в глаза Рыжего. Он был вооружен дубинкой, а одна из женщин у него за спиной держала в руках новый арбалет, стрелявший стрелами с затупленными наконечниками. Их можно быстро взводить, и после выстрела из такого оружия крови не бывает.

— Отойди от лошадей, дитя, — сказала Тишина.

— Но...

— Отойди.

Тишина бросила удила ведущей лошади. Трое людей из форта тут же подошли к ним, а одна из женщин взялась за повод той, на которой лежало тело Честертона.

Тишина положила руку на седло коня Честертона. Женщина, которая держала его повод, остановилась и посмотрела на своего командира. Тишина вытащила нож из ножен.

— Вы должны нам, — сказала Тишина, спрятав руку с ножом так, чтобы Рыжий ее не увидел. — После всего, что мы сделали. Четверть награды, и я никому не скажу ни слова.

— Конечно, — сказал он, приподнимая шляпу и фальшиво улыбаясь. — Одна четверть, договорились.

Тишина кивнула и незаметно прижала нож к тонкой веревке, которая удерживала тело Честертона. Когда женщина потянула коня за собой, лезвие ножа рассекло веревку. Тишина отступила назад, незаметно спрятав нож и положив другую руку на плечо Вильям Энн.

Рыжий снова приподнял шляпу, и очень скоро охотники за наградой направились по тропе между деревьями к дороге.

— Одна четверть? — прошипела Вильям Энн. — Ты думаешь, они заплатят?

— Сомневаюсь, — ответила Тишина, поднимая с земли свой мешок. — Нам еще повезло, что они нас не убили. Пойдем. — Она направилась в сторону, противоположную от дороги. Вильям Энн последовала за ней, обе двигались осторожно, как и следовало ходить в Лесу. — Возможно, для тебя пришло время вернуться на постоялый двор, Вильям Энн.

— А ты что собираешься делать?

— Получить нашу награду.

Проклятие, она Разведчица. И никакой наглый тип из форта не отнимет то, что принадлежит ей по праву.

— Ты хочешь подстеречь их на Белом перевале? И что ты сделаешь? Мы не можем сражаться с таким количеством людей, мама.

— Я найду способ.

Этот труп означал слишком многое: свободу — жизнь — для ее дочерей. И Тишина твердо решила, что не упустит свой шанс, точно дым меж пальцев. Они вошли в темноту, миновали несколько Теней, которые еще совсем недавно могли покончить с ней и Вильям Энн. Теперь призраки удалялись прочь, их больше не интересовали тела живых.

Думай, Тишина, тут что-то не так. Как эти люди нашли лагерь? Свет? Может быть, слышали их с Вильям Энн разговор? Они сказали, что гоняются за Честертоном много месяцев.

Но тогда Тишина о них знала бы. Они не выглядели так, словно много дней скитались по Лесу, преследуя убийц.

Вывод, к которому она пришла, не порадовал Тишину. Только один человек знал, что она собралась ночью на охоту, и видел, как она готовилась. И у него достаточно причин желать, чтобы она не получила премию за поимку преступников.

«Теополис, надеюсь, я ошибаюсь, — подумала она. — Но если за этим стоишь ты...»

Тишина и Вильям Энн углубились в Лес, в те глухие места, где листва поглощала весь свет и земля полностью оставалась в темноте. Точно слепые часовые, Тени патрулировали бескрайние просторы, заросшие деревьями. Рыжий и другие охотники за наградой пришли из фортов. Они будут двигаться по дорогам; и в этом состояло ее преимущество. Лес никогда не был дружелюбен к фермерам, но знакомые пропасти не так опасны.

Тишина прекрасно здесь ориентировалась и знала Лес гораздо лучше любого жителя форта. Возможно, пришло время устроить бурю.

Фермеры называли «Белым перевалом» часть дороги, вдоль которой шли грибные поля. Чтобы дойти туда через Лес, требовался приблизительно час, и когда они туда добрались, Тишина почувствовала, что сказывается ночь, проведенная без сна. Она заставила себя не обращать внимания на усталость и шагала по грибным полям с кувшинчиком, который испускал зеленый свет, озарявший деревья и неровности земли.

Дорога делала поворот и выходила сюда. Чтобы попасть в Последний Порт или любой другой из расположенных поблизости фортов, это направление было единственным.

— Ты пойдешь дальше, — сказала Тишина Вильям Энн. — Через час будешь на постоялом дворе. Проверь, все ли там в порядке.

— Я не оставлю тебя, мама.

— Ты обещала, что будешь слушаться. Собираешься нарушить свое слово?

— А ты обещала позволить тебе помогать. Теперь ты нарушишь свое слово?

— Мне не требуется твоя помощь для того, что я собираюсь сделать, — заявила Тишина. — И это будет опасно.

— Что ты задумала?

Тишина остановилась около дороги, опустилась на колени и принялась рыться в заплечном мешке. Наконец она достала маленький бочонок с порохом, и Вильям Энн стала такого же цвета, что и белесые грибы вокруг.

— Мама!

Тишина отвязала старое огниво своей бабушки. Она не была уверена, в порядке ли оно. Она бы никогда не осмелились свести две металлические руки, напоминавшие клещи. Если их сжать, появятся искры, а потом пружина заставит их разойтись.

Тишина посмотрела на дочь и подняла огниво. Вильям Энн отступила назад и огляделась по сторонам — туда, где двигались Тени.

— Неужели все настолько скверно? — прошептала девушка. — Для нас?

Тишина кивнула.

— Ну и ладно.

Глупая девочка. На самом деле Тишина не собиралась отсылать Вильям Энн, понимая, что скорее всего, самой ей не справиться. Тишина собиралась забрать труп. Тела были тяжелыми, а отсечь голову она не могла. Во всяком случае, в Лесу, когда Тени находятся так близко.

Она достала из мешка лекарства, прикрепленные между двумя небольшими дощечками, которые предполагалось использовать в качестве лубков, и быстро привязала дощечки к огниву с двух сторон. Потом при помощи маленькой лопатки выкопала в мягкой земле неглубокую яму размером с бочонок пороха.

Затем Тишина вытащила пробку из бочонка и поставила его в яму. Намочив носовой платок маслом из лампы, она засунула один конец в бочонок, а другой поместила так, чтобы он оказался рядом с той частью огнива, откуда вылетают искры, и положила его на дорогу. Теперь ей оставалось лишь накрыть свою простенькую ловушку листвой. Если кто-то наступит на огниво, оно сработает и искры подожгут смоченный в масле платок. Может быть.

Она не могла сама разжечь огонь, потому что тогда Тени пришли бы за ней.

— А что будет, если никто из них не наступит на огниво? — спросила Вильям Энн.

— Тогда мы найдем другое место на дороге и все повторим, — сказала Тишина.

— Ты ведь понимаешь, что это может привести к тому, что прольется кровь?

Тишина не ответила. Если ловушка сработает после того, как кто-то на нее наступит, Тени не догадаются, что виной всему Тишина. Они атакуют того, кто заставит загореться огонь. Но если прольется кровь, они придут в ярость. И после этого уже не будет иметь значения, кто явился тому причиной. Опасность будет грозить всем.

— Осталось еще несколько часов темноты, — сказала Тишина. — Прикрой смолу.

Вильям Энн кивнула и поспешно накрыла кувшинчик. Тишина еще раз осмотрела ловушку, положила руку на плечо Вильям Энн и отвела ее на обочину дороги. Здесь, на повороте, рос густой кустарник, но над самой дорогой виднелись просветы в листве. Люди всегда стремились находить такие места в Лесу, куда проникало солнце.

Через некоторое время появился отряд, которого они ждали. Люди двигались молча, каждый нес кувшинчик со светящейся смолой. Обитатели фортов не разговаривают по ночам. Они миновали ловушку, которую Тишина поставила в самой узкой части дороги. Она затаила дыхание, наблюдая, как лошади, шаг за шагом, проходят мимо небольшого возвышения, под которым был спрятан бочонок с порохом. Вильям Энн заткнула уши и съежилась.

Наконец копыто одной из лошадей задело ловушку, но ничего не произошло. Тишина выдохнула. Что делать, если огниво не работает? Найдет ли она другой способ, чтобы...

Взрыв явился для нее полнейшей неожиданностью. Когда волна воздуха ударила в ее тело, Тени мгновенно исчезли, и тут же открылись зеленые глаза. Лошади вставали на дыбы, кричали люди.

Тишина встряхнулась, приходя в себя, схватила Вильям Энн за плечо, заставляя дочь подняться на ноги. Ловушка сработала даже лучше, чем она рассчитывала; горящая тряпица дала лошади возможность сделать несколько шагов вперед перед взрывом. Никакой крови, только множество испуганных лошадей и потрясенных людей. Маленький бочонок с порохом не привел к серьезным разрушениям, как она рассчитывала, — истории о возможностях пороха оказались столь же преувеличенными, как и большинство легенд о Родине, — но грохот был оглушительным.

В ушах у Тишины звенело, когда она пробиралась между ошеломленных людей, надеясь найти то, что ей было нужно. Труп Честертона лежал на земле, напуганная лошадь встала на дыбы, и подрезанная веревка не выдержала. Тишина схватила труп под руки, Вильям Энн взялась за ноги, и они поспешили скрыться в Лесу.

— Идиоты! — закричал Рыжий среди общего смятения. — Остановите ее! Это...

Он смолк — Тени устремились на дорогу, к людям. Рыжий сумел успокоить своего скакуна, но теперь ему приходилось уклоняться от призраков. Они были рассержены и стали полностью черными, взрыв и вспышка огня их ошеломили. Они метались на дороге, точно мотыльки вокруг пламени. Зеленые глаза. Небольшое утешение. Но если они станут красными...

Один из охотников за наградой, стоявший на дороге, резко повернулся — и тут на него напала Тень. Спина несчастного изогнулась, черные щупальца опутали его тело. Он упал на колени и пронзительно закричал, плоть его лица стремительно усыхала.

Тишина отвернулась. Вильям Энн с ужасом смотрела на упавшего человека.

— Медленно, дитя, — сказала Тишина, надеясь, что ее голос звучит успокаивающе. Чувствовала она себя паршиво. — Осторожно. Мы сможем от них оторваться. Вильям Энн, посмотри на меня.

Девушка повернулась к ней.

— Смотри в глаза. Двигайся. Вот так. Помни, сначала Тени пойдут к источнику огня. Сейчас они ошеломлены. Они не чуют огонь так, как кровь, поэтому будут искать того, кто быстро передвигается. Так что иди медленно и неспешно. Пусть мечущиеся городские жители их отвлекут.

Они углублялись в Лес с мучительной осторожностью. Вокруг царили хаос и ужас, со всех сторон им грозила опасность, поэтому казалось, что они едва ползут. Рыжий организовал сопротивление. С обезумевшими от огня Тенями можно сражаться, уничтожая их при помощи серебра. Да, будут появляться все новые и новые Тени, но если люди поведут себя умно и им повезет, они сумеют уничтожить тех, кто оказался рядом, а потом медленно отступить от источника огня, спрятаться и выжить. Может быть.

Если только один из них случайно не пустит кому-то кровь.

Тишина и Вильям Энн прошли через грибное поле, светящееся, точно черепа крыс. Грибы бесшумно лопались у них под ногами. Но удача на миг от них отвернулась. Две Тени, находившиеся с краю, каким-то образом их заметили и устремились за уходящими женщинами.

Вильям Энн тихонько ахнула. Тишина спокойно опустила плечи Честертона и вытащила нож.

— Не останавливайся, — прошептала она. — Тащи его дальше. Медленно, девочка. М е д л е н н о.

— Я тебя не оставлю!

— Я догоню, — сказала Тишина. — Ты еще не готова для этого.

Она не стала проверять, повиновалась ли Вильям Энн, потому что Тени — черные, точно уголь, — спешили к ним через белое грибное поле и были уже совсем рядом. Сила не помогала в борьбе с Тенями. Они не обладали плотью. Только две вещи имели значение: двигаться и не терять самообладания.

Да, Тени были опасны, но, если у тебя есть серебро, с ними можно сражаться. Многие погибали из-за того, что обращались в бегство, привлекая новые Тени, вместо того чтобы остановиться и вступить в схватку.

Тишина взмахнула серебряным клинком, когда Тени к ней приблизились.

«Хотите заполучить мою дочь, порождения ада? — оскалившись, подумала она. — Вам бы следовало напасть на городских».

Она провела ножом сквозь первую Тень, как ее учила бабушка.

Не отступай и не пытайся защищаться, когда сражаешься с Тенями. В твоих жилах течет кровь Разведчиков. Ты заявила свои права на Лес. Ты такое же существо Леса, как и другие. Как я...

Нож прошел сквозь Тень, Тишина ощутила легкое сопротивление, и во все стороны полетели ослепительно белые искры. Тень сразу отступила, ее черные щупальца бессмысленно дергались.

Тишина повернулась к другой. На фоне черного неба она видела только глаза жуткого зеленого цвета — Тень потянулась к ней, и Тишина сделала выпад.

Призрачные руки коснулись Тишины, и она почувствовала, как ледяные пальцы сомкнулись на ее руке чуть ниже локтя. Она их ощущала. Пальцы Тени были материальны; они могли схватить и удерживать. Только серебро заставляло тварей отступить. Только при помощи серебра можно было с ними сражаться.

Тишина нанесла новый удар, и на землю ослепительным потоком посыпались искры, словно кто-то вывернул ведро воды. Тишина застонала от жуткой ледяной боли и выронила нож — ее пальцы потеряли чувствительность. Потом ее бросило вперед, она упала на колени, а вторая Тень опрокинулась на спину и начала вращаться по какой-то безумной спирали. Первый призрак корчился на земле, точно умирающая рыба, пытаясь подняться, но его верхняя половина отвалилась.

Холод в руке был таким ж е с т о к и м. Тишина смотрела на свою раненую руку и видела, как та усыхает прямо у нее на глазах.

Она услышала плач.

Ты стоишь здесь, Тишина, — послышался голос бабушки, и на Тишину нахлынули воспоминания о том, как она в первый раз убила Тень. — *Делай, как я говорю. Никаких слез! Разведчики не плачут. Разведчики НЕ ПЛАЧУТ!*

Той ночью Тишина начала ненавидеть бабушку. Ей было десять, она сжимала в руке свой маленький нож, дрожала и плакала, а бабушка окружала ее и дрожащую Тень кольцом серебряной пыли.

Бабушка ходила по периметру, раздражая Тень, а Тишина оставалась рядом со смертью.

Есть только один способ научиться это делать, Тишина. И ты сможешь, так или иначе!

— Мама! — позвала Вильям Энн.

Тишина заморгала, воспоминания исчезли, и она увидела, что дочь посыпает серебряной пылью ее руку. Усыхание сразу прекратилось, когда Вильям Энн, с трудом сдерживая слезы, использовала все их запасы серебра, чтобы излечить руку матери. Металл повернул процесс вспять, и кожа снова стала розовой, чернота отступила, окруженная белыми искрами.

«Слишком много», — подумала Тишина.

В спешке Вильям Энн потратила все серебро, гораздо больше, чем требовала рана. Но Тишина не могла дать волю гневу, ведь она снова чувствовала руку, ледяной холод исчез.

— Мама, — заговорила Вильям Энн. — Я оставила тебя, как ты и просила. Но он был слишком тяжелым, и я не смогла уйти далеко. Я вернулась. Мне очень жаль. Но я вернулась!

— Спасибо, — выдохнула Тишина. — Ты все правильно сделала.

Она погладила дочь по плечу, а потом рукой, которая еще недавно усыхала у нее на глазах, отыскала в траве бабушкин нож. Она поднесла его к глазам и увидела на лезвии черные следы, но он все еще не потерял своих свойств.

Между тем на дороге городские жители образовали круг, отгоняя Тени копьями с серебряными наконечниками. Все лошади сбежали, или их пожрали призраки. Тишина пошарила на земле, но нашла лишь горстку серебряной пыли. Остальное ушло на исцеление. Слишком много.

«Сейчас нет смысла об этом жалеть», — подумала она, высыпая серебряную пыль в карман.

— Пошли, — сказала Тишина, поднимаясь на ноги. — Жаль, что я не научила тебя с ними сражаться.

— Нет, ты меня учила, — возразила Вильям Энн, вытирая слезы. — Ты мне рассказывала.

Рассказывала, но никогда не показывала.

Тени, бабушка. Я знаю, что разочаровала тебя, но не стану так с ней поступать. Просто не могу. Но я хорошая мать. Я буду защищать моих девочек.

Они миновали грибное поле со своим жутким призом и двинулись дальше в Лес. Мимо них промчались новые темные Тени, устремившиеся в сторону схватки. Искры привлекли их внимание, и Тишина знала, что горожанам не пережить этой ночи. Слишком уж громким и долгим получилось сражение с Тенями. Не пройдет и часа, как их будут атаковать тысячи мерзких тварей.

Тишина и Вильям Энн двигались медленно. И хотя холод ушел из руки Тишины, что-то осталось. Глубокая дрожь. Рука, которой коснулась Тень, будет ныть несколько месяцев.

Однако они еще легко отделались. Если бы не Вильям Энн, сумевшая так быстро отреагировать, Тишина стала бы калекой. Если бы процесс усыхания зашел достаточно далеко — а это за-

нимало не слишком много времени, хотя и зависело от разных обстоятельств, — восстановить руку не удалось бы.

Неожиданно из Леса послышался едва различимый шорох, и Тишина замерла, заставив Вильям Энн остановиться и оглядеться по сторонам.

— Мама? — прошептала Вильям Энн.

Тишина нахмурилась. Ночь была такой темной, что им пришлось открыть кувшинчики со светящейся смолой.

«Там что-то есть, — подумала Тишина, вглядываясь в темноту. — Кто ты? Владыка Небесный, защити нас, избавь от встречи с одной из Бестий».

Однако шум не повторился, и Тишина осторожно двинулась дальше. Так они шли еще около часа, и в темноте Тишина не поняла, что они приблизились к дороге, пока не оказались на ней.

Тишина вздохнула, они опустили свою тяжелую ношу на землю, и она принялась растирать уставшие руки. Слабый свет Звездного Пути озарял нечто, напоминающее огромную челюсть. Старый мост. Значит, они уже почти дома. Тени здесь вели себя спокойно, перемещались лениво и неспешно, точно порхающие бабочки.

Руки и плечи у Тишины мучительно ныли, с каждым шагом труп становился все тяжелее. Люди не понимают, какими тяжелыми бывают мертвые тела. Тишина села на землю, решив, что они должны немного отдохнуть.

— Вильям Энн, у тебя еще осталась вода во фляге?

Вильям Энн тихонько застонала.

Тишина повернулась к дочери и тут же вскочила на ноги. Вильям Энн стояла возле моста, а у нее за спиной маячила темная фигура. Неожиданно зеленое сияние озарило ночь — в руке мужчины за спиной девушки появился маленький флакон со светящейся смолой. В ее тусклом свете Тишина узнала Рыжего.

Он держал кинжал возле шеи Вильям Энн. Схватка с Тенями дорого обошлась горожанину. Один его глаз стал молочно-белым, половина лица почернела, сморщенные губы обнажили зубы. Тень задела его лицо. Ему повезло, что он уцелел.

— Я знал, что вы пойдете этим путем, — невнятно пробормотал он, едва шевеля усохшими губами. По его подбородку текла слюна. — Серебро. Отдай мне серебро.

Его нож... был из обычной стали.

— С е й ч а с ! — рявкнул он, поднося нож еще ближе к шее Вильям Энн.

Если он хотя бы слегка заденет кожу, Тени атакуют их через несколько мгновений.

— У меня только нож, — солгала Тишина, вытаскивая его и бросая на землю перед мужчиной. — Твоему лицу уже не поможешь, Рыжий. Усыхание не остановить.

— Мне все равно, — прошипел он. — Теперь тело. Отойди от него, женщина. Отойди прочь!

Тишина шагнула в сторону. Сумеет ли она добраться до него прежде, чем он убьет Вильям Энн? Он будет вынужден подобрать нож. Если она все сделает правильно...

— Вы убили моих людей! — прорычал Рыжий. — Они мертвы. Все до единого. Господи, если бы я не откатился в ту ложбину... Мне пришлось слушать. Слушать, как они умирают!

— Ты оказался единственным умным из всех, — сказала Тишина. — Ты не мог их спасти, Рыжий.

— Сука! Ты их убила.

— Они сами себя убили, — прошептала Тишина. — Вы пришли в мой Лес, чтобы забрать то, что принадлежит мне. У меня был выбор — твои люди или мои дети, Рыжий.

— Ну, если ты хочешь, чтобы твой ребенок это пережил, оставайся на месте. Девочка, подними нож.

Вильям Энн всхлипнула и опустилась на колени. Рыжий сделал то же самое у нее за спиной, продолжая держать нож рядом с шеей Вильям Энн, которая дрожащими руками подняла нож.

Рыжий забрал серебряный нож у Вильям Энн, и теперь в каждой руке у него было по ножу.

— Пусть девочка притащит тело, а ты оставайся на месте. Я не хочу, чтобы ты подходила близко.

— Конечно, — ответила Тишина, которая уже начала составлять план.

Сейчас она не могла атаковать. Рыжий был слишком напряжен. Она последует за ним через Лес, вдоль дороги, и подождет, когда наступит момент слабости. И тогда она нанесет удар.

Рыжий сплюнул в сторону.

Затем в его плечо ударила тупая арбалетная стрела. Лезвие ножа скользнуло по шее Вильям Энн, появилось несколько капель крови. Глаза девушки широко раскрылись от страха, хотя нож всего лишь оцарапал ее.

А вот кровь...

Рыжий со стоном отступил на шаг, держась рукой за плечо. На ноже блеснуло несколько капель крови, и Тени вокруг стремительно почернели. Вспыхнувшие зеленые глаза уже наливались красным.

Красные глаза в ночи. Кровь в воздухе.

— О, проклятие! — закричал Рыжий. — П р о к л я т и е !

Он в ужасе огляделся по сторонам. Однако на этот раз Тени не колебались и устремились к тому, кто пролил кровь.

Тишина бросилась к Вильям Энн, когда Тени атаковали. Рыжий схватил девушку и толкнул вперед, пытаясь остановить жутких призраков, потом повернулся и побежал в другую сторону.

Вильям Энн прошла сквозь одну из Теней, и ее лицо начало усыхать, кожа стягивалась на подбородке и вокруг глаз. Через мгновение она оказалась в объятиях Тишины.

Тишина ощутила, как ее охватывает паника.

— Нет! Девочка моя, нет. Нет. Н е т...

Вильям Энн пыталась что-то сказать, но сумела лишь издать невнятный звук, губы сжимались, обнажая зубы, глаза широко раскрылись, кожа вокруг них стремительно усыхала.

Серебро. Мне необходимо серебро. Я могу ее спасти.

Тишина подняла голову, продолжая сжимать в объятиях Вильям Энн. Рыжий бежал по дороге, нанося удары серебряным кинжалом, во все стороны летели искры. Его окружали сотни Теней, подобных воронам, почуявшим падаль.

Только не туда. Скоро Тени покончат с ним и начнут искать живую плоть — *любую* плоть. У Вильям Энн на шее была кровь. Дальше Тени придут за Вильям Энн. Но девочка и без того погибала.

Кинжал не поможет спасти Вильям Энн, нужна была серебряная пыль, которую необходимо всыпать в горло. Тишина засунула руку в карман, где лежала лишь горстка серебряной пыли.

Слишком мало. Она з н а л а , что этого не хватит. Тут ей на помощь пришли умения, привитые бабушкой, и все стало предельно ясно.

До постоялого двора было совсем близко, а там у нее есть серебро.

— М... мама...

Тишина подняла Вильям Энн на руки, она оказалась слишком легкой, ее плоть быстро усыхала, повернулась и изо всех побежала через мост.

Она так долго тащила труп, что у нее отчаянно болели руки. Труп... она не может его потерять!

Нет. Она не будет об этом думать. Тени его уничтожат — плоть Честертона еще остается теплой, — примутся за него после того, как разделаются с Рыжим. Награды не будет. Сейчас она должна сосредоточиться на Вильям Энн.

Холодные слезы заливали щеки Тишины, ветер дул ей в лицо. Дочь дрожала, ее тело сотрясали судороги — казалось, она умирает.

— Я не могу тебя потерять! — сказала Тишина в ночь. — Пожалуйста. Я не хочу тебя терять!

У нее за спиной Рыжий издал длинный пронзительный вопль, а когда он смолк, Тени начали свое пиршество. А через несколько мгновений рядом с Тишиной появились Тени, глаза которых наливались красным.

Кровь в воздухе. Алые глаза.

— Я ненавижу вас, — прошептала на бегу Тишина. Каждый шаг давался ей с огромным трудом. Она чувствовала себя старухой. — Я ненавижу вас! Что вы со мной сделали? Что вы сделали с нами со всеми?

Она не знала, к кому обращалась — к бабушке или к Владыке Небесному, или к ним обоим. Очень часто они сливались в ее сознании в единое целое. Почему она раньше этого не понимала?

Ветви хлестали ее по лицу и плечам. Что это за свет впереди? Постоялый двор?

Она увидела перед собой сотни и сотни красных глаз. Обессиленная Тишина опустилась на землю с телом Вильям Энн на руках. Девочка дрожала, ее глаза закатились.

Тишина достала серебряную пыль. Ей очень хотелось высыпать ее на Вильям Энн, чтобы облегчить страдания дочери, но она прекрасно понимала, что это бесполезно. Тишина заплакала еще горше, а потом сделала маленький серебряный круг вокруг них. Что еще ей оставалось?

Тело Вильям Энн содрогалось от боли, дыхание с хрипом вырывалось из груди, она отчаянно сжимала руки Тишины. Тени дюжинами собирались вокруг, почуяв запах свежей крови. И плоти.

Тишина еще сильнее прижала дочь к груди. Ей следовало попытаться вернуть нож; он не исцелил бы Вильям Энн, но Тишина могла бы сражаться.

Она потерпела поражение. Бабушка была права с самого начала.

— Успокойся, милая... — прошептала Тишина, зажмурившись. — Не бойся.

Тени подошли к ее хрупкому барьеру, во все стороны полетели искры, и это заставило Тишину открыть глаза. Они отступили, но на их месте появились новые, они натыкались на серебро, красные глаза освещали черные извивающиеся тела.

— Ночь окружает нас, — прошептала Тишина, пытаясь бороться с рыданиями, — но рассвет еще наступит.

Вильям Энн изогнула спину и замерла.

— А теперь спи... моя... моя милая... пусть твои страхи исчезнут. Нас окружает тьма, но когда-нибудь... мы проснемся...

Она так устала. *Мне не следовало брать ее с собой.*

Но тогда Честертон сбежал бы, а она сама умерла бы в схватке с Тенями. Вильям Энн и Себруки стали бы рабынями Теополиса или еще того хуже.

У нее не было выбора.

— Зачем ты послал нас сюда? — закричала она, глядя мимо сотен сияющих красных глаз. — В чем смысл?

Ответа не последовало, как и всегда.

Да, впереди действительно был свет; Тишина видела его сквозь низкие ветви деревьев у себя над головой и поняла, что находится совсем рядом с постоялым двором. Она умрет, как ее бабушка, всего в нескольких шагах от своего дома.

Тишина заморгала, прижимая к груди Вильям Энн, когда тонкий серебряный барьер не выдержал натиска Теней.

Эта... ветка перед Тенью. У нее слишком странная форма. Длинная, тонкая и без листьев. И совсем не похожа на ветку. Скорее это...

Стрела арбалета.

Она вонзилась в дерево, разбив окно и вылетев наружу. Тишина вспомнила, как смотрела тогда на стрелу и ее наконечник.

Серебро.

Тишина Монтейн вбежала в заднюю дверь постоялого двора, с телом дочери на плече. Она оказалась на кухне, почти потеряв способность передвигаться, и стрела с серебряным нако-

нечником выпала из ее усыхающей руки. Тишина чувствовала, как сжимается ее кожа и тело. Ей не удалось избежать столкновений с Тенями — слишком со многими пришлось сразиться во время последней отчаянной атаки.

Она едва могла видеть, и слезы ручьем бежали из затуманенных глаз. И все же ей казалось, что они стали совсем сухими, словно она простояла час на ветру, не закрывая их. Она больше не могла моргать и не могла пошевелить губами.

У нее был... порошок. Ведь был же?

Мысль. Разум. Что?

Тишина двигалась, уже не думая. Кувшин на подоконнике. На случай если круг будет разорван. Она сняла крышку непослушными пальцами, посмотрела на себя и дочь, и ее охватил ужас.

Умираю. Я умираю.

Она перевернула кувшин с серебром в бак с водой, подняла его и, покачнувшись, сделала шаг к Вильям Энн. Потом опустилась на колени рядом с девочкой, расплескав часть воды, но остальное дрожащей рукой вылила в лицо Вильям Энн.

Пожалуйста. Пожалуйста.

Темнота.

— Нас послали сюда, чтобы мы были сильными, — сказала бабушка, стоявшая на краю утеса, возвышавшегося над водой.

Ее седые волосы развевались на ветру, точно клочья Теней.

Она повернулась к Тишине, и ее сморщенное лицо было влажным от брызг.

— Нас прислал Владыка Небесный. Это было частью плана.

— Тебе легко говорить, да? — презрительно бросила Тишина. — Ты все можешь включить в этот туманный п л а н. Даже уничтожение мира.

— Я не стану слушать, как ты богохульствуешь, дитя. — Голос прозвучал, точно скрежет гравия под сапогами. Бабушка приблизилась к Тишине. — Ты можешь поносить Владыку Небесного, но это ничего не изменит. Вильям был глупцом и идиотом. Без него тебе только лучше. Мы Р а з в е д ч и к и. Мы в ы ж и в а е м. Однажды именно мы победим Зло. — Она прошла мимо Тишины.

Тишина никогда не видела улыбки на лице бабушки — во всяком случае, после смерти ее мужа. Улыбаться — значит, напрасно тратить энергию. А любовь... любовь для людей, оставшихся на Родине... Людей, что умерли, не совладав со Злом...

— У меня будет ребенок, — сказала Тишина.

Бабушка остановилась.

— От Вильяма?

— От кого еще?

Бабушка снова зашагала вперед.

— И ты не станешь меня осуждать? — спросила Тишина, сложив руки на груди.

— Дело сделано, — сказала бабушка. — Мы Разведчики. Если так случилось, значит, будем жить дальше. Меня гораздо больше беспокоит постоялый двор и выплаты, которые мы должны сделать проклятым фортам.

«У меня есть идея, — сказала Тишина, подумав о вознаграждении, которое могла бы получить. — Я сделаю то, на что даже ты бы не осмелилась. Нечто опасное. Нечто немыслимое».

Бабушка подошла к Лесу, посмотрела на Тишину, нахмурилась, надела шляпу и зашагала между деревьями.

— Я не позволю тебе вмешиваться в воспитание моего ребенка, — сказала ей вслед Тишина. — Я выращу его так, как посчитаю нужным!

Бабушка исчезла среди Теней.

Пожалуйста. Пожалуйста.

— Я смогу!

Я тебя не потеряю. Я не...

Тишина застонала и пришла в себя. Она лежала на полу и смотрела в потолок.

Живая. Она уцелела!

Конюх Доб стоял рядом с ней на коленях, в руках он держал кувшин с порошком серебра. Тишина закашлялась и подняла руку — пальцы стали нормальными, плоть снова наросла на кости — и коснулась шеи. Все в порядке, только в горле першило от частичек серебра, попавших внутрь. Кожу покрывала черная пыль испорченного серебра.

— Вильям Энн! — сказала она, поворачиваясь.

Девушка лежала на полу возле двери. Левая сторона тела Вильям Энн, та, которой первой коснулась Тень, почернела. Лицо пострадало не слишком сильно, но рука усохла. Ее придется отсечь. Нога выглядела не лучшим образом. Но сейчас Тишина не могла определить, насколько серьезно ранена дочь.

— О, дитя... — Тишина опустилась на колени рядом.

Однако девушка дышала. И этого было достаточно, если учесть все обстоятельства.

— Я пытался, — сказал Доб. — Но ты и сама сделала все, что было возможно.

— Спасибо тебе, — сказала Тишина, поворачиваясь к немолодому мужчине с высоким лбом и тусклыми глазами.

— Тебе удалось добыть? — спросил Доб.

— Что?

— Награду.

— Я... да, удалось. Но потом пришлось его оставить.

— Ты найдешь другую, — монотонным голосом произнес Доб, поднимаясь на ноги. — Лис всегда находит.

— Как давно ты знаешь?

— Я идиот, госпожа, — сказал он. — Но не дурак. — Он поклонился и ушел, повернувшись к ней сгорбленной спиной.

Тишина встала и со стоном подняла Вильям Энн. Она отнесла дочь наверх, в спальню, и осмотрела ее.

С ногой дело обстояло совсем не так плохо, как опасалась Тишина. Девушка потеряет несколько пальцев, но сама нога не пострадала. Вся левая часть тела Вильям Энн почернела, словно обгорела. Со временем она станет серой.

Всякий, кто ее увидит, сразу поймет, что произошло. Многие не захотят иметь с ней дело, опасаясь порчи. Что ж, Вильям Энн предстоит провести жизнь в одиночестве.

«Я кое-что знаю о такой жизни», — подумала Тишина, окуная чистое полотенце в воду, чтобы вымыть лицо Вильям Энн.

Она проспит весь день. Смерть была очень близка, дочь Тишины едва сама не превратилась в Тень. После таких испытаний телу необходимо время, чтобы оправиться.

Конечно, Тишина также побывала на пороге смерти. Однако с ней такое случалось не в первый раз. Об этом позаботилась бабушка. О, как же она ее ненавидела! Именно из-за нее Тишина стала тем, кто она есть. Возможно ли испытывать ненависть и благодарность одновременно?

Тишина закончила мыть Вильям Энн, затем надела на нее мягкую ночную рубашку и уложила в кровать. Себруки все еще спала благодаря настойке, которой ее напоила Вильям Энн.

Тишина спустилась на кухню, чтобы обдумать тяжелое положение, в котором они оказались. Она потеряла награду. Тени наверняка уничтожили тело; кожа превратилась в пыль, а че-

реп почернел. Она не сможет доказать, что прикончила Честертона.

Тишина уселась за кухонный стол и переплела пальцы. Ей хотелось выпить виски, чтобы ужасы прошедшей ночи хоть немного притупились.

Она размышляла несколько часов. Сможет ли она расплатиться с Теополисом? Занять у кого-то деньги? У кого? Может быть, найти еще одну возможность получить премию? Но в последнее время лишь очень немногие останавливались на постоялом дворе. Теополис ее предупредил, показав документ. Он не станет ждать больше одного или двух дней, после чего предъявит свои права на владение.

Неужели она прошла через жестокие испытания только для того, чтобы все потерять?

Солнечный свет упал на ее лицо, и ветерок из разбитого окна коснулся щеки, заставив отвлечься от мрачных мыслей. Тишина заморгала, потянулась и почувствовала, что у нее болит все тело. Потом она вздохнула и подошла к кухонной стойке. Она не убрала свои припасы после вчерашних приготовлений, глиняные чаши со смолой все еще испускали слабый свет. Стрела от арбалета с серебряным наконечником лежала на полу. Она знала, что должна навести порядок и приготовить завтрак для немногих гостей постоялого двора. А потом найти способ...

Задняя дверь распахнулась, и кто-то вошел.

...разобраться с Теополисом. Тишина тихонько вздохнула, глядя на чистую одежду и снисходительную улыбку. Он оставлял грязные следы на полу.

— Тишина Монтейн. Чудесное утро, не так ли?

«Тени, — подумала она. — У меня нет сил, чтобы разговаривать с ним сейчас».

Теополис подошел, чтобы закрыть ставни на окне.

— Что ты делаешь? — резко спросила она.

— А разве ты не предупреждала меня, что нас не должны видеть вместе? Могут ли твои постояльцы догадаться, что ты передаешь преступников мне? Я лишь стараюсь тебя защитить. Что-то случилось? Ты ужасно выглядишь.

— Я знаю, что ты сделал.

— Знаешь? Я многое делаю. Что именно ты имеешь в виду?

О, как ей хотелось стереть улыбку с его лица, перерезать ему горло и больше не слышать отвратительного говора Послед-

него Порта. Она не могла. Он так ловко играл свою роль. У нее были догадки, скорее всего, верные, но никаких доказательств.

Бабушка убила бы его. Неужели она настолько потеряла надежду, что готова на все?

— Ты был в Лесу, — сказала Тишина. — Когда Рыжий застал меня врасплох на мосту, я решила, что это он шуршал в темноте. Но я ошиблась. Рыжий намекнул, что ждал нас на мосту. А в темноте прятался ты. Ты выстрелил в него из арбалета, чтобы заставить Рыжего пролить кровь. Зачем, Теополис?

— Кровь? — сказал Теополис. — Ночью? И ты выжила? Должен сказать, ты везучая. Поразительно. И что еще произошло?

Тишина промолчала.

— Я пришел, чтобы получить долг, — заявил Теополис. — Насколько я понял, ты не сумела добыть награду? Похоже, нам понадобится мой документ. Как хорошо, что я захватил с собой копию. Все теперь будет чудесно для нас обоих. Разве ты не согласна?

— От твоих ног идет свет.

После некоторых колебаний Теополис посмотрел вниз. На его сапогах виднелись остатки светящейся смолы.

— Ты шел за мной, — сказала она. — Ты там был прошлой ночью.

Он бросил на нее равнодушный взгляд.

— И что? — Теополис сделал шаг вперед.

Тишина отступила, и ее каблук ударил в стену у нее за спиной. Она пошарила по столу, взяла ключ и отперла дверь. Теополис схватил ее за руку и потянул к себе, но Тишина распахнула дверь.

— Хочешь достать оружие? — спросил он с усмешкой. — Арбалет, который ты прячешь на полке кладовой? Да, я о нем знаю. Я разочарован, Тишина. Неужели мы не можем вести себя цивилизованно?

— Я никогда не подпишу твой документ, Теополис, — сказала она и плюнула ему под ноги. — Я скорее умру или останусь без дома и крыши над головой. Ты можешь взять постоялый двор силой, но я не стану тебе служить. Будь ты проклят, ублюдок! Ты...

Он отвесил ей пощечину. Короткий жест, лишенный малейших эмоций.

— Заткнись.

Она отшатнулась.

— Какой спектакль, Тишина. Полагаю, не только я один хочу, чтобы ты жила в соответствии со своим именем.

Она облизнула губу, чувствуя боль пощечины, и поднесла руку к лицу. На кончике ее пальца появилась капелька крови.

— Ты думаешь меня напугать? — спросил Теополис. — Я знаю, что здесь мы в безопасности.

— Городской глупец, — прошептала она и резким движением руки стряхнула на него кровь, которая попала ему на щеку. — Всегда следуй Простым Правилам. Даже в тех случаях, когда ты думаешь, что в этом нет необходимости. И я не открывала кладовую, как ты подумал.

Теополис нахмурился и посмотрел на распахнутую дверь в маленькое святилище. Святилище ее бабушки, где она поклонялась Небесному Владыке.

Нижняя часть двери была окаймлена серебром.

За спиной у Теополиса открылись красные глаза, и черная Тень скользнула в темную комнату. После коротких колебаний Теополис обернулся.

Он даже не успел закричать, когда Тень взяла его голову в руки и забрала его жизнь. Это была новая Тень, все еще сохранявшая очертания человеческого тела, несмотря на пульсирующий мрак одежд. Высокая женщина с жесткими чертами лица и длинными развевающимися волосами. Теополис открыл рот, но его лицо уже усохло, глаза провалились в глазницы.

— Тебе бы следовало бежать, Теополис, — сказала Тишина.

Его голова начала крошиться, а тело оседать на пол.

— Прятаться от зеленых глаз и бежать от красных, — сказала Тишина, доставая серебряный кинжал. — Твои правила, бабушка.

Тень повернулась к ней. Тишина содрогнулась, глядя в мертвые остекленевшие глаза матриарха, женщины, которую она так любила и ненавидела.

— Я ненавижу тебя, — сказала Тишина. — Спасибо за то, что заставила ненавидеть тебя. — Она взяла стрелу с серебряным наконечником и выставила перед собой, но Тень не стала на нее нападать.

Тишина повернулась, заставляя Тень отступить, и та поплыла прочь, возвращаясь в святилище, окруженное с трех сторон

полосками серебра, в то место, где Тишина поймала ее много лет назад.

С отчаянно бьющимся сердцем Тишина захлопнула дверь, замыкая барьер, и снова заперла ее на ключ. Что бы ни происходило, эта Тень не трогала Тишину. Казалось, она что-то помнила. И иногда Тишина чувствовала вину за то, что на столько лет заперла ее здесь.

Тишина нашла тайную пещеру Теополиса после шести часов поисков.

Пещера находилась там, где Тишина и предполагала, в горах, неподалеку от Старого моста. Ее защищал серебряный барьер. Он ей пригодится — хорошие деньги.

В маленькой пещере Тишина обнаружила труп Честертона, который Теополис туда притащил, пока Тени убивали Рыжего и охотились за Тишиной.

«Как хорошо, что ты был таким жадным, Теополис», — подумала Тишина.

Ей придется найти другого человека, который будет сдавать трупы преступников за нее. Непростая задача, в особенности сейчас, когда времени у нее совсем немного. Она вытащила тело из пещеры и взвалила на лошадь Теополиса. Вскоре она вернулась на дорогу, где остановилась возле трупа Рыжего, от которого остались лишь кости и одежда.

Тишина подняла серебряный нож своей бабушки, заметно почерневший после схватки, и вложила его обратно в ножны. Потом добрела до постоялого двора и спрятала труп Честертона рядом с останками Теополиса в холодном погребе, который находился за конюшней. Наконец она снова оказалась на кухне. Рядом с дверью святилища, где когда-то висел серебряный кинжал бабушки, она пристроила стрелу с серебряным наконечником, которую, сама того не ведая, ей послала Себруки.

Как поведут себя власти форта, когда она сообщит им про смерть Теополиса? Быть может, следует сказать, что она нашла его в таком виде...

Тишина улыбнулась.

— Похоже, тебе повезло, друг, — сказал Дэггон, потягивая пиво. — В ближайшее время Белый Лис не станет тебя искать.

Тщедушный мужчина, который продолжал настаивать, что его зовут Серьезный, еще сильнее вжал голову в плечи.

— Почему ты все еще здесь? — спросил Дэггон. — Я побывал в Последнем Порту и никак не ожидал снова тебя встретить.

— Меня наняли на одну из соседних ферм, — ответил мужчина с тонкой шеей. — Отличная работа, скажу я тебе. По дереву.

— И ты платишь за каждый день ночлега здесь?

— Мне тут нравится. На фермах нет хорошей серебряной защиты. Они просто... позволяют Теням болтаться повсюду. Даже внутри домов. — Мужчина содрогнулся.

Дэггон пожал плечами и поднял свою кружку, когда мимо проковыляла Тишина Монтейн. Да, она выглядела здоровой женщиной. Когда-нибудь ему следует за ней приударить. Она хмуро посмотрела на его улыбающееся лицо и с грохотом поставила перед ним тарелку.

— Пожалуй, я ее утомил, — сказал Дэггон, обращаясь скорее к самому себе, когда она ушла.

— Тебе придется немало потрудиться, — заметил Серьезный. — За последний месяц она получила семь предложений руки и сердца.

— Что?!

— Награда! — сказал тщедушный мужчина. — За Честертона и его людей. Удачливая женщина, Тишина Монтейн, она нашла логово Белого Лиса.

Дэггон принялся за еду. Ему не понравилось то, как все обернулась. Оказалось, что Теополис, этот щеголь, был Белым Лисом? Бедная Тишина. Какой страх она, наверное, испытала, когда наткнулась в пещере на его иссохшее тело?

— Говорят, Теополис потратил последние силы, сражаясь с Честертоном, — продолжал Серьезный. — А потом притащил его труп в свое убежище. И высох прежде, чем успел добраться до запасов серебряного порошка. Очень похоже на Белого Лиса, который всегда старался заполучить награду любыми доступными средствами. Да, не скоро мы увидим такого же охотника.

— Наверное, — ответил Дэггон, который хотел, чтобы Белый Лис остался в живых.

Как он теперь будет рассказывать свои истории? Ему совсем не улыбалось самому платить за пиво.

Сидевший рядом жирный тип поднялся на ноги и побрел к выходу. Похоже, он уже успел набраться, хотя полдень только наступил.

«Ничего себе», — подумал Дэггон и покачал головой.

— За Белого Лиса, — сказал он, поднимая кружку с пивом.

Серьезный чокнулся с ним.

— За Белого Лиса, самого злобного ублюдка, которого только знал Лес.

— И пусть его душа обретет мир, — добавил Дэггон, — и возблагодарим Владыку Небесного за то, что Лис не обратил на нас своего внимания.

— Аминь, — сказал Серьезный.

— Конечно, есть еще Кровавый Кент, — продолжал Дэггон. — Он скверный тип. Так что остается надеяться, что он не посмотрит в твою сторону, друг. И не нужно бросать на меня такие невинные взгляды. Мы в Лесу. Здесь все совершают поступки, сейчас или раньше, о которых не следует знать другим...

ШЭРОН КЕЙ ПЕНМАН

Еженедельник «Паблишерз уикли» назвал Шэрон Кей Пенман, автора бестселлеров по версии «Нью-Йорк таймс», «историческим романистом первой величины». Ее дебютный роман о Ричарде III, «The Sunne in Splendour», завоевал признание по всему миру, да и высоко оцененная критиками трилогия о валлийских принцах («Here Be Dragons», «Falls the Shadow» и «The Reckoning») оказалась столь же популярной. Среди других ее книг — цикл романов об Алиеноре Аквитанской «When Christ and His Saints Slept», «Time and Chance» и «Devil's Brood», а также серия историко-мистических романов о Джастине де Куинси, среди которых «The Queen's Man», «Cruel As the Grave», «Dragon's Lair» и «Prince of Darkness». Самая недавняя из ее исторических работ — роман о Ричарде Львиное Сердце. Живет Шэрон Кей Пенман в Мэйс-Лэндинге, штат Нью-Джерси. Ее веб-сайт можно найти по адресу sharonkaypenman.com.

В этом рассказе она вместе с нами переносится в Сицилию XII века, чтобы показать нам, что королева в изгнании остается королевой — да еще вдобавок и очень опасной женщиной.

КОРОЛЕВА В ИЗГНАНИИ

Декабрь 1189 года
Хагенау (Агно), Германия

Констанция де Отвиль дрожала с головы до ног, хоть и придвинулась так близко к очагу, как только можно было, не опалив при этом юбок. Всего через месяц должна была наступить уже четвертая годовщина ее свадьбы, но она так и не привыкла к немецким зимам. Нечасто Констанция позволяла себе вспоминать родную Сицилию — к чему сыпать соль на не зажившие еще раны? Но в такие вечера, когда мокрый снег и жестокие

© Sharon Kay Penman, 2013; © пер. А. Курышевой, 2015.

ледяные ветра промораживали до самых костей, ей не удавалось унять тоску по пальмам, оливковым рощам и сбрызнутому солнцем теплу Палермо, по королевским дворцам, которые окружали город, словно ожерелье из сверкающих жемчужин, блистая мраморными полами, яркими мозаиками, каскадами фонтанов, пышностью садов и зеркальной гладью серебряных бассейнов.

— Моя госпожа? — Одна из женщин протянула ей кубок горячего глинтвейна, и Констанция с улыбкой приняла его. Но непокорные мысли так и норовили ускользнуть в прошлое, перед глазами все вставали картины роскошных рождественских пиров при дворе ее племянника Вильгельма и Джоанны, его юной королевы-англичанки. Королевские браки, конечно, заключались не по любви, а в соответствии с государственными интересами, но при известном везении супруги могли проникнуться друг к другу неподдельным уважением и теплотой. Брак Вильгельма и Джоанны казался Констанции счастливым, и когда ее выдали за Генриха фон Гогенштауфена, короля Германии и наследника Священной Римской империи, она надеялась обрести в этом союзе радость. Пусть в свой двадцать один год он уже заработал репутацию жестокого и непоколебимого правителя, но при этом был известен как поэт, свободно говорил на нескольких языках, и она очень старалась убедить себя, что у него доброе сердце, которое он обнажает лишь в кругу семьи. Вместо этого она увидела человека столь же холодного и неприступного, как земли, которыми он правил, начисто лишенного страсти, щедрости и жизнерадостности, которые делали Сицилию истинным раем на земле.

Разделавшись с вином, Констанция неохотно отвернулась от огня.

— Я готова ко сну, — сказала она. Когда ее платье расшнуровали и холодный воздух спальни коснулся обнаженной кожи, по спине снова пробежала дрожь. Оставшись в сорочке и накинутом на плечи халате, она села на скамеечку, а женщины сняли с ее головы покрывало и вуаль и распустили волосы. Воспетые не одним трубадуром волны бледного золота, залитого лунным светом, доходили ей до пояса. Когда-то она гордилась ими, гордилась фамильной отвильской красотой и белизной. Но теперь из ручного зеркальца слоновой кости на нее глядело встревоженное лицо женщины чересчур исхудавшей и уста-

лой, лицо незнакомки, на котором можно было разглядеть каждую из ее тридцати пяти зим.

Расчесав ей волосы, одна из женщин принялась заплетать их на ночь в косу. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату стремительно вошел муж Констанции. Ее дамы тут же почтительно присели в реверансе, а Констанция поспешно поднялась. Она не ожидала его, ведь муж уже побывал в ее покоях всего два дня тому назад, исполнив то, что он называл «супружеским долгом» — то была одна из его редких острот, потому как если Генрих и обладал чувством юмора, то до сих пор ничем его не обнаружил. Поначалу, когда они только поженились, ее трогало, что он всегда сам приходит к ней, а не призывает ее к себе в спальню, — это казалось ей проявлением неожиданной чувствительности. Но сейчас она уже не обманывалась. Если они возлежали в ее постели, он волен был вернуться в свои покои — как всегда и делал. Утра, когда они просыпались вместе, можно было сосчитать по пальцам одной руки.

Генрих даже не взглянул на ее дам.

— Оставьте нас, — сказал он, и они поспешили повиноваться, да так торопливо, что их уход напоминал бегство.

— Мой господин, супруг мой, — мягко произнесла Констанция, когда за последней из ее прислужниц закрылась дверь. В его лице невозможно было прочитать ничего — он давным-давно освоил королевское искусство прятать сокровенные мысли за бесстрастной придворной маской. И все же, вглядевшись внимательнее, она уловила крохотные приметы приподнятого настроения: едва заметный изгиб уголков губ, слабый румянец на обычно бледных щеках. Глаза его были самого странного цвета, какой ей только доводилось видеть — серые и прозрачные, словно ледяное зимнее небо, — но сейчас они, казалось, отражали свет свечей и блестели с необычайной яркостью.

— Прибыли вести из Сицилии. Их король мертв.

Констанция уставилась на него, вдруг усомнившись в своем знании немецкого языка. Не может же быть, чтобы она расслышала его слова верно?

— Вильгельм? — прошептала она хриплым от неверия голосом.

Генрих приподнял бровь.

— Разве у Сицилии есть какой-то другой король, о котором мне не известно? Естественно, я имел в виду Вильгельма.

— Что... что случилось? Как?..

Он небрежно пожал плечами:

— Должно быть, какой-нибудь мерзкий сицилийский мор. Господу известно, что лихорадок, заразы и прочих напастей, гуляющих по этому острову, хватило бы, чтобы выкосить половину христианского мира. Я знаю только, что он умер в ноябре, через неделю после Мартынова дня, так что его корона теперь наша — только руку протянуть.

Колени грозили вот-вот подогнуться, и Констанция, покачнувшись, шагнула к кровати. Как же так вышло, что Вильгельм умер? Между ними был всего год разницы; они больше походили на брата и сестру, чем на племянника и тетку. Они провели вместе идиллическое детство, а позже она взяла под свое крыло его маленькую невесту, тоскующую по дому одиннадцатилетку, которой еще слишком рано было становиться женой. Теперь Джоанна в двадцать четыре года оказалась вдовой. Что же с ней будет? Что будет с Сицилией без Вильгельма?

Осознав, что Генрих еще здесь, она подняла глаза. Он стоял рядом с кроватью, глядя на жену сверху вниз. Констанция сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и поднялась на ноги; для женщины она была довольно высокой, одного роста с Генрихом, и то, что она может смотреть ему прямо в глаза, придавало ей уверенности. Вид у супруга был не слишком царственный: жидкие светлые волосы, редкая борода, хилое телосложение; в момент гнева Констанция как-то решила, что он напоминает ей гриб, который никогда не видал дневного света. Невозможно было менее походить на императора Фридриха Барбароссу — его огромного, харизматичного, крепкого отца, который расхаживал по дворцу, подобный колоссу. И все же именно Генрих, а не Фридрих, внушал своим подданным страх; эти ледяные глаза умели пронзать людей не хуже острого клинка. Его сверлящего взгляда боялась даже Констанция, хоть и сдвинула бы с места небо и землю, лишь бы он об этом не узнал.

— Вы же понимаете, что это значит, Констанция? Королева Вильгельма бесплодна, и это делает вас единственной законной наследницей сицилийского престола. А вы сидите тут с таким видом, будто я принес весть о каком-то несчастье.

Констанция поморщилась, ибо знала: именно это слово тайком шепчут люди и о ней самой. К чести Генриха, он никогда

не называл ее бесплодной — по крайней мере пока. Но наверняка думал так, ведь они были женаты уже почти четыре года, а она до сих пор не понесла. Важнейшая обязанность ее как королевы по-прежнему оставалась неисполненной. Иногда ей было любопытно, что Генрих думает о жене, которую ему нашел отец, — чужеземке одиннадцатью годами старше его. Быть может, он согласился на этот брак столь же неохотно, как она сама? Или готов был рискнуть, надеясь, что при всех своих недостатках жена в один прекрасный день принесет ему корону Сицилии — самого богатого государства во всем христианском мире?

— Джоанна не бесплодна, — натянуто сказала Констанция. — Она родила сына.

— И тот умер. А больше у нее детей не было. Почему, как вы думаете, Вильгельм заставил своих подданных поклясться, что они признают ваше право на корону, если он умрет, не оставив законного наследника? Он хотел обеспечить преемственность рода.

Но Констанция понимала: Вильгельм ничуть не сомневался, что однажды у них с Джоанной будет еще один ребенок; они были молоды, а он от рождения видел жизнь в радужном свете. Именно из-за этой уверенности он остался равнодушным к протестам, которые вызвал ее брак. Не все ли равно, коли его подданные ужасаются одной лишь мысли, что ими будет править немец? Ведь этого никогда не случится! Но вот он погиб в тридцать шесть лет, и перспектива, которой страшился его народ, вдруг приняла реальные очертания.

— Все может оказаться не так просто, как вы думаете, Генрих, — сказала она, с осторожностью подбирая слова. — Наш брак приняли очень плохо. Сицилийцы не обрадуются королю-немцу.

Но он, выказав такое же равнодушие к пожеланиям сицилийцев, как в свое время Вильгельм, хладнокровно ответил:

— У них нет выбора.

— Я в этом не уверена. Они вполне могут обратиться к Танкреду, двоюродному брату Вильгельма. — Она собиралась уточнить, кто такой этот Танкред, но в этом не было необходимости. Генрих никогда не забывал ничего, что касалось его интересов.

— К графу Лечче? Да ведь он бастард!

Она открыла было рот, потом снова закрыла. Не стоило доказывать Генриху, что сицилийцы предпочтут ему даже незаконнорожденного. И все же она знала, что это правда. Они скорее поклонятся ее племяннику-ублюдку, чем смирятся с мужем-немцем.

Генрих посмотрел на нее с задумчивым видом.

— Вы ведь хотите заполучить корону, Констанция? — спросил он наконец. В ней вспыхнуло негодование: ему даже не пришло в голову, что она может оплакивать Вильгельма, последнего родного ей человека; она молча кивнула. Но его, похоже, удовлетворил этот безмолвный ответ. — Я прикажу вашим женщинам вернуться, — сказал он. — Спите крепко, ибо скоро в вашей коллекции будет одной короной больше.

Как только дверь закрылась, Констанция упала на постель, а через пару секунд скинула обувь и зарылась под одеяло. Ее снова била дрожь. Не тратя понапрасну драгоценных мгновений одиночества, выпадавших ей столь редко, она закрыла глаза и, пока не вернулись прислуживающие дамы, вознесла молитву за бессмертную душу Вильгельма. Она решила, что наутро прикажет отслужить по нему мессу, и это ее немного утешило. Заодно помолится и за Джоанну, для которой настали тяжкие времена. Потом Констанция приподнялась на пуховых подушках и попыталась распутать клубок противоречивых чувств, которые всколыхнула в ней безвременная кончина Вильгельма.

Она не ожидала, что все так случится. Ей думалось, что Вильгельм будет править долго и благополучно и у него все-таки родится преемник. Оба они — и она, и Вильгельм — оказались слишком самонадеянны, посчитав, что им известна воля Всевышнего. Нельзя было забывать слова Писания: «Сердце человека обдумывает свой путь, но Господь управляет шествием его». И все же Генрих был прав. Законной наследницей престола Сицилии была она. Не Танкред. И она в самом деле желала его. Он принадлежал ей по праву рождения. Сицилия, земля, которую она так любила, была ее по крови. Так почему же в ней всколыхнулись такие сомнения? Повернувшись на подушках, она краем глаза заметила украшение, которое носила на пальце — полосу чеканного золота, инкрустированного изумрудами. Обручальное кольцо. Как бы она ни желала заполучить Сицилию, ей не хотелось отдавать ее Генриху. Не хотелось стать той, кто пустит змея в райский сад.

Опасения Констанции по поводу Танкреда ди Лечче оказались оправданными. Сицилийцы поддержали его, и в январе 1190 года он был провозглашен королем Сицилии. Констанция послушно вторила возмущению Генриха, хоть и предвидела ход событий. Она не удивилась даже тому, что Танкред захватил земли, принадлежащие вдове короля, ибо они обладали стратегической важностью, а Танкред хорошо знал, что вскоре на корону явится претендовать немец со своим войском. И все же была шокирована известием, что Танкред взял Джоанну в плен и запер в Палермо, по-видимому, опасаясь, что та попытается направить любовь к ней народа в помощь Констанции. Генрих желал нанести мощный и стремительный удар по войскам узурпатора, который занял трон его жены. Однако возмездие пришлось отложить, ибо его отец решил отправиться в крестовый поход, собираясь поддержать миссию освобождения Иерусалима от египетского султана сарацина Салах ад-Дина, известного среди крестоносцев как Саладин, и ему необходимо было, чтобы Генрих правил Германией в его отсутствие.

Фридрих Барбаросса отбыл в Святую землю той же весной. Немецкое войско, посланное Генрихом, потерпело поражение от сил Танкреда, который все более и более укреплял свои позиции и добился некоторого успеха при папском дворе, ибо Папа посчитал Священную Римскую империю германской нации бóльшим злом, чем незаконнорожденность Танкреда. В сентябре, положив конец заточению Джоанны, в Сицилию прибыл недавно взошедший на престол английский король — ее брат Ричард, известный среди друзей и врагов как Львиное Сердце. Он, как и Фридрих, направлялся в Святую Землю в сопровождении могучего войска. Узнав о бедственном положении сестры, он пришел в ярость и потребовал, чтобы ее немедленно освободили и вернули принадлежащие ей земли. Танкред мудро повиновался, ведь Ричард был знаком с военным делом не хуже, чем священник с Молитвой Господней. Для Констанции эта новость стала единственным лучом света за весь темный, мрачный год. А в декабре они узнали, что отец Генриха мертв. Фридрих утонул на переправе через реку в Армении, так и не добравшись до Святой Земли. Генрих не стал терять времени. Совершив рисковый январский переход через Альпы, они с Констанцией повели войско в Италию. Задержались в Риме, где их короновал Папа, а потом поехали на юг. Война за сицилийскую корону началась.

Салерно плавился под лучами августовского солнца. Обычно ветра с моря делали жару терпимой, но это лето было одним из самых жарких и сухих за последние годы. Небо, не в силах разродиться ни единым облачком, полиняло до блекло-голубого оттенка, а к полудню, казалось, выцветало вовсе, словно выбеленная солнцем кость. Дворцовые террасы и сады давали мало тени, а повседневный шум города звучал приглушенно — улицы почти опустели. Констанция стояла на балконе королевского дворца, стараясь убедить себя в том, что горожан разогнала по домам жара. Но она понимала, что на самом деле виновата куда более могущественная сила — страх.

Королевство Сицилия охватывало материк к югу от Рима, а также сам остров, и когда немецкие войска пронеслись по полуострову, города один за другим открыли Генриху свои ворота. Граждане Салерно даже сами обратились к нему. Хотя их архиепископ твердо стоял за Танкреда, салернцы присягнули на верность Генриху и пригласили Констанцию остаться в их городе, пока он держит Неаполь в осаде.

Сначала пребывание в Салерно доставляло Констанции радость. Так чудесно было вновь оказаться на родной земле! Она приходила в восторг от своей роскошной резиденции — королевского дворца, который был построен ее отцом, великим королем Рожером, — наслаждалась вкуснейшими блюдами, что украшали ее стол. То были деликатесы, редко добиравшиеся в земли по ту сторону Альп: дыни, гранаты, апельсины, миндаль в сахаре, рис, креветки, устрицы, рыба, которая только утром плавала в синих водах Средиземного моря, а к обеду уже шипела на сковороде в дворцовой кухне. Что важней всего, ей удалось посоветоваться с некоторыми из лучших врачей в христианском мире по поводу своих неудачных попыток зачать. Она ни за что не смогла бы обсуждать столь интимную тему с врачом-мужчиной. Но в Салерно женщинам разрешалось посещать местную знаменитую медицинскую школу и заниматься практикой. Вскоре она нашла Даму Мартину, консультация которой стала для нее истинным откровением.

В невозможности зачать Констанция винила только себя; в народе считалось, что вина всегда лежит на женщине. Но Мартина поспешила заявить, что она не права. Точно так же, как в женском чреве, изъян может скрываться и в мужском семени. Более того, существуют способы обнаружить, в ком из двоих

дело. Нужно наполнить один маленький горшочек мочой женщины, а другой — ее мужа. Затем в оба горшка насыпать отрубей и оставить их на девять дней. Если в моче мужчины заведутся черви, то виноват он, и то же самое верно для женщины.

— Сомневаюсь, что мой супруг согласился бы на такую проверку, — сказала Констанция с кривой усмешкой, представив себе, как изумится и разгневается Генрих, если она хотя бы намекнет, что вина может лежать на нем. Но себя решила проверить и, когда на девятый день никаких червей в горшке не оказалось, резко воспрянула духом. Пусть никто больше об этом не знал, но ей теперь было известно, что в ее чреве нет изъяна; она не обречена на долю самого печального на свете создания — бесплодной королевы.

Мартина к тому же вселила в нее новую надежду, объяснив, что иногда ни муж, ни жена не виноваты, и все же его семя не прорастает в ее чреве. Но это можно исправить, заверила она Констанцию. Нужно высушить мужской орган кабана, смолоть его в порошок и выпить, смешав с хорошим вином. А для того чтобы обеспечить рождение ребенка мужского пола, Констанции и Генриху нужно будет высушить и растереть в порошок и выпить с вином чрево зайчихи. Констанция поморщилась, радуясь, что ей не придется принимать эту неаппетитную смесь, пока они с Генрихом не воссоединятся. Но как же убедить его участвовать во всем этом? Придется изыскать способ и подмешать порошок ему в вино тайком, когда он снова нанесет ночной визит в ее покои. Она была так благодарна Мартине, что посулила ей огромную сумму, если та станет ее личным врачом, и пожилая женщина с радостью согласилась, польстившись и на престижную должность при императрице, и на материальные блага.

Но потом до Салерно стали доходить вести о ситуации в осажденном Неаполе. Генрих впервые столкнулся с ожесточенным сопротивлением, которое организовали шурин Танкреда граф Ачерра и салернский архиепископ. Он нанял в Пизе корабли, но их не хватало, чтобы заблокировать гавань, и ему не удалось заморить неаполитанцев голодом и заставить их сдаться. Танкред решил обосноваться на острове Сицилия, понимая, что самое опасное его оружие — это жаркое, влажное итальянское лето. Воины Генриха, непривычные к такой удушающей жаре, вскоре слегли один за другим. Военные лагеря

были особенно уязвимы для смертоносных заразных заболеваний вроде кровавого поноса; Констанция слышала, что от болезней погибло больше крестоносцев, чем от клинков сарацинов в Святой земле.

Поначалу она надеялась, что горожанам не станет известно о неудачах Генриха, но едва ли на это можно было рассчитывать, ведь Неаполь находился меньше чем в тридцати милях к северу от Салерно. Как только слухи стали просачиваться в город, она тут же заметила: люди сделались подавленными и угрюмыми, а дворцовые слуги не могли скрыть тревоги. Даже Мартина взволнованно спросила, уверена ли она, что Генрих победит, и заверения Констанции ее, кажется, не особенно успокоили. Поначалу в Салерно считали, что Танкреду не одолеть большое немецкое войско, и инстинкт самосохранения взял верх над верностью сицилийскому королю. Теперь же горожане начали опасаться, что поставили не на ту лошадь.

Когда минуло почти две недели без единой весточки от Генриха, Констанция отправила сэра Болдуина, предводителя своей гвардии рыцарей, в Неаполь разузнать, насколько все-таки плохи дела. И вот теперь она стояла на дворцовом балконе, прикрыв глаза от яркого света полуденного солнца, и задавалась вопросом, станет ли этот день днем его возвращения. Она ни за что не призналась бы вслух, но ей хотелось, чтобы он отсутствовал как можно дольше, — у нее не было сомнений, что Болдуин привезет дурные вести.

— Мадам? — У двери стояла Хильдегунд. Констанции прислуживали в основном сицилийцы, в том числе Дама Адела, которая ходила за ней с самого детства, и Микаил, евнух-сарацин, появление которого наделало при дворе Генриха немало шуму; немцы пришли в возмущение от вести, что сарацинам разрешено свободно жить в христианской стране, и просто-напросто ужаснулись тому, что Вильгельм в делах управления королевством опирался на людей, именуемых «дворцовыми евнухами». Констанция приложила все усилия к тому, чтобы утаить, что Вильгельм говорил по-арабски и что это один из государственных языков Сицилии. Она настояла на том, чтобы Микаил принял истинную веру, хотя и знала, что для многих евнухов крещение — всего лишь притворство. Но как объяснишь Генриху и его подданным сложную мозаику, которую представляло собой сицилийское общество? Хильдегунд была одной

из немногочисленных ее немецких фрейлин. Сдержанная, степенная вдова очень помогла Констанции в ее упорных попытках выучить немецкий язык, и когда женщина напомнила ей, что настало время главной трапезы дня, Констанция кивнула и наградила ее ласковой улыбкой.

Обеды теперь совсем не походили на те, что устраивались во дворце в начале их пребывания в Салерно. Тогда местные лорды и их дамы отчаянно соревновались за приглашение к столу императрицы, и большой зал обычно бывал переполнен изящно одетыми людьми, которые старались привлечь ее внимание, выставляя напоказ шелка и драгоценности. Но вот уже на протяжении недели приглашения отклонялись под самыми жалкими предлогами, и этим воскресным днем стол с Констанцией делили только члены ее собственной свиты.

Дворцовые повара приготовили множество вкусных блюд, но Констанция едва прикоснулась к жареному каплуну, которого ей подали. Она окинула взглядом стол и заметила, что у остальных тоже нет аппетита. Тогда, напомнив себе, что ей следует служить примером для домашних, она завела оживленную беседу с Мартиной и своим священником, но тут через открытые окна до них донеслись крики. Во двор въехали всадники. Она отставила кубок с вином и медленно поднялась на ноги, приветствуя Болдуина, когда того пропустили в зал. Один взгляд на его лицо сказал Констанции все, что ей важно и нужно было знать, но она заставила себя протянуть руку и взять письмо, которое он подал ей, опустившись на колено.

Жестом попросив его встать, она сломала печать мужа и быстро проглядела содержимое. Конечно же, письмо не было написано рукой Генриха; он всегда диктовал писцу, потому что никогда не посылал ей ничего такого, что не предназначалось бы для чужих глаз. По залу прокатилась волна тихого гула — все увидели, как краска схлынула с ее лица, оставив на коже почти прозрачную бледность. И все же, когда Констанция подняла глаза, голос ее звучал ровно и ничем не выдавал бушующего внутри горя.

— Я не стану обманывать вас, — сказала она. — Вести недобрые. Многие воины умерли от кровавого поноса, и даже сам император поражен этой мерзкой болезнью. Он решил, что лучше будет прекратить осаду, и вчера его войско начало отступление от Неаполя.

Послышалось аханье, сдавленные вскрики, кто-то из рыцарей чертыхнулся себе под нос.

— А как же мы, госпожа? — выпалила одна юная девушка. — Что будет с нами?

— Император желает, чтобы мы оставались в Салерно. По его словам, мое присутствие здесь служит доказательством того, что он намерен вернуться и война еще не окончена.

Воцарилось потрясенное молчание. Воспользовавшись паузой, она поманила за собой Болдуина и вышла во двор. Солнце сияло ослепительно, и, опустившись на краешек мраморного фонтана, она ощутила сквозь шелк платья палящий жар.

— Он сильно болен, Болдуин? — спросила Констанция так тихо, что ей показалось нужным повторить, и она сглотнула несколько раз, чтобы смочить горло.

Он опустился на колено рядом, пристально глядя ей в лицо.

— Очень болен, моя госпожа. Врачи сказали, он непременно умер бы, если б остался. Боюсь, лихорадка помутила его разум — он словно не видел, в какой опасности вы окажетесь теперь, после отступления.

Констанции подумалось, что виной всему не лихорадка, а крайняя самоуверенность Генриха. Он не понимал, что страх салернцев перед ним обусловлен лишь его присутствием. Когда разнесутся вести, что войско отступает, люди расценят это как поражение и начнут бояться Танкреда более Генриха, ибо они предали его, пригласив ее в свой город. Ощутив, как подкрадывается головная боль, женщина потерла виски в тщетной попытке остановить ее. Королевского гнева в самом деле следует страшиться. Отец Генриха сровнял Милан с землей в наказание за предательство, а ее брат, отец Вильгельма, разрушил город Бари, чтобы преподать урок потенциальным мятежникам. Способен ли Танкред на столь беспощадную месть? Она так не думала, но откуда было это знать перепуганным жителям Салерно?

— Моя госпожа... Я думаю, нам нужно сегодня же отправиться в путь. Здоровое войско покрывает меньше десяти миль в день, а эти воины измучены боями и ранами. Если мы поспешим, то обгоним их.

Констанция закусила губу. Она была согласна с Болдуином: теперь находиться здесь небезопасно. Но ее гордость воспро-

тивилась мысли о том, чтобы бежать, словно вор в ночи. Как сицилийцы сочтут ее достойной властвовать над ними, если она поддастся страху и покажет себя женщиной глупой и робкой? Ее отец бы не сбежал. И Генрих никогда не простил бы ее, если бы она ослушалась его воли и покинула Салерно, ведь в его письме было четко сказано, что ее присутствие здесь важно, что оно будет обещанием для его сторонников и предостережением для врагов — доказательством того, что он еще вернется. Она не хотела, чтобы Генрих стал ее мужем; еще менее она желала видеть его своим врагом. Как сможет она жить с человеком, который ненавидит ее... а он возненавидит, ведь после ее бегства ему уже нельзя будет притвориться, что он не потерпел унизительного поражения.

— Я не могу, Болдуин, — сказала она. — Мой супруг желает, чтобы я ждала его здесь, в Салерно. Даже если случится худшее и Танкред начнет осаду, Генрих пошлет войско, чтобы защитить город... и нас.

— Конечно, мадам, — ответил Болдуин, собрав решимость в кулак. — Все будет хорошо.

Но он не верил в это и сомневался, что верит Констанция.

Понадобилось лишь два дня, чтобы вести об отступлении германского войска добрались до Салерно. Вскоре на улицы высыпали толпы паникующих мужчин и женщин; все пытались убедить себя, что не совершили роковой ошибки. Констанция разослала глашатаев, чтобы заверить их, что Генрих скоро вернется. Но когда спустились сумерки, по городу прокатился новый ужасающий слух: будто бы германский император умер от кровавого поноса. И от этой искры, попавшей в стог сена, разбушевался пожар.

Констанция и ее придворные только что закончили вечернюю трапезу, как вдруг услышали странный шум, похожий на морской гул, — далекий, глухой рев, который звучал все громче и громче. Она послала нескольких рыцарей на разведку, и вскоре они вернулись с тревожными вестями. За воротами дворца собиралась огромная толпа людей; многие из них были пьяны, и все до одного обезумели от страха перед тем, что́ навлекли на себя.

Болдуин и рыцари уверили Констанцию и ее свиту, что толпа не сумеет пробиться на территорию дворца, и отправились

на подмогу воинам, охраняющим стены, но почти сразу прибежали обратно в главный зал.

— Нас предали, — выдохнул Болдуин. — Трусливые сукины сыны открыли им ворота!

Они заперли толстые дубовые двери, спешно закрыли ставни, и Болдуин отправил воинов удостовериться, что все остальные пути во дворец отрезаны. Женщины из свиты Констанции сгрудились вокруг нее, как жмутся к матери-наседке цыплята, когда на солнце мелькает тень ястреба. Осознание того, что все они ищут у нее совета, заставило ее расправить плечи и внушило довольно смелости, чтобы не согнуться под этим нежданным ударом судьбы. Страшась, что Салерно скоро окажется под осадой войска Танкреда, Констанция не думала о том, что главная угроза зародится в стенах города.

Она успокоила их, как могла, упирая на то, что горожане обязательно разойдутся, когда поймут, что им не проникнуть внутрь дворца. Даже ей самой эти слова показались неубедительными, ибо никаких признаков того, что ярость толпы стихает, не было. Паника вспыхнула спонтанно, и поначалу горожане толком не подготовились к нападению. Но теперь собравшиеся в зале услышали, как кто-то закричал, что надо раздобыть топоры и таран. Когда до ушей Констанции донеслось «дрова» и «факелы», она поняла: надеяться на то, что горожане остынут или что вмешаются малодушные городские власти, бессмысленно.

Позвав Болдуина, она отвела его в сторону помоста.

— Мне нужно поговорить с ними, — сказала она тихо. — Быть может, я сумею заставить их одуматься.

Он пришел в ужас.

— Моя госпожа, они потеряли рассудок от страха. В разговорах не будет никакого проку.

Скорее всего он был прав, но что еще ей оставалось?

— И все же я должна попробовать, — возразила Констанция с решимостью, которой на самом деле вовсе не чувствовала. — Выйдемте со мной наверх, в солярий. С балкона я смогу обратиться к ним.

Он продолжал спорить без особой убежденности, ибо не знал, что еще предпринять, и, когда она повернулась к лестнице, послушно отправился за ней. В солярии было темно, масляные лампы не горели, но жара стояла удушающая. Констан-

ция подождала, пока Болдуин отопрет дверь, ведущую на маленький балкон. По ее ребрам струились капли пота, а сердце билось так часто, что голова начала кружиться.

Под ногами открывалось жуткое зрелище. Темноту пронзали огни факелов, освещая лица, искаженные гневом и страхом. В бушующей толпе она заметила женщин, и, что удивительно, даже несколько детей мелькали по краям людского моря, будто на каком-нибудь празднике. Кто-то передавал из рук в руки бурдюки с вином, но большинство черпали храбрость в отчаянии. По-прежнему слышались крики, что надо принести дров и хвороста и чтобы те, кто находился поближе к улице, искали все, что может гореть. Лишь через несколько мгновений они заметили женщину, которая неподвижно стояла у них над головами, стискивая пальцами перила балкона, словно только они могли спасти ее от гибели в пучине.

— Добрые люди Салерно!

Констанция с трудом сглотнула, опасаясь, что ее не услышат. Не успела она продолжить, как они принялись тыкать в нее пальцами и вопить. Она услышала свое имя, услышала «сука!» и «ведьма!», а потом «шлюха-немка!».

— Я не немка!

Теперь нечего было бояться, что ее не услышат: пылающий гневом голос Констанции разнесся по всему двору.

— Я родилась и выросла в Сицилии, как и все вы. Я — дочь светлой памяти короля Рожера. Эта земля такая же родная мне, как и вам.

Быть может, так подействовало имя ее отца, но толпа ненадолго благоговейно умолкла.

— Я знаю, что вы смущены и напуганы. Но слухи, которым вы вняли, ложны. Император Генрих не умер! Напротив, он уже идет на поправку. Только этим утром я получила от него письмо, в котором говорится, что он рассчитывает вернуться очень скоро.

Констанция прервалась, чтобы отдышаться.

— Вы знаете, каков мой владетельный супруг. Он не забывает тех, кто сослужил ему добрую службу. Когда он приведет свое войско обратно в Салерно, то будет благодарен вам за то, что вы позаботились о его жене. Вам воздастся за вашу верность. — Она снова помедлила, на сей раз сознательно. — Но вы должны помнить и другое. Император Генрих никогда не забы-

вает обид. Если вы предадите его, если причините зло мне или моим людям, он этого не простит. Он оставит на том месте, где стоит ваш город, лишь тлеющие руины. Кто из вас посмеет мне не поверить? В глубине души вы знаете, что я говорю правду. Вам следует куда сильнее страшиться гнева императора, который вы на себя навлечете, чем этого узурпатора в Палермо.

Ей показалось, что она сумела их убедить: некоторые кивали, пока она говорила, мужчины опускали дубины и луки. Но упоминание Танкреда оказалось тактической ошибкой, заставило их вспомнить, что до его сторонников в Неаполе всего тридцать миль, а войско Генриха, разбитое кровавым поносом, бежало, поджав хвосты. Чары развеялись, в толпе послышался ропот, а затем какой-то хорошо одетый юноша с мечом на поясе воскликнул:

— Она лжет! Немецкая свинья испустила последний вздох через день после того, как бежала из лагеря! Отправим его жену к нему в ад!

Только эти слова сорвались с губ юноши, как один из его союзников вскинул лук, прицелился и сквозь мрак пустил стрелу в сторону балкона. Он попал бы, но Болдуин следил за теми, кто был вооружен, и стоило лучнику шелохнуться, как он уже вынырнул из тени и увлек Констанцию на землю. Настала пораженная тишина, а затем раздался женский вопль:

— Святая Матерь Божья, убили!

Кто-то в ответ проорал, что им больше нечего терять, и в воздух взмыли новые стрелы. Констанция и Болдуин на четвереньках заползли обратно в солярий. Она сидела на полу, пытаясь отдышаться, а он возился с дверью. Судя по глухим ударам, некоторые из стрел нашли свою цель.

Сумев наконец набрать в легкие воздуха, она протянула руку, чтобы он помог ей подняться на ноги.

— Спасибо, — сказала Констанция. Он поклялся, что будет защищать ее до последнего вздоха, и на глазах ее вскипели жгучие слезы, ибо это была не пустая похвальба. Он погибнет здесь, во дворце в Салерно. Все они погибнут, если Всевышний не сотворит чудо, чтобы спасти их. Она убедила его отвести ее обратно в зал, ибо ей оставалось лишь вернуться к придворным. И быть с ними до самого конца.

Констанция ожидала увидеть панику, но ее женщины стояли, словно оглушенные. Она приказала, чтобы принесли вина, —

а что еще оставалось делать? Снаружи доносился шум борьбы, и все понимали, что рано или поздно толпа выломает двери. Когда шум усилился, Мартина отвела Констанцию в сторону и украдкой показала зажатый в ладони пучок трав.

— Они действуют очень быстро, — пробормотала она и высыпала бы травы Констанции в вино, если бы та не отпрянула.

— Иисусе, Мартина! Самоубийство — смертный грех!

— Это лучшая участь, чем то, что нас ждет, моя госпожа. Они обезумели от гнева, и нет никого, кто вразумил бы их. Как вы думаете, что они сделают с вами, когда доберутся сюда? Назавтра то, что они сотворят этой ночью, приведет их в ужас. Но ни стыд, ни раскаяние ничего уже не исправят.

Констанция не сумела сдержать дрожь и все же снова покачала головой.

— Я не могу этого сделать, — прошептала она, — и ты не можешь, Мартина. Ведь мы будем вечно гореть в аду.

Мартина ничего не сказала, просто убрала травы обратно в мешочек, висящий у нее на поясе. Она осталась рядом с Констанцией и время от времени бросала на нее многозначительные взгляды, как будто напоминая, что еще есть время передумать. Констанция поднялась по ступенькам помоста и подняла руку, призывая всех к молчанию.

— Мы должны молиться Всевышнему, и да исполнится воля Его, — сказала она, удивляясь тому, как спокойно звучит ее голос. Некоторые из женщин сдавленно зарыдали, но, когда она опустилась на колени, последовали ее примеру. Мужчины тоже преклонили колени, убедившись, что оружие лежит под рукой. Те, кто нуждался в отпущении грехов, стянулись к священнику Констанции и следом за ним скрылись за узорной деревянной перегородкой, которая стала импровизированной исповедальней.

Микаил не присоединился к ждущим отпущения грехов, подтвердив подозрения Констанции в том, что его обращение в христианство осталось лишь уловкой. И все же он был хорошим человеком, и она понадеялась, что Господь проявит милосердие. Евнух стоял у оконной ниши, прислушиваясь к звукам осады, доносящимся снаружи.

— Моя госпожа! — воскликнул он вдруг. — Там что-то происходит!

Не успели его остановить, как он приоткрыл окно и вперил взгляд в темноту. А потом распахнул ставни во всю ширь.

Теперь уже они и сами слышали крики. Болдуин поспешил к окну.

— Толпу разгоняют всадники, мадам! Господь внял нашим молитвам!

В самую сердцевину людского моря врезались рыцари, заставив горожан броситься врассыпную. Вскоре во дворе остались лишь всадники да скорченные тела тех, кто оказался слишком медлителен или чересчур упрям. Гибель была столь близка, что Констанция не решалась поверить в избавление, пока не увидела все своими глазами. Стоя на коленях среди подушек подоконника, она проводила взглядом последних удирающих мятежников, но не успела обрадоваться спасению, как узнала того, кто командовал рыцарями. Словно ощутив взгляд Констанции, он посмотрел в ее сторону и тут же поприветствовал ее жестом, галантность которого немного подпортил лишь окровавленный клинок в его руке.

— Господь милосердный, — прошептала Констанция, опустившись на подушки. Мартина, стоящая рядом, спросила, кто это, и Констанция выдавила слабую, невеселую улыбку. — Его имя — Элиас ди Джезуальдо, и в нем мое избавление и моя погибель. Он явился как раз вовремя, чтобы спасти нам жизни, но наутро предаст меня в руки своего дяди — Танкреда ди Лечче.

Следующие четыре месяца выдались для Констанции тяжелыми. Она знала Танкреда довольно, чтобы полагать, что будет принята с лаской, — так и случилось. Танкред и его супруга Сибилла обращались с ней словно с почетной гостьей, а не пленницей, пусть она и находилась под постоянным ненавязчивым надзором. Но ей было унизительно полностью зависеть от милости человека, узурпировавшего ее трон, и она не могла перестать сравнивать свое бесплодие с плодовитостью Сибиллы, матери двух сыновей и трех дочерей. Еще сильнее она пала духом, когда Генрих решительно отказался идти на какие-либо уступки, чтобы вызволить ее. В конечном итоге дверцу золотой клетки распахнул не ее супруг. Папа Целестин согласился дать Танкреду то, чего тот желал сильнее всего — папское признание его права на трон, — но взамен попросил, чтобы Констанцию

передали под его опеку. Танкред неохотно согласился, и вот уже январским днем 1192 года она верхом направлялась в сторону Рима в компании трех кардиналов и вооруженного конвоя.

В Риме ей тоже не приходилось ждать свободы, ибо Папа видел в ней заложницу, ценную для переговоров с Генрихом, но она хотя бы оказалась избавлена от жизни в одном дворце с Танкредом и его королевой. К тому же Констанции вовсе не претило побыть на римской земле подольше, чтобы отсрочить воссоединение с человеком, который подверг ее такой опасности, а потом не сделал ничего, чтобы спасти от последствий своего решения.

Кардиналы явно тяготились своей ролью тюремщиков и ехали со скоростью, удобной для Констанции и придворных дам. Их теперь было только три: Адела, Хильдегунд и Дама Мартина, ибо ее сицилийские прислужницы решили остаться на родине. После ужасов Салерно Констанция не могла их в этом винить. Они скакали вот уже несколько часов, и вдруг она увидела, как их разведчик с угрюмым видом галопом несется обратно к остальным. Пришпорив свою кобылу, она догнала кардиналов как раз в тот момент, когда он подъехал вплотную. Когда она поравнялась с ними, они с вымученными улыбками объяснили, что впереди показалась группа подозрительных всадников, которые вполне могут оказаться разбойниками. Они решили, что будет лучше свернуть в сторону и избежать столкновения.

Стараясь, чтобы ее лицо оставалось безмятежным, Констанция вкрадчиво согласилась, что так в самом деле лучше. Они забыли, что латынь была одним из государственных языков Сицилии, и пусть она говорила на ней не так свободно, как Генрих, но уловила часть разговора, резко оборвавшегося, когда она подъехала, на словах «praesidium imperatoris». Они вовсе не разбойников испугались. Приближающиеся всадники были членами императорской гвардии Генриха.

Констанция не знала, как они здесь оказались, но это не имело значения. Снова поравнявшись со своими женщинами, она тихонько сказала им, чтоб были наготове и следили за тем, что она делает. Теперь в отдалении уже можно было различить всадников. Когда кардиналы и воины свернули с главной дороги на грунтовую тропу, ведущую прочь от реки Лири, Констанция последовала за ними. Дождавшись, когда конвоир рядом с ней двинулся вперед, она внезапно хлестнула кобылу кнутом. Из-

умленное животное пустилось вскачь с такой скоростью, словно им выстрелили из арбалета, и к тому времени, как кардиналы и конвой поняли, что произошло, она оказалась уже в нескольких ярдах от них. Услышав крики, Констанция оглянулась: несколько воинов бросились в погоню, и их быстрые кони грозили обогнать ее лошадь. Но гвардейцы императора уже ехали к ней. Стянув с головы капюшон, чтобы не оставалось никаких сомнений, она воскликнула:

— Я — ваша императрица! Я отдаю себя под вашу защиту!

Кардиналы сделали что могли: упирая на то, что императрица находится во власти Папы, сердито погрозили немцам, что те обратят на свои головы гнев Отца небесного, если вмешаются. Гвардейцы только посмеялись над ними. Констанция и ее женщины вскоре двинулись прочь вместе со своими новыми защитниками; рыцари радовались такой удаче, понимая, что за это их озолотят. Дамы тоже воспрянули духом. Но хоть Констанция и ощущала мрачное удовлетворение, их веселья она не разделяла. Она по-прежнему оставалась заложницей. И даже императорская корона этого не меняла.

Через два года после того, как Констанция наткнулась на императорскую гвардию Генриха, Танкред умер в своем дворце в Палермо. Печальный это был конец, ибо его девятнадцатилетний сын внезапно погиб еще раньше, в декабре, и наследником престола остался четырехлетний мальчик, а Танкред знал, что страх перед Священной Римской империей окажется сильнее преданности ребенку. Узнав о его смерти, Генрих вновь повел войско через Альпы в Италию.

Когда одним майским днем они прибыли в Милан, Констанция сразу же удалилась в свои комнаты. Она сказала, что ей нужно отдохнуть перед праздником, который собирался вечером устроить в их честь миланский епископ. Адела вот уже несколько недель была обеспокоена здоровьем госпожи и после этого прямого заявления об усталости, столь непохожего на обычное поведение Констанции, тут же отправилась за Дамой Мартиной. Когда они отыскали тихий уголок, где можно было не опасаться любопытных ушей, она призналась, что боится за здоровье императрицы. Мартина не удивилась, ибо и она тоже заметила ее вялый аппетит, худобу и бледность.

— Я говорила с ней, — призналась лекарша, — но она настаивает, что все хорошо. Боюсь, на ее здоровье влияет дурное расположение духа... — Она умолкла, не сомневаясь, что Аделa поймет. Они обе знали, что Констанцию тревожит участь, которая ожидает Сицилию и ее народ. Она не заговаривала об этом, но не было нужды облекать в слова молчаливый страх, ибо все они понимали, что за человек был ее супруг. — После сегодняшнего пира я снова с ней поговорю, — пообещала она, и Аделе пришлось довольствоваться этим.

Вернувшись в покои Констанции, она с облегчением увидела, что императрица уже встала и одевается, — это помогало поверить, что та не больна, а просто устала. Когда она уже была готова спуститься в главный зал, где ее ждали Генрих и епископ, дамы заахали, восхищаясь красотой ее платья. Парчовый шелк пылал сицилийским рассветом, а украшения стоили целое состояние, но Констанция чувствовала себя богато упакованным подарком, роскошным снаружи, но пустым внутри.

Генрих выказал нетерпение.

— Вы опоздали, — пробормотал он, когда она взяла его под руку. Две недели назад между ними разгорелась ссора — одна из худших за все время их супружества, — и напряжение до сих пор не развеялось. Они расстались мирно, вели себя учтиво и на людях, и наедине, но ничего существенно не изменилось. Вопрос Салерно по-прежнему стоял между ними. Констанция не спорила, что салернцы заслужили наказание, но ей казалось, что довольно будет разрушить городские стены и обложить жителей большим штрафом, ибо ими руководил страх, а не коварство. Генрих смотрел на это иначе. Он считал, что они должны заплатить своей кровью, и не намеревался прощать этот долг. Констанция была уверена, что пламя его непримиримой ненависти к мужчинам и женщинам города питалось осознанием того, что он совершил огромную ошибку, которую ни за что не согласился бы признать. Но, несмотря на свой гнев, она не использовала этого оружия, зная, что удар рикошетом падет на нее саму. Взглянув на него сейчас краем глаза, она ощутила укол бессильного отвращения, а потом собралась с духом и улыбнулась тому, кто шагнул к ним.

Она виделась с епископом Мило два года назад в Лоди, и чтобы начать любезный разговор, легко было обратиться к воспо-

минаниям о прошлой встрече. Она привыкла к ведению светских бесед, однако на сей раз все пошло не так. Констанция едва успела ответить на его цветистое приветствие, как пол дрогнул под ногами, будто вдруг превратился в палубу корабля. Она попыталась сказать, что ей необходимо присесть на минутку, но было уже слишком поздно. Ее увлекло куда-то вниз, во тьму забытья.

Констанция откинулась на подушки, глядя, как Мартина рассматривает стеклянный пузырек с ее мочой. Во время обследования она не задала ни единого вопроса, сомневаясь, что хочет услышать ответы, ибо уже некоторое время подозревала, что может быть серьезно больна. Только она собиралась попросить вина, как вдруг дверь открылась и в комнату вошел ее супруг в сопровождении еще одного мужчины. Непрошеное появление незнакомца в покоях императрицы возмутило ее дам.

— Я желаю, чтобы вас осмотрел мой лекарь, — безапелляционно заявил Генрих. — Очевидно, что вы больны и нуждаетесь в уходе, которого эта женщина не способна вам обеспечить.

Констанция села в постели.

— «Эта женщина» — лицензированный врач, Генрих. Я хочу, чтобы меня лечила она. — Не в силах удержаться, она добавила, чтобы слегка уколоть его: — Она училась в Салерно, была со мной во время нападения на дворец и выказала чудеса храбрости и преданности. Я доверяю ее суждениям.

Он заставил себя улыбнуться, но улыбка не добралась до глаз.

— Я не сомневаюсь в ее компетенции касательно женских болезней. И все же мне угодно, чтобы вашим лечением занялся доктор Конрад. Я вынужден настаивать, дорогая моя, ибо ваше здоровье для меня очень важно.

В этом Констанция не сомневалась; если она умрет прежде, чем Генрих будет провозглашен королем Сицилии, он попадет в весьма дурацкое положение, ведь у него не останется никаких прав на трон, кроме права завоевателя.

— Нет! — отрезала она.

На щеке у него дернулся желвак, глаза сузились. Но в этот самый момент вмешалась Мартина.

— Хотя я безгранично благодарна императрице за веру в мои способности, — учтиво сказала она, — у меня нет никаких со-

мнений, что доктор Конрад — прекрасный врач. И все же в его услугах нет нужды. Я уже знаю, что вызвало обморок императрицы.

Генрих не стал скрывать своего скептицизма:

— В самом деле?

Мартина спокойно посмотрела на него.

— Да. Императрица беременна.

Констанция ахнула и широко распахнула глаза. Генрих, ничуть не менее ошеломленный, схватил Мартину за руку.

— Ты уверена? Моли Бога о спасении, если это ложь!

— Генрих! — Протест Констанции остался без ответа, но Мартина встретила взгляд императора, не дрогнув, и через мгновение он отпустил ее.

— Совершенно уверена, — твердо сказала лекарша и на этот раз обратилась к Констанции: — По моим расчетам, вы станете матерью раньше, чем кончится год.

Констанция откинулась на спину и закрыла глаза, а когда снова открыла, над кроватью склонялся Генрих.

— Теперь отдыхайте, — сказал он. — Вам нельзя делать ничего, что могло бы повредить ребенку.

— Вам придется ехать дальше без меня, Генрих, я должна путешествовать очень медленно.

Он согласился с такой готовностью, что она вдруг осознала: впервые за все время их брака у нее появилась реальная власть. Он наклонился ближе и коснулся губами ее щеки, потом выпрямился и сказал Мартине, чтобы всякое желание, всякий приказ его жены исполнялись незамедлительно, как если бы исходили из его собственных уст. Окликнув доктора Конрада, который на протяжении всей сцены неловко переминался с ноги на ногу, Генрих направился к двери. На пороге он остановился и, оглянувшись на Констанцию, рассмеялся: звук был настолько непривычный, что все женщины вздрогнули, словно услышав гром среди ясного, безоблачного неба.

— Воистину Господь благословляет меня, — сказал он, ликуя. — Кто теперь усомнится, что в Сицилии мне уготована победа?

Как только за ним закрылась дверь, Констанция протянула руку и переплела пальцы с пальцами Мартины.

— Ты уверена? — повторила она слова Генриха; но те звучали как угроза, в ее же голосе были лишь мольба и молитва.

— Да, уверена, моя госпожа. Вы сказали мне, что кровотечение у вас в последний раз было в марте. Неужели вам не пришло в голову...

— Нет... последний год или два они шли нерегулярно. Я думала, что... Я боялась, что достигла того возраста, когда женщина уже не может понести. — Больше того: она не думала, что может забеременеть, потому что уже давно потеряла всякую надежду.

Адела плакала и называла Констанцию «ягненочком», будто они снова оказались в ее детской, Хильдегунд пала на колени и возблагодарила Всевышнего, а Катерина, младшая из прислужниц, принялась танцевать, кружась по комнате легко, словно листок на ветру. Констанции тоже хотелось и плакать, и молиться, и танцевать. Но вместо этого она рассмеялась смехом беззаботной девушки, какой была когда-то, еще во дни своей весны, когда мир был полон жаркого солнечного света и она не знала, какая ее ждет судьба: изгнание в чужую холодную страну и брак столь же бесплодный, как ее утроба.

Она отослала всех праздновать, пожелав, чтобы с ней остались лишь Адела и Мартина, а потом положила руку на живот и попыталась представить себе крошечное существо, которое теперь делило с ней тело. Так велика была ее радость, что она решилась наконец сказать правду.

— Я не была рада смерти Танкреда, — открыла она свое сердце. — Я не могла радоваться, зная, чем это грозило обернуться для Сицилии. Она стала бы лишь новым придатком Священной Римской империи. Ее богатства были бы разграблены, независимость потеряна, сама ее натура попрана. Но теперь... теперь она перейдет к моему сыну. Он будет править Сицилией, как правили мои отец и племянник. Он станет намного больше, чем ее королем. Он станет ее спасителем.

На этих словах Адела окончательно разрыдалась, а Мартина улыбнулась сквозь слезы:

— Все же не забывайте, мадам, что у вас может родиться и дочь.

Констанция снова рассмеялась.

— И я была бы ей рада, Мартина. Но этот ребенок будет мальчиком. Всевышний подарил нам свое благословение. Как еще могла я понести на сорок первом году жизни после восьми лет бесплодного брака? Господу угодно, чтобы я родила сына.

Несмотря на эйфорию, Констанция хорошо понимала, что шансы на благополучный исход невелики; первая беременность в ее возрасте таила немалые опасности, и угрозы выкидыша или появления на свет мертворожденного младенца были вполне реальны. Она решила провести самые опасные месяцы в женском бенедиктинском монастыре в Меде, к северу от Милана, а потом, когда пришлось снова отправиться в дорогу, путешествие спланировали таким образом, чтобы двигаться короткими, не утомляющими ее маршрутами. Выбор места для рождения ребенка пал на итальянский город Ези. Он раскинулся на вершине холма с видом на реку Есино, имел крепкие стены и был дружелюбно настроен к Священной Римской империи; Генрих предоставил в ее распоряжение свою императорскую гвардию, но Констанция не желала снова рисковать так, как тогда в Салерно.

Хотя утренняя тошнота, от которой страдают столь многие женщины, почти не докучала ей, все же беременность проходила непросто. Ступни и лодыжки очень опухли, грудь сильно болела и отзывалась на каждое движение. Констанцию постоянно мучили усталость, боли в спине, изжога, одышка и внезапные перепады настроения. Но по прибытии в Ези ее тревога несколько поутихла, ибо Мартина заверила, что на последних месяцах выкидыши случаются куда реже. К тому же душу грело дружелюбие горожан, которые, казалось, были искренне рады, что она решила рожать в их городе. К тому моменту, как ноябрь перетек в декабрь, на сердце у нее было так спокойно, как еще не бывало за все время беременности.

Войско Генриха почти не встретило сопротивления, и когда в августе Неаполь сдался, очень многие отреклись от королевы Танкреда и ее маленького сына. Констанция с тревогой восприняла слухи о кровавом возмездии, которое Генрих обрушил на Салерно в сентябре, но, послушавшись Мартины, твердившей, что избыток печали может нанести вред ребенку, попыталась выбросить из головы мысли о горящих домах, трупах, скорбящих вдовах и перепутанных детях. В ноябре, к ее удовольствию, приехали Болдуин, Микаил и некоторые из придворных рыцарей: взяв Салерно, Генрих освободил их из плена и послал в Ези. Констанция в шутку сообщила Мартине, что ее брак был бы гораздо счастливее, если бы она была беременна все время; к тому моменту они сблизились гораздо сильнее, чем

просто лекарь и больной, и делили тяготы ее беременности так же, как когда-то делили опасность в Салерно.

В декабре Констанции стало известно, что Генриха приняли в Палермо и Сибилла уступила ему трон взамен на обещание, что ее семье не причинят вреда, а сыну позволят наследовать земли Танкреда в Лечче. Констанция не могла не чувствовать к Сибилле некоторую симпатию и порадовалась удивительной мягкости решения мужа. Она жила во дворце епископа Ези, и они отпраздновали предстоящую коронацию Генриха со всей роскошью, какую позволял рождественский пост. В тот же день, соблазнившись хорошей погодой, Констанция решилась выйти в сад.

Она сидела в решетчатой беседке в компании Хильдегунд и Катерины, когда вдалеке вдруг послышался шум. В дальнем конце сада, перебрасываясь мячом из свиного пузыря, показались несколько молодых людей. Констанция узнала их — то были один из клерков епископа и двое рыцарей Генриха, которым он поручил привезти ей вести о своем триумфе. Она опустила вышивание на колени и улыбнулась их дурачествам, представляя, как однажды ее сын будет вот так же играть в мяч со своими друзьями.

— Господь в этом году воистину благословил нашего императора. — Они уже скрылись из поля зрения Констанции, но она легко различала их голоса. Это сказал Пьетро, клерк, а потом риторически вопросил, скольким людям удавалось за один год получить корону и наследника. — Дай Бог, — добавил он с молитвенным рвением, — чтобы императрица родила сына. — От рыцарей Генриха послышался взрыв хохота, и, когда Пьетро заговорил снова, голос его звучал озадаченно: — Почему вы смеетесь? В конце концов, все в руках Всевышнего.

— Как же ты невинен! — Этот голос принадлежал Иоганну, старшему из двоих рыцарей. — Неужели ты думаешь, что император станет ждать столько времени, чтобы заиметь наследника, а потом явит миру девчонку? Еще чего не хватало!

Констанция резко вскинула голову и подняла руку, приказывая молчать Катерине, которая хотела уже вмешаться.

— Не понимаю, к чему ты ведешь, — сказал Пьетро, и теперь в его словах появилась нотка настороженности.

— Все ты понимаешь. Просто не решаешься сказать это вслух. За эти восемь лет владыка Генрих хорошо понял, что ему

досталась бесплодная жена. И тут вдруг, о чудо, она понесла — будто по волшебству. Почему, как ты думаешь, императрица выбрала для родов эту глухомань, этот забытый Богом город? В Неаполе или Палермо ей было бы куда труднее — слишком много подозрительных взглядов. А тут — легко. Пустят слух, что родовые муки начались, потом под покровом ночи привезут младенца — быть может, кого-нибудь из Генриховых ублюдков. Тут-то церковные колокола и разнесут радостную весть, что у императора родился крепкий, здоровый сынок.

Констанция, затаив дыхание, стиснула вышивку в руках и даже не почувствовала, как в ладонь впилась иголка. Катерина привстала, но Хильдегунд положила руку ей на плечо, сдерживая, и девушка снова опустилась на место.

— Видно, ты выпил за ужином слишком много вина, — холодно сказал Пьетро. Его слова вызвали у рыцарей новый взрыв смеха. К этому времени Констанция уже поднялась на ноги. Когда она вышла из беседки, Пьетро первым заметил ее и согнулся в глубоком поклоне.

— Мадам!

Краска схлынула с лица Иоганна; он сделался белее погребальной свечи.

— Ма-ма-мадам, — заикаясь, выдавил рыцарь, — я... я так сожалею! Это была лишь шутка. Как... как сказал Пьетро, я выпил слишком много вина. — Он давился словами, торопясь их высказать, голос его звучал тонко и неверно. — Воистину я, должно быть, пьян, раз позволил себе так грязно шутить...

В голосе Констанции звучал лед, но слова ее обжигали:

— Интересно, покажется ли твоя шутка моему супругу столь же забавной, как тебе?

Иоганн издал сдавленный хрип, а потом упал на колени.

— Мадам... прошу, — взмолился он, — пожалуйста... умоляю вас, не говорите ему...

Констанция не отрывала от него глаз, пока он не начал всхлипывать, потом отвернулась и пошла прочь. Иоганн скорчился на земле, а Пьетро и второй рыцарь стояли, застыв на месте. Хильдегунд прожгла плачущего рыцаря гневным взглядом и поспешила вслед за Констанцией. Катерина бросилась за ними.

— Она расскажет императору? — прошептала девушка, с досадой почуяв в себе искру жалости к охваченному ужасом Иоганну.

Хильдегунд покачала головой.

— Не думаю, — ответила она очень тихо, а потом выплюнула: — Будь он проклят, этот бесстыдный, безмозглый сопляк, пусть сгорит за это в аду! Надо же было нашей госпоже услышать такое, да еще сейчас, когда роды уже недалече...

— Ягненочек мой, да разве так важно, что думает какой-то там глупец?

Констанция не ответила. Она шагала взад и вперед по комнате, виртуозно ругаясь такими словами, в знании которых женщины ее раньше даже не подозревали. Но когда она побелела и начала задыхаться, Мартина обняла ее за плечи и подвела к стулу. Отойдя на пару мгновений, лекарша вернулась с кубком, полным вина, и вложила его в руку Констанции.

— Выпейте, моя госпожа. Это успокоит ваши нервы. Адела права: вы только зазря себя расстраиваете. Не может того быть, чтобы вы не знали, что люди будут пускать подлые слухи, что найдутся те, кто готов приписать императору самое худшее.

Констанция поставила кубок так резко, что вино выплеснулось ей на рукав.

— Конечно, я знала, Мартина! У Генриха больше врагов, чем в Риме священников. Но разве ты не понимаешь? Это были его собственные рыцари, люди, которые клялись умереть за него, если понадобится. Если даже они сомневаются, что я вправду беременна...

Адела опустилась на колени рядом с ее стулом, поморщившись, когда заныли старые кости.

— Это все не важно, — повторила она упрямо. — Сорочья болтовня и ничего больше.

Гнев Констанции уступил место отчаянию.

— Нет, важно! Мой сын явится в этот мир под тенью подозрения. Люди не поверят, что он вправду плоть от плоти моей, законный наследник сицилийской короны. Ему придется всю свою жизнь бороться с клеветой и наветами. Если поднимется восстание, это используют как предлог. Враждебно настроенный Папа вполне может объявить его незаконнорожденным. За ним вечно будут следовать шепот и сомнения... — Она закрыла глаза, и сквозь ресницы просочились слезы. — Что, если он и сам поверит в это?

Адела тоже разрыдалась. Мартина потянулась к руке Констанции и ласково, но твердо заставила ее подняться на ноги.

— Как я уже сказала, вы волнуетесь зазря. Даже если так, даже если ваши страхи оправданны, вы ничего не можете сделать, чтобы искоренить молву. А теперь я хочу, чтоб вы легли и отдохнули. Вам надо думать о благополучии своего ребенка, пока он у вас во чреве, а не о том, чем его встретят будущие годы.

Констанция не стала спорить и позволила уложить себя в постель, но забытье все не приходило. Лежа без сна, она глядела, как небо темнеет, а потом снова медленно заливается светом, и в ушах ее звучал голос Иоганна, который высмеивал саму мысль, что стареющая, бесплодная королева Генриха способна понести.

Болдуин боролся с неловкостью, ибо негоже ему было находиться в личных покоях императрицы; он не сомневался, что Генрих не одобрил бы этого.

— Вы посылали за мной, мадам? — спросил он, стараясь скрыть беспокойство, которое охватило его при виде осунувшегося, пепельно-серого лица госпожи.

— У меня есть для вас поручение, сэр Болдуин. — Констанция сидела в кресле, так крепко стиснув руки, что кольцо впивалось в плоть. — Я хочу, чтобы вы поставили на главной площади шатер, а потом разослали по улицам глашатаев: пусть они объявят людям, что я буду рожать там, в этом шатре, и матроны и девицы Ези приглашены посмотреть на рождение моего ребенка.

Болдуин разинул рот от изумления; все слова вмиг вылетели у него из головы. А вот прислужницы Констанции дара речи не потеряли и тут же взорвались изумленными и протестующими восклицаниями. Она выслушала их, а потом попросила Болдуина убедиться лично, что ее приказ будет выполнен надлежащим образом. Выражение, которое появилось на ее лице, было ему знакомо — он уже видел его однажды, когда она собиралась выйти на балкон в Салерно, — и Болдуин, опустившись на колени, поцеловал ее руку.

— Будет исполнено, мадам.

Адела, Хильдегунд и Катерина, затихнув, глядели на нее в ошеломленном молчании. Мартина склонилась над стулом и прошептала:

— Вы уверены, что хотите это сделать?

В ответ Констанция сквозь зубы прошипела:

— Христос распятый, Мартина! Конечно, не хочу! — И добавила, вскинув голову: — Но я это сделаю! Сделаю ради своего сына.

Наутро после Рождества на площади было так людно, словно настал базарный день. Вокруг царила праздничная атмосфера, ибо горожане понимали, что вот-вот станут свидетелями чего-то необычайного — или по крайней мере станут их жены. Время от времени одна из них появлялась из шатра, чтобы сообщить, что все идет так, как должно, а потом исчезала обратно. Мужчины шутили, сплетничали и делали ставки на то, какого пола родится ребенок. В палатке же царил совсем иной настрой. Поначалу женщины Ези были веселы, перешептывались между собой, ощущая себя зрителями на рождественском спектакле. Но почти каждая не понаслышке знала о родовых муках, на себе испытав то, что переносила сейчас Констанция, и постепенно, глядя, как она корчится на родильном стуле, как на ее коже выступает пот, а лицо кривится от боли, женщины начали чувствовать себя на ее месте, забыли, что она — императрица, высокородная, наделенная невообразимым богатством и властью, каких они не видели даже в своих самых смелых мечтах. Сперва им казалось, что их удостоили чести наблюдать историческое событие. Теперь же они старались поддержать ее так, словно она была одной из них, ибо все они были дочерьми Евы и в том, что касалось родов, сестрами по крови.

Мартина совещалась с двумя местными повивальными бабками; голоса их звучали приглушенно, на лицах читалась сосредоточенность. Адела уговаривала Констанцию проглотить ложку меда, обещая, что это придаст ей сил, и та заставила себя взять мед на язык. Она понимала, почему они так озабочены. Когда отошли воды, ей пообещали, что ребенок скоро родится, но боли все продолжались, становясь сильнее, и ей казалось, что дело не двигается вовсе.

— Мне нужна Мартина, — пробормотала она и, когда лекарша поспешила вернуться к ней, схватила ее за запястье. — Помни... если не сможешь спасти нас обоих, спасай дитя... — Ее голос был слаб и прерывист, но глаза сверкали так яростно,

что Мартина не смела отвести взгляд. — Обещай... — потребовала Констанция, — обещай мне.

Лекарша кивнула, не доверяя своему голосу.

Время потеряло для Констанции всякое значение; весь мир сузился до душных стен шатра. Ее поили вином, смешанным с корой кассии трубчатой, поднимали запачканную сорочку, чтобы помассировать живот, умащали лоно горячим тимьяновым маслом, но ее муки все не кончались, и некоторые из женщин ускользнули из шатра, чтобы помолиться за нее в церкви рядом с площадью. Но Мартина продолжала настаивать, что осталось уже совсем немного, что ее чрево расширяется, разжигая надежду, словно свечу во тьме. Минула уже целая вечность, и вдруг Констанция услышала крик: головка показалась. Она снова принялась тужиться, и следом появились плечики ребенка.

— Еще раз, — сказала Мартина, и красное, сморщенное тельце выскользнуло в потоке крови и слизи прямо в подставленные руки акушерки.

Констанция, обмякнув, затаила дыхание и наконец услышала его — тихое, тоненькое воркование, возвещающее, что младенец жив. Улыбка на лице Мартины сияла ослепительно, словно восход солнца.

— Мальчик, мадам! У вас родился сын!

— Дайте мне его... — слабо произнесла Констанция.

Так много всего еще предстояло сделать. Обрезать и завязать пуповину. Вымыть ребенка, натереть солью и запеленать. Унести послед и закопать его, чтобы не привлек демонов. Но Мартина знала, что все это может подождать. Взяв дитя, она вложила его в руки матери, и, глядя, как Констанция в первый раз обнимает сына, мало кто из женщин сумел сдержать слезы.

Когда шесть дней спустя разнеслась весть, что императрица собирается показать сына горожанам, площадь заполнилась людьми за много часов до того, как она должна была там появиться. Мужчины слышали рассказы своих женщин о рождении ребенка, и им не терпелось увидеть чудо-дитя своими глазами. В конце концов, улыбались они, он был уроженцем Ези — одним из них. Наконец на площади появился паланкин Констанции; толпа расступилась и захлопала в ладоши, когда ей помогли спуститься на землю и подвели к подготовленному

креслу. Стоило ей сесть, она подала знак, и Мартина протянула ей небольшой аккуратный сверток. Констанция откинула одеяльце, открыв взглядам головку, покрытую пушистыми рыжеватыми волосами, а потом подняла младенца, который замахал крошечными кулачками, так, чтобы его увидели все.

— Мой сын Фридрих, — громко и четко произнесла она, — который однажды станет королем Сицилии.

Когда Фридрих испустил внезапный требовательный крик, все снова захлопали и заулыбались. Констанция тоже расплылась в улыбке.

— Мне кажется, он голоден, — сказала она. Матери в толпе согласно закивали и принялись оглядываться в поисках кормилицы — таким знатным дамам, как Констанция, не подобало выкармливать младенцев самим. Но то, что случилось дальше, повергло их в изумление. Прислужницы шагнули вперед, на мгновение заслонив императрицу от взглядов. Когда же они отошли в сторону, толпа ахнула, ибо оказалось, что Констанция распахнула мантию, оттянула корсаж и принялась кормить своего сына. Когда горожане поняли, что она делает — явив миру окончательное, неоспоримое, явное доказательство того, что это дитя ее чрева, ее плоть и кровь, — они взорвались ликующими криками. Даже те, кто не жаловал ее мужа-немца, присоединились к ликованию, ибо храбрость заслуживает признания и восхваления, а все они знали, что наблюдают проявление отчаянной храбрости, наивысшее выражение материнской любви.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Несомненно, Констанция была отважной женщиной, но можно ли назвать ее опасной? События, последовавшие за рождением Фридриха, дают на это ответ. Щедрые условия перемирия Генриха оказались ловушкой. Он показал свое истинное лицо на рождественской коронации, приказав вытащить тела Танкреда и его сына из королевских гробниц. Четыре дня спустя он заявил, что раскрыл плетущийся против него заговор, и приказал, чтобы Сибиллу, ее детей, а также знатнейших сицилийских вельмож взяли под стражу и отправили в Германию. Сибилле с дочерьми в конце концов удалось бежать, но пятилет-

ний сын погиб вскоре после того, как его отослали в монастырь. По слухам, перед смертью его ослепили и кастрировали. Деспотизм Генриха привел к восстанию 1197 года, и существуют некоторые свидетельства вовлеченности Констанции в заговор. Генрих определенно в это верил — судя по тому, что заставил ее смотреть, как зачинщика бунта казнили, прибив ему к голове раскаленную корону. Но в сентябре того же года Генрих неожиданно умер в Мессине. Констанция сразу взяла государство под свой контроль, окружила себя сицилийскими советниками и изгнала оттуда всех немцев. Но она пережила Генриха меньше чем на год, все это время лихорадочно трудясь, чтобы защитить сына. Она устроила ему коронацию, а затем заключила союз с новым Папой, Иннокентием III, и успела наречь его опекуном Фридриха до того, как умерла в ноябре 1198 года в возрасте сорока четырех лет. Фридриху суждено было стать одним из самых ярких, противоречивых и выдающихся правителей Средневековья — королем Сицилии, главой Священной Римской империи, а впоследствии даже королем Иерусалима. А что же Констанция? Данте поместил ее в рай.

ЛЕВ ГРОССМАН

Романист и журналист Лев Гроссман работает ведущим книжным критиком в «Тайм» и является соавтором TIME.com blog TechLand. Его причудливый роман 2009 года «The Magicians» стал феноменальной международной сенсацией и попал в список бестселлеров «Нью-Йорк таймс», а также был назван «Нью-Йоркером» лучшей книгой 2009 года, его продолжение «The Magician King», опубликованное в 2011 году, тоже получило всеобщее признание. Кроме того, Гроссман — автор романов «Warp» и «Кодекс». Он живет в Бруклине, Нью-Йорк, и ведет свой сайт levgrossman.com.

Здесь он приводит нас в древнюю, почтенную школу волшебников, славную своими тысячелетними традициями и призраками, чтобы показать, что самые невинные проделки могут иметь опасные и даже летальные последствия.

ДЕВУШКА В ЗЕРКАЛЕ

Конечно, можно сказать, что все началось с невинной шалости или проделки, но на самом деле это не совсем так. Она была не с о в с е м невинной. Уортон плохо себя вел, и Лига решила его наказать, в надежде на то, что он прекратит свои безобразия или по крайней мере слегка успокоится. В самом крайнем случае Лига получит удовлетворение от того, что Уортон будет страдать, — уже кое-что. Даже немало.

Если по правде, шалость ни в малейшей степени не была безобидной. Но вполне закономерной. В любом случае, возможны ли вообще невинные проделки?

Слива являлась президентом Лиги — невыбранным, но бесспорным — и также ее основателем. Чтобы привлечь в нее единомышленников, она представила Лигу как славную и древнюю традицию Брейкбиллса, что, вероятно, не соответствовало дей-

© Lev Grossman, 2013; © пер., примеч. В. Гольдича, 2014.

ствительности. Однако колледжу исполнилось четыреста лет, и Слива решила, что в какой-то момент такая Лига или нечто подобное наверняка существовало, а значит, можно говорить об историческом прецеденте. Во всяком случае, такую возможность не следует исключать. На самом же деле она позаимствовала идею из рассказа П. Г. Вудхауза.

Члены Лиги встретились довольно поздно в необычном маленьком кабинетике в Западной башне, имевшем форму трапеции. Они знали, что башня находится вне защитной магической сети колледжа, а значит, могли со спокойной совестью нарушать здесь комендантский час. Слива, вытянувшись во весь рост, лежала на полу — ее любимое положение, когда решались вопросы, касающиеся Лиги. Остальные девушки в самых разных позах расположились на диванах, креслах и стульях, точно конфетти после удачной, но утомительной вечеринки, которая наконец подошла к концу.

Слива установила тишину в комнате, использовав простое заклинание, уничтожавшее любые звуки в радиусе десяти ярдов, и внимание собравшихся тут же сосредоточилось на ней. Когда она прибегала к какому-нибудь магическому трюку, все сразу забывали о своих делах.

— Давайте поставим вопрос на голосование, — торжественно сказала Слива. — Все, кто за то, что мы должны наказать Уортона, скажите да.

Последовали самые разные «да» — от энергичных и усердных до ироничных и сонных. Слива не могла не признать, что поздние тайные сборища негативно влияют на режим сна. Не совсем честно по отношению к ее соратницам, поскольку сама она делала все очень быстро и проходила через любые домашние задания, точно горячий нож сквозь масло, но остальным учеба давалась не так легко. Сейчас, когда она лежала с закрытыми глазами, а ее длинные каштановые волосы веером рассыпались на ковре, прежде мягком и ворсистом, но давно ставшем гладким и блестящим, голосование получилось практически единогласным.

В общем, почти все поддержали Сливу, а от нескольких «нет» она отмахнулась как от не имеющих существенного значения.

— Это возмутительно, — сказала в наступившей тишине Эмма, словно приняла подачу. — Совершенно возмутительно.

Преувеличение, конечно, но никто не стал ей возражать. Преступление Уортона нельзя было назвать вопросом жизни и смерти, но Лига твердо решила, что пришло время положить конец его выходкам.

Дарси сидела на диване напротив длинного зеркала в потрескавшейся белой рамке, которое стояло у стены, и развлекалась со своим отражением — изящными движениями рук плела заклинание, вытягивала его и сжимала, вытягивала и сжимала. Слива не очень понимала, как она это делает, но Дарси специализировалась на магии зеркал. Конечно, она слегка рисовалась, и неудивительно — у нее не так уж часто возникала возможность продемонстрировать свои умения.

Итак, перейдем к безобразному поступку Уортона. В столовой Брейкбиллса всех обслуживали первокурсники, которые потом ели отдельно. По традиции каждый год одного из студентов четвертого курса выбирали на роль сомелье, отвечавшего за вино и все, что с ним связано. Уортон удостоился этой чести — и не без причины. Он действительно хорошо разбирался в винах, во всяком случае, помнил целую кучу названий и знал многое другое. (На самом деле сначала должность сомелье получила другая студентка четвертого курса, носившая забавное имя Медвежонок Клэр, но Уортон публично посрамил ее, когда сумел вслепую отличить «Жигонду» от «Вакераса».)

Однако с точки зрения Лиги Уортон опозорил свое звание, совершив ужасный грех, заключавшийся в том, что он систематически недоливал вино, в особенности студентам пятого курса, которым разрешалось выпивать за обедом два бокала. Он наполнял их лишь на три четверти. И в данном вопросе мнение членов Лиги было единодушным — такое преступление ни в коем случае нельзя спускать виновному с рук.

— Как вы думаете, что он со всем этим делает? — спросила Эмма.

— С чем именно?

— С остающимся вином. Должно быть, он его где-то прячет. Могу спорить, что каждый вечер у него остается лишняя бутылка.

Всего в Лиге состояло восемь девушек, из которых присутствовало шесть, Эмма была самой молодой и единственной второкурсницей, однако не стеснялась высказывать свое мнение при старших. Слива считала, что Эмма сильно преувеличивает

собственную роль в Лиге. Ей следовало бы хоть иногда демонстрировать уважение. Ведь только что говорила Слива.

— Ну, не знаю, наверное, сам выпивает, — предположила Слива.

— Ему не одолеть бутылку за вечер, — возразила Дарси.

Она носила прическу с торчащим гребнем в стиле афро семидесятых*.

— Ну, тогда он это делает вместе со своим дружком. Как там его зовут? У него греческое имя.

— Эпифанио, — сказали Дарси и Челси одновременно.

Челси лежала на диване напротив Дарси, положив белокурую голову на ручку и поджав под себя колени, и без особого энтузиазма пыталась помешать зеркальным фокусам Дарси. Заклинания Дарси требовали большого напряжения и внимания, но портить чужую работу гораздо проще, чем творить что-то свое. Это один из множества недостатков магии.

Дарси нахмурилась и сосредоточилась еще сильнее, отбивая атаки Челси. Вмешательство Челси вызвало легкое гудение, а зеркальное отражение Дарси изгибалось и выписывало диковинные спирали.

— Прекрати, — сказала Дарси. — Ты все испортишь.

— Наверное, вино ему необходимо для какого-то заклинания, — снова вмешалась Эмма. — Ему нужно каждый день его подпитывать, и оно как-то связано с его мужским достоинством.

— Естественно, что же еще может прийти тебе в голову? — заметила Слива.

— Ну, — сказала Эмма, ужасно покраснев. (Ага, я тебя достала!) — Вы же знаете, он такой накачанный.

Челси почувствовала, что наступил подходящий момент, и заставила изображение Дарси рассыпаться на части, а через мгновение его словно затянуло в черную дыру, и оно исчезло, как будто в зеркале ничего и не было — теперь в нем отражался лишь пустой диван с примятой подушкой.

— Ха, — сказала Челси.

— Накачанный еще не значит мужественный, — вмешалась Люси, невероятно серьезная, склонная к философствованию пятикурсница; в ее голосе слышалась горечь собственного опыта.

---

* Длинные волосы, разделенные посередине пробором.

Толстая, болезненного вида кореянка Люси, скрестив ноги, парила в одном из неровных верхних углов комнаты. Ее темные прямые волосы были длинными, ниже талии.

— Могу спорить, он отдает вино призраку, — продолжала Люси.

— Призрака не существует, — возразила Дарси.

Кто-нибудь то и дело говорил, что по Брейкбиллсу разгуливает призрак. Вроде того, что Слива сказала про Лигу: невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

— Кстати, — поинтересовалась Челси, которая закрепила свою победу над Дарси, водрузив ноги ей на колени, — что означает «мужественный»?

— Настоящий мужчина, с огоньком в штанах, — ответила Дарси.

— Девочки, пожалуйста, — сказала Слива, чтобы направить разговор в нужное русло. — Ни огонек Уортона, ни его штаны нас сейчас не волнуют. Вопрос в том, что делать с исчезнувшим вином? У кого есть план?

— У т е б я есть план, — снова сказали Дарси и Челси одновременно.

Они напоминали близнецов из театральной постановки.

— Да, у меня есть план.

— У Сливы есть план, — сообщила веселая Холли, устроившаяся в одном из удобных кресел.

Да, у Сливы всегда имелся план; и она ничего не могла поделать с тем, что они без особых усилий постоянно рождались у нее в голове. План Сливы состоял в том, чтобы воспользоваться ахиллесовой пятой Уортона — его карандашами. Он не писал теми, что выдавали в школе, по мнению Сливы, вполне функциональными и соответствовавшими нуждам студентов: синий цвет колледжа с надписью золотыми буквами «Брейкбиллс». Но Уортону они не нравились — он говорил, что они слишком толстые, неудобно «лежат в руке», а грифель у них слишком мягкий. Уортон привозил карандаши из дома.

На самом деле карандаши Уортона производили впечатление: оливково-зеленые, сделанные из маслянистого ароматического дерева. От них исходил восковой аромат, напоминающий запах экзотических растений сельвы. Никто не знал, где он их брал. Резинки, угольно-черные, а не розовые, крепились матовыми темно-серыми стальными кольцами со слишком высоким

содержанием углерода. Уортон носил свои карандаши в плоском серебряном футляре, где также лежал острый маленький ножик, которым он их затачивал, делая грифель невероятно острым. Для ножика в футляре имелось специальное бархатное гнездо.

Более того, Уортон до поступления в колледж, готовящий волшебников, участвовал в академическом десятиборье или дебатах, или еще в чем-то, потому что обладал неплохим арсеналом фокусов с карандашами, нацеленным на то, чтобы произвести впечатление на соперников по математическим олимпиадам. Он проделывал их практически непрерывно и, как казалось, бессознательно. Уже одно это вызывало раздражение, не говоря уже о махинациях с вином.

Слива предложила украсть карандаши и использовать их для шантажа, чтобы заставить Уортона объяснить, что он делает с вином, а также взять с него слово прекратить эти безобразия. К половине двенадцатого ночи члены Лиги начали зевать, Дарси и Челси восстановили отражение Дарси в зеркале, потом снова начали с ним играть. Члены Лиги подробно обсудили, одобрили и даже сделали избыточно сложным план Сливы, добавив к нему жестокие маленькие детали.

Суровая необходимость требовала наказать Уортона, ведь кто-то должен был навести порядок в Брейкбиллсе, а поскольку факультет ничего не предпринимал, Лига решила взять дело в свои руки. И пусть факультет отводит глаза от очевидных вещей, взгляд Лиги всегда будет проницательным и строгим.

Образ Дарси в зеркале съежился и задрожал.

— Прекрати! — воскликнула Дарси, которая рассердилась по-настоящему. — Я тебе говорила...

Она предупреждала и оказалась права. Зеркало треснуло: раздался громкий звон, и в нижнем правом углу на стекле появилась белая звезда, от которой побежали тонкие трещины, словно в зеркало попала невидимая пуля.

Слива вдруг вспомнила Теннисона: «Разбилось зеркало, звеня» *...

— О, дерьмо, — сказала Челси, и ее руки метнулись ко рту. — Надеюсь, оно не слишком дорогое.

---

* Теннисон А. «Волшебница Шалот». Перевод К. Д. Бальмонта. Эту строку использовала Агата Кристи для своего романа, который выходил под названием «Зеркало треснуло».

Одновременно зеркало потемнело и перестало отражать то, что находилось в комнате. Слива подумала, что, наверное, это какое-то устройство, которое лишь исполняет роль зеркала. Сначала она решила, что его поверхность почернела, но уже в следующее мгновение увидела мягкие тени: диван и кресла — та же комната, только пустая и погруженная в темноту. Быть может, «зеркало» показывает прошлое? Или будущее? Жутковатая картина, словно в комнате кто-то находился, а потом ушел, выключив перед уходом свет.

На следующее утро Слива встала в восемь часов, довольнотаки поздно, но хоть она и выспалась, в голове у нее клубился густой туман. Она рассчитывала, что будет испытывать возбуждение перед предстоящей проделкой, но механически отправилась в душ, оделась и зашагала на первую лекцию. Ее разум, как она часто замечала, жил своей собственной жизнью и был подобен линзе, которая позволяла ей полностью сосредоточиться на учебе или, наоборот, мешала, делая рассеянной и неспособной нормально заниматься — причем без малейшего ее участия и желания.

Будучи студенткой пятого курса, закончившей изучение всех предметов, Слива активно участвовала в семинарах семестра. Первым сегодня стоял коллоквиум по периодической магии пятнадцатого столетия в Германии, точнее, работа с элементалями, необычной техникой прорицаний и Иоханнесом Хартлибом. Крошечная Холли сидела за столом напротив, и состояние Сливы было настолько странным, что Холли пришлось дважды со значением прикоснуться к своему острому маленькому носику, прежде чем Слива вспомнила про сигнал, означающий, что Стадии один и два успешно завершены. Она сосредоточилась.

Стадия один: «Грубо, но эффективно». Несколькими часами ранее дружок Челси провел ее в Башню юношей под предлогом утреннего свидания — такие случаи бывали и прежде. Оказавшись там, Челси высвободилась из его объятий, сказала, что ей нужно в туалет, подошла к дверям комнаты Уортона, прижалась к ней спиной, потом убрала со лба роскошные кудри и вошла внутрь в форме серебристого астрального тумана. Она отыскала футляр с карандашами и прикоснулась к нему своими почти нематериальными руками. Челси не могла вынести футляр из комнаты, но такая задача и не ставилась. От нее требовалось лишь направить футляр в сторону окна.

Сам Уортон мог увидеть, что происходит, или нет — все зависело от того, будет ли он в это время спать, но особенного значения это не имело. *Пусть посмотрит.*

Они договорились, что как только футляр окажется возле окна, серьезная Люси увидит его из пустой аудитории, расположенной напротив комнаты Уортона, и с помощью телепортации вытащит наружу. Она могла переместить футляр только на три фута, но больше и не требовалось.

Дальше футляр с карандашами упадет на сорок футов вниз, где в кустах спрячется дрожащая Эмма — февральские рассветы были достаточно холодными — и поймает футляр на одеяло. Никакой магии.

Эффективно? Вне всяких сомнений. Избыточно сложно? Может быть. Но избыточная сложность была фирменным знаком Лиги. Именно так она действовала всегда.

После этого начнется Стадия два: «Завтрак для чемпионов». Уортон спустится вниз поздно, поскольку потратит все утро на поиски карандашей, которые так и не найдет. Он будет настолько выведен из состояния равновесия, что не обратит внимания на то, что утреннюю тарелку с кашей перед ним поставит замаскированная под анонимного первокурсника крохотуля Холли. После первой ложки он почувствует что-то странное и начнет более внимательно изучать кашу.

Каша будет приправлена не обычным крупным коричневым сахаром, а легкой ароматной оливково-зеленой пылью. Подарочек от Лиги.

По мере того как время шло, Слива все сильнее проникалась духом их выходки. Она знала, что так и будет. Просто по утрам она почти всегда чувствовала себя паршиво.

Занятия продолжались, она поглощала день большими глотками, так анаконда пожирает антилопу. Ускоренная продвинутая кинетика, квантовая некромантия, парная магия; клеточная манипуляция с растениями. В общем, чисто американские развлечения. Выбранные Сливой курсы были сложными даже для аспиранта, возможно, для нескольких аспирантов, но Слива пришла в Брейкбиллс, зная теорию и практику магии в таком объеме, каким может похвастать не каждый выпускник. Она не входила в число тех, кто стартует с нуля и заканчивает пер-

вый курс с ноющими руками и красными глазами. Слива прибыла сюда прекрасно подготовленной.

Брейкбиллс — тщательно скрытое от посторонних глаз учебное заведение для избранных — являлся единственным имевшим аккредитацию колледжем в Северной Америке, где преподавали магию. Вот почему конкурс был очень серьезным, и поступить могли лишь те, кто обладал исключительными способностями. Впрочем, строго говоря, никто не подавал сюда документы: Фогг снимал сливки с лучших учеников старших классов — отыскивал гениев, обладавших не только мощной мотивацией и выдающимся интеллектом, но и высоким болевым порогом, что совершенно необходимо для овладения магией.

Стоит ли говорить, что большинство студентов Брейкбиллса представляли собой настоящий психологический зверинец, поскольку выдающиеся способности накладывают неизбежный отпечаток на личность человека. Более того, чтобы обладать таким невероятным упорством в достижении цели, нужно быть немного тронутым.

Слива и была слегка тронутой, но внешне это никак не проявлялось. Она всегда выглядела остроумной и уверенной в себе. Попав в Брейкбиллс, она закатала рукава, пощелкала пальцами и совершила другие необходимые телодвижения, после чего погрузилась в работу. До тех пор, пока она не оказалась в одном с ними классе, большинство первокурсников считали, что она учится на старшем курсе.

Однако Слива старалась не показывать максимальных результатов, чтобы не закончить колледж на год или два раньше. Она не спешила. Ей нравилось в Брейкбиллсе. Пожалуй, она даже его любила. Нуждалась в нем. Здесь она чувствовала себя в безопасности. Впрочем, она никогда не была настолько уверена в своем даре, чтобы, засыпая, представлять себя Падмой Патил (извини, Гермиона, но Когтевран победил). В глубине души Слива была романтиком, как и большинство студентов, и Брейкбиллс являлся их настоящей мечтой. Ведь кто такие волшебники, как не романтики, которые мечтают так страстно и отчаянно, что реальность не выдерживает и, точно старое зеркало, разбивается на мелкие осколки?

Слива поступила в Брейкбиллс с солидным багажом умений. Когда ее спрашивали про детство, удивляясь тому, что она

настолько готова к обучению, она говорила правду. Слива выросла в Сиэтле и была единственной дочерью смешанной пары — волшебницы и маньяка Нинтендо, который знал о существовании магии, но не имел к ней ни малейших склонностей. Слива училась дома, и от родителей ей достались прекрасные способности. Она отлично понимала магию благодаря тому, что очень рано начала ею заниматься, и ей никто не мешал.

Такой была правда. Однако когда правдивая часть заканчивалась, начиналась ложь, потому что Сливе не только не хотелось рассказывать о своей дальнейшей жизни, но даже вспоминать о ней. Слива была загадкой, и ей это нравилось. Так она чувствовала себя в безопасности, ведь никто никогда не узнает всей правды. В том числе и она сама.

Но для того чтобы не думать о правде, требовалось чем-то себя занять. Отсюда и продвинутый курс ускоренной кинетики и квантовой некромантии, а также другие сложные магические дисциплины. И, разумеется, Лига.

В результате у Сливы выдался очень неплохой день; в любом случае намного лучше, чем у Уортона. Во время первой пары он обнаружил стружку от карандашей на своем стуле. Когда же отправился на ланч, оказалось, что его карманы полны черных стирательных резинок. Все как в фильмах ужасов — его драгоценные карандаши постепенно умирали, минута за минутой, а он ничего не мог сделать, чтобы их спасти! Но раз уж Лига решила, что он должен пожалеть о своем обмане с вином, значит, так тому и быть.

Когда Слива во время перемены проходила по двору мимо Уортона, она позволила себе удовлетворенно улыбнуться. Он выглядел совершенно затравленным, превратившись в призрак прежнего уверенного в себе парня. Если бы его состояние можно было выразить словами, то лучше всего подошла бы цитата из Мильтона: «А это что еще за новый ад?» *

И наконец — деталь, придуманная Сливой, которую она считала самой остроумной, — на четвертом занятии, практикуме по составлению магических диаграмм, Уортон обнаружил, что

* На самом деле слова принадлежат американской писательнице Дороти Паркер — возможно, так она переделала цитату из Мильтона: «Разум способен сделать рай из ада и ад из рая».

стандартный карандаш Брейкбиллса, которым ему пришлось воспользоваться, не только неудобно лежит в руке, но и не слушается его. Что бы Уортон ни пытался изобразить, из-под грифеля выходили одни и те же слова.

Вот что у него получалось: ПОДАРОЧЕК ОТ ЛИГИ.

Слива не была плохим человеком, более того, считала, что и Уортон не настоящий злодей. Если откровенно, то во дворе она его даже немного пожалела. На самом деле ей всегда нравились накачанные парни, умные и мужественные, каким Уортон был на втором курсе, до того как начал выделываться. Слива вдруг поняла, что если посмотреть правде в глаза, то их шалость — с точки зрения психоанализа — является следствием ее прошлой влюбленности в Уортона. В любом случае она с облегчением подумала, что последняя стадия — Стадия девятая (немного слишком, нет?), — назначенная на время обеда, будет финальной. В процессе они уничтожат только два драгоценных карандаша Уортона. К тому же второй пострадает лишь частично.

Обеды в Брейкбиллсе проходили торжественно и одновременно были приятными и, можно сказать, даже какими-то уютными. Когда собирались выпускники, они всегда с ностальгией говорили о вечерах в старом добром обеденном зале. Он был длинным, темным и узким, на стенах висели немного мрачноватые портреты бывших деканов, одетых в соответствии с веяниями моды разных времен (впрочем, Слива считала, что портреты середины двадцатого века, написанные в стиле кубизма или более современном, немного выпадают из общего ряда). Освещали обеденный зал расставленные на столах через каждые десять футов старые кривобокие канделябры из серебра, будто явившиеся сюда из чьего-то кошмара. Свечи постоянно то разгорались, то почти гасли, а их пламя меняло цвет под влиянием бесконечной череды заклинаний. Все студенты приходили в одинаковой форме Брейкбиллса. Их имена были написаны на столах, но каждый вечер на разных местах в соответствии с необъяснимыми прихотями самих столов. Разговаривали здесь приглушенными голосами. Несколько человек — Слива никогда не попадала в их число — регулярно опаздывали, в наказание их стулья забирали, и недотепам приходилось есть стоя.

Слива, как обычно, съела первое блюдо, два не слишком вдохновляющих пирожка с крабами, но потом извинилась и вышла в туалет. Когда Слива проходила мимо Дарси, та незаметно передала ей серебряный футляр от карандашей, и Слива положила его в карман. Конечно же, она вовсе не собиралась в туалет. Точнее, у нее там было дело рядом с туалетом. И в ее планы не входило возвращаться.

Слива быстро прошла по коридору в сторону комнаты преподавателей, которую обычно не запирали, потому что никто не сомневался, что ни один студент не осмелится переступить ее порог. Однако Слива осмелилась.

Она аккуратно прикрыла за собой дверь и увидела, что все здесь устроено именно так, как она и представляла: L-образное помещение с высокими потолками, вдоль стен расставлены книжные шкафы, диваны, обитые блестящей красной кожей, и массивные столы из термообработанной древесины, которые выглядели так, словно их сделали из Истинного Креста. В комнате было пусто, точнее, почти пусто, поскольку профессор Колдуотер не считался.

Слива предполагала, что он будет здесь; большая часть факультета находилась в обеденном зале в соответствии с расписанием, а профессор Колдуотер сегодня обедал с первым курсом. Но это вполне устраивало Сливу, потому что, если говорить откровенно, все знали, что профессор слегка не в своем уме.

Ну, не совсем так, просто он постоянно пребывал в собственном мире. Если исключить то время, когда он вел занятия, его мысли витали где-то очень далеко. Профессор всегда ходил нахмурившись, без конца пытался пригладить копну седых волос, одной рукой творил какие-то диковинные заклинания и что-то бормотал себе под нос, словно решал в уме математические задачи, — возможно, так оно и было. В остальное время он что-то писал пальцами на черных и белых досках, салфетках или просто в воздухе.

Студенты никак не могли решить, является ли он романтиком и мистиком, или, сам того не желая, просто очень смешным человечком. Его постоянные студенты, у которых он вел семинар по физической магии, относились к нему с культовым почитанием, но весь остальной факультет смотрел на чудака сверху вниз.

Для профессора он был молодым, что-то около тридцати — седые волосы мешали точно определить его возраст, — и технически самым молодым преподавателем, а потому его постоянно нагружали работой, которую не хотели выполнять другие, например, обедать с первокурсниками. Однако складывалось впечатление, что это не вызывало у него раздражения. Возможно, он просто ничего не замечал.

В данный момент высокий, тощий профессор Колдуотер стоял в дальнем конце зала, спиной к Сливе, и внимательно разглядывал книжную полку, но пока не выбрал никакой книги. Слива вознесла безмолвную благодарственную молитву тому святому, который присматривал за рассеянными профессорами и заботился о том, чтобы их мысли находились где-то в другом месте. Она бесшумно прошла по толстому восточному ковру и оказалась в правой части L, где профессор Колдуотер не мог ее увидеть. Впрочем, она знала, что даже если он ее и заметит, то не станет жаловаться; в худшем случае просто выгонит вон. В общем, оно того стоило.

Потому что настало время показательного выступления: Уортон откроет кладовую с вином, которая была размером с квартиру-студию, и найдет там Сливу, пробравшуюся туда через потайной ход. Она сформулирует требования Лиги и узнает всю правду.

Эта часть плана была самой опасной, потому что о существовании потайной двери ходило много слухов, но ничего конкретного. Слива решила, что если у нее ничего не получится, она войдет в кладовую обычным способом, и представление будет не таким драматическим. Однако девушка считала, что слухи заслуживают доверия, и практически не сомневалась, что потайной ход существует. Он шел — или так было когда-то — от комнаты преподавателей до винной кладовой, чтобы они могли выбрать для себя самое лучшее вино. О нем Сливе рассказала пожилая профессор Десанте, ее прежний куратор, после того как крепко приняла на грудь — ее обычное состояние, поскольку профессор Десанте любила выпить, но предпочитала более крепкие напитки. Слива запомнила ее откровения, чтобы использовать при случае.

Кроме того, профессор Десанте сказала, что никто теперь не пользуется потайным ходом, хотя и не объяснила почему. Слива решила, что даже если проход закрыт, она сможет его

отпереть. Ведь она здесь по делу Лиги, а Лигу ничто не остановит.

Слива быстро оглянулась через плечо — Колдуотер все еще оставался невидимым, очевидно, полностью погрузился в свои мысли, — затем опустилась на колени перед стенной панелью. Третья слева. Хм-м-м — она увидела половину панели и не могла решить, стоит ли ее считать. Ладно, придется попробовать оба варианта. Слива нарисовала пальцем слово, воспользовавшись руническим алфавитом — древним футарком — и постаравшись освободить свой разум от всего, кроме чувства вкуса: сочетания дубового аромата «Шардонне» и горячего тоста с маслом.

Проще простого! Она почувствовала, как сработало заклинание отпирания, еще до того как панель открылась наружу, повернувшись на невидимых петлях. Слива увидела дверь, точнее, маленькую дверцу для хоббитов, высотой в две трети обычной. Профессорам, которые ею пользовались, приходилось наклоняться, чтобы пройти в нее. Впрочем, легкое унижение вполне компенсировалось отменным вином.

Однако, к огорчению Сливы, туннель был запечатан, заложен кирпичами, и она узнала заклинание, которое делало препятствие непроходимым, — да, всего лишь заклинание, но довольно сильное. Помощнее того, что доступно выпускнику колледжа. Тут явно постарался какой-то преподаватель. Слива поджала губы и недовольно фыркнула.

Минут пять она изучала плетение, забыв об окружающем мире. В ее сознании кирпичи уже выскочили из стены и зависли в воздухе, чистые, абстрактные и сияющие. Мир съежился и сфокусировался в одной точке. Слива мысленно вошла внутрь плетения, устроилась поудобнее и начала оказывать на него давление, нащупывая слабые места и легкий дисбаланс.

Давай, Слива: ты же знаешь, что легче испортить чужое заклинание, чем сотворить свое. Хаос создать проще, чем порядок. Печать наложил очень умный маг. Но умнее ли он Сливы?

Неожиданно она уловила нечто очень странное в углах. Сущность такого глифа никоим образом не была связана с углами, тут речь шла о топологии — можно все деформировать, не потеряв связующую силу, пока важнейшие геометрические соотношения остаются неизменными. А углы между сочленениями были до некоторой степени произвольными и весьма странными —

гораздо острее, чем требовалось. И совсем не казались произвольными. В них имелась система. Система внутри системы.

12 градусов и 12 градусов. Дюжина и дюжина. Два здесь, два там, единственные углы, которые встречались дважды. Слива фыркнула, едва поняв это. Простой алфавитный код. Дебильно простой алфавитный код. 12 на 12. К и К. Квентин Колдуотер.

Что-то вроде личной подписи. Водяной знак. Холодная вода. Печать на двери поставил профессор Колдуотер. В следующее мгновение Слива поняла и остальное. Может быть, он сделал так специально — устроил слабое место, ключ, на случай если потребуется быстро снять заклинание. Его подпись, его тщеславие — вот слабое место плетения! Слива вытащила маленький ножик из футляра для карандашей, принадлежавшего Уортону, и принялась высвобождать из кладки нужный кирпич. Она раскрошила раствор вокруг и надавила на кирпич — вытащить его она не могла, но нажать и освободить нужные пружины, чтобы вся система вошла в резонанс, было ей под силу. Резонанс получился таким мощным, что вибрирующий кирпич практически сам вывалился из стены. Послышался глухой удар.

Лишившись одного кирпича, стена потеряла целостность и развалилась. Странно, что дверь запечатал именно Колдуотер. Все знали, что он не прочь выпить. Слива наклонила голову, перешагнула через порог и закрыла за собой панель. В проходе, обшитом грубыми досками, было темно, холодно и сыро, совсем не так, как в уютной комнате для преподавателей.

По подсчетам Сливы, от комнаты преподавателей до винной кладовой было около ста ярдов, но она преодолела только двадцать, когда наткнулась на дверь, открытую и не запечатанную заклинанием. Слива прошла вперед и закрыла ее за собой. Странно. Никогда не знаешь, что можно здесь обнаружить, даже прожив четыре с половиной года. Брейкбиллс — очень старое заведение, здание построили давным-давно, а потом множество раз реконструировали, причем самые разные люди.

Новая дверь. Потом еще и еще, после четвертой или пятой Слива оказалась под открытым небом — в маленьком квадратном дворике, которого никогда раньше не видела. Земля здесь заросла травой, и стояло одно дерево, вроде бы фруктовое, чей ствол и ветви прижимались к каменной стене. Слива всегда считала такие деревья жутковатыми. Казалось, кто-то распял бедняжку.

Кроме того, хотя это и не так важно, сегодня вечером в небе не должно было быть луны. Слива пересекла двор и остановилась перед очередной дверью, но она оказалась запертой.

Тогда Слива осторожно провела пальцами по ручке, проверяя, имеется ли запирающее заклинание, — и да, кто-то много умнее, чем она и профессор Колдуотер, надежно запечатал дверь.

— Чтоб мне пропасть, — пробормотала Слива.

Внутреннее чувство направления подсказывало ей, что нужно двигаться прямо вперед, но во дворе, на другой стене, виднелась еще одна массивная деревянная дверь. Слива подошла к ней, толкнула, и тяжелая створка легко распахнулась.

Слива уже начала подозревать — а сейчас все ее сомнения напрочь исчезли, — что она оказалась в ином пространстве, потому что дверь открылась на одном из верхних этажей библиотеки. Такие вещи существовали — во всяком случае, в прошлом, но Слива понимала, что она столкнулась с одной из возможных невозможностей, как сказал бы Дональд Рамсфельд*, будь он втайне волшебником. (Что едва ли вероятно. И вот перед ней возможное невозможное.) Абсурдное, немного жуткое, но с точки зрения магии вполне реальное.

Библиотека Брейкбиллса шла вдоль внутренних стен башни, сужающейся кверху, и сейчас Слива оказалась на одном из крошечных верхних этажей, которые видела только снизу. Раньше она считала, что это лишь украшение и здесь нет никаких книг. Проклятие, что же они там хранят?

Снизу эта часть представлялась совсем маленькой, но теперь Слива поняла, что верхние этажи построены по принципу ложной перспективы, чтобы башня казалась выше, чем на самом деле. Она была такой крошечной, что тут даже балкон не поместился бы, в общем, вроде средневековых дурацких домиков, которые безумные короли строили для своих придворных карликов.

Ей даже пришлось ползти на четвереньках! Однако книги выглядели настоящими, их коричневые кожаные корешки с золотыми буквами потрескались от времени и стали похожи на диковинное печенье, — какое-то бесконечное собрание работ о призраках.

---

* Министр обороны США.

И как кое-какие книги в библиотеке Брейкбиллса, они не были тихими или неодушевленными. Старые фолианты покидали свои места на полках, когда Слива проползала мимо, словно предлагая ей открыть их и почитать, проявить смелость или о чем-то умоляя. Парочка книг даже ткнули ее под ребра. *Должно быть, у них нечасто бывают гости,* — подумала Слива. Наверное, так ведут себя щенки, живущие в конуре, когда ты их навещаешь, — начинают подпрыгивать в надежде на ласку.

Нет, большое спасибо. Она предпочитала, чтобы ее книги терпеливо и вежливо ждали, когда до них дойдет очередь. Наконец Слива с облегчением выбралась через миниатюрную дверь в конце балкона — практически дверца для кошки — и снова оказалась в нормальном коридоре. Странное путешествие заняло немало времени, но она еще не опаздывала. Главное блюдо только начали подавать, к тому же предстоял десерт, и Слива предполагала, что сегодня это будет сыр. Она решила, что успеет, если поторопится.

Коридор был очень узким, и ей едва хватало там места. Более того, у нее возникло ощущение, что она находится внутри одной из стен Брейкбиллса, точнее, в стене обеденного зала: до нее доносился шум разговоров, она даже могла заглянуть внутрь через глазки́ в картинах, как в старых фильмах о домах с привидениями. Да, все приступили к главному блюду, жаренному на вертеле барашку с розмарином. Сливе сразу захотелось есть. Казалось, она пребывает в миллионах миль от привычного мира, хотя и стоит совсем рядом. Слива почти ощутила ностальгию, словно утирающий слезы выпускник, по тому времени, когда полчаса назад она сидела вместе со всеми за столом и ела пирожки с крабами, и точно знала, где находится.

И еще она увидела Уортона, который без малейших признаков раскаяния продолжал наливать неполные бокалы красного вина. Вид Уортона заставил Сливу приободриться. Вот причина, по которой она здесь. Ради Лиги.

Но кто знает, сколько времени это займет? Следующая дверь вывела ее на крышу, где вечерний холод пробирал до костей. Слива не была здесь с тех пор, как профессор Сандерленд превратил их в гусей и они полетели в Антарктику. После обеденного зала это место показалось ей слишком пустым и тихим. Она находилась очень высоко, над лишенными листьев крона-

ми самых могучих и старых деревьев. Крыша была покатой, ей пришлось снова опуститься на четвереньки, и ее ладони коснулись шершавой черепицы. Отсюда открывался прекрасный вид на изгибы серебристой реки Гудзон, и Сливе стало не по себе.

Она некоторое время пыталась решить, в какую сторону двигаться. Очевидного пути не было, она потеряла ориентировку. Наконец Слива открыла окно одной из ближайших спален и забралась внутрь.

И оказалась в комнате какого-то студента. Похоже, Уортона, хотя Слива никогда здесь не бывала, поскольку ее влюбленность носила исключительно умозрительный характер. Какова вероятность того, что здесь живет именно Уортон? Связь между пространствами прервалась окончательно, и Слива начала подозревать, что кто-то в Брейкбиллсе, возможно, сам Брейкбиллс над ней издевается.

— О, мой Бог, — сказала она вслух. — Какая ирония.

Ну и черт с ним, — подумала она, — *мы еще посмотрим, кто будет смеяться последним.*

У нее даже возникла мысль, что она вступила в магическую дуэль с Уортоном, вот только он не сумел бы устроить ничего подобного. Возможно, ему помогали — может быть, существует теневая Анти-Лига, выступающая против их Лиги! На самом деле, было бы классно.

В комнате царил ужасный беспорядок, что по какой-то причине понравилось Сливе, ведь ей казалось, что Уортон стремится все держать под контролем. К тому же здесь очень приятно пахло. Слива решила не сопротивляться диковинной логике происходящего, а плыть по течению. Если она выйдет через дверь, то нарушит заклинание, поэтому Слива распахнула дверцу шкафа Уортона, почему-то уверенная — да, так и есть, — что внутри имеется маленькая дверца.

Она не могла не заметить, что весь шкаф был практически доверху заполнен коробками тех самых карандашей. Почему они решили, что его огорчит потеря двух? Их там хранилось несколько тысяч. От сильного аромата тропического дерева Слива начала задыхаться. Тогда она открыла дверцу, нагнулась и сделала шаг вперед.

Дальше ее путешествие продолжалось в мире снов. Дверца в шкафу Уортона привела ее на другой двор, но там стоял день. Теперь она утратила связь не только с пространством, но и со вре-

менем. День был тот же самый, только чуть раньше, потому что Слива увидела себя, идущую по слегка заиндевелой траве мимо Уортона, и отвела глаза в сторону. Очень необычное зрелище. Однако за последние полчаса она уже привыкла к странным явлениям.

Она наблюдала, как покидает двор. *Ты сама, будто в ореховой скорлупе,* — подумала Слива, — *стоишь и смотришь, как мимо проходит твоя собственная жизнь.* Интересно, если она закричат или начнет махать руками, услышат ли она сама себя, или здесь что-то посерьезнее, чем двустороннее зеркало? Она нахмурилась. Причинно-следственные связи были нарушены. Зато не вызывало сомнений, что если ее попка т а к выглядит сзади, значит, еще не все потеряно.

Следующая дверь оказалась еще более необычной с точки зрения времени, потому что Слива попала в совершенно другой Брейкбиллс, диковинным образом меньше того, что она знала, более темный и компактный. Потолки были ниже, коридоры у́же, воздух пах древесным дымом. Она миновала открытую дверь и увидела нескольких девушек в белых ночных рубашках, прижавшихся друг к другу в огромной кровати. Слива даже отметила, что у них длинные прямые волосы и плохие зубы.

В следующее мгновение она поняла, что видит Брейкбиллс прошлого. Призрак Брейкбиллса. Когда она проходила мимо, девушки посмотрели в ее сторону безо всякого интереса. У Сливы не возникло ни малейших сомнений в том, чем они занимались.

— Еще одна Лига, — сказала она себе. — Я з н а л а, что иначе быть не могло.

Следующая дверь открылась в знакомую Сливе комнату — так ей показалось. Нет, она ее точно з н а л а, но просто не хотела о ней думать. Она бывала здесь прежде, но очень давно. Сейчас комната пустовала, но ч т о - т о приближалось и находилось уже совсем рядом. Слива не сомневалась, что, когда оно появится, разразится настоящий ад. Именно об этом она не могла и не хотела думать. Однажды она уже видела подобное, но тогда сумела вмешаться. Теперь же ей было совершенно точно известно, что будет, но она ничего не могла изменить.

Девушка понимала, что должна уйти, причем прямо сейчас, пока этот ужас не начался снова.

— Нет! — воскликнула Слива. — Нет, нет, нет, нет, н е т.

Она побежала, попыталась вернуться назад, в первый раз за все время, но дверь у нее за спиной оказалась запертой, тогда она бросилась вперед и вслепую врезалась в другую дверь. Открыв глаза, Слива поняла, что попала в комнату, где собиралась Лига.

О, благодарение Богу! Она никак не могла унять тяжелое дыхание и, не в силах сдержаться, громко всхлипнула. Здесь все ненастоящее, ненастоящее. Или настоящее, но оно закончилось. Ей плевать. В любом случае сейчас она в безопасности. Проклятые магические тайны остались позади. Она не вернется назад, но и вперед больше не пойдет. Тут ей ничего не грозит. Она не станет об этом думать. Никто не должен знать.

Слива без сил опустилась на старый диван, пружины которого так сильно просели, что она едва не провалилась до самого пола. Ей вдруг показалось, что сейчас она уснет. А когда она снова открыла глаза, у нее возникло ощущение, что она действительно спала. Ее взгляд остановился на зеркале, которое треснуло по вине Дарси и Челси. Конечно, она не увидела там своего отражения: ведь зеркало было волшебным. Все правильно. Слива облегченно вздохнула, ей совсем не хотелось смотреть сейчас на собственное лицо. Но через мгновение облегчение исчезло.

В зеркале стояла другая девушка. Во всяком случае, так показалось Сливе. Обнаженная, с синей кожей, испускавшей неземной свет. Даже зубы у нее были синими. А глаза показались Сливе безумными.

Это был ужас иного рода. Новый ужас.

— Ты, — прошептал призрак.

Слива поняла, что видит перед собой призрак Брейкбиллса. Она оказалась настоящей. Боже праведный! Так вот кто играл с ней. Вот кто оказался пауком в центре паутины.

Слива встала и замерла, стараясь не шевелиться, она знала, что, сдвинувшись с места, долго не проживет. Она достаточно давно занималась магией, чтобы инстинктивно ощутить присутствие чего-то настолько дикого и могущественного, что одного прикосновения к нему достаточно, чтобы оно задуло тебя, точно свечу. Синяя девушка была подобно упавшему высоковольтному проводу, мир лишился изоляции, и чистая магия пульсировала перед Сливой.

Это было уже за гранью ужаса — и Слива неожиданно ощутила спокойствие и отстраненность. Она оказалась между шестеренками чего-то огромного и знала, что они мгновенно ее разорвут, если пожелают. Они уже пришли в движение, и она ничего не могла изменить. Какая-то часть Сливы даже хотела, чтобы так и случилось. Она слишком долго ждала, когда ее настигнет рок.

Но тут со стороны левой стены послышался звук удара, и у Сливы возникло ощущение, что кто-то в нее врезался. Затем она услышала мужской голос, который произнес что-то вроде «У-уф». Слива посмотрела налево.

Призрак в зеркале даже головы не повернул.

— Я знаю, — прошептал призрак в зеркале. — Я видела.

Стена взорвалась, во все стороны полетели куски штукатурки, и в комнату вошел мужчина, с ног до головы покрытый белой пылью. Профессор Колдуотер встряхнулся, как мокрый пес, выбравшийся из воды, и часть пыли осела на пол. Белая магия сияла вокруг обеих его рук, точно римские свечи, да так ярко, что у Сливы перед глазами появились пурпурные пятна.

Направив одну руку в сторону синего призрака, он подошел к ней и встал между Сливой и зеркалом.

— Осторожно, — сказал он через плечо странно спокойным голосом, учитывая все обстоятельства.

И затем ударил длинной ногой в зеркало. Ему потребовалось повторить свой маневр трижды — после первых двух зеркало покрылось трещинами, но после третьего нога профессора прошла сквозь него. Когда он попытался вытащить ее обратно, нога застряла.

Слива была настолько потрясена, что у нее промелькнула глупейшая мысль: *Я должна сказать Челси, что ей не придется платить за разбитое зеркало.*

Зеркало разбилось, но призрак никуда не исчез и продолжал наблюдать за ними из образовавшейся дыры. Профессор Колдуотер повернулся лицом к стене, которая находилась за спиной Сливы, и свел руки вместе.

— Ложись, — сказал он.

Воздух вокруг него начал пульсировать и мерцать, и ей пришлось прикрыть рукой глаза, а волосы затрещали от избытка статического электричества, так что коже головы стало больно.

Весь мир пронизывал свет. Она не видела, но услышала, как за ее спиной сорвало дверь.

— Беги, — сказал профессор Колдуотер. — Беги, я последую за тобой.

Она так и сделала, перепрыгнула через диван, как чемпион мира в беге с препятствиями, и почувствовала мощную волну — профессор Колдуотер метнул в призрак последнее заклинание. Сливу приподняло в воздух, она споткнулась, но не остановилась.

Бежать обратно получалось гораздо быстрее. Казалось, на ногах у нее появились семимильные сапоги, и сначала она решила, что дело в адреналине, но почти сразу поняла, что это обычная магия. Одного шага оказалось достаточно, чтобы пересечь адскую комнату, другой — и вот она уже в старом Брейкбиллсе, затем в комнате Уортона, на крыше, в узком коридорчике, в библиотеке, во дворе с жутковатым деревом, наконец, в коридоре. У нее за спиной с грохотом разрывающегося фейерверка захлопывались двери.

Тяжело дыша, она остановилась перед комнатой для преподавателей. Профессор находился у нее за спиной, как и обещал. Наверное, он спас ей жизнь; во всяком случае, Сливе стало стыдно, что она над ним смеялась. Он снова поставил запирающее заклинание. Слива наблюдала за его работой: руки профессора двигались с невероятной быстротой, как при съемке рапидом. Ему потребовалось всего пять секунд, чтобы восстановить разрушенную кирпичную стену.

Слива заметила, что на сей раз он учел возможность резонанса, которой она воспользовалась, и все исправил.

Затем они оказались вдвоем в комнате для преподавателей. Все произошедшее могло бы показаться сном, если бы не белая пыль от штукатурки на плечах блейзера профессора Колдуотера.

— Что она тебе сказала? — спросил он.

— Она? — пробормотала Слива. — А, призрак. Ничего. Она сказала «Ты», а потом молчала.

— «Ты», — повторил профессор и рассеянным взглядом уставился куда-то за плечо Сливы. На одном из пальцев все еще потрескивал белый огонь; он стряхнул его и продолжал: — Хм-м. Ты все еще хочешь попасть в винную кладовую? Ведь ты собиралась именно туда?

Слива невольно рассмеялась. Винная кладовая. Она о ней совершенно забыла. В ее дурацком кармане все еще лежал дурацкий футляр от карандашей Уортона. Как все печально и странно.

Но она вдруг подумала, что будет еще печальнее, если она не продолжит.

— Конечно, — сказала она, стараясь говорить весело, и ей это почти удалось. — Почему нет? Там действительно есть тайный проход?

— Несомненно. Я постоянно ворую бутылки.

Профессор начертал руну на панели, соседней с той, что использовала Слива.

— Не нужно считать половину панели, — сказал он.

Ага. Дверь открылась. Все оказалось именно так, как Слива и представляла: пустяковое дело, меньше ста ярдов, пожалуй, семьдесят пять.

Она расправила плечи и посмотрела в зеркало, чтобы проверить, как она выглядит. Волосы немного растрепались, но это сделает ее появление лишь более эффектным. Слива с удивлением и некоторым разочарованием смотрела на собственное лицо. Интересно, чей это был призрак, как умерла та женщина и почему она все еще здесь. Ведь не для развлечений же? Наверное, ее привлекли сюда вовсе не воспоминания о прежних временах. Возможно, ей что-то нужно. Оставалось надеяться, что она не собирается убить Сливу.

Но если это входило в ее планы, то она бы уже ее прикончила, разве нет? Однако она ее не тронула. Слива не призрак, и об этом стоило себе напомнить: ведь она видела настоящий призрак — а раньше не верила в их существование. Что ж, живи и учись, теперь она понимала разницу.

Тогда я не умерла, — подумала Слива, — *и не умерла в той комнате. Хотя у меня возникло ощущение, будто я мертва, я хотела умереть, но осталась в живых, потому что если бы я умерла, то умерла бы совсем. И я не хочу быть призраком. Не хочу преследовать саму себя.*

Она закрыла за собой потайную дверь винной кладовой, скрытую за фальшивой винной полкой, как раз в тот момент, когда Уортон вошел в кладовую — настал момент сырного десерта. Слива подумала, что идеально подгадала время. Все шло в полном соответствии с планом Лиги.

Уортон застыл с только что откупоренной бутылкой вина в одной руке и двумя перевернутыми бокалами в другой. Слива спокойно посмотрела на него.

— Ты недоливаешь пятикурсникам, — сказала она.

— Да, — ответил он. — У тебя мои карандаши.

Она наблюдала за ним. Часть очарования лица Уортона состояла в его некоторой асимметричности. У него была исправленная заячья губа, операция прошла успешно, но остался шрам, какие бывают у крутых парней, словно он пропустил один сильный удар, но продолжал схватку. И еще природа наградила его очень симпатичным вдовьим мыском*. Некоторым парням достается вся удача.

— Меня волнуют не карандаши, — сказал он, — а футляр. И ножик. Они из старинного серебра, «Смит и Шарп». Теперь таких не найти.

Слива достала футляр из кармана.

— Почему ты недоливаешь вино пятикурсникам?

— Потому что оно мне необходимо.

— Ладно, з а ч е м ? — спросила Слива. — Я отдам тебе карандаши и все остальное. Я просто хочу знать.

— А ты как думаешь? — спросил в ответ Уортон. — Я отдаю вино проклятому призраку, который пугает меня до смерти.

— Ты идиот, — сказала Слива. — Ей наплевать на вино. — По какой-то причине она почувствовала себя знатоком предмета и решила, что теперь разбирается в призраках. — Призраку наплевать на т е б я . А если и нет, ты ничего с этим поделать не можешь. И ты не сможешь умилостивить его при помощи вина.

Она протянула ему футляр.

— Карандаши внутри. И нож.

— Спасибо.

Он убрал футляр в карман фартука и поставил два пустых бокала на полку.

— Вина? — спросил он.

— Спасибо, не откажусь, — ответила Слива.

---

* Линия роста волос на лбу в форме треугольника вершиной вниз.

НЭНСИ КРЕСС

Свои изящные, проникновенные рассказы она начала публиковать в середине семидесятых. С тех пор постоянно печатается в журналах «Азимов», «Мэгэзин оф фэнтези энд сайенс фикшн», «Омни», «Сай фикшн» и др. В свет вышли ее романы «Испанские нищие» (переделан из рассказа, завоевавшего премии «Хьюго» и «Небьюла») и его продолжение «Beggars and Choosers»; «The Prince Of Morning Bells»; «The Golden Grove»; «The White Pipes»; «Свет чужого солнца»; «Brain Rose»; «Oaths & Miracles»; «Stinger»; «Maximum Light»; «Crossfire»; «Nothing Human»; «The Floweres of Aulit Prison»; «Crossfire»; «Crucible»; «Dogs»; «Steal Across the Sky» и Вероятностная трилогия («Probability Moon», «Probability Sun» и «Probability Space»). Рассказы Нэнси Кресс выходили в сборниках «Trinity And Other Stories», «The Aliens of Earth», «Beaker's Dozen» и «Nano Comes to Clifford Falls and Other Stories». Ее последние работы — роман «After the Fall, Before the Fall, During the Fall» и два новых сборника «The Fountain of Age» и «Five Stories». Премию «Небьюла», помимо «Испанских нищих», получали рассказы «Out Of All Them Bright Stars» и «The Flowers of Aulit Prison». Роман «Probability Space» получил в 2003 году мемориальную премию Джона У. Кэмпбелла, рассказ «The Erdmann Nexus» — «Хьюго» в 2009-м. Живет в Сиэтле, штат Вашингтон, с мужем, писателем Джеком Скиллингстедом.

В разрушенной Америке будущего она задает нам вопрос: есть ли место красоте в мире, где каждый борется за выживание? И готовы ли вы убить ради нее?

ВТОРОЙ АРАБЕСК, ОЧЕНЬ МЕДЛЕННО

Когда мы пришли на новое место, была уже ночь, и я ничего не видела. Путешествовать затемно не в привычках Майка, но путь на юг занял у нас больше времени, чем сказали разведчики. Отчасти это моя вина, я уже не такой хороший ходок, как

© Nancy Kress, 2013; © пер. Н. Виленской, 2015.

была раньше, и Притти тоже еле плелась: в тот день у нее как раз началось.

— Живот болит, — стонала она.

— Еще чуть-чуть, — уговаривала я, надеясь, что это правда и мне не придется переходить от уговоров к угрозам. С Притти, когда ей нездоровилось, сладить было непросто, хотя при Майке она никогда не ныла. — Еще немножко, а завтра будет твоя церемония.

— И сладкое тоже?

— И сладкое.

Это помогало Притти тащиться по темным, заваленным щебнем улицам вместе со мной и еще шестью девочками за качающимся впереди фонарем. Ночь была холодна для июля. Мужчины рядом — хотя я, в отличие от Майка, пятнадцатилеток мужчинами не считаю — шли согнувшись под тяжкой ношей, периметр охраняли мужчины с оружием. Нам грозила опасность от других стай; перестрелки за территорию теперь затевались реже, чем в моей молодости, но очень уж заманчивую добычу мы собой представляли. Семь молодых женщин, из которых по меньшей мере две способны к деторождению, трое детей и я. Одичавшие собаки, которых полно в городах, тоже были опасны.

Их вой слышался все ближе, а Майк все так же вел нас с единственным фонарем через пятна лунного света. Оставив девочек на Бонни, я ускорила шаг и догнала его.

— Чего тебе? — спросил он, шагая с винтовкой наперевес. — Иди обратно к девчонкам.

— Я из-за них и пришла. Далеко нам еще?

— Возвращайся назад, няня.

— Я спрашиваю, потому что Притти нездорова. У нее началось.

Это отвлекло его от таящихся во мраке опасностей.

— Ты уверена?

— Да, — ответила я, хотя уверена не была.

Он улыбнулся, что случалось с ним редко. В качестве вожака он не худший вариант. Большой, сильный, неграмотный — все они такие, что вполне устраивает меня, — заботится о своих людях и крут с нами лишь постольку, поскольку того требует дисциплина. Гораздо лучше Лью, прежнего вожака. Иногда в нем даже милосердие проглядывает, вот как теперь.

— С ней все будет в порядке?

— Конечно. — Конфетку получить всегда хорошо.

— Сама-то как, няня? — еще того неожиданней спросил он.

— Нормально.

— Сколько тебе уже?

— Шестьдесят, — ответила я, убавив четыре года. У меня нет иллюзий насчет того, как поступит Майк, если я начну отставать, а ведь Бонни уже усвоила половину всего, что я знаю. Няня не няня — мешать стае кочевать в поисках пищи никому не позволено.

— Я у Притти буду первым, — заявил он.

— Она знает.

Ее мнение на этот счет его не интересовало. Притти, если она способна рожать, нужен полноценный мужчина — а как узнать, кто из наших полноценный, кто нет? Поэтому она, как Джуни и Лула до нее, будет ложиться со всеми по очереди. В предвкушении этого Притти — большая кокетка, даром что капризуля — вовсю встряхивает длинными белокурыми волосами и демонстрирует свои стройные ножки.

Собаки приближались, а Майк больше не обращал на меня внимания. Я остановилась и стала ждать, когда мои питомицы со мной поравняются.

На подходе к новому жилью луна скрылась и начало моросить. Следуя за мужчинами, мы прошли мимо высоких зданий — в городе их много, и разрушены они больше изнутри, чем снаружи. Потом железная дверь, ведущие вниз ступени, холод и сырость, потом коридор. Обороняться будет легко: жилье расположено под землей и почти не имеет окон. В женской комнате окошко было. Разведчики поставили около него нашу газовую печку, согрели помещение, постелили на полу одеяла. Джуни и Лула тут же уложили своих полусонных детишек, девушки тоже с ног падали. Я приготовила Притти горячее питье — только травы, никакой химии — и улеглась сама.

Утром я проснулась первая и вышла наверх пописать.

— Доброе утро, няня, — кивнул мне шестнадцатилетний Гай, часовой.

— И вам доброго утречка, сэр. — Гай усмехнулся. Он один из немногих хватал на лету те обрывки истории и литературы, которыми я делилась порой. Я даже читать его научила. — Где у нас нужник?

Он показал. Щурясь от яркого солнца, я повернула за угол и застыла как вкопанная.

Я знала это место. Никогда тут не бывала, но знала.

Три огромных здания вокруг большой, заросшей сорняками площади, в дальнем ее конце ведущая вниз лестница. За пятью высоченными арками одного из домов море битого стекла, на фасадах двух других сплошные балконы и статуи — слишком большие, чтобы унести их или разбить. Внутри еще видны остатки старинных ковров.

— Линкольн-центр, — сказала я вслух. Другой часовой, сидевший на ободе бывшего фонтана, меня не слышал, и обращалась я сейчас не к нему — к бабушке.

«Уборка Линкольн-центра была лучшей из моих работ, Сьюзен, — рассказывала она. Я слышала эту историю много раз, но мне не надоедало. — Я занималась этим в молодости, еще до того как в медицинское училище поступила. Две недели в августе и еще две в сентябре мы убирали Метрополитен-оперу перед началом сезона, задолго, само собой, до чумы».

Само собой... Бабушка уже тогда была очень старенькая, старше, чем я теперь, и жить ей оставалось недолго. Она торопилась всему меня научить на случай, если я окажусь бесплодной, как я и удостоверилась в скором времени. Стаям бесплодные женщины ни к чему, если только те не бойцы, а я бойцом не была.

«Мы спустили вниз все люстры Метрополитен — двадцать одну штуку, Сьюзен, подумай только! — и протерли каждую хрустальную капельку. Каждый второй год все красные ковры там меняли полностью — это стоило семьсот тысяч в долларах 1990-х. А каждые пять лет меняли все сиденья в Театре штата Нью-Йорк — так он назывался тогда, потом его переименовали, не помню как. Пять мойщиков окон работали там ежедневно. Вечерние огни заливали площадь расплавленным золотом. Сотни людей, смеясь и болтая, становились в очередь — послушать оперу или концерт, посмотреть балет или пьесу. Сколько я там пересмотрела всего, не поверишь».

Расплавленного золота больше нет. Ни электричества, ни спектаклей, ни зрителей. Все это исчезло еще до моего рождения, а теперь я старуха.

Когда я пришла обратно, Притти уже проснулась. Почтение к собственной особе переполняло ее голубые глазища.

— Это вправду Начало, няня!

— Поздравляю, — сказала я. — Сегодня мы проведем церемонию.

— Теперь я взрослая женщина, — гордо заявила она. Простенькое детское личико, худющие руки и ноги, впалый живот не округлился даже в этот знаменательный день. Ей тринадцать, наши девочки редко начинают так рано: Кара на год старше, а месячных еще и в помине нет.

— Да, Притти. Ты теперь женщина и можешь родить стае дитя.

— А вы все, бездетные, будете меня слушаться!

Младшие, Сейла и Тинни, надулись.

Бабушка учила меня не только медсестринскому делу, и читала я тоже много. Когда мир осознал, что вирус сделал 99% женщин бесплодными, повсюду начались бунты, и книги стали гибнуть от пожаров, от сырости и от крыс, но некоторое количество все же уцелело.

Сколько еще в мире осталось людей? Кто знает... Перепись населения, радио и телевидение, правительство — ничего подобного давно уже нет. В этой части планеты существуют только общины и стаи. Общины живут за городом и занимаются сельским хозяйством. Я ни в одной из них не бывала, потому что родилась в стае — не в этой, в другой, захватившей мою мать и бабушку. Мы, живущие стаями, — охотники-собиратели в городских условиях. Охотимся на кроликов, на оленей и на собак, собираем консервы. Не совсем каменный век, но кое-как выживаем. Кое-кто поговаривает, будто в маленьких городках на севере и западе цивилизация в какой-то степени сохранилась, но Эндикотт, Итака, Бат для меня — неизведанные земли.

Скоро выяснилось, однако, что одна из чужих стай обитает совсем рядом с нами, в бывшем отеле на улице под названием «Сентрал-парк-саут». Майк взбеленился и наорал на разведчиков:

— Куда вы смотрели, спрашивается?!

Те повесили головы.

— Что нам, пропадать теперь из-за вас? Ладно, потом разберемся. Сейчас придется вести с ними переговоры.

Это поразило меня — не лучше ли просто уйти? Но Гай, который уже сменился и чистил свое оружие, объяснил мне:

— Тут большой лес, няня, дичи полно.

Майк и почти все мужчины, вооружившись до зубов, ушли договариваться с чужими, а мы с Бонни, Гаем и его другом Джемми отправились подыскивать место для церемонии.

Бонни, моя ученица, станет хорошей няней, когда я не смогу больше угнаться за стаей... а может, и не станет. Она сильная, смышленая и уже знает больше, чем полагает Майк. Умеет пользоваться докризисными лекарствами — их запас быстро тает, а секрет их изготовления потерян для нас, — и, что гораздо важнее, умеет собирать и заготавливать травы: черника от поноса, хвощ останавливает кровь, бузина от лихорадки, примула от сыпи. Умеет также вправить кость, извлечь пулю, очистить рану с помощью белых червей.

Нет в ней только тепла и веселой бодрости, которые помогают больным выздоравливать не хуже лекарств. Она точно каменная. Я ни разу не видела, как она улыбается; слова не вымолвит, пока не спросишь ее о чем-то, ни к чему интереса не проявляет, ни от чего не приходит в восторг. Бонни большая, нескладная и очень дурна собой — волосы как пакля и подбородка нет. До того как меня взяли в эту стаю, ей, видно, нелегко приходилось: груди и ляжки у нее в шрамах. Лью, скорее всего, велел бы пристрелить ее как бесплодную, но тут его самого убили в междоусобной стычке, а Майка я убедила отдать Бонни мне в ученицы. Это, помимо прочего, избавило ее от повинности спать со всеми подряд. Няни и их ученицы — единственные женщины, которые сами выбирают себе мужчин, но Бонни так ни разу никого и не выбрала.

Вот и теперь, когда мы с Гаем и Джемми обходили разрушенный Линкольн-центр, она слова не вымолвила. Рассказы бабушки помогали мне узнавать, где что было раньше. Прямо над нами высился Театр штата, где зрители в регулярно обновляемых креслах наслаждались балетом (там, где мы поселились, были, видимо, репетиционные залы). А в здании с пятью арками когда-то помещалась Метрополитен-опера. В зале не помню чьего имени выступали симфонические оркестры — музыканты все в черном, на женщинах длинные платья с блестками. В одном из соседних с оперой зданий располагался драматический театр Вивиан Бомон, в другом — библиотека, ныне сгоревшая и заросшая сорняками.

Под драматическим театром, за двумя запертыми дверьми, мы и нашли то, что искали (Гай сбил замки выстрелами, я зажгла свой фонарь). За первой дверью оказался бетонный пандус, вторая вела в отдельный маленький театр с восемью рядами кресел, стоящих полукругом. Этот зальчик пострадал только от времени и от крыс: ни мародеры, ни дождь, ни дикие собаки сюда не проникли.

Джемми с восторженным воплем ринулся к будке у задней стены. Второй вопль поведал нам, что он обнаружил какую-то исправную технику, и в будке немедленно загорелся свет.

— Джемми! — крикнула я. — Если будешь жечь свечи зазря, Майк тебя выпорет!

Он не ответил, и свет продолжал гореть.

— Джемми есть Джемми, — засмеялся Гай.

— Помоги мне подняться на сцену, — сказала я.

Он помог и залез туда сам. При свете стоящего у наших ног фонаря я рассматривала зал. Интересно, каким его видели актеры, музыканты, танцоры? Каково им было выступать перед публикой, жадно глядящей на них? Вести ее за собой?

«Сколько я пересмотрела всего, не поверишь».

В коридоре затопали сапоги и раздался голос:

— Няня, тащи свою задницу к девочкам! Притти ждет!

— Карл?

— Ну я.

— Не смей так со мной разговаривать, молодой человек. Вот пожалуюсь Майку, и окажешься в самом конце очереди на секс, если тебя вообще оттуда не выкинут.

— Извини, — донеслось из мрака.

— Веди девочек сюда, вот что. Проведем церемонию Начала прямо сейчас.

— Сейчас? Тут?

— Что тебе непонятно?

— Лады. А Майку не будешь жаловаться?

— Если все сделаешь быстро.

Карл умчался наверх, громко топая по бетону. Гай усмехнулся. Он тоже смотрел в зал, и я знала, что он, как и я, воображает себя артистом былых времен. Потом вдруг обхватил меня за талию и пустился в пляс.

Танцорка я никудышная, да и возраст не тот. Гай отпустил меня и стал танцевать один; он нипочем бы не сделал этого, будь

здесь кто-то еще, кроме меня и его закадычного дружка Джемми, который так и возился со своей машинерией. Я с грустью смотрела, как красиво он исполняет тустеп, который у нас обычно пляшут на редких праздничных сборищах. Гаю никогда не подняться выше рядового бойца: для вожака он слишком мягок, а чтобы занять другое почетное место, нужно быть женщиной, способной рожать.

Бонни с деревянным лицом тоже понаблюдала за ним какое-то время и отвернулась.

Мы зажгли тринадцать свечей, по одной на каждый год Притти. Мужчины на церемонию не допускаются, даже если они совсем еще дети, как наши мальчики — годовалый Дэйви и восьмилетний Рик. Мать Рика, Эмма, умерла в прошлом году, родив мертвую девочку. Я, как ни старалась, не смогла их спасти; будь это еще при Лью, меня бы пристрелили на месте.

Две наши матери, Джуни и Лула с крошкой Джейден на руках, расположились в креслах. Девочка раскричалась, и Лула дала ей грудь. Бонни, как моя ученица, но при этом бесплодная, стояла за ними. Девочки, у которых еще не началось, сидели на полу с букетами диких цветов. Сейла, десяти лет, и Тини, девяти, смотрели с большим интересом. Выражения лица Кары, которой, судя по недавно появившимся грудкам, до Начала тоже оставалось недолго, я разгадать не могла.

Притти, уже не ребенок, но пока и не мать, восседала в центре круга на чем-то вроде трона — мы соорудили его, положив на кресло одеяло и застелив его полотенцами. Теперь они сильно выцвели, но некогда были солнечно-желтыми. Она сидела, раскинув обагренные новой кровью ляжки. Младшие девочки стали подходить одна за другой, чтобы возложить меж ее ног цветы.

— Да будут тебе посланы дети, — пропищала Тинни.

— Да будут тебе посланы дети, — завистливо произнесла Сейла.

— Да будут тебе... посланы... дети, — с трудом выдавила Кара. Она сморщилась, руки у нее дрожали.

— Что это с тобой? — удивилась Притти.

— Ты нездорова, Кара? — подалась вперед Бонни. — Где у тебя болит?

— Здорова! Оставьте меня в покое!

— Поди сюда, Кара, — сказала я тоном, которому все девочки и почти все ребята подчинялись беспрекословно. Я забочусь о них с тех самых пор, как они появились в стае, а Кара пришла к нам в четыре года. Послушалась она и теперь. Кара у нас добрая и работящая, не то что ленивица Притти, но очень уж впечатлительная. Смерть слишком печалит ее, радость и красота чересчур волнуют. Обыкновенный закат порой доводит ее до слез. — Не надо портить Притти церемонию, — тихо посоветовала я, и она взяла себя в руки.

После, когда обе матери, сдав Джейден младшим, увели Притти в сторонку, чтобы посвятить ее в тайны секса (едва ли в этом была нужда), я ушла с Карой за кулисы и велела ей сесть.

— Что это за место такое, няня?

— Здесь был театр. Что с тобой, Кара?

Она смотрела куда угодно, только не на меня, но я взяла ее за подбородок.

— Не хочу! — выпалила она тогда.

— Чего не хочешь?

— Ничего. Не хочу, чтобы у меня началось, не хочу церемонию, не хочу спать с Майком и остальными! И рожать не хочу!

— Многим поначалу бывает страшно. — Я вспомнила, как сама впервые легла с вожаком стаи, куда более грубым, чем, предположительно, Майк. Давненько это было. Потом я вошла во вкус и еще пару лет назад иногда занималась любовью с Бадди, пока его не загрыз дикий пес.

— Я не потому, что страшно. Не хочу, да и все.

— А чего бы тебе хотелось? — Я боялась, что она скажет «стать няней». У меня уже есть Бонни, да и не выйдет из Кары няни. Одно лишь усердие твердости и ума не заменит.

— Ничего.

— Ну как же так? — Женщина может быть только матерью, няней или бесплодной партнершей — а женщины для секса, если их вообще терпят, уважением в стае не пользуются. Последняя, Дэйзи, сбежала от нас, и мне даже думать не хочется, что с ней сталось. Кара все это знает.

— А вот так! — страдальчески выкрикнула она. Беда мне с этими девчонками — не желает она, видите ли. Женщины, как и мужчины, делают то, что должны. Оставив ее на ветхом

бархатном стуле, я снова вернулась к Притти. Сегодня ее праздник, а вовсе не день Карин.

Бонни так и стояла около усыпанного цветами трона как неживая.

Майк вернулся с переговоров довольный, что бывало с ним редко. Другая стая, меньше нашей, совсем не рвалась воевать за свой лес — наоборот, предлагала обмен, совместные охоты и вылазки. Я и без слов понимала, что Майк надеется со временем объединить обе стаи и сделаться вожаком. Мужчины принесли от соседей дары, так надежно упакованные в пластик, что даже крысы их не попортили: подушки, одеяла, даже одежду. Каждая из девочек получила пушистый белый халат с вышивкой «Отель Сент-Реджис».

— Почему бы и нам не переехать в отель? — спросила Лула, примеряя свою обновку.

— Его трудно оборонять. — Карл посадил ее к себе на колени, Лула хихикнула. Карл ей всегда нравился, и она говорит, будто отец Джейден именно он. Глаза у малютки и правда ярко-голубые, как у Карла.

Пир в честь Притти состоялся в общей комнате, в подвалах бывшего Театра штата Нью-Йорк. Пол там был деревянный, по трем стенам тянулись какие-то непонятные поручни, в углу стояло разбитое пианино. Ребята выгребли оттуда груды битых зеркальных стекол, а Джуни постелила одеяла, на которых мы и расположились. Пир удался на славу. Кролика, подстреленного утром, зажарили с диким луком на костре у Театра Вивиан Бомон, а Эрик добыл консервированные бобы. Был еще салат из одуванчиков и сладкое, которого так жаждала Притти, а я приберегала с зимы: кленовый сок, перемешанный с орехами. Все наши фонари горели, придавая комнате романтический облик.

Майк смотрел на Притти в упор, она краснела и строила ему глазки, парни завистливо наблюдали за ними. Я им не особо сочувствовала: надо было лучше обращаться с Бонни, когда она была целиком в их власти.

Равнодушной к эротической атмосфере оставалась, однако, не только Бонни: Гай и Джемми посылали мне многозначительные взгляды.

— Чего вам? — спросила я наконец, подойдя к ним.

— Больно мне, няня, — пожаловался Джемми — громко, чтобы Майк слышал. Актер из него никудышный: глаза сияют, все мускулы напряжены — ну что у такого может болеть?

— Отведу-ка я Джемми в лазарет, — сказала я Майку, — вдруг что заразное.

Майк, поглощенный ужимками Притти, только кивнул.

Гай, прихватив фонарь, вышел за нами.

— Ну? — спросила я, отойдя подальше от мрачного, пропустившего пир часового.

— Мы хотим показать тебе кое-что. Пожалуйста, няня!

Стая растила Джемми с шести лет, после смерти матери. Он любознателен, но читать, не в пример Гаю, так и не выучился — и не потому, что питает чисто мужское презрение к этой «бабьей» науке: просто буквы, как он говорит, не даются ему и все время скачут перед глазами. Непонятно, но, видимо, правда: в остальном он парень смышленый. Как боец он плох, слишком хрупок, зато может починить любой механизм — технику понимает на инстинктивном уровне. Это Джемми сообразил, как заливать горючее в генераторы, которые нам иногда попадаются, и добывать электричество. Долго они не работают, да и подключать к ним практически нечего, но порой нам везет — пока горючее не иссякнет.

— Что, опять генератор? — спросила я.

— Бери выше, — сказал Джемми, а Гай загадочно добавил:

— Куда как выше.

Мы перешли через площадь к заднему входу Театра Бомон. Уже стемнело и моросил дождь, но мальчишки не обращали на это внимания. Маленький нижний театр выглядел странно при свете нашего одинокого фонаря.

— Лезь туда. — Джемми показал на будку, приделанную к стене. — Я тут приставил лесенку.

— Не полезу, — сказала я, но, конечно, полезла. Их волнение было заразительным и тревожащим. Бойцы стаи, по мнению Майка, не должны себя так вести: им полагается говорить мало и никому ничего не показывать.

В моем возрасте карабкаться по перекладинам не так просто, но я одолела подъем — Гай мне светил сверху, — и первым, что увидела наверху, была стопка книг.

— О-о!

— Это не главное, — весело заявил Гай.

— Дай-ка взглянуть!

— Совсем не главное, — подтвердил Джемми, взлетевший наверх, как белка.

— Где ты нашел книги? — не унималась я.

— Да прямо тут, — сказал Гай.

Будку наполнил шум очередного генератора, но книги интересовали меня куда больше.

— Не могу поверить, что он до сих пор работает, — сказал Джемми. — Повезло, что он уже подключен, а то я не знал бы, что с ним делать. Вот смотри!

В плоском ящике на столе загорелось окошко. После секундного изумления мне вспомнилось слово «телевизор». Телик. Бабушка и о них рассказывала, но до сих пор я не встречала ни одного действующего и в детстве путала телик с великом.

В ящике жили человечки.

Сначала на сцену вышла девушка, под которой ненадолго вспыхнула надпись:

ПА-ДЕ-ДЕ ИЗ «ЧЕТЫРЕХ ТЕМПЕРАМЕНТОВ»
МУЗЫКА ПАУЛЯ ХИНДЕМИТА
ХОРЕОГРАФ ДЖОРДЖ БАЛАНЧИН

На ней было обтягивающее трико, которое Майк никогда бы не разрешил носить своим женщинам: нельзя дразнить мужчин, стоящих в конце очереди на секс. На ногах — смешные, привязанные лентами розовые тапки с квадратным носком. Девушка выгнула руку над головой, привстав на носки этих тапок — и как только умудрилась? Зазвучала музыка, и девушка начала танцевать.

Я не сдержалась и ахнула.

На экране появился мужчина. Девушка то отдалялась от него, то приближалась. Когда она подошла совсем близко, он взял ее за талию, поднял над головой и понес. Она красиво держала ноги, пока была в воздухе. Как точно, как быстро они все делали! Как чудесно! Сила тяжести на них как будто не действовала. Девушка высоко подняла ногу, стоя на носке другой... я в жизни такого не видывала.

Длилось это недолго: телик снова погас.

— Прямо не верится, что ящик еще работает, — восторженно повторил Джемми. — Хочешь посмотреть про другое?

Гай молчал, и его лицо при свете фонаря казалось постаревшим, почти страдальческим.

— Что это вообще такое? — вымолвил он наконец. — Как называется?

— Балет, — ответила я.

Он подал мне книги, пять штук. «Жизель. Либретто» — значилось золотыми буквами на переплете верхней. Далее шли «Спутник балетомана», «Позы классического балета», «Танцы с мистером Б.» и совсем тоненькая «Расписание гастролей, 2016».

Гай весь дрожал.

— Другое длиннее, — сообщил Джемми, нечувствительный ко всему помимо своего чуда техники. — Суешь кружок вот сюда, в щель — видишь? Жалко, что из всех кругляшков работают только два.

На черном экране загорелась белая надпись ВИДЕОКЛАСС, и моим глазам предстала группа парней и девушек, стоящих у деревянных поручней перед зеркалами — не в нашей ли общей комнате? Заиграли на фортепиано, и женский голос сказал:

— Плие... раз-два-три-четыре. Не напрягай так руку, Мартина. Кэролайн, дыши в такт движениям.

На носки они пока не вставали, и невидимая женщина продолжала отдавать непонятные команды: б а т м а н - т е н д ю, р о н д - д е - ж а м б - а - т е р, п о р - д е - б р а. Потом на носки поднялись только девушки, и последовали новые замечания:

— Хорхе, у тебя рука как дохлая курица — свободнее пальцы. Нет, Терри, не так, а вот как. — На экране появилась няня — моего возраста, даже старше, но намного стройнее. — Держим корпус... нет, Джон, слишком медленно... и раз, и раз... хорошо. Теперь а р а б е с к - п е н ш е ... в такт дышите, легко...

Танцоры проделывали со своими телами нечто невероятное.

— Еще раз. Начнем с а р а б е с к а, Тимон.

Все как один, стоя на одной ноге, подняли другую, вытянутую, и округлили руки перед собой. Это было так красиво, что у меня защипало в глазах.

Экран снова погас, и Джемми сказал:

— Больше смотреть не будем, надо горючее поберечь.

Гай ни с того ни с сего хлопнулся передо мной на колени. Что я ему, Майк?

— Помоги, няня!

— Встань сейчас же, дурак.

— Помоги! Мне надо, чтобы Кара пришла сюда, а без тебя не получится.

Кара. Мне вспомнилось, как он на нее поглядывал, и я пришла в ужас.

— С Карой нельзя! У нее еще не начиналось, да хоть бы и началось — Майк тебя за это убьет!

— Я не для секса. — Гай встал, но решимости в нем ничуть не убавилось. — Хочу с ней потанцевать.

— Потанцевать?

— Вот так. — Он показал на пустой экран и старательно выговорил новое слово: — Как в балете.

Это даже Джемми шокировало.

— Ты же не умеешь, Гай!

— Могу научиться. И она тоже.

Я брякнула первое, что пришло в голову, и, конечно, сморозила глупость:

— Няня в телике говорит, что этому несколько лет учатся.

— Чтобы танцевать, как они, — да, конечно. Но мы с Карой можем освоить самое простое и станцевать перед стаей. Может, Майку понравится.

— Чтобы Майк позволил тебе лапать девочку еще до ее Начала? С ума сошел!

— Я хочу танцевать балет, — упрямился Гай, — а кроме нее, больше не с кем.

В этом он прав. Избалованная Притти ни за что не станет трудиться, как требует эта няня, Тинни и Сейла еще малы, у Лулы и Джуни по горло забот с детьми, Бонни слишком крупная и неуклюжая. Это было бы смешно, если бы не было так опасно.

— Выкинь балет из головы, не то Майку скажу. — Пригрозив ему, я слезла по приставной лесенке и одна, впотьмах, пошла к двери. Все пять книг я взяла с собой и ночь напролет читала их у себя в каморке под Театром Дэвида Коха (мне попалась на глаза табличка с новым названием) — целую свечку на них извела.

Через два дня вожак из Сент-Реджиса отдал Майку визит. С собой он взял только двух лейтенантов — столь рискованный шаг давал понять, что пришли они с миром, и нашим это понравилось. Трапезу устроили на террасе, где поменьше трещин, у мелкого пруда. На дне его лежало много мелких обломков

и два огромных — раньше они, похоже, составляли чью-то лежащую фигуру. «Каждую осень у них было полно хлопот с листьями, которые падали в зеркальный пруд Вивиан Бомон», — вспомнился мне рассказ бабушки.

Мои девочки чуть свет развели костры и все утро готовили, но ели, конечно, отдельно: Майк не хотел показывать чужим, сколько у нас женщин и которые из них способны рожать. Но подавала еду мужчинам я и вскоре поняла, что Майк совершил большой промах.

Я поняла это, как только Кейтер, другой вожак, подал голос — нет, еще раньше. Я видела, как он разглядывает Майка и всех остальных, как примечает, где у нас поставлены часовые: глаза на его длинном умном лице так и шныряли туда-сюда. Речь у него была правильная; я могла прозакладывать свой сестринский саквояж, что читать мужчина умеет и прочел немало разного. Он говорил приятные вещи, не впадая в откровенную лесть, а наш Майк, будучи куда проще, этого не улавливал, хотя предательство обычно чуял издалека. Не догадывался, что Кейтер, у которого намного меньше людей и оружия, задумал подчинить себе нашу стаю. Плохо дело. Сейчас он ничего не будет предпринимать, но когда-нибудь попытается непременно.

Говорить это Майку было бесполезно, он бы и слушать не стал. Я ведь женщина, хоть и няня.

Когда все поели, Кейтер похвалил нашу еду, сказал, что принес подарок, и достал из мешка бутылку «Джека Дэниелса». Майк, конечно, про нее уже знал — мешок без осмотра не пропустили бы за периметр, — но общей радости это ничуть не убавило. Мужчины произносили тосты и шутили напропалую. Молодежь оттянулась по полной, но Майк и Кейтер лишь слегка пригубили из стаканов.

За выпивкой договорились о совместной охоте, намеченной на завтрашнее утро. Оба вожака тоже собирались принять в ней участие. Сент-реджисские рисковали больше, как более мелкая стая, а мы к тому же выставляли вдвое больше мужчин. Кейтер, давно уже базировавшийся на Манхэттене, предлагал показать Майку, где промышлять лучше, а где хуже и где расположены территории других стай.

— Плохо, что няни у нас нет, — сказал он потом. — Не хотите свою обменять? Может, у нее ученица есть на обмен?

— Нет, — вежливо, но кратко ответил Майк. Больше Кейтер об этом не заговаривал.

Я устала. Обслуживать шестнадцать мужчин, сидящих прямо на бетоне, — нелегкая задача для пожилой женщины. Когда небо окрасил закат, я перехватила взгляд Майка, и он кивком отпустил меня.

Девочки в женской комнате забросали меня вопросами:

— А какие они из себя? Они еще что-нибудь принесли? — Слишком тесно они обступали меня, слишком назойливо щебетали. — Устала небось, няня? Может, приляжешь?

Я распихала сборище пушистых халатов.

— Где Кара?

Она сидела одна в уголке. Я все поняла по ее раскрасневшемся щекам — а может, давно уже знала. С пира я могла уйти еще пару часов назад, но почему-то не уходила и тем снимала с себя вину — до поры до времени.

Моя мнимая невинность не продержалась и дня. Майк с девятью людьми ушел на охоту, оставив командовать своего подручного Джо. Тот отрядил меня и трех мужчин в ближайшую разрушенную аптеку — посмотреть, не осталось ли там чего. Оттуда, конечно, все уже выгребли; свой запас я пополняю в жилых домах, в разгромленных ванных, в тумбочках у кишащих червями кроватей. У большинства лекарств срок годности давным-давно вышел, но многие еще действуют, как ни странно, а скальпели, ножницы, марля и спиртовые салфетки времени не подвластны.

Вернулись мы во второй половине прекрасного июльского дня. Мужчины с винтовками на коленях сидели на солнышке, болтали и пересмеивались. Малыши барахтались на расстеленных одеялах под присмотром Лулы и Джуни, Притти расчесывала волосы на виду у парней. Секс для нее такая же родная среда, как деревья для белки — в отсутствие Майка можно пофлиртовать и с другими.

Я не стала спрашивать, где остальные девочки. Тинни и Сейла наверняка играют где-нибудь под охраной, Бонни толчет листья и кипятит кору. Потихоньку обойдя театр Бомон сзади, я спустилась в темный маленький театр. Дверь в него была заперта. Я постучалась, и Джемми вскоре открыл.

— Няня...

Я влепила ему пощечину и прошла дальше.

Они были на сцене и не слышали меня из-за музыки. То, что они делали, поглощало их целиком.

Гай первым заметил меня, и Кара, услышав его возглас, отцепилась от станка — я уже знала, что палка, за которую держатся ученики, называется так. Мальчишки притащили ее откуда-то и приделали не к стене, а к двум тяжелым металлическим столбикам. Генератор и телевизор тоже переместились на сцену — ухитрились же как-то, паршивцы. Музыка в телике прервалась, и старуха сказала:

— Нет, Алисия — правое плечо вниз.

Кара послушно опустила плечо. У Гая окаменело лицо, и он стал так похож на Майка, что я испугалась и еле выговорила:

— Что это вы тут делаете?

— Экзерсисы, — ответил Гай.

Экзерсисы... как те танцоры из ящика. Жалость во мне возобладала над гневом. Они выросли в скудном мире, не сознавая, насколько он скуден, и теперь думают, будто смогут что-нибудь изменить.

— Нельзя, дети. Если Майк узнает, что ты трогал девочку еще до Начала...

— Не трогал я ее!

— ...он застрелит тебя на месте. Подумай своей головой!

Гай опустился на колени у края сцены, глядя на меня сверху вниз.

— Я должен, няня, а один я танцевать не могу. Балет — это женский мир.

Так сказал один знаменитый балетмейстер, о котором я узнала только из книг.

— Ты стащил мою книжку.

— Не стащил, а взял почитать. Там есть картинки... я должен, няня, и все тут.

— И я, — вставила Кара.

— Кара, пойдем сейчас же со мной.

— Нет.

Ее непослушание потрясло меня даже больше, чем их глупая затея самостоятельно выучиться балету.

— А ты? — напустилась я на Джемми. — Хочешь, чтобы тебя пристрелили из-за твоих дурацких железяк?

Он, явно задумавшись об этом впервые, посмотрел на Гая, затем на меня и потупился.

— Уходи, Джемми. Мы никому про тебя не скажем.

Он шмыгнул прочь, как заяц от собак, — одним дуралеем меньше.

— Если Майк узнает, что вы с ней оставались наедине...

— Мы не одни! — сказала Кара. — За нами присматривают!

— Кто, интересно? Если ты про Джемми...

— Я, — сказала Бонни, выйдя на сцену откуда-то сбоку.

Если Кара стала для меня шоком, то Бонни — настоящим землетрясением. Бонни, которая неукоснительно соблюдала правила и всегда недолюбливала Кару за ее красоту и чувствительность. Гай Бонни не подчиняется, но Кара — через меня — да.

— И ты это допустила?!

Бонни молчала, а лица ее в сумраке я не видела.

— Няня, мы должны. Не можем иначе, — опять сказал Гай.

— Еще как можете. Идем со мной, Кара.

— Нет! Не хочу быть как Притти! Не хочу, чтобы мужчины имели меня, пока у меня живот не распухнет! Так и умереть можно, Эмма ведь умерла. Не хочу и не буду! — Кара визжала в голос — Гай и тот напугался. При нас нарушалось первое правило стаи: подчиняться вожаку и всем, кто выше тебя, не смутьянничать и держать свои страхи при себе.

— Ты же слышала, что сказала та женщина в телевизоре, — заговорила я примирительно. — Нужны годы, чтобы стать балериной. Подумай, милая: годы.

— Мы знаем, — сказал Гай. — Мы ведь не дураки — понимаем, что до них нам как до неба, но кое-чему научиться можно.

— Вы что, умереть готовы ради этих своих уроков?

— Никто не умрет, если ты скажешь Джо, что учишь нас здесь читать. Все знают, что мы с Карой учимся у тебя грамоте.

— Нет. Слишком рискованно — не стоит оно того.

— Стоит, — сказала вдруг Бонни. — Б о н н и ! — Посмотри сперва на их танец, няня.

— Да! — ухватился за это Гай. — Посмотри хоть разок! Знаешь, как красиво!

Кара с Гаем встали у палки, он включил телик.

— Батман-тендю, — сказала женщина, и они начали махать ногами вперед, вниз, в сторону и опять вниз. Не так высоко и чисто, как танцоры на экране, но, в общем, довольно грациозно.

Я не ожидала от них такой гибкости, однако это ничего не меняло. После нескольких упражнений Гай выключил ящик.

— Надо все пройти, пока топливо не кончится в генераторе. Позже у них начинаются комбинированные движения!

«Пять мойщиков окон работали там ежедневно. Вечерние огни заливали площадь расплавленным золотом». Но рисковать ради золотой сказки жизнью?

— Нет, — сказала я.

Два дня спустя я упала в лесу — на старой карте он назывался «Центральный парк» — и ударилась коленом о камень.

— Ой! — Боль была очень сильной, но страх сильнее. Я стара; если отстану от других на очередном переходе, меня прикончат.

Бонни тут же подбежала ко мне.

— Что ты, няня?

Она подняла меня — сама я встать не могла. Обе мы — я сквозь слезы — испуганно смотрели на белую кость, торчащую из-под моей тонкой, как пергамент, кожи. Потом я лишилась чувств.

Наш лазарет под театром — всего лишь темный чулан. Лула сидела рядом и нянчила Джейден, мадонна с младенцем при свете одинокой чадящей свечи.

— Бабушка, — прошептала я, а может, это было другое слово. Все расплывалось, как будто я смотрела из-под воды.

— Няня? — Лула положила малышку, которая тут же подняла крик, и поднесла чашу к моим губам. — Попей вот, тебе надо спать.

Запах мяты и горечь под сладостью меда. Я уснула и проснулась в полном мраке, одна. К колену мне прибинтовали деревянную шину, боль слегка притупилась. Долго ли я здесь лежу?

Через несколько часов пришла Бонни, принесла завтрак, горячий чай. Ее деревянное лицо мне, как обычно, ничего не открыло.

— Насколько все плохо, Бонни? Смогу я ходить?

— Нельзя сказать, пока ты не встанешь на ноги.

— Майк вернулся?

— Нет еще. Выпей.

— А что это?

— Просто чай.

Мне не просто чай был нужен, а возможность ходить снова.

— Няня, слышишь меня?

Я села, заставив себя возвратиться издалека, — а может, это Притти была далеко. Нет... она сидела на корточках совсем рядом, только их было две, а потом стало три. Мне и одной-то Притти вполне бы хватило — видимо, девчонка оказалась плодовитой и рождает саму себя опять и опять.

— Я беременна! — с торжеством выкрикнула одна из них. — Слышишь?

— Не знаю, — сказала Бонни.

— От Майка, точно от Майка! Бонни, слышит она меня?

— Не знаю.

Я не слышала ее больше. Я была бабушкой и шла через Линкольн-центр, глядя, как льется жидкое золото из высоких арочных окон. Спускала вниз двадцать одну люстру и протирала каждую капельку. От их сияния мне жгло руку. Жар охватил Библиотеку Сценических искусств и спалил ее. Окна разбились, стекло пронзило меня. «Линкольну Керстайну это не понравится, — причитала бабушка. — Он вложил в этот центр целое состояние!» Я только смеялась, продолжая прибивать к полу красный ковер.

Когда я пришла в себя, то увидела рядом не Бонни, а Джо, которого оставили за главного на... уж не знаю, на сколько.

— Ты как, няня? — спросил он неловко.

Джо я знаю с того времени, как ему было десять. Он свирепый боец, предан стае и зорко охраняет ее от внешних врагов, но снисходителен к тому, что происходит внутри периметра.

— Наконец-то в голове прояснилось, — сказала я, но его волновала не моя голова.

— А ходить-то ты сможешь?

— Не знаю.

— Так давай разберись. — Он повернулся и вышел, а мою спину пронзила холодная игла.

Потом, запыхавшись, прибежала Джуни с Дэйви на руках.

— Никак полегчало, няня?

— Да. Пришли ко мне Бонни.

— Знать бы еще, где она. Хотела попросить у нее что-нибудь для Джейден, чтоб зубки резались легче, так ведь...

Я уперлась ладонью и попыталась встать. Частично это мне удалось.

— Давно я тут лежу, Джуни?

— С месяц будет, а то и больше.

Больше месяца мне давали сильные обезболивающие.

— Ступай, найди Бонни. Пусть придет.

— Ладно, только Джо говорит... то есть Тони...

Тони — один из тех, кто ушел на охоту с Майком и стаей Кейтера. Я присмотрелась и увидела, что Джуни напугана. Дэйви, тоже чувствуя это, крепко вцепился в мать.

— Майк погиб? — спросила я.

— Тони говорит — нет. Сам-то он убежал. На них из засады напали. Кейтер все врал, няня, стая у них большая, вот они и подкараулили наших. Майка хотят обменять на кого-то, а Джо говорит, что завтра утром мы уходим! Здесь теперь опасно. Ты ходить-то можешь?

— Вели Джемми сделать мне палку, вот такой вот длины. Сию же минуту.

— Так ты же велела Бонни найти...

— Нет, Джемми. Прямо сейчас.

Я оперлась на больную ногу, упала, убедилась, что лубок держит надежно, поднялась снова. Тут пришел Джемми с палкой. Опираясь на его плечо и на трость, я прошла по коридору без новых травм. Девочки лихорадочно укладывались, хотя уходили мы только на рассвете и пожитков у нас было не так уж много. Каждой полагалась своя котомка, а матери несли еще и детей. Карманы зимних курток набивали едой — сами куртки придется надеть на себя, жара не жара. Кухонную посуду утром завяжут в одеяла; ее потащит Рик, который до бойца еще не дорос, и еще кто-нибудь, кому велит Джо.

На улице уже проглянули первые звезды, но на западе громоздились тучи. В воздухе пахло дождем, деревья раскачивались. На фоне темно-синего неба чернела Опера. «Вечерние огни заливали площадь расплавленным золотом. Сотни людей, смеясь и болтая, становились в очередь — послушать оперу или концерт, посмотреть балет или пьесу».

Где-то залаяла собака, за ней другая. Их стая вышла охотиться.

— Отведи меня к ним, — сказала я Джемми.

Темно у театра Бомон, темно на пандусе. Джемми заклинил дверь камнем — если часовые начнут стрелять, я услышу. В маленьком зале тоже было темно, и ребята меня не видели.

Станок отодвинули на зады. Гай был бос и раздет до пояса, Кара, тоже босиком, в белом трико и чем-то прозрачном, дыра

на дыре — где только она это выкопала? Играла музыка; не фортепиано, как в «видеоклассе», — оркестр из другой записи, из «Четырех темпераментов». Теперь я наконец поняла, что задумал Гай.

Выстраивая движения для себя и для Кары, он держал в уме музыку Пауля Хиндемита. Их танец совпадал с ней, сливался с ней, был ею. Благодаря тому что Гай так хорошо все спланировал, их с Карой неопытность не так бросалась в глаза. Я, начитавшись книг о балете, могла даже сказать, какие па они исполняют: бурре, па-де-ша, батман.

Да и какая разница, как они назывались — главным был танец. Они не прикасались друг к другу. Кара, на полупальцах, склонялась к Гаю с бесконечной тоской и нежностью, он тянулся к ней с той же тоской, но причина была не в ней и не в нем: оба тосковали по танцу, который вынуждены будут утратить, едва успев обрести. По красоте, которая могла бы принадлежать им, живи они в другом мире. Гай застыл в безупречном арабеске; фонарь обливал расплавленным золотом их фигуры, справляющие поминальный обряд по утраченной красоте.

Но больше всего меня поразила Бонни.

Она стояла у одной из кулис, но была не просто дуэньей. Я даже не подозревала, что наша дурнушка может так выглядеть: это был грозный ангел, несущий стражу у врат Эдема.

— Бонни, — прошептала я, но слышал меня один Джемми. Дверь позади распахнулась, и кто-то воскликнул:

— Что тут еще за хрень!

Майк.

Я обернулась. Борода в запекшейся крови, левая рука на перевязи. Он ринулся к сцене в сопровождении трех-четырех бойцов. Я, превозмогая боль, заковыляла за ними.

— Стой, стой! Не надо...

Майк остановился у самой сцены, где замерли Кара и Гай.

— Не надо! — закричала я. — Бонни была здесь все время, они ни на минуту не оставались наедине!

Кто-то из мужчин — я не узнала его со спины — высоко поднял фонарь, и я увидела то же, что и Майк: кровь на ляжках Кары, ярко-красную на белом трико. У нее началось.

Я схватила Майка за здоровую руку.

— Ни секунды не оставались! Он не трогал ее!

Джо пристрелил бы Гая прямо на сцене, Лью скорее всего убил бы обоих. Майк медлил, с глубочайшим отвращением глядя на голый торс Гая, на позу, в которой тот замер, на все, недоступное его пониманию. Потом проворчал, даже не заметив, видно, что я хромаю:

— Уведи отсюда девчонок.

Кто-то выстрелил в телевизор. Музыка прервалась.

Бонни вернулась в свое привычное состояние и не желала отвечать на мои вопросы.

— Что ты мне давала, в какой дозировке? И зачем, Бонни, зачем?

Молчание.

«Все это построил Линкольн Керстайн, — рассказывала мне бабушка. — На собственные деньги и деньги других инвесторов. Он не был ни танцором, ни музыкантом, ни хореографом, но балет жил благодаря ему».

Мы с Бонни сидели в лазарете, Кару отправили в женскую комнату. Где-то через неделю, когда кровотечение прекратится, она будет совокупляться с Майком, с Джо, с Карлом, со всеми по очереди. Ни слезы, ни крики ей не помогут.

Майк послал за мной пару часов спустя. Двое мужчин взяли меня под руки и притащили в комнату в конце коридора. Кроме поломанных, заржавевших машин, из которых когда-то получали еду и питье в обмен на монеты, там стоял диван с крысиными гнездами, шаткий стол и несколько стульев. Танцоры после занятий в классе отдыхали здесь с шоколадным батончиком или банкой газировки.

— Зачем, няня? — спросил Майк, когда его люди водрузили меня на самый надежный стул. Тот же вопрос, который я задавала Бонни. Моей задачей было выгородить ее.

— Они хотели потанцевать, Майк, вот и все. Они ни разу не оставались одни и...

— Ты этого знать не можешь. Ты все это время лежала без сознания. — Глаз и бороду ему успели промыть.

— Верно, но если Бонни говорит, что постоянно была с ними, — значит, так и есть. Она ни за что бы меня не ослушалась. Я разрешила Каре и Гаю потанцевать, а ей наказала оставаться при них неотлучно...

— Ты разрешила?

— Ну да. Ты же знаешь Бонни — похожа она на человека, который интересуется танцами?

Майк нахмурился — задумался, видимо, можно ли назвать женщину человеком.

— Так это ты, няня? Не Бонни?

— Нет, не она. Из нее выйдет хорошая няня, Майк. Лекарства она уже делает не хуже меня и все остальное тоже.

Оторвав наконец взгляд от моего забинтованного колена, он посмотрел мне в глаза и спросил:

— Застрелить тебя или так оставить? Скажи сама.

Застрелить было бы милосерднее, но я сказала:

— Оставить.

Он только плечами пожал. Запасная няня у него была, Кара осталась нетронутой — теперь можно и о войне подумать.

— А что Гай? — осмелилась спросить я.

Майк, не ответив, сказал мужчинам:

— Отведите ее, куда она скажет, а новую няню — ко мне.

Они впихнули меня в театр Бомон и ушли. Я нашарила в кармане свечу и спички. Держась одной рукой за стену, со свечкой и палкой в другой я кое-как спустилась к двери в маленький зал и уже ползком добралась до сцены.

Пять моих книг лежали в углу аккуратной стопкой. Гай штудировал их ночами, пока я лежала без сознания, а Кара в женской комнате усердно шевелила пальцами ног, мечтая о настоящих пуантах. Открыв «Жизель», я нашла фотографию балерины в длинной прозрачной юбке; вскинутая партнером высоко в воздух, она выгнулась безупречной дугой. Хорошо перед смертью посмотреть на что-то красивое. Я достала из кармана пакетик с листьями аконита. Он действует довольно быстро и не так болезненно, как многие яды.

Сзади донесся стон.

Его избили в кровь и приковали к бетонной колонне за сценой. Гай тяжело дышал и, видимо, сильно мучился, но переломов я не нашла: Майк не хотел для него быстрой смерти. Гай должен был умереть с голоду или пасть от рук бойцов Кейтера, когда те явятся сюда в надежде заполучить наших женщин.

— Гай?

Он опять застонал. Ключа от его кандалов нигде не было. Я села рядом, держа «Жизель» и пакетик аконита, которого

было слишком мало для нас двоих, — и вскоре уснула. Я стара, колено у меня сломано, и я провалялась без памяти целый месяц, пока Гай и Кара заново изобретали балет.

— Няня! Няня! — звал кто-то. — Сьюзен!

Свечка моя погасла, но закулисную комнату освещали сразу два фонаря. Я увидела Бонни и Кару в мужской одежде, с автоматами в руках и котомками за плечами. Кара выглядела как бабочка, к которой прицепили мачете. Гай при свете открыл глаза; глядя на него, она вскрикнула, и ствол ее автомата заколебался.

— А ну, без истерик! — рявкнула Бонни, ну точно как я. — Няня, ты можешь...

— Нет, — ответила я.

Бонни, не споря, опустилась на колени и провела руками по телу Гая.

— Я уже проверяла, — сказала я. — У него ничего не сломано.

— Стало быть, идти сможет. Оттащи няню обратно на сцену, Кара, а ты, Гай, отклонись от столба подальше.

Он послушался, снова закрыв распухшие глаза-щелки. Я со сцены услышала громкий выстрел: Бонни перешибла цепь надвое — не из автомата, из чего-то другого. Потом они вышли к нам. Гай опирался на Бонни, волоча обрывки цепи от ножных кандалов. Я ухватила за коленку свою ученицу.

— Бонни, как?

— В похлебке. Подавали мы с Карой.

— Они мертвы?

— Некоторые, возможно. Не знаю.

— Что ты использовала? Лаконос, цикуту, клопогон?

— Семена небесника.

— Девочкам мы этого не давали, — поспешила добавить Кара. — А мужикам так и надо! Не стану я с ними спать!

— Твое дело — танец, — произнесла Бонни.

Я так и ахнула. Кара хотела танцевать, и Гай хотел, но решила все Бонни.

— Куда вы теперь? — спросила я.

— На север, за город. Будет дождь — авось смоет следы, пока мужики не очухались.

— Постарайтесь обыскать фермерскую общину. А еще лучше города под названием Итака, Эндикотт или Бат. Не уверена,

что они существуют, но все может быть. Взяли вы карту, которую я нашла? И мой мешок с лекарствами?

— Да. Есть у тебя?

— Да. Есть.

— Ну, нам пора, няня. Джемми тоже с нами идет.

Джемми... может, им повезет найти другой генератор. Бонни извлекла из разбитого телевизора два кружочка — «Четыре темперамента» и «Видеокласс». Кара помогла Гаю надеть теплую куртку, сапоги, дождевик. Он пошатывался, но стоял на ногах, упираясь в пол винтовкой, тоже принесенной Карой. Кара взглянула на меня, и губы у нее задрожали.

— Прекрати, — сказала я самым жестким няниным тоном. Кара обиделась, но Бонни меня поняла.

— Прощай, няня, — сказала она без лишних сантиментов и направила своих подопечных к выходу.

Я дождалась, когда затихнут их шаги и хлопнет входная дверь. Дала им еще немного времени, чтобы выйти из лагеря, и поползла следом. Дождь уже шел — теплый, летний. Костры на площади шипели и гасли, возле них распростерлись тела мужчин. Чуть дальше должны лежать часовые, взявшие ужин с собой на посты.

Двое были уже мертвы. Все остальные, включая Майка, еще могли оправиться, но семена небесника — достаточно коварная дрянь. Все зависит от того, как их сушили, размалывали, как делали из них экстракт и хранили. Бонни многому научилась, но я все-таки знаю больше. Я собрала все оружие в кучу, прикрыла дождевиком, облачилась в накидку сама и села рядом, держа наготове заряженный автомат.

Возможны варианты. Если стая Кейтера покажется в скором времени, самым милосердным будет пристрелить Майка и остальных, не дав им очнуться. Кейтер заберет себе девочек, но им у него будет не хуже и не лучше, чем в нашей стае. Женщины, которые способны рожать, ценятся высоко.

Если Майк и другие оживут, когда Бонни со своими спутниками будет достаточно далеко, я проглочу свой аконит и предоставлю им драться с Кейтером сколько влезет.

Но... если у них будет рвота, полный паралич не наступит. Вдруг Бонни в чем-то ошиблась и стая очнется быстрее, чем было задумано? Тогда я поступлю так, как нужно.

«Мы спустили вниз все люстры Метрополитен — двадцать одну штуку, Сьюзен, подумай только! — и протерли каждую

хрустальную капельку. Каждый второй год все красные ковры там меняли полностью — это стоило семьсот тысяч долларов. А каждые пять лет меняли сиденья. Пять мойщиков окон работали там ежедневно. Вечерние огни заливали площадь расплавленным золотом. Сотни людей, смеясь и болтая, становились в очередь — послушать оперу или концерт, посмотреть балет или пьесу. Сколько я там пересмотрела всего, не поверишь».

Да, это трудно представить. Как и то, что будет с Гаем, с Карой и с их балетом. Разве могла я поверить, например, что Бонни подпадет под чары далекого прошлого, восставшего из руин, как танцор в арабеске? Может быть, эта страстная любовь жила в ней всегда и недоставало только ее предмета?

Бывают разные страсти и разные зрелища. Я держала автомат под плащом, слушала, как лупит по Линкольн-центру дождь, и ждала.

ДИАНА РОУЛЭНД

Вся ярость ада не сравнится с яростью женщины, чей город был отвергнут...*

Диана Роулэнд работала барменом, была сдающей карты в блэкджеке, распорядителем в казино, патрульным полицейским, детективом, специалистом по компьютерной криминалистике, следователем-криминалистом и ассистентом в морге. Она получила приз за отличную стрельбу во время учебы в полицейской академии. Роулэнд также заслужила черный пояс в хапкидо и работала со множеством трупов в разной степени разложения. Выпускница писательских курсов Кларион Уэст, она написала такие романы, как «Mark of the Demon», «Blood of the Demon», «Secrets of the Demon», «Sins of the Demon» и «My Life as a White Trash Zombie». Ее последние книги — «Touch of the Demon» и «Even White Trash Zombies Get the Blues». Она с давних пор живет южнее линии Мэйсона-Диксона** и глубоко благодарна за существование кондиционеров воздуха.

ГОРОД-ЛАЗАРЬ***

Серый рассвет и отлив обнажили тело у кромки воды, лежавшее лицом вниз и частично погрузившееся в ил. Одна рука трупа покачивалась в ленивом течении, когда река добиралась до него. Запах разложения долетал до людей, стоявших на дамбе, хотя этот запах скорее имел отношение к нелегальным сбросам, чем к трупу.

© Diana Rowland, 2013; © пер., примеч. В. Вершовского, 2014.

* Измененная цитата из пьесы Уильяма Конгрива «Утренняя невеста» («Вся ярость ада не сравнится с яростью отвергнутой женщины».) Фраза Конгрива стала расхожей поговоркой в английском языке. Часто ее ошибочно приписывают Шекспиру.

** До Гражданской войны символическая граница между Северными и Южными штатами.

*** В названии рассказа разрушенный ураганом Катрина Новый Орлеан уподобляется библейскому Лазарю.

Дождь шлепал по грязи отдельными крупными каплями, пока плоскодонка подбиралась к телу мертвеца; толстая веревка, которую понемногу травили стоявшие на твердой суше, волоклась за ней. Капитан Дэнни Фачиане наблюдал за всем этим со своего места на дамбе и хмурился под капюшоном дождевика. Он прекрасно понимал вынужденность медленного продвижения через ил, но это все равно его раздражало. Прилив не будет ждать, пока они закончат свои дела, хотя сейчас стояло еще раннее утро, и отсутствие кофеина в организме расстраивало его. Однако с рекой стоило быть осторожным. Со времени разрушения структуры контроля старой реки она уже не была такой агрессивной как прежде, но могла выкинуть пару фокусов.

Внимание Дэнни переключилось направо, в сторону двух мостов, перекинувшихся через реку. Свет фар проносящихся машин пересекал лишь один из них. Транспорта недостаточно для двух мостов. На другом берегу реки выброшенный на сушу корабль пьяно накренился, развалившись в грязи. В десятках точек на нем вспыхивали огоньки резаков рабочих, стремящихся спасти хоть часть металла с этой попавшей в плен туши. Дэнни подумал, что следующим объектом сварщики изберут неиспользуемый мост — набросятся на него, как термиты на дерево.

— Надо было мне учиться на сварщика, — пробормотал детектив, стоявший рядом с ним. Дэнни обернулся и увидел, что внимание Фарбера тоже привлечено к огонькам, ползающим по телу упокоившегося судна.

Дэнни мотнул головой:

— Они уедут сразу же, как закончат. Осталось порезать всего несколько посудин. Работы, наверное, меньше чем на год.

— Может, и так, но за год эти засранцы заработают в три раза больше, чем мы. К тому же, думаю, город найдет им новую работу. Новый Орлеан знает, как позаботиться о себе.

Дэнни фыркнул. Он не сомневался, что сварщики получают больше, чем Фарбер, но прекрасно знал, что их заработок даже близко не сравнился бы с его собственным. И, конечно, он не разделял фарберовского лучезарного оптимизма насчет будущего их города.

— Грязная работа, — сказал он. — И опасная.

— Опасно то, чем мы занимаемся, — возразил Фарбер. Дэнни покосился на него, издав короткий смешок.

— Только если занимаешься этим не так, как надо, — сказал он, согнув плечи под порывом ветра, гнавшего вялый дождь прямо ему в лицо.

— Как, например, вот это. Послать бы подальше всю эту предрассветную хрень.

Отрывистые команды и ругань мужчин на плоскодонке долетели до него, когда они добрались наконец до трупа. Сражаясь с вязкостью упрямой речной грязи — река цепко держала свою добычу, — они все-таки смогли высвободить труп из его илистой могилы. Он шлепнулся на дно лодки, но одна покрытая грязью ступня легла на борт и оставалась там, пока люди на берегу тащили плоскодонку к себе.

Дэнни подошел к ним, когда они уже выволокли тело из лодки и положили на землю.

— Можете его перевернуть лицом вверх? — сказал он, не обращаясь ни к кому персонально. Он подождал, пока один из мужчин не нашел бутылку с водой и не вылил воду на лицо мертвеца. Дэнни нахмурился, присев возле тела, и зловоние илистой грязи лишь отчасти было тому причиной.

— Это Джимми Эрнст.

— О Господи, — пробормотал один из мужчин на плоскодонке. — И мы ползали по вонючей гадости ради этого куска дерьма?

Дэнни скривил губы, молча соглашаясь со сказанным, и окинул тело опытным взглядом. Техник-криминалист вытащила пару перчаток из бокового кармана штанов и протянула их Дэнни, но тот отрицательно мотнул головой. Он не собирался прикасаться к трупу, боясь испачкаться. Медэксперт позаботится о том, чтобы очистить тело от всей налипшей дряни прежде, чем начинать вскрытие.

— Ну а вот это чертовски интересно, — сказал капитан, наклонив голову.

— Что ты нашел? — спросил Фарбер, приседая рядом.

— Его убили. — Дэнни указал на два ожога на шее мертвеца. Их может оказаться больше под всей этой грязью, но и этих было достаточно. Электрошокеры последнего поколения оставляют именно такие следы, а силы разряда хватает на то, чтобы парализовать жертву на полминуты. Достаточно, чтобы надеть на нее наручники. Или врезать несколько раз ногой. В зависимости от того, чего он заслуживал.

Дэнни выпрямился, и его взгляд медленно продрейфовал к тому, что осталось от Миссисипи. Это не первое тело, вытащенное из чавкающей грязи, и последним оно не будет. Берега превратились в сплошное болото со скрытыми воронками и непредсказуемыми течениями. Несложно погибнуть, особенно после пары разрядов Тазера.

— Я увидел то, что хотел, — сказал он криминалистке, которая делала фотоснимки бессистемно, особо не целясь. Джимми Эрнст заботил ее не больше, чем капитана.

— Увидимся в участке, — сказал Фарбер.

Дэнни кивнул, развернулся и зашагал по камням уже ненужной дамбы, через заросшие травой рельсы — вверх на улицу. Дождь приостановился, и взгляд на небо убедил Дэнни, что ему хватит времени выпить кофе и наконец проснуться раньше, чем с неба опять польет. Срочной необходимости ехать в участок у него не было. И уж вовсе не требовалось выпрыгивать из штанов, торопясь закрыть э т о дело. Он проваландает его с недельку и закроет из-за отсутствия улик.

Кафе «Дю Монд» было открыто и уже обслуживало нескольких стойких туристов, но он прошел мимо, идя вверх по Норт-Питерс. Его шаги эхом отдавались от множества молчаливых витрин и дверей. Три года назад, прежде чем река изменила курс, в этот час Квартал* уже кипел жизнью, торговцы подвозили товар, владельцы магазинов поливали тротуар водой, мусорщики перекликались, пока их грузовики, рыча, продвигались по узким улицам.

Рядом с Французским рынком он перешел на Декатур-стрит, направляясь в кофейню на углу Сен-Питерс. Он продемонстрировал свой жетон, чтобы получить кофе и круассан бесплатно, потом вышел наружу и сел за столик под бело-зеленым полосатым навесом.

Тощий пес, источающий запах сырости, канализации и отчаяния, начал красться по тротуару в его направлении. Пес был полностью серым с одним черным ухом, в глазах его проблескивала надежда, что Дэнни бросит ему кусочек круассана или хотя бы уронит крошки. Когда-то он, возможно, был чьим-то

* Имеется в виду популярный у туристов Французский квартал в Новом Орлеане.

домашним питомцем. После Поворота * в городе осталось много брошенных животных, чьи хозяева покинули дома и оборвали все связи с городом, в отчаянной попытке найти новые возможности хоть где-нибудь, потому что любой бизнес в Новом Орлеане, зависевший от реки, зачах и умер.

Пес заскулил и уселся в футе от Дэнни.

— Пошел вон, — пробормотал тот, осторожно пытаясь отпихнуть псину ногой. К его досаде, этот контакт только обнадежил барбоса. Он подобрался еще ближе и на сей раз положил лапу на колено Дэнни. Тот выругался и отшвырнул лапу прочь, обозлившись после того, как увидел широкий мазок хрен-его-знает-чего на штанине. — Долбаная дворняга!

Он снова пнул пса ногой. Это был не очень сильный пинок, но достаточный для того, чтобы до псины дошло. Пес взвизгнул и отполз назад, а потом припал к земле, не сводя с Дэнни глаз. На какой-то момент Дэнни подумал, что пес может напасть. В городе была масса отчаявшихся, готовых на все животных, и тому, у кого хоть капля мозгов в голове, следует держаться начеку. Его рука дернулась, потянувшись к пистолету. Он был готов пристрелить животину, если та нападет, но через несколько секунд псина опустила голову и размашистым шагом, пошатываясь, убралась прочь, унося с собой все окружавшее ее зловоние.

Дэнни облегченно вздохнул, пытаясь салфеткой стереть пятно со штанины. Пристрелить пса здесь — значит, привлечь на хрен ненужное внимание. Не важно, что пес напал бы на него. Всегда хватает идиотов, которые с пеной у рта стали бы доказывать, что не следовало применять крайних мер, что нужно было вначале убедиться, что пес действительно собирался причинить ему вред. Найдутся и такие, которые будут настаивать на том, что он, как офицер полиции, должен вытерпеть один-два укуса, а не хвататься за пистолет.

Пошли они все, мрачно подумал Дэнни. Ты делаешь то, что надо, чтобы выжить — особенно в этом городе. Присматривай за собой, потому что никто за тебя этого не сделает.

Он швырнул грязную салфетку на стол и встал, хмуро глядя на оставшиеся от большого пятна следы. Взяв кофе и круас-

* Поворотом (с большой буквы) в городе называют смену русла Миссисипи, произшедшую в результате прорыва дамб. Река практически ушла из города.

сан, он начал переходить улицу, но остановился, увидев на противоположном углу женщину, державшую в одной руке свернутый красный зонт.

Она была красавицей, с темными волосами и светлыми глазами, а кожа оливкового оттенка навела его на мысль, что здесь имеет место и толика креольской крови. Она была в шортах и сандалиях, в черной майке-безрукавке, которая обтягивала ее тонкий и мускулистый торс, не скрывая округлостей в положенных местах. Молода — двадцать с небольшим, пожалуй. Небогата. Насчет последнего догадаться было несложно. Богатые, оставшиеся в городе, были до неприличия богаты, они еще больше поднялись, когда река сменила курс, и не слишком стеснялись выставлять напоказ свое бабло и свое влияние. Может, официантка? Стриптизерша? Тело у нее для этого было в самый раз.

Но не ее внешность заставила Дэнни обратить на нее внимание. Скорее то, что в ней совсем не было такой знакомой на этих улицах сломленности ни малейшего отчаяния в глазах, которые у многих прохожих словно ищут тропку, лазейку для побега из этой мать-ее скорлупы бывшего города. Она, напротив, смотрела спокойно, разве что с едва заметным оттенком заботы или печали в глазах, когда они встретились с глазами Дэнни. Потом она улыбнулась, и он понял, что она улыбается ему. Дерзкая и скрытная одновременно, с тенью веселости, пробежавшей по ее лицу, она отвела взгляд, отвернулась и пошла вниз по улице, удаляясь от него.

Он сделал шаг в ее направлении, но остановился, когда телефон заиграл знакомую мелодию. Он выматерился, вытаскивая мобильник, чтобы пробежать глазами эсэмэску.

Пряча сотовый в футляр, он наблюдал за девушкой, продолжающей идти вниз по улице и завернувшей за угол. Тогда он развернулся и зашагал в противоположную сторону, реагируя на пришедший вызов.

— Ты и я, Дэнни, — сказал Питер Беннет, глядя на отбросы реки. Дождь колотил по широкому окну его кондоминиума, стекая струями на пустынную набережную и опустевшие причалы. — Мы очень похожи. — Он искоса взглянул на копа. — Мы знаем, как разобраться с переменами, как заставить их работать на нас.

Дэнни облокотился на спинку черного кожаного дивана, сунув руки в карманы, и улыбнулся в ответ.

— Для меня нет проблем делать то, что должно быть сделано, — сказал он.

После того как структура контроля Старой реки рухнула под тяжестью весеннего наводнения и недостаточного финансирования, Питер стал одним из немногих, кто не только остался в городе, но и умудрился еще больше разбогатеть. Разумные вложения в бассейн Атчафалайи окупились с лихвой, когда река изменила курс, но настоящий золотой поток полился благодаря просто-таки магическим способностям Питера наложить лапу на контракты по очистке. Троекратное увеличение объема воды в Атчафалайе, конечно, вызвало множество разрушений, а этот человек знал, что во времена катастроф заработать можно прилично. Людей, которые, как Питер, сделали состояния после Катрины, было довольно много.

— И это ключ ко всему, — сказал Питер, сопроводив свои слова энергичным кивком. — Слишком много народу цепляются за свои гнездышки, нервничают насчет восстановления и ремонта, насчет возвращения к тому, чем все *когда-то было*. — Он фыркнул. — Ты знал, что городской совет до сих пор теребит губернатора, чтобы очистить русло и возобновить движение по реке? — Он не стал ждать ответа. — Трата времени. Для Нового Орлеана пришло время умереть. Сейчас река стала беззубой шлюхой в сравнении с той боевой сучкой, какой она была прежде, но с этим городом еще многое можно сделать. Со временем это изменится.

— Верно, — ответил Дэнни. Он не произнес вслух то, что только что пришло ему в голову: даже беззубая шлюха все еще может воткнуть тебе в спину нож. Джимми Эрнст тому свидетель. Но Питер явно не желал слышать рассуждения такого рода, а Дэнни всегда прекрасно знал, когда следует придержать язык.

— Итак, мне нужно для тебя что-то сделать? — Прямо по тексту эсэмэски: «Есть кое-что, что тебе нужно сделать».

Питер отвернулся от унылого зрелища за окном, взял чашку кофе со столика у подоконника, сделал глоток.

— Остыл. — Он скорчил гримасу. — Принеси мне свежего, а, Дэнни? И себе налей, — добавил он. Щедрая душа.

Дэнни кивнул и поднялся с дивана, направляясь в модерновую, сверкающую хромом и черной отделкой кухню.

— С удовольствием. Кофе у тебя прекрасный. — Он знал, где стоят чашки, знал, какой кофе пьет Питер.

— Это же свободное предпринимательство, понимаешь? — говорил Питер, пока Дэнни наливал кофе и размешивал сахар. — На Дюмен-стрит в Квартале есть магазин. Я купил его год назад и сдал в аренду типу, который торгует старыми книгами и прочим дерьмом. Ни хрена не знаю, как он на этом зарабатывает, но аренду платит исправно. — При последних словах он нахмурился и взял чашку, которую ему протянул Дэнни.

— Ты хочешь, чтобы он убрался?

Питер отхлебнул из чашки. Улыбнулся.

— Чертовски хорош. — Посмотрел на Дэнни. — У меня есть планы на эту площадь. Совет собирается дать мне добро на открытие там мини-казино: ничего такого, только покер. Уверен, добро дадут. — Его улыбка стала шире. — Ты постарался, чтобы так оно и было.

Дэнни хохотнул. Самый легкий арест за пьяное вождение, который он когда-либо делал. Помогла наколка от Питера, что член Совета Уокер вышел из дегустационного винного зала, чтобы проехать полтора квартала до своего дома.

— Но в договоре с этим букинистом есть небольшая заковыка: я могу его вышвырнуть, если обнаружатся доказательства преступной деятельности в магазине, — продолжал Питер.

Дэнни кивнул, отпил из своей чашки. Кофе был горьким и слишком пережаренным на его вкус, и он предпочел бы как можно больше сливок. Но Питер пил свой кофе черным, и Дэнни не хотел придираться к мелочам.

— Уверен, смогу что-нибудь с этим сделать, — сказал он.

Дверь в спальню приоткрылась, и из-за нее выглянула молодая девушка со спутавшимися после сна светлыми волосами — в одном нижнем белье. Ее взгляд скользнул по Дэнни — безразлично — и остановился на Питере. Полные губы приняли обиженно-надутое выражение, во всяком случае, она, как показалось Дэнни, старательно изображала обиду. Однако в ее гримаске было слишком много неуверенности, чтобы это производило впечатление, и Дэнни невольно подумал, что девушка на углу наверняка смогла бы сделать это — и соблазнительно, и игриво.

— Эй, бэби, — сказала она Питеру, опершись на дверной косяк и приняв позу, которая ей, должно быть, казалась сексуальной. — Иди в постельку. Мне нужно размяться с утра.

Дэнни прихлебывал кофе, пряча ухмылку при виде такого жалкого спектакля. Он видел подобное уже десятки раз, наблюдая, как очередная девица Питера отчаянно пыталась возбудить в нем интерес — и каждый раз безуспешно. Питер любит все новое и блестящее, а потому избавляется от всего, что уже хоть чуточку поношено. Не важно, что он сам был тому виной. Видный мужчина, голубоглазый, темноволосый, спортивный — и к тому же самый богатый в городе. Так что у него не будет недостатка в новых и блестящих девицах, убежденных, что смогут стать следующей миссис Беннет.

Питер отмахнулся от нее, снова глядя на дождь за окном.

— Я занят.

Ее надутые губки выпятились еще больше.

— Но я готова сейчас, милый. Иди, угости меня.

Теперь Питер смотрел на девушку, обратив внимание и на ее гримаску, и на ее обнаженность. Выражение досады скользнуло по его лицу — вместо похоти, которую она хотела бы видеть, но затем он повеселел и качнул головой в сторону Дэнни.

— Дашь ему, — сказал он, не спуская с нее глаз.

Ее лицо вспыхнуло от шока, но лишь на миг. Глаза погасли, и она обратила свою обиженную улыбку к Дэнни. Ей нечего было терять, даже если это значило всего лишь провести еще несколько дней у Питера. Для нее вполне стоящая сделка, Дэнни это знал.

Дэнни поставил чашку на стол, подошел к ней и мягко подтолкнул в спальню.

Когда он вернулся, то закрыл за собой дверь. По крайней мере она не распускала нюни. Но все равно, скорее всего, завтра ее уже не будет, а Питер отправится на охоту за другой цыпочкой, которую можно попользовать и выбросить прочь.

— Недолго же ты, — сказал Питер, не отрывая взгляда от ноутбука.

— Я не старался ее осчастливить, — ответил Дэнни. Он набросил на шею галстук и быстро завязал узел.

Уголки губ Питера тронула улыбка, когда он шлепнул конверт на стол. Дэнни сгреб его и сунул в карман пиджака. Пересчитывать деньги он не стал.

— Пожалуй, навещу-ка я книжный магазин, — сказал он с широкой улыбкой.

— Дай мне знать, если нароешь что-то незаконное.

Приторный запах несвежего кофе приветствовал Дэнни, когда он появился в участке со своим арестантом. Ладонью он сжимал предплечье человека в наручниках, ведя его так, чтобы разминуться с прочими отбросами общества и со своими коллегами.

— Вы не имеете права! — продолжал повторять арестованный, словно надеясь, что если он будет говорить это как можно чаще, его слова станут правдой, и что коп не может просто так войти в его магазин и найти наркотики, которых там раньше не было. — Прошу вас. Прошу! У меня семья. Вы не имеете права. Это не мои наркотики. Вы...

Дэнни сильно толкнул его, выбив из равновесия. Букинист взвизгнул, пытаясь удержаться на ногах, но вынужден был опуститься на одно колено. Дэнни присел рядом на корточки, делая вид, что помогает ему встать, но вместо этого наклонился к уху бедолаги.

— Тебе нужно решить вопрос по-на-хрен-доброму и быть хорошим мальчиком, — сказал он спокойным низким голосом. — И так оно и будет, поведешь ты себя хорошо или нет. Или ты хочешь, чтобы стало еще хуже? — Он посмотрел букинисту прямо в глаза. — Не нужно усугублять.

По лицу мужчины градом катил пот. Дэнни заметил внезапный бунтарский блеск в глазах арестанта.

— При таком аресте масса бумажной работы, — мягко продолжал Дэнни. — Иногда бумаги теряются. Может быть, те самые, что описывают конфискованный товар и порядок передачи вещдоков. Или те, где написано, что тебя определили в КПЗ и за тебя нужно внести выкуп. Какие ты предпочел бы потерять? Хочешь, чтобы дело выбросили прежде, чем оно дойдет до суда? Или хочешь провести лишнюю неделю в центральном обезьяннике?

Бунтарский блеск погас. Арестованный опустил голову.

— Вот и правильно, — сказал Дэнни, помогая обмякшему арестанту подняться на ноги. — Будь хорошим мальчиком, и все скоро закончится.

Дэнни оформил его задержание, заполнил входящую форму и направился вниз по коридору в свой офис, когда увидел ее в комнате для допросов. Ту девушку, которую он видел на углу. Сейчас она была в джинсах и блузке густого красно-коричневого цвета, но он узнал бы ее в любом прикиде. Сидя на метал-

лическом стуле, она казалась маленькой и перепуганной. Она обхватила ладонями бумажный стаканчик с кофе и не сводила глаз с детектива Фарбера, сидевшего напротив.

Он подошел к открытой двери, постучал костяшками пальцев о косяк. Она резко перевела взгляд на него. Легкая улыбка коснулась ее губ, и он подумал, что, может, не так уж она и напугана.

— Что тут у тебя? — спросил он Фарбера, не отводя глаз от девушки.

— Она разговаривала с Джимми Эрнстом прошлой ночью, — пояснил детектив. — Может, была последней, кто его видел живым. Мы только что начали.

— Дальше с ней работаю я, — сказал Дэнни, входя в комнату. Он посмотрел на Фарбера, уловив удивление в его глазах. Фарбер было заколебался, потом бросил взгляд на девушку, пряча улыбку.

— Конечно, без проблем. — Он поднялся и собрал свои вещи. — Кстати, при Эрнсте нашли пистолет. Уже отправили в лабораторию.

Тест на баллистику был обязательной операцией. Может, им удастся списать кое-какие висяки на Эрнста и улучшить показатели.

— Дай мне знать, если чего-то добьешься, — добавил Фарбер; сомнительный подтекст этой фразы сложно было не заметить.

Дэнни подождал, пока его коллега не вышел, закрыл дверь и сел на освободившийся стул. — Я капитан Дэнни Фачиане, — сказал он. — Мне хотелось бы задать вам пару вопросов.

— О'кей. — Она помолчала. — Меня зовут Делия, — добавила она, поставив стаканчик с кофе на стол.

— Фамилия?

Она откинулась на спинку стула.

— Рошон. Делия Рошон. Я разговаривала с Джимми прошлой ночью. Около полуночи, думаю. Он часто приходил в клуб. — Ее черты исказила гримаса отвращения.

Он записал ее имя в блокнот.

— Клуб?

— «Фредди-3». — Она опустила глаза. — Я танцовщица.

Стриптизерша. «Фредди-3» был один из лучших клубов, что до сих пор оставались в городе. Дэнни бегло записал информа-

цию. Не потому, что она была важна для дела. Просто он хотел, чтобы девушка думала, что важна как свидетель, а не лично для него, чтобы он знал, где найти ее снова.

Он продолжил допрос, расспросив ее о ее разговоре с Джимми Эрнстом, в общем, играл как по нотам, как обычно делается в таких случаях. Она ясно, но коротко описала их встречу. Джимми расспрашивал ее о девушке, которая раньше работала в клубе, он хотел знать, где она сейчас. Делия ничего ему не сказала. Ничего важного.

Она явно недолюбливала убитого. Открыто она об этом не сказала, но все было ясно по ее манерам, по тому, каким жестким становился ее взгляд, когда она говорила о нем. С другой стороны, Дэнни знал, что трудновато найти человека, кому нравился бы покойник. Джимми был сутенером, специализируясь на девушках, которые выглядели по-настоящему юными.

Наконец Дэнни положил авторучку на блокнот. Она посмотрела на ручку, потом на него.

— Я арестована? — спросила она тонким, но ровным голосом.

Он фыркнул:

— За Джимми? Не. На хрен он нам не сдался.

За это убийство никто и никогда не сядет. Разве что кто-то сам явится в участок и признается в содеянном — и так оно обстояло с большинством убийств в этом городе, а не только с подонком типа Эрнста. Дэнни, как и все остальные, делал ровно столько, чтобы не быть обвиненным в халатности.

Полицейские этого города умели выживать. А немногие умники вроде него знали, как преуспеть.

Он вывел ее из комнаты, предложив, чтобы полицейский отвез ее домой, но она лишь улыбнулась и покачала головой. Снова пошел дождь, ровный и сильный, который смоет мусор с улиц и забьет канализационные сливы, — но она просто открыла свой зонт и вышла под дождь, ни на секунду не задержавшись. Он смотрел, как красный круг, удаляясь, становится все меньше, — смотрел до тех пор, пока он не исчез в серой пелене дождя.

Позднее в этот же день Дэнни побеседовал с барменом во «Фредди-3», выяснив, что Делия начала работать в заведении с месяц назад. Никто почти ничего о ней не знал. Да и не забивал себе этим голову, по словам бармена. Плевать им было

на личную жизнь девочек — лишь бы приходили вовремя и не тащили неприятности, в которые вляпывались, за собой в клуб. Делия в этом плане была на все сто.

Сегодня вечером ей предстояли работа. Он постарался быть в клубе, чтобы увидеть ее. Он даже попытался убедить себя, что просто проверяет потенциального свидетеля. Хотя прекрасно знал, что хочет видеть ее как можно чаще, всю ее, а не только то, что открывается, когда она сбрасывает одежду на сцене.

Неоновые огни вспыхивали в такт басовым ударам музыки. Смешавшиеся запахи пота и секса, денег и неприкаянности окружали танцовщиц и мужчин, пялившихся на них. Делия работала на шесте с гибкостью, грацией и уверенностью, что говорило о годах подготовки, и Дэнни подумал, что, может быть, в далеком прошлом она училась на танцовщицу совсем иного рода. Однако несмотря на ее силу и самоконтроль, она излучала такую чувственность, такую животную сексуальность, что он засомневался насчет того, что девушка брала уроки балета.

На него она посмотрела лишь один раз, ленивым взглядом, который сопровождался робкой улыбкой, — резкий контраст со знойными взглядами, которыми она одаривала других клиентов. Он подумал, что было бы странно и неприлично не сделать этого, и посему вытащил пятерку и сунул ее под резинку стрингов, когда она на секунду приостановилась возле него, — и потом почувствовал себя грязным типом, потому что сделал такое именно с этой девушкой.

— А она горяченькая сучонка, — произнес знакомый голос. Дэнни повернул голову и сделал усилие, чтобы улыбнуться Питеру. Его глаза не отрывались от Делии. В них были оценка, восхищение и голод.

— Она свидетель по одному моему делу, — брякнул Дэнни. Может, Питера это отпугнет. Обычно он очень старательно избегал любых связей с преступными типами. В конце концов, для этого у него был Дэнни.

Но Питер просто улыбнулся, продолжая глазеть на Делию.

Дэнни знал, что за этим последует. Питер закажет танец у себя на коленях, потом заплатит за приватную комнату. Возможно, он пригласит и Дэнни пойти с ним, — и с любой другой девицей он действительно пошел бы и получил удовольствие.

Дэнни встал и прошел к бару, делая вид, что хочет заказать еще стопочку. Конверт в кармане его пиджака хрустнул, и он

нахмурился. Он был так занят своими мыслями, что забыл вынуть его и переложить в безопасное место. Но сейчас он чувствовал только облегчение. Не раздумывая, он подозвал менеджера, заплатил за приватную комнату с Делией и еще за одну, для Питера с другой танцовщицей. Какой-то областью своего сознания он понимал, что это почти наверняка не сработает. У Питера были деньги и влияние, и он привык всегда получать то, что хочет. Но у Дэнни имелось влияние другого рода. Он сунул менеджеру сотню и пообещал помочь, если тот когда-нибудь вляпается в неприятности, которые Дэнни может уладить. Несколько минут спустя вторая по красоте стриптизерша уже шла к столику, за которым сидел Питер.

Питер приподнял бровь, когда блондинка обвилась вокруг его плеч, и коротко хохотнул, когда она принялась тереться грудью о его шею. Он осматривал помещение в поисках Делии, потом о чем-то спросил блондинку. Та пожала плечами и кивнула в сторону Дэнни, который изобразил улыбку и поднял стаканчик, когда Питер посмотрел в его сторону. Он пытался разыграть все так, словно он купил девочку для Питера просто в качестве приятельского жеста.

Двое мужчин скрестили взгляды, но ненадолго: блондинка взяла Питера за руку и повела в заднюю комнату. Он последовал за ней, приостановившись возле бара.

Потом наклонился к Дэнни.

— Я видел, что ты там проделал, — сказал Питер с улыбкой, хотя глаза его оставались серьезными. — Я считаю, это мило, что ты настолько запал на эту девочку, что выкинул такой трюк. — Он помолчал. — И чтобы больше никогда не перебегал мне дорогу.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и продолжил свой путь к задним комнатам за занавеской.

Дэнни остался на месте, сжимая кулаки в карманах пиджака, пытаясь втолковать себе, что держит себя в руках и не собирается броситься вслед за Питером, чтобы кулаком стереть эту высокомерную ухмылку с его физиономии, но зная, что по сути подавляет тошнотворное знание того, что он и Питер хоть и выкроены из одной ткани, но ни в коем разе н е р а в н ы и ни по каким параметрам не партнеры. И какую бы ненависть к Питеру он сейчас ни испытывал, Дэнни знал, что когда тот вызовет его, он прибежит и сделает, что ему велят, как чертова

дрессированная собачка. А если не сделает, может очень много потерять.

Он знал также, что не хочет идти в приватную комнату с Делией. Он повернулся к бармену.

— Рыжий сопляк у левого края сцены. Мотает нервы девочкам?

Бармен мотнул головой:

— Не-а. Приходит с двадцаткой «зеленых» пару раз в неделю. Никаких проблем с ним не было.

— Отдай ему мою комнату. И скажи: «С днем рожденья!» Он вынул еще сотню — на чаевые. — И еще скажи: если когда-нибудь позволит себе что-то лишнее с Делией, я ему на хрен шею сверну.

Он покинул клуб, в баре на другой стороне улицы подождал, пока закончится ее смена. Когда наконец он увидел ее, выходящую из служебного входа, то бросил двадцатку на стол и вышел ей навстречу.

Она была с двумя другими женщинами. Одна маленькая, эдакая мышка, без особого успеха пытавшаяся играть роль «сексуальной библиотекарши», вторая — фигуристая латина с большой грудью и длинными ногами. Когда он подошел, они прервали разговор. В глазах Делии читалась неуверенность, остальные смотрели на него настороженно, как кролики на лису.

Он хотел рыкнуть на кроликов, чтобы валили отсюда, но вместо этого просто спросил Делию:

— Могу я угостить вас чашечкой кофе?

Словно не слыша вопроса, она повернулась к своим коллегам.

— Увидимся завтра вечером, — сказала она им, обняв каждую по очереди. И только когда обе ее подруги прошли с полквартала, она снова обратила внимание на Дэнни. Ее губы сжались в плотную узкую линию.

— Я не проститутка, — сказал она тусклым голосом.

Дэнни улыбнулся:

— Я знаю. Даю слово, я просто хочу угостить вас чашечкой кофе.

Она смерила его оценивающим взглядом, в котором читалось сомнение. Он подумал, знает ли она, что он отмочил в клубе, и если знает, понимает ли почему. С другой стороны,

он и сам не вполне понимал, почему и зачем сделал то, что сделал.

— На Декатур есть кафе, — в конце концов сказала она. — По-настоящему хорошее, но я не люблю заходить туда ночью одна.

— Я защищу вас, — ответил он.

Она предпочитала кофе густой и сладкий, добавляя туда столько сливок, что он становился одного цвета с ее смугловатой кожей. Круассан она разрывала на маленькие кусочки, которые съедала в промежутках между глотками кофе и разговором.

Как и все в городе, сначала они поговорили о том, почему они еще здесь, после Поворота, почему не покинули город, как покинула его река. Ведь так или иначе, но уехали все, кто мог, оставив только очень бедных и богатых, которые знали, как извлечь выгоду из катастрофы, и тех немногих, которые нужны были богатым, чтобы становиться еще богаче и чувствовать себя комфортно.

— Многие копы уехали, перебравшись в Морган Сити, — сказал он ей. — Работы там хватает. Но... Не знаю. Я не хотел уезжать, а выслуга лет у меня достаточная для того, чтобы не опасаться сокращения.

И множество связей и ходов, добавил он про себя. Ему пришлось потянуть за массу ниточек, чтобы не просто остаться на работе, но и чтобы те, кто стоял над ним в списке на повышение, вместо этого попали под сокращение. Он получил звание капитана меньше чем через полгода после Поворота.

— Это мой дом, — просто сказала она в качестве объяснения. — Я люблю этот город.

— Даже теперь? — спросил он, недоверчиво приподняв брови.

— Особенно теперь, — ответила она с мягкой улыбкой.

Он поразмышлял об этом, пока допивал свой кофе со сливками. Ночной бриз доносил до них застоявшийся запах реки вместе с ароматами пива и мочи с улиц. Даже за несколько часов до рассвета влажный воздух вился вокруг них своими теплыми струйками, предвещая наступление знойного лета. Но этот город устраивал его, он подходил его личности. Черт возьми, Поворот — это, наверное, лучшее, что с ним когда-либо случалось.

— Я тоже, — наконец произнес он, потому что знал, что она именно этого ждет от него, и отогнал от себя странный приступ печали, накатившей на него, когда он понял, что любит город по совсем другой причине.

И хотя в клубе он больше не появлялся, но ждал ее каждую ночь, а потом шел с ней в кафе. На третью ночь она на ходу взяла его под руку. На пятую приветствовала его поцелуем и улыбкой.

На седьмую она спросила:

— А дома у тебя кофеварка есть?

Его квартира находилась к югу от Квартала, более чем достойное жилье, где он жил бесплатно благодаря тому, что отчаявшийся хозяин дома решил, что лучше — пусть и без арендной платы — иметь в доме копа, чем позволить скваттерам-бомжам захватить все здание. При таком обилии пустых домов и квартир в городе мало кто из полицейских платил аренду.

Квартира располагалась в миле от кафе, но она настояла на том, что хочет пройтись пешком.

В жилище у него не было особого бардака, но и ухоженным местом не назвать, да и для приема гостей не приспособлено. Занавески остались от прежних жильцов, но и тогда, должно быть, они уже были старыми. Декор ограничивался стопкой журналов с голыми женщинами на обложках, группой пустых пивных бутылок на кофейном столике и вставленной в рамочку рядом с дверью старой газетой с заголовком: «Свидетель отказывается от своих показаний. С полицейских НОДП* сняты все подозрения в злоупотреблении своим положением».

Он никогда не водил сюда девушек и потому ни разу не задумывался, как все это видится женскому глазу. Внезапно смутившись, он принялся извиняться, но она остановила его улыбкой:

— Все нормально, все хорошо. Ты приличный человек.

От этого его смущение только усилилось, потому что он знал, что уж приличным человеком он точно не был, хотя прежде его это нисколько не волновало.

Он обхватил ее за талию и притянул к себе. Она удивленно пискнула.

---

* Департамент полиции Нового Орлеана.

— Нет, я неприличный мальчик, — сказал он, пытаясь быть игривым, но чувствуя, что его слова прозвучали скорее как признание. Он почувствовал злость оттого, что сказал это, и сожаление из-за того, что повел себя так развязно. Он не хотел, чтобы эта девушка воспринимала его таким. Не хотел, чтобы она оказалась из тех, кого привлекают только наглецы и грубияны.

Но она просто улыбнулась и положила ему на щеку ладонь.

— Меня не обмануть, — сказала она низким хрипловатым голосом. — Ты мой приличный, хороший мальчик.

Дэнни умел трахаться, умел получать то, чего хотел, и не заботиться о партнерше. Он потерял счет «арестам» за проституцию — девицам, которые платили штраф непосредственно ему или ртом, или раздвинутыми ногами. Он уже забыл, когда последний раз заботился о том, чтобы и партнерша получила наслаждение, и чувствовал себя как неловкий девственник, прикасаясь к Делии, стыдясь и придя в ужас, когда его неуверенность превратилась в отсутствие физической реакции.

Но она не стала издеваться над ним и не оскорбилась. Опустив голову, она нежно убеждала его плоть, расслабляя его и возбуждая. И прежде чем ее усилия оказались бы напрасными, он перевернул ее на спину и ответил ей такой же лаской. На вкус она была сладкой, дикой, — и когда она вцепилась пальцами в простыню и издала крик, он почувствовал наслаждение, почти соизмеримое с тем, что испытывала она. Когда она лежала, обессиленная и вздрагивающая, только тогда он лег на нее и разрядил наконец и собственное напряжение, пребывая в неземном восторге от того, как она обвила его руками и ногами и, крича, повторяла его имя.

После этого он тесно прижал ее к себе, гладя волосы, а ее дыхание согревало его грудь, и он впитывал почти незнакомое ощущение безопасности и целостности. Ощущение счастья.

На следующую ночь они прогулялись к тому, что осталось от Миссисипи, идя вверх по реке и постояв на причале, где еще три года назад паром к Кэнэл-стрит загружал и разгружал тысячи автомобилей и людей. Здесь у реки был более живой характер из-за изгиба и того, как отложился ил у берега. Вокруг холмиков речной грязи вились течения, но Дэнни воспринимал это как пожилую женщину, которая пытается показать, что она еще молода и привлекательна. *Посмотри на меня*, казалось, го-

ворила река, *я еще могу, я все еще заводная девчонка*. Через несколько лет ила накопится больше — и река опустится еще ниже, оскорбленная тем, что ее никто не ценит.

— Когда я был маленьким, мама водила меня гулять на дамбу, почти каждое воскресенье, — сказал Дэнни Делии. — Мы садились и смотрели, как вверх и вниз по реке шли корабли и баржи, и придумывали истории о том, что они везут и куда направляются.

— Мило, — сказала она, наклонив голову, чтобы посмотреть на него.

— Да. Это было здорово. Она брала с собой сэндвичи и чипсы, и мы устраивали пикник.

Она прислонилась к нему.

— Твои родители до сих пор живут здесь?

— Папа ушел от нас, когда мне было лет шесть, — сказал он. — Мама умерла десятью годами позже. Рак.

Он пожал плечами, показывая, что все это его уже давно не ранит. Он хотел сказать ей, что рассыпал прах матери над рекой, или над дамбой, или где-то еще, где это имело бы символический характер, но правда заключалась в том, что он даже не забрал урну с прахом из похоронной фирмы. Его не заботило, что случилось с прахом, — не потому что он не любил маму, просто подумал, что это еще одна из тех тупо-сентиментальных вещей, которые кажутся людям столь важными.

Он посмотрел на остов корабля, почти полностью искромсанного сварщиками. Вот на что это похоже. Никого не заботит, куда пойдет металл. Корабль-то никто не собирается восстанавливать.

— А ты помнишь, где ты был, когда это случилось? — спросила она, и в первый момент он подумал, что она говорит о смерти его матери.

— Ты имеешь в виду Поворот? — спросил он, чтобы быть уверенным, о чем идет речь. Она кивнула. — Конечно, — сказал он, лихорадочно думая.

Штука была в том, что он не помнил. Работал, наверное. Или сидел дома. Прошло не меньше недели, пока до горожан начало доходить, что ничто уже не будет прежним, но и тогда, насколько он помнил, это его не расстроило и не напрягло. Непостоянная сука-река удрала, возвращаться она не собирается, и нечего тут голову ломать.

— На вызове по поводу бытового насилия, — решил сказать он. — Я как раз надевал наручники на мерзавца, который бил жену, когда мой партнер сказал мне, что водослив разрушен и река меняет курс.

Она посмотрела на него, словно ожидая, что он добавит что-нибудь еще. Он подумал, что, может, стоило придумать еще какую-нибудь хрень, расцветить ее парой деталей, рассказать ей, что мужчина работал на корабле, вернулся домой и обнаружил жену, которая трахалась с любовником. Или рассказать ей, что он давал пощечины жене в присутствии их шестилетнего сынишки, а выйдя из тюрьмы под залог, прыгнул на другой корабль — и больше не возвращался.

Нет, решил Дэнни. Лучше оставить так, как сказал. Он твердо выучил одну вещь благодаря тем, кого арестовывал: большинство из них погорели на том, что лепили слишком неправдоподобные истории. Надо врать короче и проще. Меньше шансов споткнуться.

— Ну а ты где была? — спросил он.

Делия заморгала, поджала губы.

— В приемном покое «скорой» со своей соседкой. Она... упала и сломала запястье. И я в комнате ожидания играла с ее дочкой, когда об этом сообщили по ТВ.

Она снова повернулась к воде, потирая руки, замерзшие на ветру.

— Интересно, какое имя они ей придумают?

Он обнял ее, прижал к себе и улыбнулся, когда она обхватила его рукой.

— Было бы неправильно не назвать ее Миссисипи.

Она мотнула головой:

— Но Миссисипи ушла. Бросив нас. Теперь она часть Атчафалайи.

— Ты считаешь, городу нужно просто забыть обо всем и жить дальше? — спросил он со снисходительной улыбкой.

Она тоже улыбнулась:

— Городу реку не вернуть. Новому Орлеану пора перестать быть впавшим в депрессию брошенным бойфрендом. Ему нужно принять душ и снова ходить на свидания. Он может стать лучше, чем был.

Он хохотнул и прижал ее к себе крепче, но думал он сейчас о людях типа Питера и их планах относительно города. Никто

не будет делать его чище. И он не станет лучше, во всяком случае, для тех, кто не стоит у руля. Единственное, что еще осталось у города, — это туризм, а заправилы не собираются делать его «ориентированным на семью» со всей прочей хренью.

Городской совет рано или поздно поддастся давлению. Новый Орлеан продаст себя, наполнится десятками казино, барами и проститутками. При этой мысли он опечалился, и это его удивило. Как раз такой город подошел бы ему и его темпераменту.

— Новый Орлеан станет шлюхой, — сказал он скорее себе, чем ей.

— Не станет, если хоть что-то будет зависеть от меня, — пробормотала она, потом вздохнула и положила голову ему на плечо. Дэнни подумал: а знает ли она, что от нее ничего не зависит и ничто не может остановить процесс скатывания города в тотальное распутство и коррупцию? Против нее играет слишком много игроков. От того, что он это знал, у него желудок сводило. Знал Дэнни и то, что он один из них, и то, что не уверен, что может заниматься чем-то другим.

Неделю спустя он встретил ее как обычно, но ее приветственный поцелуй был каким-то рассеянным, а улыбка вымученной. Он спросил ее, что случилось, но она отрицательно помотала головой.

— Пустяки, — упрямо повторяла она. — Просто один тип попросил меня сделать то, чего я не делаю.

Прежде чем он начал пыжиться, готовясь броситься на защиту своей женщины, она положила ладонь ему на грудь и улыбнулась такой улыбкой, которая всегда касалась самых глубин его существа, и улыбка эта говорила ему, что кем бы и чем бы ни была эта женщина, он для нее остается особенным мужчиной, сильным благородным.

— Все хорошо, — убеждала она его, хотя тень сомнения коснулась уголков ее губ.

Сомнение осталось в ее потемневших глазах и ссутулившихся плечах. Временами ему казалось, что она вот-вот заплачет. Понадобилось несколько дней, чтобы вытянуть из нее правду, терпеливо устранить все ее отрицания, фальшивые улыбки и уверения в том, что «все хорошо». Он не был самым честным полицейским в округе, но тем не менее знал, как докопаться до правды.

— Есть один тип, — наконец призналась она, когда они лежали на его кровати и голова Делии покоилась на его груди. Девушку внезапно передернуло от отвращения. — Он богат и влиятелен, потому владельцы клуба не вышвыривают его вон.

Она подняла голову, заглянула ему в глаза.

— Дело не в том, что он дрянь или ублюдок. Но он *хочет* меня. — Она сглотнула слюну, потом сделала попытку рассмеяться. — Так эгоистично, что даже смешно, да?

Он улыбнулся, убрал волосы с ее лица.

— Мне так не кажется. Я вполне понимаю его: тебя невозможно не хотеть.

Делия снова положила голову ему на грудь, прижавшись к нему всем телом.

— Он хочет, чтобы я стала его девушкой. Я сказала ему, что мне это не интересно. — Она вздохнула. — Уверена, что все это пройдет и забудется, но пока что он ужасно назойлив. И он... ох...

— Отвратный тип?

— Нет, не это. Он ухожен, выглядит достойно. Но то... То, как он воспринимает остальных. Как вещи, которые можно использовать. Это неприятно.

Он обнял ее, прижал к себе и стал нежно целовать в макушку, в то время как напряжение сводило все его нутро.

— Кто он, этот тип? — спросил он, хотя уже чувствовал, о ком идет речь. — Я позабочусь обо всем этом.

Она снова подняла голову, на сей раз нахмурившись:

— Я не хочу, чтобы ты увечил кого-то ради меня.

— А я и не буду, — соврал он. Дэнни прекрасно умел заметать следы. Только бы это был не Питер. Пожалуйста, только не Питер. — Скажи, как его зовут. Я постараюсь сделать так, чтобы он понял: тебя трогать нельзя. Сделаю это мило и по-дружески.

Питер, услышав стук, открыл дверь своего кондоминиума, и улыбка искривила его губы, когда он увидел, что на пороге стоит Дэнни.

— Приятный сюрприз. Входи.

Дэнни коротко кивнул и вошел.

— Мне надо с тобой поговорить.

— Всегда к услугам друзей, — сказал Питер, закрывая дверь. — Кстати, я так и не поблагодарил тебя за то, что ты уладил эту проблему с букинистом.

Он прошел на кухню, достал две чашки из шкафчика.

— Не знаю, что уж ты там ему сказал, но он убрался прочь и не пискнул.

Он налил кофе себе и вопросительно взглянул на Дэнни.

— Приятно, когда люди делают то, что им сказали. От этого всем легче жить. Кофе?

Дэнни коротко кивнул. Он понял, что Питер знает, для чего и почему он здесь. Он ждал его. Дэнни взял протянутую ему чашку и заставил себя отпить глоток горького напитка.

— Я много для тебя сделал, — начал он и замолчал. В данной ситуации это не играло никакой роли. Он заранее обдумал речь, готовился, колотя себя в грудь, разглагольствовать на тему «оставь мою женщину в покое», но один взгляд в глаза Питера дал ему понять, что это неверный путь, что это бессмысленно. Он сглотнул, пытаясь избавиться от горечи во рту, потом сделал глубокой вдох.

— Послушай, есть девушка, которая мне всерьез нравится. Делия. Она, кгм, говорит, что ты приглашал ее на свидание, и я хотел поговорить с тобой, как мужчина с мужчиной: оставь ее в покое.

Сказав это, он преисполнился ненавистью к себе. Это не было разговором «мужчины с мужчиной». Это был пес, елозящий на брюхе у ног хозяина.

Питер нахмурился поверх своей чашки.

— Делия? Это та стриперка, на которую ты запал?

— Мы встречаемся, — сказал Дэнни, не разжимая челюстей.

Собеседник приподнял бровь.

— Вот как? В клубе она была со мной очень мила. — Он хохотнул, помотал головой. — Но это же ее работа, верно? И должен тебе сказать — она хороша. Я почти поверил, что она действительно рада видеться со мной каждую ночь.

— Да, — выдавил из себя Дэнни. — Она хороша. И нам хорошо... вместе. Я прошу тебя, отступись. — Он не знал, что Питер так часто ходит в клуб. Сколько раз он был с Делией в приватной комнате, пока Дэнни ждал, как верный щенок, в баре по другую сторону улицы?

— Для тебя — безусловно, — сказал Питер, великодушно кивнув. — Желаю вам обоим счастья. — Отхлебнув кофе, он подошел к окну, чтобы посмотреть на грязное болото, которым когда-то была река. — Надеюсь лишь, что она не получит более выгодное предложение. — Он взглянул на Дэнни. — Или, даже получив, не примет его.

— Верно, — сказал Дэнни. — Я ценю то, что ты это понимаешь.

Питер поставил чашку на столик у окна.

— Кстати, финальное голосование насчет мини-казино уже послезавтра. Мне нужно, чтобы ты придавил советника Нэйгла. Прихвати его на чем-нибудь. — Его улыбка стала шире. — Может, твоя Делия тебе с этим поможет. — Он пожал плечами. — Или нет. Лучше не смешивать дело и удовольствие, верно?

— Верно, — повторил Дэнни. Это был вызов, игра мускулами. Питер хотел знать, насколько он может доверять ему. Хотел знать, как далеко может зайти Дэнни, чтобы сохранить влияние Питера, которое так долго его защищало.

Но Дэнни также знал, что это уже не важно. Слишком поздно. Дэнни попытался оскалить зубы. И с сегодняшнего дня Питер будет жить с оглядкой, выжидая момент, когда можно будет швырнуть Дэнни на съедение волкам, а самому остаться с чистыми руками.

Дэнни нужно было найти способ предупредить действия Питера.

Он коротко кивнул:

— Понял. Я этим займусь.

Улыбка Питера стала шире.

— Ты настоящий друг. Передавай привет Делии.

Следующая неделя выдалась тихой и спокойной. Дэнни готовился к очередному вызову Питера, намечая записать их разговор или собрать все, что удастся, — но пока его телефон молчал. Делия каждую ночь проводила в его квартире, возвращаясь к себе, только чтобы переодеться и полить цветы. Она рассказала ему, что Питер перестал появляться в клубе, и хотела знать, что Дэнни сделал. Он просто улыбнулся и сказал:

— Тебе лучше не знать.

Он не мог рассказать ей, что не сделал ничего, кроме того, что ползал на брюхе, и единственная причина, по которой Пи-

тер оставил ее в покое, заключалась в том, что это устраивало Питера — на некоторое время.

И, как Дэнни и опасался, это «некоторое время» длилось недолго.

— Он вломился ко мне в квартиру! — сказала она, как только он открыл дверь и увидел ее, стоящую на пороге. Ее нижняя губа дрожала, а глаза были красными от слез. Он быстро втащил ее внутрь, посадил на диван и держал, прижав к себе, пока она рассказывала ему все.

Питер предъявил ей ультиматум — или она будет с ним, или он не только выдворит ее из клуба, но и сделает все, чтобы в этом городе она больше нигде не смогла найти работу.

— Я не знаю, что мне делать, — сказала она, настолько расстроенная и сломленная, что у него защемило сердце — такой он ее никогда не видел. — Я не могу... Я не уеду из Нового Орлеана. Он слишком дорог для меня. — Делия подняла глаза. — Такие типы, как он, уничтожают мой город. Я ненавижу это. Я ненавижу их всех!

У Дэнни вспотели ладони. Он мог бы убить Питера. Есть сотня способов сделать это, инсценируя несчастный случай или самоубийство. Дэнни мог пойти к федералам и рассказать им обо всех махинациях Питера, которые были ему известны.

— Я займусь этим, — сказал он, целуя ее. Потом встал, но она поймала его за руку.

— Я не хочу, чтобы у тебя были проблемы, — сказала она, глядя на него расширившимися от испуга глазами.

— Со мной все будет в порядке. Обещаю. — Он мягко высвободил руку. — Можешь рассчитывать на меня.

Дэнни прошел по Шартрез-стрит к Дюмен, по направлению к Джексон-сквер, где понаблюдал, как голуби слетаются к бомжу с сумкой засохшего хлеба. Группа уличных актеров бодро демонстрировала свои номера, натужно улыбаясь жиденькой струйке туристов, проходящих мимо, и игнорируя его, потому что он явно был местным и тратить на него энергию фальшивого дружелюбия не имело смысла.

Питеру Беннету не жить, сказал он себе. Это был единственный выход. Идти к федералам — не вариант. Все, что Дэнни скажет им, утопит его точно так же, как Питера, к тому же у него не было никаких доказательств, кроме собственных слов.

День превращался в сумерки, а он все сидел на скамейке в парке, взвешивая свои шансы, планируя свои шаги. Когда стало совсем темно, он пошел вдоль по Декатур, остановился у низкопробного магазинчика со всякой хренью для туристов и купил бейсболку. После этого срезал дорогу, пройдя по набережной, вошел в здание Питера и поднялся на лифте на его этаж, натянув бейсболку как можно ниже, чтобы его лицо не попало в камеры.

Когда он позвонил, Питер открыл дверь, приподняв брови: он был слегка удивлен появлением Дэнни. Он бросил взгляд на бейсболку и тут же перевел его на лицо Дэнни.

— Ты в порядке? Ты как будто чем-то расстроен.

— Да, — ответил он. — Немножко. Можно войти?

— Конечно. — Питер отступил в сторону, закрыв за собой дверь. Дэнни обвел кондоминиум взглядом. Никого, кроме них. И никого на этом этаже, кстати говоря. Никто не видел, как он входил. Он отлично все спланировал. Выдвижная дубинка в кармане, чтобы уложить Питера и потом инсценировать неудачное падение в душевой кабинке. Такое дело вряд ли будут рассматривать как убийство, даже при надлежащем расследовании.

Питер облокотился на стойку, бесстрастно поглядывая на Дэнни. Может быть, он знал, зачем пришел коп. Вероятно, знал. Он должен был знать, что рано или поздно до этого дойдет.

— Чуть не забыл, — внезапно произнес Питер, отодвигая стойку и направляясь к письменному столу. — Забыл передать тебе деньги, которые ты, э, просил взаймы.

Пот заструился по спине Дэнни, и его рука потянулась к пистолету. Это было бы идеально. Питер вытаскивает пушку из ящика стола, и Дэнни убивает его: самозащита.

Но Питер вынул из ящика толстый конверт. Дэнни — его сердце колотилось в сбивчивом ритме — опустил руку раньше, чем Питер успел заметить движение. Этот тип просто собирался заплатить ему за то, что он прихватил на этой неделе члена городского совета Нэйгла с проституткой. Нэйгл предпочел дать согласие на то, что будет голосовать за предложение Питера, нежели проходить через унизительную процедуру ареста, и в результате покерное казино было одобрено — несомненно, лишь первое из многих, которые последуют за ним.

Питер протянул ему конверт.

— Думаю, ты будешь рад. Я, во всяком случае, доволен. И кстати, отличная работа.

Несколько секунд Дэнни не двигался, потом шагнул вперед и взял конверт. Открыв его, он увидел, что внутри по меньшей мере десять штук.

Дэнни закрыл конверт и сунул его в карман пиджака.

— Благодарю, — сказал он голосом, который даже ему самому показался странным. Он не будет убивать Питера. Существуют ведь и другие варианты. Он увезет Делию отсюда. Убедит ее уехать. Они могут начать с нуля где-нибудь еще. Подальше от этого раздолбанного города. Подальше от Питера.

— Заходи на следующей неделе, — сказал Питер. — Есть разговор. — Он помолчал. — Тебе стоит как-нибудь заглянуть вместе с Делией. Или вы уже разбежались?

Он поднес ко рту бутылку воды и пил, не сводя с Дэнни глаз.

— Нет, — ответил Дэнни, чувствуя вес вопроса, прозвучавшего как утверждение.

Его собеседник осклабился:

— Очень мило! Как думаешь, долго это у вас продлится?

Дэнни понял, что сейчас он говорит не о Делии. Питер играл с ним, желая знать, как долго будет вспыхивать в нем этот маленький огонек бунтарства, прежде чем Дэнни успокоится и станет снова хорошо себя вести.

Как та псина в кафе, которая поползла на брюхе, вместо того чтобы напасть. Псина небось уже сдохла, подумал Дэнни, или по крайней мере до сих пор голодная, крадется по городу, согласная получить пару пинков в обмен на объедки.

Ползания на брюхе больше не будет. Не будет и объедков.

— Навсегда, — ответил он. Отработанным движением вынул дубинку из кармана и одним щелчком вытянул ее во всю длину. Оскалил зубы и шагнул к Питеру, наслаждаясь страхом на его лице — еще бы, пес наконец решил атаковать хозяина.

Он позвонил ей из лифта и попросил встретить его у парома на Кэнэл-стрит. Он был уверен, что опередит девушку, но когда появился на причале, то увидел ее, облокотившуюся на поручни в самом конце и смотрящую на ползущую по грязи реку и мерцание огней машин на мосту.

Напряжение, о котором он даже не подозревал, исчезло. Частью своего существа он не был уверен, что она придет,

боялся, что Делия смирится с потерями и оставит его. Но сейчас он понял, что она знала, куда он ходил, и ждала его неподалеку.

Услышав звук его торопливых шагов, она обернулась и ждала, пока он подойдет.

— Дэнни?.. — сказала она, протягивая руку, чтобы коснуться его лица. — Что происходит?

Он взял ее ладонь своей и поцеловал ей руку.

— Я люблю тебя, бэби. Я всю жизнь буду оберегать тебя, клянусь.

Она резко выдохнула:

— Боже! Что ты сделал?

— Все нормально, — сказал он. — Клянусь. Я... я в порядке.

Она закусила губу, потом закрыла глаза и обняла его, крепко обхватив руками.

— Да, ты в порядке.

Он опустил голову и вдыхал ее запах, чувствуя, как дерьмо, что накопилось за всю его жизнь, уносится прочь.

— Давай уедем, — сказал он. — Давай оставим этот город навсегда и начнем где-нибудь в другом месте. — Он не хотел оставаться, но знал и то, что не может бросить ее здесь. Она кончит тем, что станет такой же потасканной и сломленной, как другие девицы... Но даже думая об этом, он знал, что это жалкое оправдание, знал, что он не настолько силен, чтобы уехать без нее. Но, может быть, если бы они уехали вместе, начали с нуля... то, возможно, он сумел бы обрести цельность.

Она резко отодвинулась, на ее лице отразились шок и разочарование.

— Ты хочешь, чтобы я уехала? Я не могу!

— Это всего лишь город, бэби, — сказал он, держа ее лицо в своих ладонях. — Всего лишь здания, и улицы, и дерьмо, и ублюдки.

— Нет. Это гораздо б о л ь ш е. — Она попыталась покачать головой. — В этом городе есть д у ш а, богатая и чудесная. Мы пережили Катрину, переживем и это. Мы... Я... должна остаться. Как ты этого не понимаешь?

Она отвела его ладони от своего лица, но продолжала держать их.

— О, Дэнни, — выдохнула она. — Питера больше нет. Ты больше не обязан быть тем, кем был.

До него дошло, что она знает, и последняя ниточка напряженности исчезла. Она з н а е т, что он убил Питера, понимает, как далеко ради нее он может зайти... и не испытывает отвращения.

— Нет. Я могу стать лучше, — настаивал он. — Я м о г у... если я с тобой. — Он сжал ее ладони. — Но не здесь. Здесь ничего не получится. Новый Орлеан умер, когда ушла река. И здесь всегда будут такие же типы, как Питер, жаждущие заработать на обломках. Они порвут этот город на куски и загребут себе все, что смогут, и им плевать, по кому проедется каток.

В темноте он не видел выражения ее лица, но услышал ее вздох, показавшийся ему вздохом покорной обреченности. Может, она начинает видеть реальность его глазами?

— Деньги у меня есть, — сказал он. — Мы можем уехать в Лафайет. Начать с нуля. И мы будем вместе.

Зазвонил его телефон, и он выругался, увидев, что это детектив Фарбер. Дэнни похолодел. Неужели Питера уже нашли?

— Подумай об этом, — беззвучно, одними губами сказал он Делии, отошел на пару шагов и нажал кнопку приема.

— Врубись, — сказал Фарбер безо всяких преамбул. — Пушка Эрнста совпала с пулями, найденными в теле Джека-Ди.

Джек-Ди, сутенер еще более гнусный, чем Джимми Эрнст, специализировался на девочках, которые не просто в ы г л я д е л и очень юными, но б ы л и такими. Его нашли в конце Бейсин-стрит за день до того, как выловили Эрнста из грязи.

— Готов поспорить, что ребята Джека-Ди грохнули Эрнста в отместку, — продолжал детектив. — Во всяком случае, у нас на руках достаточно улик, чтобы закрыть оба дела.

— Да, — сказал Дэнни. — Это хорошо. Давай займись.

Он дал отбой, посмотрел на реку и нахмурился. Чтобы такой ссыкун, как Джимми, уложил Джека-Ди? Бессмыслица. Нелепо предполагать и то, что у кого-то хватило дури прикончить Джимми из мести. Легкое дуновение беспокойства поднялo дыбом волосы на его шее. Делия знала, что Питер мертв. Что, если она х о т е л а, чтобы Дэнни убил его?

Он начал поворачиваться к Делии и почувствовал прикосновение к своей шее двух заостренных металлических штырьков — за мгновение до того, как молния прошила его тело. Он упал на бетон дока, а боль танцевала на окончаниях всех его

нервов, пока он сражался за то, чтобы восстановить контроль за мышцами.

Она наклонилась, сунув «Тазер» в свою сумочку, приподняла его и прислонила к ограждению. Она была сильной — мускулы танцовщицы сработали как надо, когда она сбросила его через ограждение в ил, уже ждавший внизу его тела.

Он упал на спину. Сила удара вышибла из него дыхание, но жидкая грязь с готовностью расступилась под тяжестью его тела. Девушка перегнулась через ограждение. Когда он тонул в грязи, их взгляды встретились.

Делия посмотрела на часы, подождала, наблюдая, как река ползет вдоль берегов, и издала вздох облегчения. Где-то вдалеке раздался скрежет металла, когда какой-то корабль накренился с приливным подъемом воды. Луна укрыла реку мягким серым покрывалом — элегантную леди, устраивавшуюся на отдых.

Она посмотрела вниз, на речной ил. Ни кругов, ничего, что потревожило бы ее поверхность. Она с сожалением вздохнула.

— Ты был хорошим парнем, Дэнни, — пробормотала девушка, и печальная улыбка коснулась ее губ. — Лучшим из всех.

ДИАНА ГЭБЛДОН

Автор бестселлеров списка «Нью-Йорк таймс» Диана Гэблдон — обладатель премий «Квилл» и «РИТА», которые вручаются Ассоциацией Романтических Писателей Америки. Она — автор невероятно популярной серии романтических приключений во времени серии «Чужестранка», международных бестселлеров, включающих в себя такие книги, как «Чужестранка», «Стрекоза в янтаре», «Путешественница», «Барабаны Осени», «The Fiery Cross», «A Breath of Snow and Amber» и «An Echo in the Bone». Ее исторические серии о необычных приключениях лорда Джона включают в себя романы «Lord John and the Private Matter», «Lord John and the Brotherhood of the Blade», книжку-новеллу «Lord John and the Hell-Fire Club» и коллекцию рассказов о Лорде Джоне — «Lord John and the Hand of Devils». Ее последние романы — две новых книги о Лорде Джоне: «The Scottish Prisoner and Red Ant's Head», а также сборник романов «A Trail of Fire». Путеводитель по ее книгам и отзывы о ее работах содержатся в книге «The Outlandish Companion».

В динамичном рассказе, который печатается ниже, молодой Джейми Фрейзер, некогда ставший одним из героев книг о Чужестранке, вынужден покинуть свой дом в Шотландии и отправиться бродить по миру, где его ждет множество приключений, иногда приятных, иногда решительно неприятных — и временами опасных и темных.

ДЕВСТВЕННИКИ

Октябрь, 1740
В районе Бордо, Франция

Иэн Мюррей в ту же секунду, когда увидел лицо своего лучшего друга, понял, что произошло нечто страшное. Тот факт, что он вообще видел Джейми Фрейзера, уже служил тому доказательством, не говоря уже о внешнем виде Джейми.

© Diana Gabaldon, 2013; © пер., примеч. В. Вершовского, 2014.

Он стоял у вагончика оружейника, в руках у него было полно всякой всячины, которую Арман только что вручил ему. Он был белым как молоко и раскачивался взад-вперед, как тростник на Лох-О. Иэн в три шага дошел до друга и взял за руку, помешав ему упасть.

— Иэн. — Джейми, казалось, испытал такое облегчение при виде него, что Иэну показалось, что он вот-вот расплачется. — Боже, Иэн!

Иэн сжал Джейми в объятиях и почувствовал, как тот застыл и задержал дыхание в тот же момент, когда он ощутил бинты под рубахой Джейми.

— Боже, — начал было он, но потом прокашлялся и сказал: — Господи, старина, как я рад тебя видеть. — Он осторожно похлопал Джейми по плечу и отпустил его. — Тебе не помешало бы перекусить, а? Пошли.

Было ясно, что сейчас они не смогут переговорить, но он кивнул Джейми, взял половину оружия из его рук и повел к костру, чтобы представить остальным.

Джейми выбрал подходящее время дня, чтобы появиться, подумал Иэн. Все устали и были рады присесть в ожидании ужина и дневной порции выпивки. Всегда готовые поразвлечься с новой рыбешкой, но без огонька, необходимого, чтобы придать этому развлечению силовой характер.

— Вот тот, там — Большой Жорж, — сказал Иэн, бросая на землю оружие Джейми и жестом указывая на дальний край кострища. — Рядом с ним маленький парень с бородавками — Хуанито, по-французски говорит еле-еле, английским вообще не владеет.

— А кто-нибудь из них говорит по-английски? — Джейми тоже бросил на землю оружие, которое держал в руках, рассеянно заткнув нижний край килта между колен. Его взгляд быстро пробежал по кругу, и он кивнул присутствующим с робкой полуулыбкой.

— Я говорю. — Капитан, облокотившись на своего соседа, протянул Джейми руку. — Я *le capitaine* — Ришар д'Эглиз. Можешь звать меня Капитаном. Ты выглядишь крепким парнем, который может быть полезен. Твой друг сказал, что твоя фамилия Фрейзер?

— Джейми Фрейзер, ага. — Иэн был рад видеть, что Джейми твердо встретил взгляд Капитана и смог собраться с силами, чтобы пожать протянутую руку с должной энергией.

— Умеешь обращаться с клинком?

— Умею. Так же как и с луком. — Джейми взглянул на лук со спущенной тетивой, лежавший у его ног, и на топор с короткой ручкой рядом с ним. — С топором дела иметь не приходилось, разве что дрова рубить.

— Это хорошо, — вставил по-французски один из сидевших. — Для этого ты им и воспользуешься. — Несколько его соседей рассмеялись, показав тем самым, что они по меньшей мере в достаточной степени понимают английский, независимо от того, хотят они на нем говорить или нет.

— Я вступил в отряд солдат или угольщиков? — спросил Джейми, приподняв бровь. Он произнес это на французском — очень хорошем французском, с легким парижским акцентом, — и несколько пар глаз удивленно округлились. Иэн наклонил голову, пряча улыбку. Он улыбался, несмотря на волнение за своего друга. Паренек мог вот-вот упасть лицом в костер, но никто — кроме разве что Иэна — не догадался бы об этом. Джейми скорее умер бы, чем выказал слабость.

Иэн, однако, это *знал*, и поэтому искоса поглядывал на Джейми, вдавливая хлеб в его руку, чтобы остальные не заметили, как дрожит эта рука. И сел он поближе к другу, чтобы поймать его, если он и в самом деле отключится. Свет дня сделался серым, облака с мягким розоватым подбрюшьем висели низко над землей. Похоже, к утру будет дождь. Он видел, как Джейми на мгновение закрыл глаза, видел, как движется его кадык, когда он с усилием глотал пищу, чувствовал, как дрожало бедро Джейми рядом с его ногой.

Что, черт дери, происходит? — с беспокойной тоской подумал он. — *Почему ты здесь?*

Только когда все улеглись спать, Иэн получил ответ на свои вопросы.

— Я разберусь с твоим оружием, — шепотом сказал он Джейми, вставая на ноги. — А ты побудь у костра чуть подольше, отдохни малость, ага? — Пламя костра бросало красные отблески на лицо Джейми, но Иэну казалось, что лицо его друга все еще оставалось бледно-белым как простыня; да и съел он всего ничего.

Возвращаясь, он заметил темные пятна на спине рубашки Джейми — там, где кровь просочилась сквозь бинты. Это зрелище наполнило его яростью и страхом. Он и прежде видел та-

кие вещи: паренька хлестали бичом. Жестоко. Совсем недавно. Кто? Как?

— Ну, пошли, — сказал он резко и, наклонившись, просунул руку под мышку Джейми, помогая встать и уводя друга от костра и прочих мужчин. С нарастающей тревогой он ощутил влажность ладони Джейми и прерывистость его дыхания.

— Что? — требовательно спросил он, когда они отошли на достаточное расстояние. — Что случилось?

Джейми внезапно опустился на землю.

— Я думал, человек становится наемником, потому что не хочет, чтобы ему задавали вопросы.

Иэн фыркнул, показывая, чего стоит такое заявление, и с облегчением услышал в ответ тихий смех.

— Идиот, — сказал он. — Хочешь глотнуть спиртного? В моем вещмешке целая бутылка.

— Не отказался бы, — пробормотал Джейми. Лагерь располагался на краю маленькой деревни, и д'Эглиз договорился с местными насчет пары коровников, но было не холодно, и большинство его людей предпочли спать у костра или в поле. Иэн сложил их оружие в некотором отдалении от костра, укрыв на случай дождя под платаном, стоявшим на краю поля.

Потом он откупорил бутылку виски — хорошим то не было, зато было действительно виски — и сунул ее под нос другу. Однако когда Джейми потянулся за ней, резко отвел руку в сторону.

— Ни глотка, пока не расскажешь мне всё, — сказал он. — И ты расскажешь мне всё сейчас, *карэйд**.

Джейми сидел сгорбившись — бледное пятно на земле — и молчал. Когда наконец слова прозвучали, они были произнесены так мягко, что Иэну на мгновение показалось, что на самом деле он их не слышал.

— Мой отец мертв.

Он пытался убедить себя, что не слышал этого, но слышало его сердце — и сейчас оно замерло в его груди.

— О Господи, — прошептал он. — О Боже, Джейми. — Теперь он стоял на коленях, с силой прижимая голову Джейми к своему плечу, стараясь не прикасаться к израненной спине

* Шотландское произношение кельтского слова «charaid» — «друг, дружище».

друга. Его мысли путались, но одно было очевидно: Брайан Фрейзер не умер своей смертью. Будь оно так, Джейми был бы в Лэллиброке. А не здесь и не в таком состоянии.

— Кто? — хрипло спросил он, слегка ослабив хватку. — Кто убил его?

Молчание. Потом Джейми глотнул воздуха с таким звуком, словно рвалась ткань.

— Я, — сказал он и начал плакать, сотрясаясь в беззвучных, раздирающих душу рыданиях.

Потребовалось порядочно времени, чтобы вытянуть из Джейми детали — и неудивительно, подумал Иэн. Он тоже не захотел бы говорить о таких вещах или помнить о них. Английские драгуны, явившиеся в Лэллиброк грабить и жечь, увели Джейми с собой, когда он попытался драться с ними. И вот что они сделали с ним потом, в форте Уильям.

— Сотня плетей? — переспросил он с недоверием и ужасом. — За то, что ты защищал свой д о м ?

— На первый раз только шестьдесят. — Джейми вытер нос рукавом. — За побег.

— Н а п е р в ы й р а ... Господи Боже, старина! Что... Как...

— Может, отпустишь мою руку, Иэн? У меня хватает синяков, мне не нужно новых.

Джейми издал короткий смешок, и Иэн поспешно отпустил его руку, но не дал себя отвлечь.

— Почему? — спросил он низким и гневным голосом. Джейми снова вытер нос, шмыгнув им пару раз, но его голос стал более твердым.

— Это была моя вина, — сказал он. — Это... Как я и сказал раньше. О моем...

Ему пришлось остановиться, сглотнуть слюну, но он продолжал рассказ торопливо, словно стараясь выбросить из себя слова раньше, чем они вопьются в сердце.

— Я пререкался с командиром. Гарнизона то есть. И он... но это не важно. То, что я сказал, дало ему повод бичевать меня снова, и тут папа... Приехал папа. В форт Уильям, попытаться меня освободить, но он не смог, и он был там, когда они... делали это.

Иэн слышал, что голос Джейми пресекается, и понял, что тот снова плачет, пытаясь сдерживать слезы. Он положил ла-

донь на колено паренька и сдавил его, не сильно, просто для того, чтобы Джейми знал, что он здесь, что он слушает.

Джейми сделал очень глубокий вдох и закончил рассказ:

— Это было... тяжело. Я не кричал, не подал и виду, что мне страшно, что я могу держаться на ногах. Но после половины ударов я упал на столб и просто висел на веревках, понимаешь, а кровь... текла по ногам. Они даже подумали, что я умер, — и папа, наверное, подумал так же. Мне рассказали, что он прямо в тот момент поднес руку к виску, издал слабый звук, и потом... потом он упал. Говорят, апоплексический удар.

— Святая Мария, Матерь Божья, смилуйся над нами, — сказал Иэн. — Он... умер прямо там?

— Я не знаю, был ли он мертв, когда его подняли, или еще немного жил после того. — Голос Джейми был глух и безутешен. — Я ничего об этом не знал. Никто ничего не рассказывал мне до тех пор, пока дядя Дугал не забрал меня. — Он кашлянул и снова провел рукавом по лицу. — Иэн... Может, отпустишь мое колено?

— Нет, — мягко сказал Иэн, хотя все-таки убрал руку. Но только для того, чтобы заботливо обнять Джейми. — Нет, не отпущу, Джейми. Терпи. Просто... терпи.

Джейми проснулся с пересохшим горлом, отупевший, с глазами, опухшими от комариных укусов. Вдобавок шел дождь, мелкая морось, падавшая между листьев над его головой. Но, несмотря на все это, он чувствовал себя лучше, чем за все последние две недели, хотя не сразу вспомнил почему — и где находится.

— Держи! — Кусок обгоревшего хлеба, натертого чесноком, кто-то сунул ему прямо под нос. Он сел и схватил его.

Иэн. Вид друга был для него одним якорем. Еда в желудке — другим. Он медленно жевал хлеб, оглядываясь вокруг. Мужчины просыпались, спотыкаясь, отходили в сторону, чтобы помочиться, издавали бурчащие звуки, почесывая головы и зевая.

— Где мы? — спросил Джейми.

Иэн косо посмотрел на него.

— Как, черт дери, ты нашел нас, если не знал, где мы?

— Меня привез Муртах, — пробормотал Джейми. Когда воспоминания вернулись, хлеб у него во рту превратился в клей-

стер. Джейми предпочел бы не помнить. — Он нашел отряд и ушел, сказал, что будет лучше, если я появлюсь один.

На самом деле его крестный сказал: «Теперь молодой Мюррей позаботится о тебе. Поговори с ним. И смотри — не возвращайся в Шотландию. Не возвращайся — ты меня слышишь?» Он слышал. Что не значило, что он слушал.

— А, понятно. А я-то гадал, как ты смог зайти так далеко. — Иэн бросил озабоченный взгляд на дальний край лагеря, где пару дюжих коней подвели к покрытой холстом повозке. — Ты с м о ж е ш ь идти, как думаешь?

— Конечно. Я в порядке, — сердито ответил Джейми, и Иэн снова косо посмотрел на него, еще больше прищурив глаза.

— Ну да, — сказал он недоверчивым тоном. — Ладно. Мы примерно в двадцати милях от Бордо, куда и направляемся. Доставляем эту повозку тамошнему ростовщику-еврею.

— Так в ней полно денег? — Джейми заинтересованно посмотрел на тяжелую повозку.

— Нет, — сказал Иэн. — Там внутри небольшой сундучок, очень тяжелый, может быть, и с золотом, несколько сумок, в которых что-то позвякивает, может быть, и серебро. Но в основном это ковры.

— Ковры? — Джейми удивленно воззрился на друга. — Что за ковры?

Иэн пожал плечами:

— Не знаю. Хуанито говорит, что это турецкие ковры, очень дорогие, но я не уверен, что он знает. Хотя он тоже еврей, — добавил Иэн задумчиво. — А евреи, они... — Он сделал неопределенный жест ладонью с растопыренными пальцами. — Хотя во Франции их уже не преследуют и не превращают в изгоев, а капитан говорит, что их даже не арестовывают, если они сидят тихо.

— И продолжают ссужать деньгами правительство, — цинично добавил Джейми.

Иэн с удивлением посмотрел на него, а Джейми напустил на себя вид умника, вроде как: я учился в парижском университете и знаю больше, чем ты, — будучи уверенным, что Иэн не отвесит ему затрещину после того, как видел его раны.

Иэн, похоже, испытывал такое желание, но ограничился тем, что посмотрел на Джейми, словно говоря: я старше тебя, и ты хорошо знаешь, что у тебя ума не хватит даже на то, чтобы от до-

ждя спрятаться, так что поменьше надувайся. Джейми облегченно рассмеялся.

— Да, верно, — сказал он, наклонившись вперед. — Рубаха у меня сильно кровью испачкана?

Иэн кивнул, надевая пояс с ножнами. Джейми вздохнул и подобрал с земли кожаный колет, который дал ему оружейник. Спину он, конечно, натрет, но Джейми не хотел привлекать к себе внимание.

Ему это удалось. Отряд двигался в приличном темпе, что не могло беспокоить горца, привыкшего бегать по холмам, загоняя оленей. Правда, иной раз голова у него кружилась, сердце начинало колотиться, а тело охватывал жар, — но шатался он не больше, чем другие бойцы, крепко выпившие за завтраком.

Он почти не замечал окружающего пейзажа, но осознавал, что Иэн шагает рядом, и время от времени поворачивался к другу и кивал, показывая, что с ним все в порядке, и стирая с лица Иэна озабоченное выражение. Они оба шли рядом с повозкой, главным образом потому, что Джейми не хотел привлекать к себе внимание, плетясь в хвосте отряда, но еще и потому, что Иэн был на голову выше любого из них, да и шаг у парня был отменный, чем он немножко гордился. Ему не пришло в голову, что, может быть, остальные *не хотят* идти рядом с повозкой.

Первым намеком на неприятности был крик возницы. Джейми тащился с полузакрытыми глазами, концентрируясь на том, чтобы переставлять ноги не спотыкаясь, но вопль тревоги и внезапный громкий звук выстрела заставили его собраться и обратить внимание на происходящее. Из-за деревьев, росших вдоль дороги, вылетел всадник, резко крутнулся, останавливая коня, и разрядил свой второй пистолет в возницу.

— Что за... — Джейми потянулся за шпагой на поясе; еще толком не протрезвевший, он рванулся вперед. Кони ржали и рвались в сторону с дороги, возница, встав на ноги, бранился и натягивал вожжи. Несколько наемников бежали к всаднику, который, обнажив шпагу, скакал им навстречу, лихо размахивая клинком направо и налево. Иэн схватил Джейми за руку и, дернув, развернул к себе.

— Не туда! Назад! — Джейми бегом последовал за Иэном и увидел капитана на коне в арьергарде отряда, посреди свал-

ки. Дюжина незнакомцев с дубинами и клинками размахивала ими во все стороны. Орали все.

— Кэйстел ДХУУУН! — взревел Иэн, поднимая шпагу над головой и обрушивая ее на голову нападавшего. Удар получился скользящим, но человек зашатался и опустился на колени, а Большой Жорж приподнял его за волосы и безжалостно врезал коленом прямо в лицо.

— Кэйстел ДХУУУН! — заорал Джейми так громко, насколько хватало сил, и Иэн на мгновение повернулся к нему, сверкнув улыбкой.

Это было как угон скота, только длилось дольше. Не просто налетел-и-удрал. Защищаться Джейми прежде не приходилось, и эта роль давалась ему с трудом. И все же нападавших было меньше, и они уже отступали, некоторые — поглядывая через плечо и явно подумывая о том, чтобы бежать обратно в лес.

Что они и начали делать, а Джейми стоял, тяжело дыша, взмокший, шпага в его руке, казалось, весила в сто раз больше, чем до начала битвы. Однако он смог выпрямиться и уголком глаза уловил какое-то движение.

— Дхууууун! — заорал он и ринулся, неуклюже и задыхаясь, вперед. Возле фургона появилась другая группа мужчин. Они без лишнего шума стаскивали тело возницы с его сиденья, а один из них ухватился за уздечки мечущихся лошадей, пригибая их головы к земле. Еще двое сорвали с фургона холст и принялись вытаскивать длинный скатанный цилиндр — один из ковров, догадался Джейми.

Он добежал до них вовремя, схватил грабителя, который уже лез в повозку, и, дернув, сбросил его на дорогу. Падая, тот извернулся и приземлился на ноги как кот, с ножом в руке.

Блеснул клинок, отскочив от кожи его колета, и тут же рванулся вверх, пройдя в дюйме от лица Джейми. Он выгнулся назад, едва не потеряв равновесие, но с трудом все-таки удержался на ногах. И тут еще два негодяя бросились на него.

— Я справа, дружок! — внезапно раздался голос Иэна над его плечом, и ни секунды не колеблясь, Джейми повернулся, чтобы разобраться с противником слева от него, слыша тяжелое дыхание Иэна, который наносил удары во все стороны, отбиваясь от наседавших на него грабителей.

Вдруг что-то переменилось — Джейми не мог понять, что именно, но битва внезапно окончилась. Нападавшие словно

растворились, оставив пару своих собратьев валяться на дороге.

Возница не был убит — Джейми видел, как он перекатился на бок, прикрывая рукой лицо. И сейчас сам он сидел в пыли, а черные мушки скакали у него перед глазами. Иэн наклонился над ним, тяжело дыша, уперевшись ладонями в колени. С его подбородка капал пот, оставляя темные пятнышки в пыли, которые смешивались в глазах Джейми со скачущими черными мушками.

— Ты... в порядке? — спросил Иэн.

Джейми открыл рот, чтобы сказать «да», но рев в его ушах утопил все слова, а скачущие темные пятнышки слились в сплошную темноту.

Очнувшись, он увидел, что рядом с ним на коленях стоит священник, произнося «Отче наш» на латыни. Не прекращая молиться, священник взял маленькую бутылочку, налил немного елея на ладонь, потом обмакнул большой палец в эту лужицу и быстро начертал крест на лбу Джейми.

— Я не умер, нет? — спросил Джейми, повторив тот же вопрос по-французски.

Священник наклонился к нему, близоруко щурясь.

— Значит, умираю? — спросил он.

— И это тоже нет. — Священник издал звук, выражавший презрение, но продолжал свое дело и начертал кресты на ладонях Джейми, его веках и губах. — *Ego te absolvo* *, — сказал он, творя последний знак креста над лежащим телом Джейми. — Это на тот случай, если ты кого-нибудь убил. — Он быстро поднялся на ноги и исчез за повозкой. Края его темной рясы развевались.

— Ну так ты в порядке, да? — Иэн протянул руку и помог другу сесть.

— Да, более или менее. Кто это был? — Джейми кивнул в сторону удалившегося священника.

— Отец Рено. Этот отряд очень хорошо экипирован, — сказал Иэн, поднимаясь на ноги. — У нас даже собственный священник, исповедующий нас перед битвой и после нее отпускающий грехи.

— Я заметил. Немного торопливый, не думаешь?

* Отпускаю тебе грехи твои (*лат.*).

— Да он слепой, как летучая мышь, — сказал Иэн, оглядываясь, чтобы убедиться, что священник их не слышит. — Наверняка думает, что лучше перестараться, чем промахнуться, нет?

— А лекарь у вас тоже есть? — спросил Джейми, глядя на двух лежавших неподалеку грабителей. Их тела оттащили от дороги. Один явно был мертв, но другой начал шевелиться и постанывать.

— А, — задумчиво сказал Иэн. — Лекарь... Тот же самый священник.

— Значит, если меня ранят в бою, мне лучше постараться помереть, ты это хочешь сказать?

— Именно. Пошли поищем воду.

Они нашли выложенную камнем оросительную канаву, бегущую между двух полей, чуть в стороне от дороги. Иэн затащил Джейми в тень дерева и, порывшись в своем рюкзаке, достал запасную рубашку, которую силой впихнул в руки друга.

— Надень ее, — сказал он негромко. — Свою постираешь. Они будут думать, что кровь на ней — результат битвы.

Джейми посмотрел на Иэна с удивлением и благодарностью и, кивнув, снял кожаный колет и осторожно стянул потную, запятнанную кровью рубаху со спины. Иэн поморщился: бинты были грязными и провисавшими — кроме тех мест, где засохшие кровь и гной удерживали их на коже Джейми.

— Снять их? — прошептал он в ухо Джейми. — Я сделаю это быстро.

Джейми выгнул спину в знак отказа и отрицательно мотнул головой:

— Нет, если ты это сделаешь, раны будут кровоточить еще больше.

Времени спорить не оставалось: к ним приближались соратники. Джейми торопливо нырнул в чистую рубаху и, встав на колени, принялся брызгать водой себе в лицо.

— Эй, шотландцы! — окликнул Джейми Александр. — Что вы там двое орали друг другу? — Он приложил ладони ко рту и загудел глубоким, отдающимся эхом голосом: — Гуууууун!

Остальные рассмеялись.

— Ты никогда не слышал боевой клич? — спросил Джейми, качая головой при виде такого невежества. — Так кричат в бою, призывая своих родных и свой клан.

— А это что-нибудь значит? — с интересом спросил Малыш Филлип.

— Да, более или менее, — сказал Иэн. — Замок Дуин — жилище вождя клана Фрейзеров из Ловэта. Кэйстел Дхун — так он называется на Гэйдхлиг*, нашем собственном языке.

— И это наш клан, — уточнил Джейми. — Клан Фрейзеров, но в нем больше, чем одна ветвь, и у каждой свой боевой клич и свой девиз. — Он вытащил рубашку из холодной воды и выжал ее. Следы крови все еще были видны, но лишь как расплывчатые коричневые пятна. Иэн с одобрением кивнул, но увидел, как Джейми снова открывает рот.

Не произноси этого! — подумал он, однако, как обычно, Джейми не читал его мысли, и Иэн, смирившись, закрыл глаза, зная, что засим последует.

— Однако у нашего клана девиз на французском языке, — сказал Джейми с некоторой гордостью. — «*Je suis prest*».

Это означало «Я готов» и было, как Иэн и предполагал, встречено громовым хохотом и градом грубых предположений насчет того, к чему могут быть готовы эти молодые шотландцы. Все мужчины после боя пребывали в хорошем настроении, так что развлечение длилось дольше, чем обычная шутка. Иэн пожал плечами и улыбнулся, но заметил, что уши Джейми покраснели.

— Эй, а где остаток твоего хвостика, Жорж? — спросил Малыш Филлип, заметив, что Джордж, помочившись, встряхивает член. — Что, кто-то подстриг?

— Твоя жена откусила, — ответил Жорж спокойным тоном, демонстрирующим, насколько ему приелась эта реприза. — У нее рот как у свиньи сосучей. А уж *cramouille* у нее...

Что вызвало очередную волну ругани, но ясно было даже случайному слушателю — представление затевалось для двух шотландцев. Иэн проигнорировал перепалку. Джейми выпучил глаза. Иэн не был уверен, что его друг когда-либо слышал слово *cramouille*, но, видимо, догадался, что оно означает.

Однако до того как Джейми вызвал очередные насмешки, разговор у ручья замер: придушенный крик раздался из-за деревьев, скрывавших их от дороги.

---

* Шотландский гэльский (кельтский) язык, совершенно отличный от шотландского английского.

— Пленный, — мгновение спустя пробормотал Александр.

Иэн опустился на колени рядом с Джейми. Ладони его были сложены лодочкой, и с них капала вода. Он знал, что происходило, и от этого знания у него свело живот. Иэн позволил воде пролиться на землю и медленно вытер ладони о штаны.

— Капитан, — негромко сказал он Джейми. — Ему... ему нужно знать, кто они такие. Откуда явились.

— Ага. — Джейми сжал губы при звуках приглушенных голосов, внезапного мясистого удара по плоти и громкого мычания. — Я понял. — Он принялся яростно плескать водой себе в лицо.

Шутки прекратились. Разговоров почти не было, хотя Александр и Жозеф-из-Эльзаса время от времени спорили громкими голосами, пытаясь заглушить звуки, долетавшие от дороги. Большинство бойцов уже умылись и теперь пили молча, сидя сгорбившись в тени кустов.

— Отец Рено! — Голос капитана, звавшего священника, прозвучал неприятно громко. Отец Рено умывался на некотором расстоянии от солдат, но поднялся на зов, вытирая лицо краем рясы. Он перекрестился и направился к дороге, но по пути остановился возле Иэна и указал рукой на его чашу для питья.

— Могу ли я позаимствовать ее, сын мой? Ненадолго.

— Да, конечно, отче, — сказал Иэн озадаченно. Священник кивнул, нагнулся, чтобы зачерпнуть в чашу воды, и пошел к дороге. Джейми смотрел ему вслед, потом, подняв брови, взглянул на Иэна.

— Говорят, он еврей, — очень тихо произнес сидевший рядом Хуанито. — Сначала они хотят его окрестить. — Он встал на колени у воды, положив сжатые кулаки на бедра.

Несмотря на жару, Иэн почувствовал, как ледяное копье пронзило ему грудь. Он быстро встал, собираясь отправиться за священником, но Большой Жорж резко выбросил руку и поймал его за плечо.

— Оставь. — Он тоже говорил негромко, но его пальцы с силой впились в тело Иэна. Тот остановился, глядя Жоржу в глаза. Он заметил, что Джейми сделал короткое конвульсивное движение, но выдохнул: — Нет! — и Джейми успокоился.

Со стороны дороги доносились французские ругательства, перебивающие размеренный голос отца Рено: *In nomine Patris, et Filii**...

Затем послышались звуки борьбы, шум и крики. Капитан, и Матье, и даже священник так бранились, что Джейми невольно заморгал. Иэн, возможно, рассмеялся бы, если бы не чувство страха, охватившего всех, сидевших у ручья.

— Нет! — кричал пленный. Его голос звучал громче других, а гнев в нем смешивался с ужасом. — Нет, прошу вас! Я уже сказал вам все, что я... — И затем негромкий звук, пустой, словно кто-то расколол дыню, — и голос умолк.

— Бережлив наш капитан, — пробормотал Большой Жорж. — Зачем тратить пулю? — Он убрал руку с плеча Иэна, покачал головой и присел к ручью помыть руки.

Мрачная тишина воцарилась под деревьями. Со стороны дороги слышались негромкие голоса — капитан и Матье говорили друг с другом, а отец Рено повторял: *In nomine Patris, et Filii...* — но уже совершенно другим тоном. Иэн увидел, как волосы на руках Джейми встали дыбом и его друг вытер ладони о килт, словно они были скользкими от елея.

Джейми уже не мог слышать всего этого и повернулся к Большому Жоржу.

— *Queue?*** — сказал он, подняв бровь. — В ваших краях это так называется?

Большой Джордж криво улыбнулся:

— А как вы называете это? На вашем языке?

— *Bot****, — сказал Иэн, пожав плечами. На языке вертелись и другие слова, но он не хотел угощать их чем-то вроде *clipeachd*****.

— В основном просто хер, — сказал Джейми, повторив жест друга.

— Или «пенис», если уж совсем по-английски, — подпел Иэн.

Несколько мужчин внимательно прислушивались к разговору, готовые присоединиться к любому трепу, лишь бы заглушить эхо последнего крика, все еще висевшего в воздухе, как туман.

---

* Во имя Отца, и Сына...» (*лат.*)

** Что? (*фр.*)

*** Мужской член (груб., на шотландском гэльском)

**** Аналогично *Bot*, но с еще более оскорбительным оттенком.

— Ха, — сказал Джейми. — «Пенис» вообще не английское слово, грамотей ты недоученный, а латынь. И даже на латыни еще не означает лучшего друга мужчины. А означает «хвост».

Иэн смерил его долгим, медленным взглядом.

— Хвост, вот как? Так ты даже не знаешь разницы между своим хером и задницей, но при этом учишь меня латыни?

Мужчины взревели от хохота. Лицо Джейми вспыхнуло, и Иэн, рассмеявшись, ткнул его кулаком в плечо. Джейми фыркнул, но ответил тычком локтя, а потом тоже рассмеялся, правда, без особой охоты.

— Ну тогда ладно. — Он выглядел сконфуженным. Обычно он не кичился перед Иэном своим образованием. Но Иэн ничуть не возражал. Он тоже немного спотыкался, это были его первые дни в отряде, а здесь это было в порядке вещей: стараться удержаться на ногах и показать, в чем ты хорош. Но если бы Джейми попытался навязать Матье или Большому Жоржу свои латынь и греческий, он смог бы доказать это и кулаками, причем очень быстро. Сейчас же он не выглядел таким бойцом, что смог бы выйти на смертный бой хотя бы с кроликом и рассчитывать на победу.

Возобновившееся негромкое бормотание беседы сошло на нет, когда из-за деревьев появился Матье. Он был крупным мужчиной, не слишком высоким, но широкоплечим, с физиономией дикого кабана и таким же характером. Но в лицо «кабаньей мордой» его никто не называл.

— Ты, шкурка от сыра, иди закопай это говно, — сказал он Джейми, зло сузив свои красные глазки. — Подальше в лесу. И давай быстрее, пока я не пнул тебя сапогом в зад. Шевелись!

Джейми поднялся — медленно, — вперив в Матье взгляд, который Иэну не понравился. Он быстро подскочил к Джейми и схватил его за руку.

— Я помогу, — сказал он. — Пошли.

— Зачем они хотят его похоронить? — пробормотал Джейми. — Устроить ему христианское погребение? — Он вогнал одну из траншейных лопат, одолженных Арманом, в мягкий дерн с силой, которая дала бы понять Иэну, что его друг кипит от ярости, если бы Иэн уже этого не знал.

— Ты знаешь, что мы здесь везем не слишком цивилизованную жизнь, карэйд, — сказал Иэн. Он и сам чувствовал себя

паршиво из-за всего этого, а потому резко добавил: — Не как в *Universite**.

Кровь прилила к шее Джейми, сделав ее похожей на тлеющий трут, и Иэн поднял ладонь, пытаясь его успокоить. Ему не хотелось драки, а Джейми она была бы не по силам.

— Мы хороним его, потому что д'Эглиз думает, что его друзья могут вернуться на его поиски, и лучше, чтобы они не видели, что с ним сделали, ведь так? Глядя на второго мертвеца, ты понимаешь, что он погиб в бою. Дело — это одно, месть — совсем другое.

Джейми какое-то время поиграл скулами, но постепенно краснота сошла и его хватка на рукоятке лопаты слегка ослабла.

— Да, — пробормотал он и продолжил рыть. Через несколько минут по его шее заструился пот, а дыхание стало тяжелым. Иэн отодвинул друга в сторону движением локтя и дорыл могилу. Не говоря ни слова, они взяли мертвеца за подмышки и лодыжки и втащили его в неглубокую яму.

— Думаешь, д'Эглиз узнал хоть что-то? — спросил Джейми, когда они присыпали сырую землю прелыми листьями.

— Надеюсь, — ответил Иэн, не отрываясь от работы. — Не хотелось бы думать, что они проделали все это зря.

Он выпрямился, и какое-то время друзья стояли в неловком молчании, не глядя друг на друга. Казалось неправильным бросить могилу, даже если незнакомец был евреем, без молитвы. Но еще худшим вариантом представлялось произнести христианскую молитву над мертвецом — в данных обстоятельствах скорее оскорбление, чем благословение.

Наконец Джейми поморщился и, нагнувшись, стал рыться в листьях, пока не нашел два небольших камня. Один он протянул Иэну, второй взял себе; они присели и положили камни поверх могилы. Не совсем надгробие, но хоть что-то.

Капитан не привык объясняться — обычно он отдавал своим людям короткие точные приказы. Он вернулся в лагерь к вечеру, с потемневшим лицом и сжатыми губами. Но трое других слышали допрос еврея, и неким метафизическим образом, что обычно случается вокруг костров, уже к следующему утру каждый в отряде знал обо всем.

---

* Университет (*фр.*).

— Эфраим бар-Сефер, — сказал Иэн Джейми, который вернулся к костру поздно, до того потихоньку ускользнув, чтобы еще раз постирать свою рубашку. — Так его звали. — Иэн немного беспокоился о пареньке. Его раны не заживали как положено, и то, как он отключился... Сейчас у него была явная горячка; Иэн ощущал жар, исходящий от кожи друга, но сам он дрожал, хотя ночь не была холодной.

— И зачем нам это знать? — спросил Джейми тусклым голосом.

— Мы можем молиться за него по имени, — заметил Иэн. — Так лучше, не думаешь?

Джейми нахмурился, но секундой спустя кивнул:

— Да, лучше. Что еще он сказал?

Иэн закатил глаза. Эфраим бар-Сефер признался, что напавшая на них банда состояла из профессиональных воров, в основном евреев, которые...

— Евреев? — прервал его Джейми. — Еврейские б а н д и т ы ?

Эта мысль показалась ему забавной, но Иэн не рассмеялся.

— Почему бы и нет? — коротко возразил он и продолжал, не дожидаясь ответа. — Итак, эти бандиты заранее добывали информацию о ценных грузах и залегали в ожидании, чтобы выскочить из засады и ограбить перевозивших товары. В основном они грабили других евреев, так что опасности подвергнуться преследованию французскими войсками или местными судьями не было.

— О! И добыть информацию заранее — это, я полагаю, тоже было легче, если они грабили евреев. Евреи всегда селятся поближе друг к другу, группами, — ответил Джейми на удивленный взгляд Иэна. — Они все умеют читать и писать, и постоянно пишут письма; так что между группами идет обмен информацией. Не такой уж труд — узнать, кто из них ростовщик, а кто купец, — и перехватить его переписку. Ну что, разве нет?

— Может, ты и прав, — сказал Иэн, с уважением глядя на Джейми. — Бар-Сефер сказал, что они получили наводку от кого-то, — сам он не знал, от кого, — кто почти все знает о том, когда и как разные ценности отправляются или прибывают. Сам этот человек, однако, не из их группы — кто-то извне, заинтересованный в проценте от добычи.

Это, однако, была вся информация, которую дал им бар-Сефер. Он не выдал никого из своих сотоварищей — хотя

д'Эглиза это не слишком интересовало — и умер, до конца настаивая на том, что ничего не знает о планируемых будущих нападениях.

— Думаешь, это мог быть один из наших? — спросил Джейми, понизив голос.

— Один из... А, ты имеешь в виду наших евреев? — Задумавшись, Иэн нахмурился. В отряде д'Эглиза числились три испанских еврея: Хуанито, Большой Жорж и Рауль, — но все трое были достойными ребятами и пользовались уважением товарищей. — Я сомневаюсь. Все трое сражались как дьяволы. Когда я смотрел на них, — добавил он, уточняя.

— А вот я хотел бы знать, как грабители удрали с этим ковром, — сказал Джейми задумчиво. — Он ведь весил, кажется... с десяток стоунов?*

— Не меньше, — заверил его Иэн, расправив плечи при этом воспоминании. — Я помогал загружать это чертово барахло. Думаю, у них неподалеку был фургон для награбленного. А что тебя озадачило?

— Ну... взяли бы что-нибудь другое, но к о в р ы ? Кто ворует ковры? Пусть даже ценные. И если они знали заранее о нашем конвое, уж, наверное, знали и что мы везем.

— Ты забываешь о золоте и серебре, — напомнил ему Иэн. — Они находились в передней части фургона, под коврами. Чтобы добраться до них, надо было для начала вытащить ковры.

— Мгм... — Не похоже было, что ответ удовлетворил Джейми. И в самом деле, ведь грабители уволокли ковер с собой! Но эта дискуссия представлялась совершенно бесполезной, и когда Иэн сказал, что собирается спать, он пошел с ним без всяких возражений.

Друзья устроились в зарослях высокой пожелтевшей травы, завернувшись в свои пледы. Но Иэн заснул не сразу. Несмотря на изрядную помятость и усталость, возбуждение прошедшего дня не оставляло его. Он лежал, некоторое время глядя на звезды, вспоминая одни моменты и усиленно стараясь забыть другие — типа того, как выглядела голова Эфраима бар-Сефера. Возможно, в словах Джейми таилось зерно истины, и лучше было бы не знать имени покойника.

---

* Стоун — мера веса, равная 14 фунтам (6,35 кг).

Он заставил свой мозг изменить направление мыслей и преуспел настолько, что когда Джейми внезапно зашевелился, Иэн выругался про себя, словно это движение причинило ему боль.

— Ты когда-нибудь делал это? — внезапно спросил Иэн.

После небольшой возни Джейми принял более удобное положение.

— Делал что? — спросил он. Его голос звучал хрипло, но не слишком. — Убивал ли я кого-нибудь? Нет.

— Я не о том. С девушкой ты когда-нибудь спал?

— О, это.

— Ага, э т о . Олух. — Иэн повернулся к Джейми и сделал выпад, целя ему в живот. Несмотря на темноту, Джейми поймал его запястье прежде, чем удар достиг цели.

— А ты спал?

— Значит, не спал, — Йэн без труда высвободился. — Я думал, в Париже ты по самые уши зароешься в проститутках и поэтессах.

— Поэтессах? — Джейми, похоже, это позабавило. — С чего ты взял, что женщины пишут стихи? Или что женщина, пишущая стихи, непременно будет развратницей?

— Конечно, будет. Дураку ясно: слова постоянно лезут им в голову, доводя до безумия, и бабенки начинают искать первого же мужчину, который...

— Значит, ты был в постели с поэтессой? — Кулак Джейми легонько стукнул его в грудь. — А твоя мама об этом знает?

— Я не стал бы рассказывать своей маме о поэтессах, — твердо заявил Иэн. — Нет, но Большой Жорж спал, и потом всем о ней рассказывал. О женщине, с которой он познакомился в Марселе. У него есть книга ее поэзии, иногда он читает из нее вслух.

— Хорошие стихи?

— Откуда мне знать? Сплошь да рядом фразочки о том, как она теряет голову, как ее переполняют чувства, как разрывается ее сердце, но чаще всего о цветах. Есть одно небольшое и неплохое о шмеле, который занимается этим самым с цветком подсолнечника. В смысле, трахает его. Своим хоботком.

На какое-то время воцарилась тишина. Джейми представлял себе прелестную картину.

— Может, по-французски это звучит лучше, — предположил он.

— Я помогу тебе, — заявил Иэн, внезапно посерьезнев.

— Поможешь мне..?

— Помогу тебе убить этого капитана Рэнделла.

Джейми с минуту лежал молча, чувствуя как что-то сжимает его грудь.

— Господи, Иэн, — сказал он очень мягко. И снова умолк на несколько минут, вперив взгляд в корни дерева, лежавшего рядом с его лицом.

— Нет, — наконец сказал он. — Ты не можешь. Мне нужно, чтобы ты сделал для меня кое-что другое, Иэн. Мне нужно, чтобы ты поехал домой.

— Домой? Что...

— Мне нужно, чтобы ты поехал домой и позаботился о Лэллиброке — и о моей сестре. Я... Я не могу поехать. Пока еще не могу. — Он с силой закусил нижнюю губу.

— Но у тебя там предостаточно арендаторов и друзей, — запротестовал Иэн. — Я нужен тебе здесь, дружище! И я не оставлю тебя одного, так? Когда мы поедем домой, то поедем вместе. — И отвернулся, зарывшись в плед, словно подводя черту в дискуссии.

Джейми лежал с плотно закрытыми глазами, игнорируя песни и разговоры, долетавшие от костра, игнорируя ночное небо над ним и ноющую боль в спине. Наверное, ему следовало бы помолиться за душу убитого еврея, но сейчас у него не было на это времени. Он пытался найти своего отца.

Душа Брайэна Фрейзера должна была все еще существовать, и юноша не сомневался, что его отец пребывает в раю. Но наверняка должен был быть какой-то способ дотянуться до него, почувствовать его. Когда Джейми впервые покинул дом, чтобы обучаться у Дугала в Беаннахде, он испытывал чувство одиночества и ностальгию, но Па сказал ему, что так всё и будет, и что не стоит слишком беспокоиться по этому поводу.

— Думай обо мне, Джейми, и о Дженни, и о Лэллиброке. Ты не сможешь видеть нас, но мы тем не менее будем здесь, и будем думать о тебе. Посмотри ночью вверх, и ты увидишь звезды. Знай, что и мы видим их.

Он приоткрыл глаза едва-едва, но звезды будто плавали, их яркость была размытой. Он снова крепко закрыл глаза и почувствовал теплое скольжение одинокой слезы по своему виску. Он не мог думать о Дженни. Или о Лэллиброке. Ностальгия ис-

чезла еще во время учебы у Дугала. Инаковость, когда он приехал в Париж, ослабла. Это не прекратится, но он все равно должен продолжать жить.

Где ты, Па? — думал он, страдая. — *Па, прости меня!*

На следующий день он молился на ходу, упрямо повторяя одну молитву Божьей Матери за другой, пользуясь пальцами, чтобы считать молитвы как по четкам. Какое-то время это позволило ему ни о чем не думать и принесло чувство умиротворенности. Но в конце концов скользкие мысли прокрадывались назад, как и воспоминания — короткими проблесками, быстрые, как солнечные блики на воде. Некоторые он тут же гнал прочь — голос капитана Рэнделла, полный игривыми интонациями после того, как он взял кота на руки, и ощущение страшных иголок по телу на холодном ветру, когда он снял рубаху, и слова лекаря: «Я вижу, он сделал из тебя месиво, парень...»

Но некоторые воспоминания он не желал отпускать, какими бы болезненными они ни были. Ощущение рук его папы, сильных рук, крепко державших его. Стражники вели его куда-то, он не помнил куда, но это было не важно, просто его папа внезапно оказался перед ним, в тюремном дворе, и он быстро зашагал вперед, увидев Джейми, на его лице радость смешивалась с желанием, и все это взорвалось шоком в следующий момент, когда он увидел, что с ним сделали.

— *Тебе очень больно, Джейми?*

— *Нет, Па, я буду в полном порядке.*

С минуту так оно и было. Его так ободрило то, что он видит отца, что, конечно же, все будет хорошо, — и потом он вспомнил Дженни, которая вела этого подонка в дом, жертвуя собой ради...

Это воспоминание он тоже оборвал, произнося « Богородице Дево, радуйся, Благодатная Марие, Господь с Тобою» вслух и с отчаянным рвением, удивив Маленького Филлипа, который почти бегом двигался рядом с ним на своих коротеньких кривых ногах. «Благословенна Ты в женах, — подхватил Филлип. — Молись за нас, грешников, и ныне, и в час смерти нашей, аминь!»

— Аве Мария, — раздался за ним глубокий голос отца Рено, подхватывая молитву, и секунды спустя уже семь или восемь человек произносили ее, торжественно маршируя в ритм священным словам, и еще несколько человек, и еще... Сам Джейми умолк, чего никто не заметил. Но он ощущал стену молитвы

как баррикаду между ним и злыми коварными мыслями и, закрыв на мгновение глаза, почувствовал, что его отец идет рядом, и ощутил последний поцелуй Брайэна Фрейзера на своей щеке — мягкий, как прикосновение ветерка.

Они добрались до Бордо перед самым закатом, и д'Эглиз с немногочисленной охраной повел фургон прочь, предоставив остальным бойцам свободу ознакомиться с прелестями города — хотя это знакомство было некоторым образом ограниченным вследствие того, что им еще не заплатили. Они получат деньги после того, как на следующий день груз будет доставлен.

Иэн, который бывал в Бордо прежде, шел впереди, указывая путь к большой и шумной таверне, с хорошим вином и большими порциями еды.

— И разносчицы там хорошенькие, будь здоров, — заметил он, наблюдая, как одно из этих созданий прокладывает себе путь через лес тянувшихся к ней рук.

— А наверху что, бордель? — с любопытством спросил Джейми, слышавший несколько историй на эту тему.

— Не знаю, — с сожалением ответил Иэн, хотя на самом деле он никогда не был в борделе, отчасти из-за отсутствия денег, отчасти из боязни подцепить сифилис. Но все же при мысли о борделе его сердце учащенно забилось. — Хочешь попозже пойти и выяснить?

Джейми колебался.

— Я... ну... Нет, не думаю. — Он повернул лицо к Иэну и сейчас говорил очень тихо. — Когда я поехал в Париж, то обещал Па, что не буду иметь дела с проститутками. И теперь... Я не мог бы сделать этого, не... не думая о нем, понимаешь?

Иэн кивнул, чувствуя скорее облегчение, чем разочарование.

— И завтра времени хватит, — заметил он философски и жестом потребовал еще один кувшинчик вина. Однако разносчица его не увидела, и Джейми протянул свою длинную руку и потянул ее за фартук. Она развернулась, нахмурившись, но когда увидела голубоглазую физиономию Джейми, на которой расцвела его фирменная улыбка, решила улыбнуться в ответ и приняла заказ.

Несколько других мужчин из отряда д'Эглиза тоже были в таверне, и эта сценка не осталась незамеченной.

Хуанито, сидевший за соседним столом, посмотрел на Джейми, саркастически изогнув бровь, а потом сказал что-то Раулю на испанском варианте еврейского языка, который они называли «ладино». Они оба рассмеялись.

— Ты знаешь, отчего появляются бородавки, друг? — любезно проговорил Джейми на древнееврейском языке. — Демоны внутри человека пытаются прорваться наружу. — Он нарочно говорил неторопливо, чтобы Иэн мог следить за его речью, и Иэн, в свою очередь, разразился хохотом — как от вида вытянувшихся физиономий двух евреев, так и от высказывания Джейми.

Рябое комковатое лицо Хуанито потемнело, но Рауль бросил острый взгляд на Иэна, посмотрев сначала на его лицо, потом несколько задержался на его промежности. Иэн помотал головой, продолжая улыбаться, и Рауль, пожав плечами, ответил улыбкой, после чего взял Хуанито за руку и потащил его в направлении задней комнаты, где можно было поиграть в кости.

— Что ты ему сказал? — спросила разносчица, поглядев вслед удаляющейся паре и снова обратив округлившиеся глаза на Джейми. — И на каком языке ты это сказал?

Джейми был рад возможности смотреть в широкие карие глаза девушки; у него уже болела шея от напряжения, с которым он вытягивал ее, чтобы заглядывать в декольте прелестницы. Очаровательная ямка между грудей притягивала к себе как магнитом...

— Да ничего особенного, просто дружеская шутка, — сказал он улыбаясь. — А произнес я ее на древнееврейском. — Он хотел произвести на девушку впечатление — и произвел, но вовсе не такое, которого ожидал. Ее полуулыбка исчезла, и она немного отодвинулась.

— О, — сказала она. — Пардон, господин, мне нужно... — И сделав извиняющийся жест, исчезла в толпе посетителей с кувшином в руке.

— Идиот, — сказал Иэн, подходя к нему. — Для чего ты ей это сказал? Теперь она будет думать, что ты еврей.

Джейми раскрыл рот от удивления.

— Что, я?! Каким же образом? — спросил он, демонстративно осматривая себя. Он имел в виду свою одежду шотландского горца, но Иэн критически взглянул на него и покачал головой.

— У тебя острый нос и рыжие волосы, — заметил он. — Половина испанских евреев, которых я видел, выглядели точно так же, а некоторые и роста были немалого. Твоя девица вполне могла подумать, что клетчатый плед ты снял с какого-то бедолаги, которого прикончил.

Джейми чувствовал себя скорее смущенным, чем оскорбленным. Но слова Иэна его задели.

— Ну а если бы я был евреем? — с вызовом спросил он. — Какая разница? Я же не руки ее просил, верно? Во имя Божье, да я же просто болтал с ней!

Иэн бросил на него раздражающе снисходительный взгляд. Джейми понимал, что ему не следовало бы возмущаться. Он достаточно часто куражился над Иэном, когда тот не знал чего-то, что знал Джейми. Да он и не возмущался; одолженная рубашка была слишком мала, терла под мышками, а костлявые запястья торчали из рукавов. Он не выглядел как еврей, он выглядел как болван — и знал, что так оно и есть. И это еще больше его злило.

— Большинство француженок — я имею в виду христианок — не любят гулять с евреями. Не потому, что они Христа распяли, а из-за их... кгм.. — Иэн посмотрел вниз, кивком указав на промежность Джейми. — Им кажется, что это выглядит комично.

— Не н а с т о л ь к о уж иначе он выглядит.

— Иначе, иначе.

— Ну ладно, но когда он... когда он в том состоянии, и когда девица увидит его, он не... — Джейми с досадой смотрел, как Иэн открывает рот, чтобы спросить, откуда он знает, как выглядит обрезанный эрегированный член. — Ладно, оставим, — отрывисто сказал он и протолкался через толпу, обходя своего друга. — Пойдем пройдемся по улице.

На рассвете отряд собрался у гостиницы, где уже поджидали д'Эглиз с фургоном, готовые эскортировать его по улицам к месту назначения — складу на берегу Гаронны. Джейми увидел, что капитан переоделся в свою парадную одежду, надев шляпу с плюмажем и все прочее. В парадной форме шагали еще четверо — самые здоровые парни в отряде, — которые охраняли фургон в течение ночи. Они были вооружены до зубов, и Джейми гадал, затеяно ли это показухи ради, или д'Эглиз хочет иметь их под рукой, пока сам он будет объяснять, почему

в грузе на один ковер меньше, чтобы при их виде купец, принимающий товар, поумерил претензии.

Джейми наслаждался прогулкой по городу, хотя, как ему и советовали, держался начеку: грабители могли выскочить из засады в каком-нибудь переулке или спрыгнуть с крыши или балкона на фургон. Последнее ему представлялось маловероятным, но он, проявляя бдительность, время от времени поглядывал наверх. Опустив глаза после очередной проверки, он увидел, что капитан поотстал от своих громил и сейчас едет рядом с ним на своем огромном чалом мерине.

— Хуанито сказал, что ты говоришь по-еврейски, — произнес д'Эглиз, глядя на Джейми так, словно у того внезапно выросли рога. — Это правда?

— Да, — осторожно ответил он. — Точнее было бы сказать, что я могу читать Библию на древнееврейском языке, совсем чуть-чуть, а в Шотландии не так много евреев, с которыми можно пообщаться. — В Париже, однако, несколько таких евреев было, но у него достало ума не толковать об *Universite* и изучении философии маймонидов. Они бы вздернули его еще до ужина.

Капитан хмыкнул, но не выглядел недовольным. Какое-то время он ехал молча, а потом направил мерина таким образом, чтобы держаться вплотную к Джейми. Из-за этого Джейми занервничал, что заставило его спустя несколько секунд повернуться к капитану и сказать:

— Иэн тоже умеет. Читать по-древнееврейски, я имею в виду.

Д'Эглиз пораженно посмотрел на него сверху и обернулся назад. Иэн был хорошо виден, будучи на голову выше троих мужчин, с которыми он беседовал на ходу.

— Чудесам сегодня нет конца, а? — сказал капитан, и риторический вопрос повис в воздухе. Затем пришпорил коня, перейдя на рысь, и оставил Джейми в клубах пыли.

И лишь к вечеру следующего дня этот разговор вернулся, чтобы укусить Джейми за задницу. Они доставили ковры, золото и серебро к складу у реки, д'Эглиз получил оговоренную плату, и постепенно его люди рассыпались вдоль всей длины аллеи, славившейся дешевой едой и питейными заведениями, многие из которых были известны также особыми комнатами, располагавшимися на втором этаже или возле черного входа, где мужчина мог потратить деньги и иным образом.

Ни Джейми, ни Иэн больше не разговаривали на тему борделей, но Джейми заметил, что мыслями постоянно возвращается к хорошенькой разносчице. Сейчас на нем была его собственная рубашка, и он подумывал о том, чтобы вернуться в давешнюю таверну и сказать ей, что он не еврей.

Однако он понятия не имел, что девушка стала бы делать с этой информацией, к тому же таверна ее находилась на другом конце города.

— Как думаешь, скоро нам подвернется очередная работенка? — спросил он лениво, надеясь разговорить Иэна и отвлечься от собственных мыслей. У костра шел разговор о дальнейших перспективах; масштабных войн, похоже, не намечалось, однако ходили слухи, что король Пруссии собирает мужчин в Силезии.

— Надеюсь, — пробормотал Иэн. — Не хотел бы болтаться здесь. — Он побарабанил своими длинными пальцами по крышке стола. — Мне нужно постоянно двигаться.

— Поэтому ты оставил Шотландию, да? — Джейми просто поддерживал разговор и поэтому удивился, когда Иэн метнул в него настороженный взгляд.

— Не хотел возиться с фермой, а больше там делать нечего. Я здесь зарабатываю хорошие деньги. И большую часть отправляю домой.

— Все равно не думаю, что твой отец доволен.

Иэн был единственным сыном. Старый Джон до сих пор злился на него, хотя ни слова не сказал об этом Джейми за то короткое время, что он был дома — до того как красные мундиры...

— Моя сестра замужем. Ее муж может справиться, если... — И Иэн погрузился в хмурое молчание.

Прежде чем Джейми смог решить, подтолкнуть Иэна к продолжению беседы или нет, рядом с их столом вырос капитан, удивив обоих друзей.

Д'Эглиз с минуту молча смотрел на них. Наконец он вздохнул и сказал:

— Хорошо. Вы оба идете со мной.

Иэн запихал остатки хлеба и сыра в рот и, жуя, поднялся. Джейми собирался сделать то же самое, но капитан, глядя на него, нахмурился.

— У тебя рубашка чистая?

Он почувствовал, как кровь приливает к щекам. Это было почти то же самое, что напомнить ему о его спине, практически то же самое! Большая часть ран с тех пор покрылась коркой, но наиболее глубокие все еще были воспалены и открывались каждый раз, когда бинты терлись о них или когда он наклонялся слишком резко. Ему приходилось прополаскивать рубашку почти каждую ночь — от этого она была постоянно мокрой, что не шло ему на пользу. И он прекрасно знал, что всему отряду известно об этом, но никто ничего ему не говорил.

— Да, — ответил он коротко и резко поднялся во весь рост, глядя сверху вниз на д'Эглиза, который сказал:

— Что ж, хорошо. Пошли.

Новым потенциальным клиентом был врач, которого все звали доктор Хасди, по слухам, имевший большое влияние среди евреев Бордо. Предыдущий клиент представил их друг другу, так что, судя по всему, д'Эглиз сумел сгладить проблему недостающего ковра.

Дом доктора Хасди был предусмотрительно укрыт в глубине приличной, но весьма скромной боковой улочки: стены оштукатурены, ворота закрыты на замок. Иэн позвонил в колокольчик, и человек в одежде садовника тут же появился, чтобы впустить их, жестами приглашая пройти к входной двери. Судя по всему, их ждали.

— Эти евреи не кичатся своим богатством, — уголком рта произнес д'Эглиз, обращаясь к Джейми. — Но оно у них есть.

Да, наверняка, подумал Джейми. Лакей встретил их в прихожей, выложенной обычной плиткой, но затем открыл дверь в комнату, от вида которой голова шла кругом. В ней было множество книг в темных деревянных шкафах, под ногами расстилался толстый ковер, а поверхность стен, не занятую книгами, украшали небольшие гобелены и фигурная плитка с мавританским, как показалось Джейми, узором. Но более всего ошеломлял запах! Он вдыхал его, заполняя легкие до предела, чувствуя легкое опьянение и пытаясь найти источник волшебного аромата, но тут наконец заметил владельца этого земного рая, сидевшего за письменным столом и не мигая смотревшего... на него. Впрочем, может быть, и на него, и на Иэна; глаза этого человека, круглые, как обсосанный леденец, метались между двумя юношами.

Джейми инстинктивно выпрямился и поклонился.

— Приветствуем тебя, о господин, — сказал он на тщательно отрепетированном древнееврейском. — Да пребудет мир в твоем доме.

У хозяина дома отвисла челюсть. Что было заметно даже при том, что у него была длинная густая темная борода, тронутая сединой чуть ниже рта. Неопределенное выражение — но ведь не веселья же? — появилось на его благообразном лице.

Негромкий звук, который н е с о м н е н н о выражал веселье, привлек внимание Джейми к другой стороне помещения. На выложенном плиткой круглом столе стоял маленький бронзовый сосуд, из которого лениво струился дым, тающий в лучах предзакатного солнца. Между солнцем и дымом он с трудом различил женскую фигуру, пребывающую в тени. Она шагнула вперед, материализовавшись из мглы, и сердце Джейми подпрыгнуло в груди.

Она склонила голову, одновременно приветствуя всех присутствующих солдат.

— Я Ребекка бат-Леа Хаубергер. Мой дедушка поручает мне приветствовать вас в нашем доме, господа, — сказала она на великолепном французском, хотя сам старик не произнес ни слова. Джейми выдохнул с огромным облегчением; ему все-таки не придется вести деловой разговор на древееврейском. Выдох был таким мощным, что он закашлялся, тем более что ароматический дым щекотал его легкие.

Он чувствовал, что его лицо краснеет, и попытался подавить кашель. Иэн искоса посмотрел на приятеля. Девушка — да, она была молода, быть может, его, Джейми, возраста — быстро схватила крышку и захлопнула ею сосуд, после чего позвонила в колокольчик и сказала слуге что-то на языке, напоминавшем испанский. *Ладино?* — подумал он.

— Прошу вас садиться, господа, — сказала она, сделав грациозный жест в сторону стула у письменного стола, и повернулась, чтобы взять еще один, стоявший у стены.

— Позвольте мне, мадемуазель! — Иэн поспешил ей на помощь. Джейми, все еще задыхаясь от едва сдерживаемого кашля, последовал за ним.

У нее были темные волосы, волнистые, перехваченные от лба до затылка розовой ленточкой и ниспадавшие на спину почти до самой талии. Джейми даже поднял руку, чтобы погладить их, но вовремя опомнился. Тут она повернулась. Белая кожа, тем-

ные глаза и странный понимающий взгляд этих глаз, когда они встретились с глазами Джейми, — она смотрела прямо, не отводя взгляда, — когда он поставил третий стул перед ней.

Аннализ. Он с трудом сглотнул и прокашлялся. Волна дурманящего жара прошла по его телу, и ему внезапно захотелось открыть окно.

Д'Эглиз тоже испытал явное облегчение от того, что у них будет более надежный переводчик, чем Джейми, и пустился в галантную речь, обильно украшенную французскими комплиментами, представляя присутствующих друг другу и поочередно кланяясь то девушке, то ее деду.

Джейми ничего не слышал: он не мог оторвать глаз от Ребекки. Его внимание привлекло ее сходство с Аннализ де Марийяк, девушкой, которую он любил в Париже, но при более детальном взгляде было понятно, что они очень разнятся.

Увы. Аннализ была крошечной и мягкой, как котенок. Эта девушка была маленького роста — он видел, что она едва достает до его локтя; ее волнистые волосы коснулись его запястья, когда она садилась, — но в ней не было ни вкрадчивой пушистости, ни беспомощности. Она заметила, что Джейми наблюдает за ней, и теперь наблюдала за н и м, а легкий изгиб ее алых губ заставил его кровь прилить к щекам. Он кашлянул еще раз и опустил глаза себе под ноги.

— Что не так? — негромко произнес Иэн уголком рта. — Ты выглядишь так, словно тебе чертополох в задницу вставили.

Джейми раздраженно дернулся и застыл, ощутив, как одна из более глубоких ран на спине открылась. Он почувствовал холод и то, как из раны сочатся кровь и гной. Он сел, медленно выпрямившись, пытаясь не дышать глубоко и надеясь, что бинты впитают жидкость прежде, чем она доберется до его рубашки.

По меньшей мере эта проблема отвлекла его мысли от Ребекки бат-Леи Хаубергер, а чтобы отвлечься от проблемы со спиной, он вернулся к разговору между д'Эглизом и евреями.

Капитан обильно вспотел — то ли от горячего чая, то ли от напряженности переговоров, но беседа текла легко; временами он делал жесты то в сторону пары высоких шотландцев, знавших древнееврейский, то в сторону окна и внешнего мира, где десятки таких же солдат терпеливо ожидали, надеясь на заказ от доктора Хасди.

Доктор сосредоточенно следил за д'Эглизом, временами обращаясь к своей внучке и произнося какие-то непонятные слова. Они звучали скорее как л а д и н о, на котором изъяснялся Хуанито. В них явно не было ничего от древнееврейского, который Джейми изучал в Париже.

Наконец старый еврей обвел взглядом троих наемников, задумчиво поджал губы и кивнул. Затем, поднявшись, он пошел к большому накрытому покрывалом сундуку, стоявшему у окна, опустился на колени и осторожно достал длинный тяжелый цилиндр, обернутый в промасленную бумагу. Джейми видел, что предмет этот весьма тяжел для своих размеров, судя по тому, как медленно старик поднимался, держа его в руках. Первой его мыслью было, что это, наверное, какая-то золотая статуэтка. Вторая мысль была о том, что Ребекка пахнет розовыми лепестками и стручками ванили. Он вдыхал этот запах очень осторожно, чувствуя, как рубашка прилипает к спине.

Эта вещь, чем бы она ни являлась, позвякивала и позванивала, когда старик ее нес. Какие-то еврейские часы? Доктор Хасди донес цилиндр до письменного стола, положил его и, согнув палец, пригласил наемников подойти ближе.

Развернутый медленно и церемонно предмет высвободился из слоев полотна, холста и промасленной ткани. Это б ы л о з о л о т о — отчасти, и своего рода статуэтка, но сделанная из дерева в форме призмы, с подобием короны на вершине. Пока Джейми гадал, что это за чертовщина, скрюченные от артрита пальцы доктора прикоснулись к маленькой застежке, и ящичек раскрылся, явив взорам присутствующих еще несколько слоев ткани, от которой расходился деликатный пряный запах. Все трое солдат глубоко вдохнули, а Ребекка снова издала негромкий веселый звук.

— Шкатулка из кедра, — сказала она. — Ливанского кедра.

— О, — почтительно произнес д'Эглиз. — Конечно!

Свиток внутри был одет — другое слово подобрать невозможно, потому что сверху на нем имелось нечто вроде мантии и пояса с миниатюрной пряжкой, — в бархат и вышитый шелк. Из одного его конца торчали два массивных золотых наконечника, как головы двух близнецов. Это была ажурная работа — две башенки, украшенные окошками и крошечными колокольчиками по нижнему краю.

— Это очень древний свиток Торы, — сказала Ребекка, стоя на почтительном расстоянии. — Из Испании.

— Бесценный предмет, несомненно, — сказал д'Эглиз, наклоняясь, чтобы лучше рассмотреть артефакт.

Доктор Хасди хмыкнул и что-то сказал Ребекке, которая перевела:

— Только для тех, кому принадлежит Книга. Для любого другого — просто вещь с весьма привлекательной ценой. Если бы не это, я не нуждался бы в ваших услугах. — Доктор бросил острый взгляд на Джейми и Иэна. — Уважаемый человек — еврей — будет держать Тору. Прикасаться к ней запрещено. Вы же будете охранять ее — и мою внучку.

— Безусловно, ваша честь. — д'Эглиз слегка покраснел, но был слишком доволен, чтобы выглядеть сконфуженным. — Я глубоко признателен за ваше доверие, господин, и уверяю вас... — Но тут Ребекка снова позвонила в колокольчик, и вошла служанка с кувшином вина.

Сущность работы была простой. Ребекка выходила замуж за сына верховного раввина парижской синагоги. Древняя Тора являлась частью ее приданого, как и некая денежная сумма, при виде которой глаза д'Эглиза заблестели. Доктор хотел нанять д'Эглиза для безопасной доставки всех трех объектов — девушки, свитка и денег — в Париж. Доктор и сам поедет на свадьбу, но позднее, в конце месяца, поскольку его задерживают дела в Бордо. Единственными вопросами, которые оставалось обсудить, были: стоимость услуг д'Эглиза, время, за которое он справится с задачей, и гарантии, которые д'Эглиз готов предложить.

При обсуждении последнего пункта доктор снова поджал губы; его друг Аккерман, рекомендовавший ему д'Эглиза, был не вполне доволен тем, что один из его дорогих ковров был украден в пути, и доктор хотел быть уверенным, что ничто из *его* ценной собственности — Джейми видел, как мягкие губы Ребекки брезгливо искривились, когда она переводила эти слова, — не пропадет на пути между Бордо и Парижем. Капитан бросил суровый взгляд на Иэна и Джейми, а затем предстал воплощением глубочайшей искренности, убеждая доктора, что никаких сложностей не предвидится, работа будет поручена лучшим его людям, и что он готов дать любые гарантии, которых от него потребует доктор. На верхней губе капитана повисли капельки пота.

Разогретый теплом очага и горячего чая Джейми тоже вспотел и не отказался бы от бокала вина. Но старик резко поднялся и, отвесив вежливый поклон д'Эглизу, вышел из-за стола. Взяв Джейми за руку, он поднял его со стула и мягко, но настойчиво потащил по направлению к двери.

Джейми пригнулся — вовремя, чтобы не удариться о низкий косяк, и оказался в маленькой простой комнате с вязанками сохнущих растений, свисавших с балок потолка. Что...

Но прежде чем он смог сформулировать вопрос, старик взял его за рубаху и вытащил ее из килта. Джейми попытался отступить назад, но для этого в комнате просто не хватало места, и, хочешь не хочешь, он позволил усадить себя на стул, а заскорузлые пальцы старика быстро снимали с него бинты. Доктор издал неодобрительный звук, затем крикнул что-то в сторону двери. Отчетливо прозвучали слова «*aqua caliente*»*.

Джейми не посмел встать и убежать, чтобы не подвергнуть риску новый заказ д'Эглиза. И продолжал сидеть, сгорая от стыда, в то время как доктор ощупывал, давил и — кувшин горячей воды уже принесли — скреб его спину чем-то болезненно шершавым. Но ничто из этого не обеспокоило Джейми в такой степени, как появление в дверях Ребекки с высоко поднятыми темными бровями.

— Мой дедушка говорит, что твоя спина в ужасном состоянии, — сказала она, переводя слова старика.

— Спасибо. А то я об этом и не подозревал, — пробормотал он по-английски, но затем вежливо повторил то же по-французски. Его щеки горели от унижения, но тихое, холодное эхо звучало в его сердце. *Он изуродовал тебе спину, парень.*

Это сказал врач в Форте Уильямс, когда солдаты приволокли Джейми к нему после бичевания — сам он идти не мог. Врач был прав, как и доктор Хасди, но это не значило, что Джейми снова хотел слышать горькие слова.

Ребекка, явно желая увидеть, что же ее дедушка имел в виду, обошла стул, став позади Джейми. Он застыл, и доктор резко ткнул его в основание шеи, заставив нагнуться вперед. Сейчас еврей и еврейка обсуждали увиденное безэмоциональным, отвлеченным тоном. Он почувствовал, как маленькие мягкие паль-

* По-испански: «горячей воды».

цы девушки прочертили линию между его ребер, и едва не упал со стула, а тело покрылось гусиной кожей.

— Джейми! — Голос Иэна из прихожей звучал обеспокоенно. — Ты в порядке?

— Да! — выдавил он из себя придушенным голосом. — Не надо... Тебе не нужно сюда входить.

— Тебя зовут Джейми? — Сейчас Ребекка стояла перед юношей и, наклонившись, заглядывала ему в лицо. Ее собственное личико было оживлено интересом и заботой. — Джеймс?

— Да. Джеймс. — Он стиснул зубы, когда доктор с силой потянул бинты, цокая языком.

— Диего, — сказала она улыбаясь. — Так будет по-испански — или на ладино. Иэн... Это будет... Хуан. Диего и Хуан. — Она нежно прикоснулась к его обнаженному плечу. — Вы друзья? Или братья? Я вижу, вы родом из одного и того же места — где это?

— Друзья. Из... Шотландии. Это... горы. А место называется Лэллиброк. — Он говорил свободно, без опаски, и боль пронзила его при звуках этого названия, боль более сильная, чем та, с которой доктор сдирал бинты с его спины. Он отвернулся. Лицо девушки находилось слишком близко, и он не хотел, чтобы она видела это.

Она не отодвинулась. Вместо этого она присела перед ним на корточки и взяла его руку. Ее рука была очень теплой, и волоски на его запястье встали дыбом вопреки тому, что доктор делал с его спиной.

— Скоро закончим, — пообещала она. — Дедушка очищает инфицированные участки и говорит, что теперь они затянутся снова и перестанут сочиться. — Доктор задал какой-то вопрос сердитым голосом. — Он спрашивает, бывает ли у тебя ночью горячка? Кошмары снятся?

Пораженный, он снова взглянул на нее, но ее лицо выражало только сочувствие. Ее ладонь сдавила его, словно поддерживая.

— Я... да. Иногда.

Доктор фыркнул, произнес еще несколько слов, и Ребекка отпустила руку Джейми, нежно похлопав по ней, и вышла, покачивая юбкой. Он закрыл глаза и попытался вспомнить ее запах — в ноздрях он не задержался, к тому же доктор намазывал его чем-то дурно пахнущим. Зато свой запах он чувствовал

отчетливо, и его губы искривились от стыда: он вонял потом, дымом костра и свежей кровью.

Он слышал, как д'Эглиз и Иэн разговаривали в гостиной — негромко, решая, следует ли прийти к нему на помощь. Он бы позвал их, если бы не то, что он не мог вынести того, чтобы капитан увидел... Он закусил губу. Что ж, ладно, дело почти сделано. Он чувствовал это по более медленным движениям доктора, сейчас почти нежным.

— Ребекка! — нетерпеливым голосом позвал доктор, и девушка явилась почти сразу же с небольшим комком ткани в руке. Доктор разразился короткой очередью слов, потом прижал комок тонкой ткани к спине Джейми; ткань прилипла к дурно пахнущей мази.

— Дедушка говорит, что ткань защитит твою рубашку, пока мазь не впитается, — сказала Ребекка. — И когда придет время ей отпасть — не отдирай ее, пусть отпадет сама, — то раны покроются коркой, но она будет мягкой и не будет лопаться и сочиться сукровицей.

Доктор положил руку на плечо Джейми, и тот вскочил на ноги, ища свою рубашку. Ребекка подала ее ему. Ее взгляд задержался на его обнаженной груди, и он — впервые в жизни — смутился от того, что у него есть соски. Пощипывание, которое, однако, не было неприятным, подняло дыбом все волоски на его теле.

— Спасибо... Э... Я хотел сказать, *gracias, Senor* *. — Его лицо пылало, но он поклонился доктору со всей учтивостью, на которую был способен. — *Muchas gracias* **.

— *De nada* ***, — резко ответил старик, жестом руки отметая благодарность. Он указал на маленькую связку ткани в руке внучки. — Пить. Горячки нет. Кошмаров нет. — И потом, к удивлению Джейми, он улыбнулся. — Шалом, — сказал он и жестом приказал Джейми выйти.

Д'Эглиз, радуясь тому, что получил новую работу, оставил Иэна и Джейми в большой таверне, которая называлась *Le Poulet Gai*, где развлекались остальные наемники — всяк на свой лад. В «Веселой курице» наверху располагался бордель, и не слишком опрятные женщины разной степени обнаженности свобод-

* Исп. «спасибо, сеньор».

** Исп. «Большое спасибо».

*** Исп. «Не за что».

но бродили по нижним помещениям, выбирая новых клиентов, с которыми затем исчезали наверху.

Два статных молодых шотландца вызвали определенный интерес у этих женщин, но когда Иэн величественным жестом продемонстрировал им пустой кошель — деньги у него были спрятаны под рубахой, — они оставили парней в покое.

— Я не смог бы смотреть на любую из этих, — сказал Иэн, повернувшись спиной к проституткам и посвятив все внимание элю. — После того как видел вблизи ту маленькую евреечку. Видел ли ты когда-нибудь что-либо подобное?

Джейми мотнул головой, прихлебывая из своей кружки. Напиток был кисловатым и свежим и ощущался внутри как лечебное снадобье после мук, которым его подверг доктор Хасди. Он до сих пор чувствовал призрак аромата Ребекки, ванили и розы, аромат-изгой среди густой вони таверны. Он нащупал свою шотландскую сумку, в которой был маленький сверток ткани, переданной ему Ребеккой.

— Она сказала... то есть доктор сказал, что мне нужно пить это. Каким образом, а? — В свертке содержалась смесь раскрошенных листьев, маленьких палочек и крупного порошка; от всего этого шел сильный незнакомый ему запах. Запах не был неприятным, просто необычным. Иэн нахмурился.

— Ну... может, заваривать, как чай, — сказал он. — А как же еще?

— Да мне не в чем его заваривать, — сказал Джейми. — Я подумал, может быть, развести в эле?

— Почему бы и нет?

Иэн был не слишком увлечен беседой: он наблюдал за Матье-«кабаньей мордой», который стоял у стены, подзывая проходивших мимо проституток, оценивая их взглядом с головы до ног, а иногда и щупая товар, прежде чем отправить девицу прочь шлепком по заднице.

Иэн не испытывал соблазна — по правде говоря, он побаивался женщин, — но ему было любопытно. Если бы это *когда-нибудь случилось*... С чего начинать? Попросту сграбастать девку, как это делал Матье, или сначала нужно договориться о цене, чтобы не било по карману? И прилично ли торговаться, как о буханке хлеба или куске свинины, — а ну как она пнет тебя по яйцам и найдет кого-нибудь более воспитанного?

Он бросил взгляд на Джейми, который не без труда, но все же выпил эль с травами и сейчас казался слегка остекленевшим. Он не думал, что Джейми знает, как вести себя с проститутками, но даже если он и знал, Иэну не хотелось спрашивать.

— Мне надо в сортир, — резко произнес Джейми и вскочил на ноги. Он был бледен.

— Прихватило?

— Еще нет. — И с этим загадочным замечанием он исчез, лавируя между столами. Иэн последовал за ним, задержавшись на миг, чтобы допить остатки эля Джейми и своего собственного.

Матье наконец-таки нашел себе подругу по душе; он зловеще ухмыльнулся Иэну и произнес какую-то гадость, ведя свою избранницу вверх по лестнице. Иэн ответил искренней улыбкой и сказал кое-что порезче на кельтском.

К тому времени, когда он вышел во двор позади таверны, Джейми уже исчез. Решив, что он вернется, как только избавится от своих проблем, Иэн прислонился к стене здания, наслаждаясь прохладным ночным воздухом и наблюдая за людьми во дворе.

Здесь горело несколько факелов, воткнутых в землю, и все это напоминало картину Страшного Суда, которую он однажды видел: с ангелами, дующими в трубы с одной стороны и грешниками с другой, которых тащат в Пекло за их грехи — целая паутина обнаженных рук, ног и тел. Здесь в основном наличествовали грешники, хотя уголком глаза он изредка замечал пролетавшего ангела. Иэн задумчиво облизал губы, гадая, что же было в той смеси, которую доктор Хасди дал Джейми.

Тут и сам Джейми вышел из сортира, стоявшего в дальнем конце двора. Выглядел он более свежим и уверенным в себе и, заметив Иэна, двинулся к нему, обходя группы пьяниц, распевавших песни, сидя на земле. Те, кто не пел, просто раскачивались туда-сюда, улыбаясь всему, что видят, и не особо понимая, чего они, собственно, хотят.

Иэна охватило внезапное чувство отвращения, почти ужаса — боязнь того, что он никогда больше не увидит Шотландию и умрет здесь, среди чужаков.

— Мы должны ехать домой, — резко сказал он, как только Джейми подошел ближе. — По окончании этой работы.

— Домой? — Джейми странно посмотрел на Иэна, словно тот говорил на каком-то тарабарском языке.

— У тебя там дело, и у меня тоже. Мы...

Визг, стук и грохот падающего стола и бьющейся посуды прервали их разговор. Задняя дверь таверны распахнулась, и из нее выбежала женщина, крича по-французски что-то, чего Иэн не понял, хотя догадался по ее тону, что это были ругательства. Громкий мужской голос прокричал те же слова, и вслед за девицей вылетел Матье.

Он поймал ее за плечо, развернул к себе и ударил наотмашь тыльной стороной своей мясистой ладони. При звуке удара Иэн дернулся, но рука Джейми сжалась на его запястье.

— Что... — начал было Джейми, но тут же умолк.

— *Putain de... merde... tu fais... chier**. — Матье тяжело дышал, отвешивая ей оплеухи в такт каждому слову. Она завизжала громче, пытаясь вырваться, но он крепко держал ее за руку и теперь, снова развернув, толкнул в спину. Она упала на колени.

Джейми ослабил хватку, но теперь уже Иэн крепко схватил друга за руку.

— Не надо, — коротко бросил он и потащил Джейми подальше в тень.

— Я и не собирался, — ответил Джейми, но сквозь стиснутые зубы и не доверяя собственным словам, потому что глаза его, как и глаза Иэна, не отрывались от происходящего.

Свет из распахнутой двери упал на женщину, высветив ее обвисшие груди, обнажившиеся в разорванной рубахе. Тот же свет высветил и голые круглые ягодицы. Матье задрал ее юбку до пояса и стоял позади, одной рукой пытаясь расстегнуть штаны, а другой вцепился ей в волосы и загнул голову назад, отчего шея женщины напряглась, а глаза на побелевшем лице округлились, как у насмерть перепуганной лошади.

— *Pute!* ** — сказал он и открытой ладонью с силой ударил ее по заду. — Никто не смеет так говорить со мной! — Он, наконец, вытащил свой член и, держа его в ладони, вставил женщине с силой, от которой затряслись ее ягодицы, а мышцы Иэна от шеи до колен свело судорогой.

---

* Фр. «Твою мать, шлюха, ты меня довела».

** Фр. «Шлюха!».

— *Merde* *, — сказал Джейми сквозь зубы. Мужчины и несколько женщин высыпали во двор и теперь вместе с бывшими там людьми окружили пару, наслаждаясь зрелищем. Матье работал не отвлекаясь. Он отпустил волосы женщины, чтобы крепче ухватить ее за бедра, ее голова повисла, волосы закрыли лицо. С каждым толчком Матье у нее вырывались хрип и ругань, вызывавшие веселье зрителей.

Иэн был шокирован — и тем, что сам испытал возбуждение, и тем, что творил Матье. Он никогда не был свидетелем такой откровенной случки, до того видел разве что возню под одеялом и изредка — фрагмент обнаженной бледной плоти. Но это... Ему следовало бы отвернуться, он знал, что следовало. Однако он этого не сделал.

Джейми сделал глубокий вдох, но было непонятно, хотел ли он что-то сказать. Матье откинул назад свою огромную башку и завыл по-волчьи. Окружающие разразились хохотом. Его лицо исказилось от конвульсии, он обнажил зубы, словно ощерившийся скелет, издал звук, подобный взвизгу свиньи, которую укладывают ударом по голове, и без сил упал на лежавшую проститутку.

Извиваясь и безостановочно матерясь, она выползла из-под неподвижной туши. Иэн понял, что она говорила теперь, и был бы шокирован, если бы в нем еще оставалась способность испытывать шок. Она вскочила на ноги, похоже, обойдясь без серьезных повреждений, пнула Матье по ребрам раз, другой, но, будучи босиком, не причинила тому никакого вреда. Потом залезла в кошель, все еще привязанный к его поясу, ухватила пригоршню монет, пнула его еще раз на удачу и потопала в дом, придерживая разодранную сорочку за ворот. Матье лежал ничком, развалившись на земле со штанами, спущенными до колен, смеясь и сопя.

Иэн слышал, как судорожно сглотнул Джейми, и осознал, что до сих пор стоит, вцепившись в руку друга. Джейми, похоже, этого тоже не замечал. Иэн отпустил руку. Его лицо пылало до самой груди, и похоже, что лицо Джейми тоже покраснело не от света факела.

— Пойдем... куда-нибудь, — сказал Иэн.

— Хотелось бы мне... чтобы мы хоть что-то сделали, — выдавил из себя Джейми. Они не разговаривали с тех пор, как

* Фр. «Дерьмо».

вышли из *Le Poulet Gai*. Они прошли до самого конца улицы, свернули в переулок и в конце концов зашли в небольшую и довольно тихую таверну. Там были Хуанито и Рауль, игравшие в кости с местными, но Иэна и Джейми они едва удостоили взглядом.

— Не знаю, что мы могли бы сделать, — рассудительно сказал Иэн. — В смысле мы могли бы разом навалиться на Матье и слезть с него инвалидами. И ты знаешь, что это послужило бы началом тотальной свалки со всеми остальными. — Он заколебался, искоса глянул на Джейми и снова уставился в чашку. — И... она ведь была проституткой. Я хочу сказать, она не была...

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — оборвал его Джейми. — Да, ты прав. И для начала: она сама пошла с ним. Бог знает, что он сделал, чтобы так ее разозлить, но выбирать было из чего. Хотел бы я... А, да ну на хрен. Поедим?

Иэн мотнул головой. Разносчица принесла им кувшин вина, оценила друзей быстрым взглядом и решила, что внимания они не стоят. Вино было терпким, обдиравшим все нёбо, но вкус у него оказался приличный, даже при запахе смоляных паров, и водой оно было разведено не слишком. Джейми пил большими глотками и быстрее, чем он обычно это делал; его кожа зудела, чесалась и пощипывала, и юноша хотел побыстрее избавиться от неприятного ощущения.

В заведении было несколько женщин, не слишком много. Джейми подумал, что проституция, вероятно, не слишком доходный бизнес, судя по виду этих несчастных существ, оборванных, неухоженных и почти беззубых. Может, то, чем им приходится заниматься, так истаскало их... Он отогнал от себя эти мысли и, увидев, что кувшин пуст, дал знак разносчице принести новый.

Хуанито издал радостный возглас и сказал что-то на ладино. Взглянув в его направлении, Джейми увидел, как одна из проституток, скрывавшаяся в тени, скользнула на свет и, наклонившись, поцеловала Хуанито, пока он собирал выигрыш. Джейми фыркнул, пытаясь отогнать ее запах: она прошла слишком близко, и он почуял вонь застарелого пота и дохлой рыбы. Александр рассказывал ему, что такую вонь издают немытые гениталии, и он этому верил.

Он вернулся к вину. Иэн не отставал, они шли вровень, чаша за чашей, и, возможно, по той же самой причине. Его друг обыч-

но не бывал раздражительным, но если всерьез выходил из себя, то оставался в таком состоянии до рассвета — хороший сон снимал дурное настроение, но до тех пор его лучше было не трогать.

Он искоса взглянул на Иэна. Он не смог бы рассказать Иэну о Дженни. Он просто... не смог бы. Но не мог и думать о ней, оставленной в Лэллиброке... может быть, бере...

— О Боже, — сказал он едва слышно. — Нет. Прошу тебя, нет.

— Не возвращайся, — сказал Муртах и явно говорил всерьез. Что ж, он вернулся бы — но пока не время. Это не помогло бы его сестре: вернись он сейчас, он привел бы за собой Рэнделла и красных мундиров прямо к ней, как мух к трупу свежеубитого оленя... Ужаснувшись, он покачал головой, поспешно отгоняя эту аналогию. Все дело было в том, что его тошнило от стыда, когда он думал о Дженни, и он пытался не думать — и стыд еще больше грыз его от того, что ему это удавалось.

Взгляд Иэна был прикован к одной из шлюх. Старая, как минимум тридцати лет, но почти все ее зубы были на месте, да и выглядела она чище остальных. Она флиртовала с Хуанито и Раулем, и Джейми подумал, имела бы она что-нибудь против, узнав, что они евреи. Возможно, проститутка не может позволить себе быть слишком разборчивой.

Его предательский ум тут же нарисовал ему картину его сестры, вынужденной идти по этой жалкой дорожке, чтобы как-то прокормиться, заставлять себя брать любого мужчину, который... Матерь Божья, что стали бы делать люди — арендаторы, слуги, — узнай они, что произошло? Разговоры... Он крепко зажмурился, надеясь воспрепятствовать воображению.

— А эта не так уж плоха, — задумчиво сказал Иэн, и Джейми открыл глаза. Проститутка склонилась над Хуанито, потирая своей грудью его бородавчатое ухо. — Если она не испытывает неприязни к евреям, то могла бы...

Кровь бросилась Джейми в лицо.

— Если у тебя имеются хоть какие-то мысли о моей сестре, ты не будешь... не будешь пачкаться с первой попавшейся французской шлюхой!

Иэн побледнел и тут же покрылся краской.

— О, вот как? А если я скажу, что твоя сестра того не стоит?

Кулак Джейми врезался ему в скулу, и он полетел назад, перевернув лавку и ударившись о соседний стол. Джейми даже не заметил этого, адская боль в его кисти полыхала огнем и серой от разбитых в кровь костяшек — и выше, до самого плеча. Он раскачивался вперед и назад, зажав разбитую руку между бедрами и матерясь на трех языках.

Иэн, согнувшись, сидел на полу, держась за скулу и коротко и прерывисто дыша ртом. Через минуту он выпрямился. Его глаз уже опух, и слезы стекали по впалой щеке. Он встал, медленно качая головой, и поставил лавку на место. Потом сел, поднял свою чашу и сделал большой глоток, продавив вино внутрь и резко выдохнув. Он взял платок, который Джейми протянул ему, и приложил к глазу.

— Извини, — пробормотал Джейми. Боль в его руке начала утихать, а боль в сердце — напротив.

— Ну да, — тихо ответил Иэн, избегая его взгляда. — Я тоже хотел, чтобы мы что-нибудь сделали. Как насчет миски тушеного мяса с овощами на двоих?

Двумя днями позже они отправлялись в Париж. После некоторого раздумья д'Эглиз решил, что Ребекка и ее служанка поедут в экипаже в сопровождении Джейми и Иэна. Д'Эглиз с прочими вояками повезут деньги, а нескольких человек пошлют вперед малыми группами — и проверять дорогу впереди, и для того, чтобы они могли скакать посменно, не останавливаясь по пути. Женщинам, конечно, останавливаться придется, но никаких ценностей с ними не было, так что не предвиделось и опасности.

И только когда они приехали к дому доктора Хасди, чтобы забрать женщин, то узнали, что свиток Торы и его хранитель, серьезного вида человек средних лет, которого представили как мсье Переца, поедут с Ребеккой.

— Я вверяю вам мои величайшие сокровища, господа, — сказал им доктор через внучку, сопроводив свои слова формальным поклоном.

— Да будем мы достойны вашего доверия, господин, — произнес Джейми на запинающемся древнееврейском, а Иэн церемонно поклонился, приложив руку к сердцу. Доктор Хасди перевел взгляд с одного на другого, коротко кивнул и шагнул вперед, чтобы поцеловать Ребекку в лоб.

— Да пребудет с тобой Бог, дитя мое, — прошептал он на языке, достаточно близком к испанскому, что позволило Джейми понять его слова.

В первый день и первую ночь путешествия все шло хорошо. Осенняя погода была мягкой, с едва ощутимым холодком в воздухе; лошади пребывали в прекрасной форме. Доктор Хасди вручил Джейми кошелек на дорожные расходы, и все они ели прилично и ночевали в очень респектабельной гостинице — Иэн отправился вперед, чтобы осмотреть помещение и убедиться в отсутствии неприятных сюрпризов.

Небо на рассвете следующего дня было облачным, но поднявшийся ветер разогнал тучи еще до полудня, оставив его чистым и сияющим, как гигантский сапфир над головой. Джейми скакал впереди, Иэн сзади, и экипаж двигался довольно споро, несмотря на изрезанную бороздами вьющуюся дорогу. Когда они достигли вершины небольшого подъема, Джейми увидел, что неширокий поток, бежавший вдоль обочины, превратился в болотце футов десяти шириной. Он резко остановил лошадь, поднял руку, тормозя экипаж, а Иэн осадил своего коня рядом с Джейми.

— Что за... — начал было он, но не договорил. Возница на какой-то момент приостановил экипаж, но когда изнутри его раздался не допускающий возражений окрик, он хлестнул вожжами по лошадиным спинам, и экипаж рванулся вперед, едва не задев лошадь Джейми, которая резко дернулась, сбросив всадника в кусты.

— Джейми! Ты в порядке? — Раздираемый тревогой за друга и чувством долга, Иэн удерживал своего коня, вертя головой по сторонам.

— Останови их! Догони! *Ifrinn**! — Джейми боком выбрался из кустов, с лицом исцарапанным и покрасневшим от гнева. Иэн, не раздумывая, пришпорил коня и рванул в погоню за тяжелым экипажем, который сейчас кренился из стороны в сторону, двигаясь по болотистому дну. Женские протестующие крики изнутри были заглушены резким криком возницы: «*Ladrones!*»

Это было единственное слово, которое он знал на испанском, — «грабители». Один из *ladrones* уже несся рядом с эки-

* На шотландско-кельтском «черт», «чертовщина».

пажем, и возница тут же соскочил со своего сиденья, упал на землю и, поднявшись, быстро побежал прочь.

— Трус! — заревел Иэн и издал особый, ведомый горцам крик, заставивший запряженных коней танцевать на месте, дергая головами вправо и влево и не давая неудачливому похитителю ухватить вожжи. Он заставил своего коня, которому крик Иэна понравился ничуть не больше, чем упряжным лошадям, преодолеть узкую полосу между кустарником и экипажем. Поравнявшись с грабителем, державшим вожжи, он вытащил пистолет. Прицелившись в него — молодого парня с соломенного цвета волосами, — он криком приказал ему сдвинуть коней с места.

Мужчина посмотрел на него, резко присел и хлестнул вожжами по спинам лошадей, одновременно закричав на них. Иэн выстрелил, но промахнулся, однако задержка позволила Джейми догнать их; Иэн видел, как рыжая голова Джейми мелькнула, когда он взбирался по задней стенке экипажа, изнутри которого раздались новые крики, когда Джейми протопал по крыше и обрушился на желтоволосого возницу.

Предоставив Джейми разбираться с этой проблемой, Иэн пришпорил коня, собираясь вырваться вперед и перехватить вожжи, но один из разбойников опередил его и уже пригибал к земле голову одной из лошадей. Что ж, однажды это сработало. Иэн набрал полные легкие воздуха и разразился криком.

Упряжные лошади рванули вперед в брызгах грязи. Джейми и желтоволосый возница свалились с сиденья, сукин сын, бывший на дороге, исчез, возможно, вдавленный толкотней в трясину. Во всяком случае, Иэн на это надеялся. С покрасневшими глазами он поднял на дыбы своего взбудораженного коня, обнажил шпагу с широким клинком и рванул через дорогу, вопя словно банши и размахивая шпагой во все стороны. Два бандита, разинув рты, уставились на него, а потом бросились наутек.

Он погнался за ними в кустарник, но кусты были слишком густыми, и конь не мог двигаться, — тогда Иэн повернул назад, где обнаружил Джейми, катавшегося по дороге и от души дубасившего светловолосого паренька. Иэн заколебался: помочь ему или посмотреть, как дела с экипажем? Громкий треск и ужасные крики сразу же помогли ему определиться с выбором, и он рванул вдоль дороги.

Экипаж — уже без возницы — съехал с дороги, влетел в болото и упал на бок в канаву. Судя по беспорядочным голосам, доносившимся изнутри, он понял, что женщины, скорее всего, целы и, развернув коня, поспешно обмотал вожжи вокруг дерева, после чего побежал к упряжным лошадям, чтобы помешать им покалечить друг друга в суматохе.

Ему понадобилось время, чтобы в одиночку разделаться со всей неразберихой. К счастью, лошади не сильно поранились, а его усилиям не слишком помогло появление из экипажа двух взволнованных и очень растрепанных женщин, которые, перебивая друг друга, лопотали на непостижимой смеси французского и ладино.

Тем лучше, — подумал он, сделав неопределенный жест высвободившейся на секунду рукой. — *Их лепет сейчас ничему не поможет.* Потом он уловил слово «мертв» и немедленно изменил свое мнение. Мсье Перец обычно был так молчалив, что Иэн просто забыл о нем во всей этой суматохе. Сейчас же он был безмолвнее камня, потому что, как выяснил Иэн, сломал шею, когда экипаж перевернулся.

— О Боже! — выдохнул он и побежал посмотреть, что случилось. Но Перец, вне всяких сомнений, был мертв, а лошади до сих пор бились в истерике, оскальзываясь и застревая в грязи придорожной канавы. Иэн не мог терять время, думая о том, как справляется Джейми, но когда он выпряг вторую лошадь и надежно привязал ее к дереву, то тревожные мысли о друге атаковали его с новой силой.

Он полагал небезопасным оставить женщин: бандиты могли вернуться, и было бы глупостью сперва не убедиться в обратном. Их собственного возницы нигде не было видно. Похоже, он, испугавшись, бежал, бросив всё. Иэн усадил женщин под фиговым деревом и дал им хлебнуть из своей фляжки. Через некоторое время они поумерили свою болтовню.

— А где Диего? — спросила Ребекка вполне членораздельно.

— О, он скоро будет с нами, — ответил Иэн, надеясь, что это правда. Он уже и сам начинал беспокоиться.

— Может быть, его тоже убили, — сказала служанка, бросив сердитый взгляд на свою госпожу. — Как ты себя тогда почувствуешь?

— Я уверена, что он не... не убит. Я уверена, — повторила Ребекка, однако уверенности в ее голосе не слышалось.

Она, однако, оказалась права. Прежде чем Иэн решил отправить женщин вперед по дороге, чтобы поискать друга самому, Джейми шаркающей походкой вышел из-за поворота и опустился на сухую траву, закрыв глаза.

— Вы в порядке? — спросила Ребекка, с беспокойством наклоняясь над Джейми, чтобы взглянуть на него из-под полей соломенной дорожной шляпы. Он выглядит вконец обессилевшим, подумал Иэн.

— Да, все прекрасно. — Джейми прикоснулся к затылку, слегка поморщившись от боли. — Небольшой удар по голове. Тот тип, что упал на дорогу, — пояснил он Иэну, снова закрывая глаза. — Поднялся на ноги и ударил меня сзади. Не вырубил, но слегка оглушил, а когда я пришел в себя, они оба удрали — и тот, что меня ударил, и тот, с которым дрался я.

— Мгм, — сказал Иэн и, присев на корточки перед другом, приподнял одно из век Джейми и внимательно всмотрелся в налитый кровью голубой глаз. Он понятия не имел, чего ищет, но видел, что так делал отец Рено, после чего прикладывал к какому-нибудь месту пиявок. Иэн подумал, что и этот глаз и другой вроде бы в порядке. Оно и к лучшему, тем более что пиявок у него не было. Он вручил Джейми фляжку и пошел осмотреть лошадей.

— Две из них, похоже, в норме, — сообщил он, вернувшись. — Гнедая слегка хромает. Бандиты увели твою лошадь? И что с возницей?

Джейми выглядел удивленным.

— Я и забыл, что у меня была лошадь, — признался он. — О вознице я ничего не знаю, по крайней мере не видел его лежащим на дороге. — Он осмотрелся по сторонам. — А где мсье Уксус?

— Мертв. Побудь здесь, ладно?

Иэн вздохнул, поднялся и размашистым шагом двинулся назад по дороге, где не обнаружил и следа возницы, хотя прошелся и по сторонам, внимательно все оглядывая. Зато он нашел лошадь Джейми, которая мирно паслась на траве. На ней он и прискакал назад и увидел, что женщины уже стоят, обсуждая что-то тихими голосами, время от времени поглядывая на дорогу, или, приподнявшись на цыпочки, безуспешно пытаются рассмотреть что-то среди деревьев.

Джейми по-прежнему сидел на земле с закрытыми глазами — но по крайней мере сидел он прямо.

— Ты можешь ехать верхом, старина? — мягко спросил Иэн, опускаясь на корточки рядом с другом. К его облегчению, Джейми мгновенно открыл глаза.

— О да. Думаешь, нам нужно добраться до Сен-Обея и прислать кого-нибудь сюда, чтобы занялись экипажем и Перецем?

— А что еще можно предпринять?

— Ничего другого в голову не приходит. Не думаю, что мы можем забрать его с собой. — Джейми поднялся на ноги, слегка пошатываясь, но не настолько, чтобы пришлось хвататься за дерево. — Сумеют ли женщины ехать верхом, как ты думаешь?

Как выяснилось, Мари умела — по крайней мере немножко. Ребекке же никогда раньше не случалось этого делать. После недолгой дискуссии, которую Иэн счел возможной, имея в виду ее предмет, он аккуратно уложил покойного мсье Переца на сиденье экипажа, укрыв его лицо платком от мух, после чего все остальные наконец сели на лошадей: Джейми — на свою лошадь, со свитком Торы в холсте, притороченном к седлу, — между святотатством прикосновения к Торе гоя и перспективой оставить свиток в экипаже, где его мог найти кто угодно, женщины неохотно согласились на меньшее зло. Служанка села верхом на одну из упряжных лошадей, соорудив подобие седла из покрытий сиденья экипажа и наложив на них столько женского багажа, сколько уместилось, а Ребекка пристроилась в седле впереди Иэна.

Ребекка выглядела маленькой куколкой, но оказалась на удивление крепкой, в чем он убедился, когда девушка поставила ногу на его ладони, а он усаживал ее в седло. Она не смогла перебросить ногу через седло и вместо этого легла поперек него, словно подстреленный олень, беспорядочно размахивая руками и ногами. Он все-таки усадил ее прямо и сел позади девушки с раскрасневшимся и покрытым бисеринками пота лицом, и вовсе не от работы.

Джейми глядел на него, приподняв бровь, и в этом взгляде читалась как зависть, так и веселье. Он подмигнул Джейми в ответ и обхватил рукой талию Ребекки, прочнее удерживая ее в седле и надеясь, что не слишком провонял потом.

Было уже темно, когда они доехали до Сен-Обея и нашли гостиницу, которая могла предоставить им две комнаты. Иэн

потолковал с хозяином и договорился, что утром кто-нибудь приедет забрать тело мсье Переца и похоронить его. Женщины были недовольны, что тело не будет подготовлено должным образом, и упорно настаивали на том, что мертвец должен быть похоронен до заката, если уж всего остального сделать нельзя. Затем Иэн осмотрел женскую комнату, заглянул под кровати, уверенным жестом постучал по ставням и пожелал им доброй ночи. Они выглядели порядком уставшими.

Перейдя в другую комнату, он услышал нежный звук колокольчиков и увидел Джейми, стоявшего на коленях и заталкивавшего свиток Торы под кровать.

— Сойдет, — сказал он, садясь на корточки, и вздохнул. Джейми выглядел таким же измотанным, как женщины, решил про себя Иэн, но не произнес этого вслух.

— Пойду распоряжусь, чтобы нам прислали ужин сюда, — сказал он. — Я чувствую запах мяса на вертеле. Немножко мясца и, может быть...

— Всё, что у них есть! — пылко отозвался Джейми. — Пусть несут всё!

Они ели с аппетитом. Джейми уже начал чувствовать, что вторая порция торта с карамелью и взбитым кремом была лишней, когда Ребекка вошла в комнату мужчин в сопровождении служанки, которая несла небольшой поднос с кувшином, от которого шел ароматный пар. Джейми выпрямился, едва сдержав крик, когда боль молнией пронзила его голову. Ребекка, озабоченно нахмурившись, посмотрела на юношу.

— У тебя сильно болит голова, Диего?

— Нет, все в порядке. Небольшой удар по голове — ерунда. — Он вспотел, его живот вздрагивал, но он уперся руками в столик и изо всех сил старался выглядеть нормально. Она же явно так не считала и, подойдя ближе, наклонилась, заглядывая ему в глаза.

— Я так не думаю, — сказала она. — Похоже, ты расклеился.

— О... Да? — сказал он слабым голосом.

— Если она имеет в виду, что вид у тебя как у высосанной устрицы, то да, — проинформировал его Иэн. — Шок, ясно? И сам весь бледный, и потный, и...

— Я знаю, что значит «расклеился», понял? — Он сердито посмотрел на Иэна, который ответил другу полуулыбкой — чёрт,

должно быть, он действительно выглядит погано; вид у Иэна был озабоченный. Он сглотнул, подыскивая слова, чтобы их переубедить, но непереваренная пища внезапно подкатила к горлу, и ему пришлось срочно закрыть рот и глаза, концентрируясь на том, чтобы не стошнить у всех на глазах.

— Чай, — сказала Ребекка твердым голосом. Она взяла кувшин у служанки и налила чай в чашку, потом, сложив на ней ладони Джейми, прижала его руки своими ладонями, направляя чашку к его рту. — Пей. Это должно помочь.

Он выпил, и это действительно помогло. Во всяком случае, он сразу почувствовал, что тошнота отступила. Он узнал вкус чая, но подумал, что в заваренном напитке были и другие травы.

— Еще. — Она наполнила вторую чашку. Эту он смог выпить самостоятельно и, сделав последний глоток, почувствовал себя еще лучше. В голове пульсировало в такт ударам сердца, но боль, казалось, отдалилась.

— Какое-то время тебе не стоит оставаться одному, — сказала Ребекка и села, элегантно обернув юбку вокруг лодыжек. Он открыл рот, чтобы сказать: он не один, Иэн ведь здесь, — но вовремя поймал взгляд Иэна и промолчал.

— Бандиты, — сказала она Иэну, изогнув свою хорошенькую бровь. — Кем, по-твоему, они были?

— Э... это зависит от многих факторов. Если они знали, кто вы, и хотели похитить вас, — это одно. Но могли быть и случайными грабителями — просто увидели экипаж и решили попробовать, не возьмут ли они его. Ты узнала кого-нибудь из них, нет?

Ее глаза вспыхнули. *Они не вполне цвéта Аннелиз,* — туманно подумал Джейми. — *Мягче чем карие, оттенка нагрудных перьев куропатки.*

— Знали, кто я? — прошептала она. — Хотели похитить меня? — Девушка сглотнула. — Ты... ты думаешь, это возможно? — Ее передернуло.

— Ну, наверняка я этого, конечно, не знаю. А пока, мониэн*, думаю, тебе стоит выпить чуть-чуть этого чая. — Иэн протянул свою длинную руку к кувшину, но она отвела ее в сторону, отрицательно покачав головой.

---

* На шотландско-кельтском «девушка».

— Нет, это лекарство, и оно нужно Диего. Не так ли? — сказала она, наклоняясь и внимательно всматриваясь в глаза Джейми. Она была без шляпы, но подвязала волосы кружевным белым чепчиком с розовой лентой. Джейми послушно кивнул.

— Мари, принеси, пожалуйста, бренди. Этот шок... — Она снова сглотнула и обхватила себя руками. Джейми заметил, что этот жест приподнял ее груди и они слегка увеличились в объеме. В чашке еще оставалось немного чая, и он автоматически допил его.

Появилась Мари с бутылкой бренди и налила стаканчик для Ребекки, затем, повинуясь жесту госпожи, еще один для Иэна, а когда Джейми вежливо кашлянул, налила ему полчашки, долив до ободка чаем. Вкус был странноватый, но он ничего не имел против. Боль ушла в дальний конец комнаты. Он видел, как она сидит там, маленькая мерцающая багровая штучка с мрачным выражением на физиономии. Джейми рассмеялся, и Иэн, нахмурившись, посмотрел на него.

— И над чем ты хихикаешь?

Джейми не мог придумать, как лучше описать эту зверушку-боль, и потому просто покачал головой, что оказалось ошибкой — боль внезапно обрадовалась и снова выстрелила в голове со звуком рвущейся ткани. Комната завертелась, и он обеими руками ухватился за стол.

— Диего!

Заскрипели стулья, и начался галдеж, на который он не стал обращать внимания. В следующее мгновение он уже лежал на кровати, глядя на балки потолка. Одна из них извивалась, как растущая виноградная лоза.

— ...И тогда он сказал капитану, что кто-то среди евреев знает о... — Иэн говорил успокаивающе, серьезно и нарочито медленно, чтобы Ребекка могла понять его, хотя Джейми подумал, что, возможно, девушка понимает больше, чем сказала. На вьющейся балке проклюнулись зеленые листья, и он подумал, что это необычно, однако внезапно охватившее его чувство покоя сделало все происходящее на его глазах милым и уютным.

Ребекка что-то говорила мягким и озабоченным тоном, и Джейми с некоторым усилием повернул голову, чтобы посмотреть на нее. Она наклонилась к Иэну через стол, а он обхватил девушку своими огромными ладонями, уверяя, что он и Джейми не позволят, чтобы с ней случилась какая-нибудь беда.

Внезапно в его поле зрения появилось еще одно лицо: служанка Мари, хмурясь, смотрела на него. Она грубо приподняла его веко и уставилась в его глаз, наклонившись так близко, что Джейми чувствовал запах чеснока в ее дыхании. Он с усилием моргнул, и она, фыркнув, повернулась, сказав что-то Ребекке, которая коротко и резко ответила ей на ладино. Служанка с сомнением покачала головой, но вышла из комнаты.

Однако ее лицо осталось здесь. Джейми до сих пор видел его, хмурое, нависшее над ним. Оно держалось на цветущей балке, и он понял, что там наверху висит змея, большая змея с головой женщины и яблоком во рту, — это казалось неправильным, ведь должна была быть свинья? — и она скользнула вниз по стене прямо на его грудь, прижимая яблоко к его лицу. Великолепный аромат наполнил его ноздри, и он хотел откусить кусочек, но, прежде чем смог это сделать, почувствовал, что вес змеи изменился, она стала мягкой и тяжелой, и Джейми немного выгнул спину, ощущая на себе тяжесть ее больших округлых грудей. Хвост змеи — сейчас это была по большей части женщина, только нижняя половина еще оставалась змеиной — нежно поглаживал внутреннюю сторону его бедра.

Он издал очень высокий звук, и Иэн бросился к его кровати.

— Ты в порядке, дружище?

— Я... Ох! О Господи, сделай это снова.

— Сделай ч т о ?.. — начал был Иэн, но тут рядом с ним возникла Ребекка и положила ладонь на руку Иэна.

— Не беспокойся, — сказала она, внимательно глядя на Джейми. — Он в порядке. Это все лекарство — оно вызывает у людей странные сны.

— Не похоже, чтобы он спал, — с сомнением произнес Иэн. Джейми действительно изгибался — или думал, что изгибается, — на кровати, пытаясь убедить нижнюю часть женщины-змеи тоже превратиться в женщину. Он тяжело дышал и сам это слышал.

— Это лишь галлюцинация, — успокаивающе сказала Ребекка. — Пойдем, оставь его. Он вот-вот уснет, увидишь.

Джейми не думал, что видит все это во сне, но некоторое время спустя он вышел из состояния странной встречи с демоном-змеей. Юноша не знал, почему он был уверен, что видит

демона, но судя по всему, так оно и было — ее нижняя часть не изменилась, но рот был очень женским как и тела ее подруг, маленьких женщин-демониц, лизавших его уши — среди прочего — с явным энтузиазмом.

Он повернул голову на подушке, чтобы позволить одной из них добраться до вожделенной цели, и увидел, без всякого удивления, Иэна, целующего Ребекку. Пустая бутылка бренди опрокинулась, и он, казалось, видел пары ее аромата, витающие в воздухе как дым и окружающие целующуюся пару туманом, в котором просвечивала радуга.

Он снова закрыл глаза, чтобы сосредоточиться на отношениях с женщиной-змеей, у которой теперь было множество интересных подруг. Когда он позднее открыл их, Иэн и Ребекка исчезли.

В какой-то момент он услышал, как Иэн издал сдавленный крик, и тускло подумал, что могло случиться, но мысли снова расплылись. Он заснул.

Проснулся он немного позже, чувствуя себя обмякшим, как подмороженный капустный лист, но боль в голове исчезла. Он полежал, наслаждаясь этим ощущением. В комнате было темно, и он не сразу ощутил, что рядом с ним лежит Иэн — понял это по запаху бренди.

Память вернулась. Потребовалось некоторое время, чтобы отличить реальные воспоминания от причудливого сна, но он был вполне уверен, что видел Иэна, обнимающего Ребекку, и то, как она обнимала его. Что за чертовщина случилась п о т о м?

Иэн не спал — это он понял. Его друг лежал, застыв, как надгробная фигура в склепе Сен-Дени, и дыхание его было быстрым и неровным, словно он только что пробежал целую милю вверх по склону холма. Джейми кашлянул, и Иэн дернулся, словно его кольнули булавкой.

— Ну что? — прошептал он, и дыхание Иэна внезапно прервалось. Он звучно сглотнул.

— Если ты хоть словом обмолвишься об этом своей сестре, — сказал Иэн страстным шепотом, — я зарежу тебя во сне, отрежу голову и буду пинать ее в Арль и обратно.

Джейми не хотел думать о сестре и не хотел слышать о Ребекке, а потому просто сказал:

— Ну и?

Иэн издал хриплый звук, показывавший, что он думает, как лучше начать рассказ, и выбрался из-под своего пледа, повернувшись лицом к Джейми.

— Ну и... Мы поболтали немного о голых дьяволицах, с которыми ты ворочался, и я подумал, что девушке не стоит слушать твое бормотание, и сказал, что нам стоит перейти в другую комнату, и...

— Это было до или после того, как ты начал ее целовать? — спросил Джейми. Иэн шумно втянул носом воздух.

— После, — сказал он резко. — Но она отвечала на мои поцелуи, понял?

— Понял. Я это заметил. И потом?.. — Он чувствовал, что Иэн медленно изгибается, как червяк на крючке, но ждал. Он часто давал Иэну время подобрать нужные слова, но обычно оно того стоило. Во всяком случае, сейчас.

Он был немного шокирован — и полон зависти — и думал о том, что может случиться, когда жених девушки узнает, что она не девственница, но еще думал, что, может быть, он этого и не узнает: девица явно была умна. Возможно, стоило оставить отряд д'Эглиза и двигаться на юг, на всякий случай...

— Как думаешь, обрезание — это больно? — внезапно спросил Иэн.

— Думаю, да. А как может быть не больно? — Он нащупал рукой собственный член и потирал его большим пальцем, словно защищая. Он не был слишком большим, но все же, все же...

— Они делают это маленьким детям, — заметил Иэн. — Не может же это быть так уж паршиво, а?

— Ммм... — сказал Джейми без особого убеждения, но справедливости ради добавил: — Ну да, они ведь это сделали и с Христом.

— Да? — Иэн, казалось, был поражен. — Да, верно, я об этом не подумал.

— Ты не подумал, что он был евреем, да? Ну так, для начала, он им был.

Прежде чем Иэн вернулся к разговору, комната на несколько мгновений погрузилась в тишину, полную невысказанных мыслей.

— Как ты думаешь, а Иисус когда-нибудь делал это? Я имею в виду с девушкой — до того как начал проповедовать?

— Я думаю, отец Рено поимеет тебя за богохульство.

— Отца Рено, слава Богу, здесь нет.

— Но тебе же придется исповедоваться ему, а?

Иэн резко выпрямился, обернувшись пледом.

— Что?

— Иначе ты попадешь в Ад, если тебя убьют, — заметил Джейми, чувствуя себя праведником-зубрилой. Лунный свет падал в окно, и он мог видеть лицо Иэна, погруженного в тревожные раздумья, и взгляд его глубоко сидящих глаз метался туда-сюда, словно между Сциллой и Харибдой. Внезапно Иэн повернул голову к Джейми, видимо, отыскав безопасное пространство между угрозой Ада и отцом Рено.

— В Ад попадаешь, только совершив смертный грех, — сказал он. — Если же грех простительный, я проведу тысячу лет в Чистилище. Не так уж плохо.

— Ну конечно, это смертный грех, — сказал Джейми злорадно. — Все знают, что прелюбодеяние смертный грех, дурачок.

— Да, но... — Иэн сделал ладонью жест, означающий «подожди», и погрузился в мысли. — Чтобы это было по-настоящему с м е р т н ы м грехом, необходимы три условия. Типа — требования. — Он поднял указательный палец. — Это должно быть в с е р ь е з грешно. — Средний палец. — Ты должен п о н и м а т ь, что это всерьез грешно. — Безымянный палец. — И должен быть с о г л а с е н на это. Оно ведь так, нет? — Он опустил руку и смотрел на Джейми, подняв брови.

— Ну и чего же ты не сделал? Не дал своего согласия? Она тебя изнасиловала? — Он подтрунивал над другом, но Иэн отвернулся так, словно его внезапно охватило сомнение. — Иэн?

— Нееет... — ответил его друг, но в ответе тоже слышалось сомнение. — Это было не так, не совсем так. Я имею в виду серьезность деяния. Я не думаю, что это было... — Его голос стих.

Джейми рывком повернулся, оперся на локоть.

— Иэн! — сказал он со сталью в голосе. — Что ты сделал с девушкой? Если ты лишил ее девственности, это неправильно всерьез. Особенно учитывая то, что она помолвлена. О... — У него мелькнула новая мысль, и Джейми наклонился ближе, понизив голос: — Она не была девственницей? Тогда, может, это совсем другое дело. Если девица прежде уже распутничала, то, пожалуй... Ведь если подумать, она, наверное, п и с а л а стихи...

Иэн сложил руки на коленях и положил на них голову. Его голос звучал глухо из складок пледа.

— ...я не знаю... — выдавил он из себя.

Джейми потянулся и впился пальцами в голень Иэна, вынудив друга распрямиться со сдавленным криком, от которого кое-кто в дальней комнате зашевелился и забормотал во сне.

— Что ты имеешь в виду под «я не знаю»? Как ты мог этого не заметить? — прошипел Джейми.

— Э... ну... она... э... она играла с ним рукой, — пробормотал Иэн. — Прежде чем я смог... ну...

— Ох!.. — Джейми перекатился на спину, словно обессилев душой, если не телом. Однако его член все еще жаждал подробностей.

— Это настолько плохо? — спросил Иэн, снова поворачиваясь к Джейми. — Или... ну, я могу сказать, что я просто дал на это свое с о г л а с и е, потому что я вовсе не имел этого в виду...

— Я думаю, ты направляешься в Плохое Место, — заверил его Джейми. — Ты хотел это сделать, не важно, сделал ты это или нет. И как это все происходило, кстати? Она что, просто овладела тобой?..

Иэн издал долгий, долгий вздох и снова опустил голову на колени. Казалось, ему больно.

— Ну, мы немного целовались, а потом выпили еще бренди — порядочно. Она набрала его в рот и поцеловала меня, и... выпустила бренди в мой рот, и...

— *Ифринн*! *

— Ты мог бы, пожалуйста, сказать также «Пекло»? Я не хочу об этом думать.

— Извини. Продолжай. Она дала тебе пощупать груди?

— Ненадолго. Она не позволила моим рукам оставаться там, но я мог чувствовать ее соски, когда она шевелилась... ты что-то сказал?

— Нет, — с усилием произнес Джейми. — И что потом?

— Ну а потом она сунула руку под мой килт и внезапно отдернула ее так, словно прикоснулась к змее.

— Отдернула?

— Да. Она была шокирована. Ты можешь не сопеть так громко? — сказал Иэн раздраженно. — Разбудишь весь дом. Это потому, что он у меня необрезанный.

---

* «Ад», «дьявол» на шотландско-кельтском.

— А... И поэтому она не стала делать это с тобой... обычным способом?

— Она этого не сказала, но может быть. Потом, однако, она захотела посмотреть на него, и именно тогда... ну...

— Мгм. — Обнаженные демоницы против шанса вечного проклятия — или нет, но Джейми подумал, что Иэн провел вечер наилучшим образом. Внезапно он вспомнил. — А почему ты спросил меня, насколько больно обрезание? Ты же не собирался его сделать? Ради нее, я имею в виду?

— Не скажу, что у меня не было подобной мысли, — признался Иэн. — То есть, приняв во внимание обстоятельства, я думал, что должен жениться на ней. Но, наверное, я не смог бы стать евреем, даже если бы у меня хватило духу на обрезание — моя мама, сделай я такое, голову бы мне оторвала.

— Да, ты прав, — согласился Джейми. — Оторвала бы. И в Ад ты п о п а д е ш ь . — Мысль об изящной тоненькой Ребекке, сбивающей масло во дворе шотландского поместья или топчущей пропитанную мочой шерсть босыми ногами, была не намного смешнее Иэна в ермолке и с пейсами — да, не намного. — К тому же у тебя нет денег, так?

— Немножко есть, — задумчиво сказал Иэн. — Но не так много, чтобы уехать и поселиться в Тимбукту, а убраться мне пришлось бы не ближе.

Джейми вздохнул и потянулся, расслабляясь. Воцарилась полная раздумий тишина. Иэн, несомненно, размышлял о вечном наказании, Джейми снова переживал лучшие фрагменты своих опиумных видений, но у женщины-змеи теперь было лицо Ребекки. Наконец он нарушил молчание, повернувшись к другу.

— Ну и... стоило оно того, чтобы попасть в Ад?

Иэн снова глубоко вздохнул, но это был вздох человека, примирившегося с самим собой.

— О да.

Джейми проснулся на рассвете, чувствуя себя прекрасно и пребывая в гораздо лучшем расположении духа. Какая-то добрая душа принесла ему кувшин эля и хлеб с сыром. Он подкрепился, пока одевался, размышляя о предстоящем дне. Ему нужно было взять несколько человек, чтобы вернуться к повозке и заняться ею. Он полагал, что лучшее, что можно сде-

лать с господином Перецем, — привезти его сюда в экипаже и потом найти поблизости каких-нибудь евреев, которые могли бы взять на себя заботы о его похоронах. Женщины настаивали на том, чтобы его похоронили до заката. Если же нет... что ж, он сам пройдет по этому пути, когда дело дойдет до финала.

Он подумал, что экипаж не должен быть сильно поврежден. Они могут починить его к полудню. Но как далеко отсюда Бонне? Это был ближайший город с гостиницей. Если он действительно далеко, или если экипаж сильно поврежден, или он не сможет достойно похоронить господина Переца, им придется снова провести ночь здесь. Он ощупал кошелек и подумал, что этого хватит и на следующую ночь, и на то, чтобы нанять людей: доктор не поскупился.

Он задумался над тем, что задерживает Иэна и женщин. Хотя он знал, что женщинам требуется обычно больше времени, чтобы сделать все, что делает мужчина, не говоря уже о том, чтобы одеться, — что ж, они могут остаться и изливать свое раздражение... Он отпил пару глотков эля, представляя себе Ребекку и живо воссоздавая картины, вызванные рассказом Иэна о его встрече с девушкой. Сейчас он не видел ничего, кроме сосков, выступающих через тонкую ткань, гладких и округлых, как обкатанные камешки...

Иэн ворвался в комнату, дико вращая глазами. Волосы его стояли дыбом.

— Их нет!

Джейми едва не захлебнулся элем.

— Что? Как?

Иэн понял его вопросы, и уже направлялся к кровати.

— Никто их не похищал. Нет ни малейшего признака борьбы, их вещи исчезли. Окно открыто, но ставни не сломаны.

Джейми стоял на коленях рядом с Иэном, засунув сперва руки, а потом и голову с плечами под кровать. Свиток, завернутый в холст, находился там, — и он испытал момент облегчения, которое рассеялось в ту же секунду, когда Иэн вытащил свиток наружу. Он издал звук, но вовсе не мягкий звон золотых колокольчиков. Он тарахтел, и когда Джейми отогнул край холста и развернул свиток, то увидел, что внутри были палочки и камешки, торопливо завернутые в женскую юбку, чтобы свиток не казался пустым.

— *Cramouille!* — прозвучало самое грязное слово, пришедшее ему в голову. И к тому же весьма уместное, если произошло именно то, что он подумал.

Он повернулся к Иэну.

— Она опоила меня и соблазнила тебя, а ее проклятая служанка пробралась сюда и украла свиток, пока ты зарывался своей тупой башкой в ее... в ее...

— Прелести, — коротко закончил Иэн, блеснув зловещей улыбкой. — Ты просто завидуешь. Но куда, по-твоему, они отправились?

Это было правдой, и Джейми проглотил дальнейшие обвинения, встав и надев пояс, в процессе торопливо разливая выпивку и прилаживая к поясу кинжал, шпагу и топор.

— Не в Париж, думаю. Пошли, спросим у конюха.

Конюх пребывал в растерянности. Он лежал под навесом для сена, упившийся вусмерть, и если бы кто-нибудь вывел всех лошадей из стойла, то все равно не очнулся бы.

— Ну ладно, — сказал Джейми нетерпеливо и, схватив конюха за грудки, поднял его на ноги и грохнул о каменную стену гостиницы. Голова бедняги отскочила от камня, и он обвис в руках Джейми, все еще в сознании, но в состоянии шока.

Джейми обнажил левой рукой свой кинжал и прижал его лезвие к обветренной глотке конюха.

— Попробуем еще раз, — сказал он ласково. — Меня не волнуют деньги, которые тебе заплатили, можешь оставить. Нам нужно знать, куда они поехали и когда выехали.

Мужчина попытался сглотнуть слюну, но оставил попытки, когда его кадык уперся в лезвие кинжала.

— Часа через три после восхода луны, — прохрипел он. — Поехали в направлении Бонне. Мили три отсюда там развилки на дороге, — добавил он, стараясь быть полезным.

Джейми, фыркнув, отпустил пьяницу.

— Что ж, ладно, — сказал он с отвращением. — Иэн, ты их догонишь. — Пока он разбирался с конюхом, Иэн пошел прямо за их лошадьми и уже выводил одного жеребца, взнузданного, держа седло на руке. — А я пока расплачусь.

Женщины не забрали его кошелек, и это уже было что-то. Или Ребекка бат-Леа Хаубергер имела крохи совести — в чем он сильно сомневался, — или она просто о нем не подумала.

Уже брезжил рассвет. Женщины опережали их часов на шесть.

— Мы верим конюху? — спросил Иэн, устраиваясь в седле.

Джейми порылся в кошельке, вытащил медное пенни и крутнул его в воздухе, поймав на тыльную сторону ладони.

— Решка — верим, орел — нет. — Он убрал ладонь, которой накрыл монету, и посмотрел на нее. — Орел.

— Да, но дорога назад идет прямо через Иврак, — заметил Иэн. — А до развилки, сказал он, не больше трех миль. Что бы мы о девочке ни думали, она не дура.

Джейми слегка поразмыслил об этом и кивнул. Ребекка не могла быть уверена, на сколько оторвалась от погони, и если только она не врала о своем неумении ездить верхом (а он так не думал: в подобных делах нелегко притворяться, а она держалась в седле как новичок), то наверняка захочет доехать до места, где сможет сбить погоню со следа. А земля была влажной от росы, так что шанс у них был...

— Что ж, поехали.

Им повезло. Никто не проезжал мимо гостиницы в ночные часы, и хотя дорога была вся утоптана конскими копытами, свежие следы лошадей женщин выделялись отчетливо, их края впечатались во влажную землю. Убедившись, что они на верном пути, друзья погнали галопом к развилке, надеясь достичь ее прежде, чем следы беглянок исчезнут безвозвратно.

Увы, не повезло. Четыре повозки, груженные продуктами, уже проехали из Паркуля в Ла Рош-Шале, и на развилке был сплошной лабиринт следов колес и копыт. Но Джейми пришла в голову идея послать Иэна по дороге, ведущей в Паркуль, а сам он отправится по той, что шла в Ла Рош-Шале. Они будут останавливать встречные фургоны и опрашивать возниц. Через час Иэн прилетел назад с новостями: женщин видели, они медленно ехали верхом, браня друг друга на чем свет стоит, по направлению к Паркулю.

— И э т о, — сказал он, задыхаясь, — еще не всё.

— Серьезно? Ну что ж, расскажешь мне по дороге.

Что Иэн и сделал. Когда он спешил назад, чтобы найти Джейми, то совсем недалеко от развилки встретил Жозефа-из-Эльзаса, который искал их двоих.

— На д'Эглиза напали возле Пуатье! — прокричал Иэн. — Та же банда, что атаковала нас у Мармана, — Александр и Рауль оба узнали их. Еврейские грабители.

Джейми был шокирован услышанным и придержал коня, давая Иэну возможность поравняться с ним.

— Они забрали деньги из приданого?

— Нет, но бой был тяжелым. Трое наших ранены, им нужен врач, а Поль Мартан потерял два пальца на левой руке. Д'Эглиз повел их в Пуатье и послал Жозефа узнать, все ли в порядке с нами.

Сердце Джейми подскочило к горлу.

— О Боже! Ты сказал ему, что случилось?

— Нет! — резко ответил Иэн. — Я обрисовал ему ситуацию с экипажем и сказал, что ты поехал вперед с женщинами. А я возвращался забрать кое-что, оставленное позади.

— Что ж, хорошо. — Сердце Джейми вернулось на место. Меньше всего на свете он хочет докладывать капитану, что девушка и свиток Торы потеряны. И черта с два он об этом доложит.

Ехали они быстро, останавливаясь только для того, чтобы задать вопросы там и сям, и к тому времени, как добрались до деревни Обетер-сюр-Дрон, уже были уверены, что их беглянки не далее часа езды от них — если женщины проезжали через деревню.

— А, эти две? — сказала женщина, оторвавшись от мытья ступенек. Она выпрямилась медленно, потирая спину. — Да, я видела их. Проскакали рядом со мной и поехали вниз по тропинке. — Она указала рукой.

— Благодарю вас, мадам, — сказал Джейми на своем лучшем парижском французском. — А куда ведет эта тропинка, не подскажете?

Она, казалось, была удивлена тем, что они этого не знают, и нахмурилась от их невежественности.

— Как куда? К замку виконта Бомона, куда же еще!

— Что за чертовщина... — пробормотал Иэн.

Джейми, ехавший рядом с ним, приостановился, чтобы Иэн мог посмотреть на замок. Это была небольшая усадьба, порядком потрепанная, но довольно симпатичных форм. И это было последнее место, где кто-то искал бы сбежавшую еврейку, подумал он.

— Что будем делать, как думаешь? — спросил он, и Джейми пожал плечами и пришпорил коня.

— Подъедем и постучим в дверь, полагаю.

Иэн последовал за другом к дверям, ощущая неловкость за измятую одежду, небритое лицо и общую неухоженность. Но его озабоченность внешним видом мгновенно исчезла, когда в ответ на сильный стук Джейми дверь отворилась.

— Приветствую, джентльмены, — сказал негодяй с соломенного цвета волосами, которого он последний раз видел в схватке с Джейми на дороге день назад. Мужчина широко и радостно улыбался, несмотря на приличных размеров синяк и рассеченную губу. Одет он был по последней моде, в фиолетовый бархатный костюм, волосы были завиты и припудрены, а желтая борода аккуратно подстрижена. — Надеялся увидеть вас снова. Добро пожаловать в мой дом! — сказал он, отступив на шаг и сделав приглашающий жест.

— Благодарю вас, мсье... — медленно произнес Джейми, искоса поглядывая на Иэна. Тот приподнял плечо, словно говоря: а какой у нас выбор?

Желтоволосый негодяй поклонился.

— Пьер Робер Эриво д'Антон, виконт Бомон милостью Божьей на еще один день. А вы, господа?

— Джеймс Александр Малькольм Маккензи Фрейзер, — сказал Джейми, пытаясь не уступить хозяину усадьбы в манерах. — Только Иэн заметил бы легкое колебание и дрожь в голосе, когда Джейми добавил: — Лэрд* Брох Туараха.

— Иэн Элистер Роберт Маклауд Мюррей, — сказал Иэн с коротким кивком и выпрямил плечи. — Его... лэрда... арендатор.

— Прошу входить, господа. — Глаза желтоволосого слегка моргнули, и Иэн услышал хруст гравия позади за мгновение до того, как ощутил спиной легкий укол стилета. Да, выбора у них не было.

Внутри с них сняли оружие и затем проводили через широкий коридор в просторную гостиную. Обои в ней выцвели, а мебель была хорошей, но довольно потертой. По контрасту с обстановкой большой турецкий ковер на полу сиял, словно вытканный из драгоценных камней. Большая округлая штуковина посередине была зеленой, золотой и красной, а концентрические круги с волнистыми краями окружали ее волнами голубого, и красного, и алмазных блесток глубокого красного цвета — и все это было украшено орнаментом таких причудливых форм,

* Помещик в Шотландии.

что понадобился бы целый день, чтобы рассмотреть их все, но когда Большой Жорж догнал его и заорал, чтобы он сворачивал ковер, этим их любование и ограничилось.

— Откуда он у вас? — резко спросил Иэн, прервав разговор виконта с двумя одетыми в грубую одежду типами, которые забирали их оружие.

— Что? Ах, ковер! Ну разве не чудо? — Виконт просиял и знаком приказал слугам отойти к стене. — Это часть приданого моей жены.

— Вашей жены, — повторил Джейми. Он искоса бросил взгляд на Иэна, который сразу понял друга.

— Это, случайно, не мадемуазель Хаубергер, нет? — спросил он. Виконт покраснел — густо покраснел, — и Иэн понял, что мужчина был не старше его и Джейми.

— Что ж. Это... мы... мы были помолвлены уже долгое время, что по еврейским обычаям почти то же самое, что быть женатыми.

— Помолвлены, — снова эхом отозвался Джейми. — И с какого... конкретно времени?

Виконт закусил нижнюю губу и задумался. Но какие бы меры предосторожности он ни предпринял, они явно не смогли бы противостоять боевому духу двух шотландцев.

— Четыре года, — признался он. — И, уже не в силах сдерживаться, подозвал их кивком к столу у окна, где гордо предъявил причудливый документ, покрытый цветными завитками-буквами, написанный на каком-то очень древнем языке с многочисленными ударениями и подчеркиваниями.

— Это наша кетуба, — сказал он, отчетливо произнося это слово. — Наш брачный контракт.

Джейми наклонился, чтобы рассмотреть документ поближе.

— Да, очень хорошо, — сказал он вежливо. — Но я вижу, что он еще не подписан. Значит, брак еще не состоялся?

Иэн видел, как глаза Джейми скользят по поверхности стола, и понимал, что он прокручивает в голове различные возможности. Схватить нож для вскрытия конвертов и взять виконта в заложники? Потом найти маленькую хитрую сучку, закатать ее в небольшой ковер и отвезти в Париж? Эта работа как раз для Иэна, подумал он.

Легкое движение переступившего с ноги на ногу слуги не ускользнуло от внимания Иэна, и он подумал: *не делай этого*, идиот! — стараясь внушить свою мысль Джейми.

— Вы знаете, что девушка должна выйти замуж за кое-кого другого? — в открытую спросил он. — Я бы не делал этого за ее спиной, не сказав ей.

Виконт покраснел еще гуще.

— Конечно, я это знаю! — рявкнул он. — Но она была обещана мне первому ее отцом!

— И давно вы еврей? — осторожно поинтересовался Джейми, медленно обходя стол. — Не думаю, что вы родились им. Но... вы ведь еврей, так? Потому что я знал одного или двух в Париже, и они не заключают браков с не-евреями. Насколько я понимаю, они вдобавок не аристократы.

Лицо виконта стало пунцово-красным. Отрывистым приказом он отослал двоих своих головорезов из комнаты, хотя те и пытались возражать. Пока шла эта короткая дискуссия, Иэн бочком приблизился к Джейми и быстро прошептал ему насчет ковра на гэльском языке.

— Господи, — пробормотал Джейми на гэльском. — Я не видел ни его, ни этих двоих у Мармана, а ты?

У Иэна не было времени ответить, и он просто покачал головой, когда два головореза неохотно подчинились властным приказам виконта Пьера и вышли из комнаты, не спуская подозрительно сузившихся глаз с Иэна и Джейми. У одного из них в руке был кинжал Джейми, и он медленно провел лезвием по шее, выходя, — красноречивый жест.

Эге, эти могут дать бой, — подумал он, отвечая им таким же жестким взглядом сузившихся глаз, — *да, эти двое, но не мелкий бархатный дурачок*. Капитан д'Эглиз не стал бы сражаться с виконтом или с бандой профессиональных разбойников, еврейских или любых других.

— Хорошо, — внезапно произнес виконт, положив кулаки на стол. — Я расскажу вам.

Что он и сделал. Мать Ребекки, дочь доктора Хасди, влюбилась в христианина и бежала с ним. Доктор объявил, что его дочь мертва, как обычно делается в таких ситуациях, и организовал для нее формальные поминки. Но она была его единственным ребенком, и он не смог забыть о ней. Он постарался раздобыть информацию о ее жизни и вскоре узнал о рождении Ребекки.

— Потом ее мать умерла. Тогда я с ней и познакомился — примерно в то же время. Ее отец был судьей, и мой отец знал

его. Ей было четырнадцать, мне шестнадцать. Я влюбился в нее. А она в меня, — добавил он, жестко взглянув на шотландцев, словно провоцируя их выразить недоверие. — У нас состоялась помолвка, с благословения ее отца. Но потом он подхватил дизентерию и через два дня умер. И...

— И дед забрал ее к себе, — закончил за него Джейми. — И что, она стала еврейкой?

— По еврейскому закону она была рождена еврейкой, кровь у них передается по материнской линии. И... ее мать рассказала ей, тайно, о ее потерянной вере. Она вернулась к ней, когда начала жить в доме своего деда.

Иэн цинично приподнял бровь.

— Серьезно? Почему же ты не обратился в их веру тогда, если готов это сделать сейчас?

— Я поклялся, что обращусь! — Кулак виконта сжался на рукоятке ножа для открывания писем так, словно он хотел его задушить. — Этот жалкий негодяй сказал, что не верит мне. Он думал, что я не пожертвую моей... моей... этой жизнью.

Он взмахнул рукой, обводя ею комнату, что включало, судя по всему, его титул и его собственность. И то, и другое было бы конфисковано государством, как только его обращение в еврейскую веру сделалось бы общеизвестным.

— Он сказал, что это было бы притворное обращение и что как только я заполучил бы ее, то снова стал бы христианином и заставил бы Ребекку тоже стать христианкой. Как ее отец, — добавил он мрачно.

Несмотря на тревожную ситуацию, Иэн начал сочувствовать маленькому щеголю. Это была весьма романтическая история, а к таким он был небезразличен. Джейми, однако, не спешил выносить окончательное суждение. Он жестом указал на ковер под ногами.

— Ее приданое, говоришь?

— Да, — сказал виконт, но уже не так уверенно. — Она говорит, что ковер принадлежал ее матери. Она наняла людей на прошлой неделе, чтобы привезти его сюда вместе с сундучком и несколькими другими вещами. Во всяком случае, — сказал он, снова обретая уверенность в себе, — когда старая скотина устроила ее брак с этим типом в Париже, я решился... решился...

— Похитить ее. По взаимному договору? Ммм... — сказал Джейми, презрительным звуком давая понять, какого он мне-

ния о талантах виконта по части разбоя на большой дороге. Он поднял одну рыжую бровь, уставившись в черный глаз Пьера, но, слава Богу, воздержался от дальнейших замечаний. Иэн ни на миг не упускал из виду, что они оставались пленниками, хотя Джейми мог об этом и забыть.

— Мы можем поговорить с мадемуазель Хаубергер? — вежливо спросил Иэн. — Чтобы убедиться, что она приехала сюда по доброй воле, а?

— Совершенно ясно, что так оно и было, ведь вы последовали за ней сюда. — Виконту не понравился звук, который издал Джейми. — Нет, не сможете. Она занята. — Он поднял руки и резко хлопнул в ладоши, и тут же появились два головореза вместе с полудюжиной слуг в качестве поддержки, возглавляемых высоким, грозного вида лакеем, вооруженным тяжелой тростью.

— Идите с Экривиссом, господа. Он позаботится, чтобы вам было удобно.

«Удобно», как выяснилось, было винным подвалом замка с приятным запахом, однако довольно холодным. И темным. Гостеприимства виконта не хватило даже на свечу.

— Если бы он хотел убить нас, то уже сделал бы это, — рассудительно заметил Иэн.

— Мгм, — рассеянно ответил Джейми. Он сел на ступеньки и набросил плед на плечи, пытаясь согреться. Снаружи была слышна музыка: слабый звук скрипки и удары в маленький ручной бубен. Музыка звучала, потом внезапно умолкала, и скрипки вступали снова.

Иэн нервно ходил взад-вперед — подвал был не слишком большим. Если он не собирался убить их, тогда как же виконт намеревался поступить?

— Он ждет, когда что-то произойдет, — внезапно сказал Джейми, словно отвечая на мысли Иэна. — Что-то с девицей, я думаю.

— Да, пожалуй. — Иэн сел на ступеньки, подтолкнув Джейми локтем. — О Боже, ну и холод!

— Мгм, — рассеянно ответил Джейми. — Может, они собираются бежать? Если это так, он пошлет кого-то, чтобы выпустить нас позже. Он же не оставит нас здесь умирать от голода.

— От голода не умрем, — заметил Иэн. — На винных припасах мы продержимся довольно долго. Думаю, кто-то да поя-

вится. — Он умолк на мгновение, пытаясь представить, каково это — пьянствовать несколько недель напролет.

— Что ж, это мысль, — сказал Джейми, слегка окоченевший от холода, и пошел к полкам. Света почти не было, не считая того, что просачивался сквозь щель под дверью подвала, но Иэн слышал, как Джейми берет бутылки и нюхает пробки.

Он вскоре вернулся с бутылкой и, присев на ступеньки, вытащил пробку зубами и сплюнул ее в сторону. Сделал глоток, еще один, потом наклонил бутылку, чтобы хлебнуть как следует, и передал Иэну.

— Неплохо, — сказал он.

Вино действительно было неплохим, и в течение какого-то времени они молчали. Потом Джейми поставил пустую бутылку на пол, негромко отрыгнул и сказал:

— Это все она.

— Что она? Ребекка, ты хотел сказать? Полагаю, да. — И миг спустя: — Так что она?

— Это она, — повторил Джейми. — Помнишь, что сказал тот еврей, Эфраим бар-Сефер? О том, что банда знала, где нападать, потому что они получали информацию извне. Это делала она. Она давала им знать.

Джейми говорил с такой уверенностью, что Иэн на мгновение заколебался, но потом овладел собой.

— Эта крошечная девчонка? Согласен, ей удалось нас провести, и я думаю, она по крайней мере знала о похищении Пьера, но...

Джейми фыркнул:

— Да, Пьер. Он показался тебе преступником и аферистом?

— Нет, но...

— А она?

— Ну...

— Вот именно.

Джейми встал и снова побрел к полкам, на сей раз вернувшись с чем-то, что Иэн по запаху определил как очень хорошее местное красное вино. *Все равно что мамино клубничное варенье на тосте с чашкой крепкого чая*, — одобрительно подумал он.

— Кроме того, — продолжал Джейми, словно его мысль не прерывалась, — ты помнишь, что ей сказала служанка? Когда у меня голова горела как в огне? «Может, его убили.

Что бы ты почувствовала тогда?» О нет, она спланировала все: устроить так, чтобы Пьер и его ребята остановили экипаж и удрали с женщинами и свитком, и мсье Уксус тоже на их совести. Но... — добавил он, подняв палец и не давая Иэну себя перебить, — ведь Жозеф-из-Эльзаса сказал тебе, что грабители — те же самые, что и прежде, во всяком случае, некоторые из них — напали на банду с деньгами для приданого. Кто бы это мог быть, кроме Пьера? А рассказать ему могла только она.

Иэн был вынужден признать логичность рассуждений Джейми. Энтузиазма у Пьера хватало, но профессиональным разбойником с большой дороги он не был.

— Но девушка... — произнес он беспомощно. — Как она могла...

Джейми фыркнул:

— Д'Эглиз говорил, что доктор Хасди — уважаемый евреями Бордо человек. И его явно знают даже в Париже, иначе как бы он нашел жениха для внучки? Но по-французски он не говорит. Спорим, она ведет его деловую переписку?

— Не спорю, — сказал Иэн и сглотнул слюну. — Мгм.

Несколько минут спустя он добавил:

— Этот ковер. И другие вещи, которые упоминал господин виконт... Ее приданое.

Джейми издал одобрительный звук.

— Вот-вот. Скорее, ее доля добычи. Ты же заметил, что у нашего Пьера денег не слишком много и он потерял бы даже то, что имеет, если бы сменил веру. Так что она выкладывала перышками семейное гнездо, чтобы новоиспеченным супругам хватило на жизнь. На х о р о ш у ю жизнь.

— Что ж, — после короткого молчания произнес Иэн. — Так оно и есть.

День тянулся медленно. После второй бутылки они решили пока повременить с выпивкой — на тот случай, если понадобится ясная голова, когда дверь наконец откроется, и все время, за исключением прогулок к дальнему стеллажу, чтобы отлить, друзья сидели на лестнице, прижавшись друг к другу.

Джейми тихо подпевал далекому звуку скрипки, когда дверь наконец о т к р ы л а с ь. Он резко замолчал и неуклюже вскочил на ноги, едва не упав — его колени утратили гибкость от холода.

— Господа? — молвил лакей, глядя на них сверху. — Будьте добры, проследуйте за мной, пожалуйста.

К их удивлению, лакей повел их прямо из дома вниз по узкой тропке, в направлении далекой музыки. Воздух был свеж и казался необычайно прекрасным после замшелого запаха подвала, и Джейми вдыхал полной грудью, озадаченно думая: *что за чертовщина?*

Затем дорожка сделала крутой изгиб, и друзья увидели прямо перед собой зимний сад, освещенный факелами, воткнутыми в землю. Немного неухоженный, но с фонтаном, бьющим в центре сада, и рядом с фонтаном нечто вроде балдахина, ткань которого бледно мерцала в свете сумерек. Рядом с ним стояла небольшая группа людей, и когда лакей остановился, придержав Джейми и Иэна тыльной стороной ладони, от группы отделился виконт Пьер и, улыбаясь, направился к ним.

— Прошу прощения за неудобство, господа, — сказал он, и широкая улыбка расплылась на его лице. Он казался пьяным, но Джейми так не думал, он не чувствовал запаха спиртного. — Ребекка должна приготовиться к церемонии. Кроме того, нам нужно ждать темноты.

— Для чего же? — с подозрением спросил Иэн, и виконт захихикал. Джейми не хотел причинять боль виконту, но... это хихиканье. Он искоса взглянул на Иэна и поймал ответный взгляд. Да, если бы он не хихикнул.

— Для того чтобы выйти замуж, — сказал Пьер, и хотя его голос был полон жизни, он произнес эти слова с чувством глубокой почтительности, поразившей Джейми. Пьер повернулся и помахал рукой в сторону темневшего неба, где уже появлялись мерцающие звезды. — На удачу, понимаете ли, чтобы наши потомки были столь же многочисленны, как эти звезды.

— Мгм, — вежливо отреагировал Джейми.

— Но прошу, пройдемте со мной. — Пьер уже шагал к группе людей. Джейми предположил, что это свадебные гости, и виконт жестом пригласил шотландцев следовать за ним.

Служанка Мари уже была там вместе с несколькими женщинами; она с подозрением посмотрела на Джейми и Иэна. Но виконта интересовали мужчины. Он обменялся несколькими фразами с гостями, и трое из них пошли с ним, все одеты формально, хотя и странновато, с маленькими бархатными ермолками, украшенными бусами, и огромными бородами.

— Имею честь представить вам мсье Гершома Акермана и мсье Леви Шамфлера. Они наши свидетели. И равви Коэн, который будет проводить церемонию.

Мужчины обменялись рукопожатием, что-то вежливо пробормотав. Джейми и Иэн посмотрели друг на друга. Зачем и почему о н и здесь?

Виконт перехватил этот взгляд, истолковав его правильно.

— Я хотел бы, чтобы вы вернулись к доктору Хасди, — сказал он, и веселая искристость его голоса сменилась сталью. — И расскажите ему, что всё — в с ё! — было сделано в соответствии с должными обычаями и Законом. Этот брак не может быть отменен. Никем.

— Мгм, — произнес Иэн уже не столь вежливо.

И несколько минут спустя они уже стояли среди гостей мужчин — женщины находились по другую сторону балдахина, — глядя, как вдоль по дорожке идет Ребекка, слегка позвякивая украшениями. На ней было шелковое платье глубокого красного цвета; Джейми видел, как огни факелов играют на его складках в такт ее шагам. На каждом из ее запястий были золотые браслеты, голову и лицо покрывала вуаль, и головной убор, сделанный из золотых цепочек, свисавших ей на лоб, был украшен маленькими медальонами и колокольчиками — они и издавали тихий звон, напоминавший ему о свитке Торы. При этой мысли он на мгновение замер.

Пьер вместе с раввином стояли под балдахином. Когда она подошла ближе, он вышел из-под навеса, и она шагнула к нему. Однако она к нему не прикоснулась, но продолжала идти, обходя его. И снова обошла вокруг жениха, и снова. Так она обошла его семь раз, и волосы встали дыбом на шее Джейми. В этом была какая-то магия — или колдовство. Она делала что-то, связывая мужчину.

Она подходила к Джейми — лицом к лицу — на каждом повороте и отчетливо видела его в свете факелов, но глаза ее смотрели куда-то вдаль. Она, казалось, не узнавала никого — даже Пьера.

Но вот обход завершился, и они встали рядом. Раввин приветствовал гостей и затем, повернувшись к жениху и невесте, отлил немного вина из чаши, что, видимо, было еврейским благословением. Джейми смог различить начало: «Благословен ты, Адонаи, Бог наш...» — и затем потерял нить монолога.

Пьер, когда равви Коэн замолчал, полез в карман, достал небольшой предмет, судя по всему, кольцо, и, взяв руку Ребекки в свою, надел кольцо на указательный палец ее правой руки, улыбаясь с нежностью, которая, несмотря ни на что, тронула Джейми. Затем Пьер приподнял ее вуаль, и он увидел такую же нежность на лице Ребекки, за секунду до того как ее муж поцеловал ее.

Собравшиеся выдохнули, как один человек.

Раввин взял лист пергамента с маленького столика, стоявшего рядом. Джейми увидел то, что Пьер назвал «кетуба», — это был брачный контракт.

Раввин прочитал документ вслух, сначала на языке, который Джейми не распознал, и затем еще раз — по-французски. Контракт не слишком отличался от других брачных контрактов, виденных им: перечисление распределения собственности, обязанностей невесты и так далее, — хотя Джейми с неудовольствием отметил, что в документе предусмотрена возможность развода. Здесь его внимание немного рассеялось; лицо Ребекки светилось в огнях факелов как перламутр и слоновая кость, а когда она дышала, явно обрисовывались округлости ее грудей. Несмотря на все, что он знал о ней, он испытал зависть к Пьеру.

Контракт был прочитан и аккуратно отложен в сторону; раввин произнес положенные благословения. Джейми слышал слова «Благословен ты, Адонаи...» снова и снова, хотя, насколько он мог понять, благословлялось всё — от собравшихся здесь до Иерусалима. Невеста и жених отпили еще по глотку вина.

Затем последовала пауза, и Джейми ожидал официального заявления раввина, соединяющего мужа и жену, но оно так и не прозвучало. Вместо этого один из свидетелей взял бокал, обернул его в полотняную салфетку и положил на землю у ног Пьера. К удивлению шотландца, тот наступил на бокал — и толпа взорвалась аплодисментами.

Несколько мгновений все выглядело как обычная деревенская свадьба, гости толпились, наперебой стараясь поздравить молодую пару. Но вскоре счастливые молодожены начали перемещаться по направлению к дому, а гости расселись за столы с вином и едой, приготовленные в дальнем конце сада.

— Пойдем, — пробормотал Джейми и потянул Иэна за руку. Они поспешили за уходящей парой. Иэн поинтересовался, что, черт возьми, собирается делать Джейми.

— Я хочу поговорить с ней наедине. А ты остановишь Пьера и будешь болтать с ним так долго, как сможешь.

— Я? Как?

— Откуда я знаю? Придумаешь что-нибудь.

Они уже подошли к дому, и, почти наступая на пятки Пьера, Джейми увидел, что, на их счастье, он остановился, отдавая распоряжения слуге. Ребекка только что исчезла в коридоре, он заметил, как она положила руку на дверь.

— Всех благ тебе, старина! — сказал он, хлопнув Пьера по плечу с такой энергией, что жених зашатался. Но прежде чем он опомнился, Иэн, поручив себя Господу, шагнул вперед и схватил его за руку, которую принялся яростно трясти, взглядом давая понять Джейми: Поторопись, черт возьми!

Широко улыбаясь, Джейми прошел по коридору к двери, за которой скрылась Ребекка. Улыбка исчезла, как только он коснулся дверной ручки, и лицо, которое предстало перед девушкой, когда он вошел, было абсолютно мрачным.

Ее глаза округлились от шока и негодования.

— Что ты здесь делаешь? Сюда никто не должен заходить, кроме меня и моего мужа!

— Он уже идет, — заверил ее Джейми. — Вопрос: дойдет ли?

Ее маленький кулачок сжался, и это выглядело бы комичным, не знай он о ней того, что знал.

— Это угроза? — спросила она, недоверчиво и угрожающе. — Здесь? Ты смеешь угрожать мне здесь?

— О да, смею. Мне нужен свиток.

— Ну так ты его не получишь — резко ответила она. Он видел, что ее взгляд рыщет по столу в поисках колокольчика, чтобы позвать на помощь, или же чего-то, чем можно ударить его по голове, но на столе было лишь блюдо с фаршированными рулетами и экзотическими сладостями. Еще там была бутылка вина, и он видел, как ее глаза предвкушающе загорелись, но протянул свою длинную руку и взялся за бутылку прежде, чем она смогла это сделать.

— Он нужен мне не для себя, — сказал Джейми. — Я собираюсь вернуть его твоему деду.

— Ему? — Ее лицо окаменело. — Нет. Он для него стоит больше, чем я, — добавила она с горечью, — но по крайней мере я могу пользоваться им как защитой. Пока свиток у меня, он не будет пытаться причинить вред Пьеру или выкрасть меня — из страха, что я могу его повредить. Свиток останется у меня.

— Я думаю, ему будет гораздо лучше без тебя, и он это наверняка знает, — сказал Джейми и напрягся, увидев внезапную боль в ее глазах. Он подумал, что даже пауки обладают чувствами, но сейчас это было несущественно.

— А где Пьер? — требовательно спросила она, вскакивая на ноги. — Если хоть волос упадет с его головы, я...

— Я не прикоснулся бы к этому дурачку, и Иэн тоже, Хуан, как ты его называешь. Когда я спросил, получил он тебя или нет, я имел в виду, хорошо ли он обдумал сделку.

— Что?

Ему показалось, что девушка побледнела, но наверняка этого было не сказать.

— Ты отдаешь мне свиток, чтобы вернуть его твоему деду. Не помешает и маленькое письмо с извинениями, почему тебе пришлось его взять, хотя на письме я бы не настаивал — да и Иэн тоже. Потом я отведу Пьера в сторонку и поделюсь с ним тем, что я знаю о его суженой.

— Говори что хочешь! — резко отреагировала она. — Он не поверит ни единому слову!

— О, вот как? А если я расскажу ему, что произошло с Эфраимом бен-Сефером? И почему?

— С кем? — спросила она, но теперь ее губы действительно побледнели, и она оперлась о стол, преодолевая дрожь в ногах.

— Ты сама знаешь, что с ним случилось. Нет? Ну так я скажу тебе, девочка. — Что он и сделал, жестко и безжалостно, от чего она внезапно села, а капли пота выступили вокруг золотых медальонов, украшавших ее лоб. — Пьер уже знает о твоей банде, я полагаю, но, возможно, не подозревает, какая безжалостная маленькая цепкая тварь ты сама.

— Это была не я! Я его не убивала!

— Если бы не ты, он был бы жив, и я уверен, Пьер это поймет. Я могу рассказать ему, где находится тело, — добавил он деликатно. — Я сам его похоронил.

Ее губы были сжаты так долго, что превратились в узкую белую линию.

— У тебя не так много времени, — напомнил он тихо, не спуская с нее глаз. — Иэн может удерживать его еще долго, но когда он войдет, я расскажу ему все при тебе, а ты попробуй убедить его, что я лгу.

Она резко поднялась, ее цепочки и браслеты зазвенели, и шагнула к двери внутренней комнаты. Она распахнула ее, и подслушивающая Мари отлетела в шоке.

Ребекка сказала ей что-то на ладино, резко, прерывисто, и служанка мгновенно исчезла.

— Ну ладно, — произнесла Ребекка сквозь стиснутые зубы, поворачиваясь к нему. — Забери и будь ты прокят, пёс.

— Конечно, заберу, мелкая ты сучка, — ответил он вежливо. Ее рука сжала фаршированный рулет, но вместо того, чтобы бросить его в Джейми, девушка смяла рулет в тесто, рассыпав крошки, и швырнула останки на блюдо с криком ярости.

Звон колокольчиков свитка Торы предшествовал появлению Мари с драгоценным артефактом в руках. Она посмотела на свою госпожу, и Ребекка коротко кивнула, с величайшей неохотой передавая его в руки этого христианского пса.

Джейми поклонился — сначала служанке, потом ее госпоже — и направился к двери.

— Шалом, — сказал он, закрывая дверь за секунду до того, как серебряное блюдо ударилось о нее с гудящим звоном.

— Ну и как больно это было? — с интересом спрашивал Иэн Пьера, когда Джейми вышел к ним.

— О мой Бог, ты и понятия не имеешь! — с жаром отвечал Пьер. — Но оно того стоило. — Он улыбнулся Иэну и Джейми и поклонился им, даже не заметив завернутый в холст предмет в руках Джейми. — Прошу простить, господа, но невеста ждет меня!

— Что было больно? — спросил Джейми, поспешно удаляясь от боковой двери, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

— Ты же знаешь, он родился христианином, но сменил веру, чтобы жениться на этом мелком венике, — сказал Иэн. — Ему пришлось сделать обрезание.

Он перекрестился при этой мысли, и Джейми рассмеялся.

— Как называются такие насекомые, тонкие как веточки, где самка откусывает голову самцу, после того как дело сделано? — спросил он, придерживая дверь открытой.

Бровь Иэна задумчиво изогнулась.

— Думаю, богомол. А что?

— Похоже, у нашего маленького друга Пьера наклевывается более интересная брачная ночь, чем ему хотелось бы. Пойдем.

В Бордо

Это было не худшее из того, что ему приходилось делать, но он ждал предстоящее событие без особой радости. Джейми остановился у ворот дома доктора Хасди с завернутым свитком Торы в руках. Иэн выглядел усталым и постаревшим, и Джейми думал, что знает почему. Рассказать доктору, что случилось с его внучкой, — одно, а сказать ему это в лицо, зная, как ощущаются соски его внучки в воображении... или в руке...

— Ты не обязан идти, старина, — сказал он Иэну. — Я могу сделать это сам.

Губы Иэна искривились, но он отрицательно тряхнул головой и встал рядом с Джейми.

— Теперь направо, брат, — сказал он просто. Джейми улыбнулся. Когда ему было пять лет, отец Иэна, старый Джон, убедил его отца позволить Джейми управляться с мечом левой рукой, как он и сам хотел. «А ты, парень, — сказал он Иэну очень серьезно, — запомни: твой долг стоять у правой руки своего друга, защищая его слабую сторону».

— Да, — сказал Джейми. — Что ж, вперед. — И потянулся к дверному колокольчику.

После визита они медленно и бесцельно бродили по улицам Бордо, почти не разговаривая.

Доктор Хасди принял их вежливо, хотя при виде свитка его взгляд потемнел от ужаса и тревоги. Это выражение ужаса сменилось облегчением, когда он услышал — слуга достаточно хорошо знал французский, чтобы переводить ему, — что его внучка в безопасности, затем шоком и, наконец, чем-то, что Джейми не смог распознать. Гнев, печаль, смирение с судьбой?

Когда Джейми закончил свой рассказ, они сидели на предложенных им стульях — неловко, не зная, что делать дальше.

Доктор Хасди сидел за своим столом, опустив голову, руками нежно поглаживая свиток. Наконец он поднял голову и кивнул им: сначала одному, потом другому. Теперь его лицо было спокойным и безэмоциональным.

— Спасибо, — сказал он по-французски с сильным акцентом. — Шалом.

— Ты голоден? — Иэн указал рукой на небольшую булочную, в которой на подносах лежали булочки и большие ароматные круглые хлебы. Он сам умирал от голода, хотя полчаса назад его желудок сводило судорогами.

— Да, пожалуй, — сказал Джейми, но продолжал шагать, и Иэн пожал плечами и последовал за ним. — Как думаешь, что сделает капитан, когда мы ему расскажем?

Иэна это не особо заботило. Для человека его размеров, умеющего управляться с клинком, работа всегда найдется. К тому же у него было собственное оружие. Но придется покупать шпагу для Джейми. Все, что у того было, от пистолета до топора, принадлежало д'Эглизу.

Он занимался подсчетом, прикидывая цену на более-менее приличный клинок, вычитая ее из платы, положенной им, когда заметил, что Джейми не отвечает на его реплики. Оказалось, что его друг пошел быстрее, и, стараясь догнать его, Иэн увидел, куда они направляются. В таверну, где хорошенькая разносчица-шатенка приняла Джейми за еврея.

О, значит, вот как? — подумал он, пряча улыбку. Что ж, был лишь один верный способ для парня доказать девице, что он не еврей.

Заведение кишело людьми, когда они вошли, причем эта суета не сулила ничего хорошего — Иэн сразу почувствовал неладное. Там были солдаты удачи, армейские солдаты и разномастные бойцы, наемники, как и они сами, и взаимной симпатией здесь не пахло. Воздух можно было рубить кинжалом, и, судя по пятнам подсыхающей на полу крови, кто-то уже это пробовал.

Были тут и женщины, но меньше, чем прежде, и разносчицы внимательно смотрели на свои подносы, ни с кем не флиртуя.

Джейми не обращал внимания на царившую в таверне атмосферу; Иэн видел, что он пришел сюда в поисках е е : но ша-

тенки в зале не было. Они могли спросить, где она, если бы знали имя девушки.

— Может, наверху? — сказал Иэн, наклоняясь и почти крича Джейми в ухо, чтобы переорать шум. Джейми кивнул и начал пробираться сквозь толпу, Иэн следовал за ним в кильватере, надеясь, что они найдут девицу достаточно быстро, чтобы он мог поесть, пока Джейми будет занят с ней.

Лестница была забита мужчинами, спускавшимися вниз. Что-то тут было не так, и Джейми, поднимаясь, влепил кого-то в стену с гулким ударом. Какая-то непонятная тревога молнией прошила его позвоночник, и он был готов ко всему, прежде чем пробился через толпу зевак наверх лестницы и увидел их.

Большого Матье — и девушку-шатенку. Там располагалась большая открытая комната с коридором, по сторонам которого виднелись небольшие отсеки. Матье схватил девушку за руку и тащил ее по коридору, второй лапищей тиская ее ягодицы и не обращая внимания на ее протесты.

— Отпусти ее! — сказал Джейми, не крича, но достаточно громко, чтобы быть услышанным. Матье и ухом не повел, хотя остальные, повернувшись, удивленно посмотрели на Джейми.

Он слышал бормотание Иэна: «Иосиф, Мария и святая Невеста, храните нас», но не вслушивался в его слова. В три шага он настиг Матье и пнул его в зад.

Сразу после этой эскапады юноша рефлекторно пригнулся, но Матье всего лишь обернулся, глянув на него злым глазом и игнорируя окрики и насмешки зрителей.

— Позднее, малыш, — сказал он. — Сейчас я занят.

Он обхватил девушку могучей рукой и поцеловал ее слюняво, натирая ее лицо своей грубой щетиной, пока она кричала и пыталась оттолкнуть мерзавца.

Джейми вытащил пистолет из-за пояса.

— Я сказал, отпусти ее.

Шум внезапно прекратился, но он не заметил этого из-за крови, оглушительно колотящейся в ушах.

Матье повернул голову и окинул его недоверчивым взглядом. Потом презрительно фыркнул, осклабился и ударил девушку о стену, придавив ее своей тушей.

Пистолет был взведен.

— *Salop*! * — взревел Джейми. — Не трогай ее! Отпусти! — Он сжал зубы и прицелился обеими руками, которые тряслись от ярости и страха.

Матье даже не посмотрел на него. Он повернулся вполоборота, держа рукой грудь девушки. Она запищала, и он крутнул ее грудь, и тут Джейми выстрелил. Матье резко развернулся, пистолет, прежде засунутый за пояс, теперь был в его руке, и воздух раскололся от звука выстрела и белого дыма.

Раздались крики тревоги и возбуждения — и выстрел еще одного пистолета, где-то за спиной Джейми. *Иэн?* — подумал он туманно, но нет, Иэн бежал по направлению к Матье, прыгнув на поднимающуюся могучую руку, ствол второго пистолета описывал круги, когда Матье пытался нацелить его на Джейми. Он выстрелил, и пуля попала в один из фонарей, стоявших на столе, который взорвался с хлопком и вспышкой пламени.

Джейми схватил свой пистолет за ствол и принялся колотить по голове Матье рукояткой, пока до него не дошло, что он уже пересек комнату. Кабаньи глазки Матье были почти невидимы, сузившись от азарта драки, потом внезапно кровь ручьями потекла по его лицу, но от этого он лишь еще сильнее ощерился — и теперь кровь текла между его зубов. Он толкнул Иэна с такой силой, что впечатал его в стену, затем обхватил тело Джейми огромной рукой и нанес удар головой прямо в лицо.

Джейми рефлекторно отвернулся и только поэтому избежал перелома носа, но удар вогнал плоть десен в зубы, и его рот наполнился кровью. От мощного удара голова Джейми пошла кругом, но он просунул руку под челюсть Матье и толкал ее вверх изо всех сил, пытаясь сломать врагу шею. Однако его ладонь соскользнула по потной плоти, и Матье тоже ослабил хватку, чтобы ударить Джейми по яйцам. Колено врезалось в его бедро с силой пушечного ядра, и он зашатался, схватив руку Матье, а Иэн повис с другой стороны, вцепившись во вторую руку. Не колеблясь ни секунды, огромные лапы Матье крутнулись — он схватил обоих шотландцев за основание шей и с силой столкнул их лбами.

Джейми ничего не видел и едва мог пошевелиться, но тем не менее двигаться продолжал, пусть и вслепую. Он был на полу,

* Франц. «сволочь».

чувствовал его доски и влагу... Его ладонь наткнулась на плоть, и он ринулся вперед, укусив Матье изо всех сил в мякоть голени. Свежая кровь залила его рот, кровь более горячая, чем его собственная, и он захлебывался, но не разжимал зубов, вцепившихся в эту волосатую плоть, упорно держась ими за ногу, которая начала неистово дергаться. В ушах звенело, он почти не слышал воплей и криков, но это не имело значения.

Что-то нашло на него — и уже ничего не имело значения. Остатками сознания он отметил некоторое удивление, но и оно вскоре исчезло — ни боли, ни мысли. Он был некоей красной вещью, и хотя он видел другие вещи, лица, кровь, фрагменты комнаты — они не имели значения. Он пребывал во власти крови, и когда часть осознания происходящего вернулась к нему, он обнаружил, что сидит верхом на человеке, а руки его сжаты на шее этого человека, и в руках отдается пульс, его или его жертвы — он не знал.

О н. Е г о. Он забыл имя человека. Его глаза вылезали из орбит, из широко открытого рта с рваными краями текла слюна, а потом раздался негромкий приятный х р у с т, когда что-то сломалось под пальцами Джейми. Но он давил изо всех сил, давил и давил и почувствовал, как огромное тело под ним странно обмякло.

Он продолжал давить, уже не в силах остановиться, пока чья-то ладонь не взяла его за руку и не встряхнула с силой.

— Стоп! — каркнул голос, обдав жаром его ухо. — Джейми! Остановись!

Он поморгал, глядя на белое костлявое лицо, не в состоянии соединить его с именем. Затем вдохнул — первый вдох за все время, и с ним на юношу обрушилась стена вони: крови, дерьма, пота, — и жуткое ощущение тела, на котором он сидел. Он неуклюже слез с него, растянувшись на полу, а его мышцы конвульсивно дергались и дрожали.

И тогда он увидел ее.

Она лежала у стены, свернувшись клубком, ее волосы разметались по доскам пола. Он встал на колени и пополз к ней.

Он издавал тонкий хныкающий звук, пытаясь говорить, но слов у него не было. Он добрался до стены и заключил ее в объятия, обмякшую, ее голова упала на его плечо, он чувствовал ее мягкие волосы на своем лице, ощущал запах дыма и ее собственный сладковато-мускусный запах.

— *Nighean**, — смог выдавить он из себя. — Боже, *nighean*. Ты...

— Господи, — произнес голос рядом с ним, и он почувствовал вибрацию, когда Иэн — слава Богу, имя вернулось, конечно же, это был Иэн — свалился рядом с ним. Он продолжал сжимать в руке окровавленный шотландский кинжал. — О Господи, Джейми.

Он поднял голову, озадаченный, полный отчаяния, а потом смотрел вниз на тело девушки, выскальзывающее из его объятий и падающее поперек его коленей с немыслимой бескостной грацией. Небольшая темная дыра в ее белой груди была лишь немного испачкана кровью. Совсем чуть-чуть.

Иэн заставил Джейми пойти с ним в собор Святого Андрея, настаивая, чтобы тот исповедовался. Джейми оставил его просьбу без внимания — как и следовало ожидать.

— Нет. Я не могу.

— Мы пойдем вместе, — Иэн твердо взял его под руку и буквально перетащил через порог. Он рассчитывал на то, что мирная, тихая атмосфера внутри собора заставит Джейми остаться.

Его друг внезапно остановился, по дергающимся белкам глаз было видно, что он настороженно осматривается вокруг.

Каменный свод потолка улетал в тень над их головами, но пятна цветного света от окон-витражей мягко ложились на потертые доски скамей.

— Мне не следует быть здесь, — пробормотал Джейми.

— А где было бы лучше, идиот? Пойдем, — ответил Иэн и потащил Джейми вдоль бокового ряда скамей к часовне святой Стефании. Большинство боковых часовен были богато меблированы — памятники значимости богатых семей. Только эта оказалась маленьким альковом без украшений. В ней размещались лишь алтарь, выцветший гобелен с безликим святым и крохотная подставка для свечей.

— Стой здесь. — Иэн оставил Джейми у алтаря и вынырнул из алькова, собираясь купить свечу у старухи, которая продавала их у главного входа. Он решил не настаивать на исповеди Джейми: знал, когда можно заставить Фрейзера сделать что-то, а когда — нет.

---

* «Девушка, девочка» на шотландско-кельтском.

Иэн немного беспокоился, что Джейми может уйти, и потому поспешил в часовенку, но его друг по-прежнему был там, стоя посреди тесного пространства, опустив голову и глядя в пол.

— Ну вот, — сказал Иэн, подталкивая его к алтарю. Легким ударом он поставил свечу — дорогую, из настоящего воска, большую — на подставку и достал из рукава бумажный жгут, который дала ему старуха, протянув жгут Джейми.

— Зажги его. Мы помолимся за твоего отца. И... и за нее.

Он видел, как на ресницах Джейми задрожали слезы, поблескивающие в красном свете лампады, висевшей над алтарем, но Джейми смахнул их и сжал челюсти.

— Ладно, — сказал он низким голосом, но все еще колебался. Иэн вздохнул, вынул жгут из его руки и, встав на носки, зажег его от лампады.

— Давай, — прошептал он, передавая горящий жгут Джейми, — или получишь по почкам прямо здесь.

Джейми издал звук, который мог быть коротким смешком, и поднес жгут к фитилю свечи. Загорелся огонь, чистое высокое пламя с голубизной в сердцевине, которое стало гореть ровным светом, когда Джейми убрал жгут и погасил его, несколько раз встряхнув в струйках дыма.

Они некоторое время стояли там, вытянув перед собой ладони и глядя, как горит свеча. Иэн молился за маму и отца, за сестру и ее детей... не без колебаний (правильно ли это, молиться за еврейку?) за Ребекку бат-Леа и, искоса взглянув на Джейми и убедившись, что тот не смотрит на него, за Дженни Фрейзер. И потом за помин души Брайэна Фрейзера — и затем, плотно закрыв глаза, за своего друга, стоявшего рядом.

Звуки церкви исчезали, таяли — шепот камней и скрип дерева, шарканье шагов и воркование голубей на крыше. Иэн перестал произносить слова, но продолжал молиться. Затем остановился и он, и теперь существовал лишь покой и мягкое биение его сердца.

Он слышал, как Джейми вздохнул — где-то глубоко внутри — и открыл глаза. Не говоря ни слова, они вышли, оставив свечу на страже.

— А ты сам не собирался исповедоваться? — спросил Джейми, остановившись у главной двери. В исповедальне был священник, два или три человека стояли на приличном расстоянии от деревянной кабинки, ожидая своей очереди.

— Я подожду, — сказал Иэн, пожав плечами. — Если ты попадешь в Ад, я могу тоже отправиться туда. Бог мне свидетель, один ты ни на что не годишься.

Джейми улыбнулся — слабой улыбкой, но все же — и толкнул дверь, отрывшуюся на солнечный свет.

Они какое-то время бесцельно пошатались по городу, безмолствуя, и в конце концов оказались на берегу реки и там наблюдали, как мимо них текут темные воды Гаронны, неся все, что наломала последняя буря.

— Это значит «мир», — наконец произнес Джейми. — Вот что он сказал мне. Доктор. «Шалом».

Иэн и сам прекрасно это знал.

— Да, — сказал он. — Но мир не наша работа, не так ли? Мы солдаты. — Он дернул подбородком в направлении ближайшего пирса, где корабль стоял на якоре. — Я слышал, королю Пруссии нужны умелые бойцы.

— Так и есть, — сказал Джейми и распрямил плечи. — Тогда поехали.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

Я хотела бы выразить признательность некоторым людям за помощь в исследовании аспектов еврейских обычаев, истории и закона, которую они оказали мне при написании этой новеллы: Элли Друскин (автору «Поймай копа»), Саре Мейер (дипломированной акушерке), Кэрол Кренц, Силии К. и ее раббимаме, и особенно Дарлин Маршалл (автору «Рухнувших мечтаний»). Я также в долгу перед очень полезной книгой раббi Джозефа Телушкина «Еврейская образованность». Любые допущенные ошибки — мои.

ШЕРРИЛИН КЕНЬОН

Осторожнее с тем, что вы ищете, потому что может так случиться, что вы это *найдете.*

Автор произведений, названных «Нью-йорк таймс» бестселлерами, Шеррилин Кеньон признана суперзвездой в области создания романов, посвященных паранормальным явлениям. Самую широкую известность ей принесла серия, состоящая из двадцати двух томов под названием «Темные охотники», а именно такие романы, как «Темные объятия», «Танец с дьяволом», «Kiss of the Night» и «Bad Moon Rising». Шеррилин Кеньон также пишет тексты для манги, рассказы и романы. Кроме того, ее перу принадлежит серия «Лига»: «Born of the Night», «Born of Fire», «Born of Ice: Love in Another Time», «Another Place» и «Born of Shadows», и серия «Хроники Ника», в которую входят «Infinity» и «Invincible». Также она написала четырехтомную серию «Департамент обороны Америки»*, три романа в соавторстве с Дианой Лав — «Bad Attitude», «Phantom in the Night». Следует отметить, что Шеррилин Кеньон является автором сборника «Born to be B. A.D.» и трехтомной серии «Belador Code», тоже в соавторстве с Дианой Лав. В последнее время свет увидели: «Born of Silence» из серии «Лига» и «Infamous» из серии «Хроники Ника». А кроме того, «The Dark-Hunter Companion» из серии «Темные охотники» в соавторстве с Алетеей Контис. Шеррилин Кеньон также является автором произведений в жанре документальной литературы: «The Writer's Guide to Everyday Life in the Middle Ages» и «The Writer's Digest Character Naming Source Book». Шеррилин Кеньон живет в Спринг-Хилл. Ее сайт: sherrilynkenyon.com.

В АДУ НЕТ ФУРИЙ

Основано на подлинной легенде

— Мне кажется, нам не следует здесь находиться.

— Да ладно тебе, Кейт, успокойся. Все отлично. Мы уже установили оборудование и...

© Sherilynn Kenyon, 2013; © пер., примеч. В. Гольдича, 2014.

* Bureau of American Defense, или B. A.D. (*англ.*) — игра слов, «плохой».

— У меня такое чувство, будто кто-то наблюдает за мной.

Кейт Ирвин медленно повернулась, вглядываясь в густой лес, казавшийся еще более мрачным в лучах закатного солнца. Со всех сторон их окружали деревья, такие густые, что девушка даже не видела, где они оставили машину, не говоря уже о шоссе, по которому сюда приехали. Оно было так далеко, что сюда не долетало ни звука.

Мы можем здесь умереть, и никто никогда об этом не узнает...

Энн, ее лучшая подруга с самого детства, опустила камеру тепловидения и насмешливо заявила:

— Надеюсь, что за тобой д е й с т в и т е л ь н о кто-то наблюдает... В каком направлении снимать?

Кейт покачала головой, глядя на то, как веселится подруга. Больше всего на свете Энн любила ловить в объектив призраков.

— Энн, я не шучу. Там что-то есть. — Кейт наградила подругу суровым взглядом. — Вы взяли меня с собой, потому что я обладаю экстрасенсорными способностями, так?

— Ну да.

— Тогда поверь мне, здесь... — Она обхватила себя руками, в надежде избавиться от мурашек. — Здесь что-то не так.

— Что происходит?

Брэндон поставил большой футляр, в котором они привезли его камеру, у ног Энн. Они с Джейми расставляли цифровые фотоаппараты и камеры ночного видения.

В то время как Энн и Кейт были стройными и хрупкими, Брэндон и Джейми отличались крупным телосложением. Брэндон — благодаря пиву и серфингу, а Джейми много времени проводил в спортзале. И тем не менее Брэндон, светловолосый и голубоглазый, напоминающий бойскаута, был весьма симпатичным парнем. А вот перед Джейми с его мрачным, задумчивым и невероятно сексуальным взглядом не могла устоять ни одна женщина, они таяли и глупо хихикали всякий раз, когда он смотрел в их сторону.

Энн кивком показала на подругу.

— Наша вундеркиндша уже что-то почувствовала.

Брэндон широко раскрыл глаза.

— Надеюсь, ты имеешь в виду призрак, а не какого-нибудь жука из лесной глуши, от которого мы не защищены иммунитетом. Я оставил витамин С дома.

Кейт вздрогнула, когда в нее ударила новая волна страха, на сей раз гораздо сильнее предыдущей.

— Кстати, кому в голову пришла гениальная идея приехать сюда? — спросила она.

Энн показала на Брэндона, который с гордостью ухмыльнулся и подмигнул Кейт.

— Да ладно, это же город призраков! Не каждый день выпадает удача исследовать т а к о е поселение. Ты ведь славишься своим хладнокровием и, конечно же, не станешь верещать, точно девчонка во время фильма ужасов.

— Бу-у-у!

Кейт взвизгнула, когда ее схватил Джейми, подобравшийся сзади.

Смеясь, он обошел ее, сбросил с плеча рюкзак фирмы «Эйленвэр» и поставил его рядом с футляром от камеры.

Кейт сердито посмотрела на гору мышц.

— Проклятие, Джейми, это совсем не смешно!

— Конечно, нет. А вот ты ужасно забавная. Я и не думал, что ты можешь так высоко подпрыгнуть. Я потрясен.

Кейт зашипела, точно разъяренная кошка, и наставила на него растопыренные пальцы с длинными ногтями.

— Если бы я не боялась, что оно ко мне вернется, я бы тебя заколдовала!

Джейми наградил ее той самой дьявольской улыбкой, от которой на щеках у него появлялись глубокие ямочки, похожие на две луны.

— Ты можешь околдовать меня в любой момент, стоит только пожелать, малышка.

Кейт с трудом подавила желание его задушить. Если на время забыть о проблемах, инструктор по боевым искусствам, сложенный как Рэмбо, мог оказаться полезным. Она ощущала легкое покалывание во всем теле, и внутреннее чувство подсказывало ей, что такой момент может наступить очень скоро.

— Мы не должны здесь находиться.

Кейт прикусила губу и огляделась по сторонам, пытаясь понять, что же вызывает у нее такое сильное беспокойство.

— Никто не должен, — пропел Брэндон загробным голосом. — Эта земля проклята. У-у-у-у-и-и-и-о-о-о-о...

Кейт не обратила на него ни малейшего внимания, хотя он был прав. В прошлом округ Рэндольф считался самым богатым в Алабаме. Но этому пришел конец, когда местные жители заставили женщину из числа коренных американцев закрыть лавку, которой она владела, и ступить на Дорогу слез *.

— *Луина...*

Кейт резко обернулась, когда услышала имя, произнесенное едва различимым шепотом; такое же, как и имя города призраков, в котором они сейчас находились. Довольно жестоко называть город в честь женщины, изгнанной из него без всякой на то причины.

— *Луина,* — повторил голос более настойчиво, чем прежде.

— Вы слышали? — спросила Кейт у своих спутников.

— Что? — Джейми проверил камеру для ночной съемки. — Ничего не вижу.

Что-то так сильно ударило Кейт в грудь, что она невольно отступила на шаг назад. Ее друзья и лес исчезли, и она неожиданно оказалась в старой лавке, где запах сосновых досок, из которых были сделаны стены и пол, мешался с ароматом специй и муки. Но сильнее всего пахли куски мыла, разложенные на прилавке.

Женщина из числа коренных жителей с заплетенными в косу и уложенными вокруг головы волосами выравнивала банки, стоявшие на прилавке, в то время как более молодая беременная женщина с такими же, как у нее, чертами лица прислонилась к его противоположному концу.

Кейт потрясло их абсолютное сходство вплоть до черных волос и высоких бровей.

Молодая женщина, ее звали Элизабет — Кейт не знала, откуда ей известно ее имя, — засунула руку в одну из стеклянных банок и вытащила кусочек лакрицы.

— Они заставят тебя уехать, Лу. Я слышала, как они об этом говорили.

Луина фыркнула, отмахнувшись от предупреждения сестры, закрыла крышку и убрала банку подальше от нее.

---

* Дорога слез — этническая чистка и насильственное переселение американских индейцев.

— Наш народ жил здесь задолго до них, и мы тут останемся даже после того, как они уйдут. Поверь мне, Лиззи.

Элизабет проглотила кусочек лакрицы.

— Ты разве не слышала, что они сделали с чероки в Джорджии?

— Слышала. Но чероки не крики. Наш народ очень силен.

Элизабет вздрогнула и положила руку на огромный живот, когда в нем шевельнулся ребенок.

— Он начинает нервничать всякий раз, когда я думаю о том, что тебя могут заставить уйти отсюда.

— Так не думай. Ничего такого не произойдет, по крайней мере не было на моей памяти.

— Кейт!

Кейт подскочила на месте, когда Джейми возник прямо у нее перед носом.

— Ч-что?

— Ты здесь? На пару секунд ты будто отключилась.

Кейт заморгала и тряхнула головой, чтобы прогнать образы, такие четкие и живые, что ей казалось, будто она чувствует запах лакрицы, которой лакомилась Элизабет.

— Где находилась старая лавка, о которой вы говорили?

— Понятия не имею, — пожав плечами, ответил Брэндон. — Мы не смогли найти никаких сведений, кроме того, что она принадлежала женщине из числа коренных американцев и что город назвали ее именем. А что?

У Кейт возникло дурное предчувствие, что они стоят как раз на месте той самой лавки. У нее не было никаких доказательств, кроме ощущения, что это так, и холодка, поселившегося внутри.

На самом деле от когда-то богатого, процветающего городка не осталось ничего, кроме крестов на старом кладбище и указателя, сообщавшего: «Луина, штат Алабама».

Кейт еще не до конца осознала, что произошло, когда снова увидела своим мысленным взором Луину. Она стояла в нескольких футах от девушки, слева от Кейт, рядом с фургоном, заполненным припасами и деньгами, которые смогла взять с собой. Разъяренная Луина плюнула на землю и обратилась на языке племени криков к мужчинам, отобравшим у нее дом и лавку и заставившим покинуть родные места.

Кейт догадалась, что это язык племени криков, которого она не знала, однако все понимала, как будто слова прозвучали на английском.

— Я проклинаю землю и всех, кто здесь живет. За то, что вы сделали со мной... за жестокость, с которой обращались с другими, моя лавка никому из вас не принесет денег, а через десять лет после того, как моя сестра перейдет в иной мир, от вашего города останутся только могилы.

Шериф и его помощники, которым приказали проводить Луину от ее дома сюда, рассмеялись ей в лицо.

— Перестань, Луина. Это не имеет никакого отношения лично к тебе.

— Не имеет. Зато, можете не сомневаться, коснется в а с . — Она наградила их гневным взглядом. — Никто не вспомнит о том, что вы жили на этом свете, зато мое имя, Луина, останется в памяти, и оно расскажет, как жестоко вы со мной поступили.

Один из помощников шерифа вышел к ним из-за фургона.

— Луина, неужели это все твое имущество? — сурово хмурясь, спросил он.

Ядовитая усмешка искривила губы Луины.

— Я не могу забрать все свое золото.

Ее слова вызвали у них живейший интерес.

— И где ты его оставила? — спросил шериф.

— В самом надежном из известных мне мест. У моего любимого мужа.

Шериф провел большим пальцем по губам.

— Ну да, только никто не знает, где ты его похоронила.

— Я знаю и никогда не забуду... — Она наградила их ледяным взглядом. — Ничего.

С этими словами Луина забралась в фургон и, не оглядываясь, поехала прочь. В ее глазах горело удовлетворение.

Она оставила за спиной не только свою лавку.

Кейт услышала мысли Луины так ясно, словно они были ее собственными. *Они разорвут друг друга на куски в поисках золота, которое мой муж им никогда не отдаст...*

Такова была последняя месть Луины.

И ее результат: мрачные ряды могил с крестами на старом баптистском кладбище.

Слабости наших врагов — наша сила.

Сделай моего врага смелым, умным и сильным, чтобы, если я потерплю поражение, мне не было стыдно.

Кейт чувствовала рядом присутствие Луины, точно собственную тень. Иногда она мимолетно видела индеанку, если свет падал под определенным углом.

Луина что-то шептала ей на ухо, но на этот раз Кейт ее не понимала. Однако ее окутало сильное, всепоглощающее ощущение ужаса, которое не желало отступать, как бы ни старалась Кейт его прогнать.

Она вздохнула и снова обратилась к своим друзьям.

— Мы должны отсюда уйти, — умоляющим голосом произнесла она.

Но все трое категорически не желали ее слушать.

— Мы же только что установили оборудование!

— Уйти? Сейчас? Мы же провели здесь целый день, и ничего не случилось!

— Послушай, Кейт, ну что на тебя нашло?

Они заговорили все одновременно, но каждый голос звучал так же четко и ясно, как голос Луины.

— Нам не следует здесь находиться, — настаивала Кейт. — Сама земля говорит мне, что мы должны уйти. Плевать на оборудование, оно застраховано.

— Нет! — упрямо твердил Брэндон.

Именно в этот момент Кейт поняла, почему они не желают ее слушать, ведь как раз Брэндон постоянно повторял, что если они почувствуют чуждое присутствие, желающее им навредить, нужно немедленно делать ноги, ведь ничто не стоит того, чтобы в тебя вселился злой дух.

Только одно могло заставить его и Джейми забыть о собственной вере и принципах.

Жадность.

— Вы здесь не из-за призраков. Вам нужно с о к р о в и щ е.

Джейми и Брэндон обменялись испуганными взглядами.

— Она же экстрасенс, — напомнила им Энн.

Брэндон выругался.

— Откуда ты знаешь про сокровище?

— Луина.

— А она может открыть тебе, где оно спрятано? — с надеждой спросил Джейми.

Кейт поморщилась:

— Тебя действительно интересует лишь это?

— Ну... не совсем. Мы приехали сюда ради науки. Нами двигало естественное любопытство. Но давай посмотрим правде в глаза. Наше оборудование стоит недешево, и будет совсем неплохо, если нам удастся хотя бы чуть-чуть отбить деньги, которые мы на него потратили.

Слова, которые он выбрал для своей речи, только усилили дурные предчувствия Кейт.

— Неужели вы не ощущаете, что все это место пропитано гневом? — Она махнула рукой в сторону кладбища; именно там они начали расставлять свое оборудование, и там Кейт впервые почувствовала, что им не следует тут находиться. — Он такой сильный, что мне кажется, я улавливаю его запах.

— Лично я чувствую только сырость.

Джейми поднял руку.

— А я — голод.

— И раздражение, — продолжал Брэндон. — Послушай, мы останемся всего на одну ночь. Мы с Джейми слегка тут порыщем в поисках места, где лучше всего копать.

Как он мог так легкомысленно рассуждать о том, что они собирались сделать?

— Вы раскопаете могилу.

Они замерли.

— Что? — переспросил Брэндон.

— Сокровище похоронено вместе с мужем Луины, — пояснила Кейт. — Его звали Уильям, и он был одним из вождей криков во время Войны Красных Палок.

Джейми прищурился и с подозрением на нее посмотрел.

— Откуда ты все это знаешь?

— Я же тебе сказала, от Луины. Она со мной разговаривает.

Брэндон фыркнул.

— Готов поспорить на кругленькую сумму, что ты это нашла в Гугле. Отличная попытка обвести нас вокруг пальца, Кейт. Ты, видимо, знаешь, где спрятаны деньги и пытаешься нас напугать, чтобы мы сбежали. Не выйдет, сестричка. Я хочу получить свою долю.

Джейми расхохотался, хлопнул его по спине и отправился к холодильнику за пивом.

Энн подошла к Кейт совсем близко и спросила:

— Ты серьезно?

Кейт кивнула.

— Жаль, что они мне не верят. Да, мы не должны здесь находиться. Земля пропитана злом. Оно похоже на реку, текущую под нашими ногами.

С этими словами она лишилась поддержки Энн.

— Тебе прекрасно известно, что земля не может быть проклятой или нести в себе зло, — заявила она и отошла к парням.

Кейт знала, что она ошибается. Ее мать принадлежала к племени криков, и Кейт воспитывалась на ее вере в то, что, если кто-то ненавидит достаточно сильно, он может наполнить своей ненавистью отдельные предметы или землю. И то, и другое впитывают ее, точно губка, и может хранить в себе несколько поколений.

Луина была в ярости.

Но главное, она мечтала о мести.

И она скоро придет за нами...

Кейт чувствовала себя прокаженной, когда сидела одна у костра и ела свой протеиновый батончик. Остальные отправились в лес, пытаясь вызвать ту, которая находилась с ней рядом.

— Луина? — позвал Джейми, и его глубокий голос заметался между деревьями. — Если ты меня слышишь, подай знак.

И, хотя фраза была самой обычной, почему-то сегодня вечером она вызывала у Кейт беспокойство. Она безмолвно фыркнула, потешаясь над глупостью Джейми, и развернула до конца батончик.

Неожиданно Кейт услышала пронзительный крик.

Она вскочила на ноги и прислушалась. Кто кричал? И где они? Сердце отчаянно колотилось у нее в груди.

— Брэндон! — Голос Энн разнесся по лесу.

Кейт бросились к ним со всех ног. Когда она их нашла, она увидела, что Брэндон лежит на земле, а из его предплечья торчит длинная ветка.

Он сказал, что хочет получить свою долю...

Кейт резко обернулась, пытаясь понять, откуда доносится голос, прозвучавший неожиданно громко и четко.

— Вы слышали? — спросила она у остальных.

— Я слышу только, как Брэндон воет, точно баба. Заткнись уже, придурок. Проклятие! Если ты не замолчишь, я куплю тебе лифчик.

— Да пошел ты! — рявкнул Брэндон. — Давай я проткну тебя палкой, посмотрим, что ты будешь чувствовать. Это ты баба. И задница!

— Ребята! — Кейт подошла и встала между ними. — Что произошло?

— Я не знаю. — Брэндон зашипел, когда Энн попыталась рассмотреть его рану. — Я просто шел, занимался термальным сканированием, потом неожиданно споткнулся и упал прямо на дерево. А в следующее мгновение... вот это! — Он поднял руку, чтобы ей показать.

Кейт отвернулась от страшной раны.

— Его нужно отвезти в больницу.

— Ни за что! — прорычал Брэндон. — Со мной все будет в порядке.

— Я забираю свои слова обратно, ты не баба. Ты безумен. Посмотри на свою руку. Мне очень не хочется соглашаться с Кейт, потому что сомневаюсь, что мы найдем поблизости какую-то больницу, но тебе нужна помощь.

— Это всего лишь поверхностная царапина.

Кейт покачала головой:

— Энн, тебе не следовало позволять ему смотреть шоу Монти Пайтона.

— Мне даже в туалет не следовало отпускать его без присмотра, — сердито глядя на Брэндона, заявила Энн. — Они правы. Тебе нужно к врачу. Ты можешь заболеть бешенством или еще чем-нибудь.

Ну да, деревья, зараженные бешенством, — это с е р ь е з н а я проблема в Алабаме. Кейт не сдержалась и расхохоталась, хотя знала, что Энн ненавидит, когда над ней смеются.

— Я не уеду отсюда, пока не найду сокровище!

Жадность, гордыня и глупость. Три самых фатальных качества, которыми природа наделяет некоторых людей.

Неожиданно на них налетел порыв ветра, и на сей раз не только Кейт услышала приплывший на его крыльях смех.

— Что это было? — спросил Джейми.

— Луина.

— Послушай, прекрати молоть чепуху! — сквозь сжатые зубы прорычал Брэндон. — Ты меня уже достала!

А они достали ее.

Отлично. Пусть делают что хотят. Она больше не будет с ними спорить. В конце концов, это их жизнь. И его рана. И кто она такая, чтобы пытаться его спасти, если ему самому наплевать?

Раскинув руки в стороны, Джейми вздохнул:

— Как вы думаете, если Кейт права и Луина действительно закопала золото в могилу мужа, каковы наши шансы найти его на кладбище? Разве большинство здешних индейцев не обратились в христианство?

Кейт покачала головой:

— Его могилы тут нет.

— И почему же?

— Если бы золото было настолько легко найти, его бы выкопали давным-давно.

— Логично. Значит, это место отпадает. — Джейми оглянулся на Брэндона. — Ты уверен, что не хочешь показаться врачу?

— Абсолютно.

— Ладно. Тогда я иду дальше. Кейт, ты со мной?

— Ты не можешь пойти туда один. — Она последовала за ним, когда он включил фонарик и направился к детектору электромагнитных полей и счетчику ионов.

— Возьмешь? — Он протянул ей записывающую видеокамеру широкого спектра.

— Конечно.

Кейт открыла и включила камеру, чтобы взглянуть на мир, появившийся на маленьком экране.

Через несколько минут Джейми повернулся к ней.

— Ты действительно веришь в ту лапшу, которую нам навешивала?

— Ты знаешь меня, Джейми, я когда-нибудь навешивала лапшу на объектах?

— Никогда. И это вызывает у меня беспокойство. — Джейми прищурился и посмотрел на нее. — Я говорил тебе, что моя прабабка была из племени чероки?

— Нет, не говорил.

Он кивнул:

— Она умерла, когда мне было шесть, и я навсегда запомнил один ее совет.

— Какой?

— Слушай — или твой язык сделает тебя глухим.

Кейт уже собралась сказать ему, что это очень мудрые слова, но тут ее взгляд упал на экран.

Боже праведный...

Вскрикнув, она уронила камеру и отскочила назад.

— Что такое? — Джейми обернулся посмотреть, нет ли поблизости какой-то опасности.

Кейт дрожала от ужаса, не в силах произнести ни звука. Ей никак не удавалось прогнать картину, возникшую на экране, и она молча показала на камеру.

Сердито нахмурившись, Джейми поднял ее и включил изображение. Даже в темноте Кейт уловила мгновение, когда он увидел то, от чего она лишилась дара речи, потому что Джейми смертельно побледнел.

В тот момент, когда Кейт собиралась сказать про его прабабку чероки, огромное... *что-то* с громадными клыками приготовилось на него наброситься. На Джейми уставились бездушные черные глаза, и чудовище открыло пасть, собираясь его сожрать. Но когда Джейми произнес слова, сказанные прабабкой, оно отшатнулось и исчезло.

— Мы должны отсюда уйти, — задыхаясь, с широко раскрытыми от ужаса глазами пролепетал Джейми.

Кейт кивнула, потому что все еще не могла говорить. Джейми мягко взял ее за руку и повел через лес к тому месту, где они оставили Энн и Брэндона.

Но их там не оказалось, и Джейми в отчаянии закричал:

— Брэндон! Энн?

Ответом ему была тишина.

Все, кто здесь живет, заплатят... — Голос Луины звучал более настойчиво. — *Но я причинила вред тем, кого не должна была проклинать.*

Кейт вздрогнула, увидев перед собой уже немолодую Элизабет с седыми, собранными в пучок волосами, в простой, построенной вручную хижине. Она зажгла свечу, поставила ее на подоконник и начала произносить молитву на языке племени криков.

О, великий Дух-Отец, чей голос я слышу в завываниях ветра,

Чье дыхание дарует жизнь всему миру, я старалась идти по жизни рядом с тобой.

Услышь меня. Мне нужна твоя сила и мудрость.

Окружи меня красотой и позволь моим глазам увидеть великолепный закат, дарованный тобой.

Сделай так, чтобы мои руки ценили и уважали все, что ты создал, а слух был острым, позволь услышать твой голос даже в те мгновения, когда он не громче шепота.

Даруй мне мудрость, чтобы я могла понять все, чему ты учил мой народ. И почему забрал у меня то, что причиняло мне боль.

Помоги мне сохранять спокойствие перед лицом грядущих испытаний. Перед моими врагами и всеми, кто желает мне зла.

Помоги познать то, что ты прячешь в каждом листке и каждом камне. В радостном голосе ручья. В свете луны и солнца.

Позволь обрести чистые помыслы и жить с намерением помогать другим и никогда — себе.

Помоги найти сострадание, но так, чтобы оно не поглотило меня.

Я прошу у тебя силы, но не больше, чем у моего брата, чтобы сразиться с моим величайшим врагом.

С собой.

Сделай так, чтобы я всегда могла предстать перед тобой с чистыми руками и честным взором. Чтобы, когда моя жизнь подойдет к концу, мой дух пришел к тебе, не испытывая стыда.

И, самое главное, Великий Праотец, оберегай моих сыновей и согрей то место, где они находятся.

Элизабет наклонилась и поцеловала старые фотографии двух молодых людей в форме кавалеристов, стоявшие на подоконнике рядом со свечой, которую она зажигала по вечерам — на случай если они вдруг найдут дорогу домой. Этот ритуал она исполняла каждую ночь в течение пятидесяти двух лет. С тех пор как закончилась война, а ее мальчики не вернулись, чтобы обрабатывать землю.

Она отказывалась верить, что они погибли. Так же, как отказывалась умирать, чтобы проклятие ее сестры не навредило городу, где они обе родились.

Чувствуя, как сжимается сердце, Элизабет достала из кармана два письма, ставших хрупкими от времени, последних, на-

писанных ей ее мальчиками, и села за стол. Старость отняла у нее зрение, и она больше не могла прочитать их слова даже в очках, но это не имело значения, она давно выучила их наизусть.

Я мечтаю только об одном: вернуться домой и жениться на Аннабель. Передай ей привет, мама. Скоро я увижу вас обеих.

Роберт.

Ему исполнилось девятнадцать, когда он покинул родной дом вместе со своим старшим братом Джоном. Их призвали на войну, не имевшую к ним ни малейшего отношения. Джон, который был на восемнадцать месяцев старше, поклялся присматривать за Робертом и позаботиться о том, чтобы он вернулся к матери.

— Клянусь жизнью, я прослежу, чтобы с ним все было в полном порядке.

А я буду присматривать за вами каждый день и каждую ночь стану зажигать свечу, которая поможет вам найти дорогу к моему дому.

Ее глаза наполнились слезами, но они так и не пролились, потому что она была сильной. Элизабет протянула руку и взяла старый резной рожок, который в детстве подарил ей отец. «Возьми его, Лиззи. Если кто-то придет в наш дом, когда твои братья и я будем работать в поле, подуй в него изо всех сил, чтобы мы об этом узнали, а потом вы с твоей матерью и сестрами должны спрятаться и ждать нас».

С тех пор в мире произошло столько перемен! Элизабет никогда не жалела, что вышла за своего мужа. Она любила Джона больше всего на свете, однако он слишком рано покинул ее. Она похоронила его в холодное февральское утро, когда Роберту едва исполнилось семь. Поскольку ее братьев вынудили уехать вместе с сестрой Лу, она сама вырастила мальчиков и дочь Мэри.

Смерти нет, есть только смена миров...

Скоро и она изменится. Элизабет все чаще чувствовала рядом с собой присутствие Великого Духа.

Не печалься ни о том, что прошло, ни о том, что ты не можешь изменить.

— Я скоро снова увижу вас, мои мальчики.

И еще она встретится с Джоном.

Кейт вздрогнула, почувствовав боль Луины.

Ты должна прожить свою жизнь от начала и до конца. Никто не сделает это за тебя. Но будь осторожна в своем желании уничтожить другого. Потому что погибнет твоя душа — и плакать будешь ты. Не позволяй гневу или ненависти отравить тебя.

Это я — яд, — прозвучало в голове Кейт, когда она шла за Джейми, который отправился на поиски друзей.

— Может быть, они все-таки решили поехать в больницу?

Кейт очень на это надеялась, но ровно до тех пор, пока они не подошли к палаткам, которые поставили некоторое время назад.

Палатки были разорваны в клочья, повсюду валялись обрывки ткани. Джейми бросился вперед, но уже в следующее мгновение остановился, выругался, обернулся и попытался ее схватить, прежде чем она подошла слишком близко.

— Ты не хочешь это видеть.

— Ч-ч-что?

В его глазах появилось несчастное выражение, и он сильнее прижал ее к себе.

— Поверь мне, Кейт. Ты не должна их видеть. Нужно вызвать полицию.

Глаза Кейт наполнились слезами.

— Энн?

Он покачал головой:

— Похоже на нападение какого-то дикого животного.

— Почему?

— Не знаю.

Но она задала свой вопрос не Джейми, Кейт спрашивала у Луины.

Слова, произнесенные во гневе, обладают огромной силой, и их нельзя взять назад. Тот, кому повезет, может получить прощение — со временем. Но другие...

Только наши слова и поступки становятся проклятием. И никогда злая воля или намерения наших врагов.

Никогда не связывайся с тем, чего не понимаешь. Некоторые двери срывает с петель, если их распахнуть. Эти двери больше нельзя закрыть.

— Добро пожаловать в мой ад.

Джейми и Кейт вздрогнули, когда рядом с ними прозвучал голос Луины, которая стояла, окутанная мраком. Седые волосы падали на плечи, старое платье из набивного ситца поблекло, и цвета почти не выделялись на фоне белого передника.

— Моя сестра вас защищает, и вы должны быть ей благодарны. А теперь уходите и больше никогда сюда не возвращайтесь.

Однако это было бы слишком просто.

— Я не уйду и не позволю тебе продолжать причинять вред людям.

Луина рассмеялась:

— Ты не можешь мне помешать.

Впервые в жизни Кейт поняла ту часть своего наследия, которая до сих пор оставалась для нее таинственной и неопределенной. Она догадалась, что Элизабет ее прапрабабка.

Это открытие и все, что она знала, наполнили ее сознание одновременно. Бабушка рассказывала ей про Элизабет, которая умерла во сне, когда загорелась ее хижина. По какой-то непонятной причине упала свеча, служившая маяком для ее сыновей.

— Ты убила ее! — выкрикнула Кейт.

— Она хотела умереть. Она устала.

Но Кейт знала, что это ложь. Да, Элизабет устала, ей было почти сто десять лет. Однако она так твердо решила защищать город от проклятия сестры, что прогоняла Смерть всякий раз, когда та за ней приходила.

До тех пор, пока не вмешалась Луина.

Неожиданно Кейт почувствовала связь с Элизабет и с радостью ее приняла.

Джейми выпустил ее и удивленно спросил:

— Что ты делаешь?

Кейт опустила глаза и увидела, как ее окутывает сияние, теплое и сладостное, пахнущее солнечным светом. Это была Элизабет.

— Твоим деяниям пришел конец, Луина. Ты сама сказала, что ты яд. Значит, его нужно уничтожить.

С пронзительным воплем Луина бросилась на нее.

Но, верная своему наследию воительницы, Кейт не сдвинулась с места. Она не собиралась отступать. Только не сейчас.

Дух Луины налетел на Кейт с такой силой, что она упала и застонала, чувствуя, как все тело наполняет боль. Но она снова встала и закрыла глаза.

— Тебе меня не одолеть. Пришло время тебе обрести покой. Ты не оказала уважения тем, кто живет на этой земле.

— Они не оказали уважения мне!

— С их помощью ты отвернулась от Великого Духа, который любит нас всех. И совершала неправедные поступки, хотя понимала, что не должна.

— Они плевали мне в лицо!

— Ты ответила на их ненависть своей ненавистью, более сильной. — Кейт протянула к Луине руку. — Ты устала, как и Элизабет. Ничто так не отнимает силы, как необходимость поддерживать огонь ненависти.

— Ты права, это так. Значит, ты не станешь со мной сражаться?

Кейт покачала головой:

— Я хочу успокоить и утешить тебя. Пришла пора уйти, Луина. Забудь о ненависти. — И тут она услышала, как Элизабет нашептывает ей на ухо то, что следовало сказать: — Вспомни слова Бешеного Коня. Невзирая на все страдания и лишения, народ краснокожих поднимется снова и станет благословением для больного мира. Мира, наполненного нарушенными обещаниями, эгоизмом и разлуками. Мира, мечтающего обрести утерянный свет. Я вижу время Семи Поколений, когда люди с разной кожей соберутся под Священным Древом Жизни, и Земля опять станет единым кругом. В этот день лакота подарят знание и понимание единства всем, кто живет на Земле, и молодые белые люди придут к представителям моего народа в поисках мудрости. Я приветствую свет в твоих глазах, где пребывает целая вселенная. Ибо когда ты войдешь в средоточие силы внутри себя и я найду свое место, мы станем едины.

Луина отшатнулась, услышав эти слова.

— Мы едины, — повторила она.

Элизабет покинула Кейт и протянула руку Луине.

— Я скучала по своей сестре.

— И я скучала.

Джейми положил руки на плечи Кейт.

— Ты в порядке?

Она не знала, что ответить.

— Ты видел?

— Да, но буду все отрицать, если ты спросишь меня об этом в присутствии других людей.

Глаза Кейт наполнились слезами, когда она вспомнила про Энн и Брэндона.

— Почему мы приехали сюда именно на этих выходных?

— Мы приехали, потому что нами двигала алчность.

Неожиданно они услышали приглушенный стон.

— Позови помощь! — крикнул он, выпустил Кейт и бросился к лагерю.

Она набрала 911, надеясь, что телефон работает.

— Энн еще дышит. — Джейми сорвал с себя куртку и накрыл Энн.

— А Брэндон?

Джейми подошел к другу, чтобы проверить, и в этот момент зазвонил телефон.

— Пульс едва различимый, но да... Думаю, он тоже жив.

Кейт молила о чуде и знала, что ее просьба будет удовлетворена.

Эпилог

Кейт сидела рядом с постелью Энн и смотрела, как медсестра проверяет ее жизненные показатели. Она не произнесла ни слова, пока та не вышла из палаты.

— Жаль, что у нас не осталось никаких записей, чтобы показать вам.

Энн тряхнула головой.

— Это не важно. Я рада, что жива. Но...

— Что?

— Вы с Джейми когда-нибудь расскажете нам, что произошло?

Кейт притронулась к маленькому золотому колечку, которое нашла на сиденье машины, когда села за руль, чтобы показать докторам дорогу к месту, где находились Энн и Брэндон. Внутри колечка были выгравированы имена — Джон и Элизабет. Никакого другого золота в Луине не было.

Сокровище, которое искало не одно поколение, ушло на строительство школы около века назад.

Через много лет после того, как сестра отдала золото Элизабет, чтобы она вырастила сыновей, та взяла то, что от него осталось, и заказала кольцо.

Улыбаясь, Кейт посмотрела в глаза Энн.

— Когда-нибудь, может быть.

— А сокровище?

— Энн, разве ты еще не поняла, что ценность представляет собой не золото, а люди? Ты самое главное сокровище моей жизни. И я рада, что моя лучшая подруга жива.

Энн взяла ее за руку и сжала.

— Я рада, что я здесь, и очень благодарна тебе, но...

— Никаких «но».

Энн кивнула:

— Ты права, Кейт. Я забыла, что говорил мой дед.

— И что же?

— Когда срублены все деревья и убиты все животные, когда вода загрязнена, а воздухом опасно дышать, — только тогда ты поймешь, что деньги нельзя есть.

Джейми рассмеялся, и они увидели его на пороге с огромным букетом цветов, который он принес Энн.

— Чего веселишься? — спросила Кейт.

— Думаю, мы все извлекли из этих выходных разные уроки.

— И? — приподняв бровь, поинтересовалась Кейт.

— Энн только что поведала нам о своем. Ты узнала, что месть — это путь, на который лучше не ступать. Брэндон понял, что лучше помолчать и обратиться за помощью, если ты ранен.

— А ты? — спросила Энн.

— Я тоже открыл для себя две истины. Во-первых, самое худшее место, в котором может оказаться мужчина, — это между двумя сражающимися женщинами. И во-вторых, самыми опасными в мире существами являются те, что принадлежат к женскому роду. Мужчины будут драться до последнего. Женщины унесут все в могилу и найдут путь обратно.

С. М. СТЕРЛИНГ

Когда все, что осталось между вами и безвозвратно рухнувшей цивилизацией — только лишь закон, вам потребуется человек по-настоящему жесткий, чтобы принудить к выполнению этого закона — любой ценой.

Многие считают его безусловным наследником Гарри Тертлдава, по праву претендующим на титул Короля романа альтернативной истории. С. М. Стерлинг — автор серии бестселлеров «Island in the Sea of Time» («Island in the Sea of Time», «Against the Tide of Years», «On the Ocean of Eternity»), в которых Нантакет оказывается выдернутым из времени и заброшенным назад, в 1250 год, а также серии «Draka» (включая такие романы, как «Marching Through Georgia», «Under the Yoke», «The Stone Dogs» and «Drakon»), плюс антологии «Draka» — рассказов, написанных другими, но под редакцией Стерлинга («Drakas!»), в которых тори бегут от Американской революции, основывая военизированное общество в Южной Африке и в конечном итоге завоевывая большую часть земного шара. Он также является продюсером серии «Dies the Fire» («Dies the Fire», «The Protector's War», «A Meeting at Corvallis») плюс пятитомной серии «Fifth Milennium» и семитомной серии «General» (совместно с Дэвидом Дрейком), а также внесерийных романов, таких как «Conquistador», «The Peshawar Lancers» и «The Sky People». Кроме того, Стерлинг писал романы в сотрудничестве с Реймондом Э. Фейстом, Джерри Пурнелем, Холли Лизли, Ширли Майер, Кэрен Верстайн и актером сериала «Звездный Путь» Джеймсом Дуганом. Кроме того, он внес вклад в сериалы «Вавилон 5», «T2», «Brainship», «War World» и «Man-Kzin War». В последнее время он начал новую серию «Shadowspawn», которая на сегодняшний день состоит из романов «A Taint in the Blood» и «The Council of Shadows». Его последний роман — новый том серии «Change», «The Lord of Mountains».

Стерлинг родился во Франции, рос в Европе, Африке и Канаде. Сейчас вместе с семьей живет в Санта-Фе, штат Нью-Мексико.

© S.M. Stirling, 2013; © пер., примеч. В. Вершовского, 2014.

ВЫНЕСЕНИЕ ПРИГОВОРА

(К востоку от центра долины Уилламетт)
герцогство клана Маккензи
(бывший Западный Орегон)
5 августа, 1-й год перемены/1999 от р. х.

Я еду, чтобы вынести и привести в исполнение приговор тому, кто сделал зло, — думала Джунипер Маккензи. — *Это часть обязанностей вождя, но с каким удовольствием я предпочла бы играть и петь в фолк-группе! Старые сказки меньше пугают, когда их поют, чем когда воплощают в реальную жизнь.*

— Вода уже скоро, Риона, — сказала она лошади, и кобыла прянула ушами. Запах лошадиного пота от дюжины навьюченных животных ее отряда был сильным, хотя она привыкла к нему еще до Перемены; повозка с запряженными в нее лошадьми являлась как забавой, так и частью ее самой. После недели, прошедшей без дождя, день стоял жаркий, прекрасная погода для сбора урожая, который был важнее какого-то дискомфорта. Летом здесь дождей о б ы ч н о не было, но это не значило, что их и дальше не будет.

В прежнем мире, до того как машины остановились, дождь был бы неприятностью. Теперь же, в мире новом, где пища была на пешем расстоянии или же ее не было вообще, он был бы настоящей катастрофой. Так что жара и солнце, конечно, поджаривали ее веснушчатую кожу, но это было хорошо, а пот и зуд — черт с ними. В воздухе хотя бы висело меньше дыма, чем прошлым летом, в первый год Перемены.

При воспоминании об этом ее губы сжались: она помнила, как горели города и лесные пожары бушевали в лесах, где люди поколениями собирали сухую древесину, в тщетных попытках прервать цикл возникновения пожаров. Смог толстым покровом окутывал весь округ Уилламетт, зажатый в долине между Каскадами и Береговым хребтом, пока наконец осенние дожди не смыли его.

Горьковатый на губах привкус мира растворился в пламени и ужасе. Постоянное напоминание о том, что происходило вдали от твоего убежища.

Тренированным усилием воли она заставила себя вернуться к настоящему: медленному стуку копыт по асфальту, поскри-

пыванию кожи между ее бедрами и личику сына, спящего в легкой переносной колыбельке, прикрепленной к седельной луке перед ней. Полосы теней деревьев, выстроившихся вдоль дороги, падали на ее лицо медленным мерцанием, в ритме движения лошадей.

Тебе следует научиться этому, иначе воспоминания сведут тебя с ума. Многие действительно сошли с ума после того, что видели, и делали, и вынесли, когда машины остановились, — они бились в припадках, раскачивались и рыдали или просто сидели в апатии, которая убивала так же неизбежно, как нож, веревка или *Yersinia pestis* * в легких. А ведь многие из них могли жить. Хотя сейчас осталось очень мало для тех, кто не в состоянии был хоть как-то волочить свое тело, а значение слова «нормальный» стало слишком расплывчатым.

Все излишки предназначались для детей; они спасали столько сирот, сколько могли. И когда малыш снова научится смеяться, твое сердце услышит, что жизнь в мире продолжается.

Так что ты не чувствуешь запаха пожаров в нынешнем году. Наслаждайся этим. Думай о детях, подрастающих в мире, который ты сделаешь стóящим того, чтобы в нем жить, — твоих детях и всех остальных. И не думай о прочем. Особенно же *не думай о том, как смердели массовые захоронения в лагерях беженцев вокруг Сэлема, когда на мир обрушилась Черная Смерть.*

В той разведывательной поездке она не подъезжала вплотную к этим захоронениям. Но подъехала достаточно близко...

Нет.

Запах пыли, неуловимо различимый, подогретый солнцем зеленый запах травы, деревьев и посевов, слегка заплесневелый запах срезанных стеблей. Урожай на полях вокруг Дуна ** Карсона в основном уже был собран, и темные квадраты коричневой стерни перемежались с пастбищами, зарослями пышно-зеленых елей и дубами, росшими либо там и сям, на небольшом расстоянии друг от друга, либо вдоль ручьев, которые этим летом были медленными и обмельчавшими.

Когда они проезжали, жатка, которую тащили две бесценных скаковых коня, выменянных на ранчо к востоку от Каска-

* Вирус бубонной чумы.

** Форт (*гэльск.*)

дов, уже заканчивала работу. Грубо сварганенная машина из дерева и проволоки была изготовлена зимой по образцу, который вытащили из музея. Ее вращающаяся бобина продиралась через последний ряд волнующегося золотистого поля, и грохочущий пояс за плоскостью резака оставлял позади ряд скошенных стеблей. Возница долго смотрел на них, прежде чем помахал рукой и вернулся к работе.

В прошлом году они пользовались косами из магазинов садового оборудования, где те бог знает сколько провисели в качестве сувениров, импровизированными серпами, ножами для резки хлеба и голыми руками отчаянно неумелых беженцев, работавших до упада. Такое земледелие — убийственно тяжелая работа даже для тех, кто знает, что делает, а таких было очень мало. К счастью, нашлось несколько человек, способных направить и научить остальных — настоящие фермеры, увлеченные и компетентные любители и несколько абсолютно бесценных амишей *, спасшихся из своих поселений от волн голодных беженцев или грабителей Нормана Арминджера, военного диктатора с Севера.

Мы собрали практически то, что посеяли в прошлом году; теперь нам надо перебираться на поля-самосевы.

Значительная — бóльшая — часть земли, отведенная под зерновые до Перемены, была покрыта колосьями, из которых уже выпадали зерна. Хаос и драки, возникавшие, когда люди высыпали из городов, мгновенно сделавшихся непригодными для жилья, когда исчезло электричество и встали машины, чума и бандиты, и полное отсутствие инструментов и навыков. Поле раскинулось, словно засеяв себя достаточно для того, чтобы дать еще один урожай, узкое, с проплешинами и сорняками, но в тысячи раз драгоценнее золота.

Солнце отражалось от шипов сноповязалки, которая двигалась за жнецом. Они переносили оружие всякий раз, как доходили до следующего участка пшеницы, которую надо было срезать и составить аккуратными треугольными снопами. Она мигнула, когда наточенный металл отразил лучик света, вспоминая...

...хихикающую маленькую девочку, которую Пожиратели использовали как наживку, и нож, перерезающий ее горло, и запах

---

* Религиозная секта, отвергающая современную технологию, тем не менее успешно занимающаяся сельским трудом, используя старинные, порой примитивные орудия.

из горящих домов позади, так похожий на запах жареной свинины...

— Сконцентрируйся, — сказала Джуди Барстоу Маккензи, ехавшая рядом с ней.

И мы помогаем друг другу не... не забыть... не выбросить из памяти. Все ли из нас в своем уме? Найдется ли хоть кто-то, кто не страдает от... синдрома посттравматического стресса, кажется, так это называется? Конечно, есть и такие, кто менее всего был привязан к миру-каким-он-был, им после Перемены легче остальных. Все прочие жмутся к нам.

— Спасибо, — сказала Джунипер.

— А для чего же еще нужна Девица, — мужественно произнесла Джуди, — если не для того, чтобы не давать Верховной Жрице сбиться с пути?

Она говорила это полушутя, но Джунипер наклонилась и коснулась ее плеча.

— И друзья, — сказала она, — друзья тоже для этого.

Они знали друг друга с тех пор, как были подростками — полтора десятка лет назад, — и вместе постигали секреты Ремесла. Ни малейшего сходства: Джунипер невысокая, тонкая, с глазами цвета ивовых листьев, Джуди — с выразительными чертами лица, крупная в кости, с оливкового цвета кожей и волосами цвета воронова крыла. Правда, в прежние времена она была несколько полновата.

— И для этого тоже, конечно, аррр! — сказала Джуди с наигранным ирландским акцентом, который все равно не мог скрыть ее отчетливого нью-йоркского говора, и подмигнула: — Иначе и быть не может.

Джунипер слегка передернуло от акцента. Она умела говорить с ирландским акцентом, и это звучало по-настоящему. Ее мать была настоящей ирландкой, когда познакомилась с молодым американским летчиком в лондонском пабе, где она работала. И не просто ирландкой, а к тому же с острова Акел на западе округа Мэйо, где она выросла, говоря по-гэльски. Это приборматывание лишь слегка окрашивало американский английский самой Джунипер, не считая ситуаций, когда она делала это специально во время выступлений; до Перемены она была певицей, работая на ярмарках Ренессанса и всевозможных языческих фестивалях.

Последнее время она пользовалась акцентом все чаще и чаще, особенно в компании. Если уж людям так или иначе свойственно обезьянничать, то она по меньшей мере даст им что имитировать вместо полузабытых дурацких фильмов и ночного ТВ.

— Будет неприятно, зато честно, — серьезно произнесла Джуди. — Я провела расследование, и никаких сомнений нет. Он виноват и заслужил свое.

— Я знаю. — Джунипер глубоко вздохнула. — Не знаю почему, но я чувствую себя так... словно иду вразнос. И это правда. Это...

Она посмотрела вверх, в синее небо с несколькими белыми облачками.

— Как будто вот-вот грянет буря с грозой, но ничего ведь нет.

Караван Дуна Джунипер добрался наконец до цели путешествия, и Джунипер вздохнула при виде брезента, растянутого на перекрестке между елями и дубами, росшими вдоль дороги и ломбардскими тополями. Отчасти это была жажда тени. Отчасти же...

Пальцы ее дочери запорхали в воздухе — Эйлир была глухой с рождения.

«Почему ты так грустно вздыхаешь, Великая Мать? — спросила она. — Ведь они сделали так, как ты хотела».

Джунипер бросила на нее быстрый раздраженный взгляд. Эйлир устала так же, как и ее мать, хотя девушке уже исполнилось четырнадцать и она была очень крепкой. Высокая, на несколько дюймов выше матери, сильная и грациозная, как олениха. Ее прекрасное тело было наследием, доставшимся от отца, бывшего спортсмена и прекрасного футболиста.

И этот безмозглый эгоистичный подонок сделал ее, еще девчонку, беременной с первой же попытки, и вдобавок на заднем сиденье автомобиля. Но зато ум и сердце Эйлир достались от Маккензи, наверняка!

Джунипер глубоко вдохнула и выпустила вспышку гнева вместе с выдохом — техника, которой она овладела давно.

Она вздохнула: «Ты чувствуешь? Гнев висит в воздухе. На земле, на вещах, которых касаешься, — как мрачная угроза».

Голубые глаза Эйлир сузились и стали далекими.

«Думаю, да, Страшная Мама, — ответила она миг спустя. — Да, немного».

Они обе посмотрели на Джуди, которая покачала головой и пожала плечами: только не я, мол. «Я не мистик. Моя работа — чтобы были чистые рубахи и хватало свечей для Шабаша».

«Эта земля Мамина, — вздохнула Эйлир с внезапно застывшим лицом. — Может, мы чувствуем Ее гнев».

Они остановились в центре, где сходились дороги. Джунипер передала своего девятимесячного сына, Руди, Мелиссе Эйлуорд Маккензи, живот которой оттягивала ее собственная беременность.

— Я тоже это чувствую, — серьезно произнесла молодая женщина.

Она была новичком в Старой Религии, как и многие другие, но уже стала Верховной Жрицей Дуна Фэйрфэкса и была здесь, чтобы помочь организовать обряд.

— Надеюсь, в Ее глазах мы поступаем правильно, — сказала Джунипер. — Займись малышами, Мелли, хорошо? Для них это будет тяжело.

Та серьезно кивнула, потом улыбнулась, привычно взяв на руки Руди. Джунипер покачала головой и со скрипом седельной кожи потянулась — от езды верхом всегда болит спина. На расстоянии она заметила, какими беззаботными сделались люди, стоя прямо посреди дороги, — с тех пор как легковые машины и грузовики стали исчезающим воспоминанием.

«У нас есть кое-что получше». Она подошла к дочери. Ее пальцы и ладони танцевали с такой же скоростью, как живая речь: «Сейчас уборка урожая, и у людей нет свободного времени. Провести вчерашний день и всю ночь за разработкой ритуала и правил было тяжело, даже когда этим занимаются десять человек. Я ненавижу делать что-то на бегу, особенно когда это станет прецедентом... Но что еще мы можем поделать?»

Эйлир пожала плечами: «Посадить его под замок, как делали раньше, до тех пор, пока времени не станет больше?»

Джунипер даже не подумала отвечать: это было несерьезно. Они не могут выделить никого, кто бы караулил преступника, даже если бы и хотели, но такого желания у них не было.

Сэм Эйлуорд, ее главный оруженосец, поддержал стремя, когда женщина спешивалась. Она снова потянулась, когда са-

поги коснулись асфальта, рывком поправила плед на плечах. Население Дуна Джунипер одевалось в одинаковую одежду шотландских горцев — начиналось-то все не всерьез, но потом эта мода распространилась, потому что такая одежда оказалась удобной. Все из темной в разноцветную клетку ткани, имевшей отношение к найденному складу одеял — и ни малейшего отношения к Шотландии.

Примерно треть населения Дуна Фэйрфэкса тоже была одета в килты, а одежда остальных демонстрировала дырами и заплатами то, почему изготовленная до Перемены одежда расходовалась так быстро. Она не была рассчитана на то, чтобы выносить тяжелые трудовые будни на открытом воздухе, чем занимались практически все. А притащить побольше одеял из не пострадавших от пожаров городских районов было невероятно опасным и физически тяжелым предприятием, поскольку ближайшие городки уже обобрали. Только хорошо вооруженные отряды могли бы сделать это — если принимать в расчет всех бандитов и главарей подростковых банд, прятавшихся в руинах и игравших в свою ужасную игру преследования жертвы и последующего пиршества.

В ее постоянно растущем ментальном сейфе всплыло напоминание:

Проверить лен, и шерсть, и проекты прялок, когда закончим сбор урожая. У нас пока нет нужды самим изготавливать одежду, но потребуются семена, и инструменты, и умение, когда такое время настанет.

Она была умелой ткачихой-любителем до Перемены, и зимой они организовали классы. К счастью, это такое занятие, которое можно было отложить, чтобы позже вернуться к нему вновь.

Мелисса отошла от ее группы и направилась к растянутому к юго-западу от перекрестка шатру, где сидели дети и кормящие матери. Руди забалаболил и замахал своими пухлыми ручонками, и радостная беззубая улыбка появилась на его мордашке.

Слава Богу и Божьей Матери, он славный ребенок. С Эйлир было значительно больше хлопот. Конечно, и я тогда знала и умела гораздо меньше, да и помогать было некому. Понадобилась бы целая деревня, *может, тогда было бы легче.*

— Они делают флаги для всех Дунов, — сказала Джунипер Чаку Барстоу. — Это хорошая идея, бесспорно. Людям нужны символы.

— И все же Денни был прав, когда настоял на зеленом флаге, — отозвался Чак. — Нам нужен символ и для всего Клана. Где ты хочешь его разместить?

Джунипер поджала губы. На флаге она сделала старый знак Ковена* Поющей Луны: темные оленьи рога и полумесяц на зеленом шелке. Вышивание — еще одно умение, которое превратилось из хобби в ценимое жизненное ремесло. Из-за неподвижного летнего воздуха и этот флаг, и остальные вокруг навеса безжизненно обвисли, но благодаря этому было видно, что вышито на каждом из них.

— Рядом с Дуном Карсона, если можно.

Серебряный двусторонний топор Дуна Карсона на кроваво-красном фоне был размещен на северо-западной части навеса, где перекресток представал слегка изогнутым на северо-запад и юго-восток крестом. Чак придавил нижнюю часть флага Клана к земле. Брайен Карсон стоял рядом с вдовой своего брата и осиротевшими племянником и племянницей, вблизи от двух столов, которые она попросила поставить в центре. Жена Карсона, Ребекка, стояла по другую сторону с несколько обеспокоенным видом.

Мелисса и ее помощники предались работе с мелюзгой. Под юго-восточной четвертью собрались представители других Дунов в радиусе пятнадцати миль; местные добровольцы подходили к лошадям, помогали всадникам спешиться, треножили, поили и мыли лошадей, прежде чем отпустить их на пастбище.

Как же Перемена ограничила нас, — подумала Джунипер. — *Пятнадцать миль снова стали долгой дорогой. Это будет записано и отправлено в* Круг Солнца. *Свидетельство — хорошая идея, но превращать все это в цирк не годится.*

Под навесом суда было человек пятьдесят взрослых и, пожалуй, десять — пятнадцать подростков...

...оуэн, — подумала Джунипер. — *Мы будем называть их* оуэн.

Это значило ю н о ш а или п о м о щ н и к на языке ее матери.

---

* Сообщество ведьм. В современной ведьмовской религии Викка — ячейка, группа.

Нам нужно название для подростков, которые уже готовы обучаться взрослым обязанностям, но еще не имеют права голоса. Слово «оуэн» *подойдет, потому что все, похоже, решили играть в то, что они кельты.*

Джунипер слегка потрясла головой. Мертвая тишина нарушалась лишь иногда писком младенца, стуком копыта, когда лошадь переступала с ноги на ногу, или чьим-либо кашлем. Ни следа завывания или бормотания машин вдалеке, и это до сих пор поражало ее — тишина, которой не бывало нигде, кроме прогулок в лесу. Из-за этого знакомые места внезапно становились чужими.

Она встала у большого складного стола. Для нее был приготовлен высокий стул...

Стул из бара! — подумала она. — *Это смешнее, чем мне хотелось бы сегодня.*

Большинство людей расселись на прочных ящиках и корзинах ровными рядами, точь-в-точь как в Клане, когда никто не вмешивается. Впереди и немного по центру сидел мужчина, который был в фокусе сегодняшнего процесса. Он отличался от других тем, что под ним постелили белый брезент, и окружен он был явным кругом неприязни.

По каждую сторону от него стояли люди из Дуна. С ножами за поясом, но нож был просто инструментом, который носили все. У кого-то в руке было топорище, у его соседа — бейсбольная бита.

И они понадобятся, — подумала Джунипер, глядя на человека в центре с гримасой отвращения. — *О да, с этим типом они понадобятся.*

Он был сильным мужчиной среднего роста, мускулистым, с поразительно чеканными чертами лица и коротко подстриженными кучерявыми черными волосами. Из тех субъектов, которых колотит от гнева на весь мир, а все, что препятствует их желаниям, они воспринимают как личное оскорбление.

Однако он не боится, — подумала она; Джунипер всегда умела читать людей. — *Что означает: он не только порочен, он очень высокомерен или очень глуп. Либо и то, и другое.*

Когда она смотрела на него, он внезапно обернулся и поймал ее взгляд, выражение триумфа мелькнуло на его лице, но он тут же сдержал его, выпрямив голову.

— Приставить к заключенному вооруженную охрану, — сказала она холодно и увидела тень сомнения на его лице.

Люди из Дуна отошли в сторону, уступая место Сэму и Чаку, и сели с остальными. По выражениям их лиц было видно, что они рады передать свои обязанности властям в форме, и рады были не только они.

Кроме своих килтов, двое стражников носили то, что было принято в качестве военного обмундирования клана Маккензи, хотя времени на то, чтобы изготовить его для каждого, пока не хватало: бригандина из двух слоев окрашенной в зеленое кожи (ободрали с мебельной обивки) с небольшими стальными пластинами, закрепленными заклепками между слоев, колчаны и большие тисовые луки за спиной, короткие мечи и длинные шотландские кинжалы, небольшие щиты из суповых мисок на поясах и небольшой, но опасный с к и э н д у, нож, заткнутый за голенище. Простые шлемы из металлической посуды с веером из вороньих перьев на уровне лба делали их похожими не столько на людей, сколько на ходячие символы.

У Чака Барстоу, помимо всей этой амуниции, имелось еще и копье. Осужденный поумерил бы гордыню, знай он, что означало это копье или что Чак являлся Верховным жрецом ковена Поющей Луны и к тому же вторым человеком в их отряде милиции. Отполированное двухметровое древко копья было сделано из р у д х а - а н, той же священной рябины, из которой делались жезлы. Острие изготовлено из листа автомобильной рессоры, заточено до обоюдоострого клинка и раскаленным добела вставлено в древко до того, как его опустили в рассол с кровью и разными травами.

На нем была гравировка рунами *огэн*, теми самыми, которые выпадали раз за разом, когда она бросала тисовые палочки для гадания на украшенную символами Б р и а т а р о г а м, шаль. Всегда две руны:

У а т х, террор.

Кеннингом* для этого слова служило выражение *банад гнуис*, «белизна лиц». Для обозначения ужаса и страха кеннингом служили слова «Гончие Дракона».

---

* Кеннинг — метафора в скандинавской и кельтской поэзии, когда одно слово заменяется минимум двумя существительными, например: «вепрь волн» — «корабль», «волк пчел» (Беовульф) — «медведь».

И — вторая выпадавшая руна. Гетал, смерть.

Значением руны было тосах н-экхто, «начало убийства». При лишении человека жизни или принесении его в жертву.

Джунипер сделала глубокий вдох и на миг закрыла глаза, заставляя себя поверить в то, что она действительно здесь, что ей это не кажется. Обволакивающий жар, ощущаемый ею прежде, вернулся, многократно усилившись, словно сама земля под ее ногами пульсировала от ярости.

— Приведите его ко мне.

Она была поражена звуком собственного голоса, хотя умение сформировать и донести свое тренированное сопрано до каждого уголка было второй натурой профессиональной певицы. Сейчас оно звучало как металл остро наточенного ножа.

— Ты слышал Леди Джунипер, придурок, — сказал Сэм тихо, но так, чтобы она услышала.

Этот жест — опустить руку на плечо мужчины, чтобы повести его вперед, с небольшого расстояния мог показаться дружеским. Джунипер видела запястье и покрытое шрамами узловатое предплечье; и глаза осужденного широко раскрылись в то же самое мгновение, когда ладонь Сэма сжала его плечо. Сэм родился и рос на маленькой английской ферме. Половину своей сорокадвухлетней жизни он был солдатом несколько особого сорта, пока шанс или Судьба не бросили его в капкан, раненого, в лесах неподалеку от ее дома — сразу же после Перемены.

Его хобби заключалось в том, чтобы делать большие луки своих предков и стрелять из них. Коренастый и невысокий человечек, но его тонкие лопатообразные ладони способны были легко раздавить грецкий орех, поместив его между большим пальцем и еще двумя. И еще она знала, что он ненавидит таких типов, как этот, раскаленной добела ненавистью.

Чак Барстоу выглядел жестче. Он являлся бойцом Общества и садовником, а к тому же членом Поющей Луны. Не профессиональный солдат, хотя за последние полтора года вдосталь насмотрелся и схваток, и смертей. Но настроен он был так же, когда пошел к заключенному, чтобы охранять его с другой стороны. По неподвижности его взгляда и побелевшим краям зрачка было ясно, что он тоже что-то чувствует — помимо серьезности момента — и ему это не нравится.

Джуди Барстоу была за дальним концом стола, рядом с женщиной, которая сидела, неестественно выпрямившись и застыв; ее бледное лицо казалось испуганным, а глаза смотрели в никуда.

Наш лучший экспонат, — подумала Джунипер. — *И хотя я совсем недавно кормила Руди, груди все равно болят. И почему мне так тяжело дышать?*

Эйлир пересела за низкий стол поменьше, приставленный к большому так, что образовалась буква L.

«Тебе принести холодного чая?»

«Да, спасибо».

Она жадно пила тепловатый ромашковый чай, пока ее дочь вытаскивала новую книгу из переметной сумы. Лед летом был лишь воспоминанием. Когда-нибудь у них, возможно, будет время заняться ледохранилищами, но чуточку прохладный напиток можно получить, используя шероховатый фарфор.

Книга была покрыта темной кожей, с аккуратно выведенными словами:

```
Судебные разбирательства клана Маккензи, второй
год Перемены.
```

И ниже:

```
Преступления, караемые смертью.
```

Эйлир открыла книгу на чистой странице, вытащила чернильницу и ручку со стальным пером, которую они нашли в антикварном магазине в Саттердауне. Никому не показалось странным, что четырнадцатилетняя девочка будет выступать в роли секретаря суда. Стандарты изменились.

Первые страницы книги содержали ритуалы, которые они придумали прошлой ночью, после того как обсудили юридические и моральные основания для ведения дела. Страницы были исписаны бисерным аккуратным почерком Эйлир.

Джунипер поискала взглядом свидетеля из Дуна Карсона, сидевшего в юго-восточной части навеса. Все хранили тишину, напряженное внимание десятков людей совсем не напоминало, что идет какое-то представление.

— Меня вызвали сюда выслушать приговор Дуна, вынесенный Вилли Пирсу Маккензи...

— Эй! — заорал обвиняемый. — Я никогда ничего не говорил насчет Маккензи. Это вы — все вы. Я Уильям Роберт Пирс.

Джунипер слегка заколебалась, потом повернулась к нему.

— Я скажу это только один раз, мистер Пирс. Вы закроете рот до тех пор, пока я не дам вам право говорить. Если вы снова заговорите без позволения, ваши охранники вставят вам кляп. Кляпы очень неудобная штука. Советую вам сидеть тихо.

— Но вы не можете этого делать! Это незаконно!

Ладонь Сэма шевельнулась один раз, и осужденный умолк с открытым ртом. Сэм полез в свою наплечную сумочку, вытащил оттуда кляп и вставил его в рот нарушителю со спокойной деловитостью, убедившись, что язык нарушителя лежит плоско и не помешает ему сглатывать набегающую слюну. Тряпки, обвязанные вокруг деревянной сердцевины, были смочены чаем из ромашки и укропных зерен, чтобы вкус во рту не был совсем уж мерзким. Ремни вокруг его головы удерживали кляп на месте, но не врезались в рот. Он дергался и сопротивлялся, но с таким же успехом, как щенок в руках взрослого мужчины.

— Я предупредила, что выскажусь один раз. Примите это во внимание все. Если я скажу, что будут последствия, значит, они будут. Давать преступнику еще один шанс — это осталось во временах до Перемены, когда мы были настолько богаты, что располагали временем на обсуждения и споры. У вас есть одна минута, чтобы успокоиться.

Взгляд, брошенный на часы.

Она бесстрастно посмотрела на дергающегося человека, пытавшегося выплюнуть тщательно сконструированный кляп изо рта. Потом начала считать секунды вслух. После десятой секунды это привлекло внимание Пирса. На двадцатой секунде он прекратил сопротивление.

— Так-то лучше. Если вы снова нарушите ход процесса, вас ударят, вы потеряете сознание. Я не могу тратить время попусту сейчас, в разгар уборки урожая.

Пирс дернулся, начал было снова сопротивляться, но, увидев уголком глаза, что Сэм поднимает ладонь, застывшую как клинок, вздрогнул и сдался. Джунипер выждала несколько секунд, затем повернулась к северной стороне перекрестка. Она подняла руки, и Джуди вложила в них ее жезл: на нем была

Тройная Луна, возрастающая, полная и убывающая, над двумя серебряными головами воронов. Жезл тоже был сделан из горной рябины.

— Меня вызвали сюда Оенах * Дуна Карсона и Оллам ** Дуна Карсона: Шерон Карсон, Хранительница Очага, Синтия Карсон, Жрица, Главный Воин Дуна Карсона, Рэй Карсон, Второй Воин и Повелитель Стада в Обучении и Брайен Карсон, Повелитель Стада и Урожая, pro tempore ***, а также его жена, Ребекка Карсон, дубильщик. Я Джунипер Маккензи, глава клана Маккензи. Я Оллам Бритхем, высший судья нашего народа.

Джунипер вздрогнула, осознав, на какую власть претендует. *Но я нужна в качестве главы, и я беру на себя эту ответственность. Тройки, все идет по три. Продолжай, женщина, пора закругляться.*

— Я вызвана сюда Оенахом, Олламом и Богами, дабы слышать, рассудить и высказаться. Кто-то хочет отказать мне в моем праве, моих обязанностях и моем призвании? Пусть скажет сейчас или хранит молчание после, ибо эти место и время освящены нашим сходом. Все, что мы делаем здесь — свято и законно.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что Пирс снова попытался дернуться, но быстро затих, когда Сэм сжал его шею.

Воцарилось долгое молчание, и она продолжила, подняв лицо к солнцу и закрыв глаза от слепящего света:

— Да будем мы благословенны! Манауиддан — Беспокойное Море, омой меня!

Зеленая ветвь обрызгала ее соленой водой. Соль на ее губах была как слезы. Четыре Жрицы подошли с зелеными ветками, за каждой шел ребенок с чашей соленой воды. Каждая Жрица очищала людей под одной из четвертей навеса; последняя пара старательно провела очищение пустой северо-восточной четверти.

— Манауиддан — Беспокойное Море, омой и очисти меня!
Я становлюсь сосудом, дабы слушать и слышать.
— Рианнон — Белая Кобылица, стань со мной, беги со мной, неси меня!
Чтобы земля и я стали едины, наполнившись мудростью Земли!

---

* Особое собрание (*на гэльско-ирланд.*).

** Высшая власть (*на гэльско-ирланд.*).

*** Временно, на данный момент (*лат.*).

Она наклонилась, взяла щепотку сухой пыли с дороги и разбросала ее перед собой. Длинной волной люди Дуна Карсона и свидетели сделали то же самое.

— Рианнон — Белая Кобылица, укрепи меня!
— Арианрод — Увитая Звездами Леди, танцуй в наших сердцах, Наших умах, и через глаза наши принеси нам свой свет!

Она взяла у Эйлир факел и подожгла его; смолянистое дерево загорелось неровным светом. Эйлир пронесла огонь по всем четырем углам перекрестка и зажгла каждый факел.

— Арианрод — Увитая Звездами Леди,
Принеси свой свет мне, нам, всему миру!
— Море, Земля и Небо, я призываю вас!
Выслушайте и будьте свидетелями
Всему, что мы говорим,
Всему, в чем мы будем согласны,
Всему, что мы делаем вместе.
Чтите наших Богов! Да скрепят они
Наши клятвы,
Наши истины.

После этого она перешла на официальный язык:

— Пусть все присутствующие действуют в истине, с честью и чувством долга, дабы справедливость, безопасность и защита служили нашему Клану, и пусть Огма Сладкоречивый уделит нам толику Своего красноречия в поиске Правды! Итак, Дун Оенах начат! Нашим решением мы связаны, каждая душа и весь наш народ.

Она развернулась, взглянув на всех собравшихся, и постучала толстым концом жезла по земле.

— Я здесь, мы здесь, Боги здесь. Да будет так!

— Да будет так! — откликнулся хор голосов.

Она заметила, что Ребекка произнесла все эти слова, и ее это порадовало. Они не были религиозны, и сейчас это значило, что они принимают участие в жизни Клана, а не стоят в стороне, ссылаясь на свою нерелигиозность. Она прошла к стулу и взобралась на него. Она чувствовала, как Чак занял место за ней, держа копье вертикально, как символ ее правосудия.

Утреннее солнце заливало брезент, и она ощущала жару и пот, который струйками побежал по ее спине и груди. Килт был удобен при езде по лесу... А сейчас мягкая шерсть прилипала к ногам, и ноги под гольфами начинали чесаться.

Что ж, я не единственный человек, которому неудобно.

Джунипер побарабанила пальцами по столу и взяла в руки деревянный молоток, который Сэм вырезал вчера, когда они готовились к сегодняшней процедуре. Она ударила молотком по деревянному блоку и официальным голосом произнесла:

— Мы собрались здесь, чтобы принять решение по делу сексуального насилия, совершенного над Дебби Мейджер вчера Уильямом Робертом Пирсом, известным нам под именем Билли Пирс Маккензи, который отрицает, что принимал имя клана Маккензи.

Она нахмурилась и сделала жест рукой, чтобы дергающемуся Билли больше не наносили ударов.

— В должном месте вам дадут время высказаться.

Он потряс головой, не сводя с нее глаз, полных гнева и отчаяния, она, в свою очередь, поджала губы и покачала головой, указывая на застывшую в жесте руку. Он сдался, но смотрел по-прежнему сердито.

— Во-первых, я хочу обратиться к более важному делу. Имеем ли мы право судить, выносить приговоры и приводить их в исполнение, если речь идет о членах нашего сообщества и тех, кто живет на наших землях? Более года мы поспешно шли от инцидента к инциденту, по ходу придавая должную форму этой проблеме...

Внезапный смех прервал ее речь. В этом часто обвиняли викканов до Перемены: они придумывают свои ритуалы по ходу.

— Но любой справедливый закон основывается на необходимости, и на прецедентах, и на воле людей. В нем не слишком много от юридической системы, которая служила нуждам сложного городского общества, где сотни миллионов были достаточно обеспечены для того, чтобы тратить время на медленное и тщательное изучение доказательств обвинения и защиты. Мы больше не живем в старом мире городов и бюрократии. Мы живем в маленьких закрытых поселениях, где вопрос вины зачастую решается просто, и у нас нет нужды в сложной технике криминалистики, которая использовалась прежде, чтобы установить критерии «вне всяких сомнений».

Она взглянула в гневные глаза Билли:

— Так мы поступали и так будем поступать в будущем, пока не возникнет необходимость в чем-то ином. Наши методы, их успешность или недостатки обсуждались и рассматривались мной совместно с моими советниками. Мы изучили последние семнадцать месяцев работы и диспутов в Дунах, чтобы свести результаты в единую систему, в кодекс.

Она жестом указала на книгу под ладонью Эйлир.

— Клан Маккензи — сообщество независимых поселений, которые просили членства в клане и получили его, и все это делалось для того, чтобы мы могли поддерживать и защищать друг друга в мире, где никто не может выжить сам по себе, будь то человек или семья. Это значит, что мы осознали необходимость жить вместе и жить достойно. И это получилось. Мы живы, в то время как миллионы... сотни миллионов... и, я думаю, миллиарды... погибли.

Негромкий шепот прокатился по толпе собравшихся, когда она осматривалась вокруг, глядя людям в глаза. Именно поэтому столь многие присоединились к группе, основанной ею с несколькими друзьями и членами ковенов в ее деревенском убежище, и далее всё собралось и сложилось своим чередом. Это было именно то, что она имела в виду в самый первый день, когда сказала им...

— Мы будем Кланом, как было в старину, если хотим выжить.

Низкий одобрительный гул прокатился под навесом при этих словах; эта фраза уже стала фольклором. Возможно, внешние атрибуты такого выбора были не всегда обязательны, но они явились побочным результатом идей и времяпрепровождения группы еще до Перемены... и как целое, оно сработало, и никто не собирался с этим спорить. И менее всего она сама.

Она продолжила:

— *Salus populi suprema lex:* добро народа есть величайший закон. Если человек живет в Дуне, входящем в Клан, он является членом этого Дуна и субъектом правил, выгод и обязательств группы. Никто никого не удерживает в нем силой, но уж если человек остается, то живет по условиям, принятым группой. Это включает в себя работу, взаимную защиту и обязательство уважать остальных. Оллам и Оенах Дуна имеют все права су-

дить проступки, совершенные на их территориях, их людьми или по отношению к их людям.

Кто избирает Оллам? Народ Дуна. Дун Карсон возглавлялся Джоном и Шерон Маккензи вплоть до гибели Джона в битве с людьми Регента, когда в прошлом году они пытались захватить Саттердаун. Сейчас Оллам возглавляется пятью людьми. Они коллегиально решили, чтобы Главный Оллам Клана утвердил приговор по этому делу и чтобы свидетелями тому было как можно больше трезвомыслящих и достойных доверия людей из других Дунов. С этой целью мы сегодня и собрались.

Еще двое людей стенографировали ее слова. Джунипер говорила размеренно, чтобы ее собственной дочери-стенографистке легче было читать по губам.

— Сначала я выслушаю Дебби Мейджер, также живущую в Дуне Карсона, но не принявшую фамилию Маккензи.

Она видела, как глаза оскорбленной женщины фокусируются на ней, словно ее выпустили из какой-то тюрьмы, одновременно бывшей и защитой, и убежищем. В нынешние времена все выглядели худощавыми, жилистыми и обветренными, но в ее лице проглядывали мягкость и боль; ее каштановые волосы были повязаны платком. Она заколебалась на минуту, но затем поднялась, повинуясь жесту Джунипер, и вышла вперед. Джунипер видела, как женщина сглотнула слюну и сжала зубы. Она повторила тот же жест, и Дебби нахмурилась, вздрогнула и повернулась к членам Дуна.

— Меня зовут Дебби Мейджер. Я живу с вами в Дуне Карсона с тех пор... с тех пор, как люди Регента похитили нас из Лебанона, и я, э-э, сбежала. Я не приняла членство в Клане и его фамилию. Я жду, что мой муж Марк все-таки вернется. Вы все знаете, что проезжающие странники искали вестей о людях, похищенных в Лебаноне, но узнали они не слишком много. Я... я делала все, чтобы не отделять себя от группы и быть полезной. Это было нелегко. Я училась, и училась, и училась — более года. И из независимого компетентного гражданина превратилась в зависимого тупого члена сельхозобщины.

Волна прошла по рядам членов Дуна Карсона, и вперед выступила Ребекка с зеленой ветвью в руках.

— Я узнаю Ребекку Карсон. — Джунипер улыбнулась Дебби и подняла руку, жестом прося ее на время умолкнуть.

— Дебби — хорошая усердная работница, которая переживает скорбь потери мужа и семьи, бывших на Восточном побережье. Мы все любим и поддерживаем ее.

Джунипер заколебалась, подавляя гнев: поддержки явно в чем-то не хватило. Она ведь уже сказала, что они должны быть Кланом, а это и значит защищать и поддерживать друг друга.

Нет, это нужно будет сказать, но позже. Пусть Дебби закончит.

Она подняла глаза. Пирс сгорбился, но пытался выглядеть настолько независимо, насколько способен на это человек с кляпом во рту и под охраной Сэма Эйлуорда. Он повернул голову, поймал взгляд Дебби и пошевелил губами, несильно но отчетливо.

Джунипер указала на него пальцем. Сэм Эйлуорд изо всех сил старался не улыбнуться.

Х л о п !

Рука Сэма хлестнула Пирса по лицу с таким звуком, какой издает выделанная кожа, когда ею бьют по доске, и со скоростью, обманчивой из-за кажущейся ненамеренности, случайности движения. Голова Пирса развернулась, и он зашатался. На губах и носу показалась кровь, глаза широко раскрылись от шока.

— Вы будете вести себя уважительно, — спокойно сказала Джунипер. — Пожалуйста, продолжайте, Дебби. Расскажите нам, что же случилось.

Дебби закусила губу и посмотрела Джунипер прямо в глаза. Она выпрямилась, и ее голос зазвучал тверже:

— Началось это не вчера. Вчера это закончилось. Я здесь с августа прошлого года. Билли Боб пришел в марте или апреле.

— В апреле! — крикнул кто-то из собравшихся.

Дебби кивнула:

— Тогда-то это и началось.. В обед он всегда занимал очередь за мной и терся об меня. Синтия увидела это и устроила ему головомойку перед всеми. Он сказал, что просто выражал дружелюбие и что я сучка холодная, а Синтия — непрошеный сопливый советчик.

Джунипер почувствовала, как ее губы сжимаются; сейчас она смотрела на девушку из Карсона. Синтия кивнула, но ничего не сказала.

— После этого, — продолжала Дебби, — он стал более осторожным: видит ли кто или нет. Он ходил за мной повсюду, лапал меня, касался каждый раз, когда выпадал подходящий момент. И синяк на бедре... он щипал меня всякий раз, когда мы оставались наедине. Рэй ловил его на этом дважды и сказал, чтобы он прекратил, и Брайен его притормаживал... но он просто стал осторожнее.

Он попытался... Он постучал в мою дверь... Думаю, в конце апреля, поздней ночью. Я даже предположить не могла... открыла дверь, он толкнул меня внутрь и хотел войти. Дверь ударила меня по лицу и по груди, и я закричала, и все выбежали. Он пытался убедить их, что я сама его пригласила, но никто ему не поверил.

После этого я держала дверь на запоре. В мае он пытался влезть в окно, и я придавила ему окном пальцы. После этого мне пришлось держать и окно запертым и как-то переносить жару. Рэй и Брайен разозлились, когда он солгал, что придавил пальцы дверью, а не окном, и вообще ничего такого он не делал. Но Тэмми видела, как он падал в тот день, и мне поверили. Его стали держать подальше от меня, чтобы он работал вдали, а я — поближе к дому. Шерон и Ребекка сказали мне быть поосторожнее и не делать ничего, что может его возбудить или спровоцировать. Но я ничего не делала. Это все был он.

Вчера мы собирали урожай, и после обеда я пошла к себе в комнату сменить рубашку. Я была рада, что на мне килт. В брюках было бы невыносимо в этой жаре, а шорты я не люблю, но мне нужна была рубашка потоньше, я вся вспотела.

Он прятался за дверью моей комнаты и толкнул меня в спину, я споткнулась и начала кричать, но он ударил меня в живот, бросил на пол, сорвал трусики...

Джунипер поймала взгляд Джуди, и та придвинулась ближе к женщине, которая начинала застывать, — речь ее становилась монотонной, а лицо превращалось в маску...

— ...изнасиловал меня... я не могла дышать от удара. Потом он перевернул меня и бросил грудью на кровать, и сделал это сзади. Он закрыл мне рот моей рубахой и кусал мои груди, снова и снова, а потом еще раз ударил меня и бросил. Позднее меня нашла Синтия.

— Не намного позднее, — сказала Синтия. — Когда она не вернулась, я пошла наверх. Прошло от силы десять — пятнадцать минут.

Джунипер кивнула и указала пальцем на Брайена.

— Как он ускользнул от вашего наблюдения?

Брайен выглядел раздосадованным.

— Да он не ускользнул. Он такой лентяй. Я даже не подумал, что он направится туда. Подумал, где-нибудь лежит и дремлет. Рэй хотел пойти поискать Билли, но я сказал ему, что мы слишком заняты. Мне не следовало это игнорировать.

— Хороша дрёма! — крикнула Дебби, и по ее пылающим щекам градом покатились слезы.

Джуди увела ее в сторону, осторожно обняв за плечи.

Джунипер кивнула, чувствуя, что гнев ясно проявился на ее лице, и зная, что это пугает Брайена Карсона.

— Джуди? — спросила она.

Джуди Барстоу вышла вперед. Все знали, что до Перемены она была дипломированной медсестрой и акушеркой, а сейчас занималась медицинскими проблемами в Клане. Она не была так популярна, как Джунипер, — ее живая деловитая личность была слегка колючей, — но в ее компетентности никто не сомневался.

— Я провела обследование вчера вечером. Дебби избивали. На спине у нее синяк, между лопатками. Там же и рана, оставленная перстнем. Ее ударили и в солнечное сплетение. На мягких тканях живота синяки остаются редко, но на них были две отметины, напоминающие след от перстня на ее спине. К завтрашнему дню, думаю, серьезные синяки появятся и спереди. Я боюсь, что есть и внутренние повреждения, вероятно, селезенки. Надеюсь, все восстановится, но сейчас ей нужен легкий труд и не на ногах.

Она, безусловно, была изнасилована вагинально и анально. Окружающие структуры травмированы, имеются следы впивавшихся и вырывавших плоть ногтей. В обоих местах присутствует сперма.

Джунипер кивнула, чувствуя, как все сводит у нее внутри, — *как бы я хотела, чтобы Эйлир не слышала этого! И любой из детей Клана. К несчастью, им всем надо это слышать — громко и отчетливо.*

— И последнее, прежде чем я буду говорить как Оллам и Бритхем. Брайен сделал ряд заявлений, требующих виры * касательно Билли Боба и Дебби.

Она посмотрела вниз, состроив презрительную гримасу.

— Билли Боб вряд ли кого-то удивит. Он прибыл, не имея ничего, кроме ножа за поясом и топора, но не голодный, на велосипеде, в апреле этого года, сказав, что удирает с реки Худ, где располагается Портландская Защитная ассоциация, над которой взял власть некий Конрад Ренфью, теперь называющий себя г р а ф о м Конрадом Ренфью. Он прибыл и был принят в Дун Карсона. С тех пор он зарекомендовал себя бездельником и смутьяном. Брайен считает, что он не выполнял работы, достаточной хотя бы для того, чтобы оправдать свое жилье и питание. Он вспыльчив, склонен ко лжи и дважды отсутствовал на посту, прежде чем его вообще освободили от этой обязанности.

Я собираюсь послать совет всем Дунам. У нас имеются кое-какие данные с реки Худ. И хотя Портландская Защитная ассоциация захватила эту территорию, люди с реки Худ б л а г о д а р н ы им за это.

Снова раздался гомон голосов, на сей раз удивленных. Лорд Регент был, конечно, психопатом, хотя очень способным и поразительно дальновидным. Среди его последователей можно было найти и просто крутых ребят, и законченных головорезов. Но бывали времена, когда люди соглашались на твердую руку, если это означало жизнь и мирное время, достаточное для сева и уборки, и Ассоциация стремилась возродить сельское хозяйство на своих территориях. Они не потерпели бы рейдеров со стороны...

Если только это и впрямь конкуренция, — подумала она мрачно и продолжала:

— У них собственные проблемы с бандитами, и серьезные. Любой Дун, принявший людей с реки Худ в период с марта до конца апреля, должен быть начеку. Они могут сами оказаться бандитами, из тех, кого Ренфью еще не повесил и не обезглавил. Я думаю, это как раз тот случай.

Продолжим. Вира, полагающаяся Дебби, гласит, что она получит права на владение семьюдесятью акрами земли у Ле-

* Вира — денежная или имущественная мера наказания за преступление.

банона и еще на сто акров земли севернее Силвертона. Эти права она передаст Клану в ноябре, когда Киклос попросит свободных прав на земли, занятые ими в сентябре. Взамен мы получим большие партии продуктов и товаров, плюс права на некоторые участки земли. Дебби имеет право на пропорциональную часть этих товаров и продуктов. Дебби — усердная работница, нацеленная на пользу сообщества, и, кроме того, приятна в общении. Она научилась различным ремеслам в нашем Изменившемся мире, умеет заниматься дойкой, сбиванием масла, изготовлением сыра, а также шитьем и заготовкой еды на зиму, не говоря уже о прочих стандартных работах.

Джунипер сложила руки на бумагах и бросила надменный взгляд карих глаз на человека с кляпом во рту, сидевшего перед ней.

— Прежде, чем я скажу что-то об этом конкретном деле, я хочу заявить то, что будет разослано по всем территориям Клана: Дун Карсона не сумел защитить Дебби Мейджер.

Она сделала паузу, чтобы Эйлир поспела за ней и чтобы успокоиться самой. Она поймала взгляды Брайена и Ребекки. Они опустили глаза и покраснели от стыда.

— Преследование, запугивание, издевательства... это неприемлемое поведение в мире, где каждый зависит от другого и никто не может уйти прочь. Детей учат указаниями и примерами, потому что иначе они не понимают. Но взрослые — от них мы ждем, что они будут слушать, понимать и поступать соответственно. Хроническим проблемам нельзя позволять гноиться. Мы в Клане должны доверять друг другу, наши жизни зависят от этого.

Джунипер побарабанила пальцами по столу и сердито посмотрела на насмешливую физиономию человека с кляпом.

— Билли Боб затронул вопрос правомочности наших действий. Я начну с этого.

Она почувствовала гневное удовлетворение, видя, с какой ненавистью он слышит псевдонимы, которыми воспользовался, когда прибыл на территорию Маккензи.

— Клан Маккензи — это суверенное государство. Мы не связаны юридической системой Соединенных Штатов Америки и не следуем ей, потому что она абсолютно бесполезна в мире,

в котором мы живем. Следовательно, мистер Пирс, вы более не в Канзасе, и мы не позволим вам жонглировать юридическими софизмами или пытаться тянуть время, чтобы как-нибудь да выскользнуть — нет, не позволим!

Теперь я предоставляю вам слово. Когда я скажу, что вы умолкаете, вы закрываете рот и сидите молча. Когда я задам вопрос, вы ответите на него прямо. Никаких посторонних речей, помимо ответа на вопросы, заданные вам, до тех пор, пока я не позволю вам говорить свободно. Вы все поняли?

Она увидела хитрый блеск его глаз, когда он кивнул, и кивнула в ответ.

— Согласны ли вы только отвечать на заданные вопросы и молчать, когда вам прикажут?

То, как он оскалил зубы, убедило ее, что он хорошо понимает ситуацию. Он кивнул медленно, словно у него затекли сухожилия шеи.

— При необходимости будет использован кляп. Предупреждаю: попытка обвинять вашу жертву влечет за собой кляп. Изнасилование — это преступление против Самой Богини и оскорбление Рогатого Лорда, ее любовника и супруга. Это подлое издевательство над Великим Ритуалом, которым мы созданы и на котором держится мир; оставить содеянное безнаказанным значило бы подвергнуть себя опасности Их гнева.

У нас здесь религиозная свобода, и вы будете наказаны за ваше преступление против Дебби Мейджер, а не против Сил, создавших и формирующих этот мир, кем бы мы их ни считали. Однако оскорбление наших моральных принципов — это богохульство, и за него последует суровое наказание. А вы... вы же насильник.

Она кивнула Алексу, и тот развязал кляп. Билли Боб выплюнул ком, давивший ему на язык, сделал вдох... и замер, встретившись с ней глазами. Она не отводила их, пока он не выдохнул, слегка зашатавшись.

— Уже лучше, — одобрила она. — Вы изнасиловали Дебби Мейджер?

Он снова вдохнул, посмотрел на нее... и заколебался.

— Вы не можете этого доказать! — контратаковал он.

— Почему же? Вы уверены, что никто вас не видел?

— Конечно... Никто меня не видел. Меня там не было!

Джунипер скорчила гримасу.

Отреагировал, — подумала она. — *На* Перри Мейсона *его не возьмут.*

Джунипер кивнула.

— Мы не основываемся на том, видели вас люди или нет. Доказательство, как вы это называете, всегда вопрос веры. А все в Дун Оенах верят, что вы сделали то, в чем вас обвиняют, основываясь на наблюдениях, передвижении и знании, кто и что вы такое. Ваша вина была установлена, к удовлетворению Дуна, и я это принимаю.

Показания Дебби — без свидетелей — и осмотр ее тела достаточны, чтобы убедить нас в том, что она была изнасилована. Ее попытки избежать ваших постоянных приставаний достаточны, чтобы осудить вас в глазах общества. Отметки вашего перстня в трех местах на ее теле тоже весьма красноречивы. Заметьте, я не прошу вас выйти вперед и признаться в том, что вы виновны. Это было установлено вчера после полудня, когда вы сидели под замком, а Джуди Барстоу Маккензи осматривала Дебби. Вы тот, кто ее изнасиловал. Моя задача — решить, что с вами делать.

Ключевой принцип в Клане Маккензи — принцип виры или компенсации. За вред, нанесенный собственности, или невыполнение собственной квоты вы можете быть осуждены на принудительные работы за причиненный вами вред. Повторные нарушения влекут за собой изгнание голосованием сообщества.

Нарушение прав другого лица — это может быть злостная клевета, физическое нападение или вред, причиненный собственности человека или его скоту, — определяется единственным вопросом: насколько опасен виновный? На нас лежит ответственность. Мы не можем выпускать опасного человека в мир, если мы достаточно убеждены в том, что он или она нанесут вред другому человеку.

В случае убийства обстоятельства и причина смерти должны быть установлены медэкспертом, которого назначает Оллам Дуна, и решение будет зависеть от результатов обследования и выводов Оллама и Оэнаха.

Она видела, что Билли Боб расслабился. И пожал плечами. Поразмыслив несколько секунд, она кивнула ему:

— Я приняла решение. Вы хотите сказать свое последнее слово?

— Конечно! — сказал он, усаживаясь. — Верните мне мой велосипед, переметные сумы с достаточным количеством еды, и я рвану на север быстрее, чем дверь коснется заднего колеса!

Члены Дуна Карсона зашевелились, на многих лицах был гнев, некоторые без слов, криком выражали свою ярость и возмущение. Билли Боб завертелся на стуле, но Сэм держал его за плечо, а вырваться из этого захвата шансов было не больше, чем из тисков.

— Что касается Дуна, вы не наработали даже на столько, чтобы оправдать свое пребывание здесь в течение четырех месяцев. Пришли вы ни с чем, кроме старого велосипеда, который с тех пор давно разобрали на запчасти.

— Вашу мать! — заорал Билли Боб. — Это м о й велосипед, и в ы д о л ж н ы м н е!

— Нет, — сказала Джунипер. — Это вы должны Клану за четыре месяца. За жилье и кормежку. Жилье оценивается в пинту пшеницы за день, еда — три пинты пшеницы за день. В сумме — за сто двадцать шесть дней. Чуть больше пяти бушелей зерна.

— Вы с ума сошли, — сказал он, выкатив глаза. — Откуда я возьму зерно?

— Из пота на лбу! — клокочущим от гнева голосом выкрикнул Брайен.

Билли Боб крутнулся на стуле, но тут заговорила Джунипер, голосом твердым, как алмаз:

— Стоп. Это слушание касается всей общины. Причинение телесного вреда важнее всего прочего.

Она дождалась полной тишины и продолжила:

— Хочет ли кто-либо из Оэнаха высказаться насчет возможности того, что Билли Боб, будучи изгнан, изнасилует другую женщину?

Один из подростков — о у э н, напомнила она себе, — поднял руку.

— Могу я сказать? — спросил он. Джунипер нахмурилась, когда мать мальчика потянулась было к его плечу, но тут же убрала свою руку.

— Да. У тебя есть право говорить, но не голосовать.

— Он... Вчера рано утром, да и прежде он работал рядом со мной. Я хотел сменить место, но Брайен настоял, что это негативно скажется на моральном состоянии других и что я должен

найти в себе силы игнорировать его. Но он болтал без умолку. Говорил отвратительные вещи о Дебби. Все время говорил о ней. Иногда рассказывал о других женщинах, не отсюда, и не все из них были с реки Худ. Он смеялся, хихикал... как будто это было забавным — рассказывать мне об этом, и я орал, чтобы он заткнулся, потому что он рассказывал, как проделывал мерзкие вещи.

Джунипер не положила голову на стол, не закричала, не затряслась от ярости. Но позыв к этому был сильный.

— С кем-нибудь еще случалось нечто подобное?

Она поморщилась как от боли, и с ней весь Оэнах. Все поднятые руки принадлежали группе о у э н , и маленькая ручка тянулась вверх из сектора малышей.

Красное лицо Брайена побелело, и он обнял Ребекку. Рука их тринадцатилетней дочери тоже тянулась вверх. Джунипер считала.

— Неспособность должным образом справиться с проблемой, которая сделала ваших детей беззащитными перед лицом насильника. И он воспользовался вашей беззаботностью. Девять о у э н и трое маленьких детей стали жертвой домогательств, физических или вербальных. Оэнах Дуна Карсона, прежде чем я продолжу: ваш Оллам не оправдал ваше доверие. Хотите ли вы избрать новый Оллам?

Весь Оэнах забурлил, люди поворачивались к соседям, громко обсуждая происходящее. Синтия и Рэй тесно прижались к своей матери. Все трое плакали. Ребекка и Брайен, открыв объятия, ждали Сару, которая в слезах бежала к ним.

— Вы сказали Дебби не гнать волну и не провоцировать его...

Эйлир, с крепко зажатой ручкой и мрачным лицом, повернулась к матери.

Какой же это ящик Пандоры, мамочка моя, — кивнула ей Джунипер. — *Я все думаю, что мы поняли и Большую Перемену, и все малые перемены. А проблемы возникают снова и снова.*

Поднялся какой-то мужчина, обвел взглядом весь Оэнах и смял свою кепку в руках. Кивки и ободряющие жесты придали ему смелости, и он шагнул вперед.

— Меня зовут Джош Хитроу. До Перемены я считал себя вроде как язычником. Признать Богиню мне было несложно, но я, по правде говоря, не хотел становиться полноценным свя-

щенником. Но, как бы то ни было, Оэнах просил меня высказаться от имени их всех. И суть в чем: не думаю, что любой из нас лучше справился бы с проблемой. Это же отстой — выгнать кого-то, обрекая на голодную смерть... или на то, что его поймают Пожиратели... а так бы оно и вышло. Но... вещи меняются. Нам придется работать над этим и будет нелегко понять, как все произошло.

Когда случилось реальное событие, Брайен отреагировал, и быстро. Я думаю, мы все понимаем, что это один из преподанных жизнью уроков, и нам нужно сделать все, чтобы подобное никогда не повторилось. Но, похоже, никто не хочет, чтобы Карсонов пнули с их должности. Они хорошие люди, добросовестные, к тому же это б ы л а их земля, переходила из поколения в поколение. И, кгм, может быть нивам пришлось бы не по нраву, если бы мы что-то изменили с Карсонами.

Он снова обвел всех взглядом и резко сел. Джунипер, пока он говорил, внимательно всматривалась в лица сидящих.

— Значит, с этим согласны все?

— Да!

— Очень хорошо. Брайен, тебе и Ребекке надо будет пройти в Зал. Думаю, и я тоже приду туда. Поизучаем разные ситуации, поработаем над стратегией их разрешения. Шерон, Синтия и Рэй проведут несколько часов с Джуди, рассматривая свою будущую ответственность. Закончив с этим вопросом, я выношу приговор.

— Эй! Стоп! Меня еще не признали виновным... я еще не осужден!

Глаза Пирса вылезли из орбит, когда иллюзии внезапно сменились ужасом.

— Разве ты не слышал, что я уже сказала тебе: я приехала не для того, чтобы решать вопрос о твоей вине или невиновности. Я здесь для того, чтобы вынести тебе приговор.

Билли Боб завелся, выкрикивая ругательства и отрицая свою вину, и Сэм сунул кляп на его прежнее место. Резкий удар по ногам, и он рухнул на колени, сопя и втягивая воздух носом, а стражник держал его за прядь волос.

Джунипер встала и снова подняла свой жезл:

— Слушайте слово Оллама Бритем Клана Маккензи!

Воцарилась тишина, которую нарушало только тяжелое дыхание мужчины с кляпом во рту и далекое ржание лошади.

— Дун Карсон примет двух обученных жриц и одного жреца в свой Дун, дабы они помогли тем, чьи сердца были ранены действиями этого человека. Они не станут членами Дуна, но будут работать, как и все остальные.

У Дебби будет шесть месяцев на то, чтобы решить, хочет ли она остаться в Дуне Карсона, или присоединиться к другому Дуну, или же вести группу к северу, чтобы заявить свои права на земли у Лебанона, самой сделавшись главой Оллама. Если она решит покинуть Дун Карсона, Дун Карсона выделит ей наследство, эквивалентное ее усердной работе, как было отмечено Брайеном Карсоном в этой ведомости. Дун Джунипер окажет ей поддержку за ее отказ на право владения землей в Силвертоне, которое она уступила Клану. Дун Карсона добавит к этому виру — дополнительную пятую часть — за то, что она была жертвой сексуальных домогательств в течение четырех месяцев, и принесет ей формальные извинения.

Джунипер встала и взяла у Чака копье. Она направила его в сторону скорчившегося тела Билли Боба, и свет заиграл на острие, вспыхивая на выгравированных буквах Огхэма.

— Этот человек — бешеный пес. Он нападает на юных, уничтожая как репутацию своих жертв, так и их честь и чистоту. Обычное изгнание не защитит нас от него. Он сможет вернуться в любой момент, чтобы прятаться и нападать на нас и наших людей украдкой, зная все наши защитные меры. Или же он найдет других и будет охотиться на них. Мы должны устранить его из этого мира, потому что мы ответственны за него. Мы нашли его в нашем гнезде, на нашей земле, отравляющим наших людей. Прошлой ночью я с советниками обсудила возможные изменения в законе. Мы определили ритуал, и, следуя ритуалу, мы свершим казнь. Пусть Стражи Северных Врат судят его; пусть он заплатит за содеянное и познает себя в Стране Лета.

Смерть — страшная вещь, и все мы за прошедший год сталкивались или со смертью, или с опасностью смерти. В первые часы Перемены я убила человека, спасая другого. Но мы не можем допустить, чтобы это нас ожесточило, как и не можем просто об этом забыть. И потому Дун Карсона приведет приговор в исполнение. Не будем прятать от себя то, что это было наше решение, и перекладывать тяжесть ответственности на плечи других.

Билли задергался и попытался выпрямиться сильным рывком. Его крик был заглушен кляпом, но он метался, пока волосы, за которые держал его Сэм, не стали выдираться прядями.

Сэм с задумчивым видом пнул его в живот.

— На твоем месте я бы унялся. Иначе будет еще больнее.

Чак поднял над головой глиняный горшок.

— В этой урне пятьдесят три камешка. Шесть зеленых, четыре красных, один черный и сорок два синих. Каждый взрослый вытащит один камешек. Шестеро, вытащившие зеленые, будут копать могилу: шесть футов в глубину, шесть в длину и три фута в ширину.

Он указал рукой на не занятый никем северо-восточный угол перекрестка, где в землю были воткнуты три лопаты.

— Четыре красных камешка для тех четверых, кто будет сопровождать его к месту казни и удерживать там. Черный камешек — для палача. Все, кто старше шестнадцати, должны наблюдать за казнью. Дети от четырнадцати до шестнадцати могут присутствовать с разрешения родителей. Более юные вернутся в Дун, где не будут видеть или слышать происходящее.

Тело Билли Боба отчаянно задергалось. Резкая вонь внезапно разлилась вокруг, когда он непроизвольно обделался и потерял сознание. Джуди жестом подозвала свидетелей из других Дунов. Они раздели обмякшего Билли Боба, подтерли его тряпками и надели на него старый купальный халат из полиэстра, морщась от отвращения.

Сэм Эйлуорд хмыкнул.

— Я бы заставил его самого рыть яму, — сказал он мягким голосом.

Глиняный горшок пошел по кругу всего Оэнаха. Некоторые сразу хватали камешки, некоторые колебались, кое-кто поднял свои над головой, другие смотрели на них, прежде чем разжать пальцы. Один или два человека облегченно всхлипнули, увидев, что вытащили синие камешки. Постепенно шесть человек прошли к лопатам, начали размечать могилу и копать, наваливая землю на брезент. Четверо человек — трое мужчин и женщина — подошли и встали над лежащим телом. Внезапный торжествующий крик раздался в павильоне, и женщина, которая не была знакома Джунипер, подошла к Билли Бобу и раскрыла сжатую ладонь. На его рубашку упал черный камешек.

— В десятку, — сказал Брайен. — Она пыталась заставить нас сделать что-то с этим типом. И угрожала сделать это сама.

Джунипер поморщилась.

— Что ж, если только она не хладнокровный убийца, то получит именно тот урок, который я рассчитывала преподать всему Дуну и половине Клана Маккензи о расплате и наказании.

— Леди, — сказал Брайен, — Саре всего тринадцать, но она хотела бы остаться... И мы с Ребеккой считаем, что ей стоит присутствовать.

Джунипер потянулась за Руди, приподняв плед и блузу, чтобы покормить капризничающего малыша. На мгновение заколебалась, затем сконцентрировалась на том, чтобы пристегнуть Руди. Несложное дело, но обычно она не кормила его, прикрывшись шалью.

Что мы будем делать, когда бюстгальтер для кормления разойдется по швам? Остаться... ох!

Когда Руди начал сосать грудь, она встретилась глазами с Сарой.

— Почему? — спросила Джунипер.

Девочка выглядела гневной и готовой расплакаться.

— Он... он угрожал убить меня. Сказал... он сказал, что убил кролика Фу-Фу и убьет меня точно так же, запросто.

Девочку, казалось, вот-вот стошнит, и Джунипер заставила себя, приподняв бровь, посмотреть на Брайена. Крупный мужчина мрачно покачал головой:

— Вы знаете, Леди, я не исповедовал вашу религию. Но, похоже, Всемогущий врезал мне по башке за беззаботность.

Да, кролик был убит. Я пытался убедить ее, что это сделал койот, но и сам в это не верил, а уж тем более она. Однако спорить она не стала. А кролик был нам нужен — он был ангорский пуховый, и мы надеялись специализироваться в разведении кроликов на шерсть. Сара пыталась найти таких же пушистых крольчат, но все было бы гораздо проще, если бы самец был жив.

Я уже несу чушь. Саре нужно видеть, что он действительно мертв. И мне тоже. Хотел бы я, чтобы он умер десять раз подряд.

Баюкая ребенка, Джунипер покачала головой.

— Для тебя легко и просто думать, что ты наказываешь его. И даешь предупреждение другим. Но это не совсем так. Думай

об этом как об отбраковке стада. Это защитная мера, и мы собираемся проделать это как можно быстрее.

Она приложила младенца к другой груди и посмотрела на Сару:

— Я не хочу, чтобы ты это видела. Я понимаю, почему ты настаиваешь, но я не думаю, что это пойдет тебе на пользу.

Она взглянула на Брайена, потом на Ребекку.

— У вас есть более веские аргументы в пользу ее присутствия? Сомнений в том, что он мертв, ни у кого не будет.

Брайен в сомнении покачал головой:

— Знаете, Леди... В Библии сказано: плата за грех — смерть. Но мы давно, очень давно разучились понимать эти слова. Мы все сконцентрировались на Божьем даре жизни. Сколько людей могут попытаться жить по сакральным законам, как живете вы, Маккензи... и что это даст правосудию?

Чак, стоявший рядом с ними, покачал головой:

— Если ты думаешь, что в старом мире у нас было настоящее, чистое, неподдельное правосудие...

— Нет, — сказала Ребекка. — Оно было испорченным, преступники оставались безнаказанными... как мы едва не оставили безнаказанным этого человека. Но это не значит, что в старые времена было лучше. Закон был жесток и тверд. Мы и вправду этого хотим?

Она мотнула головой и посмотрела на свою дочь.

— Вправду? Ты боишься, что мы отпустим его, как они отпустили того учителя, хотя Мелли жаловалась на него?

Сара со слезами на глазах кивнула. Четверо взрослых покачали головами. Ребека повернула свою дочь к группе детей.

— Иди. Он умрет. А если он сбежит в этом драном купальном халате твоего дяди, я обещаю сказать тебе об этом.

Сара слегка поупиралась, но потом пошла к другим детям. Ребекка нахмурилась и вздрогнула, когда Брайен положил руку ей на плечо.

— В чем дело, любовь моя?

Она замотала головой:

— Просто мысль. Которую нам нужно будет обсудить позднее.

Копавшие могилу вылезли из ямы и вытащили стремянку за собой, вытирая пот со лба. Один из них застыл и смотрел на ладонь, которой вытирал пот, словно в шоке от того, что пот

этот ничем не отличался от пота при любой другой работе. Остальные собрались вокруг ямы — на небольшом расстоянии, чтобы не обрушить ее края. Группа сопровождения пощечинами привела Билли Боба в чувство. Его подняли на ноги. Он дергался, но все четверо держали его крепко.

Однако он дергался слишком яростно для того, чтобы опустить его в прохладную суглинистую яму. Джунипер прошла вперед и встала у северного края могилы. Когда сопровождающие посмотрели на нее словно в поисках совета, она развела руками.

— Это ноша, которую Высшие Силы возложили на вас, друзья мои, — сказала она тихим голосом, перекрывающим, однако, полузадушенное хрюканье Билли Боба. — И нести ее вам.

Они поставили его в центре группы и посмотрели друг на друга. Один жестом дал понять, чтобы стремянку приставили к дальнему углу. Женщина и один из мужчин отошли от группы и спустились по лестнице вниз. С шокирующей внезапностью двое оставшихся мужчин схватили Пирса за руки и за ноги, качнули его над могилой и отпустили ноги. Он упал на дно ямы, и тут же двое, находившихся внизу, схватили его и придавили к земле. Она была влажной, коричнево-серой, с червями, вылезавшими из комьев. От темной земли шел запах, суглинистый и густой. В нем ощущалась какая-то п р а в и л ь н о с т ь.

Колышки и веревки накрепко припечатали его ноги и руки к земле.

— Леди, нам вынуть кляп? — спросил один из сопровождавших в тот самый момент, когда к яме торопливо подошла Джуди с испачканной одеждой и тряпками.

— Спросите его. И спросите самих себя. Хотите ли вы, чтобы он принял смерть молча, или предпочтете слышать его последние вопли? С чем вы хотели бы жить?

Они выбрались из ямы, все, кроме одного.

— Ну так?.. — спросил он.

Джунипер стояла, руки уже ныли от солидного веса девятимесячного младенца... Но она не передала его обратно Мелиссе.

Оэнах бормотал и перемещался, шептался и шелестел.

Джош Хитроу снова вышел вперед и осторожно встал на краю. Он посмотрел вниз и спросил:

— Чего ты хочешь? Убрать кляп до того, как тебя убьют, или оставить его на месте?

Джунипер услышала тяжелый удар. Мужчина на стремянке что-то нетерпеливо выкрикнул и спрыгнул вниз.

— Он хочет, чтобы мы убрали кляп, но ясно, что мы наслушаемся грязи! — крикнул он из ямы.

— Не тот класс, — с сожалением произнес Чак мягким голосом. — Ничего похожего на добрую старую традицию, когда английские разбойники гордо заявляли о своих подвигах, стоя на эшафоте.

Джунипер вздохнула и несильно пнула его в голень. Джош снова советовался с Оэнахом и Олламом.

Наконец он выпрямился:

— Нам не нужны его проклятия, и мы не хотим давать ему новую возможность вредить нам. Нам не нужна подпитка для наших ночных кошмаров. Оставим кляп на месте.

Джуди сбросила кучу грязного тряпья у подножия могилы.

Брайен вышел вперед, Рэй встал рядом с ним, бледный и дрожащий. Когда его дядя заговорил, он сделал глубокий вдох.

— Оэнах и Оллам единодушны в том, что, — Брайен на секунду бросил взгляд на Джунипер, — этот человек осквернил Великий Обряд и драгоценные таинства любви, изнасиловав вчера женщину Дуна. Долг за оскорбление Высших Сил остается на нем, но наше право судить его за преступление против нашей сестры. К тому же мы узнали, что он пытался еще и совратить наших детей. Бешеных псов должно уничтожать. И нет лекарства, которое стоило бы заплаченной нами цены... Мэйрид, ты готова?

Женщина, вытащившая черный камешек, выступила вперед. Как и у многих, ее лицо было бледным после осознания того, что ей предстоит сделать.

Это не в пылу битвы, когда наносишь удары вслепую, в ярости и страхе, — подумала Джунипер. *— Это не кровь, закипевшая во время ссоры. Мы делаем это обдуманно и церемониально. У нас есть сомнения, но мы прячем их. Мы призываем Высшие Силы, мы говорим: Закон. Мы говорим: Народ. Мы говорим: Государство. Но то, что мы делаем, мы все равно делаем как люди.*

Вождь Клана выступила вперед. Она с Чаком взяла копье, чтобы вручить его избранной. Джунипер дышала с трудом.

Она почувствовала, как рука Верховного Жреца сжала рябиновое древко. Головка Эйлир тоже приблизилась к ней — не единственная из наблюдавших. Встряска, которую она ощутила, оставила после себя жар и гнев, но в целом это было напряженное ожидание удара молнии и что-то еще — возможно, зов...

— Этот человек когда-то был ребенком, — сказала она, и слова как бы сами всплывали из глубин ее существа. — Мать дала ему жизнь, и мать любила его. Ему были вручены великие дары: здоровое сильное тело, острый ум, ловкий язык, огромная воля к жизни, ведь иначе он не прожил бы так долго. Ему была дана ж и з н ь, и как же бездарно он запорол ее для себя и для других.

Сейчас все взгляды сфокусировались на ней. Она заговорила громче:

— Разве вы не ч у в с т в у е т е гнев Высших Сил за то, что он сделал и что осквернил? За пренебрежительное отношение к Тайне, которую Они дали нам для нашей радости и для того, чтобы мы могли соединиться с Ними, принося жизнь в этот мир?

Пронесся шум, словно ветер по верхушкам деревьев, когда все согласно кивнули.

— Но сейчас мы поможем ему заплатить за свою вину. И этой жертвой мы умиротворим Их. Но даже во гневе Темной Матери присутствует любовь. Хранительница Законов сурова, но справедлива. За Вратами Земли Вечного Лета Правда открыта и обнажена, и он познает себя. Он сам решит, как исцелить себя и родиться заново в котле Той, кто Мать-Всех-Нас, родиться в жизнь, которую он изберет. Да будет так!

— Да будет так!

Мэйрид вздрогнула, когда Верховная Жрица и Верховный Жрец торжественно вручили ей копье.

— Это копье было сделано специально для этой цели и только для нее, — сказала Джунипер. — Оно было благословлено и посвящено этому.

Древко опасно закачалось, и Сэм поспешил на помощь.

— Вот, — сказал он. — Держи его, девочка. Дай я его переверну. Теперь наклони его над краем. А ты, Дэнни, направь его туда, куда я сказал тебе. Вот так. Теперь обе руки на древко... там, где я обернул его оленьей шкурой, чтобы руки не скользили. Один резкий удар. Не надо, чтобы он мучился. Сейчас оно

под правильным углом. Лезвие войдет прямо в сердце, аккуратно и быстро. Давай.

Джунипер сохраняла спокойствие на лице усилием воли. *Не требую ли я слишком многого? Может, следовало создать традицию с палачами в масках? Нет! Это* наше *правосудие, и мы должны сами открыто вершить его.*

Мэйрид по-прежнему дрожала, и Брайен встал слева от нее, а Джош справа. Они положили руки на древко, над и под ее ладонью.

— Давай, — сказал Джош. — Ты должна это сделать. Но мы добавим наши силы к твоим. Это произойдет быстро.

Когда Мэйрид сглотнула и крепче сжала руку, Шерон и Ребекка шагнули вперед и положили руки ей на плечи. Джунипер видела, как женщина закрыла глаза... не для того, чтобы укрыться от зрелища, но чтобы почувствовать положение древка, — и затем она ткнула копьем резко и сильно.

Бритвенно острый наконечник рассек грудную клетку Билли Боба и вошел в сердце. Тело его дернулось один раз и затихло. Мужчина внизу, Сэм и Брайен надавили чуточку сильнее, пока наконечник не вошел в землю под телом.

И тут словно что-то щелкнуло. Пылающий гнев, поднимавшийся от самых ее ступней, исчез. Остался только прохладный ветерок печали. И день стал просто еще одним днем, и впереди ждала новая работа.

Джунипер сунула Руди в руки Эйлир и, повернувшись, взяла лопату, наполнив ее землей из могилы.

— Я изгоняю тебя, — сказала она звонко и аккуратно сбросила землю в могилу.

Последний из сопровождавших выбрался из ямы с помощью друзей. Множество рук хваталось за черенки лопат и начинало сыпать землю обратно в могилу.

— Я изгоняю тебя.

— Я защищаю детей.

— Я отвергаю твое богохульство.

— Я защищаю себя.

Джунипер отступила назад. Мэйрид все еще дрожала. Люди подходили, чтобы обнять ее, но общее настроение было мрачным. Джунипер кивнула своим мыслям, снова беря на руки Руди. Ее ладони делали знаки для дочери, еле заметные, руки ее были заняты ребенком:

— Да. Так мы делаем наши жизни своими.

Могила быстро наполнялась, длинное древко копья торчало над землей. Оно было обвязано красными и черными лентами. Джунипер снова повернулась к северу, и теперь жаркое послеполуденное солнце было слева от нее. Эйлир потянулась за Руди, и она отпустила его.

Шерон встала слева от нее, и, к ее удивлению, не Синтия, а Ребекка встала справа.

Джунипер воздела руки:

— Манауиддан — Беспокойное Море, омой и очисти нас! Мы сделали это, защищая свой народ. То, что мы сделали, нельзя не принимать всерьез. Беспокойное Море, омой и очисти нас!

Рианнон — Белая Кобылица, удержи его глубоко в земле, чтобы у него было время усвоить урок и возродиться к новой жизни.

Арианрод — Увитая Звездами Леди, принеси нам свой свет, свет разума. Защити нас от ночных страхов, дай нам глаза, чтобы мы могли видеть, как защитить наших любимых от грозящего им вреда.

Этот сход Дуна во имя правосудия завершен. Мы встретились в скорби, обсуждали проблему в боли и покидаем это место с решимостью. Да будет так!

— Да будет так! — отозвался Оэнах, люди которого собирали свои ящики и корзины, снимали брезент, приглашали соседей в гости.

Джунипер одобрительно кивнула, когда все присутствующие сделали намасте, и мягко отказалась от помощи, которую предлагали люди, прежде чем отправить к своим домам и к работе, которая не будет, не может ждать.

— Леди, и что же нам следует делать сейчас? — спросила Синтия Карсон.

— Провести бдение у могилы, думаю, — сказала Джунипер. — Но вообще вам придется «играть по слуху». Мне кажется, в последующие день-два стоит заняться малыми проблемами и делами. Вы все расстроены, а в таком состоянии легко наделать ошибок.

Брайен, Рэй и Шерон кивнули. Они подобрали скатки брезента, которые уже ушедшие оставили на земле, и с трудом потащились обратно в Дун.

Джунипер вздохнула:

— Теперь пора домой и нам. Можем поспеть до заката, вполне можем.

Она нетерпеливым жестом потерла лоб.

— Хотелось бы мне иметь дело с чем-то менее гротескным при нашей первой попытке приговора к смерти.

Сэм пожал плечами и прижал Мелиссу к себе.

— Не это, так что-нибудь другое, Леди. И что бы оно ни было, нам казалось бы, что хуже быть не может.

Джунипер вздохнула и пожала плечами. *Я хочу быть дома с любимыми людьми. Думаю, мы тоже не будем спать сегодня ночью.*

ПЭТ КЭДИГАН

Каждый знает, чем вымощена дорога в ад, не так ли?

Пэт Кэдиган родилась в Скенектади, штат Нью-Йорк, и сейчас вместе с семьей живет в Лондоне. Ее первая профессиональная публикация состоялась в 1980 году, и с тех пор она считается одним из лучших авторов своего поколения. Ее рассказ «Pretty Boy Crossover» появился в списках ряда критиков, как один из лучших рассказов НФ за 1980-е годы, а «Angel» вышел в финал премии Хьюго, премии Нэбьюла и Всемирной премии фэнтези (один из немногих рассказов за все время существования этих премий, заслуживших такое отличие). Ее рассказы, печатавшиеся в большинстве крупных журналов жанра, включая «Азимов сайенс фикшн» и «Зе мэгэзин оф фэнтези энд сайенс фикшн», опубликованы в сборниках «Patterns» и «Dirty Work». Ее первый роман, «Mindplayers», был выпущен в 1987 году и получил великолепные отзывы критиков. Второй роман, «Synners», выпущенный в 1991 году, завоевал премию Артура Кларка за лучший роман в жанре НФ, как и ее третий роман, «Fools», что сделало Кэдиган единственным автором, получившим премию Артура Кларка дважды. Другие ее романы — «Dervish Is Digital», «Чай из пустой чашки» и «Reality Used to Be a Friend of Mine». Она была редактором антологии «The Ultimate Cyberpunk», а также автором новеллизаций двух фильмов и четырех романов с мультимедиа-приложениями. Ее последняя работа — новеллизация фильма «Сотовый».

ЗАБОТЛИВЫЕ

— Эй, Вэл, — сказала моя сестра Глория, — ты никогда не задумывалась, почему не стало серийных убийц-женщин?

Мы смотрели очередной документальный фильм на канале «Реальные преступления». С тех пор как она переехала ко мне, мы за месяц просто-таки свыклись с этим каналом. Вместе с дву-

© Pat Cadigan, 2013; © пер., примеч. В. Вершовского, 2014.

мя чемоданами, набитыми всякими прибамбасами для своих вьющихся каштановых волос, и мешком для мусора, в который были засунуты два комплекта дорогого бязевого постельного белья, моя младшая сестренка привезла с собой одержимость бульварными сенсациями, которую она маскировала интересом к текущим событиям, — тот же мусорный мешок с дорогим бельем, только наизнанку.

— А эта Эйлин* Как-там-ее-фамилия? — сказала я.

— Одна. И казнили ее очень быстро. Настолько быстро, что ты и фамилию не смогла запомнить.

— Ничего подобного, — запротестовала я. — Я просто не знаю, как она произносится. И, кстати, не так уж и быстро ее казнили — по меньшей мере через десять лет после того, как поймали. Банди** тоже казнили довольно быстро, разве нет? Во Флориде. И ее там же, насколько я помню.

Глория удивленно рассмеялась.

— Понятия не имела, что ты такой эксперт по серийным убийцам.

— Мы вдоволь насмотрелись телепередач о них, — сказала я и пошла на кухню за чаем со льдом. — Я в два счета наваяю такую же на своем айпаде.

Да, преувеличиваю, но не чрезмерно. Все эти передачи настолько стереотипны и трафаретны, что иногда я не могла различить, какие из них — повтор уже виденного нами. Но я не против побаловать Глорию. Она младше меня на пятнадцать лет, и раз уж речь зашла о пороках, то просмотр криминального ТВ явно не тянет на смертный грех. И, что важнее, Глория навещала маму в доме престарелых каждый день без исключений. Я думала, после пары недель частота посещений снизится, но она по-прежнему проводила послеполуденное время каждого дня, играя с мамой в карты, читая ей или просто болтаясь поблизости. Надо отдать ей должное за это, хотя я почти уверена, что она таким образом отлынивала от поисков нормальной, с зарплатой, работы.

Когда я вернулась, Глория возилась с моим айпадом.

---

* Эйлин Уорнос. В 1989—1990 гг. убила семерых мужчин. Казнена в октябре 2002 г.

** Тед Банди — серийный убийца, действовал в 1970-е гг. Признался в 30 убийствах, хотя полиция считает, что его жертв было более сотни. Казнен в январе 1989 г.

— Только не говори, что на нем есть приложения, посвященные серийным убийцам, — немного нервно сказала я.

— Я их погуглила, и да — ты оказалась права: и Эйлин Уорнос, и Тед Банди были казнены в тюрьме штата Флорида. С разницей в двадцать лет. Он получил электрический стул, а она смертельную инъекцию. Но тем не менее. — Сестренка подняла на меня глаза. — Думаешь, что-то не то с Флоридой?

— Понятия не имею, но о ч е н ь хотела бы, чтобы ты не занималась этим на моем айпаде, — сказала я, забирая у нее аппарат. — Гугл никогда не держит информацию при себе. Теперь меня, наверное, захлестнет вал спама с кровавыми фотографиями сцен убийств.

Она навострила уши, словно терьер на дичь.

— А что, можно достать такие фотки?

— Н е т. — Я отодвинула айпад подальше от нее. — Я запрещаю это делать. Хватит с тебя криминального порно на кабельном ТВ.

— Кайфоломщица.

— Не ты одна мне это говоришь. — Я хихикнула. На экране телевизора финальные титры бежали снизу вверх со скоростью, не позволявшей их прочитать, на фоне нечеткой фотографии серьезного вида мужчины, вероятно, серийного убийцы. Внезапно по экрану побежали другие титры — с еще большей скоростью — на кроваво-красном фоне. Внизу экрана появилась надпись: далее в программе — Беспощаднее, чем мужчины — Дамы-убийцы.

Скорчив недовольную физиономию, я посмотрела на сестру, которая размахивала пультом, скалясь как сумасшедшая или, может, как женщина-убийца.

— Ну, хватит. По-моему, один из киноканалов дает «Красный рассвет»? — Я сжимала и разжимала кулак. — «Росомахи»?*

Глория закатила глаза.

— Как насчет чего-нибудь, что мы не смотрели уже базиллион раз?

— А базиллион — это сколько? — спросила я.

— Столько, сколько звезд во Вселенной, или столько раз, сколько ты уже смотрела «Красный рассвет», никто не знает наверняка. — Она кивнула в сторону айпада, лежавшего

* Отряд подростков в «Красном рассвете».

на моем колене. — Тебя уже не волнует спам с криминальными сценами?

Я слегка покраснела.

— Бродила по Интернету с автопилотом, — сказала я, что было полуправдой или полувраньем, как посмотреть.

— Ну конечно, т е б я же совсем не интересует это кровавое барахло!

— А ты могла бы бросить попкорн в микроволновку, — сказала я. — В кухонном шкафу, кажется, остался один пакет.

Она скорчила гримасу наигранного ужаса.

— Это барахло не убьет твой аппетит?

— Если в передаче попадутся полезные советы, быть может, я убью т е б я.

Как обычно, рекламная пауза была достаточно длинной, и Глория успела вернуться с большой чашкой попкорна со сливочным маслом до конца вступительных титров. Из программы следовало, что это марафон «Дамы-убийцы», эпизод за эпизодом до глубокой ночи. А после перерыва на телешопинг — с четырех до шести утра — ранние пташки смогут позавтракать со «Смертельными дуэтами: парами-убийцами».

«Дамы-убийцы» следовали привычной формуле, но с повышенной дозой мелодрамы. Дамы, о которых шла речь, все были как одна ненормальными, злобными, вывихнутыми, неестественными, холодными, расчетливыми, далекими от раскаяния, в то время как большинство их жертв были добрыми, беззаботными, доверчивыми, щедрыми, открытыми, честными, симпатичными, простыми и вообще такими замечательными друзьями, о которых можно только мечтать. За исключением нескольких, выпадающих из этого ряда — необразованных, тупых, незрелых баламутов, дерганых, вредящих себе во всем, или просто тотальных неудачников, среди которых иногда попадался бывший зэк с впечатляющим списком отсидок (ни у кого никогда не бывало короткого списка).

Между всплесками торопливого дикторского текста и неизменно монотонными монологами детективов встречались кусочки реальной информации, большинство из которых для меня оказались новинкой. Начнем с того, что я вообще знала очень мало обо всем этом, — единственной известной дамой-убийцей, которую я могла вспомнить помимо, Эйлин Уорнос, была Лиззи Борден. Дамы-убийцы были гораздо интереснее, чем их

мужские аналоги. В отличие от мужчин, которым удовольствие доставляла власть над другими, дамы-убийцы были нацелены на то, чтобы преступление сошло им с рук. Они тщательно все планировали, примерялись к своим жертвам и ситуациям, выжидая удобного момента.

Кроме того, они были мастерами — точнее, мастерицами — камуфляжа, не без помощи неосведомленного общества, которое даже в наши небезопасные времена видит в женщине мать и кормилицу, но никак не убийцу. В свободное от преступлений время многие из дам-убийц были медсестрами, терапевтами, сиделками, бэбиситтерами, ассистентками и даже учительницами (вспоминая своих учителей, я легко в это верила).

В конце концов я задремала и проснулась, когда шел повтор первого из просмотренных мно1 эпизодов. Разбудить Глорию не представлялось возможным, и я накрыла ее покрывалом, которое связала мама. Потом словно бес толкнул меня под ребро — я сунула ей под руку подушку с запиской, гласившей: «Это подушка, которой я тебя не задушила. Доброе утро!» И, шатаясь, побрела к своей кровати.

Записка, которую я, проснувшись, нашла на своей подушке, вопрошала: «Ты еще жива? [_] (Требуется односложный ответ.) Да (Тогда нам нужно купить овсянки.) [_] Нет (Тогда овсянки хватит.)»

Выражение лица Глории, когда я вышла к завтраку, заставило меня поморщиться.

— О нет. Только не е щ е о д и н судебный ордер из-за неуплаченных штрафов за парковку!

— Нет, конечно, нет. С ними я разобралась. В смысле т ы с ними разобралась, — добавила она быстро. — Я плохо спала.

— Я пыталась тебя разбудить, чтобы ты поспала на нормальной кровати. Ты что, всю ночь не сомкнула глаз? — Не спать всю ночь и потом дрыхнуть весь день — обычное дело для Глории, хотя я и предупреждала ее, что со мной такой номер не пройдет.

— Нет. Из-за всех этих дам-убийц мне снились кошмары.

Сначала я подумала, что она шутит, но у нее был затравленный вид человека, который обнаружил что-то очень неприятное в собственной голове и не может на это что-то не смотреть.

— Господи, Светлячок, извини. Мне не следовало оставлять такую записку.

— О нет, это как раз было забавно, — сказала Глория со смешком. — А ты нашла мою?

— Да. Твоя еще забавнее, потому что правда.

— Я помню, ты говорила об этом. — Она посмотрела в чашку, стоявшую перед ней. — Ты можешь взять эту овсянку себе, — сказала она, подталкивая чашку ко мне. — Я не голодна. Всю ночь мне снились Ангелы Смерти*. Ну, знаешь, эти, коварные.

— Они все коварные, — сказала я, зевнув. — Ты помнишь, что женщинам лучше удается оставаться вне поля зрения радара?

— Да, но те, кто ухаживает за людьми, как нянечки и сиделки, — они самые коварные. — Пауза. — Я все время думаю о маме. Что ты знаешь об этом заведении, в котором она находится?

Я покачала головой.

— Сенсационное ТВ заставляет тебя шарахаться от любой тени. Лучше откажись на время от дурацких криминальных каналов.

— Да ладно тебе, Вэл, разве все эти истории об Ангелах Смерти не наводят на тебя жуть?

— Ты фанат криминала, — произнесла я ровным голосом. — А **я** хочу мой Эм-ти-ви**. А если не его, тогда «Росомах».

— Прошлым вечером ты не возражала, — сказала она с коротким смешком.

— Туше́. Но хорошего понемножку. Сегодня ночь DVD-сборников. Одна из этих странных передач, когда даже ведущие не знают, что поставят для просмотра: «Забытые герои Алькатраса» или «4400 события за 24 часа». Что скажешь?

Мое не слишком удачное попурри не вызвало даже закатывания глаз, так что я просмотрела утренние новости на айпаде, пока ела свою овсянку. Возможно, будь у нее собственный айпад, это подняло бы ей настроение. Игры сестренке наверняка бы понравились. Не говоря уже о камере, хотя мне пришлось бы взять с нее расписку, что она не будет выкладывать снятые тайком кадры на Веб.

---

* Медсестры и сиделки, убивавшие своих пациентов.

** Вэл шутливо цитирует строчку из знаменитой песни (и популярного клипа) группы Dire Straits.

— Вэл, — сказала она минуту спустя, — даже если я и шарахаюсь от каждой тени, сделай мне одолжение. Как ты нашла этот дом престарелых?

Единственный способ избавиться от темноты — включить свет, подумала я, смирившись. Для этого старшие сестры и существуют, хотя я не представляла, что буду заниматься все той же ерундой в мои пятьдесят три.

— Заведение ведь хорошее, разве нет? — Она кивнула. — Отсутствует этот противный запах больницы, обитатели не бродят, как заблудившиеся зомби, не привязаны к кроватям, где они лежат в собственном...

— В э л, — Она приподняла бровь. — Ты не отвечаешь на мой вопрос.

— О'кей, о'кей. Не я его нашла, а мама. У них с отцом была страховка, оформленная через «Стиллмэн Соу энд Стил»...

— Но «Стиллмэн» пошел ко дну двадцать лет назад!

— Дай мне закончить, ладно? Пошел ко дну «Стиллмэн», а не страховая компания. У мамы с папой остался полис, и мама продолжала оплачивать его даже после папиной смерти. Она не хотела, чтобы мы прошли через то же, что и она с бабушкой, а бабушка пережила такой же кошмар со с в о е й матерью. Ты была младенцем, когда умерла бабушка, поэтому ничего этого не видела. Зато видела я.

Глория смотрела на меня скептически.

— У меня есть друзья, чьи родители потратили состояние на эти полисы, которые в конце концов не принесли и пары центов.

— Мама показала мне все еще несколько лет назад. Все было чисто, по правилам и абсолютно законно — иначе этот ее дом был бы ей не по карману. — Я решила не говорить о том, что хотя мама в то время выглядела прекрасно, она уже начинала потихоньку соскальзывать вниз. — Полис покрыл примерно половину расходов, а ее пенсия и деньги от продажи дома покрыли остальное.

— А когда деньги от продажи кончатся?

— В игру вступим мы, сестренка. А как же еще?

Ее глаза округлились.

— Но я на полном нуле. Мне даже и продать-то нечего.

— Ну, если ты не выиграешь в лотерею, тебе придется перейти к плану В и обзавестись работой, — весело сказала я. Гло-

рия выглядела такой встревоженной, что я не знала, хочется ли мне рассмеяться или влепить ей пощечину. — Но этот мост мы будем пересекать, когда подойдем к нему. Е с л и мы подойдем к нему.

— Что ты имеешь в виду?

Это было то, чего я надеялась избегать до тех пор, пока дискуссия не стала бы неизбежной.

— Мама оставила заверенное волеизъявление о своем возможном состоянии здоровья. Она НР — «Не Реанимировать». Никаких дефибрилляторов, никаких шлангов, вентиляторов, никаких экстренных мер. Ее тело — минус могущие оказаться полезными органы — поступает в местный медицинский колледж. Е е решение, — добавила я, реагируя на полуиспуганное, полубрезгливое выражение лица Глории. — Ты знаешь маму: ничего не тратить попусту. Может, кто-то будет рад получить ее печень.

Глория издала короткий смешок.

— О'кей, но м а м и н а печень? Ей восемьдесят четыре. Разве у таких глубоких стариков берут органы?

Я пожала плечами:

— Понятия не имею. Если нет, тем больше останется студентам-медикам.

— Не слишком-то уважительно выглядит.

— Напротив, Светлячок. Они дважды в год служат панихиду по всем людям, завещавшим свои останки колледжу. Приглашают членов их семей, читают имена всех усопших и благодарят их за вклад в будущее медицины.

Выражение ее лица стало менее брезгливым, но тепла в нем не прибавилось.

— А что происходит после, кгм, ты понимаешь, когда они... когда они закончат работу с телом?

— Они предлагают кремацию. Хотя мама говорила, что предпочла бы стать удобрением. Есть одна организация, которая сажает деревья и кусты...

— Прекрати!

— Извини, сестренка, может, мне не стоило вдаваться в детали. Но э т о т о, что хочет мама.

— Да, но у нее же Альцгеймер!

— Когда она все это оговаривала, то мыслила отчетливо и ясно.

Мы обсудили скользкую тему со всех сторон. Глория, похоже, не могла смириться с несколько альтернативным подходом нашей матери к смерти. Ей, вероятно, легче было бы принять похороны в стиле викингов. Из всего, что она наговорила, я так и не смогла сделать вывод: то ли она чувствует себя виноватой за то, что была вечно отсутствующей дочерью, то ли обижена на то, что никто не счел нужным с ней посоветоваться. А может, понемножку и того, и другого.

Или помножку того и другого. Из-за разницы в возрасте мне всегда было сложно встать на ее место. Я думала, что по мере нашего взросления это будет легче сделать, но легче ничего не стало, вероятно, потому, что Глория осталась такой же, как в двадцать пять, когда пыталась решить, кем она станет, когда вырастет.

— Извини, Светлячок, — сказала я наконец, убирая посуду со стола. — Этот разговор возник, потому что у меня такая работа.

— Даже не знаю, как ты это делаешь, — сказала она, наблюдая за тем, как я ополаскиваю чашки и складываю их в посудомойку.

— Делаю что? Зарабатываю на жизнь?

— Как ты умудряешься не заснуть, глядя на все эти ведомости и таблицы.

— Когда представляешь все цифры со значком доллара, это помогает, — сказала я. — Уверена, и ты могла бы найти что-то, чтобы держать глаза открытыми.

Но, вероятно, время плана В пока не пришло, подумала я, закрываясь в своем кабинете и включая компьютер.

Рассчитывать налоговые декларации для других — не самая вдохновляющая работа из тех, что мне доводилось делать, но она не подвержена рецессии и требует меньших физических усилий, чем, скажем, мойка туалетов. Это даже не так уж сложно, когда ты понимаешь, что и как, хотя знание «как» частенько оказывается довольно хитрой штукой. Каждое третье изменение в правилах — и я добавляю еще один жесткий диск, чтобы скопировать мои резервные копии. Бумаги расходуется меньше, чем прежде, и это немалое облегчение. Но я не могла заставить себя полностью положиться на удаленное («облачное») хранение данных — это значило искушать Судьбу и дразнить ее так откровенно, что Судьба могла бы в назида-

ние другим серьезно меня наказать. Я предпочитаю работать с CD-ROM'ами — на USB недостаточно площади для записок на липучке. Одна из моих более молодых коллег использует самоклейки с символами — неглупая идея, но я, пожалуй, слишком стара для такого радикального обновления своего рабочего процесса. Особенно после моего недавнего обновления всего стиля жизни.

За десять лет, прошедших с тех пор, как мы с Ли наконец опомнились и решили разойтись, я обнаружила, что жизнь в одиночестве меня вполне устраивает. Но сейчас ей пришел конец. Сначала Глория делала туманные намеки на то, что собирается подыскать собственное жилье, как только снова встанет на ноги — что уж там это «снова» ни значило, — но я не обманывала себя на сей счет. Моя сестра появилась здесь надолго. Даже какой-нибудь случайный бойфренд вряд ли что-нибудь изменил бы. Мужчины, к которым тянуло Глорию, однозначно стремились переехать к ней, чем наоборот, обычно потому, что сами нуждались в жилье.

Я услышала машину, выезжающую на дорожку, как раз тогда, когда сделала перерыв на ланч: обычное время для Глории, чтобы навестить маму. В последние дни у мамы пропал аппетит, но Глория обычно умудрялась скормить ей несколько кусочков еды. Это была одна из причин, делавших ее столь популярной у персонала.

— Если бы все были такими, как она, — поделилась со мной молодая нянечка по имени Джилл Франклин во время моего последнего визита. — Она не относится к персоналу как к прислуге, не шлепает эсэмэски и не болтает по телефону без остановки. И даже если бы большинство людей располагали достаточным количеством времени, чтобы приходить сюда каждый день, то вряд ли делали бы это.

Я невольно почувствовала себя в позиции человека, вынужденного оправдываться. Два посещения в неделю — минимум, который я для себя установила, хотя я чаще старалась нанести три визита. Это не всегда удавалось, и я бывала слишком усталой для того, чтобы испытывать чувство вины. И чувствовала вину за то, что не испытывала чувства вины. Мама все время говорила, что мне следует меньше думать о двух визитах в неделю, а поразмыслить лучше о недельке-другой на Карибских островах.

Соблазнительно, но Интернет гарантирует, что моя работа может отправиться следом за мной и скорее всего так и сделает. Последний раз, когда я уезжала на отдых в лесной хижине, пятидневная расслабуха превратилась в полудневную, когда я получила отчаянную эсэмэску от клиента, чей дом сгорел дотла буквально накануне налогового аудита. С тех пор мне доводилось слышать, что москиты в лесах штата Мэн вырастают до размера орлов и иногда утаскивают маленьких детей.

Но даже москит с двухметровым размахом крыльев бледнеет на фоне работы, накопившейся за две недели. А может, и нет. Был только один способ выяснить, как оно обстоит на самом деле.

Странно, что у меня возникли мысли о возможном отдыхе сейчас, когда Глория здесь. Да, у нее не было работы, и работать она не будет, разве что под дулом пистолета, но с самого начала сестрица все-таки разгрузила меня. Если продолжит в том же духе, может быть, я даже сумею оживить мою впавшую в летаргию социальную жизнь — навещать друзей, ходить на шопинг. Ужинать в ресторанчиках. Смотреть в кино новые фильмы. Даже сама мысль об этом подняла мне настроение.

В пять часов Глории все еще не было, и я провела еще час за столом, заканчивая работу, которую мне пришлось бы делать следующим утром. Но когда она не вернулась и к шести, я начала нервничать. При всех ее недостатках моя сестра была прекрасным водителем, но это не давало ей иммунитета от встреч с дурными водителями или, что еще хуже, дурными намерениями. Я задумалась: заплатить ли за отслеживание машины системой LoJack, или сначала нужно сделать заявление о краже машины? Или я могу сделать это самостоятельно? Я смутно помнила, что зарегистрировала свою навигационную программу. Существует ли софт типа «Найди мою машину», что-то вроде «Найди мой айпад»?

К счастью, я услышала, как она въезжает на дорожку, до того, как попыталась сделать какую-нибудь глупость.

— Кто-нибудь дома? — позвала Глория, входя в дом через кухню. — Если ты вор, выходи.

— Воров нет, здесь только я, — отозвалась я из кабинета.

Она ворвалась внутрь, болтая локонами в каком-то радостном возбуждении. В руках у нее был пакет из «Wok On the Wild Side»*.

— Ты ни за что не догадаешься, что я сделала.

— Действительно, — сказала я, подвигаясь и давая ей место за кофейным столиком. — Так что ты уж лучше мне расскажи.

— Я получила работу.

У меня отвисла челюсть. Все мои надежды на отдых, хотя бы на длинный уик-энд, разом испарились, а моя социальная жизнь свернулась в клубок и снова впала в летаргию.

— Ты... получила... работу?

Она была занята выкладыванием белых коробок с едой из сумки на стол.

— Что, ты не думала, что это возможно?

— Нет, просто... Я не знала, что ты искала работу.

— Расслабься, сестра, — рассмеялась она. — Это не настоящая работа.

Я заморгала от удивления.

— Ты получила воображаемую работу?

— Что? Нет, конечно, нет. Теперь я официальный волонтер-помощник в мамином доме престарелых!

— Официальный? Серьезно? — Я не была уверена, что правильно расслышала сказанное. — А у тебя есть квалификация?

— Вообще говоря, о старшая сестра, да. Квалификация имеется.

Это, пожалуй, было самым удивительным из того, что она сказала в течение последних двух минут. Или вообще за все время — «квалификация» не было словом, ассоциировавшимся у меня с моей сестрой.

— Каким образом? — спросила я слабым голосом.

— Ты что, действительно забыла, что я была спасательницей почти каждое лето, пока училась в школе? — сказала она с высокомерной улыбкой.

В то время я уже жила вдали от дома, так что я не столько забыла, сколько вообще об этом не знала. Единственное, что я помнила, так это то, что Глория практически не снимала ку-

* Недорогой и качественный китайский ресторан в Инглвуде, штат Калифорния.

пальника с мая до сентября. И хотя я до сих пор неплохо выгляжу в своем, я никогда не выглядела т а к эффектно.

— После окончания школы я преподавала плавание в YWCA* и в Красном Кресте, — сказала она, — и периодически в течение ряда лет подрабатывала спасателем и тренером по плаванию.

Я все равно не могла понять.

— И что, обитатели пансионата много плавают?

Она закатила глаза.

— Я обучена СЛР **, идиотка.

Я покраснела. Сейчас я чувствовала себя как две идиотки.

Глория снова рассмеялась:

— Думаю, ты все же не брякнешься в обморок. Минуту назад я еще не была в этом уверена. — Она отправилась на кухню за тарелками, а я сидела на диване, чувствуя себя не только идиоткой, но и негодяйкой.

— Я могу преподавать аэробику в бассейне, — сказала она мимоходом, бросив тарелку мне на колени. — Вообще говоря, мне надо обновить мой сертификат по аква-аэробике, но мой сертификат СЛР до сих пор действителен. Блин, такая заморочка, когда в бассейне нужен специалист, но тебя не могут взять, потому что твой сертификат СЛР просрочен!

Она поставила передо мной три картонных коробочки и достала пару палочек для еды.

— Тебе разложить еду? Или предпочитаешь вилку?

— У меня пока еще действительна к в а л и ф и к а ц и я, чтобы есть палочками, благодарю.

Она, ухмыляясь, вручила мне палочки. Я все еще не пришла в себя.

— И... что? Ты проснулась сегодня утром и решила оформиться волонтером? Или одна из медсестер, наслушавшись твоей болтовни о летней работе спасателем, сказала: «Эй, да ты, наверное, знаешь СЛР! Хочешь поработать волонтером?»

Ее улыбка стала хитрой. Она обслужила меня, потом себя.

— Вообще-то я написала заявление пару недель назад.

Еще один сюрприз.

— Мне ты ничего об этом не говорила, — сказала я.

---

* Ассоциация молодых женщин-христианок.

** Сердечно-легочная реанимация.

— Не было смысла до сегодняшнего дня. То есть если бы меня не приняли, не о чем было бы говорить. Кстати, а ты делилась со мной каждой мыслью, которая приходила тебе в голову?

Сейчас ее сияющая улыбка была такой невинной, что я не была уверена, пытается она меня уколоть или нет.

— Конечно, не делилась, — продолжала она. — Да и кто бы стал делиться всем?

Я ела молча, размышляя над тем, что моя сестра — квалифицированный волонтер с невероятным умением проводить СЛР. У меня такие знания и умения отсутствовали, что с моей стороны, как я начала понимать, было недосмотром. Даже если ни у одного из моих клиентов не случалось инфаркта после того, как он видел, сколько должен правительству, это не было невозможным; многих из них можно было отнести к группе людей, подверженных инфаркту. Тем временем Глория трещала о том, как распознать симптомы инсульта, как проводить прием Геймлиха и как полезны занятия по СЛР, где всегда можно встретить симпатичных пожарных.

Наконец Глория, которую я знала и любила — как мне думалось, — расслабилась.

— Знаешь, я не думаю, что ты встретишь множество симпатичных пожарных в пансионате, — сказала я, пока она переводила дух.

— Если только пансионат не сгорит. Шучу! — добавила она, почти мгновенно посерьезнев. — Я там для того, чтобы этого не произошло.

Это меня снова озадачило.

— Только ты способна предотвратить пожар в пансионате для престарелых?

— Я сделаю все, чтобы ни один Ангел Смерти не устраивал там своих штучек.

Я ждала, что она рассмеется. Этого не произошло.

— Ты серьезна.

— Серьезна, как инфаркт, сестрица. — Глория наколола на палочку креветку, которая долго ускользала от расправы, и съела ее.

Еще одна причина порадоваться тому, что она квалифицированный спец, подумала я, чувствуя себя немного сюрреально.

— Я не осознавала, что ты будешь там двадцать четыре часа в день.

Она приподняла бровь.

— О чем ты?

— Большинство Ангелов Смерти делают свое черное дело, когда все спят, — сказала я. — Помнишь? Или ты проспала эту часть телемарафона «Дамы-убийцы»?

— Нет, я помню. Конечно, я не смогу находиться там круглые сутки семь дней в неделю, но я дам персоналу понять, что слежу за всем, что происходит. Каждый день, как только я начну работать, я буду делать обход, разговаривать со всеми, смотреть, что и как они делают. Наблюдать за тем, чтобы они давали пациентам правильные медикаменты в правильных количествах...

— А разве врачи и медсестры за этим не следят? — спросила я.

— Я просто перепроверю, идет ли все как надо, — ответила Глория. — Волонтеры не дают пациентам лекарств. Нам даже нельзя иметь собственные лекарства, когда мы на работе. Даже аспирин не разрешен.

Я почти не слушала ее, потому что меня зацепила другая мысль.

— Но ведь официальное волонтерство будет значить, что у тебя останется меньше времени на посещение мамы?

— Ее успокоит мысль, что я рядом.

Это будет интересно, подумала я, и, вероятно, не в самом лучшем смысле.

Много же я тогда знала — всё у ж е стало интересно.

В последующие дни состояние мамы заметно улучшилось. Она выглядела более радостной и более внимательной, улучшился даже аппетит. Я была рада, но в то же время узнала из разговора с ее врачом, что это не постоянное улучшение и что неизбежное ухудшение наступит постепенно или же внезапно. Не говоря о том, что оно будет жестоким.

— Благодаря ТВ и фильмам многие представляют слабоумных пациентов как чокнутых старичков и старушек, которые улыбаются чему-то, чего нет, и не знают, какой сегодня день, — говорила мне доктор Ли, и ее обычно дружелюбное лицо было немного обеспокоенным. — Пациенты со слабоумием способны пугаться и впадать в гнев, могут внезапно вспылить и взор-

ваться совершенно нехарактерным для них образом. Люди, которые никогда ни на кого не поднимали руку, в гневе наносят удар медсестре — или кому-то из родственников. Или кусаются — и в отличие от старых времен у большинства хватает зубов, чтобы пустить кровь. Или же они становятся чересчур любвеобильными и прилипчивыми. Я однажды лечила монахиню, профессора античности, знавшую шесть языков. Она материлась как байкер на всех шести и испытывала горячую страсть к... ладно, не будем об этом.

Было сказано много такого, что воспринималось на слух еще тяжелее, но я ушла, чувствуя себя — не скажу, «подготовленной», потому что не думаю, что можно быть готовым к некоторым вариантам поведения, каким бы реалистом ты ни был, — но, может быть, немного менее неподготовленной. До сих пор мама вела себя как обычно, даже когда не могла вспомнить, почему она в пансионате или сколько мне лет. Но и это случалось реже, когда Глория находилась неподалеку.

Мамина светлая полоса продержалась около полутора месяцев. Во время каждого посещения она убеждала меня поехать на отдых, и вскоре я уже просматривала вебсайты турфирм с самыми серьезными намерениями — и гори работа огнем. Но где-то в подсознании жило беспокойство — как мое отсутствие повлияет на стабильность состояния мамы?

Я решила снова поговорить с ней об этом прежде, чем сделаю что-нибудь или же не сделаю. Она за ланчем убеждала меня лететь на Ямайку — Ямайка в последнее время была ее идеей-фикс сказочного отдыха — но, да какая разница, думала я, приехав, как обычно, в четверг после полудня. Моя мать была на патио, наслаждаясь чудесной погодой, как сказала мне сиделка, и не отнесу ли я ей ее стакан клюквенного сока, благодарю вас.

Я нашла ее сидящей в коляске у одного из столиков с зонтиком, в стороне от группы прочих обитателей пансионата, тоже сидевших снаружи. Прекрасной погоды она не замечала. Просто сидела, уставившись в книгу с головоломками судоку и держа толстый автоматический карандаш в кулаке, как кинжал. Коляска означала, что у нее снова были приступы головокружения; наверняка из-за воспаления уха. Это может быть хроническим состоянием у людей, которым необходимы два слуховых аппарата. Подойдя ближе, я увидела, что сегодня она на-

дела только один. Отсюда и головоломки судоку, которые она решала, только когда хотела побыть одна.

— Ну, ты не слишком торопилась, — сказала она, когда я села рядом и поставила клюквенный сок на стол. — Я просила принести его пару часов назад.

— Мама, это я, Валери, — сказала я, надеясь, что мой голос не звучит так, словно у меня сердце оборвалось.

— О, ради Бога, я з н а ю, кто ты. — Мать посмотрела на меня так, словно не могла поверить, что я настолько тупа. — Ты с к а з а л а, что принесешь мне клюквенный сок, и я ждала целую вечность. Что случилось, ты что, сама клюкву собирала?

— Извини, что тебе пришлось ждать, мам, — произнесла я мягко, — но я только что приехала. Сегодня четверг. Мое последнее посещение было в воскресенье.

Она начала что-то говорить и умолкла. Положила карандаш на стол и осмотрелась вокруг, обратив взгляд на патио, на зонт над головой, сиделку и пожилого мужчину в ярко-синем спортивном костюме, который медленно шел по тропинке из сада, на меня, на себя — в поисках того, что доктор Ли называла м е н т а л ь н ы м н а п р а в л е н и е м с т р о г о н а с е в е р, в поисках чего-то, что не изменилось, как все остальное в этом предательском мире. Выражение ее лица претерпевало метаморфозы от удивленного до испуганного, затем до подозрительного, пока наконец она не откинулась на спинку, прикрыв глаза ладонью.

— Все хорошо, мам, — сказала я, обнимая ее. Сейчас она была лишь кожа да кости, но мне показалось, что за три дня она усохла еще больше.

— В о т т ы г д е! — Глория материализовалась с другой стороны от мамы. — Почему не дала мне знать, что ты здесь? — Ее сияющая улыбка исчезла, когда мама, нахмурившись, обвела ее критическим взглядом, цокнув языком при виде пятна от еды на ее темно-синем халате. — Что случилось? Что ты ей сказала?

— Ничего. Я здесь всего две минуты.

Глория уже собиралась что-то ответить, но мама подняла обе руки вверх.

— Не с с о р ь т е с ь, — сказала она. — Терпеть не могу, когда женщины скандалят. Грубят-к а р р - к а р р - к а р р! Как вороны, скандалящие с чайками. Сегодня четверг?

Резкая смена предмета разговора не была чем-то необычным. Моя мать считала, что плавные переходы — это для политиков и ведущих телеигр.

— Весь день, — сказала я.

Она оттолкнула от себя книгу и карандаш.

— Не люблю писать на открытом воздухе. Я им об этом говорила, но они постоянно забывают. Может, болезнь Альцгеймера заразна. Увезите меня внутрь.

Я сделала шаг, чтобы выполнить ее просьбу, но Глория опередила меня движением, которое выглядело до странности отчаянным.

— Для этого здесь я, — сказала она мне, словно объясняя что-то или объясняя всё.

Мать захотела вздремнуть, и мы с Глорией помогли ей лечь на кровать, взбили подушки и пообещали вести себя без к а р р - к а р р - к а р р, хотя она нас и не слышала. Я села на стул у кровати, собираясь почитать один из романов на моем айпаде. Но как только мама заснула, Глория настояла, чтобы я вышла вместе с ней.

— Это надолго? — спросила я.

— Это в а ж н о.

Я последовала за Глорией на опустевшее патио, спустившись по тропинке к скамейке под большим кленом.

— Только побыстрее, — сказала я. — Мне хотелось бы вернуться до того, как мама проснется.

— Не так громко. — Она наклонилась вперед и говорила полушепотом. — Став волонтером, я вижу и слышу гораздо больше, чем когда была просто посетителем. Я думаю, здесь происходит что-то странное. Странное, не забавное.

Наконец-то вернулась Глория, которую я знала и любила.

— Что? Что конкретно случилось? — Когда она не ответила, я добавила: — На тебя кто-то косо посмотрел?

Она отодвинулась и, храня на лице каменное выражение, скрестила руки.

— Мне следовало догадаться, что ты не примешь меня всерьез. Как всегда.

— Это неправда, — сразу отреагировала я, слыша лживую нотку в собственном голосе.

— Ты думаешь, это все мое воображение, потому что я младшая сестра. Сестренка-бэби. Я для тебя всегда была ребенком.

Ты понятия не имеешь, что такое расти с тремя взрослыми: папой, мамой и младшей мамой. Вы все всегда лучше разбирались во всем. И когда вы все не просто терпели меня — хо-хо-хо, еще одно Рождество, мы снова пойдем к Санте, — то вели себя так, словно не хотели, чтобы я выросла. Как мама, которая сажала меня на колени к Санте, когда мне было уже в о с е м ь.

— Это же для фотографии, — сказала я, что было правдой. — Я знаю, я же была там. Она хотела, чтобы я села к нему на другое колено, но этот тип сказал, что уйдет, если я попытаюсь это сделать. — Тоже правда. Эдакая сволочь.

Глория едва не улыбнулась при этом воспоминании, но вовремя спохватилась.

— Ну вот, ты о п я т ь это делаешь: пытаешься успокоить меня. Выслушай меня хоть в этот раз, хорошо? Здесь что-то не в порядке.

— Я просто спрашиваю, почему ты так думаешь? — сказала я, стараясь говорить взвешенно, а не так, словно я умничаю (ну, может, чуть-чуть). — Вполне здравый вопрос. Поменяйся мы ролями, ты спросила бы меня о том же. Особенно если ты впервые услышала бы о каких-то нарушениях, даже при том, что я приходила сюда неделями каждый день.

— Я тебе г о в о р и л а: быть посетителем — это совсем другое, — сказала она. — Ты не знаешь, ты же не была и тем, и другим.

Движение за спиной Глории привлекло мое внимание: сиделка, осматривавшаяся на патио. Она подобрала книжку с судоку, забытую моей матерью, и сунула ее в большой передний карман своего халата. И замерла, увидев нас. Я улыбнулась ей и помахала рукой. Глория резко развернулась, чтобы посмотреть, в чем там дело. Когда она повернулась ко мне, то снова была разгневана.

— Прекрасно. Н е в е р ь мне. Но я д о к а ж у. И тогда ты не сможешь сказать, что я ш а р а х а ю с ь о т т е н и.

Она встала и ушла. Непрошеное воспоминание всплыло в моей памяти, воспоминание о ее поведении в детстве, о приступах обиды, которые мама называла ее очередными командирскими эстападами. Я сдержала улыбку на случай, если она обернется, но она этого не сделала. И не вернулась обратно на скамейку.

После этого наши отношения стали напряженными. Мои попытки начать разговор упирались в стену; если сестра вообще отвечала, то обычно бессловесным хмыканьем, давая мне знать, что она не оглохла. К понедельнику она немного оттаяла и даже время от времени первой заговаривала со мной. Обнадеженная, я предложила пойти на шопинг и посмотреть кино в настоящем кинотеатре, за мой счет, включая попкорн, плавающий в масле, забивающем артерии холестерином. Она вежливо отказалась, ссылаясь на то, что у нее болят ноги. Если учесть, что она, приходя домой, сразу же отправлялась принимать ванну, ноги у нее, видимо, болели до самых бедер.

Я подумала, что если, придя домой она обнаружит, что ванна уже наполнена, это ее немножко смягчит. В первый раз она страшно удивилась, неловко поблагодарила меня и провела весь вечер со мной, просматривая фильмы в гостиной и даже сделав попкорн без всякой моей просьбы. Удивлена она была и во второй раз. На третий же раз спросила, чего я добиваюсь.

— А ты как думаешь, чего я добиваюсь? — сказала я, держа сэндвич с говядиной и ржаным хлебом; утром я решила потратиться в отделе деликатесов и вознаградить себя за сверхурочные усилия, которые пришлось вложить в новый налоговый расчет. — Я хочу, чтобы мы снова были друзьями. Я хочу, чтобы мы снова были с е с т р а м и. А ты ведешь себя так, словно я должна тебе деньги *и* вдобавок сплю с твоим бойфрендом.

Она уставилась на меня без всякого выражения.

— Ты н и ч е г о не принимаешь всерьез, я права?

— О, Бога ради, — вздохнула я. — Я пытаюсь пробить лед между нами, пока он не превратился в вечную мерзлоту. — Она скривила губы, и я почувствовала приступ раздражения. — Извини, и это недостаточно серьезно?

— Впредь не трудись наполнять ванну, — сказала она. — Я держу купальник в пансионате, чтобы пользоваться джакузи. Иногда мы залезаем туда вместе с мамой.

Я прикусила язык, чтобы не пошутить по поводу спасателя в джакузи, и тут же ощутила стыд, что эта мысль вообще пришла мне в голову. Может быть, я действительно принижала ее всю жизнь и не замечала этого?

— Я просто хотела сделать тебе приятное, — сказала я. — Я вижу, сколько работы тебе приходится делать...

— Как мило, что ты это заметила, — чопорно сказала она. — Но, будучи взрослой, я сама могу наполнить ванну. — Она развернулась на каблуках и вышла из комнаты.

— Прекрасно, — сказала я ей вслед. Весь мой благодушный настрой мигом улетучился. Если моя сестра хочет, чтобы я принимала ее всерьез, как взрослую особу, ей стоило бы вести себя как взрослая, а не как тринадцатилетняя девчонка в день первой менструации.

О нет, ты не этого хотела, — сказал мой мозг.

Мои щеки горели, хотя я находилась в комнате одна. О'кей, может, у Глории действительно месячные. В такие дни я тоже не была лучиком солнечного света. Сейчас я боролась с приступами менопаузы, и довольно успешно благодаря гормонам, но каждый день не был радостным, как не была радостной и я сама.

Мои мысли бежали по кругу одна за другой. Может быть, я действительно ужасно вела себя с Глорией всю ее жизнь? Или мы просто обречены шагать не в ногу в любых обстоятельствах? В конце концов, мы были людьми разных поколений, мы даже говорили на разных языках. И все же если бы я вела себя так после того, как она наполнила бы для меня ванну, совесть мучила бы меня г о д а м и. Но, конечно, то была я — старшая сестра. А могла бы я все видеть ее глазами? И т. д., и т.п, и так далее, и тому подобное. Когда я наконец вспомнила про сэндвич, о котором мечтала целый день, он лег в желудок какой-то резиновой тяжестью.

Несварение пошло на убыль позже, когда я услышала, как она выходит из дома, вместо того чтобы вытянуть усталые ноги. Глория не позволяла нашим ссорам влиять на ее отношения с моей машиной.

Глория продолжала волонтерствовать с таким энтузиазмом, какой никогда не демонстрировала на платных работах — во всяком случае, на тех, где не нужен был купальник. Иногда я думала, что ее кажущаяся самоотверженность на самом деле могла быть нездоровой навязчивой идеей: найти доказательства того, что не существует, и доказать что-то, что не было правдой.

Однако когда я видела ее во время моих посещений, она не выглядела одержимой. Она была веселой и расторопной, подобно людям, которые довольны своей работой. Может быть, пытаясь доказать что-то мне, Глория обрела себя, поняв, что

уход за пациентами — это как работа спасателя, только в одежде. Маловероятно, но все-таки возможно. То, что она постеснялась бы сказать об этом, не было невозможным, скорее — очень маловероятным.

Может, сейчас я шарахалась от тени? Прожив жизнь стрекозы в семье муравьев, Глория теперь вплотную приблизилась к реальности угасания мамы. Принятие этого факта встряхнуло бы кого угодно. Мне очень бы хотелось, чтобы она поговорила об этом со мной, но если ей действительно казалось, что я отношусь к ней свысока, трудно удивляться тому, что она держалась на расстоянии. Я не могла ее в этом винить.

Со временем, однако, она оттаяла в достаточной мере для того, чтобы мы могли иногда сходить в кино или в ресторан, но стена между нами сохранялась. И как бы мне ни хотелось разрушить эту стену, я не могла давить на Глорию. Отчасти потому, что боялась того, что она снова разозлится и повторно закроется в своей скорлупе. Но мной овладела несколько странная суеверная идея, что если я стану слишком пристально всматриваться в ее новообретенную самодисциплину, то все можно сглазить. Она прекратила бы заниматься волонтерской работой и даже стала бы посещать маму не чаще раза в месяц — в лучшем случае. И в результате, наплевав на мои правила, она спала бы целый день, бодрствуя по ночам. Я уже видела такое прежде. Независимо от того, что давало ей чувство цели, я не хотела бы, чтобы она это потеряла. Даже если это будет означать, что мы никогда не скажем друг другу ничего серьезнее, чем «Сегодня пойдет дождь» или «Угадай, что покажут по ТВ? Подсказка: "Росомахи!"» — всю нашу оставшуюся жизнь.

Глория смотрела «Красный рассвет» без возражений и даже готовила попкорн. Но она ни разу не предложила переключиться на программы реальных преступлений. Меня это вполне устраивало, хотя я не очень понимала, что это означает — если вообще что-нибудь означало.

Через полтора месяца после первой вспышки ее гнева мистер Сантос и его дочь Лола разыскали меня, чтобы рассказать, какая героиня моя сестра. Мистер Сантос был довольно крепким низкорослым человеком лет восьмидесяти, который разделял страсть моей матери к головоломкам и карточным играм. Я знала Лолу достаточно для того, чтобы кивнуть ей при встрече, но и она, и ее отец очень сдружились с Глорией.

— Я никогда не видела ничего подобного в реальной жизни, — сказала Лола Сантос, глядя на меня своими округлившимися темными глазами, словно быть старшей сестрой Глории — невероятное достижение. — Я оставалась в туалете, может быть, пару минут. Глория принесла ему сок...

— И если бы не это, меня бы здесь уже не было! — мистер Сантос дважды ударил себя в грудь костлявым кулачком, прежде чем дочь перехватила его руку.

— Прекрати, Попи, у тебя до сих пор синяки!

— Хорошо. Эти синяки напоминают мне о героине с вьющимися каштановыми волосами и ямочкой на щеке, которая спасла мою жизнь. — Он покачал указательным пальцем. — Она чудесная девушка, твоя сестра. Не знаю, что бы мы делали без нее. Она наша героиня. Она м о я личная героиня.

— И моя, — добавила Лола.

Я понятия не имела, как на это реагировать, поэтому просто улыбнулась и поблагодарила их за то, что они рассказали мне. Позднее дома я пыталась поговорить с Глорией об этом происшествии, но она не была настроена на откровенность; когда она начала раздражаться, я прекратила попытки. На следующий день я перекроила свое рабочее расписание и поехала в пансионат посмотреть, не удастся ли мне узнать что-нибудь еще, но можно было и не трудиться. Я не вытащила из мистера Сантоса ничего нового, кроме того, что он мне уже рассказал. Мать попеременно заявляла, что в тот момент она дремала или сидела в саду. Несколько других обитателей, с которыми я говорила, не смогли добавить ничего полезного. Даже обычно болтливая Джилл Франклин была немногословна, когда речь зашла об этом предмете: похвалив редкие способности Глории в СЛР и ее умение сохранять спокойствие в кризисных ситуациях, она жестко указала на необходимость приватности жизни пациентов и конфиденциальности медицинских записей. Я поняла намек и провела остаток дня с мамой, которая слегка запуталась из-за моих визитов — двух подряд.

Я вернулась к трем посещениям в неделю, потому что мама радовалась этому, а не для того, чтобы выяснить что-то о героическом поступке Глории. Это было бы бессмысленно, принимая во внимание, что я получила полную информацию от самих мистера Сантоса и Лолы. Хэппи-энд, кругом улыбки — ну что

еще могло крыться в этой истории? Если я и шарахалась от тени, то эту тень я даже не смогла бы назвать. Может, вся эта суета «ах, какая она героиня» действовала мне на нервы; даже недели спустя она еще не затихла.

— *Завидуешь?* — произнес тихий голос в моей голове.

Я была вполне уверена, что не стала невротичкой. Наверняка нет. Но если бы и стала, — я не стала, но если бы, — сказала я себе, был только один способ покончить с тенью. Маме были бы полезны мои сверхнормативные визиты и мне тоже — никто не знал, сколько времени она еще пробудет в ясном рассудке. Если хорошие поступки иногда совершаются по глупой причине, они все равно остаются хорошими, не так ли?

— Разве ты не была здесь вчера? — спросила мать, когда я села рядом с ней за столик под зонтиком. К моему удивлению, она казалась раздраженной.

— Нет, я приезжала в четверг, а сегодня суббота. А в чем дело, тебя тошнит от того, что я рядом?

— Я не понимаю, почему ты не воспользуешься тем, что Глория постоянно присматривает за мной, — сказала она, — и не поедешь отдохнуть, хотя бы на длинный уик-энд. А вместо этого все чаще приходишь сюда. Что с тобой? У тебя своей жизни нет?

— Нет, — ответила я честно.

— А твои друзья?

— У них тоже нет жизни. Обстоятельства у всех непростые. Я подумывала о том, чтобы перебраться сюда к тебе.

Мать злорадно рассмеялась.

— Сначала выиграй в лотерею. Здесь не разрешают делить расходы. — Она осмотрелась вокруг. — Где же она, эта штуковина? Ну, знаешь, с книгами внутри и экраном. Могу поклясться, она была здесь. Посмотри, пожалуйста, не оставила ли я ее в своей комнате. Раз уж ты под рукой.

Дверь в комнату матери была открыта; внутри, спиной ко мне, стояла сиделка и делала что-то на столике для подносов рядом с кроватью. Слева от нее находилась тележка, обе полки которой были уставлены стеклянными графинами для воды.

— О, привет! — сказала я весело, и она подпрыгнула. Кувшин, который она держала, выскользнул из ее рук, залив водой кровать, прежде чем упал на пол. — О черт, прости! — Я бросилась на помощь.

— Не надо, все в порядке, я уберу сама, все нормально... — Голос сиделки звучал почти отчаянно, она махала рукой, чтобы я ушла, схватила кувшин и подобрала несколько маленьких белых таблеток с пола. — Это всего лишь вода, не плутоний. Я справлюсь, правда, я сама.

— Конечно, но позвольте мне все-таки помочь, — виновато сказала я и опустилась на колени. Кувшин открылся, и крышка закатилась под кровать. Я воспользовалась ею, чтобы сгрести несколько таблеток.

— Я принимаю их от головной боли, — сказала сиделка, хватая таблетки и засовывая их в передний карман халата, при этом она не обращала внимания на налипшую на них пыль. — У меня сильные кластерные головные боли, просто убийственные.

— Это ужасно. — Я понятия не имела, что такое кластерные головные боли, но, судя по ее виду, она вряд ли преувеличивала. Я еще раз провела крышкой кувшина под кроватью на случай, если там остались таблетки, и встала на ноги.

— Мне очень жаль. Я не собиралась подкрадываться к вам. Я хотела поменять постель...

— Нет-нет, ни в коем случае. Вы приходите сюда не для уборки. Это моя работа. — Она говорила настолько быстро, что слова сливались в сплошной лепет. — Я все сделаю сама, вам не нужно беспокоиться, пожалуйста, не тратьте время вашего визита, но если... — Она внезапно умолкла. Цвет ее лица стал почти нормальным, хотя казалось, что она вот-вот заплачет.

— Что случилось? Головная боль? — спросила я.

Я хотела предложить ей присесть и выпить воды, когда она сказала:

— Это пустяки. Пожалуйста, не отвлекайтесь от своего посещения. Я буду в порядке.

— Слушайте, если вы даже не даете мне помочь вам перестелить постель, так скажите, могу ли я сделать хоть что-нибудь, чтобы как-то компенсировать то, что напугала вас до чертиков?

Она смущенно опустила глаза.

— Это было бы глупо.

— Глупо — это как раз по моей части, — сказала я. Она ответила улыбкой.

— Ладно, это... Я просто... — Внезапно она начала снимать белье с кровати. — Нет, я не могу. Я собиралась вас попросить,

чтобы вы ничего не говорили своей матери, но... Оставим это. — Она бросила кучу мокрых простыней на пол и начала стягивать чехол с матраца. — Это просто потому, что я чувствую себя такой идиоткой. Но я не вправе просить вас о чем...

— Сделано, — сказала я, клятвенно подняв ладонь. — Я не смогла бы придумать и повод, чтобы кому-то об этом рассказать.

— Но...

— Забыто. Я не буду говорить, а вы не сможете меня заставить.

Она издала нервный смешок.

— Я пришла сюда, чтобы забрать ее электронную книгу... — Я увидела ее на ночном столике и указала на нее рукой. Сиделка передала ее мне. На ее лице читались благодарность, робость и облегчение — все вместе. На бейджике было написано, что ее зовут Лили Р. — Спасибо. А что означает «Р»?

Она озадаченно уставилась на меня.

— Лили Р. — Я указала на ее бейджик. — «Р» означает...

— Романо, — сказала она и закатила глаза. — Я вам, наверное, кажусь полной идиоткой.

— Нисколько. — Когда я шла наружу к матери, то продолжала чувствовать вину за то, что оставила Лили «Р»-значит-Романо застилать постель в одиночку. Потом мама попросила почитать ей, и я выбросила нелепое происшествие из головы. Я могла бы вообще забыть обо всем этом, если бы не нашла таблетку на подошве одной из моих очень дорогих кроссовок.

Я ношу их не потому, что так уж люблю спорт, а потому, что в них очень приятно ходить. Кроме того, мои кроссовки — все ярких, броских цветов, к которым у меня к старости появилась привязанность. Да и вообще, черт дери, если я когда-нибудь решусь наплевать на возраст и поучаствовать в марафоне, то я уже экипирована.

Марафон был, пожалуй, единственным, что было дальше от моих мыслей, чем Лили Р., когда я почувствовала, что что-то прилипло к моей подошве. Остановившись у дверей кухни, я сняла кроссовку, чтобы не поцарапать плитки пола. Крошечный камешек — я выковыряла его ножом для колки льда, и он вылетел через открытую дверь, потом проверила вторую кроссовку на всякий случай. Таблетка была примерно такого же раз-

мера, как камешек, но засела глубже. Может, поэтому она и осталась целой, подумала я, осторожно вынимая белый кругляшок. Хотя я понятия не имела, зачем это делаю, — я ведь не собиралась вернуть ее Лили Романо при следующей встрече. *Эй, подруга, я нашла ее на своей подошве и подумала, что ты захочешь ее забрать.* Ну разве это не глупость?

Я положила таблетку в пустую коробочку из-под кольца, лежавшую на моем письменном столе. Как говорила мама: в хозяйстве пригодится. Случись у меня приступ кластерной головной боли, и я буду рада, что сохранила таблетку. Случались со мной и более странные вещи, так почему нет?

Неделю спустя Джилл Франклин позвонила мне после полудня, извиняясь так страстно, что я не могла вставить и слова. Я поняла только, что она говорит что-то о том, что некоторые люди тяжело переживают смерть близких, особенно первую смерть.

— П е р в у ю смерть? — прервала я ее. — Вы говорите о моей матери?

— О нет, нет, нет, ваша мать в порядке! — быстро отреагировала она. — Это ваша сестра...

— Моя с е с т р а ? — Внезапно желудок свело, словно он наполнился ледяной водой. — Что-то случилось с Г л о р и е й ?

— Нет, нет, она в порядке, — сказала Джилл Франклин. — Ну, вообще-то не в порядке...

— Она жива? — требовательно спросила я.

— Да, к о н е ч н о , она ж и в а . — В ее извиняющемся тоне появился оттенок недоумения. — Но... в общем... вам нужно приехать и забрать ее. Она не сможет вести машину.

Я заверила ее, что уже выезжаю, и повесила трубку, не добавив, что добираться придется чуть дольше, чем хотелось бы, потому что сначала нужно поймать такси, и хотя я жила не в какой-то глухомани или темном пригороде, все-же это был не Манхэттен. Я добралась до пансионата за полчаса — быстрее, чем предполагала.

Джилл Франклин ждала меня за столиком в регистратуре, лицо ее выражало беспокойство.

— Я так рада, что вы здесь, — сказала она, улыбнувшись, но я услышала упрек в ее голосе. Регистраторша, сидевшая неподалеку, сделала вид, что не подслушивает наш разговор, пристально рассматривая бумаги на своем столе.

— Извините, мне пришлось ловить такси. — Я постаралась изобразить раскаяние или по крайней мере робость. — Я не уверена, что понимаю, что происходит. Вы сказали, что моя мать в порядке...

— Да, она в полном порядке, — Джилл Франклин энергично кивала, сопровождая меня через входные двери и далее по коридору, ведшему к комнате матери. — Глория сейчас с ней.

Я увидела их обеих, сидящих рядом на маминой кровати. Мама обнимала сестру, которая явно плакала не так давно. Лили Романо тоже была там, озабоченная и взволнованная. Она вышла, как только я вошла в комнату, и, проходя мимо, молча кивнула мне. Я нахмурилась. Мне хотелось, чтобы она осталась, но я не успела попросить ее об этом — да и особенных причин на то у меня не было.

— Что тебя задержало? — спросила мама нетерпеливым тоном.

— У нас одна машина, — сказала я, — и сейчас она у Глории. Мне она обычно не нужна. Что случилось, Светлячок?

Глория подняла на меня взгляд, и мне показалось, что она в ярости от того, что я при всех произнесла ее детское прозвище. Потом она встала, обхватила меня руками и зарыдала.

Когда мы дошли до машины, она уже успокоилась и всю дорогу домой молчала, за что я была ей благодарна. Уже начался час пик, и мне не хотелось пробираться сквозь поток машин под аккомпанемент рыданий Глории, разрывавших мне сердце. Двенадцать лет назад желание никогда не ездить в час пик стало одной из причин моего ухода из фирмы по оформлению налоговых деклараций и обустройства бизнеса на дому; теперь же я решила, что это было главной причиной.

Однако домой мы добрались живыми. Вместо того чтобы в знак благодарности поцеловать землю у родного порога, я сунула пиццу в духовку и прошла в гостиную к Глории. Она сидела в дальнем углу дивана, обхватив колени и прижав их к груди, словно желая превратиться в маленький комочек. Мне в голову пришла шутка об опасностях полетов на диване, но, к счастью, я подумала прежде, чем раскрыть рот.

— Я не знаю, что сегодня произошло, — сказала я после паузы. — Джилл Франклин не успела рассказать мне, и я подумала, что лучше привезти тебя домой, чем самой болтаться по пансионату.

Она бросила на меня мимолетный взгляд, но мы обе не заговорили и не пошевелились. Я подождала еще чуть-чуть и вышла на кухню проверить пиццу. Как раз вытаскивала ее из духовки, когда услышала слова Глории:

— Я не могла ее спасти.

Я обернулась и увидела, что она уже сидит за кухонным столом. Я порезала пиццу на восемь частей и положила блюдо на пластину с подогревом прежде, чем взять себе стул справа от Глории.

— Они дали мне кофе, наверное, с шестью пакетиками сахара. — Она хмуро покосилась на блюдо, стоявшее перед ней, словно увидела на нем не зимнюю сцену в синем и белом цветах, а бог знает что еще. Мы выросли с этими блюдами. За тридцать с лишним лет разбились только два. — Сказали, что это полезно при шоке. Я не думала, что у меня был шок, но, наверное, все-таки был. — Она повернулась ко мне. — Я никогда, никогда, никогда не представляла, каково это: делать кому-то СЛР — и чтобы... чтобы... — Она с трудом сглотнула слюну. — И чтобы она не сработала.

— О, сестренка, мне очень жаль. — Я встала и обняла ее. Какое-то время она сидела не шевелясь. Потом я почувствовала, как она тоже обняла меня. — Я даже представить не могу.

— Не так это должно было произойти. Миссис Будро должна была бы сейчас играть в бридж с сыном и друзьями. А вечером смотреть кино. Позавтракать наутро и потом... просто... жить счастливой жизнью несколько лет. Как мистер Сантос и другие.

Последние три слова глухо отозвались в моих ушах, но я была слишком занята, чтобы вспомнить умершую женщину. Продолжая держать Глорию за ладони, я, подождав, снова села и сказала:

— Прости, Глория, не могу вспомнить ее. Женщину, которая умерла. Миссис Будро?

Сестра печально кивнула:

— Она поступила пару недель назад. Не думаю, что ты вообще ее видела. — Она судорожно вдохнула. — Я обещала ее сыну, что присмотрю за ней. Я обещала ей, что присмотрю за ней. А потом ее сын смотрел, как я нарушила данное обещание.

— Ты хороший человек, сестренка. — Мои мысли беспорядочно смешивались, как фрагменты паззла, пытающиеся собраться воедино. — Ты *заботилась* о ней, как только могла. Но как бы ты ни старалась, СЛР — не удостоверение, освобождающее человека от смерти.

Как только я произнесла эти слова, мне захотелось дать себе пинка. Глория нахмурилась, и я ждала, что она сделает мне новую дырку в заднице за такую идиотскую шутку. Но вместо этого она сказала:

— Ты не понимаешь. Миссис Будро действительно не должна была умереть. Она даже в пансионат прибыла ненадолго. До конца месяца, — добавила она, отвечая на мой вопросительный взгляд. — Потом она должна была переехать к сыну и его семье. Они уже обустроили для нее комнату в доме. Еще не полностью закончили. А теперь у них будет лишняя комната, в которой некому будет жить.

Я едва не ляпнула, что лишняя площадь в доме при любых обстоятельствах не будет бесполезной, но сдержалась. Опыта у Глории, выросшей в малонаселенном доме, в этом плане не имелось, а кроме того, такая фраза прозвучала бы гадко.

Шаг за шагом я вытащила из нее всю историю. В основном это был опять-таки мистер Сантос, с несколько иными участниками, и без хэппи-энда, — не помог даже портативный дефибриллятор.

— Дефиб — это распоследнее средство из всех последних средств, — сказала Глория, откусывая кусок пиццы. Хороший знак, подумала я. — С ним легко наломать дров, даже если ты обучен работать с такой штуковиной. А я с ним никогда не работала. — Она сделала паузу и склонила голову набок. — Господи, я только сейчас услышала, что я говорю. «Я обучена делать дефиб, но никогда этого не делала». Как будто это рутинная процедура. Пока я не стала волонтером, я ведь по-настоящему и СЛР не делала. Ни разу.

Я попыталась придумать, что бы на это сказать, но тут она уронила ломтик пиццы и зажала ладонью рот.

— И я никогда даже не думала, что кто-то может на самом деле *умереть*. Мистер Сантос с дочерью называли меня героиней, старшая медсестра внесла благодарность в мой файл, мое имя появилось в бюллетене СЦВ — «Самый ценный волонтер» — за этот месяц. Я не думала: «Что, если кто-то умрет?» —

потому что до сих пор никто не умер. Я ни единой секунды не предполагала, что миссис Будро может умереть, я ждала, что медсестры вот-вот скажут, что у нее есть пульс.

Я нахмурилась. Делала ли Глория СЛР кому-нибудь, кроме мистера Сантоса?

— Глория, а сколько раз...

Она не слышала меня.

— Даже после того, как ей дали электрошок, я просто ждала, когда кто-нибудь скажет, что она ожила. — Глория снова закрыла рот ладонью. — Обожежмой, я все еще жду, что Джилл позвонит и скажет, что кто-то в больнице решил попробовать последний раз и вернул миссис Будро к жизни.

И я ждала новой волны слез или даже того, что ее стошнит на стол. Однако Глория доела свой кусок пиццы и потянулась за следующим. Хорошо, что она отходит от этой трагедии, подумала я. Мой аппетит испарился начисто.

Старшая медсестра, которая позвонила на следующее утро, чтобы проверить, как там Глория, была новенькой. У Селесте Акинтолы был дружелюбный, но деловитый голос, какой бывает у всех дипломированных медсестер с определенным опытом работы. У Джилл Франклин такого голоса не было, и я не думаю, что он когда-либо появится. Я отогнала от себя эту мысль и сконцентрировалась на знакомстве с новой старшей медсестрой. Точнее, на том, чтобы попытаться выяснить, как часто Глория применяла свои таланты по части СЛР, но сделать это так, чтобы Акинтоле не показалось, что я лезу не в свои дела. Или что мне приходится это делать.

Селесте Акинтола дружелюбно, но деловито высказалась о конфиденциальности состояния пациентов, добавив, что она ожидает, что весь штат, включая волонтеров, будет уважать приватность жизни обитателей пансионата. Я сдалась, передала трубку Глории и стояла рядом, бестыдно подслушивая, — но все, что я слышала, было «да» и «о'кей». Повесив трубку, Глория сказала, что получила строгий приказ взять две недели отгула, прежде чем у нее появится хотя бы мысль вернуться к работе. Но и тогда она будет исполнять свои обязанности не чаще трех раз в неделю, во всяком случае, в начале. Моя сестра не имела ничего против, что уже было большим облегчением. И немного удивляло — а может, и нет. Она была подавлена и погружена в свои мысли.

И, если честно, мне самой стоило хорошенько подумать насчет того, чтобы принимать Глорию всерьез. Я, старшая и предположительно более мудрая сестра, никогда не спасала ничьи жизни и не была свидетельницей ничьей смерти. Глория спасла жизнь одному человеку, а другой умер практически у нее на руках, — и всего за несколько недель. Жизнь и смерть — серьезнее не бывает.

Я хотела сказать ей об этом, но не знала, как начать. Любая моя фраза звучала бы банально, если не скользко. Глория, напротив, сделалась более красноречивой. А может, это было в новинку только для меня.

— Я боялась, что ты это скажешь, — поделилась она со мной позже. — У меня все шло так хорошо, понимаешь? *Я* была нужна всем — *я*, лично я. К о н к р е т н о я. А потом случилось э т о. Мне так хотелось, чтобы ты пришла и была мамой-младшей, но в то же время я думала, насколько это жалко — быть такой развалиной в тридцать восемь. И потом ты пришла, и просто... — Она пожала плечами. — Тебя заботила только я. И я поняла, что есть лишь один человек на всем белом свете, который всегда появится, в каком бы разболтанном состоянии я ни была. Ты не стала разыгрывать более умную, более взрослую, более мудрую и не вела себя так, словно все это всего лишь шутка. — Она сделала паузу. — Хотя вот это твое: «СЛР — это не удостоверение, освобождающее человека от смерти», — было неплохо.

— Нервничая, люди иногда шутят, — сказала я.

— Да, я это поняла, — сказала она. — Видишь? Я взрослею.

Но не слишком, надеялась я, чтобы понять, насколько жестко ты пригвоздила старшую сестру.

Это были приятные две недели. Я взяла время на отдых и позволила Глории познакомить меня с крутым миром шопинга на блошиных рынках, включая уроки торговли с неуступчивыми продавцами. Она даже вынудила меня признать, что это было весело — и действительно было, — хотя я не представляла, что могла бы делать все это без нее. Она сказала, что чувствует то же самое, когда смотрит «Красный рассвет».

Я навещала маму одна и вскоре поняла, что приходить стоит по утрам, когда она живее, оптимистичнее и гораздо больше похожа на себя прежнюю. После полудня ее энергия ослабевала и ей было сложнее концентрироваться, независимо от того,

спала она после ланча или нет. Джилл Франклин сказала, что это называется «закат — вечерняя спутанность сознания». Ее выражение сочувствия не было формальным, но в нем просматривалось что-то профессиональное, почти отрепетированное. Может, все дело в тренинге, где ее обучали, как обсуждать подобные вещи с родственниками пациента.

А может быть, подумала я с внезапным стыдом, просто от частого повторения. Сколько раз она объясняла это встревоженным родственникам? Мне действительно нужно научиться воздавать людям должное, подумала я, иначе я начну орать «Вон с моего газона!» на каждого человека младше шестидесяти.

После своего двухнедельного перерыва Глория готова была вернуться к работе — или «работе», — и я была рада, хотя и боролась с искушением намекнуть ей о поисках реальной оплачиваемой работы. Потом я подумала о маме; то, что Глория снова будет рядом, пойдет ей на пользу, хотя приходить к маме она будет не так часто, как прежде.

Однако после первой недели Глория заявила, что собирается ходить в пансионат каждый день.

— Акинтола сказала, что я могу в о л о н т е р с т в о в а т ь три дня в неделю, — сказала она, отвечая на мой вопрос. — Что ж, прекрасно. В остальные дни я буду просто навещать маму.

Она улыбнулась так, словно разрезала гордиев узел тупыми ножницами.

— Я не пытаюсь доставать тебя, повторяя, что я старше и мудрее, — сказала я, поморщившись, — но я уверена, что это искажает смысл приказа.

— Она не хочет, чтобы я была волонтером, значит, я не буду волонтером, — упрямо отреагировала Глория. — Четыре дня из семи я буду сидеть рядом с мамой как дама на досуге.

— Не думаю, что тебе следует ездить туда семь дней подряд...

Глория нетерпеливо фыркнула.

— Ты видела маму в последнее время?

У меня сердце оборвалось.

— Я знаю, что ты...

— Ты всегда приезжаешь утром, верно? Кто сказал тебе о «закате» — Джилл? — Я попыталась что-то ответить, но она меня перебила: — Это кодовое обозначение того, что маме становится хуже по мере того, как день идет к концу. Они исполь-

зуют это слово в беседах с родственниками пациентов, потому что оно настраивает их мысли на прекрасный заход солнца после чудесного дня — словно человек начинает чувствовать себя с утра хорошо. Но это не так. Они чувствуют себя по утрам л у ч ш е — что не значит «хорошо».

Я смотрела на сестру с некоторым испугом и попыталась его скрыть, сказав первое, что пришло мне в голову:

— Я думала, ты сегодня не волонтерствовала.

Она нахмурилась:

— Ну да.

— Значит, если у мистера Сантоса случился бы очередной сердечный приступ — или у кого-то другого инфаркт, — ты просто стояла бы в стороне и позволила профессионалам заниматься этой проблемой?

— Ты с ума сошла? — резким голосом спросила она. — Думаешь, я бы просто смотрела, как человек умирает, только потому, что у меня нерабочий день?

— Не всякий человек. Только те, у кого записано НР, «не реанимировать». Как у мамы.

Ее словно громом поразило, а я хотела откусить свой язык и выбросить его к чертям.

— Если ты не знаешь наверняка, то предполагаешь, что человек хочет жить, пока не убедишься в обратном, — сказала она тихим жестким голосом, и я могла поклясться, что она пытается подражать деловому тону Акинтолы.

— А если это и есть т а с а м а я обратная ситуация? — спросила я, стараясь, чтобы ей не показалось, что я хочу спорить.

Она ничего не ответила.

— Ты же знаешь, что можешь вляпаться в серьезные неприятности, делая СЛР, когда не должна этого делать? И не только ты, но и врачи, и медсестры, и все, кто работает там, включая всех волонтеров. — Я не была уверена, что так оно и есть, но это не было абсолютной ложью. — Тебя могут даже арестовать за нападение, и я не думаю, что семья пациента будет ждать, пока ты выйдешь из тюрьмы, чтобы подать на тебя в суд за причиненный ущерб.

Глория подняла бровь на запредельную высоту.

— Комплект DVD «Закон и порядок» не включает в себя диплом о юридическом образовании. Я делаю то, что считаю правильным.

— Я просто спросила: а что, если бы ты знала наверняка...

— Как с мамой? — сказала она, почти выплюнув последнее слово. — Ну давай, произнеси это вслух: с мамой. Что, не можешь сказать, что на самом деле имеешь в виду? Или ты действительно боишься, что мама предъявит мне иск? Потребует уголовного расследования? Или и то, и другое? — Глория коротко хохотнула. — Я просила у тебя денег на то, чтобы внести залог? В последнее время? — добавила она. — Нет, не просила. Дело закрыто.

— Так что, ты всегда угадывала верно? — Я нахмурилась. — Сколько же раз это происходило?

Она заколебалась.

— Считая мистера Сантоса и миссис Будро? Пять.

У меня челюсть отвисла.

— А почему ты не сказала мне?

— Я была зла на тебя.

— Но тогда почему мама не... стоп, вычеркни. Почему никто вообще не сказал мне?

— Может, они думали, что ты в курсе. — Она пожала плечами. — Они же все называли меня героиней.

Мне захотелось биться головой о стол.

— А ты не думаешь, что я сказала бы что-нибудь, если бы я знала?

— Я была зла на тебя, — повторила она. — Помнишь?

— Да. И я также помню почему. Я спросила тебя, почему ты думаешь, что в пансионате что-то не в порядке. — Я исподлобья посмотрела на нее. — Означает ли это, что ты изменила мнение на сей счет?

Она переступила с ноги на ногу и тяжело вздохнула.

— Тебе действительно нужно сделать из этого проблему?

— Эй, это была твоя идея, — отозвалась я, когда она выходила из комнаты.

Если Глория изменила мнение, то изменила свое мнение и я, хотя я не сразу это осознала. Осознание проникало в меня в леденящем замедленном движении. Мои посещения стали более частыми — вместо трех в неделю они превратились в ежедневные. Я думала, что это осознание смертности — в особенности моей матери, — вызванное открытием того, сколько раз Глория использовала свои блистательные способности по части

СЛР. Нет, поправила я себя: *сколько раз Глория проводила СЛР в экстренных ситуациях*. Принять ее всерьез означало бы отказаться от мудреных терминов в вопросах жизни и смерти.

Я даже была готова признать, что все дело в моих нервах — не рвалась признать, но была готова, — однако она никогда меня об этом не спрашивала. Это озадачивало: она должна была задумываться над тем, почему я так резко изменила свой график посещений, разве нет? Я ждала, но она не пыталась заговорить со мной ни во время моих визитов, ни дома, где я теперь работала по вечерам, которые мы раньше проводили вместе.

Спустя неделю я уже не могла это выносить и вызвала одну из своих временных сотрудниц. Глория удивленно приподняла брови — это не была первая половина апреля*, — но ни о чем не спросила. Она не произнесла ни слова и на подъездной дорожке.

— Ты возьмешь меня с собой, уезжая домой, или мне ехать с Лили? — спросила она, когда я парковала машину на свободном месте стоянки для посетителей.

Я сердито фыркнула:

— Пытаешься запалить газовый фонарь**, да?

— А что это такое? — Глория выглядела озадаченной.

— Ладно, ты не любишь старые фильмы. Это значит, что ты хочешь довести меня до белого каления, — сказала я.

— С чего ты это взяла? — вежливо поинтересовалась она. Мое страстное желание влепить ей пощечину было, похоже, слишком очевидным. — Ну брось, я серьезно, — торопливо добавила она. — Ты же сама ведешь себя странно, работая целыми ночами, чтобы иметь возможность каждый день...

— А ты ни разу не поинтересовалась почему. Тебе это было совсем неинтересно?

— Конечно, было, — сказала она таким тоном, словно более тупого вопроса в жизни не слышала. — Но я решила, что не стоит тратить время. Ты никогда ни черта мне не говоришь, только тогда, когда тебе самой этого хочется. Что означает: почти никогда.

Я почувствовала, как щеки у меня снова запылали.

---

* Крайний срок сдачи налоговых деклараций в США.

** Техника манипуляции, когда человека обвиняют в намерениях, которых он не имел. Получила название по фильму «Газовый фонарь» (1940), где главный негодяй пользовался этой техникой.

— Что случилось? — спросила она нетерпеливо. — Это ведь правда, разве нет?

Я сдалась:

— О'кей, о'кей. Я нервничаю из-за мамы. Когда я узнала, сколько раз ты делала СЛР... — Я пожала плечами. — Думаю, это выбило меня из колеи.

— Серьезно? — Моя сестра скептически приподняла бровь. — И когда же? После того как ты задумалась о юридических последствиях того, что я случайно верну маму к жизни?

— Я никогда ни с кем не делала СЛР — я даже не знаю, как это делается, — поэтому до меня не сразу дошла реальность факта, что мама может... ты понимаешь. Умереть. — Я едва не поперхнулась, произнося это слово.

Моя сестра с шумом выдохнула, глядя через лобовое стекло куда-то вдаль. И потом сказала:

— Если тебе от этого станет легче — в ближайшее время маме сердечный приступ не грозит. Сердце у нее в хорошем состоянии. Честно говоря, я больше волнуюсь о том, что она упадет, о ее приступах головокружения. К счастью, она уже не отказывается от кресла-каталки с таким упрямством, как прежде, так что и здесь беспокойства стало меньше. Но если ты хочешь по-прежнему приходить каждый день, я не стану тебя отговаривать, — добавила она с внезапной улыбкой. — Потому что это, похоже, действительно помогает ей пребывать в ясном уме.

— А как же «закат»?

— Об этом и речь! — Улыбка Глории стала еще более сияющей. — Бывают дни, когда я вообще не могу заметить этого.

— Новое лекарство? — спросила я.

— Нет, то же самое, в тех же дозах. Некоторые из пациентов получают гораздо больше и не чувствуют себя настолько хорошо.

— Может быть, потому, что она стала лучше питаться? — сказала я.

Глория пожала плечами:

— Это, конечно, не вредит. Ну что, пойдем в здание, или ты хочешь сидеть здесь и, как говорит мама, когда думает, что ее никто не слышит, целый день дуться как жопа?

Она была права. Маме *стало* лучше. Но доктор Ли предупреждала меня, что такие периоды почти выздоровления, ког-

да пациенты словно стряхивают туман, которым прежде были окутаны, вовсе не признаки реального улучшения, а проявления самой болезни — одна из особенно жестоких сторон слабоумия.

Но это не сделало маму менее здравомыслящей. Она снова начала талдычить мне об отпуске и, услышав мой отказ, время от времени впадала в такую ярость, что я вынуждена была отходить от нее, чтобы она могла успокоиться.

— Если хотите знать правду, — сказала Лили Романо, выходя со мной из здания после полудня, — она, похоже, боится ваших ежедневных визитов. Она думает, что, может быть, умирает, а врач не хочет ей об этом говорить.

— Серьезно? — Я была в шоке. — Мне и в голову такое не приходило. Глория ничего не говорила об этом.

Лили Романо пожала плечами:

— Она не знает. Пациенты не всё и не всегда говорят своим родным. Иногда им легче довериться кому-то, кто не настолько близок, особенно когда...

— Когда?.. — после короткой паузы попыталась я вернуться к теме разговора.

Она вздрогнула:

— Когда речь заходит о чем-то, что их семья, как им кажется, воспримет как глупость или паранойю.

Или когда семья не принимает их всерьез, — подумала я, тоже вздрогнув.

— И часто моя мать доверяется вам? — Вопрос явно заставил ее почувствовать неловкость, и поэтому я быстро продолжила: — Забудьте о том, что я спросила, это не важно. Как ваша головная боль?

На какой-то момент она была озадачена.

— О, да, прекрасно, у меня уже давно ее не случалось.

Я могла бы упомянуть о найденной мной в подошве кроссовки таблетке, просто на удачу, но мы как раз подходили к выходу, и она всем своим видом демонстрировала, что е й - п о р а - в о з в р а щ а т ь с я - к - р а б о т е . Я сделала ментальную пометку: позднее поговорить с Глорией о возможных тревогах мамы. Но день оказался занятым; Глорию подбросила домой одна из сиделок, так что мне пришлось ехать за продуктами, и где-то между гастрономическим отделом и вечным выбором между пластиковым и бумажным пакетами утомление выдуло все мен-

тальные пометки, прилепленные мной на дверцу моего ментального холодильника.

Только гораздо позднее, ночью другого дня, после нескольких часов за компьютером, воспоминание об этом вернулось ко мне. Моя рабочая этика убеждала меня, что это может обождать, а мой внутренний канительщик настаивал, что это прекрасная возможность. С последним я согласилась.

Я открыла дверь и увидела, что у порога стоит Глория с поднятой рукой, готовая постучать.

— Извини, я знаю, что тебе нельзя мешать...

— Все в порядке, — сказала я. — Думаю, на сегодня с меня достаточно. В чем дело?

— У меня дилемма, — сказала она с озабоченным лицом, — и мне нужен совет.

— Я принесу «Шираз», а ты уступишь мне место на диване.

— Ты решишь, что это глупость, — сказала она, пока я наливала вино в ее бокал.

— С этим делом сейчас эпидемия. Не бери в голову, — добавила я, заметив ее озадаченный взгляд. — Просто рассказывай. Мы решим, глупость это или нет, позднее.

Она колебалась, неуверенно поглядывая на меня. Потом сделала глубокий вдох:

— О'кей. В Брайтсайде есть определенные вещи — то есть определенные правила, которым должны подчиняться все, в любой ситуации, под угрозой увольнения. Даже медсестры. Даже уборщики. Даже садовники.

Я кивнула.

— Железные правила, и если ты видишь, что их н а р у ш и л и, — она скривилась, произнося последнее слово, — то должна сообщить об этом. Но это, типа, — она закатила глаза, — кому охота быть стукачом? Я в том смысле, что если бы я увидела, как кто-то причиняет боль пациенту, то орала бы во всю глотку. Но...

— Ты что-то видела? — мягко спросила я.

Она кивнула:

— Это одно из таких дел, которые, если ты осторожна, сходят тебе с рук. Наверное, каждый проделывал подобное хотя бы раз, но за это увольняют с ходу, даже если ничего плохого не случилось.

Я покачала головой:

— И что же это за невероятно дурной поступок?

— Иметь при себе неутвержденные регламентом лекарства во время твоей смены. — Она нахмурилась. — Я думала, что говорила тебе об этом. Нам нельзя носить даже аспирин в кармане.

— Почему нельзя? — спросила я.

— Потому что это опасно для обитателей пансионата.

— Только если они заберутся тебе в карман, — сказала я с легким смешком.

— Никого не волнует. — Глория мотнула головой. — Тотальный запрет. Единственный способ быть абсолютно уверенным, что пациент не примет то, что не должен принимать, сделать так, чтобы при нас вообще ничего не было.

— Это жестче, чем в больнице, разве нет? — сказала я, размышляя вслух.

— Понятия не имею. Да оно и не важно — это их правила.

— Так что ты увидела кого-то... — Я оборвала фразу, уже зная, кто это мог быть.

— Лили Романо, — сказала она со скорбным вздохом. — Поймала на горячем. Я даже не могла сделать вид, что ничего не видела. Она обходила палаты с кувшинами с водой...

Я подняла руку.

— Я была там, сестренка.

— О чем ты говоришь? — спросила она, снова включая режим сомнения и готовясь мгновенно рассердиться.

— Я тоже прихватила Лили Романо с таблетками, — сказала я печально. Я вкратце рассказала сестре о той встрече в маминой комнате, добавив: — Я не помню, говорила ли ты мне об этом правиле «никаких лекарств»? Если и говорила, то в тот день я забыла об этом.

— Она умоляла тебя никому не говорить? — спросила Глория прежним расстроенным тоном.

— Да, но не об этом. — И я рассказала ей все остальное.

— Это странно. С чего бы ей просить тебя промолчать о том, что она меняла постель, но не о таблетках?

На мгновение я задумалась.

— Потому что она поняла, что я не знаю это правило, и не хотела меня просвещать на сей счет. Заставила меня думать, что я просто выручаю ее в неловкой ситуации, что было умно. По-настоящему умно.

— Она шла на серьезный риск, — сказала Глория.

Я помотала головой:

— Ведь я не сказала даже т е б е, не так ли?

Глория снова вздохнула:

— Она повела меня к своему шкафчику, и я смотрела, как она кладет таблетки в свою сумочку, все время умоляя меня никому не говорить и обещая никогда больше этого не делать. Мне было ее жалко: кластерная головная боль — просто убийца...

— Да, мне она тоже это сказала, — отреагировала я. — Но когда я спросила ее сегодня о ее самочувствии, она ответила, что в последнее время болей нет. — Я принесла таблетку из комнаты. — Эта прилипла к моей подошве, — пояснила я, протягивая таблетку Глории на кончике пальца. — Ты видела такие же?

— Самих таблеток я не видела, только пластиковый контейнер, — сказала она, беря принесенную мной таблетку большим и указательным пальцами. — Это не таблетка от головной боли. Это метилфенидат.

Я нахмурилась:

— Это тот мет, который в *мет*амфетамине?

— Метилфенидат, который риталин, — сказала она. — Ну знаешь, СДВГ? * Нет, не знаешь. Прости, что я скажу это, Вэл, но ты слишком стара. Ты выросла до того, как яйцеголовые принялись излечивать детей от детства. Минимум половина детей, с которыми я ходила в школу, постоянно глотали риталин, или адерол, или что-то еще.

Я была в ужасе.

— И мама с папой...

— О, черт, нет. — Глория рассмеялась. — Но многие школьники дополняли карманные деньги, полученные от родителей, тем, что продавали все, что им было не нужно, детям, у которых рецепта не было. Они покупали эту дрянь, чтобы сбросить вес или зубрить всю ночь перед экзаменом, и я даже слышала, что один шестиклассник снабжал этими таблетками пару учителей. — Она нахмурилась. — Но их никогда не пьют от головной боли. Они тебя н а г р а д я т головной болью.

— Ладно, укажем на очевидное: Лили Романо не школьница. Зачем ей их принимать? — спросила я.

---

* Синдром дефицита внимания и гиперактивности.

— Взрослый синдром СДВГ, полагаю?

— Не парься. Думаю, нам лучше поехать назад в пансионат и поговорить с дежурными сестрами.

Глория поймала меня за руку, когда я уже вставала.

— О'кей, но что мы им скажем?

— Начнем с того, что нам известно, и дадим им додумывать остальное.

Глория была удивлена не меньше моего, когда мы обнаружили Джилл Франклин во главе ночной смены. Я подумала, что это логично: незаметна, но достаточно компетентна для того, чтобы все могли спать спокойно. Джилл Франклин, увидев нас, была поражена еще больше. Мы шли по главному коридору жилого отделения по направлению к сестринскому посту, когда дверь слева открылась внезапно, но очень тихо, и она вышла в полутемный коридор. Она была к нам спиной, но я узнала ее силуэт и осанку балерины. Она остановилась — по-прежнему спиной к нам. Мы с Глорией замерли на месте и посмотрели друг на друга. Я пожала плечами и прокашлялась.

Джилл Франклин резко крутнулась и щелкнула кнопкой фонарика, ослепив нас обеих.

— Обожемой!

Она произнесла это резким шепотом. Фонарь погас, оставив нас с Глорией по-прежнему ослепшими, а Джилл шла по направлению к нам, и ее обувь издавала негромкий звук: «скрип-скрип-скрип».

— Что вы обе делаете здесь в такое время? Должно быть, уже за полночь. Вы что, с ума сошли?

— На какой вопрос отвечать сначала? — Я нервно рассмеялась, и Джилл Франклин шикнула на меня. Она повела нас вдоль по коридору к сестринской станции, — как я было подумала, — но прежде чем мы дошли до нее, втолкнула нас в открытую справа дверь, торопливо — и с силой, которой я никак не ожидала от ее тоненьких ручек балерины. Глория, похоже, была огорошена не меньше моего; она потирала плечо.

— Прошу меня извинить за это, — произнесла Джилл Франклин отнюдь не извиняющимся тоном. — Если кто-нибудь еще увидит вас, то позвонит Акинтоле, и у нас всех будут серьезные проблемы. Так что вы здесь делаете?

Я быстро проморгалась, чтобы лучше видеть, и обнаружила, что мы находились в кабинете Селесте Акинтолы. Джилл

Франклин удивила меня еще раз, усевшись за стол начальницы и жестом указав нам на стулья по другую сторону стола. Сев, мы с Глорией обменялись взглядами, и она кивнула мне: начинай ты.

Джилл Франклин сидела, выпрямившись, в кресле с высокой спинкой, слушая меня с беспокойным выражением лица, кивая время от времени, но не говоря ничего. Я закончила и повернулась к Глории, которая колебалась, ожидая хоть какой-то реакции, но медсестра продолжала хранить молчание, даже не смотрела на мою сестру.

Глория говорила слабым, неуверенным голосом, временами делая паузы, чтобы посмотреть на меня. Каждый раз я делала едва заметный жест: продолжай. Она продолжала, но в ее голосе не осталась и следа уверенности, и я не могла понять почему. *Может быть, она здорово смущена всем этим «стукачеством»*, — подумала я. Только это было вовсе не то же самое, что наябедничать учительнице — у Лили Романо было с собой больше таблеток, чем ей могло понадобиться. Гораздо больше.

Когда Глория закончила, я выпрямилась на стуле и сказала:

— А что случилось бы, если бы кто-нибудь дал это вещество одному из пациентов?

Джилл Франклин наконец-то подняла глаза, встретившись со мной взглядом.

— Это зависело бы от пациента, — сказала она спокойно и взвешенно, словно мы обсуждали количество кофеина в чашке кофе. — И от дозы. И, конечно, от того, какие медикаменты они принимали бы в то же самое время. Те, кто принимал бы, например, вазопрессин, могли бы стать менее вялым. В зависимости от дозы. Потребовалось бы двадцать — тридцать миллиграммов, я думаю. Однако пациенты со слабоумием реагируют лучше других. Те, что в ранней стадии слабоумия. Декседрин гораздо лучше метилфенидата, но приходится работать с тем, что есть. — Она вздохнула. — Я не думаю, что у кого-то из вас есть доступ к декседрину. В последнее время его практически невозможно достать.

Мы с Глорией переглянулись.

— Ты вообще слышала хоть что-то из того, что мы рассказали? — спросила я.

Джилл Франклин наморщила носик.

— Да, Лили Романо облажалась. Но и я тоже, верно? — Она придвинулась вперед, положив руки на стол. — А вы, вместо того чтобы играть в гёрл-скаутов, могли бы стать частью продвинутой медицины и улучшить жизнь всех пациентов, больных слабоумием.

— Как? — спросила я, удивляясь, почему в ее глазах не отражается безумие.

— Отправившись домой и выспавшись. А когда проснетесь завтра, все мы будем заниматься своими обычными делами. Ты, — она указала рукой на Глорию, — сможешь волонтерствовать сколько влезет и когда захочется. Я смогу заставить Акинтолу подписаться на это. Да и с чего бы ей не подписаться, учитывая твой счет: четыре из пяти. Это было приятно, разве нет? Быть героем? Или героиней, или как там правильно. Жаль, что так вышло с миссис Будро, но такое случается; время от времени один из них не возвращается к жизни, каким бы здоровым до того ни казался. А ты, — она указала на меня и нахмурилась, — я не помню, чем ты там занимаешься, но помню, что твоя мать все время жалуется, что ты никогда не берешь отпуск. Ну так возьми его сейчас. Она не слишком деградирует, пока тебя не будет. А может, не деградирует вообще.

— Сколько человек участвует во всем этом? — недоверчиво спросила я.

Джилл Франклин на мгновение посмотрела вверх.

— Трудно сказать. Здесь — только я и Лили.

— Ты хочешь сказать, что это... это заговор? — Моя сестра практически пропищала последнее слово.

— Какой заговор? — Джилл Франклин посмотрела на нас как на сумасшедших. — Если ты входишь в Интернет, означает ли это, что ты участвуешь в заговоре?

Она перевела взгляд с меня на Глорию и обратно.

— Мне следовало догадаться, что вы на это не пойдете. — Она начала продвигаться к двери. — Вы, гёрл-скауты, вероятно, как большинство женщин среднего возраста, не слишком крепки физически. Я знаю, что не выгляжу силачкой, но у меня мускулы медсестры — я в одиночку могу поднять почти любого из наших пациентов. Или утихомирить их, если они начинают буйствовать. Так что сейчас я сворачиваюсь, а вы можете звонить в...

Я даже не успела заметить движения Глории. Джилл Франклин открывала дверь, и я почувствовала, как что-то проскользнуло рядом со мной. Рамка с фотографией детей Селесте Акинтолы слетела со стола, упав мне на колени. Я едва успела понять, что Глория взобралась на стол, прежде чем прыгнуть вперед, приземлившись на Джилл Франклин. Обе они выпали через открытую дверь в коридор.

В последующие пару минут воцарился хаос. Джилл Франклин лежала на животе, вопила от ярости и звала на помощь, а Глория сидела на ее спине, завернув ей руку так, что сломала бы, если Джилл попыталась бы ею пошевелить. Я стояла в дверном проеме и, моргая, смотрела на них.

— Я звоню в полицию! — завизжала женщина, кажется Дидра, из сестринского поста.

— Скажи им, чтобы поторопились! — закричала в ответ Глория. — У вас нет охранников?

— Режим экономии, — прохрипела Джилл Франклин. — Видишь, в какой безопасности твоя мать? На все здание ни одного охранника...

— Заткнись, — сказала Глория и вздернула ей руку чуть выше. — Я тебе покажу, кто здесь женщина среднего возраста, сучка.

Мне, конечно, хотелось бы рассказать, что Глория держала Джилл Франклин на полу, пока не прибыла полиция, и что после того, как они услышали наш рассказ, они немедленно отправили машину, чтобы арестовать Лили Романо, и что их обеих судили и приговорили к длительным срокам заключения, и так далее, и тому подобное. Но Дидра — да, это все-таки была Дидра — увидела лишь то, что моя сестра напала на ее коллегу, и, вызвав на подмогу дежурных медсестер по громкой связи, решила что-то с этим сделать. Дамочка почти моего возраста, но с крепкими мускулами медсестры-сиделки, да и опыта ей было не занимать. Когда я попыталась встать на ее пути, она сбила меня с ног, и я приземлилась на задницу. У меня, возможно, еще оставался шанс, но, понятное дело, мы перебудили весь пансионат, и пациенты высыпали из комнат посмотреть, что происходит.

Но штука в том, что открывала двери своих комнат, чтобы посмотреть, что за шум, не просто группа полусонных людей. Это была толпа тотально дизориентированных стариков, кото-

рые и видели, и слышали плохо, наталкивались друг на друга, наступали на меня, падали, споткнувшись о Глорию и Джилл Франклин, и кричали от боли, паники или и того, и другого. Во всем этом сумбуре Джилл Франклин умудрилась вырваться и исчезнуть за пару минут до прибытия полиции.

Которая, естественно, арестовала меня и Глорию.

В тюрьму мы не сели, но были очень близки к тому. К счастью, Селесте Акинтола поверила нам.

Доказательств у нас практически не было — метилфенидат выводится из организма достаточно быстро. Эффективно метаболизирует, так, кажется, выразилась Акинтола. К тому времени, как врач отдал распоряжение сделать пациентам анализ крови, было уже слишком поздно. Я передала таблетку Лили Романо полиции, но не могла доказать, что пилюля принадлежала ей. Когда я рассказала служащей полиции, которая брала мои показания, о том, как ко мне попала эта таблетка, она просто покачала головой. Вряд ли стоит добавлять, что и Лили, и Джилл давным-давно исчезли с горизонта. Селесе Акинтола уволилась.

Мне пришлось взять вторую закладную на дом, чтобы покрыть наши расходы на адвокатов, и все равно я чувствую себя неловко, когда хочу сказать Глории, что ей нужно найти работу. Она уже приступила к поискам, что в ее случае означало размещение слегка преувеличенного резюме на сайтах агентств по трудоустройству, и проверку электронной почты до того, как она отправлялась навестить маму. Волонтерство кануло в Лету, но она все равно ездила к маме каждый день.

Кстати, фирма, которой принадлежал пансионат, нашла возможным дать мне солидную поблажку по части счетов за уход. Похоже, их юридический отдел пришел к выводу, что, несмотря на отсутствие надежных доказательств, исчезновение обеих предполагаемых злоумышленниц может быть достаточным для гражданского иска. Я с радостью подписала все бумаги, включая согласие на неразглашение и на отказ от ответственности (их ответственности, естественно). Необходимость выплачивать вторую закладную изрядно истощила мои финансы.

Изменения в состоянии мамы были очевидными, хотя и не столь драматичными, как боялась я. Она жаловалась на обессиленность, на заторможенность. Часть других пациентов, по-

хоже, чувствовали себя так же, включая и тех, кто не был болен слабоумием.

Однажды вечером я спросила Глорию, появились ли новые герои или героини в пансионате с тех пор, как сама она стала обычным визитером. Глория сказала, что ничего такого не слышала.

— И вряд ли услышала бы, — добавила она. — Они заменили большую часть кадров и всех волонтеров. Так что я за пределами внутреннего круга.

Глория нашла спортивно-оздоровительный центр, нуждающийся в тренере по аква-аэробике, но она все-таки умудряется выкраивать время на то, чтобы посещать маму почти каждый день. Похоже, аэробика в воде изматывает меньше, чем обычная аэробика. А может, эти упражнения действительно добавляют энергии — я не припомню, чтобы мне удавалось поддерживать такой высокий уровень активности, когда мне было под сорок.

И только потом, через шесть месяцев после всех тех событий, я начала всерьез задумываться. Мамина деградация подошла к еще одному ее периодическому застою, но у нее все равно было немного больше хороших дней, чем плохих, — так мне казалось. Или так мне хотелось думать. И тогда я наконец начала размышлять о Глории и ее энергичном стиле жизни.

Дурацкая мысль, решила я, потому она и не приходила мне в голову прежде. И все же тихенький внутренний голосок настаивал, что — нет, мысль эта меня посещала, но я отказывалась рассматривать ее всерьез. И она постепенно нагревалась на самой задней из задних конфорок в самых потаенных уголках моего сознания до тех пор, пока я не начала шарахаться от любой тени.

Что заставило меня вспомнить о том, как Глория взлетела на стол Селесте Акинтолы и оттуда совершила прыжок через полкомнаты, приземлившись на спине Джилл Франклин? Я же своими глазами видела, как она сидела на лежащей Джилл, заломив ей руку за спину. Мы обе пострадали от последствий происшедшего. И как я могла подумать, что Глория прошла бы через все это со мной только для того, чтобы потом развернуться и сделать то же самое?

Не то же самое, — настаивал внутренний голос. — *Мессианский комплекс Глории был строго ограничен — только она и мама, и никто больше. Даже не ты. Во всяком случае, пока.*

Единственный способ разогнать тени — включить повсюду свет. Меня хватило на то, чтобы открыть дверь в ее комнату, но пройти дальше я не решилась. Не знаю, чего я боялась больше: того, что я найду риталин, или аддерол, или даже аекседрин, или того, что не найду их. Если бы я их нашла, то знала бы, что делать, — но я просто не знала, смогу ли я.

Но если я этого не знала, то и никому другому не нужно знать... кроме меня, конечно. Потому что именно это я обнаружила бы. И я решила, что предпочту гадать о том, что происходит с моей сестрой, чем знать наверняка, что действительно смогу сделать, — и закрыла дверь.

И так продолжается каждый вечер последние полтора года. Интеллектуально я знаю, что могла бы прекратить это делать, потому что не хочу, чтобы что-то у нас пошло иначе. Но на инстинктивном уровне я не осмеливаюсь. Я боюсь того, что может случиться, если я не буду стоять на пороге ее комнаты, сознательно сделав выбор: не быть плохой, пронырливой, опасной женщиной.

СОДЕРЖАНИЕ

Гарднер Дозуа. ВВЕДЕНИЕ 5
Джо Аберкромби. ТА ЕЩЕ СОРВИГОЛОВА 9
Меган Эбботт. НЕПОРЯДОК В ДУШЕ 30
Сесилия Холланд. ПЕСНЬ О НОРЕ 56
Мелинда Снодграсс. НЕЗЕМНОЙ ОБРАЗ 85
Кэрри Вон. РАИСА СТЕПАНОВА 108
Сэмюель Сайкс. ИМЯ ЗВЕРЯ 127
Кэролайн Спектор. ТО, О ЧЕМ МАМА ЛГАЛА МНЕ 144
Джордж Р. Р. Мартин. ПРИНЦЕССА И КОРОЛЕВА,
или ЧЕРНЫЕ И ЗЕЛЕНЫЕ 188
Джим Батчер. КРАСОТКИ 255
Джо Р. Лансдэйл. ПОЕДИНОК С ХЕСУСОМ 311
Мэган Линдхольм. СОСЕДИ 345
Лоренс Блок. Я ЗНАЮ, КАК ИХ ВЫБИРАТЬ 392
Брендон Сандерсон. ТЕНИ ТИШИНЫ В ЛЕСАХ АДА 413
Шэрон Кей Пенман. КОРОЛЕВА В ИЗГНАНИИ 466
Лев Гроссман. ДЕВУШКА В ЗЕРКАЛЕ 499
Нэнси Кресс. ВТОРОЙ АРАБЕСК, ОЧЕНЬ МЕДЛЕННО 523
Диана Роулэнд. ГОРОД-ЛАЗАРЬ 550
Диана Гэблдон. ДЕВСТВЕННИКИ 580
Шеррилин Кеньон. В АДУ НЕТ ФУРИЙ 660
С. М. Стерлинг. ВЫНЕСЕНИЕ ПРИГОВОРА 680
Пэт Кэдиган. ЗАБОТЛИВЫЕ 718

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

СМЕРТЕЛЬНО ОПАСНЫ

Сборник

Ответственный редактор *В. Демичев*
Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *О. Серкина*
Компьютерная верстка *Л. Михеевой*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі
«РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 03.06.2015. Формат 60x90 $^{1}/_{16}$.
Гарнитура «Baltica». Печать офсетная. Усл. печ. л. 48,0.
Тираж 5000 экз. Заказ № О-1696.

Отпечатано в типографии филиала
АО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ISBN 978-5-17-086715-8

КАРЛОС РУИС САФОН

самый популярный испаноязычный автор последних лет

ЦИКЛ «КЛАДБИЩЕ ЗАБЫТЫХ КНИГ»

Входящие в этот цикл романы связаны между собой сквозными героями и сюжетными линиями, имеющими повествовательные и тематические точки пересечения, но каждый из них является самостоятельным и сюжетно завершенным произведением. Эти книги можно читать в любом порядке или выборочно; читатель имеет возможность войти в лабиринт повествования через любую дверь и путешествовать по разным его галереям; тесно связанные между собой, все они приведут его к средоточию интриги.

ИГРА АНГЕЛА

В «Игре ангела» спрятано несколько игр, в том числе и игра с читателем, ведь читая ее, он не заметит, как сам станет автором и персонажем. Берегитесь — вы ступили на зыбкую почву... и не жалуйтесь, будто вас не предупредили. До встречи — по ту сторону бытия...

Карлос Руис Сафон

ТЕНЬ ВЕТРА

Живая, стремительная, восхитительная проза — настоящее культурное пиршество!

«Publishers Weekly»

УЗНИК НЕБА

В этой истории есть все: доброта и жестокость, жертвенность и холодный цинизм, любовь и ненависть, фантазия и реальность, но главное — в ней есть душа.

«New York Journal of Books»

Решительные, когда того требуют обстоятельства.

Мстительные, когда месть — единственное утешение.

Бескомпромиссные, когда малейшая уступка означает потерю лица.

Отважные, когда бездействие равносильно смерти.

21 история о женщинах в исключительных обстоятельствах.

21 страшная, загадочная, захватывающая фантазия от признанных мастеров.

Джо Аберкромби, восходящая звезда фэнтези, прославившийся созданием вселенной Земного Круга, — и хрупкая девушка против трех головорезов.

Джим Батчер, популярный автор «Файлов Дрездена», — и соратница мага Гарри Дрездена, Леди-Оборванка.

Робин Хобб, создательница «Саги о Видящих», «Саги о живых кораблях», «Саги о Шуте и Убийце», — и пожилая дама, способная постоять за свои права.

Брендон Сандерсон, продолжатель саги Роберта Джордана «Колесо Времени» и автор вселенной космера, состоящей из десяти суровых миров, наполненных буйством стихий и потоками крови, — и призраки Адского Леса.

И, конечно, Джордж Мартин, всемирно известный создатель саги «Песнь льда и огня» — и королевы Вестероса, ввергнувшие страну в кровавый хаос.

www.ast.ru
ISBN: 978-5-17-086715-8
9 785170 867158